Великая Отечественная: Неизвестная война

Штурм Брестской крепости

Ростислав Алиев

Annotation

22 июня 1941 года Красная Армия одержала свою первую победу в Великой Отечественной войне — штурм Брестской крепости, на захват которой немецкое командование отводило считаные часы, закончился полным провалом и большими потерями 45-й дивизии Вермахта. Несмотря на внезапность нападения и утрату управления войсками в самом начале боя, красноармейцы продемонстрировали чудеса стихийной самоорганизации, оказав противнику отчаянное сопротивление. Чтобы сломить его, немцам потребовалось больше недели, но отдельные группы защитников держались до конца июля, а последние бойцы продолжали сражаться до осени 1941 года. Так рождалась легенда о «бессмертном гарнизоне»…

Советских документов о героической обороне Брестской крепости по понятным причинам не сохранилось, однако в последние годы отечественным исследователям стали доступны немецкие военные архивы, в которых история штурма отражена в мельчайших подробностях и на основе которых написана данная книга. Это взгляд на сражение за Брестскую крепость с немецкой стороны: с командного пункта 45-й дивизии, из боевых порядков наступающей пехоты, через прицелы пулеметов MG-34 и тяжелых осадных орудий. Это подлинная история штурма, который стал первым шоком для немецких солдат и бессмертным подвигом красноармейцев и пограничников.

Ростислав Владимирович Алиев

Штурм Брестской крепости

Предисловие

«Зачем еще одна книга о войне?» — так начал свою «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» бывший военный священник 45-й пехотной дивизии д-р Рудольф Гшопф. Вопрос прозвучал в уже покинутой бурями столетия Австрии пятидесятых — там, где те, кто выжил и еще полные сил, когда-то искусные пулеметчики и стрелки верхнеавстрийской дивизии учились жить не под ритм дивизионной артиллерии, а под отбивку прессов, визг токарных станков, такты тракторных двигателей на полях. А то, наиболее энергичные — пока неуклюже, только учась, мотались под ритмы рок-н-ролла на танцплощадках Гмундена, Линца, Вельса и Рида… Гшопфу, в силу возраста уже непричастному к эре Элвиса Пресли, оставалось только предполагать, захотят ли те, кто вечерами толпится на дансингах или, спеша на работу, наполняет вновь оживленные, после ужасов бомбардировок, улицы городов — возвращаться, пусть мысленно, в недавнее прошлое?

Обязаны, был уверен Гшопф — ведь слишком многие их товарищи остались там, в могилах на Западе и Востоке. «То, что было, — всего лишь история, а мы — солдаты, не ждавшие признания тогда, но требующие памяти сейчас» — предисловие к его книге было долгим…Трудноеобъяснение и себе самому и другим — и тем, кто собирался, уже погрузнев, в кабачках и кафе на ежегодные встречи — трудноузнаваемым,в штатском, оберст-лейтенантам и гауптманам, и тем, кто вступал в жизнь сейчас, под ритмы рок-н-ролла, и тем — на Западе, где прошли и Гшопф, и слишком многие из его верхнеавстрийских читателей…

Вряд ли Гшопф предполагал, что, вышедшую в 1954 году, его книгу будут внимательно читать и *там,* далеко, на отделенном железным занавесом Востоке. И, наверное, поразился бы, узнав, что 45-я дивизия станет в СССР одним из наиболее известных формирований вермахта — как 6-я армия под Сталинградом, а ее командир (в июне 1941-го) скромный генерал-майор Фриц Шлипер — в далеком Брест-Литовске будет упоминаться не реже генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса.

Но так получилось, что во второй половине пятидесятых — начале шестидесятых, когда над планетой уже гремели новые ритмы, задаваемые парнями из Ливерпуля, 45-я дивизия накрепко слилась с одной из частей советского эпоса о войне — обороны Брестской крепости.

Страна-победитель в ту эпоху усиленно отдавала долги своим гражданам — им пришлось слишком многое вынести за несколько десятилетий, особенно в сороковые… О многих вспомнили: и тем, кто выжил, возвращались ордена, партбилеты, и молчаливые люди с запавшими глазами, осторожными движениями и фанерными чемоданчиками наполняли поезда с Севера и Дальнего Востока.

Тем, кто сгинул, ставились монументы, и старые имена осторожно вписывались во вновь создаваемую историю… Но в новую историю вписывались и новые имена — извлекаемые из полуистлевших листочков, найденных среди костей в развалинах казарм Бреста, из писем, приходящих в Москву из Якутска и Магадана, гремевшие в радиопередачах Всесоюзного радио.

Имена оттуда — из сорок первого, который как-то нужно было объяснить и как-то о нем рассказать. История же этого черного для всего Советского государства года началась здесь — на Буге, где чудовищные водовороты указывают на места воронок от снарядов тяжелой артиллерии, в Бресте — где вросшие в

дерево кости немецкого солдата, когда-то погибшего, спрятавшись в дупло, твердо подтверждают реальность ужаса, потрясавшего эту землю.

…В шестидесятые *сорок первый* **— одна из горячих тем советской литературы и кино. Это встречает ошеломляющий отклик — для слишком многих этот год изменил все последующие. И неудивительно, что Брест становится одним из символов СССР — одновременно, хотя, впрочем, лишь для любителей истории, в курсовых и рефератах эту деталь можно было не указывать — все более известной делается и 45-я дивизия. Но там, в Верхней Австрии, те, с военной выправкой школьные учителя и адвокаты, которым уже за сорок, наверное, удивились бы, услышав о себе — «лучшая дивизия Германии», «любимое соединение фюрера, первым вошедшее в горящую Варшаву и побежденный Париж», «земляки Гитлера, сохранение верности фюреру сделавшие своей религией».**

Впрочем, война уходила все дальше — Европа опять становилась тихой старушкой, Австрия — зоной туризма, а уже далеко не сорокалетние, сдержанно улыбнувшись, узнав, что были «любимцами фюрера», поехали по местам своей юности — Олешице, Корбени, Брест-Литовск…

В Бресте многое изменилось — и не верилось, что здесь, на границе советской Белоруссии, когда-то встала в песке примитивных дорог целая танковая дивизия, не говоря уж про автотранспорт «сорок пятой» пехотной… Асфальт оживленного города, многоэтажки восьмидесятых, молодежь в «пирамидах»… Но прошлое — вот оно, рядом: купола той церкви, где 3 июля 1941 года, сами молодые, прощались с теми, кто остался молодым навечно, забыть трудно… И панельные многоэтажки куда-то скрылись, когда автобус пошел старыми улицами… И показалось, что десятилетия отступили — и тот, и вон тот дом, помните, «господин обер-лейтенант?» — иронично они иногда называли друг друга именно так. Сейчас в Бресте, привыкшем к туристическим автобусам, они, группа подшучивающих друг над другом стариков в ярких западных одеждах, не вызывают любопытства — таких здесь много, перестройка на дворе…

Экскурсовод знает, что будет дальше: те, кто шутит сейчас, когда автобус будет высаживать их перед главным валом (а весной, когда травы нет, ячейки на его вершине видны и отсюда), поумолкнут — многое изменилось, но эти кирпичи — нет. И высокий и худой, с военной выправкой старик — один из них, внезапно подобравшихся, посерьезневших, вдруг ставшим цепким взглядом, как *тогда* **окинет** *местность* **и скажет скорее утвердительно, махнув рукой в сторону невидимого отсюда купола: «Там — церковь…»**

Далее — да, вот она — церковь Святого Николая, вон — «Дом офицеров», по-прежнему грозно вырастают на Северном валу Восточного форта. Здесь многое изменилось, да, в общем-то, почти все: с одной стороны — 5000 кубометров бетона, 620 тонн листовой стали монументов, с другой — после войны уж очень были нужны кирпичи… Но следы осколков снарядов противотанковых орудий Вацека и Шейдербауэра — здесь, и отметины пулеметного огня Герштмайера — тоже, лишь коснись рукой перил Трехарочного (хотя для них он — «Северный») моста…

Кафе «Цитадель» — тогда это место знали как Werk 145, и с северной стороны вала еще видны стрелковые ячейки солдат фон Паннвица. А если подняться на главный вал… Но впрочем, им, многим под 80, уже хватило впечатлений…

Там, в залах музея, трудно и сейчас смотреть в такие живые глаза мертвых — наводчика 98-го ОПАД Василия Волокитина или детей Ивана Почерникова.

…Прошлое не отпустит их и ночью — кладбище 45-й дивизии окажется прямо у гостиницы «Интурист». Об этом, конечно, не говорят туристам — но *эти* **все знают и сами. Когда-то они хорошо изучили город. И несколько странно будет им, солдатам, вновь заснуть рядом со** *своими***, спящими в сотне метров отсюда.**

Перед сном все смешается — спокойные какой-то предрешенностью лица погибших при артобстреле

детей на старых фотографиях, и своих, из взвода, также лежащих сейчас под асфальтом у «Интуриста» — зачастую только в памяти и отпечатанных.

Завтра автобус покинет Брест. Туман, наползший было из прошлого — а впрочем, город и не заметил его, лишь те, под асфальтом, — развеялся…

…А вскоре исчезла и страна — Вечный огонь продолжал гореть, но ее, той, с которой воевала здесь 45-я дивизия, — не стало. Многое изменилось — за три года количество посетителей мемориального комплекса в Бресте сократилось более чем в тридцать раз: с Дальнего Востока приехать в Брест стало таким же сложным, как когда-то из Линца.

Церковь, переданная верующим, заделывала пробоины — но стали рушиться монументы. Бетон века двадцатого оказался слабее кирпичей времен Крымской войны.

Но, крепость устояла и в этот раз. Когда то «советские социалистические», а ныне независимые государства все же смогли объединить усилия и поддержать Брестскую крепость, свою общую историю. Пусть и не все…

Время неслось — обновляли крепость, изменялись и экспозиции музея. Казалось бы, привычная, не сулящая сенсаций работа, на стендах то и дело — новые находки, извлекаемые из земли, из фондов российских и белорусских архивов и от стариков — старые фотографии. Но *эти* фотографии, от *тех* стариков всколыхнули особо — когда парни из батальона Эггелинга, молодые, среди развалин только что покоренной ими крепости Брест-Литовска уверенно и торжествующе взглянули в зал со стен *музея героической обороны…* Многие не поняли.

Однако пропаганда при рассказе о тех годах постепенно уступает место истории. В деревьях белорусских лесов еще сидят осколки — но людей, кто носит их в своем теле, все меньше. А для новых поколений пулеметчики Эггелинга — как «драгуны с конскими хвостами»: да, воевали с Россией, но изымать из музеев французские кирасы — показалось бы по меньшей мере нелепым. Да, впрочем, кто с кем только не воевал…

Сорок первый стал историей. А для нее фото оказались бесценными — там не только те здания, о которых было столько известно, но (увы!) самих-то их и не сохранилось, но и люди — и бывало дочери узнавали своих матерей.

Так документы 45-й дивизии второй раз помогли изучению истории своей же неудачи.

А первый? Так с этого же все и начиналось — захватив в 1942 году отчет командира дивизии генерал-майора Фрица Шлипера, советское командование с удивлением узнало о том, что рассматриваемое ими как последствие должностного преступления (невывод войск из Брестской крепости накануне войны) обернулось подвигом, на масштабности которого настаивал и сам противник.

Так и началась история Брестской крепости — та, что мы сейчас знаем.

Действительно, документов, созданных защитниками крепости, не сохранилось, про фотографии и говорить нечего — поэтому случайно обнаруженный немецкий документ стал основой для исследователей.

С тех пор написано немало — книг, пьес. Сняты кинофильмы, созданы картины. И даты и фамилии — выбиты в камне, впечатаны в названия улиц. И поэтому вновь, как перед д-ром Гшопфом в пятидесятые, сейчас, в двухтысячные — стоит вопрос «Зачем еще одна книга о войне?».

Итак — зачем? Во-первых, сам процесс исторического познания — бесконечен. Иначе бы исследования, скажем, Древнего Рима завершились еще тысячу лет назад. Всегда — находки новых источников, развитие тех или иных методик или взглядов позволяют взглянуть на проблему с иной

стороны. С шестидесятых годов, когда, казалось, были расставлены все акценты, прошло слишком много времени — и появились возможности анализировать новые источники, которых не было в распоряжении первых исследователей Брестской обороны, да и рассказать о том, о чем раньше приходилось помалкивать. Ну и, наконец, тема Второй мировой войны все же более волнующа, чем тема войны 1812 года. Действительно — о сороковых все можно сказать в четырех словах «они напали, мы победили», но — *как*?

Это-то как раз и можно обсуждать… Сейчас, история Брестской обороны — все еще больше легенда, основанная на рассказах ее непосредственных участников, записанных и значительно переработанных спустя 10–15–20 лет, отсчитанных от Июня. И опубликовано было иногда совсем не то, что было записано и даже — переработано. И поэтому задача данного исследования на основании новых, как правило, впервые вводимых в научный оборот источников — показать, *как это было* в Бресте летом сорок первого.

В этом может вновь помочь 45-я дивизия — сейчас германские архивы российским исследователям куда доступнее, чем российские германским, да, впрочем, и российским тоже…

И это первая причина для «взгляда с того берега» — стало возможным рассказать о событиях, опираясь на множество документальных источников, созданных в те же дни и часы, когда эти события и происходили.

Вторая — любой, кто захочет взглянуть «с этого берега», с удивлением, а потом и с некоторой тревогой обнаружит, что «точек-кочек зрения» о событиях у их непосредственных участников так много и они настолько противоречивы и меняющиеся со временем, что создать какую-то более-менее объективную картину очень тяжело. Интересно, что об этом мне сказали, совершенно независимо друг от друга, сразу несколько человек, неплохо знающих советский взгляд. Причем, что интересно, примерно одинаковыми словами: «Советское мифотворчество распутать невозможно, Ростислав… Немцы и только немцы!» Я убедился, что во многом они правы — хотя свидетельства советской стороны необходимы, о чем, однако, позже.

Третья — автор быстро убедился, что объективное исследование *обороны* вскроет слишком много белых пятен, сделав их черными. А учитывая, что Великая Отечественная все же более близка, чем, скажем, Гражданская, да и Брестская оборона — тема особая, счел себя не имеющим морального права рассказать кое о чем (обсуждаемом, однако, открыто «знающими тему»). Обход острых углов при рассказе об *обороне* был бы еще одной лицемерной ложью. Рассказ же о *штурме* вполне позволяет обойти острые углы и всякие там догадки оставить при себе, если это не искажает отраженные в документах события и так или иначе не затрагивает оценку поступков действующих лиц.

И поэтому тема работы — действия 45-й пехотной дивизии при штурме Брест-Литовска. Необходимо определить ее рамки: во-первых, это рассказ не о штурме Бреста или крепости (часть Бреста находилась в полосе 31-й дивизии, а основные силы 45-й дивизии в решающий для нее день 22 июня были задействованы к югу от города), а лишь о действиях 45-й дивизии на их территории. Все события, включенные в исследование, пусть и на 90 % основанные на советских источниках, присутствуют в нем в первую очередь потому, что либо отражены в документах дивизии, либо оказали сильное влияние на ее действия. Либо служат неким эмоциональным фоном, оживляющим повествование. Отражение целостной картины *обороны* Бреста или крепости не входило в задачу исследования.

Хотя в то же время, учитывая особый интерес к обороне Брестской крепости, рассказано и о событиях, происходивших там после ухода 45-й пехотной дивизии, ибо *штурм* завершился, но *оборона* продолжалась. Новые данные существенно дополняют существующую до сих пор картину событий.

Введенные в работу документы, показывающие общую ситуацию на Брестском направлении или

судьбу соединений, чьи бойцы оборонялись в крепости, позволяют лучше представить обстановку на фронте или мотивацию действий командования 45-й дивизии. Например, введение в ткань событий выписок (выделенных курсивом) из КТВ[1] XII А.К., вроде бы и не имеющих прямого отношения к Бресту, позволяет оценить масштабы произошедшего с 45-й дивизией, а цитирование различных документов, рассказывающих о действиях 4-й армии РККА, — ситуацию, в которую попали защитники крепости, значение их сопротивления на фоне происходящего с их соединениями уже далеко от Бреста.

При включении в повествование тех или иных фактов, рассказывающих о действиях советской стороны, предпочтение отдавалось ранее не опубликованным. Именно поэтому многие факты, возможно, имеющие существенное значение для *обороны,* в исследовании не отражены.

Перевод всех цитируемых документов сделан максимально близким к исходной фразе — с целью избежать искажения смысла, о котором можно и не догадываться. Специальные термины переводились в соответствии с вариантами значений, приведенными в «Военном немецко-русском словаре» А. М. Таубе (М., 1945). Если точное значение неясно, но смысл слова понятен (Flossackhosen) — оно остается без перевода, сопровождаясь пояснением.

Перевод воинских званий я оставил на свое усмотрение. «Обер-лейтенант» — это все же не «старший лейтенант», а «фельдфебель» — не «старший сержант». Несколько наиболее устоявшихся вариантов оставил — именно поэтому в тексте присутствуют и Гейнц и Хайнц (оба — Heinz).

Говоря о переводе, следует отметить, что были сверены с оригиналом и наиболее важные места из источников, изданных на русском языке (например, мемуаров Гудериана). Ссылки, однако, сделаны и на российское издание.

Нужно остановиться и на используемых в исследовании названиях населенных пунктов, тех или иных зданий, объектов на территории крепости. Это не такой простой вопрос — в связи с тем, что Брест за двадцать лет побывал в составе трех государств (Польши, СССР, Российской империи). Кроме того — в документах 45-й дивизии применялись особые названия, ничего общего не имеющие с принятыми к востоку от Буга. Причем многие из них возникли спонтанно, уже в период боев. Все это (да еще и при отсутствии необходимых карт) приводило к путанице. Например, в донесениях использовался термин «Zitadellenbrücke» — не сразу понятно, что речь идет о Тереспольском мосте. Но главное — это вопрос по термину Zitadelle. Дело в том, что Брестская крепость состоит собственно из Центрального укрепления (территории, обнесенной главным валом (Hauptumwallung)) и кольца фортов[2]. В исследовании под Брестской крепостью понимается именно Центральное укрепление, называемое Zitadelle. Однако посреди него находится Центральный остров, чьи укрепления также объединены термином «Цитадель». В итоге есть подозрение, что командованием дивизии и ее частей под Zitadelle подразумевалось то Центральное укрепление, то Центральный остров, а то и только стоящая на нем кольцевая казарма[3]. Таким образом, использовать немецкие названия нельзя.

В итоге в тексте используются сами собой возникшие (как правило, в воспоминаниях советских ветеранов) названия, показавшиеся наиболее простыми. В общем-то, они легко узнаваемы — понятно, что под «Северным» подразумевается Северный остров (Кобринское укрепление) и т. п. Брестские ворота названы Трехарочными, как и ведущий к ним мост через Мухавец. Из немецких же обозначений, например — «Дом офицеров» (сектор кольцевой казармы, где размещался 33-й инженерный полк и 75-й орб)[4].

Ну и, наконец, насчет Zitadelle. Если в тексте встречается Цитадель (с заглавной буквы) — речь идет об укреплениях Центрального острова, если — цитадель (со строчной буквы), подразумевается территория всего Центрального укрепления.

Почему в тексте вместо Бреста фигурирует Брест-Литовск? Для стилизации под документы вермахта,

да и вообще под немецкие тексты. Иногда (как правило, когда речь идет о действиях советской стороны) он называется Брестом, несколько раз — Брест над Бугом (при описании польской обороны в 1939 году). В принципе же и немцы называли город Брестом, и в советских документах 1941 года (как и в послевоенных письмах защитников) то и дело встречается «Брест-Литовск». В общем, «Брест-Литовск» лучше передает «дух Июня».

Написание других географических названий сверено (по возможности) с современными картами. Иногда ряд населенных пунктов (легко узнаваемых) в немецких документах дан в польской интерпретации — например, Вулька Подмейска в 1941 году вряд ли называлась немцами Вулькой Подгородной и т. п.

Защитники Бреста называются, тоже в целях стилизации, как правило, «русскими». Разумеется, в боях принимали участие воины разных национальностей. Но «советские бойцы» — слишком казенно, да и нелепо, особенно при «взгляде с той стороны». Для солдат 45-й дивизии они были скорее «краснота», «большевики», «Советы» и т. п.[5]

Время в тексте (если не указано иное) приводится местное, совпадающее с документами дивизии.

Итог исследования — десятки введенных в научный оборот документов, заново изложенные большинство эпизодов сражения в полосе наступления 45-й дивизии, определены как новые очаги обороны, так и откорректирована продолжительность сопротивления как ранее известных, так и всей крепости в целом.

…Голоса гидов Бреста — как и в Москве, хорошо поставленные, но не такие равнодушные, как в Москве. Почти 70 лет минуло, а война, неотделимая часть городской легенды — вот она, рядом, надо лишь пересечь передовой ров, что было так трудно сделать в тридцать девятом…

Моим же первым гидом по крепости стал человек неопределенного возраста, но вполне определенной профессии (собиратель пустых бутылок) — Коля. Был ли в таком нестандартном знакомстве некий высший смысл — неизвестно, скорее прагматик Коля совмещал экскурсию с работой, проведя меня своими самыми «хлебными тропами».

Известно, что бутылки любят уединенные места. Поэтому я зашел в Брестскую крепость с «черного хода», уклонившись от предписанных экскурсиями маршрутов. В итоге белорусские пограничники задерживали меня трижды, первый раз — сразу же, едва я пересек Трехарочный и еще не успел куда-либо ступить, приняв, вероятно, за потенциального нарушителя… Они не ошиблись.

* * *

Практически каждая исследовательская работа включает в себя подобный раздел. Полностью самостоятельное исследование невозможно — с одной стороны, нельзя быть всеобъемлющим экспертом, другой — серьезно втянувшись, иметь при этом еще и достаточно средств на полностью независимую работу. Поэтому в конечном итоге любое исследование — совместный труд людей, увлеченных темой, надеющихся, что, бескорыстно помогая, подтолкнут ее изучение. Рыночные отношения еще не окончательно пронизали российское общество, не говоря уж о белорусском.

Возможно, если бы я знал, сколько это отнимет времени и денег, то не взялся бы. Когда началось некое отрезвление, то было уже поздно — слишком много было уже вложено, и теперь, несмотря ни на что, оставалось только закончить. Но как это сделать? Просчитывая темпы, я не мог не видеть, что, если работу радикальным образом не ускорить, она займет десятилетия. А неограниченного времени не было — все-таки с каждым годом тема «сорок первого года» уходит все дальше. Совмещать зарабатывание денег с исследовательской работой становилось невозможным. А полностью забыться было нельзя. И тут

на помощь пришла — Назарюк Светлана Ивановна, мама. Как мать Шукшина, продавшая корову, чтобы сын смог учиться, так и Светлана Ивановна предложила поддержать материально в критический период. Спасибо ей. Девочка шестидесятых, слушавшая по радио Сергея Смирнова, могла ли она предположить, что тема Бреста вновь возникнет в ее жизни?

В общем, я бросил работу — кстати, и при этих условиях перевод около 3000 листов архивных документов занял 13 месяцев. Так благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось добиться цели.

Надо сказать, что повезло и с переводчиками — их исключительно добросовестным подходом и участием в судьбе рукописи. Всякий знает, что многое, если не все, зависит не только от профессиональных, но и от человеческих качеств людей, привлекаемых вами к работе — хоть к переводу, хоть к ремонту квартиры. И деньги тут далеко не главное.

Перевод рукописных текстов выполнен Катериной Арцукевич. Некоторые почерки напоминали скорее восточные узоры, чем строчку, и перевод иных страничек (скорее распознавание того, что написано) занимал почти час. Тем не менее 95 % текста распознать удалось, принципиальные места — все.

Помощь в переводе наиболее сложных выражений немецкого языка оказывала Людмила Николаевна Лебедева.

Первые контакты с архивными учреждениями ФРГ и иностранными исследователями — при посредничестве Павла Павлова. Контакты с ветеранами 45 I.D — при помощи Сергея Ищенко.

Евгений Дриг одолжил немецко-русский военный словарь, Александр Симонов — предоставил ночлег в Бресте, Игорь Игнатович — стал идейным вдохновителем общества «любителей истории Брест-Литовска», родившегося на форуме www.fortification.ru.

Советами, материалами и замечаниями помогли — Хитряк Евгений, Иван Волков, Владимир Старостин, Беляев Сергей, Ворожейкин Александр, Филькин Борис, Скамин Владимир, Кунау Андреас, Паршиков П. С., интернет-сообщества: www.vif2ne.ru, www.rkka.ru, www.feldgrau.com, www.axishistory.com.

… Сколько себя помню, слова «Белоруссия», «Брест», «дот» всегда поднимали некую волну во мне, как бы внутренний детектор срабатывал, реагируя на кодовые слова. Почему, казалось бы? Я-то скорее сибиряк, разве что бабушка белоруска… Окончательно «химическая реакция» произошла, когда, прочитав книгу Кареля, а затем материалы о Бресте на сайте Владимира Старостина (www.volk59.narod.ru). я поразился, насколько отличается взгляд с Запада от взгляда с Востока. И повторяя слова Сергея Смирнова — почувствовал в Бресте некую тайну… Да — не повторяться нельзя, да и эпоха разоблачений закончилась, сейчас можно лишь детализировать. Иное дело, что иногда детализация старой настолько сильна, что создает новую картину… Ну так вот — реакция произошла, Брестская крепость стала идеей фикс, начал писать письмо о своем взгляде на историю обороны Евгению Хитряку, не заметив, как увлекся. Потом оказалось, что один из организаторов обороны — Александр Ефремович Потапов жил в нашем поселке…

Но почему именно Брест? Один из вариантов ответа себе самому — достаточно неожиданный. Начал интересоваться корнями, оказалось, прародина по материнской линии — Ратновский район Волынской области, граничащий с Брестской областью. До Бреста — часа два!

Мечемся, пересекая тысячи километров и сотни лет, а кто-то, невидимый, все равно приведет под то, *твое* **небо, что изначально бледнеет рассветами и пламенеет закатами в ожидании…**

Ростислав Алиев

п. Тучково Московской области — с. Кыштовка Новосибирской области

2004–2008 гг.

Часть I

«Королевский тигр»

Глава 1

«Господа! Наша цель — Брест-Литовск»

…Весенние ветры над Сент-Квентином несли перемены.

Хотя, наверное, для пятидесяти тысяч жителей этого миловидного французского городка в верхней Сомме наступивший апрель — лишь один из тех, многих, что были и будут. Пусть на дворе и сорок первый год, а в прошлом, сороковом — отгрохотали большие изменения, а все равно — впереди лето и его обычные бытовые заботы… Однако у 17 тысяч солдат 45-й пехотной дивизии генерал-майора Герхарда Кернера, что то и дело группами и поодиночке виднеются на улицах, предчувствие, что быт мирной жизни, так и не успев надоесть, похоже, завершен. Об этом говорит вся дивизия — конечно, солдатские суждения основаны лишь на том, что лето — традиционно горячая пора для вермахта, да и в частях с приходом весны заметно оживление — зачем-то идет проверка надувных лодок… «Пойдем через Ла-Манш?» Но тогда зачем упор на обучение ночным маршам?.. Солдаты теряются в догадках, но уверены в главном — летом они вряд ли останутся в Сент-Квентине. А жаль — к городу привыкли. За исключением нескольких пьяных побоищ (впрочем, ничего «идеологического» — просто перебрали спиртного и (как, впрочем, и мужчинам Сент-Квентина) захотелось немного размяться) отношения с «местными» — относительно неплохие. Хотя кто-то пару раз и перерезал телефонный провод…

У офицеров штаба дивизии, разместившегося в Дворце Правосудия, предчувствия надвигающихся событий более определенные — с 1 апреля гауптман Герхард Эткен[6] вновь начал вести журнал боевых действий дивизии (КТВ) — пока в нем четко, по дням, отмеряющие жизнь дивизии лишь записи об учениях… Но будут и другие: похоже, не случайно в конце марта в Берлине в ходе инструктажа Ic, проходившего около недели, где участвовали Ic[7] дивизии (барон Герман фон Рюлинг) и 03 (д-р Фриц Баубин), значительное внимание уделялось армии и военной характеристике Советского Союза.

Впрочем, все же многие проводимые мероприятия указывают и на подготовку какой-то высадки. «Вероятно, в Англии»… — предполагает большинство в дивизии. «Лондон брать будем…» — шутят на улицах Сент-Квентина.

Прошлый год, казалось бы, дал надежду на окончание войны — и солдаты «сорок пятой», уроженцы Верхней Австрии, собирали урожай на окружающих Сент-Квентин полях, восстановили мельницы и пару молочных ферм… Мир близок?

…Им так хотелось верить в это — австрийским солдатам немецкой 45-й пехотной дивизии. Еще недавно они не имели никакого отношения к Третьему рейху — 45 I.D. родилась лишь 1 апреля 1938 г., на базе 4-й верхнеавстрийской, когда вскоре после аншлюса та официально прекратила существование. А все ее части, вслед за самим соединением, получили новые наименования — 8-й верхнеавстрийский полк альпийских стрелков имени императрицы Марии Терезии (Oberösterreichischen Alpenjäger-Regiment 8 «Kaiserin Maria Theresia») превратился в 130-й пехотный полк (I.R.130), 14-й верхнеавстрийский пехотный полк — в 133-й пехотный полк (I.R.133), 17-й верхнеавстрийский пехотный полк — в 135-й пехотный полк

(I.R.135). Артиллерия: 4-й дивизион пехотных орудий (Infanterie-Kanonen-Abteilung 4) стал 45-й противотанковым дивизионом (Panzer-Abwehr-Abteilung 45)[8], 4-й легкий артиллерийский полк (leichtes Artillerie-Regiment 4) — 98-м артиллерийским полком (A.R.98). Батальоны связистов и саперов практически сменили только номера (соответственно — с 4-го на 65-й и с 4-го на 81-й).

Тогда, в 1938 г., штаб дивизии размещался в Линце. I.R. 130: штаб[9] и второй батальон полка — Круммау, первый — Каплит, третий — Фрайштадт. I.R.133: штаб, первый и второй батальоны — Линц, третий — Вельс. I.R.135: штаб и первый батальон в Риде, второй — Браунау, третий — Гмунден. A.R.98: штаб и первый дивизион — Штайр, второй — Энс (третий еще не сформирован), входящий в состав артиллерии дивизии первый дивизион 99-го артполка (I./A.R. 99)[10] — в Линце, там же — батальон связи и саперный батальон (NachrAbt.65 и PiBtl.81), PzAbwAbt.45 — Фрайштадте, AufklAbt.45 (разведывательный батальон дивизии) — в Штокерау, в расположении кавалерийского полка[11].

Но эти старые австро-венгерские казармы уже давно позабыты — с 1939 г. дивизия из Верхней Австрии сражается за Германию. Чехословакия… Затем — Польша: рекордные марши, солдаты «сорок пятой», удивлявшие своей выносливостью, и первые могилы — у Олешице дивизия предотвратила попытку поляков вырваться из окружения. Франция — форсирование Эны, отнявшее многих «камрадов» — вон они, неподалеку, в земле, под крестами, в леске, справа от дороги на Корбени.

Да, на Эне было нелегко — несмотря на артподготовку, воду обильно разбавили немецкой кровью. Затем — бои за прорыв линии укреплений вдоль Эны, да и деревушка Нефшатель запомнится…

Итак, к сорок первому году можно было смело утверждать — «сорок пятая» маршировать умеет. С ее частями можно затевать блицкриг. Может и форсировать под огнем водные преграды, и смело идти дальше, прорывая прибрежную оборону, все глубже и глубже вонзаясь в территорию противника. Учитывая, что зимой 1940/1941 гг. вермахт разглядывал в хорошую погоду побережье Англии, это могло бы здорово пригодиться…

Однако с июня 1940 г. утекло слишком много воды в Эне — в командном составе дивизии произошли слишком большие перемены. Из командиров полков из «стариков», бившихся на Эне, остался только Гельмут Гипп — командир I.R.130, назначенный на эту должность (в звании оберст-лейтенанта) 4 июня 1940 г.

Он родился 10 июля 1895 г. в Тюбингене. В вооруженных силах — с 25.7.1915 г., 5 сентября 1916 г., проходя службу в 127-м пехотном полку, получил офицерское звание (лейтенант). С 10 ноября 1938 г. по 30 сентября 1939 г. оберст-лейтенант Гипп (звание присвоено 1.3.1938), командир 46-го пулеметного батальона. Перед назначением на должность командира полка в «сорок пятую» Гипп с 10 мая 1940 г. был командиром резервного батальона дивизии[12] (?) в 251 — м пехотном полку.

На Эне Гипп командовал одним из двух ударных полков, проведя его через самую серьезную операцию дивизии во французской кампании.

1 февраля 1941 г. Гельмуту Гиппу было присвоено звание полковника.

Сменились командиры и в двух других полках: 25 октября I.R.133 принял полковник Фриц Кюлвайн, а I.R.135 (15 ноября) полковник Фридрих Вильгельм Йон.

Кюлвайн

Фриц Кюлвайн родился 29 ноября 1892 г. в Гатгене (у города Вейсенбург). Поступив на службу 17.7.1912 г., находясь в рядах 97-го пехотного полка, он (18 февраля 1914 г.) получает звание лейтенанта. 12 октября 1937 г. оберст-лейтенант Кюлвайн (звание присвоено 1.8.1936) стал командиром второго батальона I.R.55 (17-я пехотная дивизия).

1 апреля 1939 г. Кюлвайн становится полковником.

В начале Второй мировой войны 17 I.D. входит в состав XIII A.K. (8-я армия генерала Бласковица). Кюлвайн принимает участие в польской кампании. В октябре он назначен командиром 73-го запасного пехотного полка.

Но уже 15 января 1940 г. он возвращается в свой родной I.R.55, став его командиром. В июне 1940-го полк (в составе 17 I.D.) сражается во Франции. И причем (что немаловажно) — на Эне!

Таким образом, как и Гипп, Кюлвайн был опытным, испытанным в боях Второй мировой войны командиром полка[13].

Этого нельзя было сказать о прибывшем в дивизию в середине ноября 1940-го 46-летнем (род. 19.9.1895) уроженце Саарбрюккена Фридрихе Вильгельме Йоне. Поступив на службу в армию 18 марта 1914 г., Йон 30 января 1915 г. получает звание лейтенанта, находясь в 15-м саперном батальоне.

Его дальнейшая карьера неизвестна, однако 21 февраля 1937 года он (получивший 1.10.36 звание оберст-лейтенанта) назначается на должность начальника отдела в управлении усовершенствований и испытаний главного управления вооружений командования сухопутных войск (Abt.Chef in OKH/WaPruf)[14].

1 апреля 1939-го он одновременно с Кюлвайном получает звание полковника.

На этой должности Йон и находился вплоть до своего назначения командиром I.R.135. Возможно, он был талантливым штабным работником — но опыта командования частями в боевой обстановке не имел.

Йону только предстояло этому научиться — возможно, на своих ошибках…

3 ноября 1940-го в «сорок пятую» прибыл ее новый командир — уроженец Северной Германии генерал-майор Герхард Кернер, ранее Ib[15] при командовании 9-й армией.

Наконец, почти треть личного состава дивизии была выделена на формирование нового соединения. Впрочем, постоянной и энергичной подготовкой надеялись дорастить новичков до уровня ветеранов Эны и Олешице — хотя даже самые интенсивные тренировки на полигоне в Сисонне вряд ли заменят свист пуль в выковывании настоящих солдат.

Менялся и состав штаба — лишь 1 апреля 1941-го в штабе дивизии появился новый Ia[16] — майор[17] i.G[18]. Армин Деттмер.

Помимо Гиппа из «стариков» в дивизии: командиры саперного (PiBtl81) — оберст-лейтенант Масух и разведывательного (A.A.45) — фон Паннвиц батальонов, прошедшие с «сорок пятой» и польский, и французский походы. Дивизионом истребителей танков (PzJgAbt 45) также командовал один из старейших офицеров дивизии — оберст-лейтенант Цан.

Достаточно опытный командир и у A.R.98 — полковник Велькер успешно смог провести его через французскую кампанию. Замаскировать орудия в ожидании решающего момента, терпеливо ждать, а потом огневым шквалом сокрушить укрепления противника — это было ему знакомо.

Однако пока путь 45-й дивизии, несмотря на могилы Корбени и Олешице — был скорее опасным, но все же путешествием. Солдат «сорок пятой» закидывали цветами судетские немцы, давали бутерброды и соки польские фольксдойче. Сбитые ноги маршей, могилы Первой мировой, лани польских лесов и ущелья французских гор, архитектура Реймса и рокот Атлантики… Они прошли через разрушения Франции, горе беженцев Польши и отправили первые извещения о смерти в Австрию. Но пока — железных крестов в дивизии гораздо больше, чем могильных, пока — можно вспомнить, как в Польше их ждало пиво, а во Франции — шампанское. Победы «укрепляют позвоночник» — но путешествие уже закончилось.

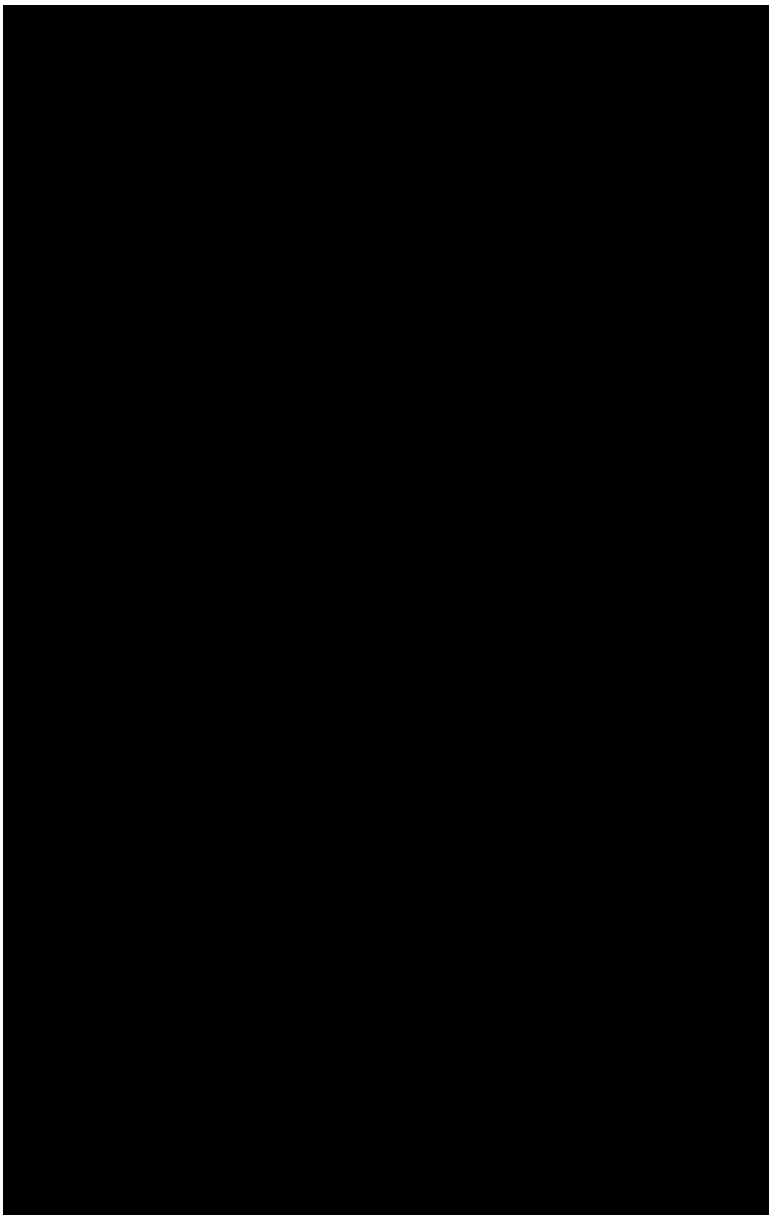
Масух

19 апреля майор Деттмер и полковник Велькер вызваны в Гнесен, на совещание в XII A.K., Деттмер выезжает в этот же день, Велькер — на следующий.

Польша?

Гадания закончились — в Гнесене объявлено о предстоящей отправке дивизии на Восток[19]. Период

песчаных дюн и полигонов Франции заканчивался. Господа офицеры пакуют вещи: марш — дело привычное для солдат, но похоже, что пива и шампанского в уютных погребках больше не будет — где-то там, на Востоке, их ожидает кое-что покрепче — спирт на складах советского Брест-Литовска: «сорок пятую» включат в состав XII А.К. между 34 и 31-й дивизиями. Ее цель — Брест-Литовск и его цитадель. К штурму привлекаются реактивные установки[20].



…Итак, Брест-Литовск. Город, в 1918 г. уже ставший символом побед немецкого оружия. В то же время это не просто приграничный город, а комплекс фортификационных сооружений, обороняемых противником, чья непредсказуемость и ожесточенность, кстати, во многом и стали причиной Брестского мира 1918 г. Благодаря тому, что Брест лежал достаточно далеко от германских границ, в предвоенное время он мало интересовал вермахт. Сейчас, учитывая стратегию «Барбароссы», о которой, впрочем, командирам частей 45-й дивизии немного было известно, город и его цитадель становились ключевыми пунктами на будущем Восточном фронте.

Расположение фортов в Брестской крепости

К сожалению, пока неясно — кто, как и когда там, в штабах армии и группы армий или еще выше — командовании Сухопутных войск планировал взятие Брест-Литовска и его цитадели. Ясно одно — город, уже с момента принятия принципиальных решений по «Барбароссе», оказался на направлении главного удара. Это диктовало, с одной стороны — повышенное внимание к его взятию, с другой — наиболее заблаговременное начало проработки всех аспектов штурма.

…Состав действующих лиц брестских боев начал подбираться еще во второй половине 1940 г. К этому времени на оккупированной Германией территории Польши находилось лишь несколько дивизий, расположенных в крупных городах, и подразделения охраны границ. Однако вскоре после завершения французской кампании в Познань был переведен штаб группы армий «Б» (генерал-фельдмаршала Федора фон Бока). В конце декабря в Варшаве расположился штаб 4-й армии (А.О.К.4) генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге.

До января 1941 г. ни фон Клюге, ни его штаб не получали никаких указаний о подготовке войны с Советским Союзом. Затем из штаба группы армий «Б» был получен приказ, как свидетельствует начальник

штаба 4-й армии Гюнтер Блюментритт, «с весьма осторожными формулировками, намекавшими на возможность восточной кампании, и с большим числом туманных фраз и общих положений»[21].

Неясно, что имел в виду Блюмментритт под «осторожными формулировками» в январе 1941 г., если еще в декабре 1940 г. в директиве командования[22] группы армий «Б» по стратегическому развертыванию (план «Барбаросса») было четко сказано, что задача группы армий — наступая к северу от Припятских болот, используя крупные подвижные соединения, ударами из районов Варшава и Сувалки прорвать фронт русских и развивать наступление в общем направлении на Смоленск.

Задача 4-й армии (7, 9, 12[23], 13 и 43-й армейские корпуса), сосредоточив главные силы по обе стороны Бреста и действуя совместно с 2-й танковой группой, временно подчиненной ей, овладеть переправой через р. Западный Буг[24].

Затем в директиве ОКХ от 31 января 1941 г. задача армии была уточнена — нанести главный удар по обе стороны Брест-Литовска, форсировать Буг и открыть дорогу на Минск PzGr2[25].

С этого момента подготовку, вернее пока — выяснение возможностей операции на отдельных направлениях, уже нужно было начинать. 10 февраля 1941 г. Гюнтер Блюментритт попросил начальника штаба XXXXIV А.К. полковника Сикста для разработки тактического задания дать короткое, подобное наброску, предложение по теме: «Штурм Брест-Литовска»[26].

Штабу Сикста предстояло решить задачу скорейшего взятия крепости для открытия важного шоссе на Кобрин.

Привлекаемые к операции силы — штаб корпуса с 3 пехотными дивизиями. Зона охвата — Центральное укрепление.

К 25 февраля Сикст должен был подготовить карту XXXXIV А.К., содержащую:

a) Предложенные границы корпуса (южная граница уже усыновлена!);

b) Исходное положение 3 пехотных дивизий при нападении;

c) Наброски плана действий (подвода на исходные, направления ударов и проч.).

Кроме того, необходимо было рассчитать минимально необходимую дополнительную артиллерию и саперные части, а также применение авиации. «Какие-либо инициативы и повторная рекогносцировка местности — только приветствуются».

…Итак, принципиальные моменты армейским командованием (задачи, силы и средства) уже продуманы. Дело — в их детализации и подборе исполнителей. Последним предстояло форсировать Буг, прорвать линию дотов и, быстрым маршем следуя за противником, пресечь возможность его отхода, постаравшись окружить и уничтожить его войска вблизи границы. Следовательно, войска, привлекаемые к операции, должны были обладать опытом быстрого и успешного форсирования реки, прорыва линии долговременных укреплений и стремительного марша. Более того, именно им предстояло наступать в полосе главного удара, решающего как минимум судьбу приграничного сражения, но фактически — судьбу восточной кампании. Кто мог это сделать? И, вероятно, именно в марте был найден ответ — это дивизии генерал-майора Герхарда Кернера (45 I.D.) и генерал-лейтенанта Ганса Белендорфа (34 I.D.) как участники форсирования Эны (июнь 1940 г., Франция). 31 I.D. генерала артиллерии Рудольфа Кемпфа была хорошо знакома фон Клюге как отлично показавшая себя на Луаре, действуя в составе его 4-й армии. На тот момент дивизия Кемпфа[27] находилась в составе XII армейского корпуса… Именно выбор между последним и XXXXIV А.К. генерала от инфантерии Фрица Коха долго не могло сделать командование 4-й армии. Первоначально план наступления в полосе Бреста готовил именно штаб Коха, на некоторое время ему даже передали 31 I.D.[28] Однако в итоге выбор «брестского корпуса» остановился на XII А.К. генерала от

инфантерии Вальтера Шрота, одного из опытнейших командиров корпусов. «Двенадцатым» Шрот командовал еще с 1 сентября 1939-го, провел его сквозь польскую кампанию, затем (9.04.1940), ненадолго передав его Готхарду Хейнрици, Шрот вернулся в корпус 17 июня 1940 г., завершив с XII А.К. и кампанию во Франции.

Почему именно «сорок пятая» была поставлена в центр?

Во-первых (как уже было сказано), как обладающая опытом последовательного форсирования нескольких водных преград, с прорывом расположенной между ними полосы долговременных укреплений. Во-вторых, можно предположить и пропагандистский момент — именно «земляки фюрера» наступали в центре главного удара[29]. Более того, забегая вперед, они чуть ли не первые на всем Восточном фронте должны были нанести удар еще до начала артподготовки (т. е. практически до начала войны) и захватить ключевой для группы армий «Центр» объект — железнодорожный мост у Тересполя. Пропагандистское значение действий «сорок пятой» подчеркивает и тот факт, что к ней на период штурма были прикомандированы корреспонденты всех основных журналов вермахта — «Die Wehrmacht» и «Signal», а также операторы хроникального киножурнала рейха «Deutsche Wochenschau».

Хотя для объективности, опять же забегая вперед, с точки зрения военной, а не пропагандистской, главные задачи группы армий решала 2-я танковая группа (PzGr2) Гейнца Гудериана… Ее задача при начале наступления: форсировать Буг по обе стороны Бреста, прорвать оборону русских и без промедления продвигаться на Рославль — Ельню — Смоленск. Цель стремительного удара, закладывающего основу для победы уже в 1941-м — не дать противнику перегруппироваться и выстроить новый защитный рубеж.

По мнению командующего PzGr2, в интересах стремительности было необходимо, чтобы там, где намечается прорыв, танковые войска пропускались вперед. В секторах, решающих другие задачи — например, штурм крепости, — в наступление шла бы пехота. «Такая ситуация сложилась в секторе наступления PzGr2, — отмечает Гудериан. — Конечно, сами укрепления Брестской крепости устарели, но Буг, Мухавец и залитые водой рвы делали цитадель неприступной для танков. Захватить такую крепость силами танкового соединения можно было, только используя элемент неожиданности, как мы это попытались сделать в 1939-м. В 1941-м условий для такой попытки не было»[30].

Не совсем понятное утверждение. Какие условия имеет в виду Гудериан? Элемент неожиданности? Но внезапное нападение планировалось сделать стержнем операции против СССР. Рассчитывать на него можно было с большой долей уверенности. Свободных танков? Но их было не менее, и причем более мощных, чем в 1939-м. Нет, дело в другом. Гудериан понимал, что в крепости, чье быстрое взятие, в общем-то, непринципиально (главное — мосты Буга и Мухавца и магистрали № 1 и № 2), вполне можно застрять, затратить силы и время — те факторы, что окажутся решающими в России. Логично «скинуть» крепость пехоте — да, штурм может затянуться, но увязание пехотной дивизии для блицкрига не так опасно, как увязание танковой.

…Знакомство Гудериана с Брестской крепостью началось 13 сентября 1939 г., когда разведка его XIX армейского корпуса[31], входящего в 4-ю армию Гюнтера фон Клюге, подошла к Бресту-над-Бугом[32].

К началу Второй мировой войны Брест-над-Бугом был одним из гарнизонных польских городов. Там размещался штаб IX округа, стояло несколько частей. Но в нем было и то, что, хотя сейчас и рассматривалось скорее как исторический памятник и складской комплекс, все же отличало его от остальных гарнизонных городов — старая русская крепость Брест-Литовска, называвшаяся при поляках «укрепленным лагерем Брест».

Брестская крепость. Аэрофотосъемкамая 1941 года

Расположенная в слиянии рек Буга и Мухавца Брест-Литовская крепость была основана в 1833 году. Ее строительство развернулось на территории средневекового Бреста, снесенного для этих целей. Используя рукава Мухавца и прорыв рвы, соединенные с рекой, строители спланировали крепость так, что она состояла из четырех укреплений (Центрального, Северного, Южного и Западного островов), образуемыхрвами и реками.

План Центрального острова

Итак, в центре, на Центральном острове[33], находилась Цитадель, построенная по всему его

периметру двухэтажная кирпичная казарма (далее — кольцевая казарма) высотой примерно 11 м, протяженностью 1,8 км. Толщина наружных стен с бойницами достигала 2 метров, внутренних с окнами — до 1,5 м[34]. Кольцевая казарма состояла из 500 казематов — с амбразурами для орудий и стрелкового оружия.

Под всей кольцевой казармой (как и под всеми зданиями Цитадели) находились подвалы, использовавшиеся как склады. Важно отметить, что сквозного прохода через кольцевую казарму или ее подвалы не было. То есть противник, захватив какой-либо сектор казарм и, соответственно, подвал, не смог бы, двигаясь по нему, захватить всю кольцевую казарму. Ему пришлось бы выбежать во двор или на крышу и под обстрелом со всех сторон вновь штурмовать следующий сектор или подрывать внутренние стены, что, учитывая их толщину, было достаточно фантастично. Однако это же становилось проблемой и для защитников — отступать им было некуда, оставалось или погибнуть, или сдаться.

Наконец, что больше похоже на легенду, под подвалами шла сеть подземных ходов, соединяющих между собой здания крепости и уходящих за ее территорию.

Подходы к стенам прикрывали рукава Мухавца, а также четыре полубашни, ведущие фланговый обстрел. На территорию Цитадели можно было попасть через четверо ворот — Трехарочные и Бригидские (на Северный остров), Холмские (на Южный остров), Тереспольские (на Западный остров). К каждым из них через рукав Мухавца к соответствующему острову вел одноименный мост, кроме того, вдоль Тереспольского моста шла дамба[35].

В Цитадели находились и другие здания, некоторые из них (как и в других частях крепости) имели в своей основе сооружения средневекового Бреста. В западной ее части, торцевой стороной к Тереспольским воротам, находилось одно из самых мощных ее строений — двухэтажное здание арсенала, длиной 136, шириной 22 м.

Среди зданий Цитадели к 1939 г. — церковь Св. Николая, переоборудованная в костел Св. Казимира, рядом с ней — домик ксендза, старое здание инженерного управления — стало штабом IX округа, в здании офицерского собрания («Белом Дворце») — офицерское казино, гостиница, бальный зал. На территории находились также уборные круглой формы, предназначавшиеся для многочисленного гарнизона русской крепости, всевозможные сараи и проч.

На Цитадели могло разместиться до 12–15 тыс.[36] солдат с боеприпасами и продовольствием.

С востока к Центральному примыкал Северный остров, где размещались дома семей офицеров и кадровых сержантов, почта, магазины, стадион, пороховые склады. В западной части две двухэтажные казармы.

План Северного острова

По Северному острову от Трехарочных ворот к его Северным воротам (выходу из Центрального укрепления) вела дорога, по обе стороны которой находились «Западный и Восточный казематные редюиты». Вошедшие в историю как «Западный» и «Восточный» форты, они представляли собой подковообразные земляные валы, внутри которых находилась внутренняя подкова — меньшая, но более высокая. Внутри земляных валов, как и практически везде в крепости, — кирпичные помещения[37], причем во внутренней подкове — двухъярусные.

Подход к Трехарочным воротам со стороны Северного острова также был защищен валами, со скрытыми в их толще кирпичными помещениями.

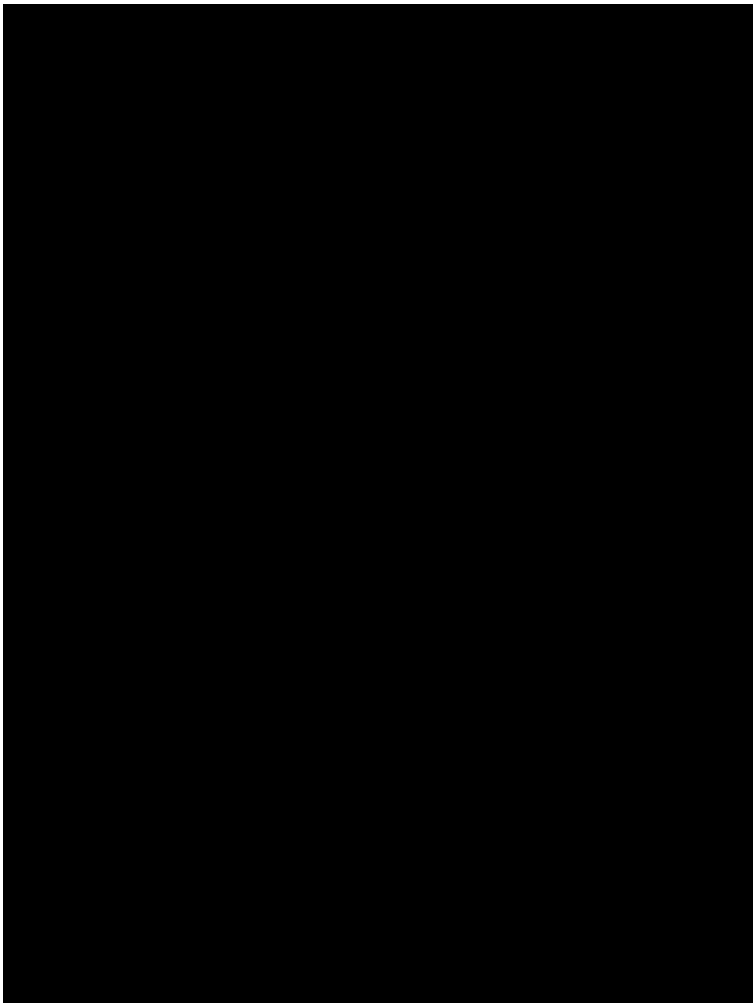
Не менее сильно были укреплены Западный и Южный острова, обращенные на запад, откуда и предполагалось нашествие врага.

Все четыре укрепления, общей площадью 4 км², были обнесены могучим 10-метровым валом (далее — главный вал), внутри которого находились кирпичные помещения. Перед валом проходил ров, заполненный водой (далее — передовой ров[38]).

В главном валу толщиной до 8,5 м[39] были прорезаны туннели ворот, а точнее проходов — Северо-Западных, Северных, Восточных, Южных. К ним через передовой ров вели узкие мостовые насыпи.

В конце 1860-х гг. севернее крепости проложили железную дорогу Москва — Варшава, чья насыпь затрудняла обстрел с Северного острова, создавая мертвую зону. В итоге по другую сторону насыпи, в 850 м от главного вала, был построен форт «Граф Берг» и перед ним — насыпь земляной батареи (на немецких картах обозначаемая как «пехотное укрепление»)[40].

В 1878–1887 гг. в радиусе 3–4 км вокруг Центрального укрепления были построены девять кирпично-земляных фортов, образовавших так называемое внутреннее дополнительное кольцо, в 1910 г. — форт X для защиты нового железнодорожного полотна.



План Западного острова

В 1913 г. начинается строительство внешнего дополнительного кольца, лежащего еще далее, в 4–5 км от внутренних фортов. В то время как Центральное укрепление вместе с внутренним дополнительным поясом почти полностью выполнены в кирпичной кладке, внешний дополнительный пояс выполнялся в трамбованном бетоне при вкладах проволочной сетки.

Внутренний дополнительный пояс был также усилен футляром из трамбованного бетона и вкладами проволочной сетки толщиной 1,5–2 м.

В войну 1914–1918 гг. обстрел крепости немецкими войсками причинил отдельным ее строениям сильные разрушения[41]. При оставлении ее в 1915 г. часть строений (некоторые форты внешнего дополнительного кольца) была взорвана.

Крепость не оправдала возложенных на нее надежд. Ко Второй мировой она была скорее военным лагерем, и то покинутым ушедшими на фронт частями.

…К моменту подхода к Бресту-над-Бугом передовых подразделений корпуса Гудериана в городе, преимущественно в крепости, размещались польские части группировки «Брест» под командой 49-летнего отставного генерала Константина Плисовского. Они насчитывали, по разным данным, от 2500 до 4000 тыс. человек, в основном солдат из маршевых и караульных частей и подразделений, имевших 18 полевых орудий, 8 зениток, 36 французских танков «Рено» FT-17 (112 и 113-я отдельные танковые роты) и взвод танкеток TKS.

Шедший же на Брест XIX А.К. имел 529 танков, 57 бронетранспортеров. Наступление могло быть поддержано более чем 150 орудиями[42].

Генерал Плисовский, не имея сил для организации обороны по линии фортов, принял решение обороняться, опираясь на главный вал. Все подъезды к крепости, мосты, ведущие на Центральный остров, и подступы к Цитадели были заминированы.

Основные силы были размещены на Северном острове, прикрывая крепость с севера. На валах отрыты пулеметные гнезда и окопы полного профиля. Несколько танков вкопали в землю.

14 сентября части 10 PzDiv (разведбат и 8-й танковый полк) прошли линию внешних укреплений. Гудериан приказал всему корпусу как можно быстрее наступать на Брест, используя этот неожиданный успех.

Уже утром 3 PzDiv перерезала железные дороги на Кобрин и Барановичи, захватив Жабинку, 10 PzDiv — заняла Брест и железнодорожный вокзал. 20-я моторизованная шла к крепости вдоль правого берега Буга. К Бугу выдвигались и подразделения 3 PzDiv, обходя Бреете востока.

Разведбат и 8-й танковый полк при поддержке авиации и артиллерии с ходу атаковали Кобринское укрепление. Неудачно — поляки, действуя противотанковыми ружьями (их имелось примерно полтора десятка), артиллерией и «Рено» FT-17 (112-й танковой роты) отбили атаку. Однако, вероятно, главной преградой стало то, что поляки заблокировали ворота корпусами своих танков. Помимо танков, не только выступавших в роли бетонных блоков, но и ведших огонь, позади ворот находились и зенитные орудия. В довершение ко всему несколько немецких танков подорвались на минах.

Во второй половине дня 80 танков 8-го танкового полка вновь попытались пробиться на Северный остров. Они уничтожили танки 113-й танковой роты, но вынуждены были отступить, ничего не добившись. Стало ясно, что с налета крепость не взять.

…С вечера артиллерия XIX А.К. начала работать по Центральному укреплению. Обстрел продолжался всю ночь. Несмотря на него, две группы польских добровольцев совершили вылазки. Одной из них якобы удалось уничтожить несколько танков и бронеавтомобилей.

С утра подразделения 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий вновь начали атаку. Ожесточенные бои, временами переходящие в рукопашные схватки, продолжались весь день. Атака вновь захлебнулась — на гребне крепостных ворот.

Артиллерия и авиация, действующие достаточно активно, мало чем могли помочь штурмующим. Во время авианалетов и ударов артиллерии поляки уходили в казематы, затем вновь поднимались на вал.

Немецкому командованию необходимо было добиться, чтобы пехота атаковала сразу же за огневым валом артиллерии.

На следующий день эту задачу попытались решить два пехотных батальона 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий. С 10 утра при поддержке танков и артиллерии они вновь начали атаку на те же позиции — валы Северного острова (у Северных ворот).

Как и было оговорено, артиллерия открыла огонь, но наступление вновь приостановилось — из-за неспособности пехоты 10 PzDiv наступать непосредственно за огневым валом. Потеряв терпение, Гудериан вместе со своим адъютантом — оберст-лейтенантом Браубахом пошел в передовые подразделения. Однако когда те все-таки вновь поднялись, запоздало и уже без приказа, то, судя по всему, из-за окончательно спутавшегося графика, огонь задних рядов накрывал передние. Браубах отправился туда, чтобы прекратить беспорядок, но его с расстояния 100 метров тяжело ранил польский снайпер с бастиона. Несколько дней спустя адъютант Гудериана скончался от полученных ранений. Атака вновь была отбита,

причем с еще более тяжелыми потерями для немцев.

Однако и поляки, к тому времени (с 14 по 16 сентября) отбившие 7 пехотных атак, поддерживаемых танками, артогнем и авиацией, потеряли около 40 % (убитыми и ранеными).

Учитывая потери, уменьшение количества боеприпасов, а также то, что на некоторых участках немцам все же удалось ворваться за главный вал и оттеснить поляков в Цитадель, в 17 часов генерал Плисовский принял решение покинуть Центральное укрепление. Этому решению способствовало и то, что Плисовский, к тому времени раненный осколком, утратил связь с командованием. Ситуацию (а к тому времени польское правительство уже готовилось выехать из страны) не знал никто. Немаловажным было и то, что немцы вот-вот перекроют единственный свободный путь — на Тересполь.

Под покровом темноты поляки покинули крепость. Отход прикрывал маршевый батальон 82-го пехотного полка и 2-я рота саперов, с задачей — заминировать дорогу и взорвать мосты. Затем они имели право покинуть крепость, присоединившись к идущим в Тересполь остальным частям.

Кстати, те действительно двинулись вовремя — в темноте у шоссе на Тересполь прошли перестрелки с патрулями I.R.76 — полком, накануне получившим приказ, переправившись через Буг и выйдя к крепости со стороны Тересполя, атаковать ее с запада. Однако поляки опередили.

Утром 17 сентября I.R.76 полковника Голлника вошел в Цитадель.

Потери сторон при боях за крепость неизвестны, однако только 15 сентября потери 69 пп 20 мд — 127 убито, 226 ранено (в т. ч. 10 — смертельно), 7 утонуло в крепостных рвах.

В районе крепости было взято в плен 988 польских солдат и офицеров, в основном раненые, оставшиеся в госпитале.

При оставлении крепости польскими войсками произошел достойный упоминания эпизод. Командир маршевого батальона 82-го пехотного полка, оставшегося прикрывать отход, капитан Радзишевский, заявил своим солдатам, что остается сражаться, разрешив им уйти. Солдаты приняли решение остаться с ним.

Тем временем отряд Радзишевского ожидали саперы 2-й роты, чьи отправленные к Радзишевскому связные так и не вернулись. Была слышна лишь перестрелка на Северном острове.

Саперы ждали до последнего, пока два их взвода не были блокированы на Центральном острове вошедшими с севера и с запада немцами. Пришлось уйти через Южный остров.

Однако неукротимый Радзишевский продолжал обороняться на Северном острове. Лишь ночью 17 сентября капитан и его люди (причем все еще имея одно орудие!) скрытно покинули его территорию, вновь заняв форт «Граф Берг» («форт Сикорского»). Немцы, занимаясь очисткой крепости, не знали об этом, считая форт пустым. Лишь 19 сентября подъехавший к форту патруль на мотоцикле предложил Радзишевскому сдаться.

Получив отказ, немцы блокировали форт и с утра 20 сентября начали систематически обстреливать его несколькими гаубицами. Но фугасные снаряды среднего калибра не причиняли особого ущерба, а в пехотных атаках немцы уже не видели смысла. В любом случае блокирование форта было достаточно надежным, поляки вряд ли смогли бы выбраться из него.

…22 сентября в Брест вошли подразделения 29-й танковой бригады РККА. Уже вечером Красная Армия взялась за форт — после мощного артналета в него попытались ворваться два бронеавтомобиля. Однако один из них свалился в ров, а второй был подбит выстрелом из единственной пушки, имевшейся у поляков. Трижды форт штурмовала и советская пехота, но, неся потери, вынуждена была отступать.

23 сентября был посвящен в основном приемке Бреста у немцев, блокированный форт на время оставили в покое. 24 и 25 сентября новые атаки — и вновь отбиты.

26 сентября по форту работала тяжелая артиллерия, на штурм были брошены значительные силы. Радзишевский вновь устоял, но потери его группы были тяжелыми. Несмотря на это, он вновь отклонил предложение о капитуляции, теперь уже от советских парламентеров.

Понимая, что дальнейшее сопротивление и в самом деле бессмысленно, Радзишевский ночью, собрав последних защитников, посоветовал им расходиться, стараясь пробраться домой. Что сделал и сам — интересно, что это удалось, несмотря на блокирование.

Пробравшись к своей семье в Кобрин, Радзишевский и был там арестован НКВД. Далее следы человека, чья история больше похожа на красивую легенду, теряются в лагерях СССР.

Конечно, подробности штурма Брест-Литовска (или Бреста-над-Бугом) в 1939 г. пока еще неясны, возможно, они несколько иные или, наоборот, верные, но вновь найденные так изменят картину, что… Тем не менее на основе имеющихся фактов можно сделать определенные наблюдения и выводы.

1) Фортификационные сооружения XIX века вполне подходят для века XX. В них можно обороняться даже от противника, имеющего огромное превосходство в силах и средствах, нанеся ему значительный урон.

2) Ни тяжелая артиллерия, ни авиация не оказались средствами, что сломили бы мужество осажденных. Более того, бой шел практически за локальный участок — главный вал Северного острова. Там не было каких-либо сверхсооружений — окопы, пулеметные гнезда. Просто полевые укрепления, хотя и находящиеся на выгодном месте. И для уничтожения их, хотя бы на участке 200–300 м не хватило всей мощи артиллерии корпуса?

3) Использование танков себя не оправдало. Но вообще непонятно, как их собирались применять? Позволю себе усомниться в «страшных потерях» танков при вылазках польских добровольцев, но действия танков при штурме главного вала были еще более нелепыми, чем слона, пытающегося навести порядок в посудной лавке. К валу было лишь несколько подходов — мостовые насыпи напротив Северных, Северо-Западных и Восточных ворот. Пройдя по насыпи (которая вряд ли окажется не заминирована), нужно внедриться в узкие ворота. Поляки блокировали их танками, хотя существовала масса менее сложных способов вывести из игры танкистов Гудериана — банальный подрыв ворот, минирование или просто зенитка, поставленная с той стороны, заблокировала бы ворота уже не польским, а немецким горящим танком. Немцам оставалось только, как в киножурналах, карабкаться танками по валам, на которые и человеку-то забраться трудновато. Но результат подобного «полигона», скорее всего, отличался бы от киношного. Калибры танковых пушек оказать влияние на исход боя за главный вал также не могли. Они оказались бы полезными лишь в случае прорыва за вал, разблокировки ворот и боев за здания на территории центрального укрепления. Тогда, поддерживая пехоту, уничтожая противника, практически не имеющего средств ПТО, беспрепятственно подходя к обороняемым лишь стрелковым оружием зданиям, танки могли бы решить исход боя.

4) Основная часть территории крепости оборонялась 3 дня — 14, 15, 16 сентября. Радзишевский практически 14–26 сентября, из них 10 дней в одиночестве, противостоя своей группой сначала вермахту, потом Красной Армии. Его действия — свидетельство того, что в отдельных сооружениях крепости оборона мужественных защитников может продолжаться сколь угодно долго. Фактически и группа Радзишевского, и гарнизон Плисовского ушли непобежденными, можно предположить, что, имея резервы сил и средств и не настолько безнадежную общую обстановку, они бы так и не сдали крепость. Более того, и у Радзишевского, и у Плисовского была возможность уйти, которой они предусмотрительно

воспользовались. Если бы она отсутствовала и они бы оказались зажатыми в угол, кто знает, возможно, это значительно бы удлинило срок их (и без того долгого) сопротивления.

5) Честно говоря, не совсем понятно — как собирались захватить крепость с налета 14 сентября, если уже 13 сентября у Бреста произошли первые стычки с наступающими подразделениями и, вероятно, к 14 сентября на Центральном укреплении все было готово к их встрече? Тем более средь бела дня? Можно ли вообще захватить подобное сооружение с налета?

Предположительно, 14 сентября на крепость налетели подразделения, не знающие ничего ни о ней, ни о противнике, не проведя ни разведку, ни подтягивание хоть минимально необходимого числа средств. После соответствующего результата придумали легенду о «неудавшемся налете». Вторая версия — о штурме с ходу распорядился именно Гудериан[43], понимая, что в данном случае (если, конечно, вообще штурмовать крепость, а не обойти ее) возможно только два варианта — быстрый захват или долгая, трудная борьба, которая привлекала бы значительные силы. А если шанс, пусть и иллюзорный, захвата с ходу возможен — почему бы не попробовать? Жертвы в таких случаях являются издержками.

...В итоге Брестская крепость заставила задуматься. Стало ясно, что в ее пороховницах еще есть порох. И то, что легкомысленного отношения к себе она не простит.

...Сейчас, в 1941 г., при планировании операции против СССР в немецком командовании разразился спор: какие силы будут прорывать приграничные укрепления — пехота или танки? Устраивающий всех компромисс нашел командующий PzGr3 генерал-полковник Гот, предложивший выдвинуть в первый эшелон и армейские корпуса, но полосы их наступления строго отграничить от танковых[44].

Приняв решение форсировать Буг танковыми дивизиями по обе стороны от Бреста, Гудериан запросил придать ему для штурма крепости пехотный корпус, взяв его из расположенной во втором эшелоне 4-й армии. Выбор пал на XII А.К. Шрота.

Оттуда же Гудериан получил артиллерийскую поддержку и все пехотные части, необходимые для форсирования рек. Предотвращая субординационную неразбериху, Гудериан попросил перевести их под свое командование, пока, в свою очередь, перейдя в подчинение командующего 4-й армией генерал-фельдмаршалафон Клюге. В группе армий на период прорыва сочли такие организационные перестановки вполне допустимыми.

По фронту область наступления ограничивалась Бугом. Начать предстояло с наведения переправы на глазах у противника, ошеломив его. Но «на быстрый захват Брестской крепости рассчитывать не приходилось», — замечает Гудериан[45].

Это заявление — важнейшее. Оно находится в полном противоречии с далее разработанными планами штурма. Что здесь? Позднее прозрение, выдаваемое за предвидение? Отражение неразберихи и несогласованности, присутствовавшей в вермахте, как и в любой другой армии?

...Итак, на первом этапе операции танковой группе Гудериана был придан XII армейский корпус генерала пехоты Вальтера Шрота. Командующий PzG2 вспоминал: «45 и 31-я пехотные дивизии из его состава наступали из области севернее Кодень и Непле, с задачей окружить Брест. Все остальные части корпуса[46], не задействованные в выполнении этой задачи, должны были наступать меж двух дорог: Брест — Кобрин — Береза-Картузская и Мотыкалы — Пилище — Пружаны, прочесывая территорию и обеспечивая безопасность внутренних флангов танковых корпусов».

Гудериан не называет 34-ю дивизию и, говоря о Бресте, упоминает план его окружения 31-й дивизией! Возможно, работая над мемуарами в пятидесятые годы и не имея возможности пользоваться архивами, вывезенными в то время из Германии, он вполне мог ошибиться. Но, скорее всего, он помнит свое тогдашнее впечатление о том, что фактически он имеет лишь две дивизии, а третья неминуемо

застрянет в крепости.

Второй момент. Так как Гудериан упоминает о плане по окружению Бреста 31-й дивизией, то можно предположить, что в этом случае 45-я дивизия занимается только крепостью, не отвлекаясь на иные задачи (захват города, переправ и т. д.), имея возможность привлечь для этого большие силы.

Конечно, пока слишком мало данных для безусловных выводов, но, учитывая и далее приводимую информацию, можно предположить, что выделение на захват крепости одной дивизии, а второй на охват города — кому-то показалось чрезмерным. Нет, пусть то соединение, что захватывает крепость, окружит (если получится — то и захватит) и город, и крепость, и решит еще несколько задач в окрестностях Бреста.

Вероятно, авторами изменения планов был и штаб Группы армий, и имевшие разные на то основания фон Клюге и Шрот. Что касается фон Клюге, то Гудериан, возможно, во многом под влиянием споров 1941 г., говоря о своем переходе под его командование, отмечает, что это было определенной жертвой, вызванной лишь интересами дела — «работать под началом... фон Клюге было нелегко»[47]. Неутомимый и решительный, если верить Блюментритту, фон Клюге, имел, однако, и чрезмерно развитое самолюбие, самомнение и тщеславие, что отмечал и командующий группой армий «Центр» фон Бок, в общении с Клюге всегда старавшийся избегать резкостей, что могли бы ранить его[48].

Фон Клюге, покончивший с собой в 1944 г. (во Франции), мемуаров не оставил.... Интересно, но его начальник штаба, полковник Блюментритт, вспоминая о Гудериане, пишет о нем то же, что и Гудериан о Клюге: «С ним нелегко было иметь дело, так как временами генерал был невероятно упрям — по-видимому, у выдающихся личностей эта черта встречается нередко»[49].

Хотя именно Гудериан имел опыт штурма крепости, но планировали его другие люди, вероятно, с одной стороны, надеявшиеся отличиться, с другой — не бросать для этого много сил, способных решить более важные задачи.

В итоге то, что в 1939 г. 10-я танковая и 20-я моторизованная дивизии сделали за 4 дня, «сорок пятой» предстояло сделать за несколько часов.

...Однако в 1941 г. было и то, что отсутствовало в 1939 г., то, что могло сделать этот амбициозный план осуществимым — внезапность, сверхмощная артиллерия и достаточно времени на подготовку, прежде всего, ведение разведки.

В связи с этим у командования дивизии формируется максимально полная информация о Брест-Литовске, хотя, конечно, чаще всего лишь как о составной части приграничных укреплений русских. На данном этапе, в основном для формирования общего представления, этому служили анализ данных о крепости Брест-Литовска, и характеристика отдельных окружающих ее укреплений (по данным времен Первой мировой войны (1916 г.) и аэрофотосъемки ноября 1940 г., подготовленные инспектором восточных укреплений)[50]. Кроме того, описания приграничных укреплений в полосе Бреста и отдельных сооружений цитадели, подготовленные разведслужбами различных командований (прежде всего А.О.К.4), на основе и аэрофотосъемки, и захваченных польских материалов[51]. Далее, базируясь на них, уже должен был быть сформирован максимально учитывающий ситуацию план нападения.

Итак, по данным, поступавшим в штаб дивизии, окрестности крепости — слабоволнистая равнина с наибольшими различиями высот 15 м, рассекаемая речными руслами и ручьями, часто с болотистым дном, на юго-востоке переходящая в болотистые леса Полесья.

Почва здесь, как правило, песчаная или глинистая, с преобладанием песка. Подход к крепости целиком зависит от погоды. Обширные луга вокруг нее при длительной сухой погоде даже на болотистых местах проходимы для транспорта. Дожди же образуют широкие труднодоступные, болотистые пространства, делающие дороги на юго-востоке абсолютно непроходимыми.

Вся крепость окружена несколькими полосами лесонасаждений, в болотистых местах сменяемых рощами ольхи.

С востока на запад крепость пересекает Буг, на севере сливаясь с Лесной. Предельно подробная характеристика береговой линии, водной поверхности этого «природного условия», представлявшегося, учитывая опыт Эны, гораздо более серьезным, чем крепость, препятствием, была сделана еще 13 апреля[52] разведывательной командой Pi.Rgt 507(13.04.1941). Обследовались полосы всех трех дивизий XII А.К. (31, 34, 45).

Описывая полосу «сорок пятой», разведка Pi.Rgt 507 отметила, что в правой ее трети (южная оконечность цитадели до границы полосы) благоприятен для переправы только участок у взорванного дорожного моста и севернее, где прибрежная полоса и водная поверхность не представляют особых трудностей. При сближении и занятии исходного положения найдутся возможности укрыться, зато южная часть, несомненно, не подходит для нападения из-за старицы, частично остающейся на обоих берегах и летом.

Средняя треть (от южной до северной оконечности Цитадели) неблагоприятна для нападения. Однако трудности преодолимы.

Хотя противоположный берег круто, подобно крепости, поднимается из слабого (временами около 2 м/сек.) течения обнаруживающегося рукава Буга, все же на этот покрытый луговой дерниной вал взобраться можно.

Крут и германский берег, обозначенный по нижнему краю стоящим теперь, при наводнении, в воде зеленым покровом — кустами и обломками деревьев, затрудняющими спуск на воду надувных лодок.

Кроме того, непосредственно расположенная впереди у берега территория не прикрыта, подобно гласису[53] заостренная, простреливаемая с вражеского гребня насыпи почти всюду.

У подножия гласиса перед Бугом снова ложится старица, вероятно, не полностью исчезающая летом, так как для ее перехода стоит деревянный мост. Имеется лишь несколько других переходов.

В итоге саперы заключают, что нападение в средней трети полосы боя (непосредственно на цитадель) возможно, только если ее защитники уничтожены тяжелым оружием.

В северной трети полосы 45-й дивизии (ее северная граница до северной оконечности цитадели) река и ее берега не представляют особых трудностей. Однако больше не встречается укрытий, удаленных от реки на расстоянии до 1 км. Единственный подступ — железнодорожная насыпь.

Разведка Pi.Rgt 507 отметила, что 45-й дивизией могут организовываться 3 паромные переправы: в ходе шоссе Тересполь — Брест, на северной и южной (у дорожного моста) оконечностях цитадели.

Подступы к первым двум — твердые шоссе, к третьему — частично укрепленная дорога, минимально достаточная для легкого транспорта боевого обоза дивизии.

В полосе дивизии возможна и наводка временных мостов, но лучше — восстановление старых (например — в ходе шоссе у южной оконечности цитадели[54], вверх по течению, остатки (три четверти) твердого дорожного моста (4 пролета с интервалами по 20 м). 3-го пролета (отсчет с немецкой стороны) нет, а третья мостовая опора, возможно, ветхая. Безусловный плюс в том, что даже если подрыв относящегося к русской стороне пролета не предотвратится, то и тогда придется строить лишь полмоста.

Вторая возможность для строительства временного моста — в ходе шоссе Тересполь — Брест. Старого моста здесь нет[55]. Его значение зависит от степени разрушения мостов, проходимых к большому шоссе Брест — Хабы. Если мост через Мухавец на восточной окраине цитадели разрушен[56], его наводка при определенных обстоятельствах сделает возможной связь с шоссе Брест — Хабы в более короткое время.

Эти же сектора могут использоваться и для наводки понтонных мостов.

Распределение саперных сил корпуса, предложенное Pi.Rgt 507 — придать 34 и 31-й дивизиям по саперной роте и переправочно-мостовому парку, тогда они смогут форсировать Буг без дальнейшей поддержки корпусом. Выделение корпусом саперных сил и матчасти 45-й дивизии в начале нападения пока кажется нецелесообразным. Учитывая, что, согласно задаче, между корпусом и 45-й дивизией держится особо тесная связь, это оправданно лишь при оказании корпусом влияния на исход боя в ее полосе. Вследствие доступности больших шоссе Бяла Подляска — Тересполь — Брест их привлечение будет нетрудным[57].

Саперы посоветовали провести и ряд инженерных работ в полосе 45-й дивизии: во-первых, ремонт и местами расширение проезжей части на шоссе Тересполь — Брест вдоль Буга вплоть до уровня северной оконечности цитадели.

Во-вторых, ремонт береговых пролетов у моста[58] в ходе шоссе Тересполь — Брест (около 100 м от берега Буга) и соединительных путей от шоссе Тересполь — Брест к шоссе Лобачув на северо-восток.

Кроме того, восстановление и укрепление насечек на железнодорожной насыпи между немецким и русским путями.

Также всем дивизиям рекомендована заготовка, подвоз и приготовление лесоматериала и металлоконструкций для предусмотренных временных мостов.

Следующая после Буга преграда — полоса приграничных укреплений («линия Молотова») и особое препятствие в полосе дивизии — старая русская Брест-Литовская крепость, так неожиданно показавшая себя в 1939 г.

...Тогда, несмотря на то что несколько дней крепость находилась в руках немцев, конечно, они еще не думали о ее повторном штурме. Какого-либо осмотра, обмера и т. п. не проводилось. В результате к 1941 г. представление о ней основывалось на обследовании 1916 г., захваченных польских планах и аэрофотосъемке. Однако все эти данные были весьма приблизительны. Обследование проводилось в то время, когда крепость была полуразрушена и брошена, планы — частично устарели, да и не все показывали. Последнее относилось и к аэрофотосъемке — ясно, что с достаточно большой высоты невозможно было разглядеть ни внутренности отдельных укреплений, ни степень их восстановления Польшей (не говоря уж об СССР) в межвоенное время. Не зная, что, где и в каком состоянии находится, было невозможно и представить себе численность войск в районе крепости. Разведка установила лишь энергичное усиление поляками внешнего дополнительного пояса, преимущественно к русскому фронту, небольшими укреплениями, дополнительно выдвинутыми примерно на 3–4 км (на благоприятные позиции). Но закончены ли они, включая начатый в 1913 г. внешний дополнительный пояс, неизвестно.

Отмечено, что прорыв линии фортов возможен только с севера между фортом I и VIII, где лучшие шоссе и наиболее благоприятные грунты, да и маленькое русло Лесной, чья глубина летом 0,5–1,00 м — не преграда, спокойно проходится или объезжается. Здесь и болота обнаруживаются не так резко. Удачно сложилось и то, что на севере крепости и шоссе между Западом и Востоком расположены благоприятные лесные массивы, лежащие вне крайних оборонительных сооружений.

Давая оценку возможному противнику, автор отчета отмечал, что на Центральном укреплении (по данным 1916 г.) возможно размещение 12 000–15 000[59] солдат.

Количество войск, способное разместиться в фортах внутреннего и внешнего дополнительных колец, не приводится. Зато, вероятно оценивая возможность нанесения по ним удара во время артналета, отмечается, что во внутреннем кольце жилые помещения лишь частично из трамбованного бетона, в то время как именно во внешнем оборудовались только противоосколочные укрытия.

В 1916 г. во внешнем дополнительном поясе нашли лишь отдельные неповрежденные усовершенствованные орудийные позиции. Однако учтено, что поляки развили вновь заложенную северную группу — к северо-востоку от Центрального укрепления. Эта группа — единственное современное строение на севере, хотя в свое время на юго-востоке (против России) создавался целый ряд таких укрепленных узлов.

«В общем, нужно говорить, — подчеркивается в сообщении инспектора восточных укреплений, — что крепостные сооружения не представляют для нас никакой особой преграды, однако в сухой сезон нападение легче, так как в распутицу известные русские болота проходятся только с помощью достаточного саперного оборудования, представляя определенную преграду»[60]. Однако, рассказывая о цитадели, инспектор восточных укреплений осторожно, но весомо замечает: «Еще сегодня оборонительные сооружения в качестве предмостного укрепления дают возможность энергичному защитнику задержать агрессора незначительными силами и средствами»[61].

И кто-то — вероятно, в штабе 45-й дивизии — аккуратно подчеркнул эти слова.

Собственно говоря, почему об укреплении, созданном еще в первой половине XIX века, сделан такой вывод? Во-первых, и это главное, Центральное укрепление неплохо показало себя в польскую кампанию. Во-вторых, в противоположность фортам обоих дополнительных поясов или приграничной «линии Молотова», оно таило слишком много неизвестных, внушавших тревогу человеку, не поддавшемуся упоению Франции и Польши и, наоборот, хладнокровно рассматривавшему ход кампаний.

Здесь, возможно, повторяясь, необходимо рассмотреть немецкое представление о Центральном укреплении. С 1939 г. кое-что изменилось, и, кроме того — немецкий взгляд может отличаться и от русского и от того, что есть на самом деле…

Прежде всего — отмечена толщина и высота главного вала, траверсы[62], частично с казематами. Стены выложены камнем. Возможен и продольный обстрел — с основного вала, бастионов и предполагаемых перед ними нескольких капониров. Внутреннее пространство усилено редуитами и редутами.

Жилые казармы и районы расквартирования выполнены в кладке, но неустойчивы для тяжелой артиллерии, бетонируемы только 2 или 3 склада боеприпасов. Первоначально из Центрального укрепления будет вестись, вероятно, артиллерийская защита. Обстрел оттуда ухудшен на севере, северо-западе и юго-востоке (железнодорожные дамбы), на западе (Тересполем), на востоке (Брест-Литовском).

Укрепления Центрального острова (Цитадель) — *пустые*[63] казармы, не устойчивые к действию тяжелой артиллерии. Внутри — двухэтажная казарма на 2000 человек[64] (способ изготовления неизвестен), различные военные здания и сараи.

Аэрофотосъемки показывают лишь несколько разрушенных оборонительных сооружений. Предполагается, что возведены и дополнительные, усиливающие оборону строения или перестройка зданий. Защитники, вероятно, приписывают Центральному укреплению, вопреки устаревшей схеме расположения и конструкции, еще определенное значение: опираясь на дополнительные кольца (линию фортов), он расширяет промежуточное пространство на север и юг.

С северо-востока к Центральному острову примыкает Северный (Кобринское укрепление).

Его ров сухой, глубиной минимум 5–10 м, шириной перед бастионами — 30 м, перед куртинами[65] — 50 м; стены рвов равелинов[66], как правило, выложены камнями. Под главным валом, вероятно, комплексы подземных убежищ[67], но уязвимые для тяжелой артиллерии.

Возможен продольный обстрел рва из флангов бастиона и, кроме того, от полукапонира у Буга и

выдвинутого капонира (точное положение неизвестно).

2 редута[68] с комплексами подземных убежищ. Усилены ли они — неизвестно.

Должны иметься еще 2 редута, не обнаруженные аэрофотосъемкой[69].

Предполье этой позиции может затопляться подпором воды Буга и Мухавца только в ее самой южной части.

Южный остров (Волынское укрепление) примыкает к Центральному с юго-запада.

Ров — с водой, шириной перед фасами бастиона[70] — 40 м, до середины куртин — 80 м, глубина воды достаточна для обороны. Продольный обстрел рва — с основного вала. Под главным валом куртины комплексы подземных убежищ для примерно 150 человек. Устойчивость к тяжелой артиллерии — неизвестна.

Внутри острова возможны (аэрофотосъемкой не установлено):

Башенный редуит с казармами, редуит с казематами для рядовых солдат и боеприпасов, от 1 до 2 укрепленных бетоном складов боеприпасов и прочие здания.

Возможно искусственное затопление впереди лежащей местности.

И, наконец, западнее Центрального острова — Тереспольское укрепление (Западный остров).

Ров с водой, непосредственно примыкающий к Германии. Шириной перед бастионами — 40 м, перед куртинами — 80 м, достаточная для обороны водная глубина. Продольный обстрел рва возможен с основного вала.

Средние бастионы скрывают горжу[71], внутри редуиты с орудийными амбразурами. На аэрофотосъемке не видно. Возможно усиление неприступности наводнением.

В общем, оценивая аэрофотосъемки ноября 1940 г., сделали вывод: крепость усилили лишь с северо-запада (до 25 км от Центрального укрепления) и запада — несколькими дотами и открытыми полевыми позициями между несколькими фортами.

Все новые сооружения — к северу от Буга и соответственно Лесной. Расширение произошло преимущественно в опоре на отдельные участки.

Аналогичные сооружения, но меньше и на юге крепости, на восточном берегу Буга.

...Выводы достаточно обтекаемые. И еще момент — как упоминалось, все сооружения у Брест-Литовска оценивались и по информации 1916 г. В анализ добросовестно включили и те из них, что в 1941 г. находились на территории Германии, фактически в расположении готовившихся штурмовать крепость частей! Однако во всех материалах на Центральное укрепление, т. е. фактически на саму крепость, нашлось не более 3–4 страничек, хотя вряд ли в 1916 г. она показалась менее неинтересной, чем опорные пункты, часто представлявшие собой стрелковые окопы и противоосколочные убежища!

Крепостью откровенно пренебрегли.

...В то же время разведорганами группы армий отмечалось, что, прежде всего, Брест-Литовск — это один из центральных участков строящейся Советским Союзом полосы приграничных укреплений. Разведка довольно точно установила существующие пограничные укрепления, их число, сосредоточение на территории и примерные данные об их силе. Их точное картографическое положение и отдельные технические параметры должны были получить прежде всего сами войска, собственным более плотным и непосредственно учитывающим предстоящие действия наблюдением.

Укрепления советско-германской границы находились в стадии строительства, начатого в 1940 г,

степень завершения в отдельных полосах достаточно отличается. Отмечено, что «в целом из установленных к 1.2.1941-го сооружений готовы лишь около 1/5»[72].

Новые, советского периода, укрепления в полосе Брест-Литовска, тесно примыкая к старым крепостным сооружениям, дополняли их.

В описании, говоря о старых укреплениях цитадели, отмечается что они «охватывают 17 фортов, усиленных перед мировой войной железобетоном: на западе — цитадель, в южной полосе — 8 (из них лишь те, что в 500 м южнее Митки, по-видимому, снабжены бронированными куполами[73]), в восточной — 3, в северной — 5 укреплений»[74].

Вновь подчеркивается, что «не нужно приписывать значительное боевое значение старым укреплениям. Взаимодействуя с новыми, они расцениваются скорее как усиленные полевые оборонительные сооружения»[75].

Новые сооружения наиболее сильны на южном участке, состоя из:

1. Пятнадцати, как правило, еще строящихся малых и средних оборонительных сооружений (в районе Котельня-Боярская — Бернады — Митки — Гершоны — Бараки).

2. Из оцениваемой как противотанковый ров дренажной канавы (1–2 км к югу от оборонительных сооружений) проходящей между Бернадами и шоссе Брест-Литовск — Мокраны.

3. Из двойного противотанкового препятствия (надолбы и примерно 300 м на север за ними противотанковый ров), связывающего старые оборонительные сооружения к югу от Митков и 1 км к югу от Бараков друг с другом.

4. Из ряда небольших полевых оборонительных сооружений, широко раскиданных в этом районе.

Дорожные мосты к югу от большого железнодорожного моста Тересполь, Брест-Литовск, ведущие с запада к цитадели на Буге, а также дорожный мост[76] через Мухавец между Бреста Литовском и его цитаделью разрушены.

Подчеркнуто, что необходимо считаться с подготовкой железнодорожного моста на перегоне Тересполь — Брест-Литовск к подрыву.

В северной полосе крепости Брест-Литовск до старых долговременных укреплений к северу от Козловичей и к югу от Дубровки (5 км северо-западнее Брест-Литовска) новых укреплений меньше. Тем не менее их предложено оценивать (так же как и новые сооружения в южной полосе) как средние оборонительные сооружения. Они искусно пристроены к старым и, связывая их между собой, образуют единый узел с 8–9 в большинстве случаев еще не завершенными оборонительными сооружениями, несколькими небольшими полевыми оборонительными сооружениями в этом районе и многорядном проволочном заграждении между старым долговременным укреплением северо-восточнее Козловичи[77] и железнодорожной линии Брест-Литовск — Белосток.

Подводя итог, авторы доклада делают вывод, что «большая часть новых сооружений вокруг старых долговременных укреплений еще полуготовы. Поэтому их нынешнее боевое значение условно», однако «в целом рассматривая эту полосу, нужно сказать, что Буг и укрепления дают защитнику возможность, чтобы по меньшей мере значительно замедлить важную переправу на этом участке и овладение 3 важными шоссе (на Ковель, Кобрин и Пружаны)».

Понятно, что от наступающих на Брест войск требовалось не только взять укрепления, но, что в масштабах полосы армии было несоизмеримо более важным, обеспечить возможности переправы и продвижения по шоссе моторизованных и танковых частей.

Помимо самих укреплений, необходимо было ознакомить войска и с теми, кто в них находился. С момента Первой мировой войны прошло достаточно времени, и в войсках было не так много ветеранов боев с армией Российской империи. Как же выглядела армия Союза ССР? Над формированием представления о ней усиленно трудились офицеры отдела Ic.

Нижеприведенная информация об армии Советского Союза носила пока общий характер — кто именно ждал 45-ю дивизию на берегах Буга, было пока неизвестно…

Авторы одного из сообщений[78], информируя о Красной армии, почему-то начинают с того, что «в последнее время в пехоте и военных училищах особо настойчиво занимаются обучением ближнему бою. На переднем плане стоит ближний бой с установленным клинковым штыком (байонетного типа). Якобы это обучение входит в ежедневную службу». Судя по всему, это уже знакомый образ неистового бородатого Ивана — любителя штыковых атак.

Интересно сравнить это замечание с выдержками из бюллетеня германского Генерального штаба сухопутных войск «Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.»[79].

«Сила Красной армии основана на численности войск и количестве оружия, на неприхотливости, упорстве и храбрости солдата… Вооруженные силы, особенно после финской войны, видимо, строятся на новой основе. От большевистской мании проведения гигантских маневров и крупных учений возвращаются к индивидуальному обучению офицера и рядового. Основные принципы новых методов обучения сводятся к следующему:

Всесторонняя боевая подготовка войск, начиная с одиночного бойца и мелких подразделений. Главная цель — воспитать сознательных и деятельных бойцов и командиров.

…е) Приучение солдат к выносливости систематическими тренировками (продолжительные марши, непрерывные учения, преодоление пересеченной местности, форсирование рек ит.д.).

…Основные черты характера русского народа — неподвижность, схематизм, боязнь ответственности и принятия самостоятельного решения — не меняются… Красная Армия, значительная по своей численности и по количеству современного оружия, будет храбро сражаться… Инициатива отдельного бойца часто будет отсутствовать. В обороне, особенно при наличии достаточного времени для укрепления позиций, Красная Армия будет упорно сопротивляться. Русскому характеру свойственна способность к сопротивлению не только в обстановке сильного натиска, но даже в случае поражения… Особенно подготовленных соединений нет, кроме 1-й Пролетарской стрелковой дивизии, находящейся в Москве в качестве парадной. Следует подчеркнуть, что боеспособность русских соединений вследствие большого различия в качественном отношении людского состава и техники весьма различна и не допускает никакого сравнения со средней боеспособностью немецких.

Солдаты Красной Армии в основном стойкие, неприхотливые, усердные и храбрые. Значительно выше стал их культурный уровень, расширился общий кругозор, повысилась техническая грамотность. Русский пехотинец со свойственным ему характером русского народа будет особенно хорошо действовать».

Нет данных, что подобная информация дошла до командования 45-й дивизии. Поступающие в дивизионный штаб материалы гораздо более сухи, схематичны, в чем-то примитивны. Тем не менее даже на их основе можно сделать вывод, что дивизии придется встретиться с храбрыми, не боящимися окружения, продолжающими борьбу и в случае поражения бойцами…

…Много информации об армии СССР дала финская война. «Ее продолжающийся анализ свидетельствует, что в ближнем бою русский отдельный боец смел, но в физической ловкости уступал финну.

При обороне на широком фронте русские применяли очевидную тактику опорных пунктов и гнезд сопротивления на основе полевых укреплений, учитывая характер местности. Для боевого расписания русской обороны типично стремление к фланговому прикрытию[80]. В соответствии с „Временным долевым уставом 1936 г. район батальона должен быть готов к обороне с разных направлений".

Русские с большим успехом приспосабливали полностью разрушенную деревню к обороне полевым оборудованием подвалов. Их окруженные силы снова и снова пытались прорваться.

Финнами русские саперы оцениваются как „отличные". За последнее время установлено, что вопреки прежней традиции, при тактически и технически трудных боевых действиях, испытывается их применение „штурмовыми группами". Это, возможно, следствие доказавших свою надежность в нескольких походах немецких принципов».

Специалисты по восточным армиям, говоря о допризывном обучении школьной молодежи в СССР, признают, что за последнее время в нем — небывалое вовлечение учеников всех категорий во время учебных игр на местности особо обучающихся разведке с выполнением картирования местности, боевой стрельбе и использованию средств связи, основательно обучаются противовоздушной обороне.

В бюллетене сообщается о том, что «Главным управлением трудовых резервов» при Совете народных комиссаров объявлен объем призыва для обязательного вступления в школы для подготовки государственных трудовых резервов в 1941 г. — 325 000 молодых людей (16–17 лет) в школы фабричного обучения; 329 000 (14–15 лет) в профессиональные и железнодорожные училища; 654 000 юношей и 35 000 девушек (впервые) добровольцами в профессиональные и железнодорожные училища.

Эти числа показывают большой объем этой учебно-воспитательной организации по подготовке молодежи к военной службе.

Частые обучения «Осоавиахима» занимаются не только борьбой с вражескими парашютистами, но в районах побережья и обороной от вражеских десантных операций.

14 и 16 мая 250 000 рабочих и крестьян участвовали в учениях ПВО в 28 районах Московской области. Сейчас особо содействует военно-пехотному обучению граждан СССР «Осоавиахим» в так называемых «летних лагерях».

Армейская газета «Красная Звезда» в передовой статье обращает внимание на обучение запасников — в середине мая начались их обычные летние упражнения[81]. Рядовые и младшие командиры резерва переквалифицируются на опыте финской войны. Особо требуется обучение специалистов (саперов, связистов, артиллеристов и расчетов противовоздушной обороны) и действиям в составе отделения, взвода, роты и эскадрона. Согласно передовице, необходимо в короткий срок обучить сотни тысяч призванных обращению с современной военной техникой.

Перебежчик сообщил, что в Красной Армии введено противотанковое ружье. Подробного описания еще нет.

В качестве дополнительной информации сообщается, что между СССР и правительством Ирака снова будут восстановлены дипломатические отношения.

Указан объем транзитного сообщения Германия — Дальний Восток через СССР:

За период 1. — 30.4.41 2124 т товаров (март — 2131,5 т) отгрузили из Германии через СССР на Дальний Восток.

В то же самое время с Дальнего Востока через СССР отгрузили 4177 т из Японии (март 4680 т) и 30 377 т (март 34 085 т) из Маньчжурии в Германию.

Следующая информация[82] более конкретна: о всеобщей мобилизации еще неизвестно. Общее число призванных за несколько недель оценивается к концу мая в 500 000 человек. Призыв, по-видимому, нацелен на значительное усиление Красной Армии. Поэтому при определенных обстоятельствах всеобщая мобилизация уже не нужна, тем более что формирование большинства новых воинских частей может не осуществиться из-за нехватки комсостава.

На многих участках усилена пограничная охрана. Русские офицеры, солдаты и самолеты несколько раз нарушали границу. Всюду проведено отселение 800 м приграничной зоны.

В случае войны, по данным перебежчика, применится газ. Рсскую авиацию якобы снабдят контейнерами боевого отравляющего вещества по 80 литров и бомбами с фосгеном.

По словам другого источника, политическими комиссарами тем не менее подчеркивается, что Советский Союз никогда не начнет химическую войну. Однако если рискнет противник, то Россия располагает особо сильными и уничтожающими газами.

Интересно отметить, что при окружении, как правило, моделируемом русскими при всех упражнениях и штабных учениях, необходимо прорываться, что приказывается через 48 или 72 ч. с момента окружения.

Первыми, с кем придется встретиться вермахту на границе, станут советские пограничники. Поэтому информация о пограничных войсках занимает важное место в докладах разведотдела.

Отмечено, что в мирное время они подчиняются народному комиссару внутренних дел. На войне возможно их применение в полевой армии, так как уже в мирное время их обучение идет по действующим в Красной Армии инструкциям и они примерно на 50 % состоят из отставных солдат.

Нынешний командующий: генерал-лейтенант Соколов (в Москве).

Задачи:

а) В мирное время: пограничная охрана, проверка паспортов и таможенные операции, а также надзор за ними.

b) В начале войны: военное обеспечение развертывания армии.

Состав:

Вся линия границы разделена на 11 пограничных округов (погранокругов), каждый из них руководит постоянным гарнизоном — «Пограничным отрядом» (погранотрядом). Командование погранокруга — старший штабной офицер (в ранге командира дивизии).

Пограничный отряд подразделяется на «пограничные комендатуры». Командование: младший по званию штабной офицер (в ранге командира полка).

Далее наряду с комендатурами к погранотряду принадлежат: учебный батальон, маневренная группа (35–40 всадников), тайная оперативная группа.

Пограничная комендатура делится на несколько полевых караулов (застав) (командир — младший по званию офицер) и пограничных постов.

К полевому караулу принадлежат патрули, тайные посты (секреты), конные патрули (разъезды).

Предполагаемый штат погранотряда — 1565 человек, значит, одной пограничной комендатуры — 140 человек[83].

В основе погранвойск — пехотное вооружение. Так как погранотряды насыщены пулеметными подразделениями, то по огневой силе они достигают пехотного полка.

Вся граница в полосе данной области на русской стороне оборудована 2–3 проходящими на определенном интервале один от другого заграждениями из колючей проволоки. Между обоими проволочными заборами и перед ними проходит «контрольно-следовая полоса» — распаханная полоса шириной примерно 8–10 м, часто боронится. Она гарантирует быстрое установление недозволенного перехода границы.

С интервалом примерно 3–6 км вдоль границы сооружены наблюдательные вышки, обеспечивающие сквозное свободное наблюдение всей пограничной черты.

Кроме того, для установления нарушений границы и ее недозволенных переходов имеются:

а) световая сигнализация — при касании растянутых нитей вспыхивает лампа на пограничном посту.

Ракеты — срабатывает при касании растянутых нитей.

Пружинное ружье (аппарат SU) — срабатывает при касании проволоки.

Пограничная служба и пограничная охрана:

Охраняют границу:

1) Патруль по 2 человека — от одного до 5 патрулей на участке примерно 3 км.

2) Пост подслушивания по 2 человека — от 3 до 7 постов на участке 3 км.

3) Посты на наблюдательных вышках: они оснащены сильной панорамой или биноклями.

Далее пограничная область разделена на 3 зоны: — до 30 км до 15 км; и до 8 км от границы.

В отдельные зоны может вступать население только с особыми отметками в паспорте.

Первые 500–300 м от границы очищены от населения и полностью закрыты для посещения.

Служба контрразведки:

Несомненно, что пограничная охрана занимается и тайным сбором информации и контрразведкой. В пограничном районе действуют органы контрразведки, так называемая группа сбора информации («operatiwnije rabotniki»). Для дезориентации ее сотрудники часто меняют обмундирование и знаки различия.

Командир погранотряда — одновременно и уполномоченный для вопросов о границах на основании немецко-русского пограничного соглашения.

Информируя о ВВС СССР, германская разведка прежде всего сообщает, что продолжается подтягивание истребительных авиачастей к западной границе.

Отмечается, что стремление СССР преобразовывать свои ВВС, в основном по немецкому образцу, как самостоятельно оперирующую часть вооруженных сил, наталкивается на трудности. «Наверное, боятся этого шага из-за неизбежного после реорганизации ослабления».

Таким образом, по-прежнему имеется два больших вида авиации — армии и военно-морского флота.

Имеются сообщения о пикирующем бомбардировщике, все же при этом, кажется, речь идет об известном штурмовике и легких боевых самолетах, пока не установлено пикирующих бомбардировщиков, приблизительно равноценных Ju-87 и Ju-88. Тем не менее войскам нужно считаться с атаками с планирования и пикирования.

Разведывательная эскадрилья стрелкового корпуса состоит Из 9 самолетов разведчиков ближнего действия (R 5, R 6, RZ, R 10) и примерно 6 самолетов связи. Есть лишь несколько R 10, современный, двухместный моноплан с низкорасположенным крылом (американский NA 44?). Все другие типы устарели.

Система аэродромного обслуживания:

У русской западной границы заложено и достраиваются много аэродромов.

При этом различают:

Аэродром 1-й ступени: ангары и казармы для минимум 1 полка, лагерь горючего под землей.

Аэродром 2-й ступени: деревянные ангары и бараки, лагерь горючего частично под землей.

Аэродром 3-й ступени: никаких зданий. Предназначен для топливного (бочки) и бомбо-штурмового снабжения. Находится всегда поблизости от аэродрома 1-й или 2-й ступени.

Посадочные площадки: только подготовленная взлетно-посадочная полоса, соответствующая немецкой боевой посадочной площадке.

Расстановка сил.

В полосе Брест-Литовска, вероятно, V.A.K. (Брест) со 141 (штаб — Жабинка) и 150 (штаб — Брест) стрелковыми дивизиями по обе стороны Бреста у границы, затем 54 танковая бригада у Бреста — справа: 85 стр. див. (штаб — Малорита?), слева; 49 стр. див. (штаб — Высоколитовск?).

В Кобрине и вокруг — 4-я армия и 120-я дивизия. Район Пружан — 11-я кавалерийская дивизия.

С начала марта отмечается расширение сил у западной границы — стрелковые, кавалерийские и танковые дивизии. Основные сосредоточения русских сил — у Брест-Литовска, Ломжи и Белостока. Сейчас количество и состав непосредственно находящихся перед армией в пограничном районе русских сил недостаточен для длительной обороны, но возможно усиление введенных в бой сил.

В общем, подводя итоги — можно сказать, что вдоль всей западной границы русскими ведется подтягивание к ней сил, подвоз оружия, техники, боеприпасов и стройматериалов. В полосе Брест-Литовска — ускоренное строительство.

Русские готовятся?

Глава 2

«Королевский тигр»

20.4.41

Сент-Квентин: ко дню рождения фюрера и Верховного Командующего торжественные построения во всех частях 45-й дивизии. На сборе штаба дивизии Кернер выступает перед его офицерами и работниками.

Уполномоченный службы военных сообщений 16-й армии («сорок пятая» входила в ее состав) затребовал срочное представление численности перевозимых войск.

21.4.41

Представляются заявки на перевозку. Транспортная комендатура Лилля указывает об организации на марше команд приемки района назначения.

22.4.41

Начинается первая подготовка к выступлению, о чем осведомлены лишь отдельные личности. Дивизия еще ничего не знает. Хотя майор Деттмер после совещания в XII А.К. (в Гнесене) и получает приказ, но район выгрузки известен дивизии лишь приблизительно. Рассчитывается на район Варшавы. Кернер приказывает, чтобы 26.4 выезжала V.P. (команда приемки района назначения).

23.4.41

Дано распоряжение о сдаче Ia ко второй половине 25.4.41 документов, касающихся планировавшихся боевых действий против: Англии. Иметь при себе можно лишь книгу «Армия Великобритании в военное время», но ее изучением заниматься уже не нужно.

Новая команда для V.P. теперь окончательно предусматривает отправку 25.4. Телефонные разговоры с Деттмером, звонящим из транспортной комендатуры Варшавы, говорят о том, что размещение и условия жизни в новом районе хуже, чем во Франции.

Хотя дивизия еще далеко и большинство из ее состава даже не догадывается о своем близком будущем, Деттмер уже получил первое распоряжение, касающееся ее действий у Буга: XII армейский корпус генерала Вальтера Шрота, под чьим командованием «сорок пятой» предстоит пережить немало того, что запомнится надолго, приказывает с 1 мая образовать для наблюдения за объектами русских в приграничной зоне наблюдательный штаб[84].

Его состав: 2 офицера (сначала по возможности офицеры Ic), сменяемые — примерно, через 8–14 дней, но не оба одновременно. Из оборудования — легковая машина с водителем, стереотруба, бинокли.

Вечером в городском театре Сент-Квентина прошел устроенный без какой-либо репетиции «Пестрый вечер», собравший лучшие из представленных на конкурс «зимнего досуга земляков фюрера» (чье жюри кончило свои заседания лишь 22 апреля) творческих достижений. Среди них и несколько удачных «маршей дивизии», походных песен, а также отличные постановки цирковых номеров. Вечер показал удивительно высокий творческий и исполнительский уровень, а также музыкальное мастерство солдат дивизии. В конце вечера Кернер в обращении поблагодарил всех участников за их творчество и выразил надежду, что дивизия покажет свое умение и в «творчестве боя» в предстоящей (и вероятно, скоро) борьбе. Это было последнее выступление генерал-майора Кернера перед своей дивизией.

24.4.41

Продолжается отдельная подготовка. Планируя перевозку, выяснилось, что отдельный объемный транспорт нельзя грузить на французские железные дороги (из-за туннелей). Его, а также (в полном составе) полевую почту, отдел продовольственного снабжения, хлебопекарню, скотобойную роту и штаб дивизии намечено грузить в Аахене. Предварительное распоряжение уходит в части дивизии.

От транспортной комендатуры Лилля получены плановые таблицы перевозок — о том, что погрузка намечена с 28.4 по 6.5.

25.4.41

Приказ на транспортировку уходит частям дивизии. Идет сдача зоны ответственности 95-й дивизии — с нею обсуждается взятие под свой контроль и управление района расквартирования, установлено прибытие команд его приемки. В 6.00 ч. выезжает V.P., а вместе с ним и образованный приказом XII А.К. наблюдательный штаб (гауптман Герштмайер (I.R.133), обер-лейтенант Деттмер (A.R.98)[85], обер-лейтенант фон Рюлинг(Ic)...

26.4.41

Выезжает и Кернер, намереваясь проехав на автомобиле через Гамбург и посетив там свою семью, достичь затем нового района расквартирования дивизии самостоятельно. Для грузящихся в Аахене частей издается особая команда.

Получив согласие Кернера, майор Деттмер сообщает в штаб XII А.К. результаты проведенной его группой рекогносцировки в полосе наступления 45-й дивизии[86]:

Во-первых, установлено, что планируемое наблюдение столкнется с трудностями. Например, наблюдение к югу от шоссе Тересполь — Брест из-за плотной охраны и густых зарослей тополей и ив почти невозможно и, как правило, только с наблюдательной вышки.

Впрочем, севернее шоссе Тересполь — Брест у русских те же проблемы — просмотр с их стороны: до восточной окраины Тересполя — железнодорожной насыпи и восточной окраины Лобачува, где лишь незначительная охрана. Плотный ивняк и вдоль немецкого берега Буга, препятствующий просмотру территории непосредственно за ним.

Поля и луга частично еще под водой, частично болотистые, однако сухим летом почти всюду доступны. Во многих местах проходимы гужевым транспортом и сейчас. Автотранспорт, как правило, привязан к улицам, придется улучшать для него отдельные дороги небольшими силами.

Территория диктует нападение тремя группами. Центральной придется преодолеть водные преграды 3–4 раза, а правой и левой — дважды (только Буг и наполненные водой рвы укреплений).

Исходное положение и задача зависят главным образом от использования реактивных установок. Исходные районы правой ударной группы (усиленного батальона): частью перед позициями «Небельверфер» (в мирное время недопустимо) в бывшем форту[87] (надежном укрытии). Имея возможность скрытого сближения почти на всем расстоянии, она атакует южную часть цитадели и Бреста.

Для центральной ударной группы (усиленной роты) исходное — западная часть Тересполя, подвоз на грузовиках для максимального использования огня «Небельверфер», пока противник не очнулся.

Далее, ворвавшись на Западный и Центральный острова, по возможности быстро овладеть, например, мостами через Буг[88] и рвами крепости.

Исходное положение левой ударной группы (усиленного батальона): подразделений для налета на железнодорожный мост — непосредственно в юго-западном конце железнодорожного моста за дамбой, остальных — вдоль железнодорожной насыпи за ней и в северной части Тересполя.

Ее задачи — штурм, непосредственно перед огневым налетом, невредимого железнодорожного моста с ходу; нападение на северную часть цитадели из района стрельбища и далее захват города Бреста.

Выход в исходное положение — затемно, так как дороги туда частично просматриваются.

Боевое расписание предусматривает,что:

Правая ударная группа — батальон второго пехотного полка дивизии, усиленный всем тяжелым его оружием.

Центральная ударная группа — усиленная рота второго батальона ударного полка.

Левая ударная группа — усиленный батальон ударного полка.

В резерве дивизии — батальон второго пехотного полка (третий пехотный полк, вероятно, в резерве штаба корпуса).

Разгранлиния между правой и центральной ударными группами: южный край Блоткув — южная пробивка реки Буг — по течению Буга и Мухавца до железнодорожного моста Брест — шоссе Брест — Кобрин (к центральной группе).

Обоснование для боевого расписания в 2 полковых группах:

Запутанность территории изначально ставит под вопрос централизованное ведение боя во всей полосе дивизии. Оно и далее не гарантировано, ибо в ходе сражения Буг и Мухавец отделяют правую группу от других. Кроме того, тяжелое оружие пехотного полка 2-й волны[89], таким образом, с самого начала используется под прямым руководством.

Направление главного удара — левая ударная группировка. Территория обеспечивает лучшую артподдержку ее удара, допускает централизованное руководство, а так как задача — захватить железнодорожныймост неповрежденным,то здесь форсирование кажется наиболее успешным.

Начало нападения, обусловленное реактивными установками, — полчаса до восхода солнца.

Использование артиллерии и тяжелого оружия:

Реактивные установки — по предложению командира Nbw.Abt.8.

При правой ударной группе — все тяжелое оружие пехотного полка 2-й волны (без тяжелых минометов). Исходя из этого артиллерия дивизии воздействует частями или в целом на свою полосу и исключает возможную фланкировку из соседней.

Подразделениям тяжелого оружия при центральной ударной группе — на основе указаний ударного полка, далее — уничтожать продолжающие оборону вражеские гнезда на Западном и Центральном островах, в т. ч. огнем тяжелых минометов, концентрируемым под централизованным руководством дивизии. Кроме того — туда же готовится удар двумя батареями.

Действие тяжелого оружия пехоты при левой ударной группе — по указанию полка главного удара. Вся артиллерия дивизии концентрируется на районах стрельбища (Strz), форта в 700 м к северо-востоку от него[90], Северном и Центральном островах. Кроме того, по северо-западной части Цитадели и Северному острову кладется артиллерия особой мощности. После удачного вторжения в цитадель готовится сосредоточение огня всей артиллерии и тяжелого оружия пехоты по западу Бреста для поддержки нападения на него.

Расчет времени:

Х-8 мин. Налет на железнодорожныймост без огневой Подготовки.

Х-5 мин. Огневой налет реактивных установок, массированный огонь всей остальной артиллерии и

тяжелого оружия пехоты по первым целям наступления.

X час. Нападение всех 3 ударных группировок с одновременной переправой. Артиллерия дивизии и артиллерия особой мощности ведут обстрел главным образом Северного и Центрального островов.

X+? Главные силы дивизии следуют там, где были сохранены захваченные или быстро созданы новые переходы.

Достигнув Тришина, правая ударная группировка находится там же и снова вливается в свой полк или (в случае наступления существенно быстрее ударных подразделений) продолжает нападение с пехотным полком 2-й волны на Кобрин и соединения со средней левой ударной группировкой.

КП дивизии и командира A.R.98 в каземате[91] у поворота на Блоткув-Дужиот Тересполя (кладбище в его западной части).

Требования дивизии к штабу корпуса:

Перенесение северной границы участков у Лобачува на север, чтобы район, примыкающий к нему с севера, доставался дивизии как огневая позиция для легкого артиллерийского дивизиона.

Максимальное назначение тяжелых надувных лодок из средств штаба корпуса для переправы отдельных ударных группировок (по 2–4 водных преграды).

Расширение двух полевых дорог для тяжелого конного и моторизованного транспорта.

Усиление исходных районов (особенно в правой части) мешками с песком и окопными работами.

Скорейшее приготовление части пограничного забора как укрытия.

Ускоренно закончить наблюдательные вышки и заранее создать у русских привычку наблюдать у границы небольшие разведгруппы.

Деттмер уже сейчас предложил занять этим II дивизион 1-го кавалерийского полка.

27.4.41

К вечеру дивизия потрясена сообщением, что генерал-майор Кернер, самостоятельно управляя легковой автомашиной, погиб при автокатастрофе в районе Ганновера, в 17.15…

Уведомляются командиры частей и заместитель начальника штаба XVII А.К. Штаб XI армейского корпуса уже известил остальных (ОКХ., семья и т. д.).

Это событие стало для дивизии самой тяжелой потерей с момента ее существования.

28.4.41

Начинается погрузка первых эшелонов. Управление в районе Сент-Квентина принимается 95-й дивизией.

«Сорок пятая» покидает Францию, оставляя в могилах Корбеню, Сент-Квентина, Ардре (у Кале) 462 своего солдата и офицера. Из них 49 — погибшие и после «мясорубки на Эне», жертвы болезней и несчастных случаев[92].

29.4.41

V.P. прибывает с первыми частями в новый район расквартирования (Варшава и ее окрестности). В вопросах боевой подготовки дивизия подчиняется штабу XII А.К. (Радом); территориально — Höh.Kdo.z.b.V. XXXV (Минск — Васовики). Их вышестоящее командование — A.O.K.4 (Варшава).

Наблюдательному штабу (гауптман Герштмайер и обер-лейтенант Деттмер) у Тересполя поручено ведение наблюдения у немецко-русской границы интересов (на Брест-Литовск).

Выявляется, что размещение подразделений дивизии будет очень тесным.

...Вопросы прибытия и расквартирования войск, прибывающих в полосу армии, поднимались начальником ее штаба Блюментриттом еще 12 февраля 1941 г.[93].

Приказано, что срочная доставка многочисленных штабов и войск армии, размещаемых в ее районе, проводится быстро, взаимодействуя с замначштабов корпусов и командующим войсками в генерал-губернаторстве (Польше). Учащенные выгрузки у границы организуются генерал-квартирмейстером и начальником тыла армии.

В полном объеме начинается строительство бараков, дорог и обустройство районов расквартирования.

Всем штабам и войскам указано на то, что с некоторыми достаточно неудобными проводящимися мероприятиями придется смириться и впредь, и во всегда возрастающей мере, причем без сообщения цели.

Блюментриттом подчеркнуто, что «господ командиров корпусов я прошу принять к сведению, что срочные требования армии, далее все возрастающие, перегружающие штабы и войска, значительно ограничивающие другие проекты, выполнять срочно как обусловленные приказанными ОКХ и ускоренно проводимыми мероприятиями»[94].

30.4.41

Штаб дивизии выехал в Аахен, чтобы грузиться там 1.5, где и разместился на ночлег. Прекрасно понимая, что работа новой радиостанции будет обнаружена службами радиоразведки «советов» (Западного особого военного округа), да и появление нового соединения не пройдет не отмеченным агентурой, все же предпринимаются меры по сокрытию прибытия дивизии.

Невозможность использования радиосвязи диктовала опору на телефонную сеть общего пользования[95]. По мнению штаба дивизии, «на востоке, где переключенные для вермахта линии частично используют коммутационную аппаратуру и усилительные подстанции и почтового управления, опасность прослушивания особенно большая. Кроме того, здесь из-за недостатка собственных сил немецкая почта значительно привлекает польский персонал. Необходима особая осторожность при междугородных телефонных разговорах. Ни в коем случае не вести переговоры о тайном или совершенно секретном. Установленные контролем нарушения наказываются»[96].

Отдано распоряжение о периодической перепроверке офицерами на всех телефонных станциях междугородных телефонных разговоров.

В этот день для маскировки телефонной связи в частях дивизии до (включительно) батальонных и дивизионных штабов вводятся кодовые наименования. На сохранение их в тайне указано особо.

45-я дивизия отныне превратилась в «Королевского тигра». Отделы ее штаба вызывались теперь так (например): «королевский тигр, служебное помещение Ia».

Рота, батарея и т. п. представлялись так — «Nr. подразделения и кодовое наименование вышестоящего штаба». Не было кодовых наименований и у тыловых служб. Они представлялись либо «королевский тигр, отдел...», или, называя службу, следили, чтобы не выяснилось, что за «королевским тигром» скрыта дивизия. Например: «королевский тигр, руководитель подвоза», но не: «королевский тигр, руководитель подвоза дивизии».

Объявление кодовых наименований до приданных частей доводилось только в степени, необходимой для поддержания телефонной связи.

«Нужно упорно заботиться об эффективной маскировке междугородных телефонных разговоров. Это особо важно для нашего соединения, недавно переведенного на восток».

Для оценки уровня подготовки генерал Шрот потребовал от вновь прибывающей дивизии четкий отчет о видах и интенсивности проведенного ее частями обучения. Интересует и опыт дивизии в ночных перемещениях и переходах, преодолении больших лесов и болотистых пространств, обширных свободных территорий с дымовой завесой и без нее; и психическая устойчивость к сильным воздушным нападениям.

Генерал Шрот подчеркнул, что в подразделениях важно воспитывать отсутствие какой-либо «танкобоязни» и «газового страха». Танковая тревога должна быть организована и никогда Не вызывать паники. Солдаты должны знать, что постоянно нужно считаться с нападением вражеских танков, однако они имеют средства защиты и помимо противотанкового орудия.

«Остановки на ночлег при наступательном марше перед отравленной территорией исключены. Вопрос лишь о сокращении времени преодоления. Командиры, младшие командиры и подразделения должны быть готовы к этому».

1.5.41

11.37 ч. Штаб 45 I.D. выезжает из Аахена. Маршрут поездки: Аахен — Виттенберг — Магдебург — Лигнитц — Ченстохов, там же идут и остальные эшелоны.

2.5.41

В Гамбурге при замначштаба X А.К. проходят поминки по генерал-майору Кернеру. От дивизии присутствуют: полковник Гипп (командир I.R.130), полковник Йон (командир I.R.135), оберст-лейтенант Цан (командир PzJgAbt.45), оберст-лейтенант Масух (командир 81-го саперного батальона), а также майор Шинделмайзер (IIa) и военный судья доктор Гартенауер (штаб дивизии).

3.5.41

Около 19.00 ч. — эшелон штаба дивизии прибывает в Прусцков (вплотную примыкающий с западу к Варшаве). Подразделения штаба дивизии (отдел тыла, штаб-квартира) размещаются в Прусцкове, группа управления штаба (майор Деттмер (Ia) и обер-лейтенант барон фон Рюлинг (Ic)) — в замке Геленов около Прусцкова.

4.5.41

Работа начинается на основе созданных V.P. документов. Организуется снабжение, связь.

Первые же распоряжения по обучению, отданные вышестоящим командованием, позволяют сделать вывод об использовании против России. Среди них — обучение подразделений взятию бастионов, а также подготовка к плохим дорогам и отсутствию пригодных карт. При намечаемой операции приобретают особое значение противохимическая защита и средства ПВО пехотных подразделений.

Велькер и Деттмер в рамках работ, проводимых в качестве команды приемки района назначения в районе Тересполя, изучали возможности дивизии против крепости Брест-Литовск.

5.5.41

А.О.К.4 издано распоряжение о проведении различных совещаний; следующее, намечаемое на 9.5 — о спланированном на конец мая выдвижении к русской границе.

Продолжая знакомить 45 I.D. с требованиями, предъявляемыми к обучению войск 4-й армии, штаб корпуса посылает в дивизию письмо[97] командующего армией фон Клюге о результатах проводимой им проверки обучения при посещениях войск: «Все службы, соединения и части с большой преданностью совершенствуют обучение отдельного солдата и подразделения. Число проведенных или спланированных

подразделениями упражнений показывает, что поставленные мной требования всюду выполнены, а иногда и превзойдены». Фон Клюге распорядился о переносе по окончании еще идущих маршей основного направления обучения (примерно до конца мая):

1. Обучение отделения, взвода, роты и соответственно батареи и эскадрона, упирая на обучение оружию, связанному с боем, особенно тяжелому (пехотных рот).

2. Ближний бой.

3. Упражнение в стрельбе боевыми патронами.

4. Оборона от вражеских бронеавтомобилей и низколетящих самолетов и быстрое преодоление отравленной боевым отравляющим веществом территории.

5. Полевая служба (охранение, разбивка бивака и т. д.).

6. Выезды в поле с младшими командирами для обучения взаимодействия оружия в бою.

7. Уход за лошадьми и автомобилями.

8. Внутренняя служба (уход за оружием, матчастью, седельным снаряжением и посудой, транспортом). Обеспечение достаточным количеством одежды и обуви.

Вместе с тем Клюге отметил: «Необходимо избегать каждого чрезмерного требования, в частности к лошадям. В отдельных соединениях состояние лошадей плохое. При бедной дорогами территории лошадь, наряду с мотором, самый важный помощник для надежного и быстрого ввода в действие нашего высококачественного тяжелого оружия».

Он потребовал от всех командиров обратить особое внимание на квалифицированный уход за лошадьми и правильную конскую сбрую и скорейшее устранение существующих недостатков практическим обучением и надзором, пообещав снова и снова при своих посещениях войск проверять состояние и уход за лошадьми.

Поступившее в этот же день распоряжение XII А.К. о дальнейшем обучении нацеливает его в первую очередь на предполагаемое сражение и на связанные с ним особые виды боя. Как пример передается учебная программа, особо учитывающая предстоящие задачи.

Помимо этого штаб корпуса указал при обучении артиллерии использовать ее опыт на Западе и указания HARKO 302 (командующего артиллерией PzGr2) от 10.2.41 для артиллерийского обучения, вытекающие из картографического материала района, и т. д.

Пример программы обучения, выданной XII А.К. и, по-видимому, взятой за основу дивизией, представляет особый интерес. Это — основа для планов нападения ее батальонов и полков, планов, имеющих достаточно скудное документальное отражение.

Итак, план обучения (на двухнедельный период) предусматривал:

1) Ночные марши по плохим полевым дорогам, проводимые до усиленного подразделения полка. На каждую часть (еженедельно) — 1–2 ночных марша.

2) Занятие исходного положения ночью (для нападения в утреннем сумраке). При этом ударная группа занимает исходные позиции, разведанные и определенные днем раньше, беззвучно подойдя к врагу по неприкрытой территории на 100 м и поднеся тяжелое оружие до 200 м.

В каждом пехотном полку проводится полковое учение по занятию исходного положения, где в распоряжении полка для подхода в исходный район — только полевая дорога; лошади и транспорт до начала утренних сумерек уводятся в укрытие (примерно в 5 км позади передовой линии исходного

положения).

3) Нападение — через речное русло шириной около 50 м, защищенное мелью, на усиленную постоянными оборонительными сооружениями позицию, в утреннем сумраке без предшествующей артподготовки. Преодоление последнего перед рекой отрезка — плоской территории без укрытия.

Обучение переправе надувными лодками, преодолению речных отмелей при ручном перетаскивании тяжелого оружия {включая пехотное и противотанковое орудие). Форсирование реки проводится и как упражнение батальона, рассчитывая дои этом на придание штурмовой артиллерии.

Преодолев прибрежные позиции и завершив форсирование, части ведут бой в кустарнике, затем, вырвавшись из него, преодолевают постоянные оборонительные сооружения, чье наблюдение возможно только после прохождения кустарника. Если прибрежные заросли и болотистые места пройдены, в них начинается перетаскивание вручную всего тяжелого орудия пехоты. Разучивается строительство мостиков на надувных лодках[98], временных мостов, бревенчатых настилов и т. д. для преодоления водопроводящихканав и болотистых мест в кустарнике.

Особенно нужно обучаться поддержанному саперами нападению штурмовой группы на постоянные оборонительные сооружения, используя l.F.H., противотанковые и пехотные орудия и стрельбу боевыми патронами вплоть до средств дымообразования. Это обучение проводится до ротных подразделений со стрельбой боевыми патронами.

Артиллерия обучается, в частности: беззвучным ночным маршам на плохих полевых дорогах, ночному приведению батарей в боевое положение (на разведанные и размеренные днем огневые позиции). Ночью уже должна быть гарантирована готовность к открытию огня и стрельба с сокращенной подготовкой.

Необходимый момент обучения — инженерная подготовка: строительство огневых позиций на неприкрытой территории с предотвращением наблюдения противником, маскировка огневых и устройство ложных позиций, интенсивные тренировки по преодолению полевых оборонительных сооружений с ДОС, преодоление бетонных дотов отдельными орудиями прямой наводкой.

Обучение противохимической защите (действиям при применении стойкого[99] и нестойкого отравляющего вещества) — это прежде всего быстрое и уверенное применение ее средств; надевание противогаза за норму времени 15 сек. Проведение, раз в неделю, «газового дня» с основной целью — привычка к нахождению в противогазе. К концу обучения все солдаты должны выдерживать ношение противогаза беспрерывно по 4 ч. Каждая часть, по крайней мере раз в неделю, муштрует быстрое преодоление химическихзаграждений.

Относительно оборудования учебно-тренировочного полигона в программе обучения указывалось, что «для обучения форсирования реки и последующей борьбе за дот каждый пехотный полк создает себе учебное поле. При этом у реки строят макеты отдельных бункеров, и на удалении от нее — группу бункеров, запрашивая древесину от Ib дивизии». Однако перед 45-й дивизией, единственной в полосе армии, помимо преодоления советских укреплений вдоль Буга стояли и более специфические задачи — штурм крепости середины 19-го века.

...Пришло сообщение, что вскоре нужно рассчитывать на планомерное распределение повозок с возницами из местного населения.

6.5.41

В рамках учебной подготовки офицеров, унтер-офицеров и рядовых пехоты и артиллерии приказано участвовать на «курсах борьбы с танками». Необходимо и обучение борьбе с танком без специального оружия.

7.5.41

Деттмер устанавливает связь с 7-й дивизией (Легионово, командир барон К. фор дер Габленц, Ia оберст-лейтенант Райхельт).

8.5.41

Никаких особенных событий.

9.5.41

К полудню прибывает новый командир дивизии 48-летний генерал-майор Фриц Шлипер. Офицеры и служащие штаба дивизии представляются ему.

Фриц Шлипер

48-летний (род. 4.8.1892 г.) уроженец Кольдромба (Позен) Фриц Шлипер начал службу в артиллерийских частях. В 1912 г. он, находясь в 17-й полку полевой артиллерии, получил звание лейтенанта. В межвоенный период командовал 17-м артполком и Arko 24. В сентябре 1939 г. полковник Шлипер исполнял обязанности начальника штаба XII А.К., с 23 октября — начальника штаба пограничной полосы Группы армий «Центр», 1 ноября он был назначен обер-квартирмейстером (начальником отдела тыла) 18-й армии с одновременным присвоением звания «генерал-майор». На этой должности Шлипер проработал дольше всего — до 25.11.1940, после чего был зачислен в резерв командного состава О.К. Н.

Не самая блестящая карьера, но и сейчас целых полгода Фриц Шлипер находился не у дел. Несмотря на то что формировалисьновые соединения, места ему не находилось. По-видимому, пришло время более молодых, стремительно делавших карьеру на новой войне. Новоиспеченный генерал-майор принадлежал к старому поколению прусских офицеров…

Конечно, хотя генерал Шлипер и не получил известности «прославленного полководца», не зарекомендовал себя как опытный командир, но вряд ли он оказался бы невостребованным и рано или поздно генералу нашлось бы место где-нибудь в штабе сухопутных войск. Но внезапная смерть Кернера все изменила — 1 мая 1941 г. Фриц Шлипер был назначен командиром45-й пехотной дивизии…

Шлипер не имел опыта ни командования соединением, ни операций по форсированию реки или взятию крупного города[100].

Более того, Ia, его ближайший помощник (майор Армин Деттмер) также находился на своей должности менее 3 месяцев…

Пока Шлипер знакомится со штабом дивизии, Деттмер участвует в совещании при A.O.K.4 по намеченному на конец мая выдвижению (для 45-й дивизии — по шоссе Варшава — Брест-Литовск), размещению в планируемом пункте постоянной дислокации (для 45-й дивизии — между Бяла-Подляской и Тересполем), вопросам ПВО.

10.5.41

Новый командир «сорок пятой» выступает во второй половине дня перед офицерами и служащими штаба, говоря об основах сотрудничества.

В связи с этим Шлиперу представляются командиры полкой и отдельных частей. С ними обсуждаются первоочередные вопросы обучения и использования войск.

Облегчая дивизии выполнение предстоящих задач, генерал Шрот распорядился об организации ею практического обучения пехоты и саперов быстрому преодолению рек и наполненных водой крепостных рвов (иногда с последующим штурмом вала (крепостной стены)) под воздействием противника; а также обучение штурму напоминающих Брест-Литовскую цитадель зданий и казематов на вовремя подвернувшемся «полигоне» — укреплениях крепости Варшавы.

Дивизии с санкции штаба корпуса при комендатуре Варшавы и коменданта района аэродрома передается в распоряжение форт VI старой варшавской крепости (к западу от аэродрома Варшавы, непосредственно к западу от большого шоссе Варшава — Радом, в 450 м юго-западнее Охота (юго-западная окраина Варшавы). Шротом подчеркнуто, что необходимо искать и дополнительные благоприятные возможности для упражнения, чтобы за выделенное время обучить как можно больше солдат и наиболее разнообразным ситуациям.

VI форт имел неплохие условия для одновременного упражнения минимум 2 рот: наполненные водой рвы длиной 250–1100 м, шириной 12–15 м, глубиной 3 м, в северной части — неиспользуемый каземат.

Обучение, учитывая предстоящие задачи и используя все результаты разведки, планировалось максимально реалистичным, чтобы дивизия, используя все ее средства (малые и большие надувные лодки[101], подручные средства, спортивные снаряды, разборные мосты и т. д.), сотрудничая с тяжелым оружием пехоты и саперов, быстро бы преодолела водные преграды у Брест-Литовска.

На то, что за водными могут последовать и другие, как-то не акцентировалось.

11.5.41

Шлипер с Арминой Деттмером и Бруно Шинделмайзером (IIa) едет в Тересполь для создания представления о предусмотренном районе наступления, а осмотрев — основы для плана боя.

Выявляется, что большая часть предполагаемой территории нападения еще затоплена.

Важным событием стало решение о придании соединениям XII A.K. частей армейского подчинения. Распределение, по-видимому, соответствует уже складывающемуся в высшем командовании замыслу перехода через Буг. 45-й дивизии придаются штаб 4-го полка химических минометов[102] особого назначения (NbwRgts.Stab z.b.V.4) (размещение — Гултови), 8-й дивизион химических минометов (Nbw.Abt 8) (Розалин) и 105-й дивизион обеззараживания[103] (Entg.Abt 105)(Позен). Указания по саперным силам придут позднее[104].

На вооружении частей, объединяемых NbwRgt.Stab z.b.V.4 (NbwAbt 8 и Entg.Abt 105), находились

тяжелые метательные приборы[105] — пусковые установки для запуска турбореактивных снарядов: деревянные или железные станки, с четырьмя турбореактивными снарядами в укупорках (решетчатых ящиках), состоящие из рамы со стойкой, колышков, забиваемых в землю, натяжных тросов и опорной доски. Рама могла перемещаться вертикально, позволяя придавать угол возвышения от 5° до 42°.

Стрельба начиналась с заднего ряда приборов. Все четыре мины выстреливались за 6 секунд.

Можно предположить, что на вооружении NbwAbt 8 состояла и более мощная установка — шестиствольная 28/32 Nbw 41[106].

28/32 Nbw 41 имела подрессоренный и колесный ход и пневматические шины, что позволяло перевозить ее по шоссе со скоростью до 35 км/ч. Она состояла из ствольной фермы (6 направляющих), верхней подвижной рамы, нижней неподвижной рамы и колесного хода. Запуск шести мин — за 10 сек., 2 залпа за 5 минут. Расчет установки — 6 человек[107].

Ствольная ферма могла вращаться как вертикально, так и горизонтально.

Пусковые установки вели огонь 28-см фугасными и 32-см зажигательным турбореактивным снарядами. Прямое попадание фугасного полностью разрушало каменный дом, полевые укрытия. Все живое в радиусе нескольких десятков метров поражалось взрывной волной. Осколки разлетались на 800 м.

Зажигательный разрабатывался для поджога различных строений и лесов и поражения живой силы. При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и т. д. единичное попадание вызывало горение на площади 200 м² с пламенем до 2–3 м по высоте, прямые попадания валили 30–40-см деревья и могли их поджечь. Для одновременного поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин[108].

При одиночном попадании зажигательного снаряда в здание он, пробивая стены и крышу, поджигал все, что внутри и могло гореть. Горящая нефть (50 л) разбрызгивалась по фронту 20–25 м, в глубину — 10–15 м и в высоту на 2–3 м, внушала ужас, обваривала незащищенные участки кожи[109] и воспламеняла пропитанную ею одежду. К тому же разрыв 1 кг заряда взрывчатки давал осколки.

Дальность стрельбы — 28-см фугасного: макс. 1900 м, мин. — 700 м; 32-см зажигательного — макс. 2000, мин. — 700 м.

…Еще 15–16 апреля по распоряжению командования 12 А.К. офицерами 8-го дивизиона проводилась разведка в полосе 45-й дивизии[110], выяснение здесь возможностей «Небельверфер».

К этому моменту решено, что нападение на цитадель ведется при существенном использовании огневого налета «Небельверфер», используя 9 батарей (3 батареи NbwAbt 8, 3 батареи Entg.Abt 105, 3 батареи обслуживаемых персоналом NbwAbt 8[111]).

Майор, командир NbwAbt 8, рассматривая предстоящую операцию, прежде всего подчеркивает, что начало нападения и его ход должны значительно учитывать особенности «Небельверфер» (незначительная досягаемость от 2000 м, трудно маскируемые огневые позиции, чувствительность установок к обстрелу, сильное рассеивание с возможными недолетами).

Минометы окажут значительный эффект в начале боя. За 5 минут «Небельверфер» сделают 2880 выстрелов самого крупного калибра (1440 28-см фугасных и 1440 32-см зажигательных турбореактивных снарядов) по юго-западной и юго-восточной части, центру и западу северной части цитадели. Одновременно действие «Небельверфер» дополняется огнем тяжелой артиллерии по недосягаемой для них северной части цитадели.

Огневой налет «Небельверфер» должен начаться (самое позднее) за полчаса перед восходом солнца, чтобы пусковые установки, приведенные ночью в боевое положение, не были узнаны и разбиты

противником еще до открытия ими огня. Особо светлые ночи с ранними сумерками потребуют еще более раннего огневого налета.

Командир NbwAbt 8 предлагает, что налет на железнодорожный мост (к этому времени признающийся неотъемлемым элементом операции) должен начаться за 3 минуты до начала огневого налета. Его более раннее начало было бы преждевременным выманиванием огня вражеской артиллерии, угрожающего уязвимым позициям реактивных установок, а более позднее — ставило бы под сомнение его успех, учитывая возможность подрыва моста противником вскоре после начала огневого налета.

Именно командир дивизиона реактивных минометов первым очертил план операции по захвату цитадели. По его мнению, он проводится усиленной полковой группировкой, поделенной на 3 ударные группы, с задачами:

Правая ударная группа (батальон) — переход через Буг у дорожного моста по южному краю цитадели.

Центральная ударная группа (предположительно рота) — переход над старицей Буга у дорожных мостов в западной части цитадели.

Левая ударная группа (2 батальона без 1 роты) — переход через Буг непосредственно на юго-восток от железнодорожного моста. Именно левая ударная группа наступает в полосе главного удара.

Исходное положение для правой ударной группы:

Первая волна (отдельные штурмовые группы и расчеты тяжелого оружия, а также средства форсирования) — относившаяся ранее к территории Германии[112] южная оконечность юго-западной части цитадели. Обеспечение укрытия от воздействия собственных реактивных установок, укрывшись в казематах и окопавшись за валами.

Вторая волна — в казематах старого форта[113] у развилки дорог, в 1500 метрах на юго-восток от Тересполя.

Третья волна — непосредственно к югу от уличного перекрестка в 500 м на восток от Блоткув Малы, за насыпью дороги, ведущей в Михалкув.

Реактивным установкам пришлось бы до начала нападения стрелять поверх первых двух волн. «Это недопустимо в мирное время и при известных обстоятельствах приведет к потерям», — признает командир NbwAbt 8, однако считает, что «с этой опасностью можно смириться, так как вероятность несчастных случаев ввиду хороших укрытий не очень большая, зато в этом случае возможно использование эффекта внезапности огня».

Исходное положение для центральной ударной группы: она на автомобилях подвозится в Тересполь или непосредственно к западу от него.

Исходное положение для передовых частей (одной роты) левой ударной группы — непосредственно у относящегося к территории Германии конца моста за расположенным южнее его коротким земляным валом.

Для главных частей левой ударной группы: первый батальон (без одной роты) — длинной тонкой цепью по южному краю дамбы железнодорожного моста до перекрестка железной дороги у «Fw»[114], второй батальон между северной окраиной Тересполь и «Fw» с возможностью перенесения в середину или справа.

Исходное положение переправочно-десантного имущества и тяжелого оружия пехоты (без расчетов) всех ударных группировок непосредственно за находящимся по эту сторону краем зоны рассеивания.

Огневая поддержка (кроме «Небельверфер» и артиллерии особой мощности[115]) атакующих групп: правой и центральной — тяжелым оружием пехоты, левой — всей дивизионной артиллерией.

Предлагаемый командиром NbwAbt 8 ход нападения:

X-8 штурмовая группа начинает налет на железнодорожный мост без огневой подготовки.

X-5 начинается огневой налет «Небельверфер» и артиллерии большой мощности.

X-5 начинается огневой налет дивизионной артиллерии на вражеские укрепления непосредственно к северо-востоку от Железнодорожного моста, непосредственно западнее стрельбища (Strz) и на форт[116] в 700 м к северо-востоку от стрельбища.

X передовые подразделения правой ударной группы устремляются к предоставленному тяжелому оружию пехоты, подавляют, например, оставшиеся гнезда сопротивления на восточном берегу Буга и начинают переправу.

X центральная ударная группа, примчавшись на своих автомобилях, проникает в юго-западную часть цитадели.

X левая ударная группа сразу же начинает с переправы.

После удавшейся переправы все ударные группировки быстро наносят удар по внутреннему ядру цитадели и, в частности, берут в свои руки 4 моста[117], связывающие ядро с остальными частями цитадели.

Главные силы дивизии начинают подводиться там, где сохранились переходы или где они могут создаваться быстрее всего.

Обосновывая свои предложения, командир NbwAbt 8 указывает, что перенесение направления главного удара налево необходимо для защиты от контратак мощным предмостным укреплением отнятого железнодорожного моста, ибо именно слева возможен сдвиг более сильных собственных подразделений непосредственно к Бугу, без угрозы от «Небельверфер». Огневой налет с высокой вероятностью исключает вражеское огневое воздействие справа отсюда, а опора подразделения на железнодорожную насыпь уменьшает его слева.

Расчет правой ударной группы как второй по силе целесообразен из-за защиты спереди частично сохранившегося дорожного моста по южному краю цитадели, дав возможность его расширения как временного моста. Кроме того, ряд укрытий позволяет частям ударной группы находиться впереди «Небельверфер», вплотную приближаясь к Бугу.

Расчет центральной ударной группы целесообразен как наиболее слабой: спорно, удастся ли прорыв крупных сил через, вероятно, горящую юго-западную часть цитадели, кроме того, при отсутствии достаточных укрытий эта ударная группа сосредотачивается до огневого налета позади реактивных установок.

Командиром NbwAbt 8 выдвинуты достаточно обширные требования для эффективного использования «Небельверфер».

Во-первых, для подготовки их к действию необходимо минимум 4 дня и 4 ночи.

Желательно, чтобы размещение NbwAbt 8 и Entg.Abt 105 в конечном районе сосредоточения прошло как можно ранее и ближе к Тересполю или в нем самом, облегчая подготовку.

Для снабжения боеприпасами дивизионы предположительно нуждаются в 20 грузовиках и 500 рядовых (как подсобных рабочих). При более короткой, чем 4 дня и 4 ночи, подготовке запрос в подсобных рабочих достигнет исключительно высоких цифр.

Снабжение турбореактивными снарядами должно облегчаться их выкладкой поблизости от огневых позиций.

Однако сейчас запасы турбореактивных снарядов — на складах боеприпасов «Марта» (10-й километр к северу от Бяла-Подляски) и «Матильда» (8-й км к северо-востоку от Вегрова).

«Марта» удалена примерно на 50 км от района боев. Это, конечно, не очень близко, но перевезти можно, а вот «Матильда» (почти в 150 км) это исключает, поэтому весь боеприпас необходимо подвезти ближе, по меньшей мере в «Марту».

Кроме того, пока нет и необходимого количества боеприпасов (2880 турбореактивных снарядов). О точно имеющемся и еще необходимом количестве сообщат позднее.

При скором переходе к Тересполю вокзал Хотылува (примерно в 20 км на юго-восток от Тересполя) желателен для NbwAbt 8 как вокзал для подвозимого довольствия и матчасти, например, установок). Он имеет запасной путь для 30 (грузовую платформу — для 8) вагонов, пока (в противоположность ронически заткнутой Бяла-Подляски) мало используется и больше никак не соприкасается с русским персоналом (в отличие от Тересполя, с его угрозой шпионажа).

Используя дивизионы «Небельверфер», необходимо регулировать вопрос общего руководства ими. Ясный порядок подчиненности необходим, чтобы открытие огня, распределение целей и взаимодействие (особенно с пехотной штурмовой группой, берущей мост) удались безупречно.

Командиром NbwAbt 8 подчеркнуто, что «скорое освобождение Тересполя, в частности удаление его населения по причинам сохранения в тайне, я считаю непременно необходимым».

Квартиры, освобожденные в Тересполе, сразу бы занимались подразделениями 45-й дивизии.

Чтобы скрыть секретные установки, расположение дивизионов должно быть закрытым (никакого смешивания с другими подразделениями или населением).

Вплоть до упражнения в «Warthelager» установки успешно скрывались от посторонних. «Досадно, если бы незадолго до использования достигнутое сохранение в тайне ставилось под сомнение».

Ну и, наконец, командир NbwAbt 8 предложил длинный список необходимых уже сейчас инженерных работ для использования реактивных установок: расширение разбитой и в нескольких местах болотистой полевой дороги длиной 1250 м от юго-восточного угла Тересполя до уличного перекрестка в 100 м на восток Блоткув Малы) для проезда грузовиков. Она необходима для приведения в боевое положение батарей и снабжения их боеприпасами.

Для этого же — строительство нескольких небольших мостов и простых мостов на территории к юго-востоку от Тересполя, через ручейки и ветви болота, вероятно остающиеся и там.

На северо-востоке Тересполя необходим забор из штакетника (для маскировки огневых позиций), перерыв или перевод нескольких линий электропередачи на его юго-востоке (преграда для траекторий полета).

Ряд инженерно-технических работ проводится и в интересах всей дивизии:

Приспособление казематов у бывшей южной оконечности юго-запада цитадели как противоосколочных, а прилегающих исходных районов для 1-й волны правой ударной группы как пулестойких, в т. ч. к западу от южной оконечности (противоосколочные убежища). То же для ее 2-й волны — приспособление казематов старого форта на развилке дорог в 1500 м на юго-восток[118] от Тересполя.

Приспособление пограничного забора во всей полосе нападения 45-й дивизии как маскирующего выход в исходное положение. Особенно важно сокрытие выхода на исходную позицию у бывшей южной

оконечности юго-запада цитадели.

Необходимо расширение следующих разбитых дорог в Тересполе для движения транспорта:

1) 2 дороги параллельно шоссе Тересполь — Брест-Литовск (с запада на восток).

2) Дорога Тересполь — Fw (к северу от Тересполя) (юго-восток — северо-запад).

В них нуждаются как для рассредоточенного подтягивания подразделений и транспорта дивизии, так и для выхода на позицию и снабжения боеприпасами действующих на восточной окраине Тересполя батарей «Небельверфер».

Необязательно, но крайне желательно дальнейшее улучшение ключевой дороги в районе Блоткува (с запада на восток), обеспечивая подход 45-й дивизии по частям в район исходного положения и, в частности, обход, вероятно, расположенного под вражеским артогнем железнодорожного переезда на юго-западной окраине Тересполя. Возможность разъезда особенно желательна для подвозимой автотранспортом централь ной ударной группы.

12.5.41

Шрот, подводя итоги упражнениям батальона I.R. 135, впервые выступает перед командирами полков и отдельных частей дивизии.

Частям издается приказ на проведение обучения № 7 (на период 12–26.5.41). Он требует ограничить обучение тем, что непосредственно важно для предполагаемого использования дивизии как по причинам, указанным в высших штабах, так и нехватки времени. В основном повторяя вышеизложенные требования фон Клюге (упор на небольшие подразделения и непосредственно применяемое оружие), приказ требует и углубление обучения специалистов в использовании их особого оружия и т. д. (знание самой эффективной дальности стрельбы, надежность в определении ее расстояний глазомером), строгую дисциплину при управлении огнем младшими командирами (требуются неоднократные с ними выезды в поле для обучения взаимодействию оружия в бою).

Маршевая подготовка увеличивается до марша примерно на 45 км. «В июне, вероятно, еще представится случай для более значительных переходов».

Всем пехотным и саперному батальону «Королевского тигра», учитывая его задачу, необходимо минимум одно упражнение по штурму постоянных укреплений, защищенных речными руслами и рвами шириной 30–80 м; затем овладение прилегающими к ним казематами и наличие при себе надувных лодок для нападения через следующие водные преграды. Необходимо провести усиленное оснащение надувных лодок и скорейшее доведение до полков результата осмотра выделяемых под упражнения комендатурой Варшавы отдельных фортов варшавских укреплений. Отработать налеты и действия штурмовой группы против особых пунктов (например, мостов).

Для этого придаются сильные подразделения саперного батальона, подробности их использования полковые командиры регулируют непосредственно с оберст-лейтенантом Масухом. Части PzJgAbt и артиллерийские команды связи (отделения связи с пехотой) A.R.98 привлекаются в непосредственном взаимодействии с уполномоченными командирами.

Израсходованное при этом горючее отдельно запрашивается и выделяется Ib.

Каждому пехотному батальону — провести упражнение по уличному бою, овладению и чистке населенных пунктов и районов, занятию и сохранению жизненно важных сооружений и складов. Привлечение саперного батальона и при необходимости противотанкового дивизиона и артиллерии.

Разведана и подготовлена территория для упражнений по стрельбе боевыми патронами.

Остальные пункты приказа добросовестно повторяют примерную программу, предложенную корпусом, а также письмо фон Клюге, особенно насчет сбережения лошадей.

13.5.41

В первой половине дня Шлипер осматривает различные форты у Варшавы и проверяет их на соответствие задачам по обучению взятия крепостей.

После полудня представляются командиры I.R.130 (Гипп). I.R.135 (Йон), A.R.98 (Велькер) и 81-го саперного батальона (Масух). Они инструктируются о подробностях плана нападения на Брест-Литовск. На 17.5 намечено знакомство с предполагаемымрайоном боя — разведка и ориентирование на местности.

Новое распоряжение корпуса — начиная с 15 мая дивизиям образовать штабы разведки, самостоятельно формируя их состав и указывая им цели в своей полосе. Таким образом, «оборонительные мероприятия у границы интересов» (как пока в некоторых распоряжениях именуются действия вермахта, а приближающаяся война с Советским Союзом — как «предстоящее упражнение») кроме концентрации войск и окопных работ на важнейших участках, ценно дополняются полной «наблюдательной системой», напоминающей «траншейное наблюдение» Первой мировой войны.

В соответствии с распоряжением в первую очередь инструктируются только командиры особого оружия (артиллерия, саперы, связь). Прочие — лишь при выдаче их подразделение особой задачи.

Наряду с тактической разведкой, соединением заблаговременно проводится приемка района расквартирования. Выделяются военные врачи, курирующие гигиенические мероприятия и дополняющие их (вывески у всех источников: «в некипяченом состоянии не пить», наблюдение за устройством отхожих мест и т. д.).

Разведка у границы и на просматриваемой русскими со своих наблюдательных вышек территории ведется незаметно. Необходимо избегать уплотнения штабов разведки. Также в тылу нужно считаться с русскими агентами, особенно среди евреев и польской интеллигенции.

В заключение штаб корпуса подчеркивает, что необходимые маскировочные сооружения, как и силы для улучшения дорог, не выдаются армией и корпусом, а самостоятельно готовятся подразделениями дивизии.

Далее пограничное наблюдение все более конкретизировалось. Подчеркивалась его планомерность, распределенность на наблюдательные полосы, взаимное пересечение и непрерывность, особо на границах с соседями, хорошо скрытые (в том числе и с тыла) НП.

Ведутся занятия с особо отобранными наблюдателями (офицерами и унтер-офицерами) при их смене. Необходимо, чтобы они всегда оставались на своем участке, полностью свыкаясь с ним. Это тем более важно, так как пограничная территория, как правило, бесцветна и пуста: разведка и ориентирование в ее неподвижности затруднены.

Ночью обращается внимание на шумы, световые проявления и т. д.

Результаты разведки в определенный срок подавать на вышестоящий НП (офицеру — куратору полосы наблюдения) и окончательный результат в полосе дивизии на карте, схеме или аэрофотоснимке вместе с коротким письменным сообщением представлять корпусу соответственно к 10 и 25-му каждого месяца. Нужно держать связь с соседями справа и слева. Важные результаты наблюдения сообщаются сразу же.

В этой постоянной сети наблюдения разведка артиллерии и саперов находят ценное дополнение их собственному наблюдению.

Особо подчеркнуто, что хотя «невероятно, что русский нападет, но все же, не упускать из виду вариант „Берта“, стремясь прежде всего к выяснению, перенес ли он крупные силы в пограничные укрепления для нападения».

Для пограничного наблюдения указано и на теснейшую связь с уже долго действующими у границы и хорошо знакомыми с положением таможенными погранслужбами.

Что касается планируемого размещения в районе сосредоточения, также регулируемого последующим распоряжением корпуса, то, сосредоточиваясь там, дивизия принимает охранение на Буге в своей полосе, при русском нападении защищая линию Буга (передний край дивизии). Для приемки подготовительных работ от сменяемых соединений (1 K.D. и 131 I.D.) к ним заблаговременно посылаются офицеры, проводя все изменения скрыто от русских.

Пограничный контроль в сочетании с уполномоченными таможенниками усиливается так, чтобы никто не смог бы (особенно ночью) перейти Буг. Особое внимание — на почтовых голубей и собак связи.

В любом случае необходимо избегать любой провокации русских. Огнестрельное оружие используется только по команде офицера в должности командира роты при безошибочно определенном русском нападении.

Если исходный район отличается от конечного района сосредоточения, охранения вдоль реки остаются в старой полосе, пока не освобождаются вновь вступающими туда силами, поэтому, уже сосредотачиваясь в конечном районе, туда назначаются те силы, что не востребованы в исходных районах впереди.

14.5.41

Шлипер осматривает подразделения и расположение I.R.133.

15.5.41

Наряду с ежедневной служебной деятельностью продолжается разработка основ нападения на Брест-Литовск. Дивизии подвозятся фотографии, планы и т. п. картографический материал. Однако в распоряжении указано на скудное снабжение им в предстоящей кампании. Вероятно, это вызвано и закрытостью русской территории.

Во многом проблему знакомства с Россией, как и пресечения знакомства России с дивизией, в варшавский период решает отдел Ic — в первую очередь сбором и обработкой информации о СССР. Для этой цели и ввода в новую сферу деятельности служат и неоднократные посещения и выступления фон Рюлинга в A.O.K.4 в Варшаве.

В генерал-губернаторстве и особенно в приграничье отдел Ic сосредоточился на контрразведке и сохранении тайны. По прибытии эшелонов с запада частям A.O.K.4 приказано о специальных защитных мерах, в т. ч. особой предусмотрительности против диверсий польского движения сопротивления. Благодаря настойчивым инструктированиям войск, кроме нескольких перерезаний кабеля, расследовавшихся контрразведкой в Варшаве, в зоне ответственности Ic 45.I.D. за весь «польский период» не произошло ничего существенного. Особое значение, так как почти все приказы и распоряжения шли как «Секретно» и «Совершенно секретно», приобрело сохранение тайны. Утерь секретных документов не было совсем, а нарушений дисциплины — почти (лишь отдельные самовольные отлучки (несколько нарушителей преданы военному суду). Однако зачисление на службу в дивизию «возниц крестьянских повозок» увеличило самовольные отлучки, о которых среди этих относящихся теперь к свите армии людей предписывалось сообщать как о самоволках солдат.

Усиленно перепроверяя полевую почту, контрольный пункт армии в дивизии установил ряд утечек

информации, как правило, малосерьезных: указаниях на место и район расквартирования, жалобах на плохое питание и т. д. Случаев очевидного разложения не обнаружено. В итоге большое число нарушений инструкций полевой почты привело к приказанной О.К.Н. проверке полевой почты командирами частей, что тотчас резко ограничило утечки.

Исключительно тесный район расквартирования дивизии и сильная загруженность войсками района Варшавы открывали для обслуживания находящихся вне города, отдельно размещающихся подразделений очень невеселые перспективы. Снабжение фильмами вообще не обсуждалось из-за отсутствия свободных залов, только в Прусцкове, в маленьком кинотеатре, за неделю демонстрировалось несколько сеансов (фильмы давало А.О.К.). Снабжение газетами, прежде всего армейской («Der Stosstrupp»), улучшилось после установления контакта с типографией в Варшаве, выписали (и получали) и краковскую газету. Настольные игры и другие средства досуга распределялись незначительно. Отмечено, что культурные мероприятия особо важны, ибо повышение цен в генерал-губернаторстве почти запрещало солдатам посещение ресторанов и т. д. Относительно посещения кино и т. д. части, размещенные в Варшаве отдельно (I.R.133, Прага[119]), находились в гораздо лучшем положении.

16.5.41

Генералы Шлипер и Шрот, а также майор Деттмер присутствуют на упражнении I.R.130 (1 усиленный батальон) по взятию бастионов.

Во второй половине дня по поручению Шлипера высказанные при обсуждении замечания и предложения объявляются Деттмером полковым и батальонным (пехотным) адъютантам для их командиров. Их суть:

Условием упражнения был захват подготовленного к штурму сильнейшей артподготовкой бастиона, защищенного несколькими рвами с крутым склоном.

Так как перед штурмуемыми дивизией бастионами лежит примерно 1 км неприкрытой территории, ее нужно преодолен, беззвучно и перед рассветом. С его началом открывается огонь, войска переходят в наступление. Поэтому минимум одно упражнение любой части должно учитывать это условие.

Возможно, придется преодолеть несколько водных преград поэтому так — средства форсирования требуют тщательнейшей организации и их необходимого количества — и для каждого вновь берущегося рва, и для переправы через них, уже взятых, следующих частей.

Недостаточно отразилось в проведенном упражнении (а это необходимо), чтобы высаживающиеся первыми группы сразу вступали бы в бой, предоставляя руководство дальнейшей переправой следующим подразделениям.

Срок между сосредоточением в местах посадки небольших подразделений после вызова их из укрытия и их посадкой в переправочные средства ограничить минимумом.

Наряду с увеличенным насыщением частей саперными средствами форсирования предусмотрены и вспомогательные байдарки и т. д., предоставляемые до боевых действий. Их дополнительное преимущество (из-за своей, как правило, незначительной емкости) представляет мелкую цель.

Для перетаскивания надувных лодок через опоясывающие бастионы ров с высокими и крутыми склонами, на суше необходимо упражняться в «бечевой тяге».

17.5.41

17 и 18 мая Йон, Кюлвайн, Гипп и Масух вместе со Шлипером и Деттмером — у Тересполя, в районе, предусмотренное для наступления дивизии. Обсуждаемые 13 мая детали план нападения на Брест-Литовск рассматриваются теперь на местности.

Это первый настолько расширенный выезд в полосу предстоящего наступления — фактически присутствует все командование дивизии и командиры ударных частей. Интересно, что их выводы и наблюдения[120] практически не дублируют ни выводы саперов, ни группы Деттмера — Герштмайера — фон Рюлинга.

Первое, на что обратили внимание командиры частей, — подход к реке как вероятной исходной позиции и возможности для захвата моста. На севере территория достаточно благоприятна — высокие насыпи идут к железнодорожному мосту, частично удерживаемому русскими и частично немецкими силами. Бункер на русской стороне служит охранникам убежищем; на немецкой — перед рекой стоит покрытый землей дзот с амбразурой. Русских часовых всегда двое, они размещены на мосту как раз на линии границы, а немецкие (пограничко-таможенная служба) — только при входе на мост.

Второе — центральное направление. Здесь большая часть территории к западу от Буга затоплена так, что к реке можно приблизиться только по железнодорожным насыпям и мосткам. А так как, согласно договору, Буг — разделительная линия, русские, «расширяя свои владения», отвели реку от ее первоначального течения[121] (пустив по рву Западного острова, в итоге ставшего их территорией) и на немецкой территории оказался только один каземат (вход с востока) у юго-восточной оконечности Западного острова. Почти все мосты взорваны — фактически, кроме железнодорожного, нет никаких постоянных точек пересечения Буга. Соответственно всякое движение через границу прекратилось — только железная дорога работает по графику. На мосту немецкие рельсы положены в пределах советских, но с обоих его концов рельсы снова отделяются. Немецкие поезда доходят до станции Брест-Литовска, русские — до станции Тересполя.

Третье — возможности наблюдения. У моста дороги, ранее соединявшей Тересполь и Западный остров, стоит небольшая деревянная наблюдательная вышка. Однако, учитывая высоту валов на той стороне, густые лесонасаждения, покрывшие часть крепости, она дает лишь весьма ограниченное представление об окрестностях. На русской стороне — наблюдательная вышка выше, просматривающая всю территорию между Бугом и Тересполем. Впрочем, и сразу за германской вышкой немцами уже почти построена новая, значительно более высокая[122].

Валы, окружающие крепость, в хорошем состоянии; в нескольких пунктах за деревянными дощатыми заборами стремительно поднялись бетонные сооружения.

Часть центра крепости окружена крепкими зданиями в несколько этажей, как правило кирпичных, и очевидно все заняты многочисленными войсками.

Что касается последнего — похоже, все же, на взгляд из 1947-го, тогда, когда Йоном и было рассказано об этих наблюдениях. Во-первых (гений русских проектировщиков?), с вышки практически не просматривалась сама земная поверхность — в лучшем случае прибрежная территория, где войск практически не было, или верхние этажи зданий. А ведь именно на Центральном и Северном островах и размещалась основная часть подразделений РККА, находящихся в крепости.

Итог выезда — признание и закрепление в соответствующем приказе необходимости расширения различных дорог и позиций.

Поступает приказ Höh.Kdo XXXV на марш, ночами с 26.5 по 2.6 в пункт постоянной дислокации между Бяла-Подляской и Тересполем, выделяя частям дивизии магистральные шоссе через Минск — Васовики, Бяла-Подляска.

При 4-й армии проходит совещание офицеров противохимической защиты (до дивизии). Начальник службы ПХЗ армии объявляет, что при войне с Россией планируются настолько быстрые операции, что та сможет поставить лишь несколько легко преодолимых небольших химических заграждений.

18.5.41

В Höh.Kdo XXXV сообщается о состоянии дивизии как вполне боеспособном соединении, не считая проблем из-за нехватки горючего и автомобильных шин.

Комендант авиационной базы Варшава — Окесье (полковник Шталь) готовит для дивизии 2 различных типа спасательных жилетов. Одновременно она получает две пары водных лыж для их испытания 81-м саперным батальоном: к 27.5.1941, испытав, надо отчитаться об их пригодности и заявить необходимость и объем их дальнейшей поставки.

19.5.41

Частям дивизии приказано организовать и отправить в Тересполь штабы разведки и специально выделенные группы рабочих для улучшения дорог и команды приема района расквартирования для оборудования лесного лагеря у Бяла-Подляски.

Во второй половине дня Шлиперу представляются командиры частей армейского подчинения, придаваемые дивизии: штаб 4-го полка химических минометов особого назначения (NbwRgts.Stab z.b.V.4) и его части — 8-й дивизион химических минометов (NbwAbt.8) и 105-й дивизион обеззараживания (Entg.Abt.105).

Доведя до них обстановку и планируемые действия, им приказана рекогносцировка в районе Тересполя и начиная с 22.5 вывод своих частей к Бяла-Подляске (пока в предусмотренный для частей дивизии лесной лагерь).

В 17.30 ч. в Варшаве начинается проводимое командиром XII А.К. совещание по деталям предстоящих действий, где участвуют и Шлипер с Деттмером.

20.5.41

День Фрица Шлипера и Армина Деттмера полностью посвящен совещанию[123] при А.О.К.4 в Варшаве, проводимому командующим армией фон Клюге с командирами корпусов и дивизий, и одновременно начальником ее штаба Блюментриттом с начальниками штабов корпусов и Ia корпусов и дивизий. На нем обсуждались основные проблемы подготовки к действиям[124]:

«1) Доведение предстоящих задач:

До командиров полков и других частей — только после их выхода в конечные районы (примерно с начала июня). Каждый командир может знать лишь то, что важно для него и соседей[125].

2) Разведка:

Пустая, малооживленная польская земля, появляющаяся листва меняет пейзаж и затрудняет точное наблюдение. Поэтому необходимо продолжать разведку и приспосабливать к этому НП. Часто для передовых наблюдателей необходимо и оборудование НП.

Поэтому важна тщательная проверка всех НП. Передовые наблюдатели должны заблаговременно принимать „свою“ территорию в себя и свыкаться глазом.

3) Пограничное наблюдение:

Граница (разделенная на участки наблюдения) наблюдается длительно и планомерно. Опыт Первой мировой войны (НП дивизии, полка, батальона) показывает, что результаты достигаются лишь при наблюдении всегда одними и теми же, не меняющимися при этом, специально отобранными людьми. Ежедневно они, оснащенные биноклями, отслеживают визуально (а ночью и на слух) изменения на русской позиции пограничного прикрытия, внося их в карты обстановки большого масштаба.

Так, постепенно, возникает картина типа и сил позиции пограничного прикрытия.

Независимо от этого армия ходатайствовала о повторной аэрофотосъемке.

Изучение карт, карта укрепления, аэрофотоснимок и вышеупомянутое тщательное и развернутое организованное пограничное наблюдение создадут отправные данные о силе и занятии позиции.

Напоминается о приказанном сроке, ежемесячной передаче результатов наблюдения в армию — на карте, вкратце, к 1 и 15-му числу.

4) Из-за маскировки наибольший объем подготовки к нападению согласовывается как „оборонительные намерения". Поэтому окопные работы не только служат маскировке, но и оказывают ценную помощь для приказанной при варианте „Берта" обороны границы интересов.

На неатакуемых местах, например от левого фланга VII А.К. по обе стороны Остроленки, энергично требуемые окопные работы — фактическая помощь от возможных частичных ударов русских на Остроленку (важный мост на Нареве, железнодорожная артиллерия) и левый фланг VIII А.К. Обустройство позиций не только изображает защиту, но и усиливает обороноспособность слабых собственных сил против вражеских местных атак.

5) Маскировка:

После проведения маршей всеми частями армии проводить тщательнейшую и регулярно проверяемую маскировку. В отличие от русских (ее мастеров) большинство из нас слишком беззаботны. В итоге мы видим немногое у врага, а враг у нас — многое.

6) Выкладка боеприпаса для первого нападения:

На основании окончательного артиллерийского развертывания подготавливается планомерная, скрытая выгрузка боеприпаса. Однажды, во время западной кампании, выложенный в районе боевых действий боеприпас дивизии был уничтожен вражеским авианалетом, что имело военно-судебные последствия. Выкладываемый боеприпас сложить достаточно раздельно, небольшими штабелями и хорошо скрыть, храня в неглубоких ямах, защищенных низкими земляными валами.

Офицерам и компетентным пиротехникам необходимо поручать перепроверку выкладки.

7) Картина у границы, наблюдаемая русскими, не должна меняться. Упражнения в пограничной зоне (до 3 километров от границы) запрещены, кроме небольших упражнений по занятию оборонительных позиций по варианту „Берта".

8) Тщательная подготовка приказанных „налетов".

Они происходят только непосредственно перед вторжением, т. е. за минуты до начала открытия огня или „с первым выстрелом", чтобы преждевременно не беспокоить врага.

9) Артиллерия и саперы:

Согласно основному принципу армии (привлечь для первого нападения всю имеющуюся в распоряжении артиллерию, облегчая атакующей пехоте быстрый прорыв и уменьшение потерь), решено о временном (для участия только в начальном периоде наступления) придании ей артиллерии и саперов LIII.A.K. (резерв групп армий) как указано ниже:

a) PzGr2:

артиллерия и саперы 167 и 267-й дивизий. Господин командующий решил, что от их артиллерии в любом случае нужно придать 1 тяжелый дивизион (15 см гаубиц) XII А.К. для 45-й дивизии.

b) XXXXIII А.К: артиллерия и саперы 293-й дивизии;

c) IX A.K.: артиллерию и саперов XIII A.K. (17 и 78-й дивизий).

Дополнительная артиллерия усиления и саперы подтягиваются 2 танковой группой, XXXXIII и IX A.K., взаимодействуяс XIII и LIII A.K., командировсвоевременно проинструктировать.

Использование происходит так, что позже, при продвижении возвращающих их дивизий, эту артиллерию и саперные силы нетрудно привлечь снова. Взятие их с собой (даже небольших частей) 2-й танковой группой, XXXXIII и IX A.K. на восток за Буг запрещено из-за угрозы возможности использования резерва групп армий.

Помимо этого временного распределения, армия пытается получить и дополнительную артиллерию (в т. ч. из трофейного имущества), а именно:

a) XII A.K. (для нападения на цитадель Бреста) — 21-см дивизион или батарею[126];

б) для VIII A.K. дивизион трофейной артиллерии;

c) дальнейшая железнодорожная артиллерия, кроме уже предусмотренных 4 батарей (1 на западе Тересполь, 2 у Фронолова, 1 (K5)[127] на западе Остроленка (наибольшая дальность стрельбы 55 км).

2-я танковая группа и корпуса как можно быстрее сообщают, какие цели должны браться под огнем.

10) Бронепоезд:

Опыты показывают, что в большинстве случаев бронепоезда будут обузой, не оказывая какого-либо влияния.

Один сейчас имеющийся в распоряжении армии поезд готовится там, где может назначаться для полосы 2-й танковой группы (Тересполь). Если придается второй, то он предусмотрен для VII A.K.

11) Формированиепередовыхотрядов и раннее определение их руководителей.

12) Команда связи XII и XXXXIII A.K. остается при 2-й танковой группе и после их удара на восток.

13) В конце мая танковой группе и корпусам подчиняются наличествующие строительные силы и R.A.D. На них переходит ответственность за улучшение дорог и мостов, строительство районов расквартированияи так далее.

Затем армия больше не принимает большихзаявок.

14) Доведение задач до командиров эскадрилий должно происходить заблаговременно танковой группой и пехотным корпусом, чтобы знакомить их с картами, соответствующимиих заданиям.

15) С 25.5 всеми штабами и подразделениямиснова нужно вести KTB[128].

16) В июне рекомендуетсяоставление излишних дел.

17) Кроме выделенных переправочно-мостовых парков, матчасти временных мостов и так далее, переход Буга подготавливаютси самостоятельносо вспомогательнымисредствами.

При возможности перевозки на грузовыхавтомобилях подвозятся баржи с Вислы.

Обучение:

1) На основе отданных господином командующимуказаний — обучение противотанковой обороне всем оружием, прежде всего пехотой.

2) Противохимическаязащита и преодоление отравленной территории, никакого „Газового страха“!

3) Средство ПВО пехотного подразделения.

4) Внимание к ближнемубою.

5) Взаимодействие и использование тяжелого и легкого оружия пехоты.

6) При хорошем обзоре никаких плотных тактических построений для снижения потерь.

7) Тщательная боевая разведка, чтобы не быть ошеломленным огнем хорошо скрытого врага, оказавшегося в тылу.

8) Лошадей тренируют, но стараются беречь.

Уход за лошадьми. Правильная конская сбруя и седлание.

Проверка транспорта на легкую проходимость.

Организация и оборудование:

1) Весь транспорт нагружать как можно легче, весь балласт сначала оставляют под охраной.

2) Как транспорт задействуются и „крестьянские подводы".

3) Сражающиеся подразделения имеют при себе достаточный запас средств противохимической защиты и противотанковой борьбы.

4) „Rollteppiche'[129] для транспорта.

5) Резервы обуви и одежды.

Регулирование марша:

1) Самое тщательное регулирование и дисциплина на марше.

2) Интервалы в колоннах — по устному указанию господина главнокомандующего в Рембертове.

Снабжение.

Предстоящее задание зависит главным образом от снабжения и подвоза. В решении этого первоочередного и основного вопроса должны тесно сотрудничать Ia и Qu. или Ib.

Служба штаба.

Ответственный для проведения решения командиров по подготовке, организации и т. д. — начальник штаба или (в дивизиях) Ia.

Он равным способом и как можно чаще объединяет Ia, Qu, или Ib, Ic, саперного офицера, офицера связи и т. д. постоянными обсуждениями, чтобы быть в курсе сфер деятельности штаба и суметь вмешаться лично, что особенно касается важного времени подготовки.

Мы все отвечаем за то, чтобы заблаговременно было сделано все для облегчения выполнения нашими подразделениями их определенно нелегкого задания и снизить потери.

Господин командующий ясно подчеркнул, что при первом натиске и прорыве пограничных укреплений в первую очередь необходимо действовать планомерно, заботясь о скорейшем подтягивании по возможности более мощных сил и оружия, чтобы изначально успешно отражать контратаки и придать первому сражению выигрышный оборот.

Если позиция пограничного прикрытия проломлена и в прорыв введено достаточное количество сил и средств ведения боя, то, согласно основной мысли, начинается быстрый и не считающийся ни с чем удар на восток. Без оглядки на фланги и без преждевременного ввода резервов, используя широту пространства врага пронзить и расширять прорыв и, глубоко проникнув, воспрепятствовать ускользанию врага на просторы его территории.

Заявки:

1) Подаются армии до 1.6.41 лишь при неотложной необходимости и учитывая, что она больше не располагает никакими резервами в артиллерии, переправочно-мостовомпарке и т. д.

2) Без указания срока:

После его доработки по экземпляру окончательного варианта приказа на нападение (1-й вариант) подается 2-й танковой группе и пехотному корпусу армии. (Востребование приказов танковой группы и корпуса — только однократно при уведомлении о начале общего нападения армии и о проведении первого этапа наступления.)

Сохранение в тайне. Вопреки практически не утаиваемой подготовке, основной приказ фюрера о проведении всех возможных мероприятий маскировки по-прежнему в силе.

Необходимо тщательно обращаться с секретными документами и соблюдать осторожность при междугородних телефонных разговорах.

До последнего момента мы привязаны к безусловному сохранению тайны!»

Во второй половине дня Шлипер присутствует на показательном упражнении в лагере Рембертов — офицеры и унтер-офицеры дивизии демонстрируют приемы борьбы с танками средствами пехоты и артиллерии.

Части команд приема района расквартирования транспортируются по железной дороге в их расположение.

Дивизия продолжает упражнения по взятию бастионов.

Деттмер сообщает в А.О.К., что придаваемые «сорок пятой» части армейского подчинения могут начинать выдвижение в район постоянной дислокации.

21.5.41

Штаб разведки (гауптмана Эткена) в 7.30 выезжает в пункт постоянной дислокации.

День заполнен редактированием предварительного распоряжения на марш, начинаемый в ночь на 27 мая. Предварительно — пункты постоянной дислокации достигнуть к 2.6. Определены 4 маршевых эшелона — Цана, Кюлвайна, Йона и Гиппа.

Цан и фон Паннвиц в первой половине дня обсуждают с Деттмером границы районов своих частей, после полудня тот же разговор идет у Ia с командиром Nbw.Rgt.Z.b.V.4.

23.5 части химических минометов, согласно приказу А.О.К.4, начнут марш из прежнего расположения в пункт постоянной дислокации.

22.5.41

Деттмер — на совещании в А.О.К.4 по регулированию дорожного движения и прохождения частей дивизии по Варшаве 27 и 28 мая. Предложения дивизии выполнимы и принимаются.

Шлипер — на упражнении III/I.R.133. Тема: форсирование Вислы и овладение фортом Сикирки на юго-востоке Варшавы.

Совещание с участием Шлипера — по обучению, связанному с принятым на совещании у фон Клюге (20 мая) решением о перенесении марша на 27/28. Затем особое обсуждение с проинструктированными командирами о тактических заданиях на рекогносцировку.

Штаб корпуса, интересуясь испытаниями переданных в дивизию водных лыж, заранее развеивает иллюзии: «Водные лыжи, переданные 81-му саперному батальону, в их нынешней форме не подходят для военных целей». Однако не собирается отступать: «Батальону поручается легким дооборудованием,

вмонтируя опорную плиту внутри лыж, привязать обе лыжи к легкому средству форсирования и испытать его пригодность. Результат сообщить к 01.06.1941»[130].

23.5.41

Продолжение переделки приказов на марш. Шлипер и Шинделмайзер — на упражнении I.R.135, проводимом в фортах II и III.

Иногда эти упражнения (разумеется, когда не присутствует командование) напоминают скорее отдых на воде — беспрерывные плескания в воде износили не только лодки, но и плавки солдат дивизии. Обучение гребле часто превращалось в веселое плескание и клоунаду с гонками на резиновых лодках. Испытываемые Масухом индивидуальные плоты, вероятно, изображая форсирование под огнем, забрасывались камнями под усмешки местных жителей. Солдаты и офицеры лишь слабо догадывались о цели обучения[131].

Вальтер Лоос, I.R.130: «Тогда многие и достаточно разумные задумчиво встряхивали головами и думали, что мы бы смогли заняться этим „каскадом фонтанов" и во Франции. Хотя постепенно все отчетливее было видно, что вся эта подготовка — для заключительного спора с нашим могущественным восточным соседом — Советским Союзом. Впрочем, об этом говорилось лишь намеками, в глубине сердца верили — или, точнее говоря, хотели не верить в это»[132].

В I.R.130 «заключительную дискуссию» почти не обсуждали, самое большее — о ней лишь шептались, вспоминал Лоос…

Командование, впрочем, делало все, чтобы неверие войск в войну с СССР сохранялось и дальше. 22 мая, в соответствии с указанием штаба OKW от 12.05.1941, одновременно с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов, началась вторая фаза дезинформации: усиленное представление сосредоточения сил для «Барбароссы» как широко задуманного маневра по введению в заблуждение западного противника. OKW отмечено, что все усилия будут напрасными, если расположенные на востоке соединения, безошибочно узнают о предстоящем нападении и распространят эти сведения по стране. Поэтому среди них должен циркулировать слух о тыловом прикрытии против России и «отвлекающем сосредоточении сил на востоке».

Оберст-лейтенант Масух, командир PiBtl 81, не дожидаясь конца месяца, уже отчитывается об испытаниях лыж и спасательных жилетов. Хотя донесение не содержит каких-либо эмоциональных всплесков, судя по всему, они были, причем на всех уровнях, вынуждены доказывать «кому-то сверху», что все поиски «чудо-средства» не заменят необходимого числа надувных лодок. Масух отмечает, что «для опытного лыжника водные лыжи не особо трудны. Однако он будет чувствовать себя уверенно только после многочасовых попыток скольжений по воде. Несущая способность водных лыж достаточна для поддержки полностью снаряженного солдата. Скорость течения должна быть менее 1 м/сек»[133].

Для форсирования реки под огнем водные лыжи мало предназначены:

a) из-за долгого крепления (пристегивания) лыжи на этом и отделении на противоположном берегу;
b) после падения в воду «лыжник» повиснет в них довольно беспомощно и не сможет двигаться.

Несущая способность сделанного из них плота (прикрепив до доске на передней или соответственно задней трети) при спокойной воде и легко экипированных солдатах — 2 человека. Передний из них готов к стрельбе, задний — передвигает плот. Однако при этом нужно обращать внимание, чтобы отверстия уплотнялись от заливания водой.

…Испытывались два вида спасательных жилетов — Гайслера (торгового флота) и Дрэгера обр. S Wp.734 (баллон сжатого воздуха).

Жилет Гайслера не выдерживает никакого полностью оснащенного солдата, вынужденного еще и делать плавательные движения, жилет Дрэгера — держит и без этого, причем можно держать пистолет на изготовку и стрелять. Плыть вперед в обоих спасательных жилетах несколько трудно — они спроектированы для лежания на спине. Их связывание (двух или нескольких) наподобие плота бессмысленно: несущая способность остается, как и для отдельного человека.

Спасательные жилеты со спинкой вперед ни в коем случае нельзя застегивать из-за препятствия обзору.

Выводы:

1) Заказ водных лыж имеет смысл только в качестве возмещения малых надувных лодок. Они используются и как плот, далеко уступающий малым надувным лодкам.

Предлагается отказаться от требования водных лыж.

2) Спасательные жилеты Дрэгера (образец S Wp.734), как и другие, выдерживающие полностью оснащенного солдата, пригодятся при форсировании. Например, упавшие в воду раненые, носящие их, смогут спастись.

Предлагается затребовать 500 спасательных жилетов[134].

Начал работу штаб Герхарда Эткена. Первый результат — отчет наблюдательного штаба фон Фуметти (A.R.98). К этому времени русские герметично закрыли границу, и расположенные на восток от Буга местечки, прилегающие к ней, отселены и разрушены. Почти сплошное проволочное заграждение прекратило сообщение, товарообмен происходил только над мостом в ходе железнодорожной линии Тересполь — Брест. Русская погранслужба была очень внимательна и недоверчива. «Все же разведка проводилась без заметного повышения прежнего движения на немецкой стороне, так что русский не был предупрежден»[135].

Общие наблюдения[136]:

Строительство: медленно, не глубоко, хорошая маскировка.

Посты: исключительно много постов и патрулей. Очень внимательны и недоверчивы, проявляются мало.

Характер водной преграды: вода непрерывно спадает. Земля еще очень мягкая, частично неподходящая для укреплений.

Воздушное сообщение: отдельные взлеты и посадки на аэродроме Брест. Высота полета в пограничной зоне в большинстве случаев 200–300 м. Биплан с очень светлой окраской. До сих пор никаких нарушений границы.

Ночное впечатление: на стройплощадках идет работа, яркое освещение (светомаскировки нет). Никакого интенсивного строительства. Доставка материала, по-видимому, и ночью. Сильное грузовое и железнодорожное сообщение. Громкая радиомузыка из цитадели (маскировка шума).

1. Затемнено, пока только земляные работы и доставка большого количества древесины. Сейчас там не работают.

2. Скрыт, земляные работы завершены, незадолго до этого окончание деревянной обшивки. Бетонирование. Доставка древесины, гравия, железных стержней. Работает бетономешалка с ленточным конвейером. День и ночь строительство. Ночью свет. По-видимому, дот. Направление стрельбы: наблюдательная вышка.

3. Затемнен. Работы как и на 2. По-видимому, дот.

Направление стрельбы на железнодорожныймост. Влияние с последней трети.

4. Законченный наблюдательный пункт. Закопанный броневик. Наблюдательный сектор: вся территория слева до цитадели, справа от железнодорожногомоста.

5. Прокоп шоссе у старого русла Буга. Деревянная обшивка, бетонирование. Цель?

Кроме того, на южном краю острова 2 следующихэкскавации. Работы приостановлены уже 10 дней.

6. Бетонированное убежище в старой цитадели. Направление стрельбы — фронтально вдоль железнодорожногомоста. Работы с деревом, арматура. По-видимому, усиление потолка.

7. Стройплощадка непосредственно к северу от железнодорожного моста (?) — согласно сообщению его охраны. Еще никаких собственных наблюдений (22–23.05).

8. Готовый дот в доме справа от дерева с шаровой кроной. Скрыт. Направление стрельбы — берег Буга к северу от железнодорожногомоста.

9. Очень широкое укрытие перед местностью. Оборонительное сооружение? Направление стрельбы?

10. Размером с 8. Не затемнено. В разрушенном доме. По-видимому, готово. Оборонительное сооружение? Направление стрельбы?

11. 2 стройплощадки, 45 м друг от друга. Затемнено, сухой хворост. Между железной дорогой и Речицей. Земляные работы.

12. [Наблюдение] на правый лесной угол. Затемнено. Готовый дот.

Направление стрельбы: железнодорожныймост.

13. Середина леса. Не затемнено. Готово. Зеленое возвышение с 2 бойницами. Наблюдательный пункт? Оборонительное сооружение? Направление стрельбы и соответственно наблюдения как 12.

14. Левый лесной угол, затемненный. Готовый дот. Направление стрельбы как 12 и к северо-западу (?).

Новости из XII А.К. 27. 28. и 29.5 генерал Шрот в сопровождении полковника Вуерста (штаб XII А.К.) выезжает на осмотр полосы корпуса. В поездки приглашаются только командиры и командующие артиллерией дивизий, без сопровождения. 28.5. — очередь 45-й дивизии.

24.5.41

Шлипер и Шинделмайзер осматривают размещение и автомобили Pz.Jg.Abt.45. Совещание о замене артиллерийскихтягачей автомобилями 14-й роты.

Штаб 4-й армии (вероятно, на основе информации, полученной от агентов на советской территории) беспокоит то, что русские при начале операции могут погнать вниз по течению Буга дрейфующиемины для подрыва мостов. Или незаметно заминируют как наиболее благоприятные для штурмующих участки восточного берега, так и речное дно перед ними. Далее, хотя признаков электрических преград или заборов в русских пограничных укреплениях пока что нет, все же, заглядывая вперед, надо подготовить контрмеры.

Совещание Деттмера с полковникомПрохом (части железнодорожныхвойск).

В штабе XII А.К. проходит важное совещание относительно распределения боеприпасов:

1) Дивизией затребовано:

1 боекомплект артиллерийскихбоеприпасов

2/3 боекомплекта для тяжелого оружия пехоты

1/2 боекомплекта средств для ближнего боя, подрывов и воспламенения

1/3 боекомплекта боеприпаса пехоты.

2) Штаб XII А.К. предусмотрел:

1/2 боекомплекта артиллерийских боеприпасов

1/2 боекомплекта для тяжелого оружия пехоты.

3) Теперь на основании обсуждения для дивизии предусматриваются:

a) 1/2 боекомплекта артиллерийских боеприпасов с ударным взрывателем

30 бронебойных снарядов на l.F.H.

30 дымовых снарядов на l.F.H.

10 бетонобойных снарядов на s.F.H.

55 дымовых снарядов на s.F.H.

25 % особых зарядов для l.F.H.

40 % особых зарядов для s.F.H.

В целом это:

4050 F.H. снарядов с ударным взрывателем

1080 — 10-см бронебойных снарядов для l.F.H.18

1080 F.H. дымовых снарядов

1550 особых зарядов для l.F.H.18

900 — 15-см снарядов 19 с ударным взрывателем

120 — 15-см снарядов 19 бетонобойных

660 — 15-см снарядов 19 дымовых

672 особых зарядов для s.F.H.18

b) 1/2 боекомплекта для тяжелого оружия пехоты, в целом это:

3970 3,7-см бронебойных патронов

760 3,7-см бронебойных патронов 40

3300 3,7-см осколочно-фугасных патронов

450 5-см бронебойных патронов

120 5-см бронебойных патронов 40

90 5-см осколочно-фугасных патронов

6570 5 см минометных мин 36 (l.Gr.W.)

5180 8-см минометных мин 34 (s.Gr.W.)

600 8-см дымовых минометных мин (вместо 405)

1650 7,5-см осколочно-фугасных снарядов Jgr.18 (l.I.G.16)

300 15-см осколочно-фугасных снарядов 38 (s.I.G.33)

c) 2500 штоковых ручных гранат

1000 яйцевидных ручных гранат

1000 дымовых ручных гранат

1000 дымовых шашек

30 боевых зарядов 12,5 кг

15 боевых зарядов 50 кг

135 боевых зарядов 3 кг

75 дымовых патронов

d) в целом 1,5 комплекта ближнего боя (взрывчатки и средств подрыва) — это:

19 ящиков с комплектом взрывчатых веществ комплекта a

15 ящиков с комплектом взрывчатых веществ комплекта b

15 ящиков с комплектом взрывчатых веществ комплекта c

3 ящика с комплектом взрывчатых веществ комплекта d

9 ящиков с комплектом средств для подрыва комплекта a

4 ящика с комплектом средств для подрыва комплекта b

750 метров детонирующего шнура.

Боезапас должен вывозиться (вероятно, с 28.5) колоннами дивизии из армейского склада боеприпасов «Маргарита» (6 км северо-восточнее Деблина) и класться на хранение в дивизионном артиллерийском обменном пункте. Путь следования примерно 150 км.

Nbw.Abt.8 и Entg.Abt.105 на армейском складе боеприпасов «Марта» (к северу от Бялы-Подляски) получат 2880 выстрелов для реактивных установок (40,50 % Wurfk.Spr[137], 50 % Wurfk. Fl).

Вероятно, будут приданы гужевые саперные батальоны 215 и 750-й дивизиям. Тогда назначение средств ближнего боя (взрывчатки и принадлежностей для подрыва) повышается от 2 до 3,5 боекомплекта.

Обсуждалась и планируемая при начале нападения, артподготовка. Заявлено, что предусмотрено подчинение 22-см мортирного дивизиона (чешский), расположенного пока в Ютербоге.

На данный момент предусмотрена следующая продолжительность артподготовки:

31-я дивизия = 1 ч.

34-я дивизия = 1 ч.

45-я дивизия = 10 минут.

Следующее совещание относительно боеприпасов для «Барбароссы», где должны участвовать Ib и WuG дивизий, пройдет, вероятно, 24.5 в 15.30 ч. при A.O.K.4[138].

…При A.O.K. 4 начинается штабное учение, продлившееся до 24.05.1941. Тезисы, кратко характеризующие его основные выводы:

«Успех предстоящего похода зависит от безупречного хода снабжения. Новая организация („Командование генерал-губернаторства“) непосредственно подчиняется задачам O.K.H.: управление и пополнение снабжения и его подвоз по железной дороге во время операций; использование транспорта в соответствии с основными направлениями наступления. Командованию генерал-губернаторства подчиняется „район снабжения“, управляющий лагерем снабжения.

Ежедневная потребность дивизии (примерно 170 т) до 100 до от основной базы снабжения всех пограничных лагерей может подтягиваться дивизией самостоятельно, при этом необходимо, чтобы продснабжение двигалось только колоннами IVa. Используя большую погрузочную емкость армии, 100 км могут преодолеваться еще раз. Затем „Базы снабжения“ переносятся вперед. При этом может случаться, что дивизии, хотя и стоят рядом с ними, снабжаются еще из пограничных лагерей в генерал-губернаторстве, так как базы пока снабжают другие воинские части. Необходимо препятствовать подчиненныморганам неправомочномуполучению на базах.

В армии должна использоваться каждая тонна транспорта. Никакая колонна не должна стоять неиспользованной. При известных условиях армией или корпусом задействуются колонны дивизий. Поэтому часто в дивизиях их перегружают для необходимой поддержки (вещевой обоз перегружают на крестьянские повозки и в качестве грузового используют автомобили для перевозки лошадей или санитарные). Непосредственное руководство транспортом в дивизии. Если корпус создает себе малые базы, они называются „корпусные обменные пункты“. Запасное хозяйство в дивизиях не раздувается. Никаких излишних требований. Ничто не оставлять. Каждое подразделение отвечает за то, что принятые предметы снабжения имеются при себе. Облегчение транспорта армии за счет местных ресурсов. Ожидать только небольшой добычи продовольствия. То, что тем не менее находится, не реализовывают дополнительно,а меньше запрашивают.

Самое тесное сотрудничество между группой оперативного управления и отделом тыла. По возможности стремиться и к свободному постоянному обмену мыслями. Ia должен информировать Ib вовремя, чтобы суметь обеспечивать снабжение своевременно и в необходимом размере. С другой стороны, от снабжения неоднократно зависят и руководящиерешения.

Магистрали должны непременно резервироваться каким-либо движением пехотных и гужевых частей. Разрешено Моторизованное снабжение и марши моторизованных подразделений. Однако при каждой остановке шоссе должно быть свободно. Время от времени магистрали принадлежат исключительнотанковымвойскам.

Обеспечение учреждений службы снабжения полевым запасным батальоном. При невыясненных отношениях система конвоя при движениях снабжения и уличном контроле решается дивизиями. К тому же охранная дивизия, выполняющая другие задачи, находится в распоряжении только в ограниченном объеме. Насколько возможно, помогают себе сами, иногда привлекая резервный полк.

Улучшение дорог с подручным материалом командами военнопленных, полевого запасного батальона, резервного полка. Подстава с буксирами на трудных местах. Для конных повозок организуют ручное перетаскивание.

Ожидать только небольшие трофеи. Однако если найдено, то регулировать планомерно и честно сообщать, как долго вследствие этого будут независимы от снабжения. Не заниматься спекуляцией. Горючее: брать только то, что отсутствует в 1 заправке. Запасы защищать. Русские горюче-смазочные и эксплуатационные материалы для немецкого транспорта, наверное, неподходящи. Исследование при известных обстоятельствах аптекарем корпуса или армией — там лаборатория ГСМ и команда по обработке горючего тетраэтиловымсвинцом. Обязательно сообщать объем найденного для использования в целом. Осторожность при обращении с горюче-смазочнымии эксплуатационнымиматериалами, избегая отравления.

Машинно-тракторные станции, тракторы, правда, остро необходимы для сельского хозяйства в России, однако интересы войск преобладающи. Заимствование только для собственных нужд (для артиллерии, противотанковыхорудий) вопрос горючего и водителей.

Автомобили. Заполняют только свободные места. Не каждый унтер-офицер имеет собственную легковую машину, так как иначе засорение и повышение требования горюче-смазочных и эксплуатационных материалов (транспорт). Проверка инженерами подразделений. Со всей остротой противиться раскомплектовке.

Продовольственное снабжение. Идеальное требование, что подразделение снабжается из страны пребывания и нуждается только в подвозе муки и хлеба. Никакого дикого реквизирования. Выделять команду учета с охранными командами и крестьянской повозкой. Добычу не использовать дополнительно, а засчитывать. Сообщать о больших складах. Лошади и крестьянские повозки. Берут только то, в чем нуждаются. Никаких больших обысков не проводить.

Пленные. С пожилыми унтер-офицерами полевого запасного батальона составляют рабочую команду и занимаются улучшением дорог и т. д. Походные кухни и транспорт оставлять, офицеров, политических комиссаров и пожилых младших командиров отделять. Отправка в тыл пленных дивизиями на базы армии.

Вещевое довольствие. При больших потерях (газ) положение в дивизии должно уравновешиваться, так как одежда не подвозится.

Преодолевать перегрузку грузовых автомобилей. Никакое излишнее (включая санитарное) оборудование с собой не брать, полезная нагрузка транспорта — это лимит.

Полевая почта. Рассчитывать на большие трудности, так как транспорт недостаточен в любом случае.

Сообщения тщательно проверять. Исправлять сообщения из войск. Обучение адъютантов. Устройство складов боеприпасов, хорошо скрытых и рассредоточенных.

Копать углубления. Для каждого склада выделять ответственного офицера. Боеприпас только частично на позиции. Для дивизионов центрального расположения, где могут нести сами эшелоны. Водный вопрос. При необходимости организовывать водовозные повозки. Приготовить пустые бочки, чтобы позже их догонять»[139].

Несколько шокирующим является путь решения проблемы вещевого довольствия. Странно, почему именно газ приведен в качестве примера причины больших потерь. Необходимо обратить внимание и на способ снабжения войск за счет местных ресурсов. Другого выхода, как видно, не было, вести с собой продовольствие или подвозить за сотни километров армия не могла себе позволить. В то же время понятно, что поиски «местных ресурсов» могли оказаться процессом «творческим» и в конечном итоге отрицательно сказавшимся на дисциплине.

25.5.41

Майор Деттмер — на совещании в штабе XII А.К. Помимо боевой подготовки и размещения, Деттмер докладывает и о спланированном дивизией ведении боя, разработанном на основании проекта приказа о нападении штаба корпуса.

Затем те же вопросы (в ограниченном объеме, не затрагивающем секретной информации) Деттмер обсуждает с 01, гауптманом Герхардом Эткеном (в данное время руководитель команды приемки района расквартирования в Бяла-Подляске).

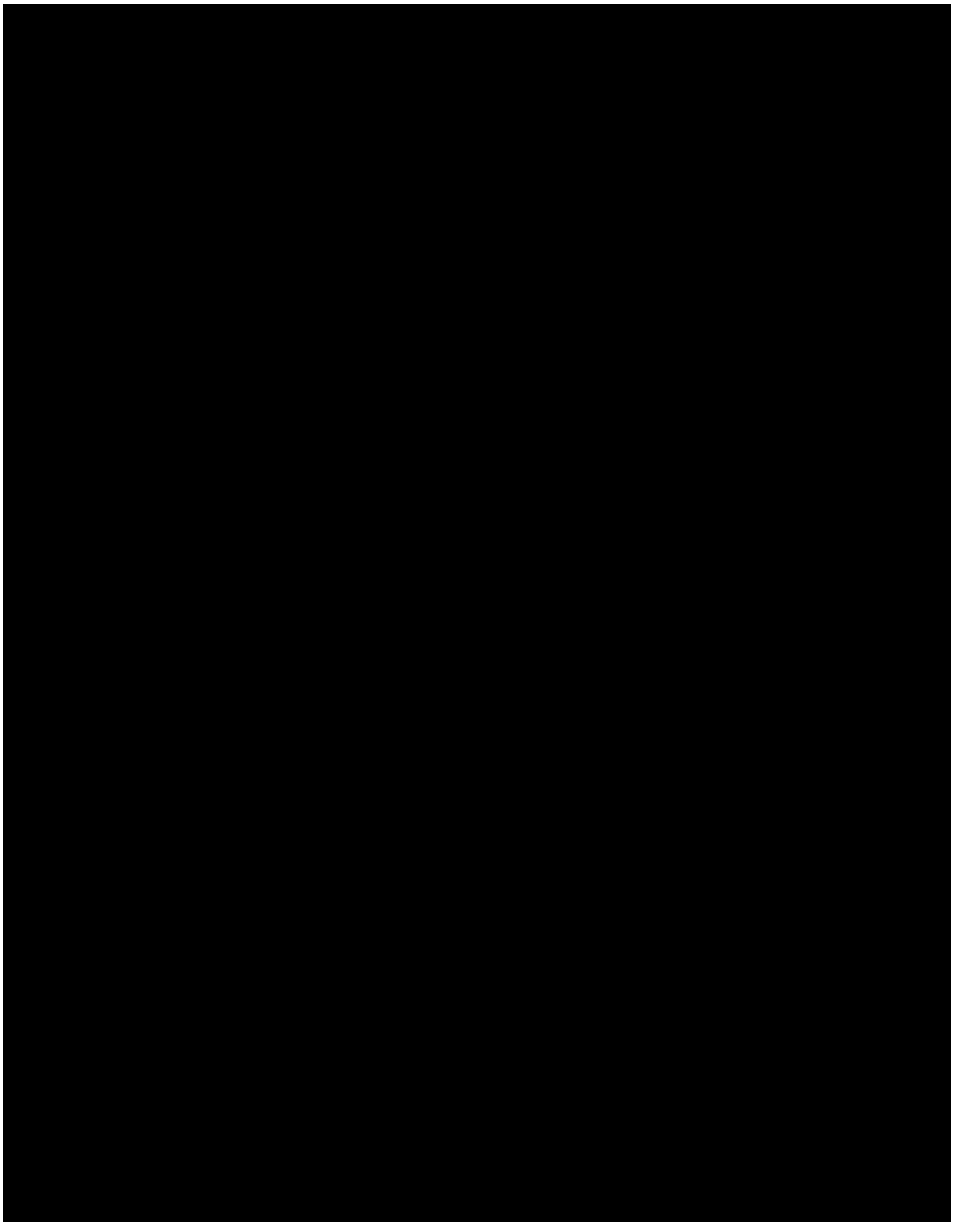
26.5.41

Шлипер с IIa, майором Бруно Шинделмайзером, осматривает размещение, транспорт и инженерно-саперное имущество 81-го саперного батальона.

Обрадовал штаб корпуса — его дивизиям выделяются дополнительные надувные лодки в размере понтонно-мостового парка, «сорок пятой», кроме того, штурмовые лодки[140] 3 понтонно-мостовых

парков (в целом 18 штурмовых лодок), а также по 200 м колейной дороги из стальных листов[141].

Подчеркивается, что стальные листы, выделяемые 507-м саперным полком, по окончании боевых действий нужно обязательно собрать для повторного использования, не рассчитывая на их дальнейший значительный подвоз.



Расположение дотов в полосе 45-й дивизии, вскрытых наблюдением

Поступают новые результаты наблюдения, проводимого штабом разведки (наблюдательный штаб фон Фуметти).

При описании общего положения отмечается, что ночная работа несколько оживилась. Очень оживленная воздушная активность, ежедневно примерно 5 самолетов, высота полета — 200–500 м. 2-моторные самолеты на высоте 6000–7000 м. До сих пор не установлено никакого перелета через границу.

Еженощно красные и зеленые сигнальные ракеты. Замечено 2 прожектора ближе всего к 6 и вблизи вокзала.

По сообщению из соседней полосы 26.5 около Острова 1 км восточнее Ставы замечено 3 привязных аэростата.

1. Затемнение, земляные работы и доставка древесины. Перерыв в строительстве — 5 дней, начиная с 25.5. Бетонирование. Наверное, дот.

1а. Новая стройплощадка, 26.5, в первой половине дня сооружение маскзаграждения. До сих пор только земляные работы и работы с деревом.

2. Затемненный, бетонирование от 25.5 готово. Бойницы. Слышно расколачивание деревянной обшивки для бетонирования. Направление стрельбы на наблюдательнуювышку.

3. Дот. Затемнено, с 24.5 очень оживленное строительство, работа и ночью. Бетонирование, переноска гравия. Направление стрельбы — железнодорожный мост, влияние, однако, только с его последней трети.

4. Законченный наблюдательный пункт, закопанный броневик. Наблюдательный сектор слева до моста Цитадели, справа от железнодорожногомоста.

Ниже 4 — скрытый танк-амфибия.За сложенным тюком соломы при 4 — прибор для подслушивания. Позади казармы (при 4) 12 4,5-см противотанковыхорудия на стоянке.

5. и 5а. Прокопы шоссе шириной примерно 1 м, деревянная обшивка и бетонирование. Цель?

По южному краю Цитадели еще 2 дальнейших участка земляных работ — они уже 14 дней приостановлены.

6. Бетонированное убежище в старой цитадели (юго-западный край). Фронтально направлением стрельбы вдоль железнодорожногомоста. По-видимому,только что закончено. Особенно неприятно!

7. Стройплощадка непосредственно к северу от железнодорожного моста. Бетонирование, передвижение с галькой, очень оживленное строительство, особенно ночью. По-видимому (мнение саперного офицера), минные работы? Никакого поля обстрела.

…9. Очень широкое укрытие перед местностью. Готовый дот. Направление стрельбы — берег реки Буг к северу от железнодорожногомоста. Очень хорошо скрыт.

10.2 разрушенных дома с бойницами, усиленных, по-видимому, бетонным перекрытием. Оборонительное сооружение?

11.2 стройплощадки,45 м друг от друга, затемненные с судам хворостом. Дот?

12. На правом лесном углу маскировка хворостом. Готовый дог. По словам таможенной охраны, закончен летом прошлого года. Направление стрельбы — железнодорожныймост — Т. Р.[142]

13. Центр леса, не скрытый, в состоянии готовности. Зеленое возвышение с 2 бойницами. Наблюдательныйпункт или оборонительное сооружение. Направление обстрела и наблюдения как 12.

14. Левый лесной угол, затемнено, готов. Дот, также с лета прошлого года готов. Направление стрельбы как 12 и на северо-запад?[143]

27.5.41

Укладка имущества и выступление дивизии из прежнего расположения.

Выход на марш — воспринимается многими как торжественное событие. Например, 133-й полк оставлял Варшаву под звуки полкового оркестра[144].

Обсуждение Деттмера с майором Эльхлеппом (уполномоченный службы военных сообщений

командования группы армий B) деталей налета на железнодорожный мост Бреста. Для контроля за маршем частей дивизии майор Деттмер посещает районы сосредоточения маршевых эшелонов и отдельные участки маршрута.

Отъезд Шлипера в Бяла-Подляскуна совещание со Шротом, намеченное на 28.5.

Оберст-лейтенант Масух, командир 81-го саперного батальона, просит при достижении конечных мест расквартирования подвезти в батальон, затем подчинив ему, саперный взвод полевого запасного батальона.

Оберст-лейтенант информирует, что 3-я (моторизованная) Pi.Btl.81, (ее 1 взвод уже у Тересполя) 31 мая подводится в конечные места расквартирования, так чтобы ее начиная с ночи с 1 на 2 июня привлечь к дальнейшему улучшению дорог.

Кроме того, Масух повторяет, что испытания доказали непригодность водных лыж для форсирования, добавляя, что, если скорость течения более 1 м/сек, придется делать усиленное дообрудование.

Прежние переводчики с английского разведотдела дивизии, зондерфюреры Евгений Зорга и Фриц Веллер, переводятся в запасную роту переводчиков в Берлине. Так и не получив возможности применения в их настоящей сфере, они, однако, активно участвовали в духовном обслуживании подразделений и пытались стать полезными, применяя свои лучшие навыки. В штабе дивизии откровенно сожалели об их, уважаемых как хорошие товарищи, отъезде. Из-за отсутствия необходимых кадров А.О.К. еще не обещались переводчики с русского[145].

Командир 4-го полка химических минометов поднимает вопрос об эвакуации населения из района расположения для беспрепятственного выхода на позицию, снабжения батарей боеприпасом и его хранения.

Требуется немедленное прекращение всех сельхозработ для предотвращения дальнейшего рыхления земли на предусмотренных огневых позициях.

Для спокойной и защищенной от диверсий работы на огневой позиции и складирования матчасти с 12.00 ч. 3.6.41 требуется освобождение бойни и кладбищенской капеллы, а с 12.00 ч. 7.6.41 — полное освобождение от населения и прекращение всех сельскохозяйственных работ и выгонов в области, примыкающей к расположению. Также начиная с 7.6.41 предоставление в распоряжение для штабелей боеприпасов и размещения охраны и расчетов батарей нескольких строений, находящихся в эвакуируемом районе (без дальнейшего расположения в них других частей).

Новости от наблюдателей[146]:

1. Затемнено, работы с деревом (забивка толстых свай), расширение опалубки. Действует бетономешалка.

Доставка щебня, древесины и гравия, длительная транспортировка грунта. 35–40 рабочих.

Направление стрельбы — четко на северо-запад.

1a. Затемнено, земляные работы, копры столбов, доставки древесины.

1b. Южный край острова. 2 M.G. Полевые оборонительные сооружения развиваются до дотов. Привоз толстых столбов, брусьев и полос, а также бетонных труб. Расширялась дорога для грузового автомобиля по доставке материала. Непосредственно к востоку от этого 2 стройплощадки.

2. Затемнено, бетонирование закончено. Сносят опалубки. Направление стрельбы — юго-запад.

3. Затемнено, день и ночь интенсивное строительство. Оживленная доставка материала.

Направление стрельбы — железнодорожныймост, влияние с последней трети.

4. Законченныйнаблюдательныйпункт, закопанныйброневик.

5. Прокоп шоссе у старого русла Буга. Забетонированное заграждение на дороге — в состоянии готовности.

5а. Прокоп шоссе шириной 1,50 м, по-видимому, траншея к пулеметной точке, расположенной непосредственно к югу.

6. Бетонированное убежище в старой цитадели. Направление стрельбы — вдоль железнодорожного моста, фронтальноработы с деревом.

7. Стройплощадку непосредственно к северу от железнодорожного моста не видно, никакого поля обстрела, тщательные маскировки, оживленное строительство, в том числе ночью. Освещают минные работы.

9. Готовый дот возле дома с бросающимся в глаза высоким деревом с шарообразной кроной. Направление стрельбы — берег Буга к северу от железнодорожногомоста. Маскировочноезаграждениеиз хвороста.

10. В разрушенномдоме 2 амбразуры,по-видимому,усиленныеизнутри.

11.2 стройплощадки в 45 м друг от друга. Затемнено, маскировочное заграждение из хвороста. Между железной дорогой и Речицей.

12. На правый лесной угол. Затемнено. Готово с лета 1940 г., направление стрельбы — железнодорожныймост.

13. Середина леса. Незатемненный. Готов. Зеленое возвышение с 2 бойницами. Наблюдательный пункт? Оборонительное сооружение? Направление стрельбы и соответственно направление наблюдения — аналогично12.

14. Левый лесной угол, затемненный. Готово с лета 1940 г., маскировочноезаграждение из хвороста. Дот. Направление стрельбы как 12 и на северо-запад?

15. Готовая пулеметная позиция с 2 амбразурами (укреплено кругляками), а также убежищем со старым цементнымукрытием(от разрушенногодома?). Амбразуры50–60 см над водной поверхностью.

16. Готовое полевое оборонительное сооружение южнее 5а — пулеметная позиция с убежищем (потолок из волнистого железа).

17. На углу казарм западного края Центрального острова — 8 окон с направлением стрельбы на железнодорожныймост. Наверное, усиление угла казарм изнутри. К югу сухое укрытие из хвороста.

18. Укрытие, очевидно, только от железнодорожногомоста. По словам мостовой охраны, там велись работы осенью 1940 г. Наверное, оборонительное сооружение с направлением стрельбы на юго-запад вдоль шоссе.

19. Северная окраина Речицы, маленькое укрытие из хвороста. Никаких работ. Оборонительное сооружение? Направление стрельбы?

28.5.41

У Тересполя в первой половине дня Фриц Шлипер обсуждает со Шротом план использования дивизии, порядок подчиненности, придание ей артиллерии резерва О.К.Н. и саперных средств. Далее в ходе дня проходят встречи Шлипера с командующим артиллерией корпуса (генерал Хайнеман[147]) и командоромA.R.98. Группа управленияштаба 45 I.D. в полдень достигла Седлец и работает здесь до 9.00 ч.

1 июня.

А.О.К.4 распорядилось значительно усилить патрулировавшей войсковые посты у русской границы. Охранения и подвижные дозоры (чтобы слишком сильно не бросаться в глаза на фоне таможенников в качестве войсковых постов) несут пограничную службу, идя с винтовкой наперевес и без касок (в фуражках), непосредственно у пограничного забора. Особо указано на то, чтобы патрули и посты таможенной охраны границ выделялись на его фоне, исключая недоразумения между собой и вермахтом — в частности, ночную стрельбу[148].

Марш дивизии проходит согласно приказу, без особых событий.

Прикомандированный к 45-й дивизии корреспондент «Die Wehrmacht» Герд Хабеданк двигался вместе со I.R.135 — от Варшавы к Бугу: «Через жару и пыль по забитым техникой и людскими потоками шоссе, минуя покинутые лесниками леса, нашпигованные автопарками, деревни, населенные батареями, радиостанциями, штабы под высокими соснами».

Жара и пыль были не помехой и лейтенанту Михаэлу Вехтлеру, со своей 5-й ротой идущему в колоннах I.R. 133. «Пролившийся в начале пути ливень вымочил весь полк, но настроение повысилось вновь, когда он сменился жарой, с возможностями купания в озерах по пути. Марш достаточно трудный, но его 40-километровые отрезки тщательно выдерживались»[149].

29.5.41

Редактирование приказа для продолжения марша 31 мая вплоть до конечного размещения. В первой половине дня возвращение Шлипера из планируемого района наступления. Для установления взаимодействия представляется командир батареи особой мощности артиллерии резерва О.К.Н. (гауптман Меесманн).

…Это прибыло второе, после «Небельверфер», но по своему воздействию, пожалуй, стоящее на первом месте средство усиления — 2-я батарея 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона[150], две 600-мм установки «Карл».

…Вопрос о привлечении артиллерии особой мощности при штурме укреплений Бреста обсуждался давно. Еще 7 марта на утреннем совещании у командующего сухопутными войсками генерал инспектор артиллерии Бранд отметил, что против Брестской крепости можно использовать «Батарею „К“»[151].

Однако решили остановиться на 60-см мортире Karl (Gerät 040) — второй по мощности в вермахте (после 80 см «Доры») артиллерийской системе.

Для «Карла» разработали тяжелый бетонобойный снаряд, способный поражать цели на расстоянии от 2840 до 4320 м. Проникая сквозь бетон (в т. ч. армированный) на расстояние до 2,5 м, снаряд разрывался.

Имелись и фугасные снаряды.

Главным недостатком «Карла» в данной ситуации была прежде всего низкая скорострельность — 1 выстрел за 5 минут. При ставящихся условиях — короткая, но мощная артподготовка, затем — стремительный захват, их намечающееся использование заставляло задуматься. Прежде всего — куда бить? Дот вдоль границы? Их легко могли подавить и другие средства. А все, что далее, — скрыто, и, в общем, опираться можно было только на предположения и польские планы. Огонь предполагалось вести без пристрелки, без какого-либо, наблюдения за его результатами (исходя из опыта Эны, все скроет дым и пыль). В таком случае оставалось лишь еще одно средство — морально подавить. И именно оно было решающим — уничтожение пары дотов мало что решит, а вот гигантские взрывы — вполне могут сломить дух гарнизона.

И все же почему выбор пал на «Карлов»? Во-первых, мортира специально создавалась для борьбы с

укреплениями, причем более мощными, чем «линия Молотова». Во-вторых дальность сверхтяжелых пушек и железнодорожной артиллерии позволяла нанести удар на более дальние расстояния, чем приграничные укрепления.

Конечно, в расположении «Карлов» столь близко от границы был определенный риск, ибо сражение могло обернуться не так, как задумано, однако «кто не рискует…».

Решение о применении «установок 040» в операции «Барбаросса» командованием сухопутных войск принимается 14 апреля. Две мортиры батареи 833 были доставлены в Тересполь. Однако около 14 мая батарею 833 (к тому времени (с 1 мая) ставшую 1-й батареей 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона) перебросили под Лемберг (Львов). А на ее место — 2/833, с 36 снарядами.

Командир 1-й батареи еще к 1 мая успел провести рекогносцировку (места выгрузки, маршруты движения, огневые позиции, цели и НП). По его мнению, выгрузка орудий — на станции Тересполь, сборка — непосредственно на железнодорожном полотне. Причем выгрузку и сборку необходимо скрыть от русских наблюдателей (вышки на том берегу Тересполя), произведя ее за ночь.

Необходимое для «Карлов» оборудование разгружается в Бяла-Подляске, где есть капитально построенные платформы.

Затем следует скрытный марш на огневую позицию для поддержки наступления 4-й армии.

Особый интерес представляют сделанные им наблюдения цели — цитадели Бреста[152]. «Обнаружены только старые каменные крепостные сооружения, покрытые землей и поросшие травой. Цель, которая не нуждается в применении артиллерии особой мощности. Планируется взять цитадель только после очень короткой артподготовки. Лучше всего — выпустить четыре снаряда (по два из каждого орудия), используя их моральный эффект. Их максимальная досягаемость (4300) позволяет вести огонь по любой точке цитадели. Наблюдение достаточно сложно. Цитадель возвышается над рекой, кроме крайней западной ее части, наземное наблюдение за остальными затрудняют многочисленные строения и заросли деревьев».

Планируется и нанесение удара по Северному форту («Граф Берг»), но о нем известно только то, что он существует.

Время прибытия кранов и мортир в Тересполь, а остальных частей в Бяла-Подляску — Х-48 часов.

Заметки командира 1-й батареи кажутся несколько самонадеянными, по крайней мере в двух пунктах, уповании на моральный эффект и, надеясь за два дня до часа Х полностью подготовить орудия, решив все проблемы.

…В штабе дивизии Меесманн получает директивы на разведку и подготовку позиций. На основе встречи с ним в штаб XII А.К. отправляется запрос о подчиненности якобы приданной для этих работ строительной роты.

Штаб корпуса, также озаботившись предстоящими действиями поступающей артиллерии, распорядился о том, чтобы по прибытии в пункты постоянной дислокации (если еще этого не сделано) ее офицеры (как и остальные командиры) знакомились бы с территорией, а уже ведущееся наблюдение уплотнялось артиллерийскими наблюдателями для заблаговременного свыкания с ней.

Подчеркнуто, что особо ценно раннее использование дивизионов АИР, причем 45-я дивизия взаимодействует 8-м дивизионом АИР.

30.5.41

Отдых дивизии в достигнутом районе размещения на западе Седлец за исключением маршевого

эшелона Гиппа, миновавшего его, следуя в начале походного строя. В главном штабе никаких особых событий. От 19.30 до 23.00 ч. поездка Шлипера и Деттмера к Калушину для перепроверки движения Гиппа.

Прибытие приказа корпуса для нападения с новым боевым расписанием (подчинение батареи особой мощности 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона, бронепоезда № 2 и мортирного дивизиона ограниченной подвижности).

Командир 1-й роты 1-го железнодорожного саперного полка просит поручить налет на железнодорожный мост Тересполь его подразделению. Решение еще не принято.

Масух, проведя упражнения на укреплениях со рвами, наполненными водой, обобщает полученный опыт. Он замечает[153], что при обдумывании нападения необходим расчет времени на: а) дорогу от исходного положения до воды и б) преодоление самой водной поверхности и учет отгона средств форсирования в проточной воде (сила течения, стрежень реки).

Поднос средств форсирования (в том числе малых надувных лодок) ручной переноской («марш! марш!») возможен только на короткие расстояния. Для надувных лодок, находящихся непосредственно на берегу, особые группы подноски (на более длинных расстояниях посменно) для подтаскивания к воде не выделяются. Сначала они остаются на этом берегу. Возможно, как вторая волна переправляющихся; иногда в них, как группах подноски, нуждаются дальше, на противоположном берегу. На место команды, в первом натиске преодолевающей водную преграду при самой быстрой гребле и первой врывающейся на вражеский берег, в средства форсирования должна каждый раз садиться новая.

Для всех надувных лодок выделяются гребцы, на малых — хватает и одного, но ловкого. Их команды подчинить руководителям переправы, выделяемым для избежания скученности и других непродуманных действий, располагающим спокойствием, обзором, компетентностью и энергией. (Если возможно — саперные офицеры.)

Места переправы последующих частей обозначаются хорошо видимыми сзади знаками (например, опознавательными знаками).

Если собственных средств форсирования достаточно, то несколько из них выделяются и следующим подразделениям. Особенно при проточных водоемах с сильным отгоном надувных лодок. Необходимо эшелонирование средств форсирования в глубину, если ожидается сильный и своевременный заградительный огонь. При преодолении нескольких водных преград для них изначально выделяются средства форсирования с командой и группами подноски с соответствующими руководителями, избегая застоев. При штурме фортов, защищенных рвом с водой, эти средства форсирования можно подтащить к месту, где они применяются вновь. При этом полезна и бечевая тяга, проводимая, как правило, в мертвом углу земляных валов.

Руководители переправы должны иметь в распоряжении группы с веревками и инструментом, проводящие, где позволяют водные условия, переправу в составе команд подтягивания; помогающие переправе тяжелого оружия пехоты; заменяющие выбывших членов команды переправочного средства.

…Так как последнее время дало понять, что русские увеличивают количество агентов в полосе корпуса[154], штаб армии распорядился усилить пограничный контроль.

Отмечено, что помимо «русских агентов» опасны и все, разносящие информацию о ситуации на границе в качестве сплетен, делая ее хорошо известной русским.

Поэтому в теснейшем взаимодействии с таможенной охраной границ необходимо как устойчивыми охранениями в наиболее важных для перехода местах, так и достаточно многочисленными подвижными дозорами между ними вдоль пограничного забора защищать границу так, чтобы предотвращать ее

переход туда и обратно вражескимиагентами.

Охранениям, проводимым в полосе конечных мест расположения, необходимо принципиально избегать любых провокаций и инцидентов, сдерживаясь прежде всего по политическим причинам. В частности, ни в коем случае не переходить на русскую сторону. Для этого действующие вдоль нее охранения и дозоры между ними должны точно знать границу и ночью, передвигаясь только по немецкую сторону собственного пограничного забора между устойчивыми охранениями, не заступая на русскую сторону. Однако военные посты и дозоры после предписанного трехкратного оклика «Стой! Кто там?» могут использовать свое огнестрельное оружие, если окликнутое лицо не отвечает или убегает. Собственные доверенные лица обязательно отвечают или сами дают о себе знать. Проводится соответствующий подробный инструктаж передовых охранений, этот вопрос регулируется и с таможенной охраной границ.

Для всех жителей населенных пунктов, непосредственно лежащих у границы, вводится «вечерняя заря»[155] с 21.00 до 5.00 ч., контролируемая M.i.G. (командующимвойсками в генерал-губернаторстве) в сотрудничестве с органами гражданской власти.

И, конечно, нужно безусловно гарантировать охрану пограничных, жизненно важных для армии лагерей снабжения.

Штаб корпуса следит за выходом соединений в районы сосредоточения. Так как дивизиям, окончив ночные марши, приходится находиться на биваках дольше, чем спланировано, им отдано распоряжение об улучшении временных жилищ и биваков подразделениями и подчиненными корпусу строительными службами и R.A.D[156], выдаче заявок о получении дров, соломы, тонкой древесной стружки и т. д., перепроверке вопросов питьевой воды и гигиены.

Подчеркиваетсятщательная маскировка переходов. Картина границы не должна измениться.

Недопущение преждевременного вывоза боеприпаса, подготовки переправочно-десантного имущества в погранзоне и т. д. Артиллерия и тяжелое оружие пехоты могут быть только на позициях, предусмотренных ранее для «варианта Берта». Развертывание артиллерии и занятие позиций А.О.К. разрешит и прикажет как можно позднее, чтобы вся она не стояла неделями откровенно на огневой позиции. Напротив, вся подготовка, т. е. разведка, установление и измерение НП, батарей и др. позиций, соответствующихкартам и территории, вестись должна.

Рассчитывается, что О.К.Н. добьется вылета особой эскадрильи для аэрофотосъемок позиций пограничного прикрытия.

Короче говоря, общий принцип:

Вся «бумажная» подготовка, на карте и территории, невидимая или мало бросающаяся в глаза, начинается как можно раньше, напротив, все видимые и выделяющиеся мероприятия проводятся максимальнопоздно.

Новости от наблюдателей:

1. Затемнен, работы с деревом (забивка толстых свай), доделка опалубки. Работает бетономешалка. Доставка щебня, древесины и гравия, длительный отвоз грунта. 35–40 рабочих.

Направление стрельбы — четко на северо-запад.

1a. Затемнено, земляные работы, забивка свай, доставка древесины.

1b. Южный край острова. 2 пулеметных полевых оборонительных сооружения развиваются до дотов. Привоз толстых свай, брусьев и полос, а также бетонных труб. Расширяется дорога для грузовика,

доставляющегоматериал. Непосредственно к востоку от этого вторая стройплощадка.

2. Затемнен, бетонирование закончено. Сносят опалубки, направление стрельбы — юго-запад.

3. Затемнен, день и ночь интенсивное строительство. Более оживленная доставка материала. Направление стрельбы — железнодорожныймост, влияние с последней трети.

4. Законченныйнаблюдательныйпункт, закопанныйброневик.

5. Прокоп шоссе перед старым руслом Буга. Готово забетонированное заграждение на дороге.

5а. Прокоп шоссе шириной 1,50 м, по-видимому, траншея к расположенному непосредственно к югу пулеметному полевому оборонительному сооружению.

6. Бетонированное убежище в старой цитадели. Направление стрельбы — вдоль железнодорожного моста, фронтально. Работы с деревом.

7. Стройплощадка непосредственно к северу от железнодорожного моста не просматривается, никакого поля обстрела, слабая маскировка, оживленное строительство и ночью. По-видимому, минные работы.

9. Готовый дот у дома с необычно высоким деревом с шаровой кроной. Направление стрельбы — берег Буга к северу от железнодорожногомоста. Сухое маскировочное заграждение из хвороста.

10. В разрушенномдоме 2 амбразуры, по-видимомуусиленные изнутри.

11.2 стройплощадки в 45 м друг от друга. Затемнено, сухое маскировочное заграждение из хвороста. Между железной дорогой и Речицей.

12. В правом лесном углу. Затемнено. Готово с лета 1940 года. Направление стрельбы — железнодорожныймост — Т.Р.

13. Середина леса. Незатемненный. Готово. Зеленое возвышение с 2 бойницами. Наблюдательный пункт? Оборонительное сооружение? Направление стрельбы и соответственно направление наблюдения как 12.

14. Левый лесной угол, затемнено. Готово с лета 1940 года, маскировочное заграждение из хвороста. Дот. Направление стрельбы как 12 и северо-западнее?

15. Готовая пулеметная позиция с 2 амбразурами (укрепленными кругляком), а также убежищем со старым цементным укрытием (от разрушенного дома?). Амбразуры в 50–60 см над водой.

16. Готовое полевое оборонительное сооружение к югу от 5а — пулеметная позиция с убежищем (потолок из волнистого железа).

17. Угол казарм на западном краю Центрального острова. Там 8 окон с направлением стрельбы на железнодорожныймост. Вероятно, усиление угла казарм изнутри. К югу укрытие из хвороста.

18. Укрытие, видное только от железнодорожного моста. По высказываниям мостовой охраны, там велись работы осенью 1940 г. Вероятно, оборонительное сооружение с направлением стрельбы на юго-запад вдоль шоссе.

19. Северная окраина Речицы, небольшое укрытие из хвороста. Никаких работ. Оборонительное сооружение? Направление стрельбы?

31.5.41

В первой половине дня Шлипер объезжает несколько частей с проверкой бивака. Деттмер с лейтенантом Беком (833-й тяжелый артиллерийский дивизион) обсуждают выгрузку боеприпаса.

Обер-лейтенант Крумтайх (командир PzZg.2) запрашивает Деттмера об установлении взаимодействия, информации о предполагаемых действиях и ориентирует того о составе поезда.

Вечером — поездка Шлипера для контроля марша эшелона Йона.

Поступают предложения по предстоящей операции от полков.

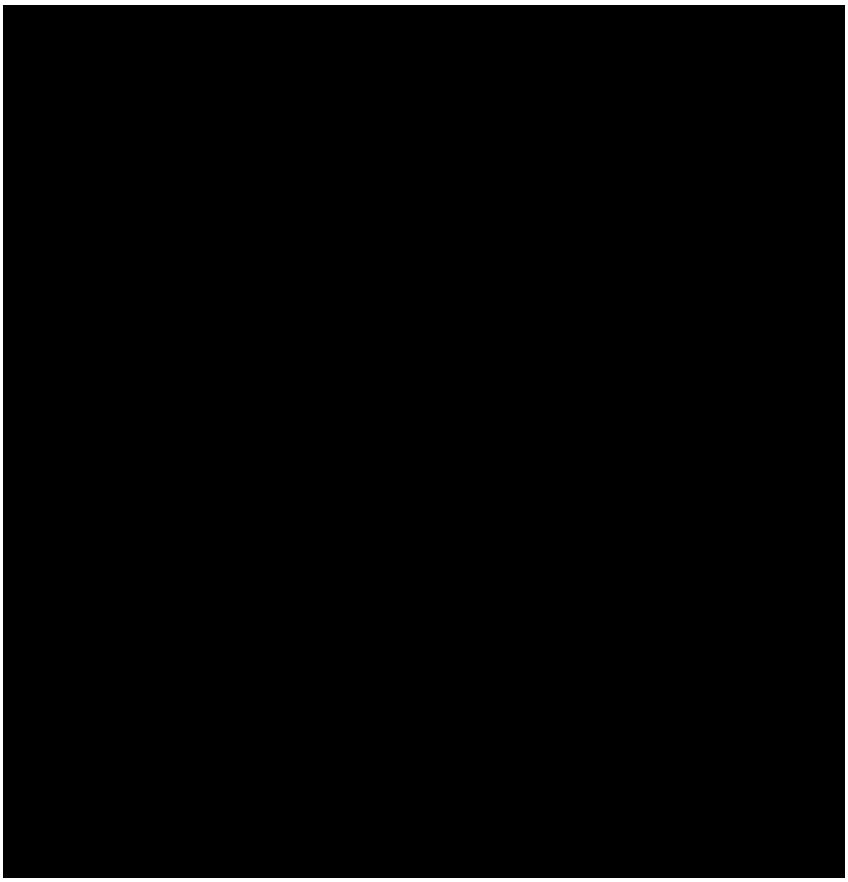
Ia I.R. 133, оберст-лейтенант Эггелинг[157], обобщая полученный при упражнениях на укреплениях Варшавской крепости опыт, делает упор прежде всего на организационных аспектах предстоящей операции[158]: «В штурмовые группы, нацеленные на постоянные укрепления с несколькими водяными рвами, должны входить тактический и технический руководитель. Далее выделяется энергичный унтер-офицер (по возможности унтер-офицер с офицерским темляком), кому подчиняются группы подноски, отвечающий за подвоз и соответственно возмещение убыли.

Можно рекомендовать сделать аэрофотосъемки фортов упражнения, которые могли бы вручаться руководителям при упражнении, чтобы они, во-первых, на их основе правильно сформировали бы штурмовые группы и, во-вторых, обучались оценке фотографий.

Командиры выделенного штурмовой группой тяжелого оружия должны действовать более самостоятельно, снова и снова принимая новые боевые задачи.

Нужно готовить резервы (вместе с их командирами) надувных лодок, а также чтобы распоряжаться ими в случае потерь или для следующих задач. Указаниям саперов, в том числе пехотных, нужно следовать со всей последовательностью в любых обстоятельствах.

Командиры должны информироваться, чтобы они не давали никаких команд, противоречащих правилам безопасности, что приведет к авариям и потерям».



Оснащение солдата штурмовой группы, предложенное Ia I.R. 133

Рассматривая технические стороны атаки, при оснащении штурмовых групп Эггелинг рекомендует сделать упор на максимальномих насыщении пистолетами-пулеметами,и сдаче всего, что препятствовало бы солдатам при наступлении, например: портупей, подсумков, рюкзаков и т. д. Для транспортировки яйцевидных и дымовых ручных гранат, сигнальных боеприпасов, ракетницы, противогаза без футляра и т. д. готовится особое штурмовое пехотное снаряжение, (см. рисунок), необходимое для того, чтобы солдат имел по возможности свободные руки. Оснащение этим штурмовым пехотным снаряжением проводится для всей штурмовой группы, включая ее командиров.

Необходима поддержка особо выделенными командами подноса тяжелого оружия, в частности противотанковыхорудий и боеприпаса.

К подносу малых надувных лодок привлекаются только действительно необходимые команды.

При всех обстоятельствах надувная лодка должна полностью погружаться в воду, в ином случае затрудняется скорое покидание берега и облегчается выведение из строя ее команды. Причалив к противоположномуберегу, команда срочно выпрыгиваетна землю, готовая к бою.

Челночное транспортное сообщение возможно только на узких водных преградах и на защищенных от обстрела местах. Необходимые для этого веревки при подносе надувных лодок уже должны в них лежать, а резервные — иметь при себе группы подноски.

Оберст-лейтенант Эггелинг решительно утверждает, что для переправы не подходит переправочное имущество из подручного материала, а малые надувные лодки не годятся для переправы противотанковых орудий.

Предложения I.R.130 представлены Деттмеру непосредственно его командиром, полковником Гиппом.

Полковник отмечает, что на малых надувных лодках в крайнем случае вместо 4 могут переправляться до 6 человек. Нужно выделять соразмерное количество подносчиков, особенно при подтаскивании под огнем. Саперов (в т. ч. пехотных) для этого недостаточно.

Особо — достаточно рядовых выделяется и для подноски очень тяжелых, больших надувных лодок, чье последующее применение необходимо продумать, так как им нельзя находиться на местах переправы слишком долго.

Ширина реки до 30 м безоговорочно позволяет челночное сообщение надувными лодками. Как и Эггелинг, Гипп особо подчеркивает, что при этом во всех них должны лежать достаточно длинные бечевки, о чем, конечно, вполне можно забыть в суматохе последней подготовки.

Места переправы должны быть обозначены днем и ночью. Днем целесообразно вывешивать флаги со свастикой, серой стороной в сторону противника.

В противоположность Эггелингу, Гипп замечает, что подручные средства оказались пригодными, но лишь при тщательной подготовке... Например, преодоление стен (казематов) и крутых склонов ведется с приставными лестницами, веревками, жердями или стволами с поперечинами.

Для спуска со стен на канате подходят и связанные вместе брезентовые полотнища.

Оргвопросы. Гипп на основе опытов также пришел к выводу, что если возможно, то подразделениям для использования надувных лодок на всей полосе форсирования предоставить саперов (в т. ч. пехотных). Во-первых, для каждого места переправы, в зависимости от ширины, определяются один или несколько ответственных офицеров. (Если саперных окажется недостаточно (при нескольких последовательно преодолеваемыхрвах, заполненных водой), то привлекаются офицеры из резерва.) Во-вторых, при захвате

долговременных укреплений целесообразно не приписывать саперов к ротам, а позволить им начать действовать отдельно как штурмовая группа против важнейших бункеров и соответственно бойниц.

Для тыловых подразделений отдельных частей на противоположном берегу должны готовиться указатели, ведущие их по самым быстрым и разведанным дорогам вперед.

Как возможные проблемы, Гипп отметил тот опыт, что непосредственно на берегу накапливается слишком много людей, ожидающих средство форсирования. Группы, следующие к переправе, должны держаться достаточно далеко от берега и призываться на переправу по мере надобности ведущими ее органами, кому крайне необходимы мегафоны.

Вторая проблема, отмеченная Гиппом, связана с форсированием второй и последующих водных преград: изначальное, вплоть до одиночек, распределение переправляющихся на отдельные надувные лодки, возможно, самое большее, для первого рва и то, если никакие средства форсирования не расстреляны ранее или не пришли в негодность. Поэтому, скорее всего, необходимо импровизировать, что предполагает особую маневренность организации.

Интересно, что от I.R.135 (Йон) никаких предложений так и не поступило.

Штаб корпуса, передав для ознакомления донесения руководителя управления таможенной охраны границ Бялы-Подляски по изъятию подозреваемых в шпионаже, вновь потребовал от действующих у границы частей держать тесную связь с таможенными постами погранохраны. Предложено провести и особые защитные меры для транзитного сообщения на вокзале Тересполя из-за опасности передачи важных сообщений польскими агентами русскому железнодорожному персоналу (например, усилить там железнодорожную полицию).

Кроме того, XII А.К. отмечено, что, согласно заявлению погранично-уполномоченного гауптмана Херцберга (Бяла-Подляска), на составленных для поставок в Россию грузовых поездах находились надписи и декларации, раскрывающие происходящее развертывание.

В эти дни напряженно работал и Ic корпуса. Часы выдвинутого к границе рабочего штаба плотно заняты анализом результатов разведки, подготовкой карт водоемов и дорог, составлением общего материала для дивизий. «Каждый был загружен работой вплоть до самого конца. Основное направление разведки — текущий контроль за казармами[159] в Бресте».

1.6.41

Шлипер и Деттмер едут на совещание к командующему артиллерией корпуса (генералу Хайнеману). В центре обсуждения — действие артиллерии при наступлении дивизии. Шлипером снова, как особо необходимое, подчеркивается требование о назначении начальника артиллерии для операции вторжения.

Все отделы штаба дивизии прибывают в место постоянной дислокации — Бяла-Подляску.

Марши проходят планомерно, согласно приказу на марш.

Дивизией отдано распоряжение о приемке конечного места расквартирования (преимущественно от 1-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской дивизии) и охранения Буга в полосе Тересполя с вечера 2.6. Тересполя нужно достигать только в темноте и при тщательной маскировке, не проходя на восток шоссе Тересполь — Коденьдо 22.15 ч.

2.6.41

Шлипер проверяет работы в районе Тересполя. Наряду с контролем за улучшением дорог осматриваются и позиции будущего исходного рубежа, в особенности — реактивных установок и прочего оружия особой мощности.

Неприятная новость — по-видимому, вследствие сильных — дождей последнего времени снова поднимается уровень воды в Буге.

Сообщение штаба разведки[160]:

Строительство: 1 июня — никакого, 2 июня — небольшое, особенно в северном углу Западного острова (на стройплощадке № 2 установлено 10 человек). Начиная с 31.5 ежедневные подрывы[161] 1 км севернее аэродрома Бреста (31.5–9 взрывов, 1.6–8 взрывов, 2.6–7 взрывов). На железнодорожном мосту на русской каменной опоре жестко укреплялись 2 висячих лесов из бруса с толстой проволокой. Там пока никаких работ не установлено.

Посты: посты сильно уменьшены, патрули неизменны (хотя 1 июня исчезли установленные по обе стороны каждой стройплощадки). Очень внимательны и недоверчивы. Проявляются мало. Смена постов, наверное, каждые 6 ч., однако частые междусмены.

Характер водной преграды: от 30.5 непрерывное повышение уровня воды. Возрастающие наводнения и на русской стороне. Никакой дождевой воды! В целом с 30.5 водное зеркало выросло на 41 см…

…Большая моторная лодка (10 человек) спускалась на север рукаву устья Мухавца к деревянному мосту Западного острова (1.6, 11.30).

Воздушное сообщение: по-прежнему сильная воздушная активность. В большинстве случаев биплан. Высота полета 200–300 м. Полет по кривой, сваливание на крыло и фотографирование. Никакого нарушения границы.

Ночное впечатление: никакой светомаскировки. В ночь на 31 мая в Бресте прошло упражнение по светомаскировке. Также за обе последние ночи ослабело строительство. Оживленное движение грузовиков в Бресте.

Изменения на отдельных пунктах по сравнению с 30 мая[162]:

1. Бетонирование.

1a. земляные работы.

1b. больше никаких работ.

2. Готово.

3. Незначительные работы. Вероятно, будет готово в ближайшее время.

…6. Бетонированное убежище готово. Перед амбразурой маскировочная сеть. С 29.5 сооружают деревянную обшивку на потолке бункера. Доставка песка. Цель?

7. Оживленное строительство, в том числе ночью. Доставка материала.

…18. Также видно с новой деревянной вышки при Т.Р.

…20. На севере от 9 по южному краю Речицы. Маскировочное заграждение из хвороста. Никаких работ. Дот. Наверное, готов. Направление стрельбы на Буг между железнодорожным мостом и Т.Р.

21. Непосредственно к северу от 11 в опушке леса. Затемнено. Готовый дот? Направление стрельбы Т.Р.

22. Опушка леса жестко к востоку от 21. Готовый дот? Направление стрельбы — наверное, фланкирующее на северо-запад.

23. Стройплощадка? В треугольнике железная дорога — Буг на лесной поляне, не затемнено. 4 большие палатки.

81-м саперным батальоном, от которого, как уже становится ясно, в наибольшей степени зависит успех операции, проведено штабное учение, в деталях просчитавшее форсирование Буга.

Условие учения — следующее распределение надувных лодок, предложенное как основа при форсировании:

Кому:	От кого:	Переправочно-мостовой парк-81	81-й саперный батальон				Собственные	
Полк, атакующий справа	Большие надувные лодки	4	4				—	
Малые надувные лодки	25	—	—				40	
Полк, атакующий слева	Большие надувные лодки	13	4				1	
Малые надувные лодки	22	9	9				12	
81-й саперный батальон	Резерв дивизии и для строительства парома	—	—				—	
Для действия полка, атакующего справа (большие надувные лодки)	6	—	—				10	
Для действий полка, атакующего слева (большие надувные лодки)	—	4	—				6	
Малые надувные лодки	—	6	—				6	

Саперным батальоном подготовлены и предложения по использованию понтонного парка «В» 81,

придаваемого для нападения: переправа с паромами в левой полосе полка, далее: наводка 8-т моста. Недостающий понтонный парк заменяется подручными средствами.

Требующиеся саперные силы для понтонно-мостового парка: на первом этапе саперная рота, усиленная взводом. Если доходит до наводки моста (X+2 часа), потребуется дополнительный взвод.

Заглядывая в будущее, разработаны предложения по использованию штурмовых лодок (их число еще не установлено), средства, позволяющего нанести быстрый удар по ключевым пунктам вражеской обороны:

Удар «Маас» наверх, сначала до шлюза, затем до мостов на юго-востоке («Мецирес»).

Поддержка нападения левого полка ударом с юго-запада и северо-запада против цитадели («Мецирес»).

Сначала три штурмовые лодки назначаются для левой полосы полка для первой переправы. Затем они остаются в 81-м саперном батальоне.

Подразделения штурмовых лодок должны вестись саперными офицерами. Им должны придаваться отборные боевые группы пехоты.

С достижением шлюза подразделение штурмовых лодок придается правому полку. Если его достижение невозможно, то оно поддерживает нападение левого полка высадкой в Цитадели или на Северном острове[163]. После того как твердо обосновались первые боевые группы, экипажи штурмовых лодок догоняют продолжающие выполнять задание боевые группы.

Исходный рубеж, предложенный саперным батальоном, — железная дорога.

Отмечено, что ко времени X только ведущие нападение части, без обозов, могут находиться на железной дороге, ведущей в сторону противника. Для подтаскивания средств форсирования привлекаются и лошади введенного в бой гужевого транспорта (крестьянские повозки).

Последовательность для продвижения на южной дороге: части истребителей танков к переправе с паромами на надувных лодках (вероятно, после X+1 ч.).

На центральной дороге: при ответвлении налево переправочно-мостовой парк B 81 (отдельными машинами начиная с X+1 ч.).

Затем при ответвлении направо — саперы корпуса с понтонно-мостовыми парками. Батальон наведения моста — центр. Более легкие части дивизии — к местам переправы в левой полосе. Батальон наведения моста — справа.

Расчеты времени (с момента выхода из исходного положения):

a) справа первые надувные лодки на противоположном берегу — через 5 минут;

b) слева — от 10 до 15 минут;

c) из своих исходных положений штурмовые лодки смогут достигнуть цитадели через 10–15 минут;

d) первые паромы на надувных лодках в каждой полосе — через 40 минут, учитывая, что их исходное положение несколько дальше;

e) переправа понтонными паромами через 1 ч. Но учитывая, что, вероятно, оборудование может подводиться только через час (после штурма Западного и частей Северного острова), переправа начнется в лучшем случае спустя 2 ч. с начала нападения;

f) время для наводки моста все еще нельзя указать.

Батальоном даны предложения и к пункту приказа дивизии по использованию саперов, касающиеся подчинения его подразделений. Правому полку предлагается придать 1-ю саперную роту (без 1-го взвода), саперные отделения A.A.45 и PzJgAbt.45. (Предлагается выделить саперные отделения только в качестве команд десантного переправочного средства для форсирования. Едва паромная переправа (паромов на надувных лодках) закончена, они собираются у разрушенного моста.)

Саперное усиление левого полка — саперная рота (без 1-го взвода), саперный взвод I.R.133.

Порядок подчиненности теряет силу с достижением железнодорожной линии на восточной окраине укреплений (саперная рота и саперный взвод I.R.133 вновь подчиняются командиру Pi.81).

Задачи для PiBtl.81, предложенные самими саперами:

Оборудование работы парома на надувных лодках для грузов до тонны в полосе каждого полка.

Сооружение места переправы с использованием паромного каната для грузов до 8 т в левой полосе полка. Далее, используя понтонный парк типа «B» Pi.81 и подручные средства, в районе паромной переправы наводится 8-тонный мост. Приспособление дороги отъезда в полосе дивизии.

Итоговое использование штурмовых лодок (как уже указывалось, их число еще неизвестно):

для нападения на цитадель приданной левому полку саперной роте выделяются восемь штурмовых лодок и три — на Северный остров. После успеха нападения Масуху, собрав лодки, нужно передать их в распоряжение дивизии.

Гиппу, взаимодействуя с Масухом, нужно назначить сильную штурмовую группу на 7 штурмовых лодках для нападения («Маас»), и вверх для овладения мостами на юго-востоке («Мецирес»). Мосты блокируются от вражеских бронеавтомобилей. Въезды на них освобождаются от противотанковых мин. Ведется охрана мостов.

3.6.41

Поступает распоряжение о выходе дивизии с 00.00 часов 4 июня из подчинения Höh.Kdo. XXXV и включении в состав XII A.K.

При обсуждении с командирами A.R.98 и Pi.Btl.81 готовятся материалы к запланированному на 11.6 при штабе XII A.K. штабному учению (тема — форсирование Буга и боевые действия в прилегающем районе).

Выходит приказ на обучение № 8, требующий отработать действия личного состава частей в отдельных боевых группах.

Последние части дивизии оканчивают марш.

…Михаэл Вехтлер: «Полки разместились в удобных деревенских домах, в 27 км от границы. С удовольствием распивалось последнее из захваченного французского шампанского. Домой писались последние письма. Среди нас появились „прожекторы“ — сверкающие голыми черепами группы парней, побривших головы к предстоящей кампании (получившие прозвище „солнечные головы“). В хорошо скрытых лесных биваках делались последние перед походом групповые снимки. Все сознавали, что немногие из них когда-либо соберутся снова в полном составе»[164].

Учитывая выход частей в места постоянной дислокации (конечные пункты движения), дивизия детализирует действия при достаточно маловероятном русском нападении («Вариант Берта»)[165]. Его суть — 45-я дивизия обороняется на Буге в полосе конечного района сосредоточения. Передний край — западный берег Буга, прорвавшиеся за него вражеские силы нужно отбрасывать за Буг.

Оборона Буга поручается командиру I.R.135.

Еще вечером 2.6.41 I.R.130 и I.R.135 было отдано распоряжение с 19.00 ч. 4.6.41 в полосе их конечного места расположения, принимать постоянные пограничные охранения, максимально скрытно от русских, в тесном взаимодействии с уполномоченными таможенными службами.

Помимо винтовки наперевес и фуражки, по возможности приравнивается к службе таможенной охраны границ и поведение.

Еще — что касается «союзников по польскому походу» — отдельные русские самолеты, перелетающие границу, обстреливать нельзя. Особо хорошей маскировкой нужно добиваться, чтобы они ничего не установили.

Последнее вряд ли получилось у 45-й дивизии, если верить Вальтеру Лоосу, «чем ближе становилось 22 июня, тем все более нервным становился русский… Уже с раннего утра высоко над Бугом висели русские истребители — т. н. „Ratas“ — летая вверх и вниз по его течению. Видимо, они хотели бы кое-что обнаружить или делать съемки. Но и наши разведчики были наверху, что делало русских летчиков все беспокойнее. Однажды один из них сбросил листовки следующего содержания: „Что вам здесь надо?!“ Мы посмеялись над этим, так как и нам еще никто не сказал ничего определенного»[166].

Помимо обороны Буга в обязанности дивизии включена и охрана склада (лагеря снабжения) «Бригитта» (севернее Хотынува). С этой минуты, по требованию его коменданта, дивизия должна проводить земляные работы для повышения огневого прикрытия, усиления охраны и местного охранения, предотвращая диверсии, установив пулеметы, усилить ПВО.

Это поручено I/I.R.133 (майора Фрайтага) в Клоде. Фрайтаг связывается со штабом подвоза № 676 в Седльце и комендантом склада «Бригитта».

Для внешнего охранения западной стороны склада I/I.R.133 выставляет 2 дозора, взаимодействуя с его комендантом, по его же непосредственному указанию — и действие батальона при тревоге. Nachr.Abt.65 строит проводную связь его штаба с комендантом лагеря. Для противовоздушной обороны склада Фрайтагу придаются части ПВО.

4.6.41

В первой половине дня Шлипер совещается с командирами частей — Кюлвайном (I.R.133), Цаном (PzJgAbt.45) и фон Паннвицем (A.A.45).

Командиру дивизии представляется обер-лейтенант Крумтайх (командир приданного ей PzZug № 2), после чего Шлипер осматривает стоящий на вокзале Бяла-Подляски бронепоезд.

Во второй половине дня Шлипер и Деттмер вместе с Крумтайхом изучают возможности применения бронепоезда у Тересполя.

Из-за переделки ранее спланированных действий и плана наступления 31-й дивизии (часть ее полосы отдана другому соединению) отменяется устное соглашение между Ia 45-й и 31-й дивизий, о совместном налете штурмового подразделения на условные[167] бункеры к северу у железнодорожного моста (севернее Тересполя)[168]. Решено, что если в начале нападения он еще необходим, то проводится действующим там полком централизованно, вместе с налетом на железнодорожный мост. 31-я дивизия выделяет для этого исходное положение к северу от железнодорожной линии, что командир полка оговаривает непосредственно с командиром I.R.82 полковником Госбахом (штаб-квартира I.R.82: имение Непле).

Впрочем, неизменно намерение 31-й дивизии, в начале нападения сконцентрировав основной удар артиллерии на форту и оборонительных сооружениях к югу от поселка Речица[169]. взять их действующим там I.R.82.

Учитывая, что привлекаемым к подготовке нападения (улучшению дорог, устройству позиции и т. д.) строителям необходимо большое количество фашин, отдано распоряжение об их заготовке, до 15.6.41, специально выделенными рабочими группами: пехотным полкам (однако не привлекая I и II/I.R.130, III/I.R.135) — собрать примерно по 1500; A.R.98, PzJgAbt.45 и A.A.45 — примерно по 500 фашин. Необходимая проволока подвезена частям 81-м саперным батальоном.

Для организации заготовки саперный батальон выделил лейтенанта Дицеля, несколько унтер-офицеров и ефрейторов.

Дицель срочно связывается с привлекаемыми частями, чьи представители, встретившись с ним у дома лесничего на западном въезде в Вульку Добрыньска, узнают о месте, где берется предназначенная древесина. На восток оттуда какие-либо лесозаготовки запрещены. Связанные фашины повозками (лошадями!) передаются Ie.Pi Kol 81 в лесном лагере в 2 км к юго-западу.

С размещением в пункте постоянной дислокации дела начальника гарнизона в Тересполе принимает командир I.R.135, полковник Йон.

Его задача прежде всего — организация заградительных мероприятий в приграничной зоне. Пассажирское сообщение и, в частности, движение грузового транспорта через Тересполь и Блоткув Малы к границе ограничивается самым необходимым.

Шоссе со сквозным проездом через Тересполь переходит на шоссе Тересполь, Блоткув, Лебедзев. Изменения контролируются регулировщиком движения и обозначаются выдвинутым вперед дорожным регулировщиком и соответствующими дорожными указателями на месте изменения направления и перед западным въездом в Тересполь.

Ограничивается движение и через перекресток на восток от Полятыче, где ведет работы обер-лейтенант Йенеке, командир 3-й (моторизованной) Pi.Btl.81.

Приказано при задержании в пограничной зоне всех подозрительных или русских дезертиров, обыскав, доставлять (вместе с найденными при них документами) в кратчайший срок, без допроса, в ближайшее отделение Тайной государственной полиции (пограничный полицейский комиссариат) или таможенную охрану (орган погранналзора в Тересполе). Пресекать, чтобы подозреваемый что-либо выбрасывал или уничтожал, сообщая об аресте по телефону Ic дивизии.

Для оцепления I.R.135 придаются солдаты дивизионного взвода полевой жандармерии, остальное оцепление ставит сам полк.

Прибыв в Тересполь, Фридрих Йон в числе первых своих дел вновь провел личный осмотр полосы наступления. Его результаты отличались от первого, ибо паводок теперь хоть медленно, но отступал, да и готова новая, более высокая наблюдательная вышка. На Западном острове стало заметно несколько старых казематов, но размещение в них войск оставалось сомнительным. Строительство русскими бетонных укреплений, очевидно, завершалось. В центре крепости по-прежнему располагались большие силы; обзор Северного острова затруднял плотный лес, можно было видеть лишь несколько новых жилых домов[170]. Однако там же предполагалось и множество старых казематов. Гарнизон (особенно артиллерия) занимался обучением.

Йон не сомневался, что нападение столкнется с численно превосходящим врагом; следовательно, важно полностью положиться на элемент неожиданности. Но как ее обеспечить? Да и что она даст — то, что из десяти тысяч запаникуют пять, а остальные пять набросятся на «сто тридцать пятый», как пчелы на медведя? И, в общем-то, это будет более чем достаточно. Ведь парни из Гмундена, Рида и Браунау вряд ли намного сильней парней из бескрайних просторов Сибири или диких гор Кавказа.

Однако Йон демонстрирует оптимизм. В конце концов, сильное, ранее не использовавшееся оружие, да и предыдущие победы германского солдата выглядят более впечатляюще по сравнению с топтанием русских в Карелии.

Кроме того, Йоном отмечено, что течение Буга все еще сильное, форсирование на надувных лодках вызовет значительный снос и потерю времени.

5.6.41

Шлипер осматривает территорию запланированного на 9.6 упражнения передового отряда, вызванного планируемым для него движением по труднопроходимой местности.

Дивизии представляется командующий артиллерией-27 (Arko 27) — 52-летний генерал-майор Фридрих фон Кришер[171], придаваемый для руководства артиллерией при нападении. Он посвящается Шлипером в план нападения, далее осматривает район действий.

Уроженец Карансебеса (Венгрия)[172], фон Кришер начал военную службу 18 августа 1910 г. в 12-м полку полевой артиллерии императорской армии, продолжив ее (и в том же полку) и в армии Австрии. 1 апреля 1938 г. фон Кришер, уже полковник (получил это звание 1.3.1938) был назначен начальником штаба 12-го артиллерийского полка[173].

В день начала Второй мировой войны он становится Ia 251-й пехотной дивизии, развернутой на базе одной из учебных частей. Во время кампании в Польше дивизия находилась на Западе, где боевых действий не велось. Части были задействованы на строительстве укреплений Западного вала.

Так и не получив боевого опыта, 30 ноября фон Кришер был снят с этой должности, на следующий же день (1.12.1939), вероятно в порядке компенсации получив звание генерал-майора. Далее, когда на Западе гремели орудия и в историю впечатывались новые имена, старому австрийскому артиллеристу, разменявшему шестой десяток, дела там не нашлось. Вплоть до 4 октября 1940 г. он находился в резерве, пока наконец-то не получил назначение на должность командующего Arko 27.

Какого-либо опыта в командовании артиллерией соединений, как и опыта современной войны, фон Кришер не имел. Сложности добавляло и то, что намечалось использовать такие, ранее не применяемые средства, как реактивные установки и артиллерию большой мощности (установки «Карл»). Планировать их действия (или, по крайней мере, утверждать предложенные их командирами) также предстояло фон Кришеру. Необходимо учитывать, что огонь должен был вестись по фортификационным сооружениям, достаточно мощным, чье расположение иногда было известно только условно. При этом ставилась задача поразить цели в максимально короткий срок, не проводя какой-либо пристрелки и тщательно скрывая проводимую разведку зоны обстрела.

Было над чем задуматься старому артиллеристу.

31-я дивизия пересылает свой приказ о нападении (для ознакомления).

Как уже указывалось, 130 и 135-й пехотные полки выделяются для усиления погранохраны наряду с ее охранениями, подробности (тот же пароль, отзыв и т. д.) оговаривая с органом погранналзора в Тересполе. Сейчас решается вопрос о подчинении. В итоге ответственными за погранохрану остаются таможенники (до момента подчинения их вермахту), кому и подчиняются (на этот срок) подразделения полков, выделенных для общего патрулирования, и соответственно караульные посты.

«Pi.Batl.81 откомандирует примерно на 14 дней молодого офицера для обучения железнодорожно-техническим вопросам в генеральную дирекцию восточной дороги в Кракове. Дата и подробности обговариваются с O.R.R. Доктор Массуте, Краков, Кольберга, 5, первый этаж»[174].

6.6.41

Во второй половине дня Шлипер инструктирует командиров, участвующих в нападении частей дивизии и Arko 27 на основании проекта дивизионного приказа о переходе Буга. Обсуждаются возникающие при этом вопросы.

В ответ на предложение штаба корпуса представить заявки на изготовление перспективных аэросъемок полосы наступления дивизия просит обратить внимание на следующие пункты: открытая территория между цитаделью и западом Брест-Лиховска и низовья Мухавца (включая железную дорогу, дорожный мост и открытую территорию к югу оттуда).

Необходима и перепроверка окопных работ в цитадели и у железнодорожного моста и исходного района у Тересполя до Буга (по возможности плановая аэрофотосъемка).

Новости от русских:

Строительство: незначительное, на передовой линии. По-прежнему ежедневные подрывы, 1 км севернее аэродрома Брест.

3–5 июня на русской стороне железнодорожного моста с рулеткой точно измерялись опоры, свод и пролеты. Каждая, даже самая маленькая распорка измерялась 3 мужчинами в синей рабочей одежде монтера.

Посты: силы постов и патрулей на Западном, как и раньше. С утра 5.6. по обе стороны дот 1b, 2 и 3 снова подтянуты посты стройплощадок.

Характер водной преграды: Согласно уровню, с утра 3.6 вода постоянно возвращается…

…Железнодорожное сообщение: неизменно, с русской стороны по железнодорожному мосту проходили полностью нагруженные вагоны…

Воздушное сообщение: дальнейшая сильная воздушная активность.

Ночное впечатление: никакой светомаскировки. Незначительное строительство. Сильное грузовое — и железнодорожное сообщение (шум разгрузки) в Бресте.

Утром 5.6 от Бреста в квартал казарм Вульки Подмейска маршировал артиллерийский полк на конной тяге.

Изменение обстановки у отдельных дотов со 2.6.

1. Бетонирование.

1a. Со 2.6 никакого строительства. Ложное сооружение?

1b. На юго-западном углу Западного острова сооружалось маскировочное заграждение из хвороста высотой 5 м, наверное, против нашего наблюдения с дерева. Оживленное строительство, земляные работы.

3. Незначительное строительство.

6. Строительство на крыше бункера. Твердый слой перекрытия?

14. Строительство на крыше дота.

21. Новая стройплощадка на Восточном острове. Не затемнена. Делают бетонную обшивку, работают с деревом. Оживленное строительство. Доставка гравия и щебня. Точное местонахождение стройплощадки еще не установлено.

С 15.6 для всех действующих соединений вступают в силу приказанные пароли.

В штабе XII А.К.: Шроту приказано выехать в Седлец на совещание с командующим армией.

7.6.41

Шлипер в сопровождении Бруно Шинделмайзера осматривает размещение самокатного эскадрона A.A.45, III/I.R.133, понтонно-мостового парка 81-го саперного батальона, I/I.R.133, 3/A.R.99.

Дивизии представляются несколько офицеров полка особого назначения[175], предлагающих свои услуги для операции, гарантируя надежное взятие железнодорожного моста Тересполя. Пока их предложение не востребовано, так как любое мероприятие могло бы вызвать огонь противника до часа X (начало нападения), чем поставить под сомнение запланированный налет тяжелых минометов[176].

«Сорок пятой» обещаны «Flossackhosen» (снаряжение, позволяющее человеку пересечь реку). Вероятно, под этим термином подразумевается прорезиненный саперный комбинезон, с элементами, поддерживающими на плаву (вокруг пояса), помогающий саперам строить мосты, находясь в воде.

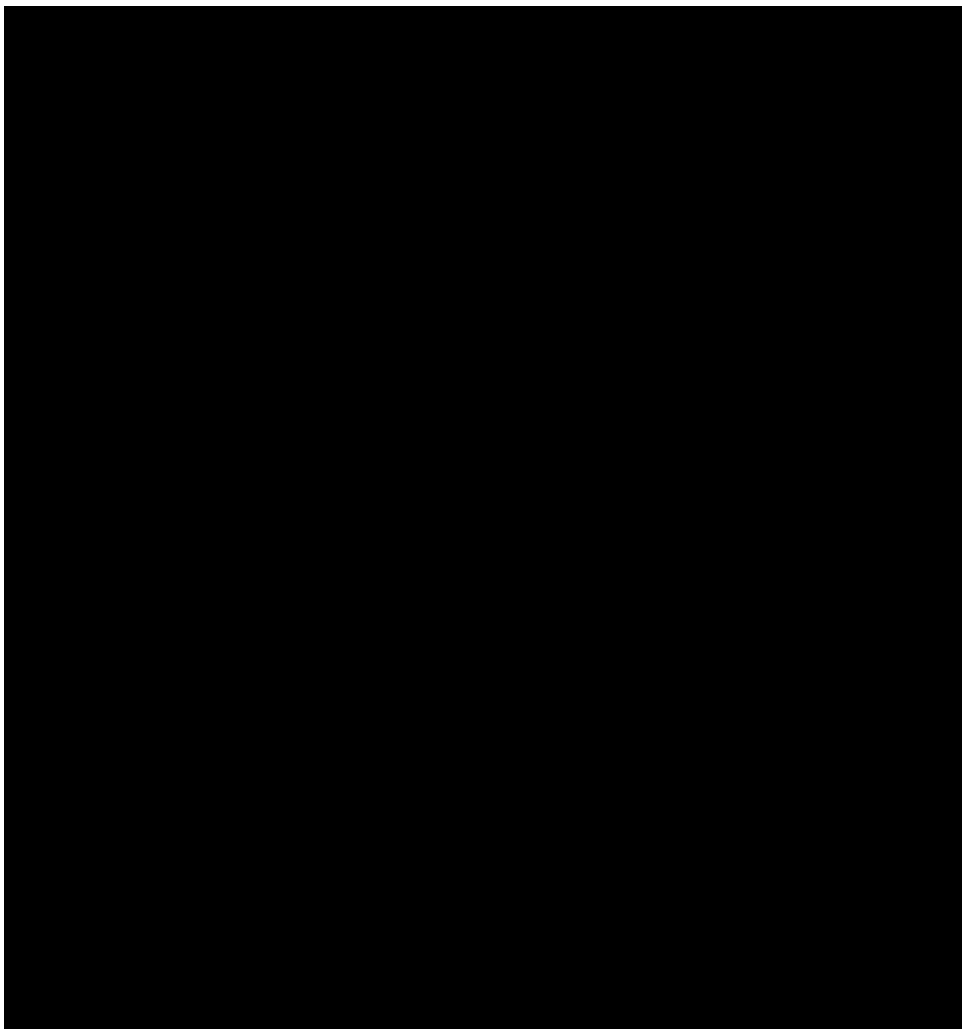
Тереспольский мост. Схема «подрыва»

В этот день после многократных напрасных попыток крупный успех выпал на долю разведки — «железнодорожнику» Беме (саперу, изображающему машиниста грузового состава) все же удалось добыть сведения о подготовке русскими возможного подрыва моста[177].

Плавным движением экстренного тормоза Беме остановил въезжающий в Брест грузовой поезд на мосту, затем, быстро сняв тормоз, он начал искать следы подготовки к взрыву.

Им установлено, что у мостовой опоры (где на высоте примерно 0,25 м от ее подошвы с обеих сторон видны буровые скважины диаметром 5 см) параллельно Бугу выкопан ров глубиной 0,5–0,75 м. 3,5 м ниже рельсового пути из земли выходит наружу кабель и идет вдоль мостовой опоры почти до шпуров (взрывных дыр), однако не касаясь их. Вероятно, далее кабель ведет к опоре линии электропередач, несущей 7 проводов с медной жилой, и по мачте — вниз, кончаясь 3 проводами с медной жилой.

Следующий кабель, длиной 1,50 м, укреплен у опоры моста. Он проходит примерно в 0,50 м вдоль опоры, выходит из земли и лежит на ней свободно по направлению к мостовому пролету.



Тереспольский мост

Кабель — облицованная спиральной пружиной и снабженная черной изоляцией трубка толщиной 2 см с двухполюсной медной проволокой примерно 5 мм диаметра. Однако то, что речь идет не о кабеле подрыва, установлено для Беме точно и надежно.

Кроме этих наблюдений, никаких дополнительных сделать не удалось. Однако рекомендуется дать указание немецкой охране моста наблюдать за русской речной опорой, предотвращая возможную подготовку к ее подрыву.

8.6.41

На совещании, проводимом Ia при начальнике штаба XII А.К., объявлено, что подчинение Pz.Zg.2 дивизии отменяется. Вместо этого (пока на период обучения и для упражнений) ей приписываются бронепоезда № 27 (исходный пункт: Тарнов, снабжение «рабочим штабом Винтера») и № 28 (исходный пункт: Варшава, снабжение — комендатура Варшавы). На их платформах установлены танки — три французских «Somua S-35».

Локомотивы для бронепоездов уже в ближайшие дни, без бронирования, подаются в районы боевых действий и скрыто приспосабливаются для перевозки на путях с широкой колеей. Остальные вагоны после отделки и короткого обучения гарнизона подаются в их исходный пункт не позднее 10.6.

После прорыва обороны «красных» на Буге бронепоезд № 27 нужно направить от Бреста на Ковель, а что касается № 28, то фон Клюге передал свое пожелание не использовать его для захвата

железнодорожного моста с налета, как транспорта, пущенного вперед над мостом. Напротив, после налета, удавшегося другими силами, необходимо задействовать его в дальнейших операциях, если позволят рельсовые пути.

Состав железнодорожных бронепоездов № 27 и № 28:

1 контрольная платформа

2 высокобортных вагона-платформы длиной 7,72 м для танков

1 высокобортный вагон-платформа длиной 7,72 м для пехоты

1 локомотив G 10

1 высокобортный вагон-платформа длиной 7,72 м для пехоты

1 высокобортный вагон-платформа длиной 7,72 м для танка

1 контрольная платформа.

Среди имевшегося на поездах оборудования следует отметить комплект для постановки дымовой завесы (оборудование дымопуска при помощи снаряжения, дымовых ручных гранат, дымовых шашек, устройства для распыления (7 бочек).

Кроме того, на совещании Шлипером докладывается и о подготовке к «Варианту Берта». Однако главное — то, что в ожидании визита в полосу корпуса начальника Генерального штаба сухопутных войск (генерал-полковника Гальдера), от дивизии требуют отчета о состоянии подготовки ее частей и оценку противника.

Уже в течение дня требуемый отчет[178], подписанный непосредственно генерал-майором Шлипером, передается в штаб корпуса.

Документ достаточно важный, показывающий точку зрения командования дивизии на предстоящую операцию. Хотя, вероятно, не все проблемы дивизии дошли до Гальдера, но все же отчет производит впечатление достаточно объективного и принципиального документа.

Характеризуя обучение и подготовку частей, Шлипер заявляет, что дивизия полностью боеспособна. Учитывая предстоящие ей особые задачи, проведены упражнения в старых укреплениях с водяными рвами крепости Варшавы, отработано форсирование водной преграды с надувными лодками и вспомогательными средствами, беззвучный ночной выход в исходное положение, разметка позиций и ночное приведение в боевое положение артиллерии и тяжелого оружия, штурм с налета мостов и др. Важное место заняло обучение действиям в составе передового отряда, штурмовых групп и ближнему бою, противохимической защите. Шлипер отметил, что если своевременно прибудет и предоставленное в распоряжение дивизии особое оборудование (штурмовые лодки, Flossackhosen), до 20.6 возможно закончить обучение действий и с ним. Это же относится и к расчетам, выделяемым прибывающему 9.6 мортирному дивизиону.

Говоря о ситуации, перспективах операции, Фриц Шлипер пишет, что, используя приданное особое оружие, задача (овладение цитаделью Брест-Литовска) выполнима при увеличении выделения боеприпасов для l.F.H. на 1000 выстрелов и обеспечении их необходимого количества для мортир и довоз второй половины минометных боеприпасов[179]. Достижение же дальнейших целей зависит от того, будет ли обороняться русскими город Брест и удастся ли своевременно подвести достаточные силы и артиллерию, так как артиллерийская поддержка из позиций на западном берегу Буга не обеспечивает действия дивизии к востоку от Бреста. Пока разлив Буга существенно не сойдет, операция сильно затруднена, так как часть исходного положения пока непригодна и район наступления к югу от Бреста

непроходим.

Шлипер отметил некое новое явление на русской стороне. По его мнению (по сравнению с прежними наблюдениями), русский стал исключительно сдержан, скорее даже недоверчив. Хотя по-прежнему, русские действия — это лишь усиление своих оборонительных сооружений. Генерал-майор убежден, что заявленные до сих пор в полосе дивизии вражеские силы вряд ли увеличатся к моменту нападения.

Особо Шлипер отметил, что считает нерациональным применение искусственного тумана[180] при переходе Буга и нападении на цитадель[181]. Тем не менее оно может стать необходимым для ослепления НП на окраинах Бреста, особенно при наступлении дивизии к югу от города. Главная проблема на данный момент — то, что с учетом многократных водных преград в полосе дивизии ее оснащение надувными лодками находится у нижней возможной границы.

Передав отчет в штаб корпуса, Шлипер направляет запрос командиру бронепоезда № 28, прося сообщить:

1) Распределение оружия на отдельные вагоны.

2) Возможности панорамирования отдельного оружия по ширине и глубине.

3) Имеют ли пулеметы углы горизонтальной наводки и ограничитель высот?

4) Есть ли унифицированное управление огнем для оружия бортового залпа?

…При приближении даты начала действий особое значение приобретает своевременное реагирование на действия русских, прежде всего на подготовку ими возможного нападения. На всех уровнях усиливается разведка.

Пришло время усилить приграничное наблюдение и у Шлипера, создав более полную наблюдательную систему. Начиная с 9.6.41 по-новому формируется наблюдательный штаб 45-й дивизии[182].

Его руководителем назначен обер-лейтенант фон Фуметти (A.R.98), с приданием ему офицера-наблюдателя A.R.98 с легковой машиной и водителем от PzJgAbt.45.

Офицеры-наблюдатели: офицер от Arko 27 (наряду с представителем обер-лейтенанта фон Фуметти), по 3 офицера — I.R.130, I.R.135, штаб Nbw.Rgt 4, по 2 офицера — PiBatl.81 и NachrAbt.65.

Наблюдательные команды — по одной от упомянутой части, подчиненные офицерам-наблюдателям, с подробным инструктажем их командирами.

Основа для формирования наблюдательной команды: 1–2 особо отобранных унтер-офицера и 1 рядовой (в качестве писаря) на батарею и роту тяжелого оружия при соответствующей смене, в этом смысле можно использовать взвод радиоразведки 65-го батальона связи.

Участок наблюдения I.R.130 — правая граница: Полятыче (южный край) — Аркадия (южный край), Пухачево (южный край); левая граница: шоссе Бяла-Подляска, Тересполь, Брест. Тришин (включительно).

Правая граница участка наблюдения I.R.135 — Южный остров (включительно) — по течению Мухавца; левая — северо-запад Лобачува (включительно) — южный край Речицы — поселок Березувка.

Для остальных воинских частей — вся вышеуказанная полоса.

Первоочередная задача — установить, ведется ли русскими подготовка нападения (мощное сосредоточение войск, появление средств форсирования, вывод на позиции артиллерии и тяжелого оружия).

Актуально и получение наиболее полной картины русских позиций пограничного прикрытия, их силы,

расширения и занятия противником, путем регистрации всех изменений прежней «картины» (вновь построенные позиции, вышки, НП и т. д., подход новых воинских частей, заметных по ранее не встречаемому обмундированию; форменной одежде, петлицам и т. д., вновь появившемуся оружию. Кроме всего прочего, требуется и анализ поведения русских (спокойная и мирная служба, нервозность, вид обучения и т. д.), тщательная оценка всех шумов и источников света, необходимо наиболее точно измерять новые бункеры, позиции и т. д. и переносить их на карту. Нужно наблюдать и за поведением, и наличием гражданского населения (не проводится ли эвакуация?[183]), а 81-му саперному батальону особо — за железнодорожнымммостом (не готовится ли подрыв?).

Наконец, наблюдатели должны найти и достаточное количество мест, пригодных как НП для собственной артиллерии и тяжелого оружия пехоты.

Наблюдение проводится днем и ночью, в любую погоду, один из офицеров постоянно занимает 30-ю наблюдательную вышку. Кроме того, необходимо в большем количестве организовать и постоянно использовать НП на деревьях, хорошо скрытые и не просматриваемыерусскими.

Arko 27 отдельно приказывается «кодированиеместности».

С соседними дивизиями, органами погранналзора и действующимохранением держится длительная и тесная связь и оцениваются их наблюдения и опыт. Использование соседних полос для стороннего наблюдениятолько после предыдущегосогласия уполномоченныхслужб.

Сбор донесений предусматривал, что офицеры-наблюдателиежедневно до 12 ч. сообщают о своих наблюдениях (включая результаты наблюдательныхкоманд) руководителю наблюдательного штаба, а он, в свою очередь, каждые 3 дня (начиная с 10.6.) дает в 45-ю дивизию проанализированныйокончательный результат на карте, схеме или аэрофотоснимке, вместе с коротким письменным сообщением. В свою очередь 45-я дивизия ежемесячно, к 10 и 25-му числам, сообщает окончательныйрезультат в XII А.К.

Непосредственное сообщение другим вышестоящим инстанциям категорически запрещено, но одновременно разрешается информированиевсеми офицерами-наблюдателямисвоих командиров.

Особо важные результаты наблюдения (например, подготовка нападения), в том числе в соседних полосах, сразу передаются Ia дивизии.

Действительно, судя по всему, начинается финальная стадия подготовки. Все вроде бы сделано, остаются лишь небольшие, но, однако, запланированные недочеты, и теперь самое главное — не позволить какому-либо случаю испортить всю комбинацию.

Поэтому штаб корпуса после проведения войсками выхода в конечное размещение вновь призывает усилить бдительность, находясь в полной готовности к вражескому нападению[184], констатируя, что, по поступающим отовсюду сообщениям, русские продолжают выдвигать войска в пограничный район. Однако вопреки этому, вновь подчеркивается, что их нападение маловероятно. Если же оно произойдет, то ожидается, что будет внезапным, с использованием русскими военной авиации и воздушно-десантных войск.

Поэтому — еще раз — указывается на связь и взаимодействие с соседями на местности и карте, полное пограничное наблюдение и тесное сотрудничество с таможенной охраной, а также окопные работы (всюду, но в особенности вдоль сквозных шоссе и железных дорог (для «сорок пятой» — по обе стороны железной дороги Тересполь — Брест).

Подручными средствами необходимо оборудовать позиции стрелковых отделений, позиции тяжелого оружия, небольшие убежища, НП, укрытия и погребки для боеприпасов на огневых позициях, НП на деревьях и т. д.

Советский погранично-уполномоченныйв Бресте сообщает, что на Буге с 10.06.1941 вверх и вниз по течению от Бреста проводятся гидрографические работы. Командование дивизии, извещая об этом находящиеся у границы подразделения, замечает, что советские плавсредства имеют право проходить Буг на своей стороне вплоть до середины основного фарватера. Он установлен точно, однако проходит на разном расстоянии от берегов. О возможных нарушениях границы, особенно близком подходе плавсредства к немецкому берегу, проведении там измерений или тем более попытке причаливания — скорейшее сообщение в штаб, с точным указанием номера следующего пограничного столба. При возможномпричаливаниидо звонку может происходить арест, но оружие использовать нельзя[185].

Штаб корпуса, считая, что эти измерения могут использоваться и для установки мин и т. д., призывает войска к повышенномувниманию.

Разведка принесла новые данные о Бресте. На сей раз — о сети электростанций города. В том числе — об электростанции в цитадели (на Центральном острове). Размещается в 4 залах главного корпуса, где рядом (в белой башне[186]) и водонапорное оборудование цитадели. Устройство: газогенератор 180 л.с. фирмы Ortwain-Karasinski, Варшава 1936. Динамо производило 220 вольт постоянного тока. С 1938 г. сеть присоединялась к городу и получала от городской электростанции 3500 вольт подземным кабелем до трансформатора, откуда ток передавался дальше воздушной линией электропередачи с напряжением 380 вольт в потребительскую сеть, что имела 220 вольт переменного тока. Средняя нагрузка составляла примерно 160–180 А.

Штабом XII А.К. издается приказ по корпусу № 7. В основном он посвящен организации ПВО в его полосе. Затрагиваются отчетность в период боевых действий, подчинение ряда мелких частей.

Кроме того, в приказе объявлены пароли с 15 июня по 31 июля.

9.6.41

За первую половину дня мортирный дивизион ограниченной подвижности (матчасть трех батарей (682, 683, 684-я) с кадровым составом) выгружается на вокзале Тересполя и размещается в районе расположения III/I.R.133 (в лесном лагере). Издается команда для пополнения и снабжения дивизией обслуживающего персонала (привлекая резерв комсостава и полевой запасный батальон), и под командованиемгауптмана Галля начинает формироваться«мортирныйдивизион Галля».

Штаб корпуса начинает решать вопрос их боекомплекта.

В Седлеце командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал фон Клюге проводит совещание, посвященное действиям против России. В нем, сопровождая Шрота, участвует и Фриц Шлипер.

В 10.00 ч. в Бяла-Подляску прилетает начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, встреченный на аэродроме Ia корпуса, и участвует в совещании у начальника штаба XII А.К. (оберст-лейтенант фон Вальденбург), где информируется о подготовке частей к предстоящей операции. При этом присутствует и Армин Деттмер. С упомянутыми офицерами Гальдер отправляется на наблюдательную вышку у Тересполя и в сопровождении фон Вальденбурга осматривает с нее советскую территорию и условия прибрежной полосы у Тересполя и железнодорожного моста Тересполь — Брест. У Буга представляются Ia дивизий.

Далее в штабе корпуса проходит небольшое совещание[187]. В выступлениях Гальдера и офицеров корпуса затрагивается широкий ряд тем:

Почему мы нападаем? Войска необходимо вовремя информироватьо причинах.

Исключая внезапность, нужно четко и своевременно отслеживать изменения в ситуации («Вариант Берта»). Подход к противнику. Подготовка продовольственного снабжения. Как дополнительная матчасть и

т. д. приданные крестьянские подводы использоваться не могут.

Особенно важно обучение, в большинстве случаев молодых, Ib дивизий, учитывая планируемое «упражнение» и то, что они сталкиваются с совершенно новыми проблемами (взаимодействие с танками, снабжение из баз, сужения дорог танковыми войсками и т. д.). Начальник тыла корпуса должен помогать словом и делом.

Неожиданность при планируемом «учении» особо важна и должна быть гарантирована. Особо тщательно маскируют артиллерийское развертывание и по возможности только последней ночью выводят орудия на позиции или, чтобы не создавать большого шума, въезд в течение нескольких ночей. Никакой пристрелки артиллерии. Открытые огневые позиции. Основной вес на маскировке. Никакого излишнего огня артиллерии по площадям. Лучше всего оказывается пригодным наблюдаемый одиночный огонь против узнанных целей. Отсутствие боеприпаса для установок.

Генерал-полковник согласился с мнением корпуса, что артиллерия 34-й дивизии достаточно слаба, поэтому необходимо самое сильное сосредоточение и никакого расщепления. Придание еще дивизиона s.F.H.

Указание на применение дымовых снарядов, отлично оправдавших себя во всех действиях на юго-востоке.

Связь. Указание на прослушивание всех радиопереговоров соседей и танкового корпуса в вышестоящие служебные инстанции. Для этого корпус должен иметь план радиосвязи танковой группы.

Освобождение от гражданского населения самое большее за 1/2–1 час до начала нападения; выведя его наружу, при необходимости организовать продовольственное снабжение в этом районе.

Гальдер, осматривая полосы 45 и 31-й дивизий, заметил, что район наступления он считает частично трудным, однако полагает, что нападение удастся, одобрив подготовку и планы дивизий и корпуса. Признательно высказавшись о работе корпуса, он отметил, что вся подготовка проведена лучшим образом.

Вылет Гальдера в 14.00 ч.

«Все хорошо проинструктированы, у всех отличное настроение. Подготовка будет закончена к 22.6, — заметил генерал-полковник в своем дневнике по итогам встречи. — Впечатляет бесконечность пространства, где будут наступать наши войска. Возможность сохранения локтевой связи здесь отпадает сама собой. Зато приобретает большое значение единство боевых действий дивизии. Здесь должен окупиться весь труд, который мы десятилетиями вкладывали в подготовку дивизионного звена командования. Артиллерийская подготовка в начале наступления не будет рассчитана на полное подавление, но должна быть достаточной. В отношении инженерно-технического обеспечения и обеспечения связью, кажется, все подготовлено хорошо»[188].

Тем временем Шрот настаивает на изменении приказа о наступлении танковой группы. Он, предписывающий XII А.К. «охватывающее нападение на Брест», по мнению Шрота, ведет к ошибочным точкам зрения и истолкованиям. Так как он предоставляет корпусу выделенные полосы боя, как указывает карта обстановки, строго на всем фронте реки Буг — крепости Брест от Бернад до Козловичей, то на самом деле задача XII А.К. — фронтальное нападение на Брест. Полоса боя абсолютно не дает возможности охвата. Он проводится скорее танковыми корпусами, атакующими от XII А.К. справа и слева.

Предотвращая позднейшие недоразумения, Шрот считает необходимым полностью прояснить ситуацию в приказе о нападении, изменив его формулировку так, чтобы слово «охватывающее» заменялось на «фронтально».

«Сорок пятой» проводится оборудование старого форта[189] в Тересполе (на еврейском кладбище)

под дивизионный КП.

Штабу корпуса сообщают о плане налета на железнодорожный мост Тересполя[190].

Силы, привлекаемые к нему, организуются так: группа захвата — офицер, 6 унтер-офицеров и рядовых солдат I.R.135, штурмовая группа — 3 унтер-офицера, 12 рядовых I.R.135, усиленная 2 группами саперов для огнепровода, и отделение 5-й саперной роты 1-го полка железнодорожных войск для контроля и обеспечения моста.

В качестве огневой поддержки — противотанковое орудие, 4 M.G. (с особым, помимо этого, заданием), от I.R.135: 1 взвод s. J.G., 2 взвода l.J.G. и, от I.R.133 1 взвод тяжелых минометов.

Ход операции видится так:

После прибытия полка в исходный район сторожевой пост на мосту принимается его штурмовой группой (группой захвата). Чтобы сделать постоянное появление ее солдат привычным для русских, они будут одеты и вооружены как пограничная служба. За несколько дней до нападения, тыловая стена дзота на германской территории будет удалена, и в нем разместится 37-мм противотанковое орудие для обстрела русского бункера при нападении. Затем немецкие часовые будут медленно перемещаться до линии границы, и их смена в решающий час будет произведена так, чтобы на посту оказались сразу Четверо, чтобы осилить русских часовых.

Итак, в час X-1 мин. группа захвата, находящаяся на мосту в качестве мостовой охраны, тихо подкрадывается вперед и уничтожает русские посты. В час X, используя начинающийся мортирный обстрел, по мосту двинется усиленная штурмовая группа, рассекает огнепроводный шнур и, заняв оборону на небольшом плацдарме, защищает мост.

Одновременно, в час X, по дому мостовой охраны и жилым автоприцепам открывают огонь противотанковые орудия и пулеметы (особого задания), предотвращая их возможный подрыв. Введенные в бой для огневой поддержки J.G. и минометный взвода прикрывают штурмовую группу вперед и по сторонам «огневым окаймлением».

В связи с захватом железнодорожного моста появляется задача и для бронепоезда № 28.

Вначале он, готовый к выезду на вокзале Тересполь, в час X подъезжает в направлении Бреста, встает на дамбе перед мостом, согласно устному указанию, поддерживает всем оружием операцию на мосту и одновременно защищает его от атак с воздуха с малой высоты. После захвата моста и исключения его подрыва бронепоезд № 28 подходит на вокзал Бреста, ведет разведку на северной его окраине и у вокзала, поддерживая своим тяжелым оружием I.R.135 при формировании более сильного предмостного укрепления.

В зависимости от положения и результатов разведки бронепоезд № 28 планируется использовать и для разведки на Жабинку.

Ситуация на русской стороне, по данным штаба наблюдения:

Строительство: незначительное, на передовой линии. По-прежнему ежедневно подрывы. В 2 случаях разрезом устанавливалось точное место подрывов.

7.6 19.00 окончились русские измерения на железнодорожном мосту. Мост подготовлен к подрыву.

Посты: без изменений. 9.6 усилены посты на железнодорожном мосту. Смена в цитадели каждые 2 ч., на железнодорожном мосту каждые 3 ч., однако нерегулярно и с небольшими отклонениями. Смена караула на цитадели между 17.00 и 18.00.

Каждую полночь от Северного острова через белый дом на Буге, железнодорожный мост к русской

наблюдательной вышке и назад (вдоль взбороненной русской контрольно-следовой полосы) идет контрольный патруль со светом.

Характер водной преграды: согласно уровню, с утра 3.6 вода постоянно уходит...

Железнодорожное сообщение: неизменно. С русской стороны над железнодорожным мостом проходили полностью загруженные вагоны...

Воздушное сообщение: дальнейшая сильная воздушная активность.

Ночное впечатление: никакой светомаскировки. Необычно спокойно, на русской стороне громкое пение. Ночью 8.6,—9.6 посты беспокоили движение и окопные работы на немецкой стороне.

Подробности (изменение обстановки на отдельных объектах с 5.6).

24. Не затемнено. Готовая бетонная обшивка. Оживленное строительство.

Временно установлено артиллерийской буссолью и дальномером.

25. Не затемнен. С 8.6 информации не прибавилось. Готовая бетонная обшивка. Временно установлено, как и 24.

10.6.41

У Воскшенице и Сельчик (к востоку от Бяла-Подляски) Шлипер руководит упражнением дивизионного передового отряда, где извлекается существенный опыт: 1) Подразделениям, действующим далеко впереди, необходимо придание достаточно эффективных саперных средств и сил, достаточных для перевода тяжелого транспорта отряда через небольшие ручьи с небыстрым течением. 2) Разведка и рекогносцировка приобретают особое значение на труднопроходимой местности, в основном для артиллерийских и инженерных дозоров.

С санкции А.О.К.4 и согласно указанию полков, предназначенных для первого удара, отдельные дома в пограничной зоне очищаются от населения.

На совещании при А.О. К.4 в Варшаве Армин Деттмер добивается возвращения в подчинение дивизии части[191] (удержанной начальником штаба и командующим). Идет проработка вопросов ее использования.

Штабом дивизии на основе сообщений, поступивших от частей, обобщен опыт упражнений в фортах, защищенных рвом с водой[192]. Сейчас он предлагается для ознакомления и разработки наиболее эффективного плана действий частей.

Его общие положения: при «форсируя реку» и «сражаясь за укрепления» необходима особая планомерность при разведке (по возможности с аэрофотоснимком) оборонительных сооружений и водных преград, приведении в готовность и сближении, плане для первого, второго и дальнейших этапов переправы, плане огня и захвата самих укреплений.

Особо необходимым признается точный расчет средств форсирования для отдельных штурмовых групп; распределение групп подноски — для больших надувных лодок, в том числе прибывающих при взаимной смене, в то время как штурмовые группы готовы к ведению боя; если это позволяет положение, плавсредства подводятся раньше и, например, ночью, скрыты (закопаны) у реки.

Признается, что все же необходимы вводные упражнения в песочнице и в форту (где проводятся тренировки).

Одной из проблем вновь признается поднос плавсредств к рекам и рвам. При форсировании должны быть готовы много партий надувных лодок, и, кроме того, для возмещения аварий — их резерв. Надувные

лодки переносятся одной или несколькими группами подноски (во взаимной смене). Проблема в том, что подносчики при сближении передвигаются едва ли беглым шагом и представляют очень крупную цель. Указывается, что может быть полезно распределение технических руководителей.

Следующий этап операции — непосредственно переправа. Штаб дивизии предполагает, что так как ожидается сверхсильнейшая собственная артиллерийская подготовка, то, используя ее эффект, первый этап переправы, как правило, удается. Саперные унтер-офицеры руководят переправой как «главные диспетчеры». Они заботятся об обозначении мест переправы, вызове подразделений из исходного рубежа призывными командами (по возможности с мегафоном), об отводе всех надувных лодок на веревках, их равномерном использовании и предотвращении концентрации в местах переправы.

Если из-за слишком большой ширины реки канатно-паромная переправа невозможна, указывающий должен стоять и на вражеском берегу и в каждой большой надувной лодке должна быть выделена весельная группа.

Тяжелое оружие укладывается в лодку с помощью весельных групп или групп подноски.

При зачистке укреплений, предупреждает штаб дивизии, ожидается сильнейший вражеский заградительный огонь. Штурмовым группам необходимо как можно скорее бросаться вперед, со всеми вспомогательными средствами для подавления дотов (в т. ч. — взрывчатка, огнемет, бутылки с бензином) и для преодоления отвесных каменных стен (группы подноски с топорами, веревками, приставными лестницами, досками и т. д.).

При достижении следующих водных преград (горжевых рвов) необходимо скорейшее донесение об этом, чтобы в мертвом углу вала начиналось подтаскивание надувных лодок или их подтягивание на веревках (1 человек у руля) и доставка следующих вспомогательных средств. Поэтому необходима предварительная разведка дорог.

Для частей следующего эшелона атаки обозначать дороги к новым местам переправы.

Подчеркивается, что штурмовые группы должны создаваться наиболее подвижными, снабженными достаточным количеством пистолетов-пулеметов, яйцевидными, штоковыми и дымовыми ручными гранатами в мешках с песком и ракетницами. В дальнейшем для подноски боеприпаса и переправы тяжелого оружия нужно выделять группы подносчиков. В каждой надувной лодке предусмотреть по 2 веревки (и 2 резервных) на всю ширину реки.

Готов и пересылается штабу корпуса проект приказа о нападении[193].

«Карта Гшопфа». Несмотря на в общем то верное обозначение атаки 22 июня, карта имеет недочеты. Многих строений нет, указаны мосты и перемычки к 22 июня уже уничтоженные (еще в 1939 г.). Не указана атака II/I.R.130 и III/I.R.130 указаны неверно. III/I.R.135 — слишком приблизительно. Фактически указаны планы, а не реальный ход событий. Никак не отмечено что атака через Бригидский мост началась значительно позднее

Его суть — учитывая, что за Бугом находятся крупные русские силы, особенно в крепости Брест-Литовска, дивизия, выделяя I.R.133 в резерв корпуса, ведет нападение двумя полковыми группами:

I.R. 130 (справа) и I.R.135 (слева). Резерв дивизии — 2-й батальон I.R.135.

Главное изменение в приказе по сравнению с ранее обсуждаемыми проектами — главный удар решили наносить не слева, а справа.

Планируется, что наносящий главный удар I.R.130 (при поддержке 2/PiBtl.81) пересечет Буг, возьмет Южный остров и предотвратит подрыв мостов на Мухавце к востоку от крепости. Затем, пройдя южной частью города, продвинется к восточным предместьям.

I.R.135: организовав неожиданный налет, захватывает железнодорожный мост через Буг и предотвращает его разрушение; пересечет Буг и штурмом возьмет Северный и Западный острова и часть центра крепости; пробьется через сам Брест-Литовск и также выйдет до восточных предместий.

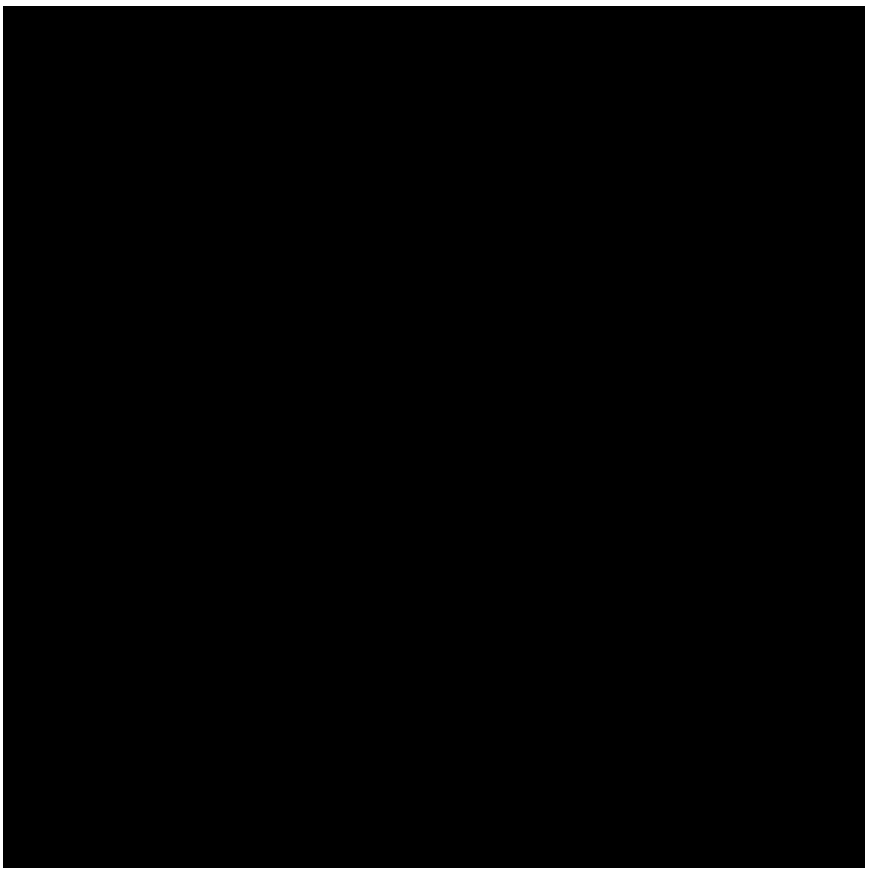
Таким образом, город будет окружен.

План нападения I.R. 135[194]:

а. III/I.R.135 (минус 9, рота, полковой резерв), взаимодействуя с саперным взводом I.R.135[195], пересечет Буг на надувных лодках, сначала захватит Западный остров, затем центр крепости и мост, ведущий оттуда к Северному острову (Северный мост[196]). Ударное подразделение (11-я (велосипедная)

рота) собирается на полпути между Тересполем и Бугом так, чтобы после запуска реактивных снарядов промчаться к Бугу на велосипедах. (Эта мера необходима, потому что на речных берегах они подвергнутся удару собственных реактивных снарядов[197].) 10-я рота[198], I.R.135 собирается в каземате напротив юго-восточной оконечности Западного острова, откуда и переправится на его южную часть.

b. I/I.R.135, поддерживаемый 1/PiBtl.81[199], соберется на берегу Буга только к юго-востоку от железнодорожной насыпи, чтобы пересечь железнодорожный мост или преодолеть реку, на штурмовых лодках или надувных плавательных поясах[200]. Сильные штурмовые группы пересекут Буг у западной оконечности Северного острова, так, чтобы он мог быть доступным. Батальон захватит Северный остров и затем продвинется к железнодорожным путям к востоку от него.



«Карта Карелия». 1. Церковь Цитадели; 2. «Дом офицеров»; 3. Казарма; 4. Опорный пункт Фомина; 5. Казарма; 6. Восточный форт

c. Доступные роты[201] из резерва корпуса сосредоточатся на левом берегу Буга так, чтобы в координации с планом огня они смогли бы поддержать форсирование.

За время перед нападением обеспечить:

1. Скрытое хранение боеприпасов на огневых позициях;

2. Сборку материала для строительства моста в прибрежных зарослях;

3. Строительство дорог для подхода через ранее затопляемую территорию между Тересполем и Бугом;

3. Совещания офицеров и младших командиров.

На 20 июня в боевом составе I.R.135 значилось[202]: 61 офицер, 423 унтер-офицера, 2293 рядовых, 3 чиновника (всего — 2780 человек, что составляет 90 % штатной численности пехотного полка дивизий 1-й

волны на 1941 г. (3049 человек)[203]. На вооружении полка — 151 пулемет, 18 тяжелых минометов, 27 легких минометов, 6 легких и 2 тяжелых пехотных орудия, 9 орудий ПТО (3,7 см).

Численность пулеметной и пехотных рот (их степень укомплектованности могла отличаться от полка в целом) точно неизвестна, однако, исходя из процента укомплектованности полка, можно взять за основу по 160 человек в пулеметной и пехотных ротах.

Таким образом, в составе III батальона[204] (командир — Гауптман Пракса), идущего на Западный и Центральный, вплоть до захвата Трехарочного моста, — 520 человек. Вместе с подразделениями усиления (12-й ротой I.R.133) — приблизительно 650 человек. Наступление планировалось вести волнами — в первой пойдет около 200 человек.

В составе атакующей группы I батальона (командир — майор Ельце), наступающего на Северный и запад Бреста, — 750 человек.

Неизвестно, как спланировал атаку Ельце, возможно, часть подразделений вывел в резерв или — решил наступать всеми, но эшелонированно.

Исходя из уставных требований, согласно которым пехотный батальон с примкнутыми флангами наступает на фронте от 400 до 1000 м[205], можно считать, что с этой стороны состав ударных группировок I.R.135 отвечал задаче.

Неизвестны были силы обороняющихся. С целью нейтрализовать возможные неожиданности в распоряжении командира полка имелся значительный резерв. Судя по тому, что он был создан из состава сил 3-го батальона, неожиданности предполагались именно в его полосе.

В то же время выделение дополнительных сил Ельце свидетельствовало о том, что 1-му батальону придается решающее значение — быстрым охватом крепости воспрепятствовать отходу из нее частей русских и вывозу ими матчасти и запасов.

Русских загоняли в угол — с востока их отход перекрывает Ельце, с запада — давит Пракса. Учитывая, что группировка противника в крепости была неизвестна, это было достаточно рискованным решением. Решающими факторами успеха планировалось сделать огневое превосходство и неожиданность удара.

О плане атаки I.R.130 известно меньше — судя по документам, относящимся уже к 22 июня, полк наступал двумя эшелонами. Первый — два батальона: слева — I/I.R.130 (оберст-лейтенант Набер), берет первые два моста на Мухавце, справа — II/I.R.130 (майор Гартнак) — следующие два моста. За ними второй эшелон — III/I.R.130 (майора Ульриха). Ульрих, похоже, имел в своем распоряжении только две роты — 9 и 12-ю (320 человек). Ими он и должен был захватить Южный остров.

14-я рота была, вероятно, придана повзводно батальонам.

Переправу поддерживал огонь пулеметов 4/I.R.133, задействовалось и саперное отделение A.A.45.

Серьезной проблемой для I.R.130 оставалась возможность подрыва русскими мостов на Мухавце. Это сразу резко затормозило бы наступление всего правого фланга дивизии и корпуса. Поэтому помимо того, что именно на это направление был нацелен главный удар и 45 и 34-й дивизий, было решено (на основе предложения Масуха) провести и специальную операцию, используя 9 штурмовых лодок. Командование поручено лейтенанту Кремеру (комвзвода в 3/Pi.81). Задача: после окончания огневой подготовки у Буга (около 3.20[206]), двигаясь вверх по южному рукаву Мухавца, с налета взять в свои руки 4 моста на Мухавце.

Десантные группы для 7 лодок (без штурманов) выделил 1/130, для двух оставшихся, а также всех штурманов — 2/Pi.81. Подразделениям 3-й роты I.R.130 поручили доставку лодок в полосу наступления 1/130 к берегу Буга, откуда они должны были стартовать в приказанное время.

Задачей полка было не только взять, но и удержать мосты — это лишило бы возможности отхода русскую танковую дивизию, что вкупе с артподготовкой сразу же направило бы ситуацию в нужное русло.

Оценивая план нападения, можно сделать вывод, что перед дивизией Шлипера стояла задача преодолеть, с одной стороны, сопротивление врага, численно превышающего ее атакующие подразделения (например, I.R.130 должен был отразить удар как танковой дивизии[207], прорывающейся к мостам, так и возможные контратаки с востока), а с другой — сделать это в минимальные сроки, необходимые для успешного развития наступления корпуса.

Нужно сказать и о командном составе дивизии, призванном решать эти задачи. Как уже упоминалось, полковник Гельмут Гипп был наиболее опытным из командиров полков «сорок пятой», более того — единственным, кто водил свой полк в бой в составе верхнеавстрийской дивизии. Ему-то и была поручена главная задача — захват мостов Мухавца и блокирование Бреста.

Командиры батальонов I.R.130 не уступали Гиппу — майор Гартнак командовал «вторым» еще в польскую кампанию, Набер — прошел со своим «третьим» всю Францию. Ульрих был помоложе — вот и был выведен во второй эшелон. Гипп был практически уверен, что тот справится, — захват Южного — это же не противостояние с танковой дивизией.

I.R.135: Йон, не имевший опыта командования полком в бою (да и вообще опыта какого-либо боя во Второй мировой), мог опираться на командиров батальонов — майоров Ельце и Парака (второй батальон), прошедших французскую кампанию. Пракса, командир «третьего», был еще гауптманом — его биография неизвестна, но, похоже, батальоном он стал командовать совсем недавно.

Судя по боевому расписанию дивизии, ее первостепенной задачей должно было стать захват и удержание мостов на Мухавце, второе — устранение каких-либо помех, что обеспечивалось наличием в резерве достаточно мощных и опытных сил (батальон Паракса, а в перспективе — полк Кюлвайна), и, наконец, третье — блокирование с востока крепости Брест-Литовска. Похоже, что четвертое — вариант захвата крепости с налета либо рассматривался как сомнительный, либо учитывался как «дополнительная возможность», либо налицо грубый просчет в оценке противника и как следствие — неверное выделение на эту задачу как сил, так и средств.

…В штабе XII А.К.: между XII А.К. и XXXIV танковым корпусом устанавливается новая разграничительная линия, из-за чего полоса правой дивизии (34 I.D.) теряет населенный пункт Полоски.

По мнению штаба корпуса, его (соответствующего проведенному размещению) переуступка нецелесообразна, о чем сообщается в танковую группу.

Так как за последнее время в пограничном районе участились случаи шпионажа и акты саботажа и диверсий, Шрот счел необходимым создание «пограничного района» шириной 10–20 км по эту сторону границы интересов, ограничив в нем свободу перемещения польского и еврейского населения: с 12.00 16.6. для них вступает в силу комендантский час (с 21.00 до 5.00). Еще одна причина для создания пограничного района — привлечение в погранзону новых подразделений, что привело к опасности пограничных инцидентов. Например, при расследовании претензии русского пограничного посредника о том, что немецкие солдаты фотографировали русский пограничный пост, выяснилось, что несколько военнослужащих в их свободное время осматривали границу и при этом сделали запрещенную фотосъемку. Учреждение запретной зоны предотвратило дальнейшие инциденты.

Однако предложение о привлечении мужчин непосредственно пограничной черты к особому виду работ отклонено. Указано, что если жителей подозревают в шпионаже, то к их аресту привлекается местная полиция и таможенная охрана границ.

Снят запрет на необходимую для пограничной охраны эвакуацию (во взаимодействии с местными

органами гражданской власти) отдельных пограничных усадеб.

Предотвращая шпионаж во время транзитного сообщения на вокзале Тересполя, штабом корпуса предлагается:

1) Занятие выезжающих из России поездов (самое позднее на железнодорожном мосту к северу от Тересполя) таможенниками или служащими железнодорожной полиции для предотвращения недозволенного перехода границы русскими. Перехват агентов!

2) Постоянный надзор за русским железнодорожным персоналом во время перегрузки и их пребывания в немецкой области. Последнее ограничивать железнодорожным полотном.

3) Для предотвращения наблюдения русской разведкой пребывание русского железнодорожного персонала и выполнение таможенных и транзитных мероприятий со стороны русской группы сопровождения должно происходить не в Тересполе (в доме на главной улице), а в доме на железнодорожном полотне.

4) Армейские транспорты, особенно в течение дня, не подводить до вокзала Тересполя.

Отмечено, что все вышеизложенное диктует усиление таможенных и дорожных полицейских чиновников.

11.6.41

Шлипер проверяет подготовку в районе Тересполя, посещает I/A.R.98 и командиров I.R.130 и I.R.135

Дивизии представляются командиры бронепоездов № 27 (обер-лейтенант Рудольф Опитц) и № 28 (обер-лейтенант Эдвард Сееле) и сообщают о боевом расписании, оборудовании и возможном использовании. Выявляется, что бронепоезда не вполне боеспособны (не хватает большей части оборудования и полностью — необходимого французского боеприпаса[208]), есть недостача в личном составе.

Шлипер обращается в штаб корпуса по поводу распределения саперного оборудования для планируемого «упражнения»[209], ходатайствуя о подчинении дополнительной саперной роты для использования на реке и оставлении понтонного парка типа «B» Pi.Btl.81 после первого нападения. Если же это невозможно, то необходимо подчинение понтонных взводов и паромных канатов с принадлежностями на весь срок перехода дивизии. Что, по мнению командира «сорок пятой», стало необходимым, во-первых, из-за того, что в ее полосе корпусом больше не планируется строительство военного моста. Во-вторых (особенно учитывая ожидающееся сильное предъявление требований к магистральным шоссе корпусными и армейскими частями), дивизия, переводя артиллерию и тяжелый транспорт через реку, не может ждать окончания корпусом временного моста, вынужденная наводить себе 8-тонный мост из понтонного парка и подготовленных подручных средств.

Если второе требование невыполнимо, то первое тем более первоочередно, так как мост из подготовленного подручного средства должен строиться именно саперной ротой и к тому же после передачи 3-й (моторизованной) Pi.Btl.81 в передовой отряд корпуса необходимых сил нет.

Также Шлипер подчеркивает, что выделяемых дивизии штабом XII A.K. надувных лодок только понтонно-мостового парка недостаточно для последовательного преодоления полками нескольких водных преград и при этом еще и дополнения ожидающихся потерь. Приданные дивизии штурмовые лодки не играют никакой роли при переправе существенных частей ударных групп, действуя в спланированной операции лейтенанта Кремера. Не заменит надувные лодки и обещаемый спортивный снаряд (Flossackhosen), а лишь дополнит желаемым способом. Поэтому дивизия просит (как уже неоднократно доложено устно) о дополнительном подчинении надувных лодок (примерно понтонно-мостовой парк).

Также Шлипер распорядился о расположении пунктов боепитания и снабжении их боеприпасами. Ночами на 13, 14, 15 июня транспортные взводы ведут вывоз боеприпасов на пункты боепитания «Йук» и «Хелена», на 13 июня — «Плиш», автоколонны — ночами на 13-е «Вольте», на 15 и 16 июня — «Плум» и в течение 13 июня — «Фипс».

Подача боеприпасов планировалась так, чтобы колонны проходили на восток перекресток к северу от Кобылян около 22.0. Частями к 22.00 в соответствующие дни на перекрестке к северу от Кобылян ставится указатель, ведущий колонны к пунктам боепитания. После разгрузки транспорт колонн отпускается по отдельности в их расположение.

Выкладываемый боеприпас принимается и охраняется получающими его частями, выделяющими солдат для разгрузки. Места складирования готовятся по специальным правилам безопасности и оснащаются готовым материалом для штабеля. Рубероид и т. п. может поставляться только незначительно. На хорошую маскировку указывается особо. Дату распределения боеприпаса на огневые позиции сообщат позднее.

При подаче и разгрузке боеприпаса требуется избегать любого шума. Указание светом, как и у автомобилей, запрещено, автоколонны и транспортные взводы едут с восточной окраины Малашевичи Вельки и назад без света. Это особо имеет значение для складирования боеприпаса в «Йук». Подробно информируются команды разгрузки и рядовые солдаты колонн.

Погрузку в «Гукебайн» ведет (солдатами роты подвоза) обер-лейтенант Хабер, организуя движение так, чтобы колонны проходили перекресток к северу от Кобылян в 22.00, от случая к случаю выделяя подвозимый на пункты боепитания материал для штабеля. Срок подачи боеприпаса для «Фипс» A.R.98 оговаривается непосредственно с обер-лейтенантом Хабером.

I.R.130, 135 и A.R.98 на следующий день после получения, до 12.0, нужно сообщить по телефону Ib «королевского тигра» о принятии боеприпаса, согласно графику.

I.R.135 обеспечивает беспрепятственное прохождение колоннами заграждения в Тересполе, отделение полевой жандармерии постами заграждения и оповещения предупреждает аварии на шоссе Малашевичи Вельки — Тересполь и на путях подъезда к базам боеприпасов.

На среду, 11.6, с 9.00 до 18.00 в Бяла-Подляске в казино «Партизан» намечается штабное учение, проводимое Шротом[210]. От 45-й дивизии на него (помимо командира) приглашены — Ia (майор Деттмер), Ib (майор Вирзинг), Ic (обер-лейтенант барон фон Рюлинг), Arko 27 (генерал-майор фон Кридер), командиры A.R.98 (полковник Велькер), NbWRgt.4, Pi.Btl.81 (оберст-лейтенант Масух) и A.A.45 (оберст-лейтенант фон Паннвиц) как командир передового отряда.

12.6.41

11 (самокатная)/I.R.133 и отдельные откомандированные придаются передовому отряду корпуса (оберст-лейтенанта фон Штольцмана), с 13.6 сводятся под руководство своего командира и размещаются у Воронца.

В дивизию поступает (для ознакомления) приказ о нападении 34-й дивизии (соседа справа).

I.R.130 и I.R.135 знакомятся с проектом плана огня. Ночью начинается снабжение боеприпасами пунктов боепитания дивизии, продолжаясь и в следующие дни.

Майор Деттмер в письме[211] в штаб корпуса, представляя план использования бронепоездов (№ 27 и № 28), сомневается, смогут ли они вообще действовать. Хотя все необходимое для них уже затребовано, но спорно и своевременное прибытие и выполнимость срочно необходимого обучения.

Поэтому идет более детальная проработка боевого расписания. Ибо спрашивается — если поезда

действовать не смогут, зачем выделять им пехоту, которой, как ни странно, редко бывает избыток?

Идя навстречу, штаб корпуса отказывается поставить пехоту бронепоезду № 27, объясняя, впрочем, это тем, что тот, направляясь в Ковель, покидает полосу корпуса, входя в полосу «рабочего штаба Винтера»[212], он-то и должен заниматься этим вопросом[213].

Шлипер посещает I/I.R. 135, II/I.R. 135 и II/A.R.98.

I.R.135 принимает охрану железнодорожного моста Тересполя, до этого выставляемую батальоном охраны тыла.

Штабом корпуса издаются особые распоряжения по ведению разведки[214]. Согласно им, наземная разведка, проводимая дивизиями в их полосе боя, особо выясняет: состояние дорог и мостов и состав противостоящих сил (номера полков, расположения штабов). Известно ли об их отступлении? Где танки? Используется ли химическое оружие?

Что касается 45-й дивизии, то особенно важно и быстро ей нужно донести об итогах налета на железнодорожный мост, а уж затем — штурме цитадели, достижении восточной окраины Бреста и состоянии мостов на Мухавце.

Сообщать всеми средствами, при отказе телефонной связи — по радио (таблицей сигналов).

Над Костомлотами — Франополем — Кобрином — Чернавчицами — Непле ведется расширенная авиаразведка с задачей: контроль над собственными танками, выяснение ситуации на шоссе Тевли — Брест, Кобрин — Жабинка, Малорита — Брест (колонны, состав, направление, длина); выходят в исходное положение, где и какие силы, есть ли танки? Также в ее задаче — выявлять укрепления или подготовленные позиции в глубине разведываемого района (при необходимости производить их аэрофотоснимки).

Авиаразведка (по 1 самолету через 30 мин. после нападения) над Костомлоты — Подлесье — Гуцни — Брест (вкл. Тересполь) и Брест (вкл. Гуцни) — Тюхиничи — Непле (вкл.) устанавливает собственные подразделения, а также — виден ли отход врага или подготовка им контратаки? Пытается обнаружить русские танки, узлы связи, штабы, артиллерийское сосредоточение, особо сильное движение донесений, основные районы ПВО.

Кроме этого, ее задачи — отслеживание передвижения войск в Бресте и окрестных казармах, состояние мостов Мухавца, контроль за движением собственных танков (в том числе для исключения взаимного обстрела).

Значение отстреливаемых самолетом световых сигналов:

a) Зеленый: необходимо обозначить передовую линию сигнальным полотнищем или (соответственно) крестом сбрасывания.

b) Красный: общий предупреждающий знак.

c) Фиолетовый: танковая тревога.

Отделом тыла штаба корпуса выпущены дополнения к особым распоряжениям для района операции[215]: полками и отдельными батальонами создаются и готовятся к выезду команды разведки, включающие командира (офицер продовольственного снабжения), ветеринарного офицера, казначея, содержателя технического имущества и охраны.

О найденном ими продовольствии и корме, горючем, автомобилях, конных повозках, лошадях, одежде и т. д. срочно сообщать непосредственно командиру дивизии с указанием места, вида и объема, гарантируя охрану даже самых небольших объемов.

О больших складах продуктов, сырья, железнодорожных грузов и т. д., превышающих потребности подразделения, дивизия, обеспечивая охрану, сообщает с точным указанием места в Qu. (IVa) штаба корпуса. К усилению охраны может привлекаться и население.

Выдача банковских билетов германских кредитных касс проведется А.О.К. своевременно.

Строго запрещено использовать в качестве автотранспорта трактора или сельскохозяйственные машины[216] или иметь их при себе, выполнение этого приказа нужно постоянно проверять.

Дивизия (руководитель подвоза) отвечает за то, чтобы все свободное грузовое пространство движущихся в тыл автомобилей использовалось бы для подвоза пленных[217]. Отделение комсостава от остальных военнопленных проводит Ic (вместе с Ib). Пешим колоннам пленных нельзя использовать пути подвоза. Напоминается об их достаточной охране (всадник и велосипедист).

Руководитель подвоза дивизии в пунктах сбора военнопленных составляет роты обслуживания, выдвигая в зависимости от имеющегося грузового пространства к армейским местам сбора.

О неизвлекаемых трофеях сообщать отделу тыла штаба корпуса с точным указанием места и массы боевой техники.

О трофеях, интересующих авиацию (самолетах и т. д.), сообщать офицеру связи ВВС с наземными войсками при штабе корпуса.

Необходима организация места сбора солдат, отставших от части.

...Непредвиденная суета у границы — у северной пробивки реки Буг около Тересполя река размыла большой кусок берегового откоса и затопляет проволочный забор, частично оторвав его.

В итоге нужно укреплять там берег, для чего требуются саперы и подвоз материалов.

Зато пограничное наблюдение ведется планомерно.

Строительство: незначительное. По-прежнему ежедневно подрывы — на востоке района Речицы, юго-восточнее квартала казарм Вульки Подмейска, далеко на юго-юго-востоке.

Непосредственно у железнодорожного моста — 6 прожекторов. 2 из них — отдельно на мачте связи последних обеих арок. На высокой деревянной мачте на правой стороне железнодорожной насыпи смонтированы 3, на левой — 1 прожектор. 2 следующих — слева от железнодорожной насыпи, из них один — примерно в 200 м, второй — в 280 м северо-западнее от нее. 11.6 на русском берегу удалялись кусты к югу от железнодорожного моста.

15 человек проводили измерения непосредственно северо-восточнее 4.

С севера от железнодорожного моста к Центральному острову прошла русская моторная лодка. Поврежденная крыша церкви цитадели полностью укрыта.

b) Посты: сила постов и патрулей неизменна. Для каждой смены на железнодорожном мосту посты прибывают из цитадели.

c) Характер водной преграды: вода непрерывно возвращается...

d) Железнодорожное сообщение: неизменно...

Воздушная обстановка: неизменно.

f) Ночное впечатление: никакой светомаскировки. Незначительное строительство. Сильнейшее движение (грузовики и конные повозки).

g) Вражеское оборудование связи: у железной дороги на север проходит линия электросвязи поста с 2

F на портальной опоре (2 мм). (Гражданская линия связи, поддерживающая связь Берлин — Москва.) На южной стороне — дорожная линия электросвязи с 2 F на портальных опорах (2 мм), наверное, линии блокировки (блокировочные конденсаторы). Контрольный пункт (одновременно место разъединения) у западного въезда моста. На русской стороне на эту линию электросвязи идут еще больше линий от пограничного дома. Высокая линия электросвязи с 7 проволоками может безошибочно обозначаться как электрическая линия (силовая электроэнергия?). (Доказательство: 1. Прикрепление и вид изоляторов 2. Линии идут к 2 прожекторам, присоединенным к этой линии электросвязи. Использование ее как подрывной спорно (обычно из-за маскировки взрывные линии на мачтах не переносятся.)

h) Население: у железнодорожной насыпи постоянно работают женщины. (Выгрузка песка из вагонов и погрузка на транспорт.)

На Западном и Центральном островах наблюдались женщины и дети.

i) Новые воинские части: 12.6. 12.15 ч. 5 тягачей (гусеничных автомобилей) с тяжелыми орудиями и 2 грузовиками с командой проехали на шоссе Речица — цитадель и заняли огневые позиции между железной дорогой и фортом «Граф Берг». 12.51 следовали два запряженных четверкой орудия на конной тяге.

к) Русская подготовка нападения: никаких признаков!

1) Поведение русских: никаких скоплений у границы. Кроме постов и строительных команд, у границы никто не установлен.

12.6 наблюдалось обучение на учебном плаце к востоку от «Графа Берга». Пение, спорт, чтение карт и ориентация на местности, обращение с орудиями, обучение караульной службе и бросанию ручных гранат.

Изменения на отдельных дотах и участках наблюдения с 9 июня.

На стройплощадке работали — 11.6. 35 человек, 12.6. 50 человек.

Доставка материала:

11.6. 2 грузовика (песок). 4 грузовика (деревянные жерди и железные стержни), гусеничный трактор (с защитным навесом на прицепе), гусеничный трактор (на прицепе — мотор?).

12.6. 3 самосвала. 3 грузовика (с железными балками в форме U и I — опорных балок), 4 грузовика (с маскировочным материалом), 2 грузовика (с досками и песком), тягач (2 конвейерные ленты), грузовик (с тачкой), грузовик (с мотками проволоки и тачками), грузовик (с жестяными трубами диаметром 30 см). Четко наблюдался ввод железных стержней в обшивку из досок (железобетон, как и в 2 и 3).

1 и 3. Ночью строительство (удаление деревянной обшивки).

17. Ночью на углу казармы западного края Цитадели 6 угловых окон не освещены, а все остальные — освещены ярко[218].

23. Днем оживленное строительство.

14.6.41

При докладе врача корпуса о санитарных учреждениях Шрот высказал опасение, что полевой госпиталь 45-й дивизии в Залесье — под особой угрозой, располагаясь в наиболее благоприятной дальности для установленных в крепости орудий и к тому же у перекрестка.

Врач дивизии, полковник медицинской службы доктор Герман, сообщая об этом Деттмеру, предложил перенести его к северу, где, так как деревни Кижовице и Котзуковка закреплены за люфтваффе, в расчет может приниматься только церковь Хорбува.

Шрот проводит штабное учение командного состава (включая командиров полков и отдельных дивизионов), в основном по планируемым действиям при переходе Буга, а вечером уже Шлипер в связи с этим — обсуждение с командирами полков, указав дату нападения (22.06. 3.30.; позже изменено на 3.15).

От штаба корпуса поступает приказ о выходе в исходные районы.

Разведотдел А.О.К.4 впервые[219] знакомит соединения с более конкретными данными о противостоящем противнике, отличающимися от рассказов о русских мастерах штыкового боя. Источник информации — перебежчик A.L., сотрудник отдела снабжения в Бресте. 50-летний A.L. дважды допрашивался, произведя на Ic армии впечатление хорошего и надежного источника. Его сообщения основываются на деятельности[220] по март 1941 г., оказавшись для разведки частично очень новыми и неподтвержденными.

Важность сведений, полученных от перебежчика, лучше всего показывает таблица, сравнивающая их с имеющимися на тот момент у разведотдела армии.

Сведения от A.L. о размещении войск в Бресте и вокруг него	Ранее установленное размещение войск в Бресте и вокруг него
Штаб армии (номер неизвестен)	Штаб корпуса с неизвестным номером, вероятно, часть 4-й армии (штаб — Кобрин) лежит в Бресте?
6-я смешанная дивизия (Sammeldivision)	Понятие «смешанная дивизия» неизвестно армии и разъяснение запрошено в ОКН. Возможно, формирующаяся танковая дивизия?
Дивизия (номер неизвестен)	150-я стрелковая дивизия
29-я танковая бригада	Считается что 29-я танковая бригада в Wysokie Mazowieskie. В Бресте известно о 54-й танковой бригаде
125-й стрелковый полк	О расположении этих частей в Бресте или его окрестностях ранее известно не было
231-й стрелковый полк	
232-й стрелковый полк	
284-й стрелковый полк	
287-й стрелковый полк	
337-й стрелковый полк	
Стрелковый полк (номер неизвестен)	
84-й полк погранвойск	Дивизия охраны границ. Пограничный отряд
204-й полевой артполк	Неизвестно
31-й артполк	Неизвестно
131-й артполк	Неизвестно
47-й тяжелый артполк (моторизованный)	Неизвестно
12-й зенитно-артиллерийский полк	Неизвестно
18-й зенитно-артиллерийский полк	Неизвестно
134-й зенитно-артиллерийский полк	Неизвестно

Саперный батальон	Неизвестно
3 понтонных батальона	Неизвестно
60-й железнодорожный полк	Неизвестно
Кавполк (у имения Бульково, номер неизвестен)	Неизвестно
Стрелковый полк в Яичице и Волчине (номер неизвестен)	Неизвестно

Наблюдательный штаб гауптмана Эткена засек источники света: в центре города, на главном вокзале Бреста и на «мосту Гиппа» (мост через Мухавец в Вульку Подмейска), в казармах к югу от Пухачево, южнее Григоровичи.

Заметно отдельное уличное освещение и освещение окон казарм в цитадели и на стройплощадке 1b: к ней в ночь на 13 июня проехали 11 освещенных автомобилей.

15.6.41. «Гофер»[221]

Начало первых маршей в исходные районы, продолжающихся и в следующие дни под тщательной маскировкой.

Поступает окончательный вариант приказа штаба корпуса о нападении.

Шроту доложено об окончании всей подготовки к нападению (при незначительных ограничениях).

...Проконсультировавшись с начальником инженерных частей корпуса, Шлипер обращается в штаб XII А.К. с заявкой о выделении дивизии, учитывая ее особые задачи, 6 малых огнеметов с расчетами и их скорой передачи 81-му саперному батальону[222], а также — придать дивизии еще 10 больших надувных лодок из резерва корпуса, ибо в той же беседе Шлипер узнал, что еще спорна подача 6 ранее согласованных штурмовых лодок.

У Хорбува Шлипер наблюдает за упражнениями со штурмовыми лодками и посещает в лесном лагере размещение свежесформированного подразделения — мортирного дивизиона Галля.

В штаб дивизии поступают донесения от ее частей и служб. Судя по ним, подготовка практически закончена, но проблемы тем не менее остаются.

Майор Карл-Хайнц Вирзинг (Ib) сообщает[223] Деттмеру об (окончании подготовки к нападению. Но еще проводится ряд работ: например, в ночь на 16 июня намечен завоз на передовую базу снабжения боеприпасами «Плум» снарядов пехотных орудий, а (самое позднее) в ночь на 17 июня закончится подвоз и выкладывание вновь выделенных 900 снарядов ударного действия для L.F.H.

Полевой госпиталь переносится в Хорбув.

Поступление вновь выделенного газового прибора и озалидной бумаги для врача A.R.98 ожидается 16–20.6.

Ситуация в приданных частях, прежде всего Nbw.Rgt.z.b.V.4 и бронепоезде № 28 самая противоречивая. Что касается «Небельверфер», то окончание подвоза (1440 выстрелов, еще не выданных в лагерях), ожидается 20.6. Все готово к укладке других 1400 выстрелов, подвозимых О.К.Н, но дата их прибытия еще неизвестна.

Подвоз самих пусковых установок из Варшавы закончится, вероятно, 20.6.

Таким образом, пока нет ни боеприпасов, ни установок.

Та же картина и у бронепоезда. К укладке боеприпасов все готово, и их подача согласована О.К.Х. с

XII. A.K., но ни место, ни дата неизвестны.

Тем не менее Шлипер докладываетв штаб корпуса о том, что соответствующая указаниям подготовка закончена[224]: готова к развертыванию и действию артиллерия; выполнено техническое усовершенствование дорог и инженерная подготовка; проведено обучение частей, кроме упражнений с Flossackhosen (из-за их отсутствия).

Ожидается, что снабжение боеприпасами дивизии и приданных частей завершится 17 июня, частей Nbw.Rgt.4 — вероятно, 20.6. Однако оба бронепоезда еще не вполне боеспособны из-за недостачи в боеприпасе и важном оборудовании. Когда будут? Неизвестно.

Батарея 833 еще не прибыла, однако, по предварительному сообщению, ожидается 18.6. Подготовленные для нее позиции оказались непригодны из-за опоздавшей передачи таблиц для стрельбы, так как часть целей — под сверхкороткой дальностью стрельбы. Приспособление позиций, расположенных дальше в тыл, надеются закончить до 20.6.

Подчиненные же мортирные батареи (682, 683, 684-я («мортирный дивизион Галля») полностью снабжены личным составом и вполне боеспособны.

Оберст-лейтенант Масух докладывает, что, хотя 6 штурмовых лодок для понтонного парка «B» 81 выделены и должны подвозиться к армейскому складу инженерного имущества Легионово около Варшавы, однако еще не прибыли.

Саперами подготовлены мосты на северной дороге, следующими ночами намечена переноска фашин. 16 и 17 июня на лесопильном заводе Бялы еще должна пилиться древесина для временных мостов. В остальном — все готово.

Лучше положение у полковника Велькера — не хватает лишь полагающегося дополнительного комплекта в 300 выстрелов да легкий дивизион. Вся остальная подготовка проведена — позиции измерены, ограждены воткнутыми в землю ветвями и подготовлены для ночного приведения в готовность. Инструктаж о нападении командиров дивизионов проведен, командиров батарей и прочих служб — намечен на 16 июня.

Боеприпас артполка подивизионно лежит у позиций. Его разделение и подача на сами позиции предусмотрены (I.R.130) в ночь X-2 дня. Боеприпас 13/1.R.133 подвозится с 15 на 16 июня. Условия для прокладки на территории линий связи (выкладываемых ночью X-1 день) разведаны.

I.R.135 доносит, что подготовка закончена: впереди только некоторые земляные работы и окончание прокладки спланированных линий связи.

…Ночи все короче — до самой короткой всего лишь неделя. А там опять — день начнет сокращаться неотвратимо, пусть незаметно вначале, но главное — неизбежно. Так и события здесь на болотистых берегах Буга, в утренних росистых туманах, выступавших на брезенте палаток, и коротких звездных ночах, наполненных гулом моторов, приближались к развязке, и не было сил ни у человека, ни у природы, чтобы их остановить.

Глава 3

Брестская крепость

Полыхают дальние зарницы,
Злые тучи ходят у границ.
Днем и ночью у границы
Не смыкаем мы ресниц.

За ивняками Буга — секреты погранвойск, в Минске — штаб ЗапОВО и в Москве — НКГБ СССР и разведуправление РККА видели многое, а знали — еще больше.

Вот, например, сообщения в ЦК ВКП(б) (от ГРУ) и Сталину, Молотову, Берии (от НКГБ) от 5 мая: «…По всей границе, начиная от Балтийского моря до Венгрии, идет выселение с приграничной зоны…Проводятся усиленные рекогносцировки немецкими офицерами нашей границы… О предстоящей войне между Германией и СССР немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле, уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ[225]. Немецкие солдаты, со слов своих офицеров, утверждают, что захват Украины немецкой армией якобы обеспечен изнутри хорошо работающей на территории СССР пятой колонной.

С 10 до 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на восток беспрерывно как в течение ночи, так и днем. Из-за непрерывного потока войск останавливалось все движение на улицах… По железным дорогам в восточном направлении идут составы, груженные главным образом тяжелой артиллерией, грузовыми машинами и частями самолетов… Проводится заготовка переправочных средств через реку Буг»[226].

Но только те, от кого что-то зависело, объясняли ситуацию так, как казалось наиболее логичным. С одной стороны — Германия связана войной на западе, вряд ли она повторит ошибку Вильгельма, начав войну на два фронта. Ненависть Гитлера к коммунистам и евреям — слишком слабое обоснование для нападения на СССР.

С другой стороны — несмотря на сообщения о концентрации немецких войск в Польше, их состав так и не удалось достоверно установить, и поэтому считалось, что обнаруженных было недостаточно для вторжения и, казалось, что время еще есть. Даты нападения советской разведкой назывались неоднократно, — но оказывались ошибочными, подчас — и подброшенными разведорганами Германии. В итоге доверие к таким сообщениям постепенно угасло.

В-третьих — считалось, что конфликту должен был предшествовать т. н. «угрожаемый период» — обострение советско-германских отношений (предъявление Германией каких-либо требований к СССР). Это подтверждала как международная практика, так и различные агентурные сообщения, например такое: «[в штабе ВВС Германии] заявляют, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии выполнения этих требований в промышленные и хозяйственные центры и на предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские районы должны быть оккупированы германской армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать „война нервов“ в целях деморализации Советского Союза… Большая часть германского офицерства, а также некоторые круги национал-социалистической партии настроены явно против войны с СССР». Через несколько дней источник повторил информацию, явно подброшенную ему с определенной целью: «…По данным польской

разведки, между армией и политиками в Германии имеются расхождения… военные высказываются за войну против СССР, в то время как политики настаивают на переговорах.

Политики, руководимые Риббентропом, доказывают, что в переговорах Германия добьется всего того, чего она хочет, т. е. участия в экономическом и административном контроле Украины и Кавказа. Мирное разрешение даст Германии больше, Чем управление завоеванной территорией, лишенной советского административного аппарата. В конце апреля Гитлер еще не принял определенного решения, какой из двух методов следует применить»[227].

Таким образом, руководству СССР внушалось, что решение еще не принято и в конечном итоге оно будет зависеть от поведения самого СССР.

Наконец, доводимая до Кремля германская «деза» не только вводила в заблуждение советское руководство относительно сроков и условий нападения, но и объясняла причины появления у границ соединений вермахта: «…Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное — даст больше товаров, особенно нефти»[228].

Несмотря на неясность обстановки, руководство СССР не могло сидеть сложа руки — помимо более тщательного и настойчивого сбора информации, было принято решение и об усилении армии, принимая во внимание поступавшие из-за рубежа сообщения.

В апреле-мае 1941 г. Наркомат обороны и Генеральный штаб с согласия правительства СССР начали проводить скрытую мобилизацию военнообязанных запаса под прикрытием больших учебных сборов (всего призвано на «сборы» 802 тыс. человек)[229]. С апреля 1941 г. развернулась работа по переводу стрелковых дивизий на штат военного времени, утвержденный 5.04.1941-го.

При этом состав сд приграничных округов был доведен: 21 сд — до 14 тыс. человек, 72 сд — до 12 тыс. человек, и 6 сд — до 11 тыс. чел. Например, 12 сд первого эшелона ЗапОВО (3, 10 и 4А) на 11 июня была обеспечена (по штату военного времени) 120-мм минометами, всеми типами артиллерийских орудий, стрелковым оружием[230] и боеприпасами к этому.

В апреле нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и начальник Генштаба РККА Г. К. Жуков приказали командующему войсками ЗапОВО Д. Г. Павлову приступить к разработке плана оперативного развертывания. В директиве на его разработку, в частности, говорилось: «Пакты о ненападении между СССР и Германией, между СССР и Италией в настоящее время, можно полагать, обеспечивают мирное положение на наших западных границах. СССР не думает нападать на Германию и Италию. Эти государства, видимо, тоже не думают напасть на СССР в ближайшее время. Однако, учитывая… сосредоточение Германией к границам СССР значительных сил… заключение германо-итало-японского военного союза… необходимо при выработке плана обороны СССР иметь в виду… и таких возможных противников, как Германия… Не исключена возможность, что немцы сосредоточат свои главные силы в Восточной Пруссии и на варшавском направлении с тем, чтобы через Литовскую ССР нанести и развить удар на Ригу или на Ковно, Двинск. Одновременно необходимо ожидать вспомогательных сильных ударов со стороны Ломжи и Бреста с последующим стремлением развить их в направлении Барановичи, Минск…»[231]

Основными задачами для ЗапОВО, становящегося с началом боевых действий Западным фронтом: упорной обороной УР прикрыть отмобилизование и сосредоточение войск, не допустить вторжения на территорию СССР. Далее — при наступлении Юго-Западного фронта ударом левого крыла на Седлец способствовать разгрому люблинско-радомской группировки врага.

В соответствии с планом развертывания в начальный период необходимы четыре района прикрытия

(РП).

РП № 4 (РП-4), прикрывающий направление Брест — Барановичи, оборонялся войсками 4-й армии генерал-майора А. А. Коробкова[232], чья полоса обороны: справа — (иск.) Дрохичин, (иск.) Гайновка, Коссово; слева — (иск.) Демблин, Влодава, Невеж и далее по реке Припять. Задача — прочной обороной Брестского УРа и полевых укреплений по восточному берегу Буга прикрыть сосредоточение и развертывание армии.

Далее — наступая на Дрошин, Седльце (Седлец), Горволин, Форсировать р. Буг, на 3-й день операции подвижными силами овладеть Седлец, на 5-й — переправами на Висле, на 8-й (главными силами) выйдя на нее, в готовности форсировать. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом[233].

…26 апреля Генштаб отдал предварительное распоряжение Военным советам Забайкальского и Дальневосточного ВО быть готовыми к отправке на запад — пяти мк, двух ск и двух вдбр.

С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генерального штаба о начале выдвижения к западной границе трех армий. Переброска была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в районах, намечаемых оперативными планами, в период с 1 июня по 10 июля 1941 г.

В середине мая нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и начальник Генштаба КА Г. К. Жуков подали председателю СНК И. В. Сталину свои соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил СССР на случай войны с Германией и ее союзниками: «…Вероятнее всего, главные силы немецкой армии… будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении Ковель, Ровно, Киев…[сопровождаемого]…короткими концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи».

Командование РККА, предотвращая удар вермахта, предложило ни в коем случае не давать Германии инициативы — атаковать самим, упредив ее в развертывании, в тот момент его этапа, когда она не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Тимошенко и Жуков предложили главный удар нанести силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице (отрезая Германию от ее южных союзников), вспомогательный — левым крылом Западного фронта в направлении Седлец, Демблин (с целью как сковывания варшавской группировки, так и содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника…)[234].

С военной точки зрения предложение было оправданным. Хотя и достаточно рискованным: с одной стороны, Финляндия показала, что уверенность в победе не всегда к победе приводит, с другой — Германия гораздо сильнее Финляндии.

В-третьих — можно ли доверять разведке в части сведений о численности (и соответственно степени готовности) германской армии в Польше? Последнее опасение было не беспочвенным — например, 15 мая ГРУ ГШ РККА сообщало о наличии на варшавском направлении, в полосе ЗапОВО 30 дивизий. В реальности же даже в декабре 1940 г. Германия держала на востоке (т. е. в Польше) 34 дивизии, к концу апреля 1941 г. их стало 75, а к 15 мая их число подошло к 100[235], причем около 50 — в полосе ЗапОВО. Нелишне напомнить, что и германская разведка, с одной стороны, недооценивала мощь СССР, с другой — пристально следила за всеми перемещениями РККА, исключая возможность внезапного удара. Оценивая возможность русского наступления, Гальдер отмечал, что до 20 апреля «мы значительно слабее русских, но после 20.4… эта опасность будет полностью устранена»[236].

Спешно атаковать Германию силами ЗапОВО? Несколько дней уйдет только на занятие позиций, вывод частей и проч. Не исключено, что немцы заметят развертывание и нанесут удар первыми. Да и политический аспект был немаловажен…

Судя по всему, было принято следующее решение: принимая во внимание, что а) подготовка Германии к нападению очевидна, б) решение Гитлера напасть достаточно твердое и не может быть отменено в результате переговоров, на основе приемлемыхдля СССР условий, в) Красная Армия не может, по различным причинам, в настоящий момент сорвать нападение Германии собственным ударом, нужно стремиться к следующему: а) войскам приграничных округов не дать спровоцировать агрессию — удар Германии в настоящий момент может иметь катастрофические последствия. Стараться не подавать виду, что намерения Германии известны — продолжать строить укрепления, под различными предлогами скрытно выводя войска из мест расположения к оборонительным рубежам; б) Наркомату обороны — подводить войска из глубины страны, усиливая западные группировки; в) политическому руководству страны быть готовым, после завершения развертывания РККА, и, таким образом, имея веские доводы быть услышанными, —вступить с Германией в переговоры и снять конфликтнуюситуацию.

Итак, решающими факторами для планов СССР являлись: максимальное отодвигание начала германского нападения и скорейшее развертывание собственных сил.

Для приграничных же войск это означало быть некими заложниками ситуации — несмотря на очевидные признаки агрессии не проводить каких-либо мероприятий, ибо, заметив их, немцы атакуют, сокрушив как войска прикрытия, так и выдвигающиесяиз глубины СССР.

Пожертвовать чем-то, чтобы спасти все — логичное и в масштабах государства вполне оправданное решение. Слишком поздно стало ясно, что вермахт в Польше отнюдь не отсиживается после западных бомбардировок..[237]

Подвод войск в полосу ЗапОВО столкнулся с дорожной проблемой. Переброска велась железной дорогой, а их пропускная способность в Западной Белоруссии была чрезвычайно мала — еще при отправке частей в Финляндию (декабрь 1939) больше 4–5 эшелонов в сутки вытолкнуть не удавалось. Хотя развернулись работы по ее улучшению (к 1 июня на 80 % была отстроена железнодорожная линия Тимковичи — Барановичи), но это удалось лишь в весьма ограниченныхмасштабах.

Не лучше была ситуация и с шоссейно-грунтовыми дорогами. 10.02.41 г. начштаба ЗапОВО генерал-майор Климовских отмечал: «1. Существующая сеть шоссейных дорог БССР совершенно не обеспечивает ЗапОВО как по количеству и начертанию, так и по состоянию. Имеется всего одна сквозная шоссейная дорога, идущая на запад (при необходимости иметь пять). Дороги узкие, большинство из них имеет щебеночную кору, которая сильно разрушена. Съездов с дорог и объездов мостов, а также бензозаправочных станций и телефонно-телеграфной связи на дорогах не имеется… большое количество еще не восстановленныхмостов»[238].

Тем не менее в мае 1941 г. из внутренних военных округов продолжалась переброска на запад 28 дивизий и 4 армейских управлений. В частности, в полосу ЗапОВО сосредотачивались войска Уральского военного округа.

Что же касается самого ЗапОВО, то 13 из 24 его сд находились в непосредственной близости от госграницы СССР, а остальные сд (резерва ЗапОВО) к началу войны, как правило, совершали марши в новые районы сосредоточения.

Был произведен досрочный выпуск в военных училищах.

27 мая. Командующие западными приграничными округами получили приказ приступить к строительству КП фронтов и завершить его к 30 июля. Кроме того, директивами наркома обороны и начальника Генштаба им предписывалось скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к госгранице. Вывод указанныхвойск в районы предназначенияприказывалосьзакончить к 1 июля 1941 г.

…Итак, к июню 1941 г. госграницу СССР на брестско-минском направлении, протяженностью более

150 км, прикрывала 4-я армия генерал-майора А. А. Коробкова (начштаба — полковник Л. М. Сандалов, член Военного совета — дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков). К 22 июня Коробков командовал армией два с половиной месяца. Как вспоминал Сандалов, сам же командарм признавал, что куда успешнее командовал бы стрелковым корпусом.

Основные силы 4-й армии (тогда — Белорусского фронта) вышли в район Бреста еще в сентябре 1939 г. 22 сентября в город вступила 29-я танковая бригада (комбриг С. М. Кривошеина).

Части вермахта покинули Брест — город стал постепенно наполняться красноармейскими.

В городе разместилось одно из лучших соединений РККА — 6-я Орловская Краснознаменная сд. Она была сформирована еще 23.05.1918 (как Гатчинская пд) в г. Гдов Петроградской губернии из добровольцев отряда П. Е. Дыбенко, петроградских отрядов Красной Гвардии и рабочих г. Нарва.

Отвоевав Гражданскую, дивизия, ставшая в 1921 г. Орловской, а в 1928-м — награжденная Почетным Революционным Красным Знаменем ЦИК СССР (в честь 10-летия существования), в 1939 г. приняла участие в походе в Западную Белоруссию.

К июню 1941 г. ее командиром был полковник М. А. Попсуй-Шапко.

13 июля 1940 года была отправлена из Прибалтики в Белоруссию и вторая из размещавшихся в Бресте к июню 1941 года дивизий — 42 сд. Прибыв первоначально в Береза-Картузская, она сменила там 33 сд. Казармы, где разместилась 42 сд, были построены еще до революции для частей русской армии. Польская власть разместила в них лагерь для политзаключенных. Однако менее чем за год красноармейцы 33 сд сумели так оборудовать помещения, что они почти не отличались от обычных казарм РККА.

42 сд, в отличие от 6 сд, имела свежий боевой опыт: она была сформирована в ЛенВО 17.1.40 на базе отдельных рот и батальонов Карельского УР[239] как легкая моторизованная стрелковая дивизия. Собиралась в Териоки.

Сразу же после создания под командованием полковника И. С. Лазаренко[240] дивизия приняла участие в советско-финской войне, войдя в состав 7-й армии, наступавшей на Карельском перешейке, вдоль побережья Финского залива.

Находясь в составе 34 ск 7А, 11.2.1940 42 сд была переброшена под укрепузел Муурила. Здесь, в полосе 34 ск (от Кархула до побережья), трем его дивизиям противостояли два полка 4-й финской пехотной дивизии[241].

17 февраля 42 сд, начав наступление, при поддержке берегового отряда сопровождения Балтфлота, овладела Муурила, а 19 февраля — Келлолатси.

После этого интенсивность боев в полосе дивизии поутихла.

23 февраля второй батальон 455 сп атаковал северный берег острова Койвисто (Бьорке), захватив д. Патола. Вечером 24 июня батальон сдал участок 65 сп 43 сд[242].

25.2.40 42 сд передана в резерв 7-й армии.

Войдя в состав 10 ск (1.3 — 13.3.40), дивизия получила задачу очистить острова Финского залива. Главные силы дивизии с 6.3.40 находилась в районе Хьютияйнен, а 7–12.3. в Кяйхясниеми.

4 марта ей удалось захватить несколько небольших островов на подступах к островам Уран-саари и Сунион-саари. 9 марта (совместно с 43 сд) — Сунион-саари и несколько мелких островов у западного побережья Финского залива. Попытка 455 и 459 сп ворваться на берег была отражена сильным ружейно-пулеметным огнем финнов. Подразделения залегли, укрывшись за прибрежными валунами, а с наступлением темноты отошли на ранее занятые острова.

Далее части 42 сд действовали в составе 10 ск, получившего задачу охвата Выборга с юго-запада. К 11 марта части корпуса, овладев несколькими населенными пунктами, создали реальную угрозу прорыва и развала всего финского фронта юго-западнее и западнее Выборга.

Однако 42 сд, вплоть до 11 марта, не сумела захватить ни метра на побережье залива, лишь 12 марта 455 сп захватил пос. Вахваниеми, продвинувшись далее немного на северо-запад.

Утром 13 марта, несмотря на то что вот-вот должно было вступить в силу соглашение о перемирии между Финляндией и СССР, 455 сп и 459 сп вновь начали атаку. Немного продвинувшись, они на своем участке так и не смогли перерезать шоссе Выборг — Хельсинки[243].

Несмотря на то что боевой путь 42 сд в финской войне не прославил ее знамена громкими победами, командный состав получил боевую закалку. Соединение, крепко сколоченное фронтом, став, таким образом, в Красной Армии одним из наиболее проверенных, продолжало находиться на западе страны: 12.6.1940 42 сд грузится в эшелоны и 17.6.40 отправляется в Прибалтику[244], участвуя в оккупации Эстонии.

Размещение в Белоруссии, в корпусах бывшего лагеря, хотя и отремонтированного, все же не могло не оказать угнетающего воздействия на военнослужащих 42 сд. Кроме того, масса людей, пройдя бои на Карельском перешейке, нуждалась в снятии стресса «народными средствами», а традиции самогоноварения в тех краях процветали издавна. В итоге среди комсостава расцвело пьянство, в том числе и среди коммунистов. Имелись случаи убийства, дебошей, утери коммунистом, пьяным, совсекретных документов. В отчете[245] о работе дивизионной парткомиссии за 5.12.1940 по 15.04.1941 отмечено, что нарушение партдисциплины происходит в основном из-за пьянства, порождающего порой и более серьезные последствия. «Надо же понять, — говорилось на дивизионной партконференции, — что, находясь здесь, мы должны поднять гораздо выше революционную бдительность, систематически пьющий человек — это находка для иностранного разведчика».

В то же время за пьянство и бытовое разложение было привлечено к партответственности относительно немного коммунистов — 8 человек. Для сравнения — за антипартийные и контрреволюционные высказывания — 2 человека исключены из ВКП(б)[246].

За отчетный период в ВКП(б) принято 29 человек, в кандидаты в члены ВКП(б) — 32 человека.

В начале августа 1940 г., почти одновременно с 42 сд, в Брест прибыло и управление 28-го стрелкового корпуса. Именно в его состав вошли и 42, и 6 сд.

В сентябре 1940 г., вскоре после прибытия в район Бреста 42 сд, комиссией НКО СССР было проведено инспектирование частей ЗапОВО. По итогам проведенных учений, отмечено, что части 42 сд (вероятно, как участвовавшего в боях соединения) показали наибольшие сдвиги в боевой подготовке, части же 6 сд выделялись во всех отношениях в худшую сторону.

Округу приказано совершить коренной перелом во всей системе боевой подготовки, перенеся боевую выучку одиночного бойца, подразделения и части на местность, в поле, в условия, близкие к боевым, как указал нарком обороны С. К. Тимошенко: «Надо учить войска действовать как на войне и только тому, что будет нужно во время войны».

Пока же на Главном военном совете РККА было отмечено, что «отставание в одиночной подготовке бойца, отделения, взвода, особенно по ЗапОВО, в ряде дивизий и полков доходит до 1,5–2 месяцев»[247].

Однако, несмотря на напряженно проводимое обучение, профессиональные качества значительной части рядовых красноармейцев были невысокими. На это влияло и одновременное формирование в РККА множества частей и соединений; изъятие с начала 1941 г. из стрелковых частей красноармейцев со

средним уровнем образования для технических родов войск. Несмотря на то что полковые школы, готовившие сержантский состав, в 1941 г. сделали несколько ускоренных выпусков[248], укомплектованность сд ЗапОВО продолжала хромать (мл. командирами — 60 %, средним и старшим комсоставом — 86 %).

На качестве войск сказалось и увольнение в запас в конце 1940 — начале 1941 г. отслуживших срочную службу красноармейцев призыва 1937 г. (большинство имели боевой опыт) и замена их молодыми призывниками, в том числе дополнительного призыва апреля — мая 1941 г., направленного, минуя учебные подразделения, в боевые. К началу войны многие из них, не успев пройти «курс молодого бойца» и принять военную присягу, представляли собой массу неподготовленных безоружных людей в красноармейскойформе.

Рост численности личного состава 6 сд и 42 сд демонстрирует следующая таблица[249]:

Дата учета численности л/с	№ соединения	Наличие личного состава	% укомплектованности по штату мирного времени	% укомплектованности по штату военного времени
1.06.41	6 сд	10 013	97,3	69,1
	42 сд	9958	96,8	68,8
22.06.41	6 сд	11 592	112,6	80,0
	42 сд	11 505	111,8	79,4

Кроме того, наличие в стрелковых соединениях значительной части красноармейцев призыва осени 1940 г. из среднеазиатских республик, совсем не знавших русского языка или слабо владевших им, крайне отрицательно сказывалось как на уровне их подготовки, так и на боеспособности частей в целом[250].

На подготовке отразилось и длительное привлечение бойцов к строительству УР, жилых помещений, складов, столовых, конюшен, стрельбищ, тиров, танкодромов, спортгородков и т. д. После передислокации войск к новой границе, бойцы, кроме того, отрывались от боевой подготовки для охраны многочисленных карликовыхвоенных складов и несения службы суточного наряда[251].

Несмотря на угрожающуюситуацию, положение не менялось — например, 10 июня на строительство УР было выделено еще несколько стрелковых батальонов.

…Строительство оборонительных сооружений — дотов и позиций полевого доусиления[252] в Брестском УР, первом (и основном) рубеже обороны 4-й армии, развернулось еще в начале лета 1940 г. Его первая позиция (к июню 1941 г. строили только ее, в глубине и не начинали) шла по восточному берегу р. Буг, вдоль ее русла[253].

Дот Брестского УР — двухуровневые бетонные коробки, чьи амбразуры, находящиеся в верхнем каземате (разделенном перегородкой на два капонира), шли почти вровень с землей. Планировка обоих уровней идентична: галерея, специальный тамбур, отводящий от бронедвери взрывную волну, газовый шлюз, хранилища боезапаса, казарма на несколько коек, огороженные места для рации, артезианского колодца, туалета. В одном из отсеков — энергоагрегаты и фильтрационныеустановки. Наверху в капонирах устанавливалиськазематныепушки с укороченнымистволами или пулеметами.

Построенные доты были в основном одно- или двухамбразурные, пулеметные, артиллерийско-пулеметные и артиллерийские. На ключевых позициях ставили дот в 3–5 амбразур. Толщина стен — 1,5–1,8 м, перекрытия — до 2,5 м (рассчитано на прямое попадание 250-кг авиабомбы). В некоторых дотах было по одной 76-мм пушке и по два станковых пулемета, в других — 45-мм пушка, спаренная с пулеметом ДС. Гарнизоны состояли из 8–9 и 16–18 человек[254].

Всего в Брестском УР к 21 июня забетонировали 128 дотов. Некоторые из них имели арматуру, и там монтировалось вооружение, присланное из Мозырского УР. Однако в боевой готовности (с гарнизонами, оружием и боеприпасами, но без технических средств связи: дот между собой и с войсками не были связаны) имелись только 23 дота[255]: из них в районе Бреста — восемь, в основном в крепости[256]. Войскамисо штабом 18 ОПАБ налаженапроводная связь.

Главным недостатком дотов было их расположение — они отлично просматривались с НП немецких частей и могли быть уничтожены первым же артналетом. Сами же при этом не могли пристрелять установленное в них вооружение.

Доты в полосе Бреста занимали первая[257] (расположение — севернее Бреста, у Речицы) и вторая (Митьки, Бернады) роты 18 ОПАБ (отдельного пулеметно-артиллерийскогобатальона).

К началу войны 18 ОПАБ имел 347 человек.

Серьезной проблемой для Брестского УР была и кадровая — комсостав ОПАБ УР к началу войны имел крайне мало командиров-артиллеристов, в основном из стрелковых частей, плохо подготовленных к ведению огня из дотов и показывавшихкрайне низкие результаты по огневой подготовке. Впрочем, и без них проводимыев Брестском УР учебные стрельбы показываликрайне невысокие результаты.

К началу войны ни один из батальонов УР не был укомплектовандо штата (рядовым составом — на 47 %, мл. командирами — на 28 %, командирами — 34 %). Впрочем, зачем комплектовать подразделения, не имеющие матчасти? Однако более того — из трех ОПАБ (по 350–400 человек) начали развертывание пяти (по 1500 человек каждый). Их рядовой состав еще только начал прибывать, а комсостав поступал из артчастей ЗапОВО (из 4А — 66 командиров). Прибывший необученный личный состав, еще не получив ни оружия, ни обмундирования,включалсяпока в состав 16, 17 и 18-го ОПАБ[258].

Помимодотов, Брестский УР состоял и из расположенныхмежду ними позиций полевого заполнения, занимаемымипо тревоге частями 4-й армии. Они строились в виде опорных пунктов и батальонных узлов, состояли из деревоземляных и частично из бутовых сооружений, а также из окопов (как правило, прямоугольных ячеек на одного-двух человек, без ходов сообщения, без маскировки) и немногих заграждений(противотанковые — только на отдельныхучастках в виде рвов и надолб, противопехотные — не минировались).Командныхи наблюдательныхпунктов и убежищ имелось немного.

Для строительства позиций вся приграничная полоса была разбита на батальонные районы. Вначале оборудовались занимаемые по тревоге, а далее — в зависимости от важности. С мая 1941 г. на строительстве УР работали по стрелковому батальону от каждого полка дивизий[259], все саперные подразделения, основные силы 33-го инженерного полка окружного подчинения и по дивизиону от артполков[260].

В итоге в полосе 62 УР из состава дивизий первого эшелона 4-й армии (6, 42, 75) постоянно работали 9 стрелковых батальонов из 27, 3 артиллерийских дивизиона, 5 строительных участков 74 УНС[261] 62 УР. В Бресте дислоцировался21 строительный участок 62 УР.

Привлекалось немало вольнонаемных работников. Однако задействовать части РККА показалось проще. С одной стороны, действительно, копая ячейки и сбивая опалубку, бойцы отрывались от боевой подготовки. С другой — это позволяло держать подразделения на планируемых для них же позициях. Командиры свыкались с местностью, исчезала необходимость выводить эти же части на их позиции по тревоге — высвобождаемое погрузочное пространство можно было использовать для вывоза тех же складов из Бреста. Наконец, концентрация тех же частей в Бресте угрожала их окружением или уничтожением артиллерией при внезапном начале войны — вывод части подразделений хоть как-то снимал эту проблему.

Поэтому неудивительно, что за две недели до войны было решено резко ускорить строительство рубежей УР и выводить уже по два батальона от каждого стрелкового полка — но пока только 75 сд.

Тем не менее лучше других были оборудованы полевые позиции в полосе 6 сд (прикрытие района Бреста), хуже — в полосе 42-й, из-за частой смены районов строительства.

Хотя была готова и имела вооружение лишь малая часть дотов, но многие из них были небоеготовы из-за захламленности строительным мусором. В связи с этим нарком обороны в директиве от 11.06.1941 г. приказал немедленно привести все построенные сооружения в полную боевую готовность, а все имеющееся вооружение установить в них не позднее 15.07.1941 г.[262].

Строительство УР велось медленно и в 1941 г. не могло быть завершено. Дислокация частей, предназначенных для их обороны, располагавшихся зачастую в 15–50 км от своих рубежей, внезапного нападения «соседа» не учитывала.

Но оно достаточно долго представлялось фантастичным — во-первых, «сосед» вел войну на западе, во-вторых, с ним был подписан договор и противоречий вроде бы не было, в-третьих, как бы он смог незаметно сосредоточить войска к границе?

Наконец, размещение войск в Западной Белоруссии, диктовалось не какими-то оперативными соображениями, а наличием свободных помещений: войдя на ее территорию, Красная Армия столкнулась с дефицитом казарменного фонда — негде было размещать войска. В Бресте, единственном месте, где были необходимые для проживания помещения, их скопилось огромное количество.

Для размещения красноармейцев пришлось приспособить часть складских помещений и даже восстановить некоторые форты Брестской крепости, взорванные в 1915 г. В нижних дожах их казарм устраивались четырехъярусные нары.

Основным местом расположения войск 4А стало Центральное укрепление, но и в его помещениях они испытывали тесноту (и там тоже бойцы спали на многоярусных нарах).

Прибывший в октябре 1940 г. в 6 сд на должность замкомдива полковник Ф. А. Осташенко: «При знакомстве с частями удручающее впечатление произвело скученное размещение личного состава. Многие роты не имели отдельных помещений для ленинских комнат и канцелярий»[263]. Однако сильнее всего, Осташенко поразило то, что в подвалах пограничной крепости были сложены НЗ всех видов. Подняв на первом же совещании у командира дивизии вопрос об их перемещении, ответа он так и не получил.

Хотя такая скученность настораживала, но командующий округом Д. Павлов, размещая так войска, думал о создании для них наибольших удобств. В ином случае частям пришлось бы ориентироваться на бараки и землянки. Таким образом, хозяйственные соображения побороли у Павлова оперативные. «А мы[264], командование 4А, отнеслись к такому оперативно невыгодному и даже больше того — опасному размещению войск, мягко выражаясь, примиренчески», — позднее самокритично заметит ее бывший начштаба Л. М. Сандалов.

Похоже, что он несколько лукаво посыпает голову пеплом — у командования и округа и армии просто не было выбора: строительство дотов, а не казарм отнимало все мощности, а ночевать две зимы в землянках… С одной стороны — уют огня, бьющегося в тесной печурке, с другой — огромное количество заболевших[265]. Встать на постой в домах? Но это не выход для многомесячного размещения. Тем более — ну кто в 1939–1940 гг. мог угрожать Красной Армии? Что же касается тесноты, то многие из бойцов, вероятно, все же предпочли бы ютиться в казематах Бреста (дети крестьянских изб и заводских коммуналок, они были привычны к тесноте), чем мерзнуть в землянках или палатках.

К тому же подвод всех четырех дивизий 4-й армии к границе диктовался не только наличием

помещений, но и стремлением прикрыть все 150 км ее полосы. Таким образом, построение войск 4-й армии не имело ни второго эшелона, ни резервов.

Тем не менее части из крепости то выводились, то вводились вновь. Рев моторов автоколонн и цоканье сотен копыт стали уже привычным фоном для жителей Бреста.

Кто же мог тогда, в сороковом, предполагать, что залихватские «строевые» частей, вводимых в Северные ворота — как стук топоров, под который сооружается хлопнувшая в сорок первом ловушка для 4-й армии?

…Обычно исследователи, говоря о численности частей Красной Армии в Бресте и Брестской крепости[266], опираются на данные, приводимые бывшим начальником штаба 4-й армии Л. М. Сандаловым, или на отчет о действиях 28 ск, поданный 8 июля 1941 г. командиром 28 ск В. С. Поповым[267].

При всей серьезности этих свидетельств они, несомненно, нуждаются в критическом осмыслении.

Во-первых, данные Попова и Сандалова имеют существенные отличия и между собой, и по сравнению с теми сведениями, что предоставили и непосредственные участники боев за Брест.

Во-вторых, оба донесения содержат явные неточности, например, Попов сообщает о размещении на территории крепости 246 ОЗАД, находившегося на самом деле в Северном городке. Или он же, говоря о батальонах связи стрелковых дивизий и самого 28 ск, сначала упоминает о том, что они были выведены в лагерь Бульково (в 8 км северо-восточнее Бреста), затем сообщает о размещении 37 обс[268] в Брестской крепости на 21 июня.

Сандалов, говоря о размещавшихся в крепости частях, под крепостью подразумевает и ее форты.

По позднейшим исследованиям, заметно, что нет даже полной ясности относительно того, какие части располагались в Брестской крепости, не говоря уж об их численности. Это объясняется тем, что не сохранилось каких-либо документов, достаточно бесспорно показывающих расположение и численность частей и подразделений. Картину приходится восстанавливать по воспоминаниям, как уже говорилось, зачастую и противоречащим друг другу, и меняющимся со временем.

Несмотря на это, в данном исследовании за основу взяты прежде всего доступные воспоминания участников событий. Большинство из них достаточно четко помнят последние предвоенные дни.

Помимо численности войск, необходимо рассмотреть степень их готовности к отражению ночного неожиданного нападения.

Что касается матчасти (автотранспорта, артиллерии, танков и бронеавтомобилей[269]), то нужно исходить из нормативов, определенных в плане прикрытия ЗапОВО (для стрелковых частей) — летом 2 часа, зимой 3 часа. О какой-либо подготовке транспорта или матчасти подразделений в Бресте к неожиданному нападению неизвестно — за исключением нескольких орудий 98 ОПАД (прицепленные к тягачам, они находились в готовности к выезду на полигон для смотра техники).

Что же касается личного состава, ночью мирно спящего[270], то для того чтобы начать бой, бойцы должны были мгновенно одеться в аккуратно сложенное у спального места обмундирование, схватив оружие, получить боеприпасы и начать действовать согласно приказу командира подразделения.

Стрелковое и холодное оружие (а также шанцевый инструмент и противогазы) должно было храниться непосредственно в расположении подразделения — в шкафах или пирамидах, запертых на замок[271]. Ключи — у дежурного по роте.

Для сокращения сроков выдачи боеприпасов, продовольствия и фуража, согласно плану прикрытия,

все части 4-й армии должны были иметь:

«а) носимый запас винтовочных патронов (90 шт. на винтовку) в опечатанных ящиках под охраной дежурного и дневального в подразделениях… Выдача производится только по тревоге. Возимый запас винтовочных патронов (кроме выдаваемых на руки) разложить по взводам и ротам в опечатанных ящиках, штабелях…

б) на каждый станковый пулемет иметь набитыми и уложенными в коробки по 4 ленты; на ручной пулемет и автомат — по 4 диска. Коробки с набитыми лентами и дисками в опечатанном виде хранить в подразделениях или особых охраняемых помещениях…

в) ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части, в специальных ящиках для каждого подразделения.

г) снаряды и мины в количестве 0,25 боекомплекта в окончательно снаряженном виде хранить в опечатанных и закрытых на замок передках и зарядных ящиках в парках частей;

…е) носимый запас продовольствия и личных принадлежностей бойца хранить в подготовленном виде для укладки в вещевые мешки и ранцы;

ж) в складах части хранить для каждого подразделения по одной суточной даче продовольствия и фуража, подготовленной к погрузке в обоз части»[272].

Итак, оружие и боеприпасы подразделения могли получить практически через несколько минут после объявления боевой тревоги — если, конечно, ее сигнал прозвучит и дежурные и дневальные будут на своем месте, целыми и невредимыми.

Это же касается и командиров — имея и оружие и боеприпасы, бойцы, особенно недавно прибывшие в часть, должны были получить и какие-то команды — в противном случае они просто не знали бы что делать.

Хотя многие командиры (как правило, молодые лейтенанты) жили непосредственно в расположении части (в общежитии), а многие — совсем рядом, но тем не менее им надо было быстро добежать до своих бойцов живыми…

Среди личного состава, находящегося в Бресте и крепости, нужно выделить бойцов и командиров дежурных подразделений — по роте (батарее) от части[273], несущих службу суточного наряда. Необходимо отметить, что количество личного состава, привлекаемого к суточному наряду, могло увеличиваться или уменьшаться, однако Устав внутренней службы (УВС-37) требовал максимальной экономии в расходе людей.

Готовность дежурных подразделений к выступлению — 45 минут.

Бойцы дежурных подразделений несли службу суточного наряда — в наряде по кухне, стояли в караулах (склады, гауптвахта, КПП, знамя части и т. д.), в караульных помещениях находилась отдыхающая смена — то есть группа бойцов, имеющих заряженное оружие и боеприпасы.

Обеспеченность бойцов дежурного подразделения боеприпасами — на револьвер системы «Наган» четырнадцать патронов, на винтовку или карабин — 15 (в обоймах), на автоматическую или самозарядную винтовку — три снаряженных магазина[274], на автоматический пистолет — два, а на ручной пулемет — три магазина[275], на станковый пулемет — две снаряженные ленты[276].

Кроме того, небольшой запас боеприпасов был и в караульном помещении — 60 патронов на каждую винтовку, два магазина на ручной и две ленты на станковый пулемет. Все боеприпасы — в обитом железом ящике, ключ — у начальника караула.

Все оружие бойцов караульного подразделения должно быть исправным и полностью заряженным (кроме пулеметов, заряжаемых в момент применения).

Немаловажная деталь — не принявшие присяги бойцы к караульной службе не допускались[277].

При нападении противника начальник караула должен был подать условный сигнал — например, один звонок караульной сигнализации, а при непосредственном нападении на караулы вскрыть ящик с запасными патронами и приказать разводящим раздать их.

Срок нахождения на посту — 4 часа.

Помимо дежурного подразделения, в расположении находились и дневальные, и дежурные по роте.

Согласно УВС-37: «Дежурному по части и его помощнику, а также всему суточному наряду разрешается отдыхать (спать), не раздеваясь и не снимая снаряжения; свободной смене дневальных как днем, так и ночью; всем остальным (кроме очередных дневальных и состава караула) ночью с 23 до 5 часов. Дежурный по части отдыхает, чередуясь со своим помощником, а дежурный по роте — оставляя за себя свободного дневального»[278].

Таким образом, и при ночном нападении в Бресте и крепости помимо спящих находилось и немало тех, кто мог оказать хотя и непродолжительное, но достаточно серьезное сопротивление.

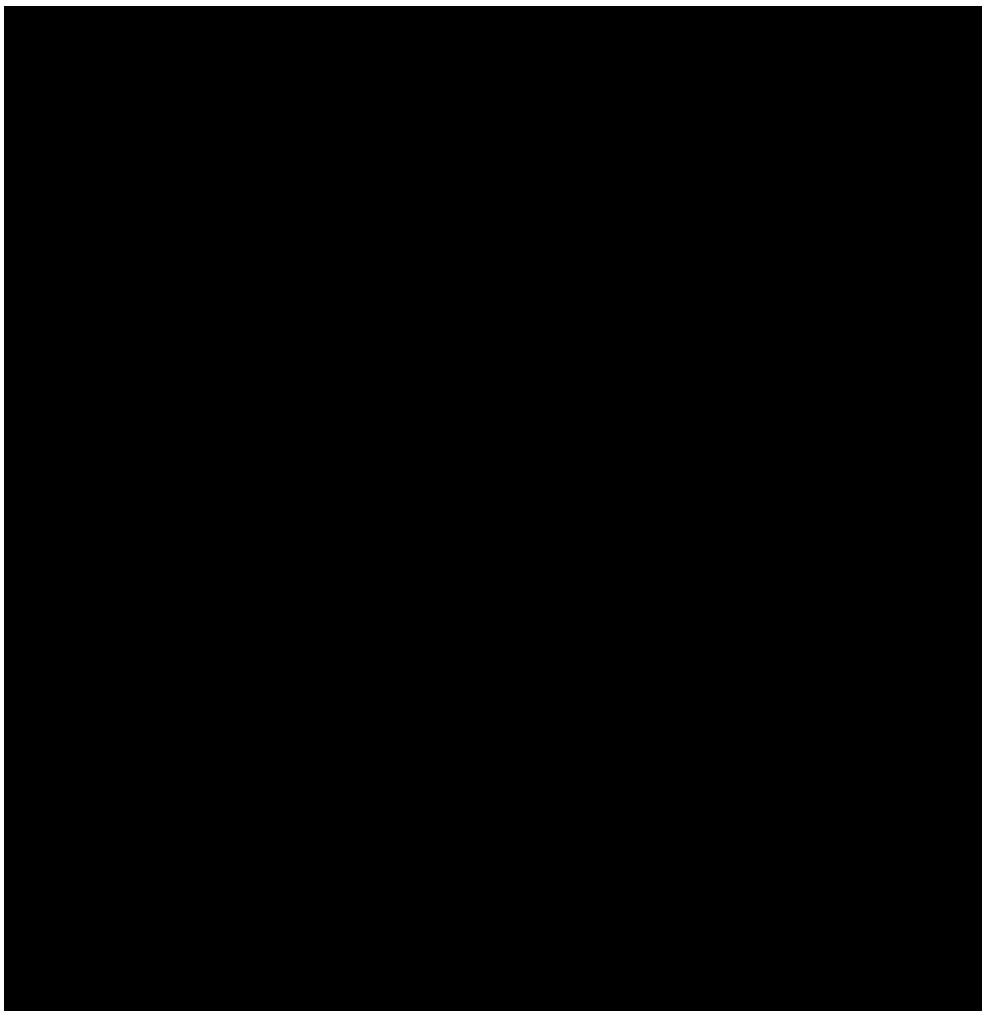
Но следует учесть, что многие часовые стояли вне стен помещения и при внезапном артналете могли быть сразу же убиты или ранены. Кроме того, разумеется, караульная служба не всегда велась при строгом соблюдении уставных норм. Например, при проверке ее несения в 455 сп выяснилось, что «караульное помещение состоит из одной комнаты, также совершенно не оборудованной… Люди спят на голом полу. Дежурный по штабу в 455 сп, как правило, всю ночь спит, а оставляет за себя посыльного, который не знает, где спит дежурный по штабу… Личный состав службу несет не четко, на вопросы в большинстве случаев не ответили… Караульная служба не организована, и требует особого внимания со стороны командования части»[279].

…Итак, части Красной Армии на территории Бреста (той части, что входила в полосу наступления дивизии Фрица Шлипера) и Брестской крепости (основного скопления советских войск в полосе наступления 45-й дивизии)[280] размещались следующим образом.

Южный остров

Наряды 9-й линейной и 3-й резервной погранзастав 3-й погранкомендатуры 17-го Краснознаменного (Брестского) погранотряда: их расположение и численность неизвестны. Исходя из плотности охраны границы на участке Брестского погранотряда — 7 человек на 1 км[281], и протяженности участка Южного острова, примыкающего к госгранице (прибл. 500 м), а также и то, что наряды могли размещаться и вдоль Буга, разделяющего Южный и Западный острова, можно предположить, что на Южном в боевой готовности находилось около 10 пограничников. Их вооружение неизвестно — винтовки, может, был и пулемет.

Полковая школа[282] 84 сп имени Коминтерна (командир полка — майор Дородных С. К.) накануне была выведена на артиллерийский полигон 4-й армии[283] юго-восточнее д. Волынка[284].



План Южного острова. 1. Район школы МКС 84 сп (последние очаги сопротивления на острове); 2. район госпитальныхзданий; 3. огород, цветники

Осталось дежурное подразделение — вероятно, взвод (около 30 человек)[285], и освобожденные от полевого выхода. На вооружении помимо прочего — 3 ручных пулемета.

95-й медсанбат 6 сд: 253 человека (на вооружении — 135 единиц стрелкового оружия (в т. ч. 2 пистолета-пулемета).

Армейский и корпусной госпитали: все еще дискуссионный вопрос, что за учреждение (учреждения?) там все же находилось. Сандалов пишет о «половине окружного военного госпиталя», Попов — об «армейском и корпусном госпиталях». Интересно, что составители сборника «Героическая оборона» обошли этот вопрос, называя это учреждение просто «госпиталь» или «госпитали». С. С. Смирнов называет его «окружным». Наконец, А. Исаев[286] приводит данные о том, что на Южном располагался военный госпиталь № 2396 на 50 коек, а окружной военный госпиталь (№ 432, на 450 коек) был в Минске. Однако П. Л. Ткачева, старшая медсестра хирургического отделения госпиталя (называющая его «армейским»), свидетельствует о том, что на 22 июня был назначен переезд медперсонала и больных в Пинск. Так вот, в Пинск эвакуировались и 80 больных, находящихся на стационарном лечении. Причем часть больных госпиталя (помимо этих 80 человек) уже была передана в 95 мсб[287]. Явно госпиталь был рассчитан не на 50 коек.

Согласно же сайту МК БКГ — на Южном острове Брестский военный госпиталь (расформировываемый,в нем и работала Ткачева) и корпусной полевой госпиталь 28 ск (создаваемый). Возможно, Брестский военный госпиталь (он же — гарнизонный или «армейский» госпиталь) — это

учреждение окружного подчинения, в начале боевых действий развертываемое в госпиталь армии.

Учитывая все вышесказанное, трудно сказать что-то о численности его л/с и тем более вооружении.

В любом случае на Южном к июню, помимо Брестского военного госпиталя, находился корпусной (28 ск) полевой госпиталь (штат № 4/5) на 150 коек[288]. Из 108 человек по штату (из них 48 — вольнонаемные) личное оружие, вероятно, было только у командования — т. е. не более 4–5 пистолетов на госпиталь.

О численности дежурной смены в дотах и строителях позиций полевого заполнения на Южном острове ничего не известно.

Итого на Южном острове — около 180 вооруженных военнослужащих.

Из них на дежурстве — около 40 человек.

Западный остров

Наряды 9-й линейной и 3-й резервной погранзастав: исходя из протяженности участка Западного острова, примыкающего к госгранице (прибл. 1 км) 10 человек.

1. Расположение окружных курсов шоферов погранвойск Белорусского погранокруга. 2.Расположение сборов ручных пулеметчиков, кавалеристов, спортсменов. 3. Место переправы 11-й роты I.R.135. 4. Расположение транспортной роты 17-го погранотряда

Транспортная рота (авторота) (в пкт 251?) и саперный (инженерный) взвод 17-го погранотряда: штат

неизвестен. Помимо них, на Западном размещались окружные курсы шоферов погранвойск Белорусского погранокруга[289] (пкт 242), сборы ручных пулеметчиков, кавалеристов, спортсменов, ветеринарный лазарет[290].

Пограничники, собранные на сборы спортсмены со всего погранотряда, располагались в здании[291] (один из пкт 230, 248 или 246), вероятно, где-то у старого моста через передовой ров, ставший сейчас «руслом Буга». 21 июня, в субботу, после обеда часть бойцов разошлась по заставам — сменить белье, забрать письма, отдохнуть. Остались только те, кто должен был участвовать на предстоящих в воскресенье окружных соревнованиях — 12 бойцов. На их вооружении, кроме гранат и винтовок, находилось и два ручных пулемета. В этом же здании располагались и пограничники кавалерийских сборов — около 50 человек, под командой ст. лейтенанта Чикишева[292].

Руководивший сборами спортсменов начальник физподготовки 17-го погранотряда лейтенант А. П. Сергеев: «В соответствии с планом начальника гарнизона острова ст. лейтенанта А. С. Черного я указал [остающимся в расположении участникам сборов] порядок действий в случае тревоги на границе. По этому плану, физкультурникам надо было закрыть участок у деревянного моста, ведущего через старое, перегороженное русло Буга в сторону крепости. Ст. сержант Минин с ручным пулеметом имел позицию с широким круговым обстрелом»[293].

Где-то здесь же (вероятно, в горжевой казарме) находились и «бензосклады» (скорее всего, запасы бензина для курсов шоферов и автороты пограничников).

Судя по всему, позициями, занимаемыми по тревоге участниками сборов кавалеристов, были валы бастиона вокруг дота 1.

Численность пограничников Западного острова, приводимая в литературе, 300 человек[294]. На основании чего сделаны эти подсчеты, неизвестно.

Однако, говоря о пограничниках, следует отметить не столько их количество, сколько качество — практически это были отборные подразделения, костяк находящихся в Бресте и вокруг него войск. На границу брали лишь красноармейцев, прошедших специальный отбор. Среди них по социальному составу преобладали рабочие. Призыв 1940 г. был особо качественным. Из 466 человек, прибывших в 17-й погранотряд, около 70 % были рабочие, 25 % — служащие. 95 % из 466 — имели высшее, среднее (полное и неполное) образование, с начальным не было. Наконец, что, несомненно, делало их еще более стойкими бойцами, — 72 % из вновь прибывших были коммунисты и комсомольцы.

Не уступали им и старшие призывы. К тому же приказом НКВД СССР от 21.12.1940-го увольнение в запас 7000 рядовых и сержантов погранвойск, заканчивающих к 1 января 1941 г. трехлетний срок действительной службы, было перенесено на год.

Заставы 17-го Брестского погранотряда были на особом счету — количество имеющегося у них вооружения увеличивалось, помимо винтовок на каждой из застав имелось по 3 станковых и шесть ручных пулеметов, 2–3 гранатомета. Запас боевых гранат РГД-33 достигал 1000 шт., патронов — 120 тыс. шт.[295].

С 18–19 июня на участке 3-й погранкомендатуры, как и везде, началась замена оружия на новые образцы. Сдаваемое оружие покрывалось густой смазкой и складывалось (для последующей отправки) в кладовую комендатуры (на втором этаже северного крыла здания пограничников на Центральном). К началу войны отправить его не успели[296].

Боевая подготовка, как и моральный дух пограничников, была на высоком уровне.

В качестве версии можно предположить, что всевозможные «сборы» и «курсы» были не чем иным, как закамуфлированным усилением пограннарядов. Это подтверждает, например, и то, что «курсант

окружныхкурсов шоферов» Михаил Мясников находился в секрете у Буга, в качестве старшего секрета.

Как и на Южном, о численности дежурной смены в дотах и строителях позиций полевого заполнения на Западном данных нет.

Итак, на Западном — 300 пограничников. Из них минимум — 10, максимум… ну, допустим, 150 человек находилось в состоянии полной боевой готовности. И еще — пограничники при начале огня не должны были в первые же минуты куда-то уходить. Они были обязаны принять бой. При любых условиях.

Центральный остров

С Западного острова на Центральный вел Тереспольский мост.

Так совпало, что именно там, у моста, и находились наиболее подготовленные к ведению ближнего боя части: справа — в кольцевой казарме находились 2 роты 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД и сразу за Тереспольскими воротами, ведущими во внутренний двор Цитадели, — здание, где размещались подразделения 17-го погранотряда (9-я линейная застава, 3-я резервная застава, 3-я комендатура).

План Центрального острова. 1. «Дом офицеров» — расположение 33-го инженерного полка и 75-го отдельного разведывательногобатальона. 2. «Белый дворец» — расположение 75-го отдельного разведывательногобатальона. 3. «Инженерное управление» — расположение 75-го отдельного разведывательного батальона. 4. «Сектор Холмских ворот» — расположение 84-го стрелкового полка. 5. «Сектор Тереспольских ворот» — полубашня. 6.Расположение 333-го стрелкового полка. 7. Расположение штаба 44 сп. 8. Расположение школы МКС (полковой школы) 44 сп. 9.Столовая 33-го инженерного полка. 10. Кухня 455-го стрелкового полка. 11. Церковь Святого Николая. 12. Здание пограничников. 13. «Сектор Тереспольских ворот» — электростанция. 14. Бригидские ворота

Вероятно, в ночь на 22 июня в здании находились: 30 бойцов резервной заставы, около 40 — линейной заставы, около 40 — штаба 3-й погранкомендатуры[297]. Здесь же жили и 10 семей пограничников.

Вооружение резервной заставы было аналогично линейной.

132-й отдельный батальон НКВД был не менее твердым орешком — личный состав, направляемый в подразделения внутренних войск НКВД, также проходил специальный отбор. Он был обязан соответствовать требованиям по национальности, образованию, отношению к Советской власти и т. д.

Численность батальона неизвестна. Большинство его подразделений в ночь на 22 июня несло службу за пределами крепости (в том числе и по охране мостов через Мухавец). В ночь на 22 июня из его состава в

казармах находилось около 100[298] человек, из них примерно 30 — дежурный взвод.

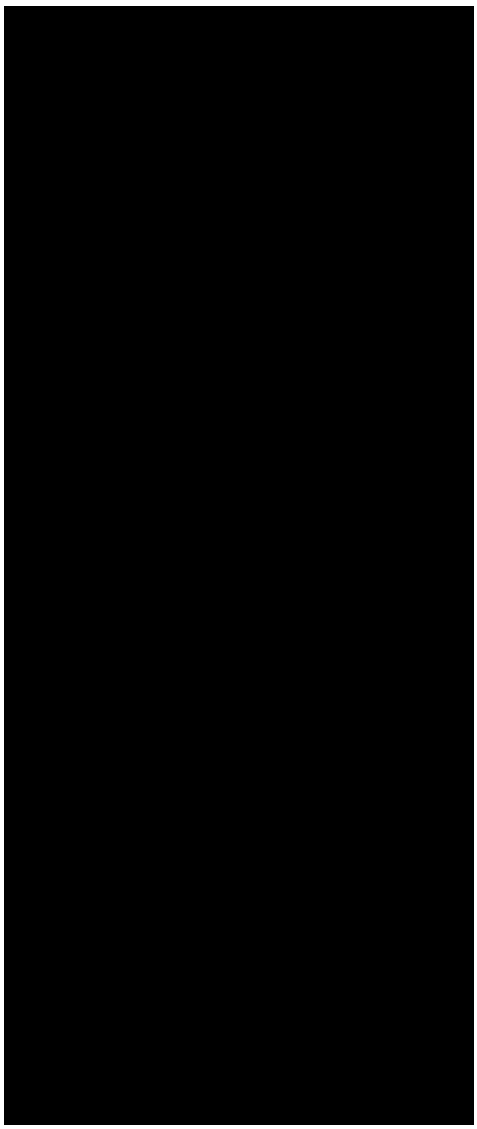
По левую сторону от Тереспольских[299], в казематах кольцевой казармы располагались конюшни, склады, мастерские 333 сп (командир полка — полковник Матвеев Д. И.). Далее, ближе к Бригидским воротам — 31-й отдельный автотранспортный батальон (31-й автобат). По штату в нем должно было находиться 255 человек (в т. ч. 32 командира). Однако поскольку почти все командиры отсутствовали, можно предположить, что в расположении автобата находилось не более 200 человек. На их вооружении — 195 винтовок и 14 автоматов. Техника автобата (машины, мотоциклы и бензозаправщики) стояла как во дворе казармы («плац»), так и на берегу правого рукава реки Мухавец (при впадении в Буг).

Дежурное подразделение — около 30 человек.

Во дворе, торцом к Тереспольским воротам, параллельно зданию подразделений 17-го погранотряда стоял массивный корпус 333 сп. Он протянулся практически через весь двор — и с северной, и с южной стороны, проезд между ним и кольцевой казармой перегораживала белая каменная ограда. Под зданием находился подвал, спуски в который были как с улицы, так и из самого здания[300].

Иногда корпус 333 сп называют «штабом 333 сп». На самом деле в нем размещались почти все подразделения полка — включая штаб, все три батальона и полковую школу.

Согласно воспоминаниям и Сандалова, и Попова, в здании на 22 июня находилось 2 батальона и другие подразделения (кроме саперной роты (выведенной в УР). Известно, что в нем не было и транспортной роты (размещенной в Восточном форте), а также комендантского (нес охрану штаба 28 ск[301]) и хозяйственного (в Восточном форте) взводов.



1. Белая каменная ограда. 2. Спуски в подвал. 3. Спуск в подвал («позиция уральца»?). 4. Крыльцо, туалеты. 5. Выход из здания на плац. 6. Выход из здания 333 сп на улицу между ним и зданием пограничников. 7. Следы подрывов? 8. Следы обстрела крупнокалибернымпулеметом. 2-см зенитная установка? 9. Следы обстрела из стрелкового оружия

Однако участники боя на этом участке говорят несколько иначе. Младший политрук, заместитель командира 3-й стрелковой роты по политчасти Каландадзе А. П.: «Первый батальон — севернее Брестской крепости, на строительстве укреплений у р. Лесна, второй — на лесозаготовках, третий — на стрельбище в лагерях»[302]. Об этом же пишет и И. В. Осадчий, секретарь комсомольскойорганизации 333 сп: батальоны располагались «на стрельбище, в районе тактических учений и на строительстве укрепрайона вдоль границы. В крепости оставались лишь тыловые службы, спецподразделения и подразделения, находившиесяна дежурстве»[303].

В ту ночь дежурнымподразделениемполка была 5-я стрелковая рота[304].

Итак: 5-я стрелковая рота — 178 человек.

Полковые подразделения (батареи 120-мм минометов, 76-мм пушек и т. п.) — около 500 человек[305].

Кроме того, часть командиров жила в общежитии комсостава на втором этаже[306]. Наконец, многие оказались в штабе по совершенно разным причинам — И. В. Осадчий: «В субботу вечером я приехал со

стрельбища в крепость по делам службы. В тот же день в наш полк прибыла группа молодых лейтенантов (10–12 человек), только что окончивших военные училища. Расположились мы в одной из комнат штаба полка на втором этаже… В нашей группе оружие (ТТ) было только у меня, молодые офицеры еще не успели его получить»[307]. 21 июня в штаб 333 сп прибыл и мл. политрук, помощник заместителя командира 3-й роты по политчасти А. П. Каландадзе, для утверждения его в должности заместителя по политчасти. Вместе с ним в опустевшем расположении, где шел ремонт, собралось еще 15 бойцов из 1-го батальона — отпускников, освобожденных по состоянию здоровья от полевого выхода или приехавших в командировку (получать белье, продукты и т. п.). Вероятно, та же картина была и в расположении второго и третьего батальонов — по 15–20 человек из каждого из этих подразделений очутились в крепости по разным причинам.

Насчет полковой школы и батальонных тыловых и спецподразделений — неясно. С одной стороны, они вроде бы должны быть выведены вместе с батальонами — с другой — в составе защитников находились и их бойцы[308]. Вероятно, последние, как и Каландадзе, прибыли в крепость со строительства укрепрайона.

Таким образом, можно предположить, что в здании 333 сп находилось около 800 человек. Неизвестно, имели ли оружие те, кто прибыл из укрепрайона, вновь прибывшие в часть командиры, отпускники, некоторые из бойцов штаба полка[309], больные, находившиеся в санчасти, и некоторые другие.

Кроме того, часть постов, где стояли бойцы дежурной роты, находилась вне здания 333 сп. Матчасть артпарка 333 сп стояла параллельно зданию погранподразделений.

…В кольцевой казарме, за расположением 132-го отдельного батальона НКВД, по обе стороны Холмских ворот находились отсеки 84 сп.

В ночь на 22 июня в крепости находился его 3-й батальон (750 человек). Дежурным подразделением полка была 5-я стрелковая рота (178 бойцов).

Там же располагались полковые штабные и специальные подразделения. Однако часть артиллерии в субботу вышла на артиллерийский полигон 4-й армии — 2 взвода 76-мм орудий полевой артиллерии, взвод 120-мм минометов[310]. На полигон в полном составе выдвинулся и первый стрелковый батальон. Наконец, выведенная туда же полковая школа также была усилена взводом 82-мм минометов[311].

Итого из полковых подразделений в 84 сп — около 480 человек. Кроме того, на втором этаже, почти над самыми Холмскими воротами — общежитие молодых командиров, сколько их там находилось — неизвестно[312].

Можно предположить, что общая численность встретивших войну на участке 84 сп — 1200 бойцов и командиров.

Матчасть артпарка 84 сп (45-мм и 76-мм орудия, зенитные установки на автомашинах) стояли во дворе Цитадели, перед его окнами.

Во дворе, севернее сектора 84 сп, находились здания т. н. «Инженерного управления» и «Белого дворца». В них располагался 75-й отдельный разведывательный батальон (75 орб) 6 сд.

В Белом дворце размещались его столовая, склады, клуб и караульное помещение, в Инженерном управлении — штаб и автоброневая рота[313].

На втором этаже участка кольцевой казармы (к востоку от Трехарочных ворот) размещались танковая и мотострелковая роты 75 орб и (в первом подъезде) штаб 33-го отдельного инженерного полка окружного подчинения, и здесь же (но на первом этаже) — подразделения полка (сформированного лишь накануне, в

мае-июне, на базе 140-го отдельного инженерного батальона). Впоследствии именно этот участок кольцевой казармы станет известным как «Дом офицеров».

У развилки реки Мухавец, юго-восточнее Белого дворца, стоял транспорт 75 орб — автомашины, бронеавтомобили БА-10 и под летним навесом — плавающие танки Т-38 (Т-38, находившиеся в ЗапОВО, имели в среднем 50 % исправности («На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 83) и Т-40. По штату в батальоне должно было быть 10 автомашин и 16 танков.

В ночь на 22 июня в расположении 75 орб находилось около 250 человек. Дежурным по батальону был лейтенант Галустьянц. Караульное подразделение — неизвестно, вероятно, один из взводов — человек 10–20.

В пристройке у Белого дворца, рядом с конюшней 33-го инженерного полка, жили семьи его командиров: командира хозвзвода мл. л-та В. И. Прусакова (с ним — жена и двое маленьких детей), помначштаба полка лейтенанта Н. Ф. Щербакова (с ним — жена и сын).

Штаты 33-го инженерного полка мне неизвестны[314]. В любом случае степень соответствия им фактической численности — вопрос открытый. Однако почти все подразделения полка находились на строительстве укреплений как в Бресте и крепости, так и на территории Высоко-Литовского и Домачевского районов[315].

4 мая выбыла в летний лагерь у с. Бульково полковая школа.

Командир взвода роты приписного состава 33-го инженерного полка И. Долотов пишет, что «в ночь на 22 июня в крепости находилось около половины состава полка. Большая команда в ночной смене на сооружении ДОТ в форту Берг»[316]. Замполит этой же роты, замполитрука А. Никитин: «Весь личный состав находился на объектах. Только подразделение, несущее караульную службу, хозвзвод да писарский состав оставались в крепости»[317].

Дежурной в последнюю предвоенную ночь была именно рота приписного состава (к-р ст. лейтенант Сорокин)[318]. Она была сформирована еще 3 мая из поступивших в полк на переподготовку жителей Брестской области, большинство из них — бывшие военнослужащие польской армии[319].

Однако следует отметить, что рота приписного состава (в основном сам приписной состав — часть младших командиров жила в казарме (Долотов) находилась на другом берегу Мухавца, в двух казематах горжевой казармы вала[320]. Левее вала были натянуты и 3–4 палатки для ее бойцов.

Учитывая недостаток данных, трудно сказать что-либо определенное как о численности 33-го инженерного полка, так и его подразделения, несшего с оружием в руках караульную службу.

Можно предположить, что там находилось около 150 бойцов — около 100 из них пошли в атаку на церковь Святого Николая, утром 22 июня. Кроме того, часть бойцов находилась в казарме, прикрывая огнем атакующих, часть — погибла при артобстреле, выбежав из казармы, часть — так и осталась в валу на правом берегу Мухавца (пкт 145).

Западнее Трехарочных ворот кольцевую казарму занимал 455 сп. В штабе на первом этаже в ночь на 22 июня находился дежурный по штабу, начальник химической службы 455 сп лейтенант А. А. Виноградов: «Из нашего полка в крепости находились 3-й батальон, полковая школа[321] и спецподразделения»[322].

Командир взвода в 7-й стрелковой роте лейтенант А. И. Махнач: «Наш третий батальон размещался на Центральном острове. Его казармы начинались как раз возле ворот[323], которые соединяли двухэтажное здание 333-го полка с кольцевыми казармами, тянувшимися по берегу Мухавца. У самых ворот находился склад-каптерка с боеприпасами и вооружением, а за ним, в сторону Брестских ворот, размещались: склад с армейским обмундированием, 9, 8, 7-я стрелковые роты, гараж с легковой

автомашиной марки „М-1“, помещение 37-го Отдельного батальона связи[324], ворота — проезд к Мухавцу. Напротив костела был штаб полка»[325].

Численность оставшихся в крепости подразделений 455 сп сравнима с 84 сп — к тому же нужно прибавить полковую школу и учесть, что в крепости оставались и артиллерийские подразделения полка. Итого — около 1500 человек.

Дежурное подразделение неизвестно.

455 сп был одним из наиболее боевых частей в Цитадели, большинство его командиров имели опыт финской войны. Бойцов же после увольнения в запас участников боев на Карельском, еще только предстояло подготовить. Отчет по боевой и политической подготовке полка за зимний период 1940/41-го[326] отмечено, что политико-моральное состояние части — здоровое. Например, в письме к родным красноармеец 7-й стрелковой роты Огородников (1920 г.р. призван в 1940 г.) писал: «Живем мы хорошо, питание вполне достаточное, кушаем три раза в день, когда мясное, когда рыбное, в завтраке колбаса и картошка с салом, учусь на хорошо, стреляю отлично. Утром, когда уходим на занятия, музыка нас провожает и [при возвращении] встречает». Далее тов. Огородников описывает, как жилось раньше трудящимся при панской Польше. «[Отмечены] ряд высказываний красноармейцев о том, что, мы призваны нести почетный долг гражданина СССР и закалять свой организм в трудностях, которые будут встречаться на войне». Однако среди личного состава отмечены и нездоровые высказывания — например, в ДКА[327], о женщине — депутате Верховного Совета СССР или «За всем везде очередь и нигде об этом не пишут».

Кроме того, от бойцов, особенно «нерусских национальностей», поступали жалобы на недостаток хлеба, выдаваемого в столовой. Одному из красноармейцев разрешен двойной паек.

В то же время, отмечено, что за последнее время дисциплина в полку значительно улучшилась. В один из выходных дней в увольнение в город вышло более 100 красноармейцев и младших командиров — при возвращении не было ни опозданий, ни замечаний.

Среди недочетов — в полку не организована подготовка снайперов. Однако уже в мае на дивизионные сборы снайперов 455 сп выставил 48 человек[328].

В отчете 455 сп за январь 1941 г. отмечалось, что личный состав хорошо знает «ручной и станковый пулемет, матчасть винтовки (новая винтовка обр. 1938 г. системы Токарева) — плохо. Лучшие подразделения в полку: полковая школа, 2-й батальон»[329]. Среди недочетов в боевой подготовке полка назывались слабое усвоение вопросов тактической подготовки, слабая подготовка младшего комсостава и отсутствие его повседневного инструктажа.

Отличительной чертой полка было то, что 40 % его бойцов не знали совершенно или почти не знали русского языка. Именно они слабо усвоили как матчасть, так и применение оружия. Все остальные — хорошо[330].

По итогам февраля, лучшим стал уже 3-й батальон, однако за огневую подготовку полку — «посредственно». Худшие — 4-я и 3-я стрелковые роты.

Далее, в кольцевой казарме размещался 37-й отдельный батальон связи (37 обс) 6 сд. Весь личный состав батальона связи был выведен в лагерь в 8 км северо-восточнее Бреста[331].

В расположении находилось лишь дежурное подразделение — из состава 1-й телеграфно-кабельной роты (к-р роты мл. лейтенант П. А. Петухов)[332]. Можно предположить, что караул в ту ночь несли 20 человек.

За батальоном связи находились отсеки 44 сп — полковой школы спецподразделений[333] и штаба,

44 сп.

Всего около 500 человек.

Дежурным подразделением 44 сп в ночь на 22 июня была 1-я рота[334] (комроты — лейтенант П. М. Крюков, начальник караула — командир пульвзвода 44 сп мл. лейтенант А. Р. Терещенко). Но ее посты стояли и на Северном, в расположении 1-го батальона и других подразделений полка[335]. Неизвестно, где было и караульное помещение, в котором отдыхала смена. Скорее всего, оно находилось где-то в Цитадели, у штаба[336]. Таким образом, можно предположить, что в Цитадели находилось около 100 человек из дежурной роты. Итого — на Центральном острове из состава 44 сп — 600 человек.

Как и 455 сп, 44 сп, которым командовал майор Петр Михайлович Гаврилов, был частью, прошедшей финскую войну.

В отчете[337] по итогам боевой и политической подготовки полка за октябрь 1940 — март 1941 г. Гаврилов отметил, что состояние дисциплины и боевая готовность части — удовлетворительны. Дисциплинарных проступков (в среднем, помесячно) — 180–200, поощрений — 200–250. Главное аморальное явление — пьянство.

Отрицательные высказывания были отмечены среди призванных из запаса командиров[338]. Один из них, лейтенант, заявил: — «лучше покончить жизнь самоубийством, чем служить в РККА». После увольнения в долгосрочный отпуск командиров-запасников (в том числе и из-за нездоровых настроений и проч.) об аморальных поступках неизвестно.

…Подводя итог подсчетам, получается, что на Цитадели находилось около 5000 бойцов и командиров РККА. Из них около 720 были с оружием, неся караульную службу.

Северный остров

Центральный и Северный острова соединял между собой Трехарочный мост, ведший к Трехарочным воротам Цитадели. На Северном острове, к востоку от моста, находился вал пкт 145. В двух отсеках его горжевой казармы и в рядом стоящих 3–4 палатках размещалась рота приписного состава 33-го инженерного. В других казематах вала — склады, и по большинству данных — полевая армейская хлебопекарня № 44 (44 пах[339]) 6 сд. В ее составе должно было находиться около 120 бойцов и младших командиров, имевших 1 пистолет-пулемет и 69 винтовок. Дежурное подразделение неизвестно. Да и несло ли оно караульную службу?

План Северного острова. 1. Расположение двух 76-мм зенитных орудий 1-й батареи 393 ОЗАД. 2. Вал пкт 143. 3. Вал пкт 145. 4. Восточные ворота. 5. Трехарочный мост. 6. ДНС (Шабловский, Почерников). 7. ДНС (Гаврилов). 8. Спортплощадка (стадион). 9. Расположение 1-го батальона 44 сп и полковых подразделений 44 сп, склада боеприпасов 44 сп. 10. Северо-Западные ворота

На восток, за пкт 145, начинались тянувшиеся к северу т. н. восточные валы — расположение 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона (98 ОПАД) 6 сд (командир дивизиона — капитан Н. И. Никитин).

В его составе должно было насчитываться около 200 человек и 18 45-мм орудий ПТО. А также 21 легкобронированный (толщина брони: лоб — 10 мм, борт и корма — 7 мм) тягач Т-20 «Комсомолец»[340] — имевшие на вооружении 7,62-мм пулемет ДТ (боезапас — 1260 патронов). Именно они впоследствии в донесениях 45-й дивизии часто фигурировали как «танки».

Во второй половине дня 21 июня в расположении дивизиона выстроились несколько тягачей с прицепленными пушками. Водители и расчеты получили приказ завтра утром выехать на полигон для смотра техники.

Дежурной в ту ночь была первая (учебная) батарея, около 50 человек (мл. лейтенанта Н. К. Хавера).

К западу от «Восточных валов» находился «Восточный форт»[341] — два подковообразных вала, концентрически расположенных один в другом (внутренний выше внешнего). Расстояние между ними — 25–30 м.

Внутри каждого из валов, укрытые их толщей земли, находились казематы — во внешнем их было — 94[342], во внутреннем — 14 (двухъярусных).

Во внешнем валу располагались конюшня (около 200 лошадей) и склад боепитания 333 сп. Во внутреннем — размешались подразделения 393 ОЗАД[343] 42 сд — 2 батареи и пулеметная рота, транспортная рота (здесь же, вероятно, и хозяйственный взвод) 333 сп, первая батарея[344] 98 ОПАД. Там же — и склады 393 ОЗАД.

В ночь с 20 на 21 июня 2-я и 3-я батареи 393 ОЗАД[345] выехали на тактические занятия, а на дежурстве осталась первая батарея (ст. лейтенанта С. Ф. Шрамко). Дежурный по части — начальник связи дивизиона л-т А. Д. Домиенко.

Итого в Восточном форту насчитывалось[346] около 180 бойцов и младших командиров.

С восточной стороны внешнего вала, на катках, стволами в сторону ДНС[347] стояли две 76-мм

зенитные пушки дивизиона. Где-то там же — три трактора «СТЗ-НАТИ» для их перевозки (один трактор был запасным)[348].

С другой стороны — матчасть роты ПВО 44 сп — 6 ЗПУ[349] (счетверенных пулеметов «Максим»), в кузовах полуторок[350].

Наконец, перед Восточным фортом, к северу от него, стояли палатки приписного состава 44 сп — жителей Брестской области, призванных на 45-дневные сборы.

Западнее Восточного форта, с юга на север острова, тянулась дорога, начинавшаяся от Трехарочного моста. На севере она входила в Северные ворота главного вала, ведя далее, через передовой ров, в Брест.

По обе стороны Северных ворот располагались подразделения 1-го батальона 44 сп и полковые спецподразделения — около 1100 человек, из них 70 — из состава дежурной (первой) роты 44 сп. Артпарк 44 сп находился за главным валом.

Наконец, к западу от Северных ворот начиналось расположение 125 сп 6 сд (командир полка полковник Берков Ф. Ф.[351] (назначен на другое место, но отбыть не успел): в казематах главного вала у Северо-Западных ворот взводы конных и пеших разведчиков, минометная батарея, транспортная рота, музвзвод, штабные и хозяйственные службы. Рядом, в двухэтажном здании, находились штаб полка и рота связи. Соседнюю казарму занимали подразделения 2 сб и полковой школы.

В Западном форту были казармы 1 сб и полковых артбатарей[352].

И Сандалов и Попов свидетельствуют о том, что в крепости осталось два батальона 125 сп. Рядовой его музвзвода К. Г. Горбатков утверждает несколько иначе: «Ночью 21 июня строевые подразделения нашего полка вывели в укрепленный район. Помнится, часть подразделений 2-го батальона, хозвзвод, музвзвод, повара, штабные работники и наша полковая школа остались в крепости»[353]. Об этом же пишет и С. С. Смирнов: «В ночь, когда началась война, весь стрелковый полк находился в лагерях или на работах вне крепости. В казармах оставались только несколько дежурных взводов[354], хозяйственные команды, сотрудники штаба да часть полковой школы младших командиров»[355]. Третий (наиболее правдоподобный) вариант диктуют воспоминания капитана Г. А. Ландышева, командира 1-го батальона 125 сп — согласно им свой батальон он вывел из крепости уже после начала боя, утром 22 июня[356].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно на северо-западе Брестской крепости располагалась наиболее сильная часть из имевшихся в крепости — 125 сп. Из его состава (полковые подразделения, 4-я рота, 1-й стрелковый батальон) на Северном было 1600 человек (из них 178 — дежурное подразделение).

Надо учесть, что именно на Северном острове проживала и большая часть семей начсостава. Улица, где стояли корпуса ДНС (одно-, двухэтажные дома), шла с запада (от Западного форта) на восток, почти до казематов главного вала у Кобринских ворот, занимаемых 98 ОПАД. В них проживало около 170[357] семей командиров и политработников из разных воинских частей. Дорога, идущая от Северных до Трехарочных ворот, делила улицу на западную и восточную части. Например, в западной жили семьи командиров 125 сп (в т. ч. командира 2-го батальона 125 сп капитана Шабловского), в восточной — 44 сп (в т. ч. командира 44 сп майора Гаврилова).

Хотя многие подразделения, в которых служили жившие в ДНС Северного острова командиры и политработники, к 22 июня вышли за пределы и Бреста и крепости, однако на выходной день мужья и отцы приехали к своим семьям.

Таким образом, всего на территории Северного острова находилось 3400 военнослужащих, из них около 300 человек — в составе дежурных подразделений.

Итого на территории Брестской крепости (Центрального укрепления) находилось около 9000 военнослужащих,из них около 1100 — в составе дежурныхподразделений.

Подсчеты не учитывают дежурные расчеты 18 ОПАБ в дотах вдоль Буга (примерно по 2 человека на дот), подразделения, занимавшиеся строительством УР[358] в ночную смену в полосе наступления 45-й дивизии, приписной состав, размещавшийся на территории крепости (о его количестве можно только гадать)[359].

Брест

Непосредственно в г. Бресте размещалисьштабы 28 ск, 6 и 42 сд, 60-й железнодорожныйполк НКВД.

Штаб корпуса еще 20 июня вышел в поле, на КП в район Жабинки, для проведения командно-штабных учений. 21 июня в 18.00 ему было приказано оставаться там же и далее, до особого распоряжения.

В Северном городке Бреста располагался 111-й саперный батальон и 246 ОЗАД, 84-й отдельный разведбатальон, 18-й отдельный батальон связи и 17-й гаубичный арт. полк 42 сд, 447-й корпусной арт. полк 28 ск, окружныекурсы младшихполитруков 4-й армии.

К западу от крепости, прямо перед главным валом, на берегу реки Западный Буг располагался 131-й артполк 6 сд — его 1[360] и 3[361] дивизионы, полковая школа и конюшни. 2-й дивизион — в форту «Граф Берг»[362].

В городе находились и штаб, рота связи, комендантский взвод 17-го Краснознаменного (Брестского) погранотряда. Кстати, под его охраной находились мосты через Буг, расположенные в полосе армии Коробкова: два железнодорожных(Брест и Семятичи) и четыре дорожных (Дрохичин, Кодень, Домачево и Влодава). Начштаба 4-й армии Сандалов утверждает, что погранотряд так и не получил указаний по подготовке их подрыва[363].

Как и из крепости, к 22 июня большая часть войск были из Бреста выведены — на Брестский артиллерийский полигон вышли две батареи второго и одна первого дивизиона 131 ап[364], 18 обс — в лагеря уд. Плоска (в его расположении, помимо штабных, оставалось и по одному подразделению от каждой роты[365]).

111-й саперный батальон работал на строительстве УР.

Большая часть расположений подразделений в Брест вошла в полосу наступления 31-й пехотной дивизии, поэтому численность советских войск в городе в данном исследовании не рассматривается. Практически дивизия Шлипера должна была пройти только расположение 131-го артполка — где, в общей сложности (лишь в полосе наступления 45-й дивизии, куда форт «Граф Берг» не входил) оставались около 500 человек, при 12 (?) орудиях (2 батареи первого артдивизиона и орудия полковой школы)[366].

Наконец, Брест был и одним из основных мест хранения запасов для 4-й армии ЗапОВО. На складах в крепости и частично в самом Бресте хранились боеприпасы, горючее и продовольствие для 6-й и 42-й сд, а также 447-го корпусного артполка. На дивизионном складе 22-й тд (Южный остров) хранились два ее боекомплекта, запасы продовольствия 22-й тд — в Бресте. Там же и окружные запасы, предназначенные для соединений и частей 4-й армии: автобронетанковое имущество — на 970-м (автобронетанкового имущества); продовольствие — на 821-м окружных складах[367]. В стрелковые дивизии (кроме 75 сд) и корпусные артполки, помимо одного боекомплекта снарядов и мин, указанного в директиве по прикрытию,артуправление ЗапОВО направило еще по половине боекомплекта.

При этом в 6-ю и 42-ю сд (на склады в крепости), несмотря на протесты штаба 4-й армии,

артснабжение ЗапОВО прислало сверх указанного еще значительное количество боеприпасов[368].

Планировалось, что войска соединений, сосредоточенных в Бресте и крепости, в случае угрожающего положения займут оборону вдоль госграницы, на заранее подготовленных позициях полевого доусиления и 62 (Брестского) УР.

Части 6 сд (полоса обороны: устье р. Пульва — Брест — Прилуки[369]) при объявлении боевой тревоги должны были немедленно покинуть расположение[370] и занять оборону. Срок выполнения — 6–9 часов. Для обороны Бреста и крепости были намечены 84 сп и 204 гаубичный артполк (дер. Ковалево). Непосредственно крепость должны были оборонять третий стрелковый батальон и артдивизион.

Кроме того, в плане прикрытия ЗапОВО предусматривались и действия войск по поддержке пограничных частей до выхода к границе полевых войск. При нарушении последней вооруженными отрядами или бандами в распоряжение командира 17-го (Брестского) погранотряда должен был выделяться стрелковый батальон от 333 сп[371] 6 сд, со сроком готовности 45 минут с момента объявления тревоги.

42-я дивизия после объявления боевой тревоги, перед тем как занять позиции на правом фланге армии (Дрохичин — Высокое[372] — устье р. Пульва) выходит в район сосредоточения (Славы, Высокое). И лишь по особому указанию — сразу же идет в намеченную полосу обороны, минуя район сосредоточения. Срок занятия позиций — 30 часов. Необходимо отметить, что поднятые по боевой тревоге части 42 сд должны были быть переброшены (вдоль границы!) на 50–75 км.

Вывод частей из крепости прикрывался 393 ОЗАД.

По плану прикрытия шифротелеграмма Военного совета ЗапОВО о вводе его в действие такова; «Командующему (3, 4, 10, 13-й) армией. Объявляю тревогу (Гродно, Белосток, Вельск, Кобрин), 1941 года. Подписи». В свою очередь, командармы дают своим войскам шифротелеграммы (кодограммы): «Командиру № корпуса (дивизии). Объявляю тревогу с вскрытием „красного“ пакета. Подписи»[373].

Согласно плану прикрытия, «при объявлении тревоги[374] части проделывают следующие мероприятия:

а) оставляют командный, политический и красноармейский состав в строго необходимом количестве, обеспечивающем возможность выполнения всех работ по переводу части на военное положение; для охраны имущества оставляется по одному человеку на объект, кроме лиц, ответственных за передачу зданий и имущества КЭЧ или воинским частям. Для ускорения процесса передачи в казармах иметь инвентарные списки, которые и будут служить приемосдаточными документами при передаче;

б) в танковых частях диски с боевыми патронами укладываются в машины; все машины должны быть постоянно заправлены горючим и маслом, вода (зимой) заливается с объявлением тревоги;

в) усиливается охрана складов, парков, гаражей;

г) возимые запасы огнеприпасов, горючего и продфуража укладываются в обоз;

д) со вскрытием „красного“ пакета выдаются на руки начсоставу карты НЗ;

е) телефонные элементы заливаются водой по особому приказу.

5. Все боевые сооружения переднего края УР должны быть заняты полным составом гарнизонов и обеспечены пушками и пулеметами. Занятие и приведение сооружений, расположенных на переднем крае, в полную боевую готовность должно быть закончено не позднее чем через два-три часа после объявления боевой тревоги, а для частей УР — через 45 минут.

С объявлением тревоги гарнизоны УР занимают боевые сооружения и полностью изготавливаются к

бою, высылается боевое охранение и устанавливается связь.

6. Подъем частей по тревоге и занятие ими участков должно быть доведено до автоматизма…»[375]

Действительно, находясь у границы и учитывая достаточно неясную международную обстановку, части, дислоцирующиеся в Бресте и крепости, должны были воспринимать четкую отработку действий при боевой тревоге, быстроту и слаженность всех подразделений как непременное условие собственного выживания.

Быстрое реагирование на любую ситуацию должно было стать отличительной чертой и 6 и 42 сд. Однако на практике все было далеко не так. Это подтверждают хотя бы выводы комиссии[376], проводившей проверку боевой готовности (в т. ч. поднятие по боевой тревоге) частей 42 сд 30 апреля 1941 г.

44 сп: из-за отсутствия командования поднять подразделение не удалось. При беседе с комполка Гавриловым выяснилось, что плана боевой тревоги в полку нет, а значит — и в его ротах и батальонах. Боеприпасами полк полностью не обеспечен (находятся в пути[377]) или они находятся в подразделениях частично (пульроты). НЗ (имущество и продовольствие): на руки не выдано, частично на складе или в пути.

455 сп: план боевой тревоги «почти имеется», но детальность его разработана слабо (не расписано, кто, где и что получает, и план доставки). Подразделения свои места по тревоге знают, но материально всеми видами довольствия не обеспечены, так как грузы находятся на станции. Из-за этого не готовы и все мелкие подразделения полка.

18 обс: плана боевой тревоги нет. Построение произошло за 15 минут. Замена людей наряда, запряжка лошадей и укладка имущества связи, находящегося в ротах, заняло 40 минут. Проверка ранцев показала, что в них имеются только туалетные принадлежности, котелок и кружка. Полностью погрузку произвести не удалось из-за отсутствия как имущества, так и автомашин.

Последнее обстоятельство для 42 сд (намечаемой, при боевой тревоге по плану прикрытия, к переброске почти за 50 км) могло стать более критическим, чем отсутствие НЗ в ранцах или позднее построение. Нехватка транспорта для одновременного поднятия всех запасов в соединениях и тыловых органах была общей проблемой всей 4-й армии. Л. М. Сандалов отмечает, что на все учения и матчасть, и личный состав транспортных частей, как правило, не привлекались (или частично). Даже по боевой тревоге для погрузки имущества НЗ выделялось небольшое количество транспорта и людей, лишь «обозначающих погрузку». Все расчеты строились на том, что с началом войны тылы получат людей и транспорт по мобилизации[378].

Тем не менее на 11 июня обеспеченность 42 сд автомобилями всех видов была довольно высокой — 83,9 %[379] (в среднем в стрелковой дивизии ЗапОВО — 51 %), тракторами и тягачами — 68,7[380] (в среднем в стрелковой дивизии ЗапОВО — 84,8 %).

Обеспеченность 6 сд (на ту же дату) автомобилями всех видов — 67,2 % (375 единиц), тракторами и тягачами — 102,0 % (101 единица)[381].

Основным видом транспорта был гужевой.

Вторым обстоятельством, угрожавшим срывом сроков сбора и выхода на оборонительные рубежи поднятых по тревоге частей, размещавшихся в Брестской крепости, была сама крепость. Кольцевая казарма и главный вал, опоясанный передовым рвом, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа.

Ситуацию понимали все, кто находился в то время в штабах Бреста. И по прибытии в соединение, и в

феврале 1941 года замкомдива[382] 6 сд полковник Ф. А. Осташенко обращался к командиру 28 ск генерал-майору В. С. Попову о вывозе из крепости запасов НЗ. Попов ответил, что более удобных хранилищ нет.

Вновь этот же вопрос Осташенко, начштаба дивизии полковник А. М. Игнатов и замнач отдела политпропаганды полковой комиссар Г. С. Пименов поставили в марте.

Как бы в ответ на их предложение в апреле из Береза-Картузская в Брест перешла 42 сд…

В мае 1941 года Попов решил вывести 6 сд в район Южного городка, оставив в крепости только 1–2 стрелковых полка 42 сд. Однако примерно в первой половине июня Сандалов передал ему распоряжение Павлова, что 6 сд на такое незначительное удаление (4–6 км) в лагерь не выводить. Палатки для нее отпущены не будут[383].

Если бы началу военных действий предшествовал период какого-либо осложнения международной обстановки, переговоров, провокаций и т. д. (как это было, например, перед началом советско-финской или германо-польской войны, да и вообще в войнах того времени), это не было бы критичным — войска были бы выведены своевременно, успев занять позиции. Однако сейчас, в июне, когда внезапное начало войны стало реальностью, такое положение угрожало разгромом всего центрального участка полосы 4-й армии.

Отработка действий по тревоге стала главной заботой командования армии и корпуса. С 10 по 15 июня красноармейцы спали не раздеваясь, а большая часть командного состава ночевала в казармах: подъем по боевой тревоге проводился практически еженедельно[384].

В ночь на 13 июня В. С. Попов поднял по боевой тревоге 42 сд, а в ночь на 14 июня (начштаба армии Сандалов) — 6 сд. Подводя итоги, и Сандалов, и Попов выразили пожелание о выводе 42 сд в р-н Жабинки и об устройстве в стенах крепости двух-трех запасных выходов.

Когда Павлов отверг вывод 42 сд в Жабинку, Попов предложил вывести соединение в лагерь на территории Брестского артиллерийского полигона, но командование округа воспрепятствовало и этому.

Тем не менее необходимо заметить, что большинство подразделений к 22 июня было выведено из крепости и Бреста по тем или иным причинам или готовилось выйти (98 ОПАД). Главной проблемой оставался вывоз складов, но если бы у советских частей было хотя бы несколько часов, многое удалось бы вывезти или хотя бы уничтожить.

…Настроение многих бойцов и младших командиров, чувствовавших предгрозовую атмосферу июня, было невеселым. Начоперотделения штаба 28 ск майор Е. М. Синковский вспоминал: «Вскоре после сообщения ТАСС я был в крепости в 333 сп. Вместе с командиром полка Д. И. Матвеевым был в подразделениях. Один из бойцов спросил: „Скажите, товарищ полковник, когда нас выведут из этой мышеловки?“ Матвеев что-то отвечал, говорил о сообщении ТАСС, но чувствовалось, что бойцы не удовлетворены ответом»[385].

Старый кавалерист Матвеев продолжал носить шпоры. Их звон в гулких коридорах старого здания запомнился многим…

Хотя их готовили в оптимистическо-наступательном духе: на политзанятиях, планировавшихся на июнь-сентябрь, планировалось обсудить темы: 1) Красная Армия — самая наступательная армия в мире. На чужой земле защитить свою землю. 2) Красная Армия выступит прежде, чем враг посмеет напасть на нашу землю[386].

Но, слушая политруков и бравурные радиопередачи, наблюдая за мельканием кинохроники на простынях летних кинотеатров, они чувствовали — будет нелегко. Многие знали суровую правду боев на

финской, да и итоги польско-германской — вот они, рядом. Пулевые отметины и следы осколков, воронки и развалины, а рядом через реку — те же, кто сделал это тогда и, скорее всего, готовится сейчас.

И поэтому, если вглядеться внимательно в четкие отпечатки старых фотографий, глаза бойцов из далеких деревень, испуганно ждущих фотовспышки, или командиров, крепко сжавших челюсти, не позволяющих себе расслабиться и в гарнизонном фотоателье, — станет видно: напряжение. Вот в чем они жили и танцуя в парке «1 мая», и покупая отрезы на платье в магазинах Бреста. Постоянное напряжение поздней весны и раннего лета. Его и сейчас видно, и можно ощутимо почувствовать — напряжение и страх тех, чьи кости лежат в песке Бреста, и кого превратили в пыль удары тяжелой артиллерии, а большинство — просто исчезнувших, оставив неясные полулегенды о своей судьбе и выцветшие фотографии в музейных фондах…

А голоса — лишь в письмах.

В. П. Вавилов (рядовой, писарь пулеметной роты 44 сп):

Султан Баучиев (писарь батареи 45-мм орудий 455 сп):

Абызов В. Н. (замполитрука, пом. зам. по политчасти к-ра 1-й телеграфно-кабельной роты 37 обс[389].):

Л. С. Гурчак (лейтенант, командир минометной роты 455 сп):

Вано Зедгинидзе (рядовой 393 ОЗАД):

Киреев Д. П. (лейтенант, командир пульвзвода полковой школы 455 сп):

Деревянко Г. Д. (замполитрука, отв. секретарь комс. бюро 98 ОПАД):

Тараканова М. К. (жена ст. инструктора по агитработе отдела политпропаганды 6 сд П. С. Тараканова):

Н. Г. Мищенко (красноармеец 333 сп):

… Красноармейцы предчувствовали, а страна и их командиры — готовились. Интересно, что в программе командирских занятий[393] на январь-май 1941 г. предмет «изучение иностранных армий» назван «изучение немецкой армии». В январе-марте на это отводилось по 2 часа в месяц. Например, в январе темой занятий была организация пехотной дивизии немецкой армии и ее тактика в обороне, в марте — «тактика немецкой армии во встречном бою». Итого за три месяца — шесть часов… В апреле и мае занятия не проводились. Зато марксистско-ленинской подготовке за январь-май было отведено в пять раз больше времени — по 6 часов в месяц (30 часов!).

Изучение германской армии в то время также не могло не носить налета «правильного мировоззрения»: «большая насыщенность огневыми средствами и техникой пехотной дивизии на первый взгляд представляет довольно внушительную силу, однако это еще не все для высокой ее боеспособности. Руководят техникой и направляют ее люди — солдаты. Германские солдаты в большинстве своем состоят из рабочих и крестьян, политико-моральное состояние которых направлено далеко не в пользу фашистских заправил. Массовые случаи дезертирства и самоубийств, которые все возрастают в армии, очень красноречиво говорят о моральном состоянии германской армии. Солдаты не переносят бесчеловечной муштры и издевательств, на которых строят дисциплину офицеры, и многие из солдат дезертируют или кончают жизнь самоубийством. По сообщениям антифашистской печати, через Силезскую границу бежало в Польшу 180 германских солдат, а через восточно-прусскую границу — 300 германских солдат. Таково действительное положение солдат в германской армии»[394].

Возможно, к 1941 г. «классовое чутье» было решено немного притупить, но возник другой перекос: ни СССР, ни Германия не имеют друг к другу каких-либо претензий, утверждалось повсюду. Это не могло не

дезориентировать.

Объемы изучения остальных дисциплин (за период обучения): современная авиация и танки — 4 часа, СУВ (скрытое управление войсками) — 10 часов[395], связь — 4 часа.

В итоге, как вспоминал начштаба 4-й армии Сандалов, комсостав и штабы всех степеней, в том числе и армейского, не умели управлять войсками при помощи радиосвязи, невзлюбив ее из-за трудности применения по сравнению с проводной. Связь штаба армии (Кобрин) с управлением 28-го ск, штабами 6-й и 42-й сд до войны осуществлялась по выделенным для этой цели постоянным проводам гражданских линий связи. Постоянно действующей радиосвязи с выше и нижестоящими инстанциями и с соседями штаб армии не имел[396].

В целом же обеспеченность ЗапОВО рациями: полковыми — 41 %, батальонными — 58 %, ротными — 70 %[397].

Тактике на командирских занятиях 42 сд было отведено 14 часов. В ту пору ее преподавание в РККА было не лишено недочетов: если во второй половине 1940 г. в темах занятий преобладали вопросы подготовки и ведения обороны, то в 1941 г. — наступления. Это отрицательно отразилось на подготовке к обороне, так как многие командиры, направленные в ЗапОВО, прибыли в дивизии тогда, когда там отрабатывались только наступательные действия[398].

В соединениях 4-й армии проводились и многочисленные учения. Однако там, по свидетельству Л. М. Сандалова, главное внимание обращалось на правильность принятого решения, его формулировку и оформление. Управление войсками на основе принятого решения отрабатывалось слабо. Опыта в управлении целыми соединениями, частями и подразделениями со всей боевой техникой и тылами командный состав почти не имел[399].

Однако и при проведении учебы командование старалось учитывать обстановку — например, программа командирских занятий 42 сд на май-сентябрь была значительно скорректирована. На июнь тактике было отведено уже 6 часов, а марксистско-ленинской подготовке уже поменьше — 4 часа.

Тем не менее изучению «тактики иностранной армии» (предмет вновь обрел свое первоначальное название[400]) в мае вновь отводится всего 2 часа. Тема: «Наступление германской пехотной дивизии и пехотного полка». Зато в июне планируется провести и двухчасовые занятия с командирами рот («наступление германского батальона, роты»).

Занятия зачастую проходят в форме докладов командиров и последующего обсуждения. Например, майор Гаврилов к 20 апреля должен был представить тезисы доклада «Марш и встречный бой стрелкового полка — авангарда стрелковой дивизии», к 15 июня — «Наступление усиленного стрелкового полка на укрепленный район». Чтение доклада было намечено на 1 июля.

Командирами дивизии к 15 июня — 1 июля готовились доклады по темам: «Подготовка восточного театра войны в Германии», «Организационная структура и вооружение в германской армии», «Германская артиллерия в современной войне».

…А германская армия и ее артиллерия готовили свой «доклад», приблизившись уже вплотную — вслед за агентурными, пошли сообщения и от погранвойск: 2 июня была засечена идущая с 25 мая из Варшавы переброска, в основном ночью, войск всех родов, а также сосредоточение во многих приграничных пунктах (в основном перед Брестом и Львовом) понтонов, брезентовых и надувных лодок[401].

5 июня в последней разведсводке штаба ЗапОВО, поступившей в штаб 4-й армии, было отмечено прибытие в Бяла-Подляску трех артполков (предположительно тяжелой артиллерии) и 5 бронепоездов.

Говорилось о том, что 13 мая через нее же из Варшавы на Тересполь прошло 50 автомашин с боеприпасами, а в ночь на 28 мая оживленное автодвижение на Янув-Подляски, Тересполь. Отмечено выставление маскировочных сетей и заборов. Однако гораздо более тревожным были данные о сосредоточении немцами на границе Белоруссии около 40 дивизий, их них на брестском направлении — 15 пехотных, 5 танковых, 2 моторизованныеи 2 кавалерийские[402].

Это означало, что группировка уже фактически сформирована и вторжение может начаться в любую минуту. Но к востоку от Буга ничего не менялось — там, с одной стороны, ожидали от Германии хоть каких-то дипломатическихходов, с другой — надеялись, что хорошо видимая с западного берега безмятежность приграничныхчастей позволит хоть немного отодвинуть начало войны.

В той же разведсводке от 5 июня отмечалось, что «антивоенные настроения в германской армии принимают более широкие размеры по сравнению с предыдущим периодом». Конечно, в правительстве не строили надежд на «антифашистскоевосстание» — Гитлера могла заставить одуматься только готовая к бою РККА, но тем не менее…

Темпы перевозок войск из глубины страны в полосу западных приграничных округов продолжали ускоряться[403]. Успеем?..

Однако 12 июня руководству СССР было доложено агентурное сообщение, говорящее о том, что неизвестно, будут ли Советскому Союзу предъявлены какие либо предварительно требования, и поэтому следует считаться с возможностьюнеожиданногоудара[404].

Это меняло ситуацию — теперь оказалось, что вполне возможно, у СССР не будет и 2–3 дней, отведенных Германией под какое-либо дипломатическое прикрытие агрессии. Нужно было предпринять решительные шаги — и 12 июня командование приграничных ВО под видом учений и изменения дислокации летних лагерей приступило к скрытому развертыванию войск вторых эшелонов округов в соответствии с планами обороны госграницы, выдвигая их вперед.

В тот же день Тимошенко и Жуков сообщили Павлову, что с 17 июня по 2 июля на территорию ЗапОВО прибудут 51 и 63 ск.

Одновременно в приграничныхокругах шла проверка отработанности действий по боевой тревоге — как уже говорилось, бойцы 6 и 42 сд с 10 по 15 июня спали не раздеваясь, вместе с ними в казармах ночевала и большая часть комсостава.

Несмотря на то что скорость выдвижения войск на запад нарастала, времени требовалось еще немало — по справке Генштаба РККА от 13 июня, к границе может быть дополнительно выделено 17 дивизий. Но на их перевозку нужно 600 эшелонов…

Время… 14 июня было опубликованосообщение ТАСС, с одной стороны — успокаивавшееНаселение запада СССР (существовала опасность его стихийного переезда на восток, что было бы истолковано разведорганамиГермании как отселение — и вторжение началось бы немедленно), с другой — хоть как-то объяснявшее немцам переброску собственных войск: «проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

ТАСС, однако, успокоило лишь тех, кто хотел успокоиться. Многие, поняв, что война начнется вот-вот, начали запасаться спичками и солью, в Бресте встали очереди за хлебом и мукой. Пошли тревожные слухи, что в городе уже идут перестрелки… Доброжелатели советовали коммунистам уехать, удивляясь, почему те еще здесь. Действительно, кто мог — отправил семьи на восток. Но бойцы и командиры частей Бреста не читали сообщений, идущих в Кремль и штабы, не общались они и с пограничниками — лишь присущее

каждому живому существу ощущение опасности заставляло в непонятной тоске сжиматься сердца многих из них.

На западе от Буга сообщение ТАСС восприняли с иронией.

Сталину и Молотову, напряженно ожидавшим реакции Берлина, она вскоре стала известна. Агенты НКГБ развеяли надежды: «…Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Счет пошел на часы.

Глава 4

«Дортмунд»

16.6.41. «Шлиффен»

Приказ дивизии о нападении одновременно с приказом по артиллерии Arko 27 отправлены ее частям, соседним дивизиям и штабу XII А.К.

Шлипер в районе Тересполя проверяет подготовку к атаке.

То, что положение более чем напряженно, подтверждает приказ XII А.К, разрешающий уничтожать зенитной артиллерией русские самолеты, открыто перелетающие границу[405]. Правда, лишь те, что безошибочно находятся над территорией Германии[406], и при любых обстоятельствах их обстреливать только над ней.

Впрочем, в штабе дивизии отмечено, что до сих пор таких перелетов не случалось.

Предупреждают о прибытии к 18.6 двух, приданных «сорок пятой» установок особой мощности (самоходных мортир «Карл» калибра 60 см, 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона).

Дивизии представляется оберст-лейтенант Шмидт[407] (курирующий 833-й тяжелый артиллерийский дивизион[408]), и лейтенант Энгельхардт, командир штурмовой группы 3-й батареи I/26 зенитно-артиллерийского полка[409], придаваемой примерно на 2 дня (в зависимости от положения) I.R.135. В состав группы Энгельхардта вошли бронированное[410] 8,8-см орудие (не на самоходном лафете[411]) унтер-офицера Клаусена, и 2-см зенитное орудие унтер-офицера Патернолы.

Задачи, поставленные I.R.135 зенитчикам:

a) Уничтожение 2 бетонных дотов, расположенных по южному краю Западного острова.

b) Защита от низколетящих самолетов переправы пехоты и наведения моста у северной пробивки Буга.

c) Защита от русских бронеобъектов (8,8-см орудие).

d) Наземный бой при разгроме цитадели (2-см орудие).

Учитывая начатое выдвижение в исходные районы, XII А.К. указано[412], что крайний срок его отмены — 18.6, кодовым сигналом «Бельфорт» (выдвижение останавливается, части встают биваком, как можно более тщательно маскируясь). Если же 21.6 после полудня выпускается кодовый сигнал «Дортмунд», то нападение, как и предусмотрено, — 22.6. Одновременно разрешается открытая отдача приказов.

И, наконец, кодовый сигнал «Альтона» — отмена нападения: допускается полная демаскировка развертывания.

Избегая любой утечки сведений, фон Вальденбург проинформировал о дне и времени нападения только командиров дивизий и корпусных частей, запретив последним как-либо распространять это. Соответственно дивизии должны довести эту информацию как можно позднее, и только в самом необходимом объеме.

22.6. к 00.45 штаб корпуса будет ждать кодового сигнала «Куффхойсер» — сообщения о выходе в исходное положение.

Кстати, с этой минуты теряют силу кодовые наименования, установленные А.О.К.4 19.4.41 для всех, с

15.4, вновь прибывающих в район армии штабов корпусов и дивизий[413]. Так «Королевский тигр» прекратил свое существование.

Штаб дивизии отдает распоряжение об организации связи[414] при нападении: приведение в готовность и сеть для наступления дивизии развиваются до 14.00 21 июня, одновременно занимаются и коммутационныепункты.

Уже начиная с 14.00 20 июня N.65 занимает коммутационныепункты 45-й дивизии и Arko 27.

Кодовые наименования частей сохраняются, вводятся и новые — «Реблаус» (мортирный дивизион Галля), «Идеалист» (батарея 833), «Реальшуле»(13/I.R.133).

Опора — на проводную связь (в пределах опасной зоны никаких однопроводных линий!). К проложенной оси корпуса дивизия примыкает самостоятельно в точках соединения (они будут заняты N.52). Следующей точкой соединения предполагается развилка дорог у предм. Киевске, 1 км восточнее Бреста, дальнейшая — Жабинка.

Использование найденных в полосе дивизии неизолированных линий связи запрещено всем частям войск связи в их полосах.

Связь по полевому телеграфу ночью с 2 до 3 ч. При исключительных переговорах она меняется на телефонную, а в остальное время ее используют, только если допускает телефонная.

Уничтожение аппаратуры связи на советской территории запрещено, что особо доводится до всех частей. Найденное ими (или передовым отрядом) оборудование для дальней связи заблаговременно берется в свои руки и охраняется. Телефонные технические документы срочно посылаются начальнику связи дивизии, особо важны карты трассировки телефонных линий на территории противника.

Радиосвязь. Для ведущих бой частей радиомолчание прекращается, однако по радио может передаваться только то своевременная передача чего другим путем невозможна. Корреспондирующие радиостанции должны отвечать этим радиостанциям, если для единичных случаев ничто другое не приказано.

Сообщения о погоде ведутся с начала нападения.

Радиовещание из О.К.Н. (А.О.К.) принимается N.65. На той же частоте передаются (и по возможности принимаются N.65), результаты авиаразведки, транслируемые радиостанциями командующих авиацией группы армий В[415], А.О.К.4, PzGr 2, А.О.К.9 радиовещательными передачами поочередно.

Опыт показал, что штабы, прослушивая это, быстрее ориентируются в движении собственных соединений (соседей и т. д.), что существенно высвобождало средства проводной связи. Поэтому прослушивание (в первую очередь собственной радиосвязи) применяется так широко.

Приказано найденные на территории противника неподвижные устройства (радиостанции и телеграф) защищать от повреждений и разрушений, прервав их эксплуатацию так, чтобы не нанести ущерба (например, удалить предохранители и радиолампы, отключить электропитание). Оставшийся на месте обслуживающий персонал задерживать. О расположении, состоянии и мощности радиостанций срочно сообщается начальнику связи дивизии. Любительские передатчики необходимо конфисковать и сохранить, известив начальника связи дивизии при заезде, найденных на территории противника почтовых голубей — убивать.

* * *

Положение у границы неизменно. Штаб «сорок пятой» уверен, что железнодорожныймост Тересполя

подготовлен к подрыву. Штаб разведки продолжает снабжать Шлипера донесениями:

a) Строительство: оживившееся, особенно ночью. По-прежнему ежедневно подрывы восточнее Речицы. Усилено строительство полевых позиций. На север и к югу от железнодорожногомоста (на берегу) удалили кусты.

Посты: их (и патрулей) сила та же. Замечено, что пограничников в карауле сменили солдаты с черными знаками различия (техническое подразделение).

c) характер водной преграды: вода непрерывно уходит.

d) железнодорожноесообщение то же…

Воздушное сообщение: в пограничном районе собственные и русские самолеты. Нарушений границы не установлено.

Ночное впечатление: никакой светомаскировки. Усилившееся строительство. Очень оживленное транспортное движение — в т. ч. незатемненныхгрузовиков на шоссе Брест — квартал казарм.

g) вражеское радиооборудование: в лесу около Гершон радиостанция с 2 мачтами, в Бресте постоянная радиоустановкана доме минимум 8 антенн (наверное, милицейскаярадиосвязь).

i) новые воинские части: ничего не установлено.

k) русская подготовка нападения: никакихпризнаков.

1) Поведение русских: у пункта 4 русских офицера наблюдают интересующие их изменения на немецком берегу (полевые позиции).

На русской башне в германскуютерриторию инструктировалсяофицер.

Больше у границы никаких скоплений. Легковой машины не наблюдалось — только посты и строительные команды.

На учебном плаце восточнее форта «Граф Берг» — обучение: владение пулеметом, бой в составе роты, атака с вклинением, офицерские соревнования по конному спорту, сопровождаемые военной музыкой.

(Изменения на отдельныхпунктах с 13.6.)

1a. До сих пор не установлено расчистки, устранения деревьев, бетонирования. Ложные сооружения?

1b. Лихорадочное строительство днем и ночью. Занято до 80 рабочих. Уже 3 дня прибывают 10–15 грузовиков в час с тележкой, груженной смесью бетона. Возможная до сих пор доставка раствора 300–500 м³. Наверное, с центральной бетонной фабрики в Бресте, т. к. на стройплощадке смесителя нет. Развитие ранее заявленной стройплощадки началось (с бетонирования) теперь и по южному краю, у дамбы. На север, к югу от стройплощадки, созданы две конвейерные ленты. 4 конных повозки привозили бревна.

2 и 3. Работы по расчистке (готовы).

4. При пункте 4–12 (уже ранее заявленных) 45-мм противотанковых орудий (моторизованных) на стоянке, частично укрыты. Непосредственно к северу от пункта 4 в разрушенном до подвального этажа доме тонкое продолговатоеокно, применимоекак полевая позиция.

…9. Непосредственно к югу от пункта 9 строительство полевых позиций.

…14. Закончен твердый слой перекрытия.

…17. Строительство полевой позиции (?) у Буга, земляные работы. К югу от стены казарм Цитадели

стоят лошади.

…25. В ночь на 15 июня освещено, по-видимому работы продолжаются и ночью.

…26. Новая стройплощадка, не затемнено. Опалубка. Строительство. Его вид из-за плохого наблюдения (мешают деревья) не установлен.

27. Не затемнено, опалубка. На естественном возвышении строительство. Направление стрельбы, наверное, на север.

28. Готовое мелкое оборонительное сооружение, хорошо скрытое дерном, с длинной амбразурой, наверное, круговая оборона.

29. Неизвестные земляные или строительные работы.

*** * ***

Кобрин. Штаб 4-й армии. По просьбе командира 28 ск генерала Попова, Сандалов вновь предложил Коробкову запросить штаб округа о выводе из Бреста в Жабинку 42 сд, что тотчас отвергли и сам Коробков, и находившийся рядом член Военного совета армии дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков. Последний заявил, что вопрос об этом ставить бесполезно, так как несколько дней назад начальник отдела политпропаганды 6 сд полковой комиссар Пименов послал в Военный совет округа письмо, прося разрешения дивизии занять оборонительные позиции, а семьям начсостава отправиться из Бреста на восток. Отказ был категорическим.

Зашел разговор и о сооружении запасных выходов из крепости, для возможности более оперативных действий по тревоге. Командарм-4 скептически отнесся и к этому предложению: требуется не только пробить толстые стены кольцевой казармы, но и построить новые мосты через каналы и крепостные рвы, наполненные водой[416]. Такая трудоемкая работа по силам лишь саперному батальону, а снять его со строительства УР никто не разрешит. Нет и взрывчатки для подрывов стен.

*** * ***

17.6.41. «Хиринген»

В первой половине дня проходит совещание командиров полков и отдельных батальонов, где майор Деттмер докладывает о плане по размещению в исходное положение. Детальное выполнение соответствующего приказа особенно трудно:

1) Полоса боя очень тесна, возможности занятия исходного положения у Тересполя ограничены из-за участков сильно заболоченной территории, в основном просматриваемой врагом.

2) Передвижения проводятся на улицах (Бяла-Подляска, Тересполь). Согласно же приказу XII А.К., на восток от Залесья можно маршировать только ночью.

Поэтому выдвижение основных сил можно произвести только в ночь нападения (самую короткую в году). Все это необходимо для сохранения неожиданности вплоть до нападения, что подчеркивается и начальником Генерального штаба сухопутных войск.

При обсуждении затрагивается и указ фюрера от 13 мая[417] (о деятельности военного суда и особых мероприятиях, проводимых войсками). Указано на особо вытекающую из этого ответственность командиров.

К окончанию обсуждения Шлипер прощается с командирами частей, если он не сможет больше

встретиться с ними перед нападением.

…Собственно говоря, к какой войне готовились «земляки фюрера»?

В противоположность военным, политическое руководство видело (или, по крайней мере, декларировало войскам) ее иначе — освобождение России от большевизма, а Европы — от вековечной «русской опасности». Соответственно возникла необходимость и освобождать территорию от носителей — сначала большевизма, а далее «опасности».

Сухопутные войска Германии, частью которых и была 45-я дивизия, не могли остаться в стороне.

5 июня командующий сухопутными войсками вермахта фон Браухич издал указания об обращении с политическими комиссарами: «В борьбе с большевизмом нельзя рассчитывать на соблюдение врагом принципов человечности или международного права. Следует ожидать, особенно со стороны политических комиссаров всех рангов как носителей сопротивления, зверское, жестокое, бесчеловечное отношение с нашими военнопленными.

Войска должны сознавать:

В этой борьбе пощада и основанное на принципах международного права снисхождение в отношении этих элементов являются ошибочными действиями. Они вредны для собственной безопасности и для быстрого умиротворения захваченных областей.

Зачинщиками варварских азиатских мер борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них необходимо действовать со всей строгостью, немедленно и без рассуждений. Отсюда вытекает, что если они будут схвачены в бою или при оказании сопротивления, то, как правило, их необходимо немедленно уничтожать, применяя оружие.

…С политическими комиссарами, противящимися нашим войскам, необходимо обращаться в соответствии с требованиями „Приказа о функциях судов военного трибунала на территории операции „Барбаросса““… Их следует немедленно, то есть еще на поле боя, отделять от других военнопленных… После того как они отделены, их необходимо уничтожать.

…Политических комиссаров, не проявляющих враждебных действий и не заподозренных в них, вначале не следует трогать».

Как уже можно отметить, благодаря широкому потоку литературы «оттуда» рядовые или офицеры вермахта обходят молчанием этот вопрос (имеются в виду именно комиссары и коммунисты — что касается «простых» советских военнопленных, то, как правило, выражается горячее сочувствие их трудной судьбе). Мемуары солдат 45-й дивизии — не исключение. Что ж, возможность обойти этот вопрос у них имелась — по крайней мере, общество и не ждало ответа или двухтомника воспоминаний «как я убивал коммунистов и комиссаров». Иное дело — командование армий и выше, в своих «воспоминаниях солдат» не имевшее возможности смолчать.

Командующий PzGr 2 генерал Гудериан свидетельствует[418], что незадолго до войны ОКВ направило прямой приказ всем корпусам и дивизиям об обращении с населением и военнопленными в России[419] — о том, что неправомерные действия против них не влекут передачу виновного в этом немецкого солдата под трибунал, а рассматриваются лишь его непосредственным командиром на предмет дисциплинарного взыскания. Этот приказ оказал однозначно разлагающее воздействие на дисциплину в войсках[420]. По словам Гудериана, командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич и сам это понимал, потому что в приложении к приказу, им подписанному, оговаривалось, что при проблемах с дисциплиной в войсках он теряет силу. Решив, что уже сам факт его опубликования приведет к таким проблемам, Гудериан запретил его передачу в дивизии[421], приказав вернуть документ в Берлин.

Поэтому в PzGr 2 этот приказ, «сыгравший впоследствии важную роль на послевоенных судилищах над немецкими генералами, никогда не принимался к исполнению. Как и положено, о своем решении я своевременно известил фон Бока. Не менее известный „приказ о комиссарах“ моя танковая группа даже и не получала. Наверняка его завернули еще на уровне командования группы армий „Центр“. Соответственно „Приказ о комиссарах“ в моих частях тоже не выполнялся».

Оценивая спустя 10 лет события, Гудериан пишет: «Неважно, подписывала ли Россия Гаагское соглашение, присоединялась или нет к Женевской конвенции, немецкие солдаты должны были соблюдать свои международные обязательства и вести себя в соответствии с христианскими законами. Война и без таких приказов является жестоким испытанием для народа воюющей страны, а вины мирных жителей России в этой войне не было, как и вины мирных жителей Германии»[422].

Более объективное свидетельство ситуации в Группе армий «Центр» — дневник ее командующего, Федора фон Бока, ведшийся им непосредственно в то время[423].

В июньские дни (запись от 4.6.41) фон Бок считал, что приказ об особой подсудности «фактически дает право любому солдату пристрелить любого гражданского, „похожего“ или „кажущегося похожим“ на партизана: теперь военнослужащие не отвечают за подобное, даже если при других условиях оно может квалифицироваться как военное преступление. Браухич издал к нему сопроводительный документ, намереваясь ослабить категоричность некоторых формулировок, но, как мне кажется, не слишком в этом преуспел. Одновременно с постановлением пришла телеграмма с инструкциями придержать распространение приказа в войсках вплоть до получения „специальных разъяснений“[424]. Я попросил Грейффенберга[425], находящегося в это время в ОКВ, выяснить, сильно ли изменяют эти „специальные разъяснения“ смысл приказа. Если нет, Грейффенберг должен от моего имени заявить Главнокомандующему, что приказ в его нынешней форме неприемлем и несовместим с воинской дисциплиной».

5 июня так и не получивший никакого ответа на свой «демарш» от 4 июня фон Бок позвонил Браухичу и предложил форму приказа, наиболее понятную офицерам и приемлемую для армии. «Через час Браухич перезвонил мне и сказал, что все, о чем я хлопочу, можно найти в тексте приказа и что его надо толковать именно так, как я предлагаю. Это означало, что полевым войскам все-таки позволяется наказывать население! Что же касается офицеров из военно-полевых судов, то им в каждом конкретном случае придется решать, содержат ли подобные действия состав преступления или нет. Вопрос поддержания дисциплины играет в принятии решения определяющую роль. Что ж, с такой трактовкой приказа я согласен!»[426]

Судя по всему, после согласия фон Бока приказ и был передан в войска. Что касается особой ответственности командиров, то она действительно становилась достаточно высокой — теперь без прений сторон они должны были быстро решить — уж не находится ли перед ними столь опасный комиссар? И, привыкнув выполнять приказы, выполнить и этот…

Однако основным документом, регулирующим поведение войск, идеологическим ориентиром стали «Директивы для поведения войск в России»[427], распространявшиеся до рот включительно. Именно они, вероятно, и были основой для политической обработки рядовых солдат в дивизии:

«1) Большевизм — смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Борьба Германии ведется против этого вредного мировоззрения и его носителей.

2) Эта борьба требует не считающихся ни с чем и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев, и полного устранения любого активного или пассивного сопротивления.

3) По отношению ко всем военнослужащим Красной Армии — в том числе пленным — необходимо проявлять осторожность и самую тщательную бдительность, считаясь с их коварством при ведении войны. Особенно скрытны, непредсказуемы, коварны и бесчувственны азиатские солдаты Красной Армии.

4) При пленении воинских подразделений нужно сразу отделять командиров от рядовых солдат.

5) Немецкий солдат вступает в Союз Советских Социалистических Республик (U.d.SSR.), не имеющий однородного населения. СССР — это государственное образование, объединившее множество славянских, кавказских и азиатских народов и силой удерживаемое большевистскими властителями. В СССР сильно развит иудаизм.

6) Большая часть русского населения, особенно обедненное большевистской системой сельское население, недоброжелательно к большевизму, внутренне противостоя ему. В небольшевистском русском человеке национальное самосознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность при освобождении от большевизма часто будет выражаться в церковной форме. Не нужно предотвращать или мешать благодарственным молебнам и процессиям.

7) В беседах с населением и в поведении по отношению к женщинам приказана самая большая осторожность. Много русских понимают немецкий язык, не говоря об этом.

В занятой области, особенно на предприятиях, будет действовать вражеская разведка, стремясь получать сообщения о важном военном оборудовании и мероприятиях. Поэтому любые проявления необдуманности, тщеславия и доверчивости могут иметь самые тяжелые последствия.

8) Любое имущество, взятое у хозяев на основе расписок, и военные трофеи, в частности продукты и корма, горючее и предметы одежды нужно беречь и охранять. Каждая растрата и расточительство вредит подразделению, грабежи по военно-уголовным законам влекут за собой самые тяжелые наказания.

9) Осторожность при использовании захваченных продуктов!

Разрешается пользоваться только кипяченой водой (тиф, холера). Каждое соприкосновение с населением влечет гигиенические опасности. Защита собственного здоровья — солдатская обязанность.

10) Существует обязательство по приему банковских билетов германских кредитных касс и монет, а также для немецких разменных монет стоимостью в 1 или 2 пфеннига, а также 12,5 и 10 имперским пфеннигам или пятипфенниговым. Другие немецкие деньги расходовать нельзя».

Обращение с военнопленными в «сорок пятой» регулировалось и на основе «особых распоряжений по снабжению» отдела тыла (см. ниже) и указаниями штаба PzGr2[428].

Пункты сбора военнопленных предусматривались на востоке Тересполя и юго-восточнее — у бункера[429] на развилке дорог в 1500 м от него. Туда, под достаточной охраной, намечен привод их подразделениями, далее передавая (45-м полевым запасным батальоном) к месту приемки пленных Лехуты — Лобачува. Пункт сбора военнопленных запланировали и на Центральном острове. Предписывалось, чтобы их колонны не использовали пути подвоза и магистрали, а офицеры и политкомиссары отделялись бы от рядовых солдат. Спланировано выделение пленным необходимого транспорта, походных кухонь, санитарного материала, палаток, кухонной посуды, походных фляг, противогазов. Отмечено, что их непокорность резко пресекается, а добросовестный труд, напротив, вознаграждается достаточным питанием и хорошим обеспечением. Дивизией намечено формирование из военнопленных роты для инженерных работ.

Во второй половине дня Шлипер встречается в Тересполе с главнокомандующим 4-й армией, генерал-фельдмаршалом фон Клюге, и докладывает ему о подготовке к нападению.

Днем в части идет приказ о выходе в исходное положение.

Отделом тыла издаются «особые распоряжения по снабжению»[430] к приказу дивизии для перехода Буга и практически полностью его дублирующие «указания для частей снабжения».

В качестве пути подвоза отдел тыла определяет шоссе Бяла-Подляска — Тересполь.

«Станция разгрузки для подвозимого довольствия: Бяла-Подляска, там же при складе материально-технического имущества (МТИ) дивизии находится остаточная команда и команда связи с задачей забрать, например, причитающиеся товары от вокзала, положить на хранение на складе МТИ и охранять вплоть до приезда подразделения.

a) Снабжение боеприпасами ведет дивизионный артиллерийский обменный пункт Гукебайн в надлесничестве Хотылув в 1500 м западнее от западного въезда в Вульку Добрыньска. Выдача боеприпаса — только по письменному указанию Ib дивизии (WuG).

b) Вывоз боеприпасов с баз на огневые позиции разрешается с вечера 19.6. Из хранимого боеприпаса на огневой налет выделяется столько, чтобы полки переходили Буг с полным 1 боекомплектом. Сначала он дополняется по возможности из запасов, оставшихся на базах и вывезенных на огневые позиции. Например, об оставшихся боеприпасах нужно срочно сообщать Ib дивизии (WuG) с точным указанием места.

c) Стреляные гильзы и тару нужно брать с собой колоннами, возвращающимися пустыми, и отдавать дивизионному артиллерийскому обменному пункту. При невозможности этого они кладутся собранными на улицах, с указанием места в Ib/WuG дивизии.

d) Однократное ежедневное донесение о расходе боеприпасов: в 16.00 ч. Помимо этого (независимо от ежедневных донесений об их наличии) в Ib/WuG дивизии дать однократное донесение об их расходе (на 12.00[431]).

3. Административно-хозяйственная служба:

a) V.A.45 Залесье. Первое получение продовольствия в B+1 день (без корма).

b) В день „B“ потребление текущей доли продовольствия. В B+1 день потребление 1 полевой доли. Следующие полевые доли расходуются только при отсутствии иного продовольствия.

c) Части снабжены зерном и грубым кормом до конца месяца. Корм хранится по возможности силами части на предназначенных местах, охраняется и при продвижении подвозится заново.

d) Осторожность с найденными запасами продовольствия! Всегда необходимо разрешение на их потребление от военного врача или соответственно ветеринара части после изучения ими найденных запасов.

...4. Санитарная служба:

a) H.V.P1.: Малашевичи Мале начиная с 14.0021.6.

b) I.R.130 и 135 выделяются по 2 санитарных автомашины.

...d) Полевой госпиталь: Хорбув начиная с 21.6.

e) Предусмотренные армейские учреждения:

Резервные военные госпитали в Бяла-Подляске и Miedzyrzec.

Гигиенически-бактериологический и химический пункт обследования в Седльце.

Временные устройства обеззараживания подразделений в Бяла-Подляске и Седльце.

Эвакопункт в Брест-Литовске.

f-g) Кипятильник-титан военного образца, как и санитарное оборудование, требовать в IVb дивизии. Туда же сообщать (с точным указанием места) о захваченном (после его использования по безотлагательному собственному требованию и взятия под охрану).

5. Ветеринарная служба:

a) Vet.Кр.45 — в Клоде Мала (15 км на восток от Бяла-Подляски).

b) Место обеззараживания лошадей — в Малашевичах (7 км к юго-западу от Тересполя).

c) Группа обеззараживания лошадей ветеринарной роты: действия при потере большого количества отравленных газами лошадей на месте по требованию ветеринарной службы или ветеринарной роты дивизии.

…i) Звериные эпидемии: повышенное внимание к сибирской язве, сапу, пироплазмозу, бешенству, чесотке. Трупы скота разрешено сразу закапывать местным жителям, пленным. В водоемы не бросать.

5. Автотранспорт:

a) Заправка горючим: Хорбув.

b) Бензоколонка для отдельного транспорта: Малашевичи Вельки.

…d) Буксировочная служба у бензоколонки для отдельного транспорта в Малашевичах Вельки.

e) Первая заправка горючим полностью должна иметься при себе подразделением при наступлении. Дата восстановления указывается дополнительно.

f) Пустые бочки из-под горючего обязательно подвозить в числе, выдаваемом при заправке.

7. Снабжение и хранение имущества:

a) Пункты сбора технического имущества и трофеев в дивизионном артиллерийском обменном пункте Гукебайна.

b) полевые колодцы-37 (в лесном лагере) перед наступлением расширяются или соответственно используются по частям.

9. Обозы:

Продовольственные и вещевые обозы ведутся дивизией не обособленно, а сводятся и ведутся офицерами средствами полка. (Трудности из-за сильно занятых улиц.) Полки ориентируются на то, чтобы по команде Ib дивизии в кратчайшее время разгружать вещевые обозы, оставляя кузов для продовольствия.

10. Полевая почта:

a) Прием и выдача при V.A.45 Залесья.

Полевая почтовая контора 45: Бяла-Подляска.

b) Из-за трудностей с подвозом и дальних расстояний рассчитывать на длительную доставку полевой почты.

9. КП отдела тыла: с 21.6. 14.00 в восточной части надлесничества Хотылув 500 м к югу от западного въезда в Вульку Добрыньска».

Следующий КП, отдел тыла, как и группа управления, надеялся расположить на Южном острове.

А.О.К. 4 высказаны пожелания[432] о первостепенных задачах ВВС, действующих в ее полосе:

1) Поддержка PzGr2 легкой боевой авиацией частей II авиакорпуса по укреплениям на возвышенности

Колодно в непосредственном взаимодействии между собой.

2) Преодоление вражеской авиации главными силами II авиакорпуса (тяжелые соединения), при этом нападения на узловые пункты дорожных сообщений и штабы.

3) Преодоление моторизованных сил у Белостока легкой боевой мощью VIII авиакорпуса.

Авиаудары по укреплениям непосредственно у границы, лежащим в зоне досягаемости артиллерии, что, кстати, подтверждают приказы дивизии и корпуса, видимо, не планировались.

Все подразделения извещаются о том[433], что нижние стороны несущих поверхностей самолетов действующих частей люфтваффе помимо эмблемы помечены ярко-желтой окраской до 1/3 от конца несущих поверхностей, а половина корпуса получает ярко-желтое кольцо 1/2 метра шириной.

Но окраска потребует времени, так что пока они летают без нее.

Штаб дивизии распорядился[434] о выходе с 18.6.41 в окончательное исходное положение, в пределах ее тактических границ.

При выдвижении, проводимом максимально скрытно, небольшими группами, запрещены привалы, избегая срыва точно согласованных маршей. Предупреждается, что в районах выхода придется мириться с теснотой и при этом стараться, чтобы русские ничего не заметили.

Указанные в приказе дивизии о нападении пулеметные роты I.R.133 (приданные 130 и 135-му пехотным полкам) подвозятся во взаимодействии с 1/I.R.135 и 1/I.R.130 в их нынешнее расположение (для совместного выдвижения).

К полудню 21.6 Pz.Jg.Abt 45 подвозит саперное отделение A.A.45, присоединяя к приданной I.R.130 роте Pz.Jg.Abt 45, придаваемой ему вместе с саперными отделениями Pz.Jg.Abt 45 и A.A.45 с 0.00 час. 22.6. Их придание I.R.130 непосредственно из исходного района Pz.Jg.Abt 45 (Вулька Добрыньска).

19 или 20 июня 14/I.R.130 и 14/I.R.135 разбираются полками.

20.6 N.65 приказано внести необходимый для дальнейшей прокладки материал на коммутационные пункты и предусмотреть его подвоз для продвижения придаваемых полкам подразделений связистов, после часа X 22.6.

Огнеметы и надувные лодки, приданные I.R.130 и I.R.135, уже подвозятся им Pi.81. Подача приданных им саперных рот и штурмовых лодок, если еще не произошла, регулируется с командиром Pi.81. Распределение малых огнеметов (исправляя приложение № 1 к дивизионному приказу о переходе Буга) таково: I.R.130 — 4, I.R.135 — 8 огнеметов.

Не нужный пока полкам транспорт боевого обоза и грузы как можно ранее отводятся в исходные районы. Возвращение передков в места расположения средств тяги — после 0.00. 22 июня.

Выход в исходное положение планируется закончить до 00.00 22.6, о чем к 00.15 22.6 сообщить в штаб дивизии кодовым сигналом «Куффхойсер».

Начиная с 14.00, 21 июня занять все КП.

Особо приказывается выделение офицеров и органов связи. Отправку офицера связи на КП корпуса (с 14.00 21.6, в форту[435] в 600 м к юго-западу южной окраины Корощина) I.R.13 3 организует самостоятельно.

* * *

10 июня в Калинковичском пехотном училище[436] прошел выпуск командиров взводов. Среди тех,

кто получил звание лейтенанта[437] — Александр Махнач. 15 июня их взвод в полном составе (кроме двух человек) получил назначение в 42 сд (г. Береза-Картузская). Но, приехав на следующий день в штаб 4-й армии (Кобрин), молодые лейтенанты узнали, что 42-я дивизия уже в Бресте.

Туда в ночь на 17 июня они и прибыли. В тот же день, скрипя новенькими ремнями портупей, побывали на приеме в штабе 455 сп. Именно в его составе многим из них и предстояло служить. «Нас принял начштаба, старший лейтенант[438]..., который сообщил нам о том, что мы должны нести славные традиции дивизии (42), которая участвовала в финской кампании, что в дивизии есть много награжденных правительственными наградами, в том числе комбат моего батальона ст. л-т Панкратов. Он награжден был орденом Красного Знамени и медалью „За отвагу". В нашей дивизии, это узнал я от начштаба, есть один Герой Советского Союза.

Нас предупредили в штабе дивизии, что в подразделениях есть много узбеков, таджиков, грузин и т. п., которые, придерживаясь своих обычаев, нарушают дисциплину (к которым отнести надо: бросали ложку во время обеда, а кушали пальцами кашу)»[439].

* * *

18.6.41. «Кайт»

Вальтер Шрот лично связывается с командирами 130 и 135-го пехотных полков.

Деттмер выезжает в Тересполь, преимущественно для проверки поступающих оттуда слухов, о начавшемся исходе беженцев на запад. Оказалось, командир Nbw.Rgt.z.b.V.4, заботясь о достаточной маскировке проекта, выселил часть тереспольцев, скрывая от них огневые позиции реактивных установок. Столь широкое выселение не соответствовало указанию Шлипера освободить только те отдельно расположенные усадьбы, что нельзя достаточно охранять.

Для снабжения боеприпасами позиций реактивных установок в порядке трудовой повинности назначаются 200 рядовых 130 и 135-го пехотных полков.

В этот день в сообщении штабу XII А.К. дивизия ее командованием характеризуется так: вполне боеготовая и справляющаяся с поставленными задачами. Однако низка обеспеченность автомобильными шинами и ощущается недостаток свежих овощей, грубого корма и снижение мясной доли.

О появлении «продовольственной проблемы», хотя и в легкой форме, свидетельствует и фон Бок, в эти дни инспектирующий 4-ю армию, посещая в том числе и XII А.К.: «Везде, где я только не бывал, войска производили на меня приятное впечатление: у военнослужащих цветущий и жизнерадостный вид. Когда я спрашивал солдат, довольны ли они своим рационом, ответ везде был один: „Рацион хороший, но мог бы быть еще лучше!"»[440]

Штабу XII А.К. сообщается о результате испытаний Flossackhosen. Оказалось, что из-за малой скорости при форсировании рек с течением они только ограничивают переправу[441] и, несмотря на ряд преимуществ (легкий вес и удобство транспортировки), при переправе через широкую реку с берегом, занятым противником, приведут, скорее всего, к тяжелым потерям. Причина — незначительная скорость и сильный отгон в проточной воде. Однако, переправившись через большой поток, Flossackhosen можно использовать для переправы через последующие малые водоемы, но только вне заболоченной территории, где носящий его будет поражен быстрее, чем другие. Кроме того, Flossackhosen могут использоваться только теми солдатами, кто применял их ранее.

Вечером сообщение от Масуха — во дворе казармы в Бресте красноармейцы набивали надувные лодки (соломой или сеном)[442], о чем 19.6 извещается штаб XII А.К., подчеркивая, что подготовки

русскими нападения в этом не усмотрено.

Наконец-то корпус после поиска и резервов и подручных средств решает выделить 45-й дивизии необходимое количество надувных лодок[443]. 10 штурмовых лодок с экипажами передает 34-я дивизия, кроме того, выделены малые надувные лодки (Pi.Btl.215 — 12, Pi.Btl.750 — 4), и для Pi.Btl.81 большие надувные лодки (Pi.Btl.215 — 4, Pi.Btl — 4). Ну и, наконец, Pi.Btl.215 отдает батальону Масуха 6 малых огнеметов с расчетами[444].

Однако вновь подтверждается придание дивизии «в нагрузку» и бронепоезда № 27. Поэтому все же по решению штаба группы армий она обязана поставить на бронепоезд пехотную команду, даже несмотря на то что сначала тот идет на Ковель для установки связи с атакующимитам силами[445].

В ночь на 19 июня прибывает первый эшелон «матчасти 040»: специальные краны (для приведения в боевое положение 60-см установок), боеприпасы, гусеничный тягач. Этой же ночью все это выгружается в Тересполе. Кран установлен.

Начинают занимать огневые позиции зенитные батареи в полосе Гродно — Львов до рубежа Минск, Новоград-Волынский. Значительная часть батарей Западного Особого военного округа находится на учебных стрельбах в лагере «Крупки».

19.6.41. «Эммих»

Первые проблемы с «Карлами»: задержался эшелон с орудиями — один из встречных, идущих из Тересполя локомотивов срывается с рельсов и повреждает рельсовый путь. Восстановление (заново укладываярельсы с двойным количеством шпал) закончили лишь к вечеру.

Саперы считают, что поставка средств форсирования — еще не решенная проблема. Хотя лодки и предоставлены, но выдача тем не менее ведет к легкообъяснимымтрениям. Понятно — несмотря на то что штабом корпуса, частям, расставшимся со столь ценным, накануне операции средством обещано возмещение, рассчитывать на него сведущим в ситуации людям было трудно.

Командиры приданных дивизии бронепоездов № 27 и № 28, обер-лейтенанты Рудольф Опитц и Эдуард Сееле вновь встречаются с ее командованием из-за обсуждаемого Шлипером и Шротом выделения для них пехоты «сорок пятой»… По сообщению Опитца и Сееле транспортными службами подход бронепоездов спланирован так, что 21.6.41 (в 22.08) они должны прибыть на вокзал Малашевичи. Однако ситуация складывается, как и ожидалось — бронепоезда становятся обузой. Во-первых, на их участие в операции надеяться все более бессмысленно[446]. Помимо значительныхнедостатков в матчасти и транспортном оборудовании, что, вероятно, еще устранимо до дня В, они к тому же совершенно лишены и немецкого, и французского боекомплекта. (Последний обещали отправить 11.6 из Парижа. Можно ли еще рассчитывать на его своевременное прибытие? Сомнительно…)

Кроме того, бронирование локомотивов и спуск ширококолейныхвагонов на железнодорожныепути с русской шириной только по имеющимсядо сих пор теоретическим расчетам займет 6 ч. Однако и Сееле и Опитц единогласно рассчитывают на 12 ч. (самый минимум). Эта работа никогда не проводилась, да и технических вспомогательныхсредств у бронепоездов для нее недостаточно[447].

Однако второе (главное) обстоятельство, делающее бронепоезда обузой, — это выделение им пехоты. Согласно обоим командирам, каждому бронепоезду необходимы по 4 пехотных отделения, включая пулеметное. Учитывая выделение дивизией пехотного полка в резерв корпуса и предстоящие ей задачи, а также предельно сомнительное применение бронепоездов, дивизия не может дать им 8 отделений из остающихся у нее двух пехотных полков. Логично выделить пехоту из предусмотренного в резерв корпуса I.R.133, и то лишь если бронепоезда своевременно подготовят к действиям.

В общем, после беседы с ними штабу XII А.К. сообщается, что дивизия больше не рассчитывает на бронепоезда на первом этапе боя.

В этот же день командиры бронепоездов посетили и штаб корпуса. И там Опитц и Сееле честно заявили о готовности к применению не ранее полудня 22.6.

Дивизии представляется таможенный комиссар Тересполя, гауптман Рессель[448], по приказу 12 А.К. подчиняемый ей в В-день, с 0.00 ч[449]. Ему приказано под руководством штабного офицера для контроля марша гауптмана Вацека в В-день (до 2.45) подготовить ограждение на нескольких участках границы. Ресселю помимо подчиненных ему таможенных сил придаются: наряд полиции Тересполя под руководством лейтенанта Волффа с 19 рядовыми и 100 солдат 45-го полевого запасного батальона. Задача — использовать выделенные силы так, чтобы предполагаемое бегство приграничного населения абсолютно не помешало бы передвижениям войск.

Нужно так заблокировать населенные пункты в полосе дивизии — Тересполь, Блоткув, Блоткув Малы и Полятыче, чтобы население не смогло покинуть дома, а убегающие перехватывались и охранялись, собранные в предназначенной для этого усадьбе. Особо в любом случае нужно предотвращать любое передвижение повозок и перегон скота.

…Фон Кришер, учитывая, что 4-му полку химических минометов, скорее всего, выделят боеприпасов менее чем обещано, обращается к Arko 112 (командование артиллерии 31-й дивизии) и Arko 148 (командование артиллерии 34-й дивизии).

Его просьба к соседям — это изменение плана огня их мортирных дивизионов в период от X до (X+5 мин.). В это время фон Кришер просит Arko 112 положить огонь 2 батарей на Западный и одной — на Восточный форты, а Arko 148 — распределить огонь на Центральном острове[450].

Наблюдатели вдоль Буга готовятся свернуть свою работу. Последняя информация от них:

a) Оживленное строительство. Ежедневные подрывы на:

1) Строго на восток от Речицы (между ней и железнодорожной линией). На аэродроме еще никаких подрывов не фиксировалось.

2) К югу от форта «Граф Берг» (на русском учебном плацу).

Дальнейшее усиленное строительство полевых позиций и расчистка берега у железнодорожного моста от травы и кустов.

16.6 между 23.00 и 24.00 русская железнодорожная насыпь у железнодорожного моста освещалась прожекторами, чей выключатель — в ящичке в первой левой мачте у железнодорожной насыпи.

Сильные рабочие шумы между Цитаделью и железнодорожным мостом (наблюдением не проникнуть).

a) Посты: их (и патрулей) сила та же.

b) Характер водной преграды: вода непрерывно уходит. В общем, паводок вернулся до установленной на карте старицы. Земля частично еще очень мягкая…

c) Железнодорожное сообщение: неизменно…

Воздушное сообщение: повышенная воздушная активность. При каждом приближении немецкого самолета в воздух сразу поднимаются русские истребители.

Ночное впечатление: Никакого затемнения. Продолжается сильное строительство, очень оживленное транспортное движение. Выделяющиеся огни на русской стороне, горящие всю ночь.

Вражеские объекты связи: двухпроводная линия от железнодорожного моста до северной русской наблюдательной вышки.

h) Население: установлены женщины — водители грузовиков.

…k) Подготовка русского нападения: 18.6 12.00 наблюдались русские солдаты, набивающие соломой надувные лодки. Безошибочность наблюдения подтверждает большая полностью набитая надувная лодка, поднятая на стоящий там брус[451]. Обнаружены 2 типа лодок: 1) величиной с немецкую большую надувную лодку. Емкость от 8 до 10 мужчин. В камерах видны петли. Маскировочная окраска в основном сине-зеленая. 2) надувные лодки в форме байдарки. Впереди и позади заостренные, шириной примерно от 70 до 80 см, без люков в середине, используются верхом. Цвет, как и у типа 1. В целом наблюдалось от 20 до 25 надувных лодок, из них примерно от 5 до 10 больших, остальные малые.

1) Поведение русских: русские посты заметно нервничают.

Наблюдаемое обучение на учебном плацу у «Графа Берга». Упражнения с тяжелыми минометами, орудиями, проведение учебных стрельб из винтовки и легкого пулемета.

Изменения на отдельных объектах с 16.6:

1a лучше затемнено. 16.6 окончание работы с деревом. 17.6 начало бетонирования, приезд от 10 до 15 самосвалов в час с вмонтированными бетономешалками. Ленточные конвейеры от 1b теперь задействованы у 1a. Днем и ночью лихорадочное строительство.

1b Окончание бетонирования 10.30, 17.6. С тех пор — уборка мусора.

…6. Малярные работы. Маскировка.

…17. На берегу — 6 моторных лодок.

…30. Новое большое заграждение из досок. Полевая железная дорога от стройплощадки к предм. Волынка. Вид и ход работ неизвестны. Направление стрельбы, вероятно, северо-запад.

Происходит очистка от деревьев на западе от шоссе цитадель — Котельня (чего ранее не было).

31. Мелкое, отлично скрытое, оборонительное сооружение (возможно, и ложное сооружение).

32. Новая стройплощадка с еще не полностью сооруженной опалубкой. Сильное автомобильное движение. Направление стрельбы, наверное, юг и юго-запад.

33. Желтый дом с красной крышей — с 16.6 постоянный НП (пограничные войска).

Непосредственно на шоссе у разрушенного моста убежище с деревянным перекрытием и окопным перископом.

В штабе корпуса свои проблемы — прибыли последние еще недостающие части, батарея привязных аэростатов и переправочно-мостовой парк 1/41, оказавшийся без надувных и штурмовых лодок. Поэтому их распределение пришлось регулировать заново.

Так как в штате дивизий — только крайне необходимое саперное оборудование, штаб корпуса просит о поддержке армией. Вечером оттуда сообщено, что 5 штурмовых лодок и 24 больших надувных лодки подвезут XII A.K. по воздуху. Дата еще неизвестна. Кроме того, по существующему плану огня XXXXVII танкового корпуса видно, что запланированное нападение пикирующих бомбардировщиков на группу дотов по обе стороны Шумаков отменяется. Она берется только в Y+70 мин. под огнем. Это неприемлемо для атакующей на левом фланге 31 I.D., окружаемой, сильно поднимающейся, высотой 157.

Поэтому штаб корпуса просит PzGr2, поручить XXXXVII танковому корпусу взять группу дотов у Шумаков с Y+10 минут при беспокоящем огне или ослеплении ее дымами.

Поздно вечером пришел эшелон с 60-см орудиями — 2 батареи 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона. Так как речь идет о новом, еще полностью не испытанном вооружении, оберст-лейтенанту Шмидту не удается привести их в боевое положение: при установке второго орудия вышел из строя кран (порвалась цепь, сломался редуктор).

Срочно докладываетсяв штаб армии.

* * *

Брест. Расширенный пленум областного комитета ВКП(б), в зале — много армейских политработников. Выступая, первый секретарь обкома Тупицын подчеркнул напряженность международной обстановки и возросшую угрозу войны. Призвав к повышению бдительности, он одновременно потребовал не вести об этом открытых разговоров и не проводить каких-либо крупных мероприятий,что заметило бы население. На вопросы участников пленума об отправке семей из Бреста на восток Тупицын ответил, что этого не следует делать, чтобы не вызвать нежелательныхнастроений.

До 19 июня командование приграничных округов получило указание к 22–23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые командные пункты[452]. 4-я армия расположение штаба так и не сменила. Получила ли она указание — неизвестно.

В Москве усиливается тревожное настроение — из Белоруссии идет все более недвусмысленная информация… Из спецсообщения НКГБ БССР в НКГБ СССР о военных приготовлениях Германии к войне против СССР от 19.06.41: «1. На расстоянии 400 м от дороги Корощин — Непли в лесу немцы сооружают блиндажи, перед ними в 100 и 200 м от дороги построены наблюдательные пункты. На строительство укреплений берут готовый материал, заготовленный крестьянами для постройки жилых домов. В Тересполе и окрестностях подготовлены автомашины, в них и фашины (из палок, связанных проволокой), предназначенныедля проезда по болотам и пескам. 2…(По обе стороны приграничной ж/д линии сделаны блиндажи и прорыты траншеи для стрельбы стоя.)

…Все население Варшавы говорит о предстоящем в ближайшие дни вступлении Германии в войну с СССР. В узком кругу среди варшавской профессуры упорно говорят, что экономическое положение Германии безвыходное, население и даже армия голодают. Германия ищет выход в войне с СССР, оправдывая ее лозунгом „Война — за хлеб“, иначе в ближайшее время в Германии может вспыхнуть революция.

(Агент) по пути к границе в брестском направлении лично наблюдал большое скопление войск; в Тересполе — две пехотные дивизии, прибывшие из Австрии[453].

Солдаты, в особенности та часть, которая участвовала в испанской войне, в проводимую агитацию не верят и выражают антивоенные и антифашистские настроения. Между солдатами ведется обсуждение результатов военных действий, базой недовольства являются частая бомбардировка немецких городов и гибель членов их семей. Имеются частые случаи неповиновения солдат офицерам, симуляции, дезертирства»[454].

Под влиянием подобных сообщений командованием РККА отдан приказ приграничным округам о маскировке аэродромов, войсковых частей и важных объектов округов. Отмечено, что в этом направлении для важнейшихвоенных объектов до сих пор ничего существенного не сделано.

Напоминается, что скученное и линейное расположение парков артиллерийских и мотомеханизированныхчастей — не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Приграничным округам приказано провести маскировку складов, мастерских, парков и к 15

июля обеспечить их полную ненаблюдаемостьс воздуха.

Ни наблюдателями 45-й дивизии, ни участниками брестских боев не говорится о каком-либо усилении маскировки в последние предвоенные дни. Артпарки 333 и 84-го полков, и других частей продолжали стоять в сотнях метров от границы[455]. Разводы караулов — под внимательнымивзглядами из стереотруб. Бресту оставалось надеяться только на ивняк да поросшие высокой травой валы.

*** * ***

20.6.41. «Линсинген»

Утром офицер 833-го дивизиона на самолете, предоставленном A.O.K.4, вылетает на завод — производитель кранов (Ardelt в Эберсвальде). Тем временем до полудня первое, удачно разгруженное орудие удается привести в боевое положение. Вечером из Эберсвальде возвращается офицер со специалистом и необходимыми для ремонта частями. Перепробовав несколько вариантов решения проблемы, общими усилиями вышли из тяжелого положения[456].

Частям и подразделениям (до рот) уходит приказ о регулировании дорожного движения. При обработке его основания (приказа штаба XII A.K.) с уже установленной последовательностью движения выявляется, что разработанный им порядок может значительно помешать боевым и походным передвижениямдивизии. В обсуждении с корпусным офицером для контроля марша потребовано, чтобы при сражении только дивизия определяла временную срочность проходящихмостом соединений.

Для того чтобы понять, какие объемы должны были за считаное время переварить переправы у Бреста, в качестве примера можно привести вопрос о присоединении подразделений оперативной военной авиации к порядку следования Pz.Gr.2[457].

В районе 31 I.D. у Брест-Литовска должен был переходить маршевый эшелон-1 12-го полка службы связи ВВС, а остальные его части распределялись в порядок следования Pz.Gr.2 на магистрали № 2.

Так вот, маршевый эшелон-1 12-го полка службы связи ВВС — это 342 легковых и грузовых автомашины (длина походной колонны при 20 км/ч около 9 км). Его задача — достигнуть перекрестка на магистрали № 2 в 15 км к северо-востоку от Брест-Литовска.

Маршевый эшелон-2 был не меньше — 391 легковая и грузовая автомашина (длина походной колонны при 20 км/ч около 10 км). Идя колоннами ВВС, он должен был влиться в начале магистрали № 2 за танковой дивизией первого эшелона.

Оба оставшихся маршевыхэшелона 12-го полка службы связи ВВС, а именно: эшелон-3, состоящий из 223 грузовых и легковыхавтомашин (длина походной колонны при 20 км/ч, 6 км) и эшелон-4 состоящий из: 291 грузовой и легковой автомашины (длина походной колонны при 20 км/ч 8 км), должны были как отдельная походная колонна присоединиться за танковой дивизией, следующей второй, в условном месте на магистрали № 2. Их общий объем — 514 легковых и грузовых автомобилей (длина походной колонны при 20 км/ч около 14 км).

Шлипер проверяет подготовительные работы в Тересполе, где командир 3/Pi.81, обер-лейтенант Янеке, сообщает ему, что, вероятно, в полосе I.R.130 на Буге находится мель.

Днем получено долгожданное известие, что 6 штурмовых лодок (штатное оборудование понтонно-мостового парка Pi.81) можно забрать из Легионово. Дальнейшие подвезет авиация.

Днем прибывает и еще недостающая колонна с турбореактивными снарядами. Снабжение боеприпасами продолжается и ночью.

Новое, и, разумеется, ставящее новые проблемы сообщение от бронепоезда № 28[458]. Обер-лейтенант Эдвард Сееле доносит, что ожидаемые боеприпасы прибудут в Варшаву 20 июня в 23.45. После полуночи они будут вывезены грузовиками бронепоезда № 28. Грузовик бронепоезда № 27, не полностью пригодный к работе, заберет из склада ГСМ топливо и ГСМ.

Просьба Сееле — дать несколько грузовиков для вывоза всех боеприпасов без остатка. Сообщение, учитывая напряжение последних дней, забитые дороги и т. п., пришедшее как раз «вовремя».

Но это еще не все. Оказалось, что преждевременный вывоз нельзя было произвести без разрешения транспортного коменданта Варшавы. По телефонному звонку девять грузовиков было не допущено к поездке.

Тем временем фон Кришер продолжает ставить задачи артиллерии, регулируя стрельбу по истечении плана огня (Х+29 мин.) на 22 июня[459]. Решено, что одна батарея мортирного дивизиона Галля в Х+30 мин. открывает огонь по почтамту Бреста (цель 632), вторая — по его радиоцентру (цель 633).

Использование боеприпасов: 2 шквала беглого огня, затем до выстрелу на батарею в минуту.

...Третья батарея накрывает казармы на восточной окраине города[460], а именно: Х+30 мин. 2 шквала беглого огня по главному корпусу (цель 636), затем 2 шквала беглого огня по жилому зданию казарменного комплекса; затем по 1/2 выстрела в минуту по ним обоим.

Батарея дивизиона 99-го артполка в Х+30 мин. ставит дымовую завесу у белого собора (цель 613) для пресечения наблюдения на юг. Однако так как собор хранит запасы продовольствия, его нужно сохранять от пробоин. Поэтому огонь переносится на юг, например, в район обстрела дивизиона по сосредоточению огня «южный край».

Обе другие батареи готовятся прежде всего для огневого наблюдения для летчиков и светометрической разведки и для огневой задачи, ставящейся командиром A.R.98.

22.20. Находящийся на наблюдательной вышке обер-лейтенант фон Фуметти заметил на Центральном (рядом с мостом) 6 моторных лодок[461]. Далее 3 надувных лодки плыли от него к Западному острову. По мнению фон Фуметти, это, возможно, боевая разведка[462].

Дивизия, на горьком опыте (июнь 1940 г., форсирование Эны у Нефшатель) зная, к чему может привести преждевременное открытие огня, понимая важность точного времени, распоряжается[463] о принятии всеми оснащенными армейскими радиоприемниками частями в 24.00 В-1 день сигнала точного времени, обязательно передав его остальным по телефону. После чего по этому сигналу (единственно верному эталону) все часы ставятся одинаково.

* * *

Белосток. Штабом пограничных войск НКВД СССР Белорусского округа отдается приказ об усилении охраны: выходные дни для личного состава отменяются, вплоть до 30 июня 1941 г. С 23.00 до 5.00 службу на границе должны нести все люди, кроме возвращающихся из нарядов к 23.00 и часовых заставы. Пограннаряды приказано располагать не ближе 300 м от линии границы.

21.6.41. «Лицманн»

Первая половина дня. Группа управления штаба дивизии переселяется на КП (старый каземат[464] на кладбище Тересполя). Кроме того, здесь размещены: штабы Arko 27, N.A.65 (с центром радиосвязи и телефонными станциями), I.R.135.

Командир пулеметного отделения[465] 12 s.M.G.K. I.R.133 Лео Лозерт начинает свой военный

дневник[466]: «Суббота. Солнцеворот. С утра ставили лагерь на нашем последнем биваке.

Уже несколько дней назад командир составил план наших позиций на Буге. Меня, однако, никто в обстановку не посвящал. Но, находясь в пехотной роте, я имел случай изучить аэрофотоснимок и карту крепости, что потом оказалось для меня очень ценным. Во второй половине дня лейтенант Шульц[467] взял меня на позицию нашего взвода у Буга.

Это было очень важно, так как вследствие этого я смог инструктировать следующей ночью не только нашу, но и другую роту на их позициях. Далее это очень пригодилось для расширения позиции моего отделения в ночь нападения, ибо в темноте я не смог бы узнать ее преимущества и недостатки.

Итак, я мог действовать на мои цели не только фронтально, как указано, но и 1000 метров в сторону цитадели. Изучив в результате дневного осмотра позицию, я велел утрамбовать полтора метра толстого вала для 2 станковых пулеметов и еще усилить ее внутри достаточным количеством ящиков с боеприпасами».

* * *

Полдень. Прасковью Ткачеву, старшую медсестру хирургического отделения Брестского военного госпиталя, размещавшегося на Южном острове, вызвал к себе заместитель начальника госпиталя по политчасти батальонный комиссар Н. С. Богатеев. Ткачева уже знала, что госпиталь расформировывается. Сейчас же Богатеев внезапно заявил, что уже в течение двух часов больных (около 80 человек) нужно подготовить к переезду — завтра они, как и медперсонал, выезжают в Пинск.

Сказав Ткачевой (председателю месткома), чтобы она подумала, кого из медперсонала взять с собой, Богатеев ушел допой. Ткачева — в парк имени Первого Мая.

* * *

В исходный район выдвигается и штаб дивизии[468]. Отдел тыла осматривает КП в лесу к югу от западной окраины Вульки Добринской.

Ib, майор Карл-Хайнц Вирзинг, объезжает тыловые части: КП санитарной роты 1/45 (остающейся в резерве), чье оборудование полевого госпиталя придано корпусу, руководителя подвоза и отдел продовольственного снабжения 45-й дивизии, склад боеприпасов «Гукебайн»[469].

Вирзингу временно придается и полевой запасный батальон дивизии (без подразделений, задействованных в мортирном дивизионе Галля, Pi.81 и оцеплении Тересполя).

Также дивизии XII A.K. выделяется от 10 до 20 полевых колодцев.

14.30. Порядок поступления донесений уже настроен на военный лад — поступают первые «дневные»: в километре севернее Кобылян готов к открытию огня мортирный дивизион Галля. Он занял КП еще с 7 утра, наладив телефонную и радиосвязь.

Начинается подвод батарей 45-го противотанкового дивизиона. У A.R.98 тоже нет проблем.

12.30. Полевой караул батальона Набера (I/I.R.130) заметил русскую моторную лодку, прошедшую по Бугу вверх и вниз, со странным экипажем — без кителей, наблюдающим в бинокль немецкий берег. Однако, судя по галифе и фуражкам, это были солдаты[470].

I.R.135 проводит последние мероприятия — III/I.R.135 выставляет 2 дополнительных полевых караула (от отделения каждый) у центральной дороги, непосредственно в нижнем течении к северу от пробивки Буга. Их смена — до четверти часа после рассвета. Восточнее дома у центральной дороги подводится

штурмовой взвод для немедленного вмешательства[471].

14.00. Занимаются КП отдельных воинских частей. Днем Ic выдается приказ фюрера солдатам Восточного фронта.

15.00. «Дортмунд»! — лейтенант Майер только что принял кодовое сообщение из штаба XII корпуса. Значит — завтра…

Вечером Деттмер передает кодовое сообщение в части дивизии[472].

* * *

Минск. Штаб Западного ОВО. Выполняя директиву НКО СССР и Генштаба Красной Армии, штаб округа распорядился «для повышения боевой готовности» вывести 47, 44 ск, 17, 50, 121, 161 сд в лагеря, в районы, предусмотренные им планом прикрытия. Генштабом приказано завершить переброску к 1 июля. Соответственно штабом ЗапОВО намечено ее начало на 23 июня. Что касается приграничных дивизий, то наркомом Тимошенко и нач. Генштаба Жуковым приказано оставить их на месте, вывод на границу в районы обороны — лишь по особому приказу[473].

В полосу 4-й армии (к Барановичам) готов начать переброску 47 ск из Бобруйска и Гомеля.

К этому моменту 13 из 24 сд ЗапОВО находятся в непосредственной близости от госграницы СССР. Остальные сд (резерв округа), как правило, совершают марши в новые районы сосредоточения.

Ок. 18.00. Роща в 2 км юго-восточнее Жабинки. КП 28 ск на полигоне корпуса. Закончилось проводимое штабом 4А двухстепенное командно-штабное учение 28 ск на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды»[474], где участвовали и штабы 6, 42, 75 сд.

Штабу корпуса до особого распоряжения приказано оставаться на КП[475], дивизионным — вернуться в расположение.

…С полигона в Брест, в крепость отправился и Коробков. В разговоре с командирами дивизий и их частей он не заметил энтузиазма к предстоящему на 22 июня выезду на учение. «Понять их нетрудно — замучились, — сказал он, вернувшись в штаб армии (Кобрин), Сандалову, — по-прежнему от каждого стрелкового полка по одному — два батальона работают в пограничной зоне. Ночуют всю неделю в землянках, в палатках, а тут еще воскресенья занимаем ученьями да заседаниями всякими. Надо с этим кончать… Командиры расположенных в крепости частей показывали несколько новых наблюдательных вышек, построенных немцами за рекой. Уверяют, что по ночам слышен шум моторов. Сегодня опять несколько самолетов летали над нашей территорией…»[476]

Новые проблемы и у Сандалова — в штаб армии поступила телеграмма штаба ЗапОВО о немедленном вывозе из Бреста не менее чем на 30 км на восток НЗ 6 сд и 42 сд, чьи склады располагались в Брестской крепости. Оставив им по 1,5 б/к, приказано вывести 34 вагона боеприпасов от 6-й и 9 вагонов — от 42-й стрелковых дивизий. Хотя не так давно этот излишек фактически навязали армии органы артснабжения округа, несмотря на протесты ее штаба.

За несколько часов такое количество не могло быть вывезено, но, похоже, все-таки успели, подогнав вагоны, начать погрузку…

Ок. 19.00. Коробков в телефонном разговоре с Климовских просит разрешения вывести на боевые участки хотя бы дивизии брестского гарнизона[477]. Отказано, разрешено лишь назначенное на 22 июня опытное учение перенести на понедельник или вторник… Пытаясь отвлечься, Сандалов и Коробков пошли на представление Белорусского театра оперетты «Цыганский барон». Тем временем Шлыков и нач. отдела политпропаганды уехали в Брест — на концерт артистов Московской эстрады.

Ок. 20.00. Кобрин. ДКА. Минские артисты на сцене, множество людей в кителях и галифе — в зале. Однако у многих зрителей все усиливаются тревожная озабоченность и какое-то гнетущее чувство. Особенно нервничал Коробков, сюжет, разворачивающийся на открытой сцене Дома Красной Армии, абсолютно не занимал его. То и дело, поворачиваясь к Сандалову, он шепотом спрашивал: «А не пойти нам в штаб?» Так и недосмотрев оперетту, вернулись в штаб армии.

…Комендантскому взводу 333 сп приказано в ночь на 22 июня нести караул у штаба 28 ск. (ул. Леваневского). И. А. Алексев: «Ст. сержант Данилин Д. А. обращается ко мне и говорит, что „по распоряжению начальника штаба 28-го корпуса я приехал на машине получить паек на 5 суток для взвода. Штаб 28-го корпуса завтра выезжает на штабные корпусные учения". Почему-то для меня выезд штаба корпуса на длительный срок стал сомнительным. Тогда начал спрашивать Данилина Д. А. несколько вопросов для выяснения обстановки в штабе корпуса:

1) Почему сухой паек должен выписывать именно на 5 суток, а не на 2 или 4 суток?

2) Летом 1940-го маневр войск Западного особого военного округа продлился только 3 суток?

3) Что делается в штабе корпуса?

На эти вопросы Данилин Д. А. ответил так: „Во дворе штаба 28-го корпуса находится много автомашин. На них производят погрузку несгораемых ящиков и шкафов со штабными документами". После такого ответа я понял, что обстановка на границе очень тревожная»[478].

Алексеев, почувствовав непонятное беспокойство, решил написать письмо своей матери. Опустив его в почтовый ящик на первом этаже, отправился спать.

…КП 28 ск. Командир корпуса Попов и начштаба Г. С. Лукин выезжают в Брест. Старшим на КП остается начальник оперативного отделения штаба корпуса майор Е. М. Синковский. Настроение на КП несколько удивленное — многие командиры недоумевают, почему их оставили здесь, а не отпустили в Брест, к семьям на воскресенье.

*** * ***

В исходных районах частей «сорок пятой» начинаются построения. Зачитывается приказ фюрера. Он развеивает последние сомнения — как ни странно, многие вплоть до последнего времени верили, что войны с СССР не будет.

Строй 3 батальона I.R.130: Вальтер Лоос: «Вечером 21.06 мы получили команду с наступлением сумерек начать выход в точно разведанные и установленные исходные районы, закончив его к 24 ч. Когда роты стояли готовые к выступлению на свои, занимаемые по тревоге[479] позиции, командирами оглашался призыв фюрера к своим солдатам о борьбе с грозящим нашей империи большевизмом, ведущейся вплоть до полного уничтожения противника. Теперь больше не стало сомнений! Это значило войну против Советского Союза».

Йозеф Виммер (связной): «Мы были поражены — все считали, что здесь мы лишь ждем разрешения русского руководства на право проезда в Египет».

Но что говорить о рядовых офицерах, если и в штабе дивизии ситуация представлялась по-разному, иногда с достаточно фантастической стороны. «В том, что присутствие в Польше означало акцию против России, больше не имелось, пожалуй, никакого сомнения. Однако это были лишь предположения, высказываемые на основании циркулирующих слухов. Самый распространенный из них — о грядущей антикоммунистической революции в России, к чему якобы проявляет наибольший интерес Германия, поддерживая революционеров. Далее, в благодарность за поддержку, Германия от установившейся в

России военной диктатуры получает в долгосрочную аренду крайне необходимое зернохранилище (Украину). После чего немецкие армии проходят над Черным морем и далее, через Кавказ, на юг к Суэцкому каналу. Овладев им, наиболее важным на Востоке путем, они вынуждают западные державы к соглашению»[480].

Солдаты и офицеры «сорок пятой» не испытывали нехватки веры в успех предстоящей операции. Лейтенант Михаэл Вехтлер (командир 5/I.R.133, выведенной в резерв) оценивал ее, как «легкую», отмечая, что рубеж выхода к исходу первого дня был установлен в 5 км к востоку от Бреста. К этому времени у тех, кто рассматривал укрепления на расстоянии, сложилось общее мнение — «это скорее нормальные казармы, чем крепость». Этот оптимизм отражен в факте, что только два из девяти батальонов, или 22 % пехотных сил, вступали в прямой контакт с врагом, нанося первый удар. Три других тем временем развертывались, в то время как четыре находились в резерве[481].

Но, вероятно, не все разделяли оптимизм Вехтлера и его товарищей. «Панцирягер»[482] Герман Вилд, из 14/I.R.130, обменявшись мнениями о предстоящей операции со своим близким другом Мюллером, зачисленным в группу Кремера, был поражен предчувствием Мюллера нависшей над ним смерти. Неизвестно, пошел ли Мюллер в «лодочники» добровольно, но приближение атаки чрезвычайно беспокоило его.

Неизвестно, что испытывало командование дивизии и корпуса. Потом, в июле и позднее, будет немало сказано о том, что трудности предвиделись заранее, но что другого выхода и не было. Но теперь, в эти последние часы? Лодки и огнеметы выделены в достаточном количестве, тяжелой артиллерии — не менее чем у соседей, на огневых позициях — мортиры большой мощности, способные уничтожить любую цель в зоне обстрела.

Вероятно, тревожила некая неизвестность — уж как-то особенно безмятежным выглядел русский берег. Впрочем, ход событий уже не отменить — сверить часы, порезче заточить карандаши, написать родителям в Гмунден — что еще остается?

Хотя в армии дело находится всем — части проводят последнюю подготовку к нападению. Создаются штурмовые группы, идет выдача боеприпасов.

Штурмовая группа первого взвода (лейтенанта Вильча) 10/I.R.135, сформированная Вильчем, только что, после оглавления приказа о нападении, собралась у ящика с песком, отрабатывая детали предстоящего штурма. Одно из ее отделений возглавил ефрейтор Ганс Тойчлер[483]. 10-я рота атакует одной из первых. Взвод Вильча — вторая волна роты.

* * *

…19 июня лейтенант Махнач наконец-то принял взвод в 7-й роте 3-го батальона 455 сп, получил личное оружие (пистолет). В пятницу, 20 июня, взвод Махнача, как и весь третий батальон, проводил тактические занятия за городом. Их тема — «Рота в обороне». В этот раз занятия, как всегда перед выходными, закончились пораньше — перед тем как разойтись, командирам был зачитан приказ о явке к 8.00 на полигон для осмотра военной техники (командиры специальных подразделений (связисты и т. п.) выехали с вечера 21 июня).

Субботний же день командиры частей Бреста использовали для отдыха. К вечеру Махнач встретился с командиром взвода в своей роте мл. лейтенантом Смагиным, лейтенанты направились к знакомому Махнача по училищу, Николаю Дамарацкому, командиру взвода пулеметчиков в 84 сп. У него находились вещи Махнача. Дамарацкий, живший на втором этаже кольцевой казармы, собирался на полигон, позавидовав друзьям…

Оттуда лейтенанты двинули на Каштановую улицу, на квартиру к Смагину, чьи соседи (трое командиров-связистов) также уехали на полигон. Смагин переоделся — и далее началась программа субботнего вечера. Встретив Валю — подругу Смагина, друзья втроем гуляли по улицам, посетили Дом Красной Армии. Маршрут закончился в парке центра города — «КИМ» или «1 Мая». В этот день там было особенно много молодых командиров — вероятно, в связи с прошедшими в училищах выпусками. Шел концерт, читали лекцию… Лейтенанты и их новые подруги лихо отплясывали под фокстроты. И утомленное солнце все прощалось с морем: оно садилось над городом Брестом, и черные тени ив и тополей парков, бульваров и вдоль Буга все длиннее — как огромные руки, цепляющиеся за тот день, что лучше бы не кончался…

Сержант Владимир Осауленко, помкомвзвода в 1-й батарее 18 ОПАБ — заступил дежурным по батарее. Все как обычно, хотя с час назад ее командир заходил какой-то встревоженный: «Как вы там? Ребят подготовь как следует. Предупреди, чтобы все дружно возвратились домой. В понедельник начнем загружать дот боеприпасами и продовольствием…»

Впрочем, до понедельника еще есть время — и бойцы Осауленко, среди них и недавно призванные (с Украины и из Самарканда), один за другим уходят на танцплощадку. Там — основное место встреч с брестскими девчатами: польки, еврейки и белоруски танцуют с украинцами и узбеками, сибиряками и грузинами. Танцует СССР — и прощаясь, они не испытывают грусти — завтра вновь фокстроты, на этом же месте: и еврейки и грузины не сомневаются, что встретятся вновь. Разве что в увольнение не отпустят…

…«Счастье мое», — ворковал голос из патефона. Скрипели ремни, и шелестел шелк, но у одного из танцующих, второго номера на «Максиме» одного из дотов 1-й роты 18 ОПАБ, Решетило, молодого бойца, чуть не упало настроение. Все испортила его подружка — «плохо тебе завтра будет, боец… Война начнется». Какая война?[484]

Темнеет.

* * *

С наступлением темноты первая волна атакующих подразделений, стараясь соблюдать максимальную бесшумность, занимает исходные рубежи, частично примыкающие непосредственно к Бугу. Оживленное движение началось спокойно и при самой строгой дисциплине[485]…

«21 ч. вышли для занятия позиций к Бугу. Вся рота станковых пулеметов, задействовано и тяжелое оружие 133-го (резервного) полка. Все тащили массу ящиков боеприпасов и страшно вспотели»[486].

Выходят на позиции и громады «Карлов». «Совершенно темной ночью я видел выезд на тщательно охраняемую позицию чудо-орудия „Тор[487]“. Когда я хотел осмотреть это высокое чудовище, меня, несмотря на то что я фельдфебель, остановил рядовой солдат, направивший винтовку»[488].

К Бугу идет и I.R.135 — первая волна III батальона капитана Праксы. С ними и военный корреспондент Герд Хабеданк: «Командир батальона инструктирует нас. Легко, очень тихо мы подкрадываемся вплотную к Бугу. Чтобы гвозди в сапогах не издавали никакого стука, на шоссе насыпан песок. Безмолвными рядами по обочине выдвигаются сформированные штурмовые группы. На светлом северном небе выделяются переносимые надувные лодки. Бесшумно приближается чудище: вручную перетаскиваемая тяжелая зенитная пушка.

Штаб батальона находится в надежном каземате старой крепости. Однако в бункере по ту сторону Буга, с которого начнется наш уничтожающий огонь, на удалении всего лишь 100 м сидит советско-русский. Что ему видно, неизвестно, здесь же отчетливо слышно, как они говорят, вдалеке звучит радио.

Теперь мы знаем дорогу. Мы возвращаемся. На качающихся мостках идем над заросшими наполовину камышом рвами крепости. Призрачно светлеющие контуры ныряют в заросли ивняка: приведение в готовность заканчивается. Всюду бьются соловьи, жерлянка кричит в камыше, все остальное скрыто полной тишиной»[489].

Время выхода в исходные районы — от наступления темноты до 00.00 ч. (приказанный срок окончания сосредоточения на исходных рубежах) наполнено неизвестностью, столкнется ли русская кампания с активной обороной или нет.

Возможный заградительный огонь русских до 00.00 ч. обрушился бы на главные силы подразделений, находящиеся без всякого прикрытия, и вызвал бы досрочное зажигание реактивных установок, а также уничтожил бы подразделения вместе с приготовленным переправочным имуществом. После 00.00 ч. (согласно приказу) активные действия русских вызвали бы немецкое нападение. Вследствие того что этой ночью окопные работы и прочая деятельность не отличаются от обычных, удается не вызвать никакого подозрения у русских[490].

«Сохранение тайны на немецкой стороне, проведенное образцовым способом, предотвратило досрочное вмешательство врага»[491], — указал Ic (обер-лейтенант барон фон Рюлинг).

Последние до начала нападения часы разведотдела заполнены работой над документами о России, особо тщательной оценкой поступивших накануне результатов наблюдения, не содержавших никаких существенных изменений на вражеской стороне. Тем не менее ночь шла в страшном напряжении — ибо вплоть до начала нападения русский, узнав о немецкой подготовке, мог опередить его своим собственным.

Вечером дивизии вновь дал о себе знать офицер полка специального назначения «Бранденбург», который со своим взводом был в русской униформе: «Наши взводы должны захватить мосты и осуществить остальные подготовительные мероприятия. Он стоит наготове до 3.00 часов в полосе 130-го пехотного полка»[492], — сообщает неизвестный. Дивизия справится сама…

21.50. «Сорок пятая» сообщает в штаб XII А.К: «В предвечерний час по Бугу проехала русская моторная лодка. В ней — 1 офицер и 6 рядовых. Выход в исходное положение проходит планомерно».

* * *

22.0. Танцы в парке в самом разгаре. Но часть публики уже расходится — кто-то, как Смагин, пошел провожать своих девушек, и по притихшим улицам, цокая каблуками и скрипя ремнями, двинулись пары. Кто-то — возвращается в крепость, надеясь выспаться перед завтрашним выходом на полигон. Махнач не торопится — сейчас, когда сгущается темнота, в парке становится особенно романтично.

…Медсестра Прасковья Ткачева вернулась поздно. Ей, возможно, после фокстротов в парке «1 Мая» режет слух какая-то необычная тишина в крепости.

…Капитан Иван Николаевич Зубачев, помощник командира 44 сп майора Гаврилова по снабжению, в тот день вернулся домой, в один из корпусов ДНС, как всегда уже затемно.

— Шура, накрывай на стол, посидим сегодня, — сказал он жене, доставая графин с пивом.

Пили и вспоминали — юность, родных и близких.

Сыновья, подростки Юра и Толя, припозднившись, пришли из кино. Капитан Зубачев, обняв их, попросил не обижать мать, «если что-нибудь случится».

Уснули поздно.

…Полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин, заместитель командира 84 сп по политчасти, плотный,

свежевыбритый, румяный, проводил с бойцами полка короткую беседу перед просмотром фильма «4-й перископ». Сеанс проходил в клубе 84 сп — бывшей гарнизонной церкви Святого Николая: портреты Ленина, Сталина и Тимошенко на стенах, будка киномеханика на хорах.

Вечер был тихий, и было слышно, как в разных частях Цитадели такие же кинобудки уже начали показ «Чкалова», «Цирка», «Руслана и Людмилы», документальных — «Ветер с востока»[493], «Военная присяга»[494]. Кое-кому из зрителей почему-то не по себе — а остальные взрывами смеха реагируют на мечущихся по белым простыням экранов белозубых киногероев.

…Ниже среднего роста, еще полностью не стемнело — звезды комиссара ярко видны на рукавах гимнастерки, Фомин рассказывает бойцам о содержании фильма, разоблачающего подлые происки врагов социалистической Родины. Акустика в бывшем храме особенно хороша.

Беседа закончена — постояв среди бойцов у клуба, простившись, Ефим Фомин уходит — ему на вокзал, а там — до Даугавпилса. Где, на прежнем месте службы, осталась его семья — сейчас Фомин хочет, забрав их оттуда, перевезти сюда, в Брест.

Три дня назад, 19 июня, жена Августина в телефонном разговоре сказала ему, что некоторые командиры отправляют семьи на восток. Что делать ей, жене комиссара?

Фомин ответил не сразу. Еще совсем недавно он был заместителем командира по политчасти не полка, а дивизии (23 сд). Одновременно — начальником отдела политпропаганды ее штаба. Снятый с должности еще в марте и назначенный сюда, в Брест, ужасно соскучился по жене и сыну Юре. Это — во-первых. Во-вторых — там его семью хорошо знают, в том числе и те, кто лучше бы не знал… Врагов много. Здесь, в Бресте, и Августина и Юра будут под его защитой.

«Делай то, что и другие», — сказал он Августине. А потом добавил, что лучше все же приедет и заберет их к себе.

Ему было 32 года.

* * *

К командиру 44 сп майору Гаврилову подошел дежурный по полку: «Товарищ майор! Вас срочно вызывают в штаб дивизии…» Вот тебе и субботний вечер…

Ну, что там еще?

* * *

22.10. Не подтверждается якобы сделанное 31-й дивизией наблюдение, что русский выкладывает проволочные заграждения на железнодорожном мосту.

22.55. Только что прибывшие к вокзалу Малашевичи и стоящие там бронепоезда сообщают о неготовности к нападению.

Это не мешает, так как уже учтено дивизией. Тем не менее для поставки боеприпаса и горючего PzZg.27 придается грузовик колонны подвоза.

Гораздо более серьезная проблема для всех, не сводящих в эти часы глаз с циферблатов, — полки, больше не имея никакой возможности подъезда, запаздывают с выходом в исходное положение. Нервозности хватает…

Испытывает постоянное ограничение и погрузочное пространство, тем не менее, преодолев

трудности с транспортом, снабжение боеприпасами реактивных установок окончено[495].

В этот день аврально принимается сразу несколько требований Шлипера — вновь подвезенная в полосу дивизии строительная рота 3/46 приписывается PiBtl.81. И о чем он просил ранее — пехоту (по 4 отделения) бронепоездам выделяет I.R.133 (резерв корпуса).

Подразделения придаются с пулеметами, боеприпасами и всем необходимым снаряжением. В их составе — только подготовленные командиры отделений и рядовые[496]. Несмотря на то что всеми, в общем-то, понимается бессмысленность выделения каких-либо подразделений бронепоездам, солдат все-таки лучше взять из корпусного резерва, чем из ударных частей, как планировалось ранее.

Наконец, в эти часы 81-й саперный батальон принимает 5 моторных штурмовых лодок на аэродроме Бяла-Подляски.

Наблюдение за русскими у Буга еще ведется, но уже дано распоряжение о его прекращении с начала нападения. Подразделения, ранее задействованные наблюдательным штабом, возвращаются к своим воинским частям и привлекаются ими к действиям. Подчеркивается, что уже к 1 ч. 22.6.41 нужно вернуть выделенный штабу наблюдения автомобиль и приборы для наблюдения (стереотрубы и т. д.).

I.R.133 выделяет отделение ранцевой радиостанции для 13/I.R.133. Подача сразу на КП дивизии.

* * *

Кобрин. Штаб 4-й армии. Около 23.00. Коробкова вызвал к телефону начштаба округа генерал Климовских, передав приказание Павлова — находиться в штабе, быть наготове. Не дано никаких особых указаний по приведению войск в боевую готовность. Там, в Минске, понимает Коробков, этой ночью, похоже, не будут спать... Бессонное настроение штаба округа чувствуется в подготовленной, но так и не отправленной[497] разведсводке: «Войсковым наблюдением систематически отмечается большое передвижение войск группами в районе Тересполь... преимущественно в восточном направлении, а также окопные работы на западном берегу р. Буг. В Бяла-Подляска прибыло 40 эшелонов переправочных средств (деревянные фермы, железные понтоны) и боеприпасов.

Вывод:

1) По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе против Западного Особого военного округа заняла исходное положение.

2) На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе».

...Коробков ограничился тем, что, согласно указанию Климовских, вызвал в штаб ответственных работников армейского управления.

Брест. Штаб 42-й стрелковой дивизии. Майор Гаврилов и другие, собравшиеся там, командиры частей все это время (более часа) ждали командира дивизии Лазаренко. Где же он? В штабе армии? Так и не дождались — почти в полночь полковой комиссар И. Н. Богатиков, предупредив всех о явке на завтрашние учения, усилении бдительности и т. п., приказал расходиться.

* * *

А в это время Рудольф Гшопф отправился на северную окраину Тересполя, где 135-й полк силами 111 батальона готовил передовой медпункт. Лекарский помощник и санитары как раз были заняты выкапыванием противоосколочного укрытия. Остаток ночи они сидели вместе в маленьком домике, стараясь отвлечь друг друга от понятного нервного напряжения[498].

22.6.41. «Цитен»

00.00. Белосток. Управление Белорусского пограничного округа НКВД БССР. И здесь, похоже, ожидается бессонная ночь — от командира Брестского погранотряда стало известно, что западнее Волчина в СССР переплыл перебежчик, сообщив о готовящемся нападении Германии. На основании этого штаб погранвойск НКВД БССР отдал приказ — держать под ружьем до 75 % личного состава, все линейные заставы привести в полную боевую готовность и отразить возможную провокацию[499].

Но приказ еще нужно довести.

Кобрин. Штаб 4-й армии. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения и отдельные части опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге по плану прикрытия РП-4. Пакеты хранились в штабе армии, так как решение командующего армией округ еще не утвердил.

0.30 — 165 минут до начала атаки. **На КП «сорок пятой» облегченно переводят дух — до 0.30. все воинские части (кроме бронепоездов) кодовым сообщением «Куффхойсер» сообщают об окончании сосредоточения на исходных рубежах.**

Однако где-то в болотах застряли «панцирягеры» оберст-лейтенанта Цана… «Das ist alles Scheisse!!» — нервничает КП.

0.45 — 150 минут до начала атаки. **Тересполь. Командный пункт 45 I. D. Несмотря на исчезновение Цана, штабу XII А.К. сообщают об окончании сосредоточения частей дивизии на исходных рубежах. Гауптман Рессель (подчиненный теперь дивизии) сообщает, что проведены все мероприятия, препятствующие бегству населения. На русской стороне все спокойно. Слышен лишь обычный шум работ на укреплениях, а также от маневрирующих паровозов на вокзале Бреста.**

«Наконец-то…» — вернувшись домой (на второй этаж одного из корпусов ДНС перед Восточным фортом), Гаврилов лишь выпил стакан молока и сразу же свалился в кровать, поставив будильник на 5 часов…

…Штабные работники 84 сп еще не спят. Многие читают книги, писарь Александр Филь сочиняет письмо домой. Шаги в коридоре… Комиссар Фомин?! «Он зашел узнать, почему никто не спит. На наш вопрос: „Почему не уехали?“ ответил: „Небольшая странность… Даже неожиданность — билеты все проданы“. Потом немного пошутил и ушел спать. Мы тоже легли»[500].

Закончить письмо Филь решил утром.

…Фомин остался один в своей комнате над Холмскими воротами. «Небольшая неожиданность?! Странность?!» — передразнил он себя и, передернувшись, порывисто прошелся по кабинету, как по камере… Ибо, ошеломленный, он только что на вокзале видел то, о чем по понятным причинам не мог сказать бойцам: весь вокзал был забит людьми — женщины и дети заполнили и центральное здание, и перроны Московской и Граевской сторон. Их глаза и лица… А тут еще в полку говорили, что портные и часовщики стали заказы задерживать — мертвым и пленным часики-то не нужны, а?! «Твари!! Спокойно… Спокойно…»

И все-таки… «Странность?!!» — Фомин, расстегнув ворот гимнастерки, подошел к окну… Вроде бы тихо?.. Может, совпадение?

«Ладно, как говорится, утро вечера… Посмотрим…» Он все-таки сумел заснуть.

Да, шорох ног в Бресте сюда не доносится — там, в темноте со всех сторон к вокзалу идут и идут…

Люди начали покидать город.

1.00 — 135 минут до начала атаки. **Кобрин. Штаб 4-й армии. Командование каждый час связывается со штабами Брестского погранотряда и дивизий. Отовсюду поступают сведения о выходе немецких войск к Бугу. В ответ на информацию об этом штаб ЗапОВО не дает никаких распоряжений.**

Коробков, как командующий армией, имел право поднять по боевой тревоге одну дивизию. Однако уже не на шутку встревоженный, собравшись было поднять 42 сд, он все же решил вначале посоветоваться с Павловым. Тот отказал…

Авария на электростанции в Кобрине[501]. Из Бреста сообщили по телефону, что в некоторых его районах погас свет и вышел из строя водопровод. Остывают электроплиты в казармах Северного городка, повара мечут вокруг проклятия, не понимая, что произошло. Обрыв на ЛЭП?

Брест. Штаб 17-го погранотряда. Начальник отряда А. П. Кузнецов, то и дело отвечая на звонки из штаба армии, сразу же и сам связывается с комендатурами, а то и непосредственно с заставами. На 17 заставах из 20 — тишина, но с двух, южнее Бреста — пограничников продолжают тревожить шумы танковых[502] и автомобильных моторов, передвижения конного транспорта. Но это было и раньше… И на третьем тревожном участке (у Волчина), помимо перебежчика (посланного немцами провокатора?) — ничего. Кузнецов, все сильнее нервничая, несколько раз связывается со штабом округа — ответ один: «Ждите указаний». «Наконец-то!» — получив из Белостока приказ, Кузнецов распорядился привести заставы в боевую готовность, а на участке тринадцатой — подготовить подрыв или поджог моста на Буге.

Приказ о приведении в боевую готовность начинает передаваться в комендатуры[503].

1.10 — 125 минут до начала атаки. **Тересполь. Командный пункт 45 I.D. Вот и Цан объявился — на восточной окраине Вульки Добрынска, преодолев болота и пески. Докладывает о готовности. В остальном у него все по плану — 1-я рота с 00.00 часов подчиняется I.R.130.**

Части замерли в укрытиях, за насыпью, окопах, ивняках. Вальтер Лоос, I.R.130: «Выход на исходную позицию проходил без инцидентов. Лениво струился Буг, имевший лишь умеренный уровень воды, на его темных волнах лежал лунный свет. Медленно продвигались стрелки часов. Штурмовые группы лежали на берегу очень плотно, готовые к броску со своими надувными лодками. За ними — штурмовые роты, тесно набитые в окопы, копанные все предшествующие недели, вплоть до вчерашнего дня специально выделенными группами рабочих. Меж ними, иногда примыкая вплотную, — штабы, огневые позиции тяжелого оружия пехоты, резервов, снова штабы и резервы, огневые позиции артиллерии и реактивных установок, имевших гораздо более примитивную форму, чем сегодня.

Затем следовали исходные районы танков, аэродромы разных истребительных авиаэскадр — на много километров в глубокий тыл все было готово броситься на врага в приказанное время. Особое и трудноописуемое чувство ощущать себя отдельным человеком посреди так сильно сжатого, но тонко продуманного механизма»[504].

«На позиции у советско-русской границы. Батарея, хорошо скрытая, ждет „часа X“, часа сражения». Настоящей проблемой для артиллеристов стала маскировка орудий на открытой местности, прилегающей к Бугу. От советской авиации их практически невозможно было спрятать. На фото — гаубица 15-см sFH 18

1.25 — 110 минут до начала атаки. **Минск. Штаб Западного ОВО. Командующим 3, 4, 10-й армиями начинает передаваться директива штаба округа на основе приказа наркома обороны о возможности внезапного нападения вермахта в течение 22–23 июня 1941:**

Идет передача в штабы армий. Связь с 4-й армией отсутствует — там, в Кобрине, только что внезапно прекратилась проводная связь штаба армии с округом и войсками.

1.30 — 105 минут до начала атаки. **Аэродром Именин 123 иап, прикрывающего Брест. Еще в начале этой ночи на всех аэродромах авиадивизии полковника Белова самолеты рассредоточены и замаскированы вне летного поля. Летчиков отправили в укрытия. Кроме звеньев дежурной эскадрильи — ее пилоты уже сидят в своих машинах, готовые в любую минуту подняться в звездное небо короткой летней ночи…**

Но сейчас, пока командир 123 иап майор Сурин спит (в штабе, не раздеваясь), приходит новый приказ — привести полк в полную боевую готовность… Один за другим на аэродромах Именин, Брест, Лошицы запускаются моторы на И-153, уже стоящих с полным боекомплектом к пулеметам ШКАС…

Может, это и лишнее — но уж больно тревожная какая-то ночь.

Только к 20 новеньким ЯК-1, лишь накануне прибывшим на Именин, никто не подходит — нет к ним ни горючего, ни боеприпасов, ни летчиков…

2.00 — 75 минут до начала атаки. **Рудольф Гшопф вновь, как когда-то в сентябре 1939-го, смотрел на землю, ставшую для его соединения полосой наступления. Из окна виднелось ровное поле непосредственно у железнодорожного моста через границу, ее еще в 2.00 ночи прошел грузовой состав из СССР, очевидно, с товарами, поставляемыми на основании немецко-русского экономического соглашения**

1939 г.

Почти рядом с домом призрачно поднимался относительно примитивный костяк планок пусковых установок, загруженный теперь в боевом положении. Напротив — в цитадели, в домах, казармах и казематах все, кажется, спало, ни о чем не подозревая. Мирно журчала вода Буга, и равнодушная ночь лежала на территории, где через несколько мгновений начнет бушевать смерть и разрушения. Чем ближе время X, тем страшнее растягивались минуты[505].

…Парк закрылся. Расходятся последние пары. Махнач идет ночными улицами к крепости, вместе с такими же, как он, молодыми командирами, получившими увольнение до 2 часов ночи.

Среди них — старший сержант Иван Долотов, командир взвода 33-го инженерного полка. Окончивший вуз, Долотов предпочел провести субботний вечер в городском театре[506]. Идя к крепости, Долотов встретил местного жителя Зноску, работавшего в 33-м инженерном полку «по части ремонта и подыскивания квартир для комсостава… По дороге в крепость Зноска некоторое время шел молча, а потом вдруг остановил меня и посоветовал в крепость не идти. Я был очень удивлен таким оборотом дела и заметил, что он, очевидно, никогда не служил и не знает, что такое увольнительная записка и воинская дисциплина, что пятиминутное опоздание это уже наряд или другое взыскание. Он заявил, что это все мелочь, что службу он знает, но все говорит за то, что начинается война.

И в подтверждение сослался на моментальное исчезновение в магазинах и на рынке соли, спичек и др. продуктов: „Наши знают, что это война, так было в 1939 г., когда немцы напали на Польшу". Я, конечно, посмеялся над такими не очень вескими доводами, и мы распрощались. Я пошел в крепость, а он свернул в одну из городских улиц»[507].

*** * ***

Решаются последние задачи, люди, имеющие часы, в особой цене. На КП частей сходятся командиры подразделений. Лео Лозерт — «Все командиры рот станковых пулеметов, и наш в том числе, по приказу должны были вернуться»[508].

«22 июня, 3 ч. 05 минут. В то время как артиллерия держит советско-русские полевые позиции и бункеры под таким огненным градом, который едва ли

существовал до сих пор, всюду готовятся к нападению штурмовые группы». В 3.05 минут огонь еще не велся. На самом деле, похоже, что это 10-я рота I.R.135 идет в ночь на 22 июня на исходное положение (к бункеру). Можно обратить внимание на решетку справа — вероятно, деталь оборонительных сооружений (нач. 20 века). Фрагменты подобных заграждений еще сохранились кое-где на территории Брестской крепости

Хладнокровный Герд Хабеданк ухитрился вздремнуть: «Будильник дребезжит на машине. Подъем! Великий день начался. На востоке уже серебрится небо. Беззвучно по известной дороге идем на командный пункт»[509].

2.30 — 45 минут до начала атаки. Штаб 4-й армии. Кобрин

Связь восстановлена. В ряде участков на линиях в Запрудах и Жабинке связистами обнаружено, что вырезаны десятки метров провода.

Сразу же командарма-4 вызвал к аппарату БОДО командующий округом — Коробков и Сандалов быстро спускаются в подвал, где размещается узел связи армии. Здесь, при свете керосиновых ламп, собрались почти все ответработники штаба 4-й армии, встревоженно переглядываются — из округа передается директива о приведении всех ее частей в боевую готовность! Затем Павлов отдает Коробкову конкретные распоряжения, но все еще осторожен: «Задача — пленить прорвавшиеся немецкие войска. Госграницу не переходить… Из крепости немедленно бесшумно выдвинуть „пачками“ 42 сд для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского УР скрытно занимайте дот…» Неужели?..

….Однако, зайдя в крепость, Долотов почувствовал, что странные предостережения Зноски его встревожили. Кругом была тишина, лунный свет блестел на поверхности камешков, окрашенных известью и уложенных вдоль тротуара. Нигде ни звука… Почему-то Долотову не захотелось нарушать тишину стуком шагов, и Иван сошел на песчаный край тротуара… Зайдя в расположение, Долотов как раз докладывал дежурному по роте сержанту Лерману о возвращении из увольнения, как подошедший дежурный по штабу приказал срочно направить в Брест вооруженного связного. Через пять минут связной уже подъехал, сидя на лошади на фоне светлеющего неба, ожидая выдачи боеприпасов.

Но внезапно оказалось, что в роте нет патронов — все 600 штук розданы караульному наряду дежурной роты. Пришлось, вызвав дневальным старшину соседней, выслушать его «благодарности» и взять заимообразно 3 винтовочных обоймы.

Упавший и мгновенно заснувший Долотов уже не слышал стука копыт, далеко разнесшегося в тишине спящей крепости.

Конечно, в ней спали не все — где-то заиграли в шахматы, где-то коротали время и смены многочисленных дежурных подразделений (около батальона в полной боевой готовности)[510], готовили пищу на утро наряды по кухне.

…Вернувшись в крепость, Махнач решил перед сном зайти в расположение роты, проверить, как сложили бойцы форму и почистили оружие.

2.45 — 30 минут до начала атаки. **Окончив прием сообщения от Павлова, Коробков сразу же связывается с начштаба 42 сд майором В. Л. Щербаковым. Щербаков начинает собирать командиров частей для вручения им распоряжений, пытается найти командира дивизии.**

3.00 — 15 минут до начала атаки. **Гшопф: «Вскоре после 03.00 мы освободились и стоя ожидали рассеивающиеся сумерки. Хорошо скрытые солдаты штурмовых групп и рот лежали непосредственно у Буга абсолютно незаметно; страшно волнуясь, они напряженно думали о том, что через минуты придется встать перед ранее неизвестным врагом глаза в глаза»[511].**

*** * ***

Проверив спящий взвод, Махнач решил не идти к себе, а лечь тут же, на кушетке, в расположении (в канцелярии командира роты, помещении 3×4 м в углу казармы, отделенном досками от «солдатской» ее части). Но кушетку уже занял дежурный. Молодой лейтенант, не разрешив дневальному его будить, лег на диванчик соседней роты, как и Долотов, мгновенно провалившись в крепкий сон…

3.10 — 5 минут до начала атаки. **КП 2 PzGr у наблюдательной вышки (к югу от Бохыкалы, 15 км северо-западнее Брест-Литовска). Еще темно. Прибыл командующий группой Гейнц Гудериан: «К этому моменту подробное изучение поведения русских говорило о том, что им о наших намерениях ничего не известно. Плац Брестской крепости[512] был у нас как на ладони, и мы видели, как они весь день маршируют повзводно под музыку военного оркестра. Ключевые позиции на том берегу Буга оставались незанятыми. Признаков строительства дополнительных укреплений за последние несколько недель мы тоже не видели. Наша атака явно должна была застать их врасплох, и было неясно, нужна ли на самом деле запланированная часовая артподготовка. В конце концов я решил не отменять ее, чтобы какие-нибудь неожиданности со стороны русских не причинили нам ненужных потерь»[513].**

3.14 — минута до начала атаки. **Штаб 4-й армии. Кобрин. Прибыли вызванные Коробковым командиры 14 мк и 10 сад. Срочное сообщение от командующего округом!! Телеграф начинает отстукивать: «Командующему армией.**

Передаю приказ Народного комиссара обороны для немедленного исполнения:

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировав;

в) все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

…Брест, ул. Леваневского. Штаб 28 ск. К Попову прибыл полковник Кривошеев с предписанием, уточнявшим задачи корпуса в случае объявления боевой тревоги. Электричества все еще нет. Командир корпуса начинает читать предписание при свете керосиновой лампы…

Штаб 42 сд. В кабинете его начальника собираются командиры частей. Комдива (Лазаренко) разыскать так и не удалось. Почему-то нет и командира 44-го полка майора Гаврилова…

Погранзаставы у Бреста все еще не получили приказа о приведении в боевую готовность. Однако

понимают, что, похоже, происходит нечто необычное — странная какая-то тишина. И собак немецких пограничников почему-то не слышно…

Железнодорожный мост Тересполя. Прибыла смена немецких часовых. Один из них смотрит на часы… Поднял голову, и его сверкнувший холодом взгляд видят остальные, враз подобравшиеся «часовые», к этому мгновению, почему-то оказавшиеся особо близко к русскому посту…

Тересполь. КП 3-го батальона: «Нарастающая теснота, стальные шлемы, винтовки, длинные пронзительные трели телефонов и спокойный, заглушающий все голос оберст-лейтенанта[514]: „Спокойно, господа, пока 3.14… Ждем еще минуту“».

Часть II

Штурм

Глава 1

Ножом сквозь масло

3.15 ч[515]. «Анемона»

Началось!.. Качнулась земля…

На всем фронте — удар артиллерии.

Ближе всего к стене разрывов, вернее, буре, начавшейся на Западном острове (хотя это всего лишь пехотные орудия I.R.133 и две батареи II/A.R. 98) оказалась 10-я рота и КП 3-го батальона I.R.135, находившиеся в старых крепостных укрытиях метрах в 30 от Буга.

Командир отделения 1-го взвода 10-й роты ефрейтор Ганс Тойчлер после войны признавался, что настолько мощного огневого налета он не испытывал во время всей Второй мировой войны. Небо горело

от бесчисленных всполохов взрывающихся снарядов всех калибров. Стоял страшный грохот, треск, тарахтение и вой, как будто бы поистине на землю пришел ад. Зловещее предчувствие овладело отделением Тойчлера, да и всем взводом лейтенанта Вильча…

Находившийся в соседнем бункере Герд Хабеданк в своих предчувствиях не признавался, глядя на сжавшиеся лица офицеров на КП батальона. Однако начало артогня ошеломило его не менее ефрейтора Тойчлера: «Едва началось — как задрожала земля, что-то гремит и катится, острый сквозняк оттуда бьет в лицо. Это битва артиллерии! Оберст-лейтенант был прав, говоря мне вчера: „Будет то, что вы никогда еще не испытывали“». Герд рискнул выглянуть из каземата и замер пораженный — над ним светилось светло-красное небо. «Адский шум, жужжание, треск наполнили воздух. От сильного циклона кусты ивняка сгибаются, как при шторме».

Однако ближайшими к Бугу оказались все же пулеметчики 12-й роты (обер-лейтенанта Лерцера) I.R.133. Несмотря на то что накануне им удалось несколько улучшить свои позиции, можно догадываться, что парням из Линца пришлось испытать сильные чувства. Однако это лишь догадки — сосредоточенный Лео Лозерт на небо, подобно Хабеданку, не смотрел, голова его была занята другим: «Фейерверк начался минута в минуту. Долгие минуты. Было очень прекрасно. Мы потерь не имели». Огонь, кажется, стих? Расчеты начали вытаскивать на бруствер пулеметы…

…Несколько южнее роса у Буга к 3.15 сделала влажными кителя солдат I/I.R.130. Спустя секунды многим из них пришлось утирать пот страха. Вальтер Лоос: «Казалось, что над нашими головами поднялся занавес над ужасами преисподней. Сначала еще слышали выстрелы, грохот и вой ревущих рядом снарядов, тянувших смертельные трассы к противоположному берегу из сотен стволов от самого малого до самого большого калибра. Невольно втянув голову, мы почти забывали дышать. Однако за секунду артиллерийский огонь другого тяжелого оружия набрал столь оглушительную и захватывающую удух силу, какую я больше не испытывал с тех пор. Даже бывшие среди нас участники Первой мировой позже признавались, что в то время они не испытали огонь настолько сконцентрированной мощи. Небо побагровело, и, хотя была ночь, стало ясно, как днем.

Большие деревья, окаймляющие Буг, сгибались туда-сюда в диких движениях, как от невидимой силы, терзаемые атмосферным давлением рвущихся снарядов. За 4 минуты на русский берег рухнули 60 000 реактивных снарядов, впервые примененных в бою, с электрическим воспламенением. Подобно кометам они тянули пучки лучей 6–12 снарядов — их огненные трассы и вой заглушили бушевание собственного артиллерийского огня. Казалось, что на их „удочках“ поднялся мир и старался держаться в этом аду, сохраняя ясную голову»[516].

Герман Вилд из роты «панцирягеров» полка Гиппа, идущей вслед за его 1-м батальоном, находился в противоосколочной траншее, содрогавшейся из стороны в сторону в такт разрывам. Воздух, казалось, был наполнен металлом осколков, летящих на восточный берег и рвущихся там снарядов…

Как и в I.R.135, так и здесь, в полосе форсирования I.R.130 вслед за ведущей беглый огонь артиллерией забились в суматошных очередях sMG, стараясь бить на высоте примерно метра над русским берегом.

Пока I/I.R.130 втягивал голову в плечи и содрогался в противоосколочных щелях, несколько севернее мчалась на велосипедах 11-я рота I.R.135. Небо над ними все сильнее багровело, грохот усиливался, дым заслонял горизонт — а они усиленно нажимали на педали. В кустах на берегу их уже ждали лодки.

Не до наблюдений за небом было и зенитчикам лейтенанта Энгельхардта: в 3.15. 8,8-см орудие унтер-офицера Клаусена открыло огонь. Его задачей было расстрелять в упор два дота[517] на южной оконечности Западного острова, напротив позиций 10-й роты. Однако зенитчики смогли сделать

прицельно лишь первые несколько выстрелов, как все заволокло дымом. Расчет Клаусена не растерялся: поворачивая орудие туда-сюда, они продолжали посылать снаряды — якобы в бункеры, расположенные рядом, но скорее по шквалу, пожарам и грохоту, бушевавшему на всем острове.

2-см орудие унтер-офицера Патернолы, расположенное для защиты 8,8-см орудия от низколетящих самолетов примерно в 800 м от его позиции, огня не вело.

У железнодорожного моста Рудольф Гшопф смотрел, как снаряды «Карлов» подняли огромные дымовые фонтаны на Западном. Дрогнула земля, взлетели обломки, дым заполонил горизонт. С неба стал падать пепел, разносимый ветром... Оглушенный тяжелой артиллерией, он почти не слышал, как застучали пулеметы на железнодорожном мосту...

Там группа захвата едва успела вынуть ножи из тел русских часовых — один из них, уже умирая, все-таки успел дать очередь из автомата куда-то в небо... Из-за насыпи уже метнулись к мосту велосипеды пехотинцев и саперов штурмовой группы лейтенанта Цумпе (3-я рота I.R.135). Орудия и пулеметы, приданные Цумпе, в считаные мгновения разнеся домики мостовой охраны, продолжают бить по любым щелям, откуда может прозвучать пулеметная очередь. Все решают секунды. Группа Цумпе крутит педали. Велосипеды мчатся по деревянному настилу моста.

Смерчем на восточном берегу заглушался грохот сапог по мосту. Это бегут саперы из 1-й роты 81-го саперного батальона и 1-го железнодорожно-саперного полка, стараясь держаться ближе к железным аркам моста, надеясь, что русские не успеют взорвать его, пока они не добегут до подрывного кабеля.

Остались метры, как из русского дзота — суматошная пулеметная очередь, сразу же подавленная пулеметом ефрейтора Гольцера. Спрыгнув с велосипедов, саперы метнулись вперед — и с дзотом покончено.

В воздух — белая ракета. Гольцер прекращает огонь. Сейчас главное — найти и обезвредить мины. Это сделает Цумпе.

Тересполь. КП 45-й дивизии. Командование обменивается впечатлениями о первых минутах. Четко видно сосредоточение огня в полосе боя дивизии на цитадели Брест. По сообщениям отовсюду, залп примененных впервые, поочередно зажженных рядов реактивных установок произвел в первый момент сильнейшее впечатление. В отличие от Гшопфа, части отмечают, что выстрелы и попадания 60-см мортир в массе огня не воспринимались. Несколько высоких огненных колонн на вражеской территории говорят об уничтожении запасов горючего или боеприпасов[518]. Вражеское сопротивление — отсутствует. Лишь далеко, на много километров к востоку от Бреста, — видны трассы снарядов ПВО — по-видимому, отражающих атаки люфтваффе малой высоты.

* * *

Было 3.19. Трассеры, видимые с КП 45-й дивизии, — это огонь дежурных подразделений ПВО аэродрома Именин, у Кобрина, открытый в соответствии с нормативами через 5–10 минут[519].

За эти минуты цитадель превратилась в костер.

Там, где грохнули «Карлы», свидетелей не осталось. Вернее — на КП западного берега Буга считалось, что не осталось...

«Анемона» прокатилась вдоль берега Западного острова. Погибли секреты, загорелись несколько зданий. Северо-западу острова досталось особо — по нему отработали и «Небельверфер» и «Карлы»[520]. Последние наносили удар по доту[521], где рядом, в казематированном редюите, находилась окружная школа шоферов погранвойск.

Взрывы «Карлов» и «Небельверфер», выглядящие столь живописно на западном берегу, на восточном просто не успели произвести должный эффект. В дотах и позициях полевого заполнения никого не было. Те из пограничников, что не были в секретах, находились либо в Цитадели, либо в горжевых казармах, под толщей земли. Ни «Небельверфер», ни орудия A.R.98 пробить валы не смогли. 2 снаряда «Карла» (именно их разрывы и видел Гшопф) грохнули, конечно, серьезно, но поразили лишь тех, кто находился поблизости. А кто там был — неизвестно.

Главными жертвами первых минут войны стали пограничники, собранные на курсы спортсменов и кавалеристов — их здание рухнуло, похоронив под собой многих, кто там находился…

Пока главной проблемой для выживших стал пожар — гарь и дым не давали дышать. Тем не менее пограничники, бойцы транспортной роты и курсанты окружных курсов шоферов, мгновенно одевшись и схватив оружие, выбегая из горящих зданий, занимали оборону или пытались спрятаться от обстрела — в недостроенных дотах (1, 1а, 2, 3) и горжевых казармах, казематированном (с несколькими выходами) редюите, справа от дороги от Тереспольских ворот до Буга[522], где размещались склады трофейного польского оружия. Несколько шоферов заметили, что среди руин казармы спортсменов-кавалеристовкто-то ползает — тут же удалось откопать двух — Мешкова и Максименко. Остальные, те, кого не завалило, уже укрылись в казематах вала. О кавалеристах ничего не известно… К своим бойцам уже бежали их командиры, жившие тут же, на Западном. Дымом заволокло всю северную часть — казалось, и 45-я дивизия, планируя атаку, рассчитывала, что там не останется никого живого. Именно поэтому впоследствии северная оконечность Западного острова осталась нетронутой пехотной атакой… Дым, затмивший полнеба, мешающий вести наблюдение, прицельный огонь и верно оценивать обстановку, стал первой проблемой и у зенитчиков Энгельхардта, и на КП в Тересполе.

…Южный остров. «Анемона» расцветала здесь разрывами снарядов двух 150-мм орудий в прибрежной полосе[523], 1/98 — в районе Южных ворот, 2 батареи дивизиона Галля — в районе госпиталя. Прибрежную полосу обрабатывала артиллерия 130-го полка. По госпиталю нанесли удар и реактивные установки, но из-за их непредсказуемого характера он пришелся по всему острову.

Именно реактивные снаряды и нанесли наиболее заметный урон — госпиталь мгновенно загорелся. Больные и медперсонал, выбегая из здания, стали скрываться в подземных казематах и подвалах.

Но были и те, кто не мог этого сделать, среди около 80 больных хирургического отделения было и немало лежачих. В ужасе проснувшись, они дрожали от грохота и жестко бивших в стены палат, со звоном рассекавших оконное стекло, раскаленных осколков. Кто мог хотя бы подняться, ушли сразу же, но ничем не могли помочь своим товарищам. Те, кто, недвижимый, бессильно пытался подняться, вскоре почувствовали запах дыма…

На Южном острове войск практически не было, а секреты пограничников, вероятно, полностью погибли при артналете на прибрежную полосу. Главная сила на Южном — бойцы 95-го медсанбата и курсанты полковой школы 84 сп, располагавшейся между госпиталем и главным валом. Хорошие бойцы, они, однако имели серьезную проблему — недостаток боеприпасов и оружия. При начале артналета курсанты бросились было к Центральному острову, но бежать предстояло по открытой территории, через огород. В итоге укрылись у вала у Южных ворот, рассчитывая дождаться подхода «главных сил». Туда же отходят, падая на землю при близких разрывах, и немногие оставшиеся в живых пограничники.

За спиной курсантов — треск горящих зданий, дымное облако над крепостью, вопли и грохот взрывов у госпиталя…

…Первые минуты войны громыхнули на Северном разрывами тяжелой артиллерии и реактивных установок. «Небельверфер» били по его западной части, преграждая путь силам, что могли бы

предпринять контратаку на только что захваченный железнодорожный мост, 2-я батарея мортирного дивизиона 31-й дивизии — по Западному, 1-я — по Восточному фортам…

На западе Северного острова находились подразделения 125 сп. Удар реактивных установок пришелся по его казармам — полупустым. Его итог, как и везде, крепкие стены устояли, но начался пожар. Большинство бойцов находились в казармах, жертв было мало, на улице же «снаряды ложились на каждом квадратном метре»[524].

К сожалению, о том, как встретил обстрел Западный форт[525], данных нет. Восточный же, где (во внешнем валу) располагались конюшня и склад боепитания 333 сп, а во внутреннем — транспортная рота и первая (дежурная) батарея 76-мм зенитных орудий 393 ОЗАД — встретил «Анемону» достаточно спокойно.

Когда первые снаряды рванули на земляном валу, форт лишь вздрогнул. Проснувшись, бойцы и не поняли, что случилось. «Одни кричали, что это гроза, другие — землетрясение. Кто-то даже умудрился крикнуть, что Германия напала на Венгрию»[526].

Толща вала и стен спасла красноармейцев, жертвой «Анемоны» стал лишь часовой, охранявший склад. Однако, одевшись, бойцы стали выбегать на улицу…

Грохот первых снарядов скинул с кроватей и жителей, расположенных перед Западным и Восточным фортами ДНС («домов начсостава»), где со своими семьями жили командиры расположенных в Бресте частей. Большинство из них все поняло в первую же секунду. Вскочив с кровати, М. П. Кропельницкая накинула только пальто, схватила ребенка, одеяла, спустилась на 1-й этаж, где уже находились соседи Колесниковы (жена, двое детей, старушка мать). Живший на 1-м этаже капитан Гончар[527] в этот момент был дома. «Он забрал семью, нас всех, и мы побежали в сторону речки, где располагались под насыпью склады. Там находилось несколько солдат. Гончар втолкнул нас к ним и побежал в расположение своей части»[528].

Командир 2-й телеграфно-кабельной роты 37 обс, мл. лейтенант Александр Бобков, приказал жене Раисе завернуть в одеяло трехлетнюю Азальду и одеть шестилетнего Леню. Азальда — на руках Раисы, рука Лени — в ладони отца: в считаные минуты, выскочив на улицу, они побежали к пороховому погребу[529], превращенному в склад…

Дарья Прохоренко[530] и ее трое детей в эти минуты нашли убежище во внешнем валу Восточного форта, конюшне 333 сп: «Раздался сильный взрыв, в нашей комнате вылетела рама со стеклами. Я спросонья думала, что ударил гром. И тут же засвистели пули[531], впиваясь в стенку возле нашей постели. Я с детьми спряталась за печку, не знала, что случилось и что мне делать дальше. Но тут муж мне сказал ползти за ним, только не подниматься на ноги. Сказал, что враг перешел границу. Я, говорит, отведу тебя с детьми в подвалы, а сам пойду в часть. Привел и сам ушел»[532].

Эта, первая волна беженцев Северного острова, выбежавшая из домов практически мгновенно после начала обстрела, часто в одних ночных рубашках, схватив на руки лишь детей — оказалась и самой «счастливой», понесшей наименьшие потери. Они нашли убежище прежде всего в казематах вдоль вала Мухавца (пкт 142–143) (как М. П. Кропивницкая), бывших пороховых погребах, превращенных в склады (семья командира телеграфно-кабельной роты 37 обс мл. лейтенанта А. Бобкова), горжевых казармах Восточного и Западного фортов, главного вала — как Е. И. Костякова, жена заместителя командира по политчасти 3-й батареи 98 ОПАД Костикова А. А.: «Проснулась я от страшного грохота и треска. Муж стоял уже одетый и застегивал ремешок от часов на руке. Он сказал: „Не пугайся, это рвутся снаряды у зенитчиков“. Прослушав секунду, я спрыгнула с кровати и говорю ему: „Это война“. Он ответил: „Да, но не пугайся, вас, женщин, всех сейчас вывезут, бегите к штабу“»[533]. Костякова, 6–8 женщин и около 10 детей, добежав до главного вала, укрылись в ремонтных мастерских по обе стороны Восточных ворот. Туда же

вскоре прибежало и несколько раненых артиллеристов 98 ОПАД[534].

Но многие семьи не побежали никуда, оставаясь там же — спустившись на первый этаж или пакуя самое ценное, надеялись, что снаряды пощадят жилые дома. Да и бежать куда-либо по территории, периодически грохающей разрывами, было не менее опасно, чем оставаться дома.

Одной из них была семья командира второго батальона 125 сп тридцатитрехлетнего капитана Владимира Шабловского: жена Галина и дочери — Раиса, Татьяна, Наташа, Светлана. Самой старшей из них было восемь лет, младшей — восемь месяцев.

В ночь на 21 июня большинство подразделений батальона ' Шабловского вышло на строительство УР. В крепости осталось лишь дежурное подразделение полка — 4-я рота. На выходные остался дома, в корпусе № 5 ДНС, и сам Шабловский: коренастый, плотный, могучего телосложения, отличавшийся исключительной физической силой. В полку Шабловский пользовался репутацией умелого, строгого и волевого командира[535].

...Разбуженные грохотом, сотрясшим крепость, Шабловский и его жена, взяв дочерей, спустились на первый этаж — там, под лестницей, уже испуганно сбились женщины и дети живших в этом же доме командиров.

Шабловский был прежде всего комбатом — оставив семью, он, прямо в нижнем белье, бросился к расположению полка — туда, где находилась 4-я рота его батальона. Рядом с ним туда же бежали и другие, наскоро одевшиеся, жившие там же (в ДНС) командиры...

...Именно на Цитадель пришлась основная доля огня реактивных установок. Стены они не пробивали, но те сооружения, чьи окна выходили на юго-запад, охватил пожар. Загорелась и вся крыша кольцевой казармы, машины 31-го автобата, помещения 333 сп, выходящие окнами на церковь.

После налета реактивных установок на внутреннем дворе Цитадели практически никого не осталось — хотя этой воскресной ночью там было немного людей, часовые и несколько палаток приписного состава. Выживших нет, рассказать о действии тяжелых установок, испытав их на себе, некому. Но свидетельства есть — среди тех, кто их применял.

Гельмут Беттхер, сапер штурмовой группы, вспоминал их странное воздействие на врага:

«Нами использовались ракеты... Они летели недалеко, но их воздействие было ужасно. Я думаю, тогда там было наихудшее из возможного... Все в пределах круга приблизительно трех с половиной метров было мертво, уничтожено вызванным огнем воздушным вакуумом, разрушавшим все легкие как людей, так и животных. Это было ужасно. Вообще каждый видел, что люди просто сидели там, неподвижные, замороженные, как куклы — Ja! — многие имели раны, но некоторые просто сидели, не двигаясь, на стуле или скамье. Смерть была неизбежна, и пришла очень быстро... Ужасно!»[536]

Иван Долотов проснулся от грохота взрывов: «В оконном проеме небо светилось вспыхивающим буро-красным светом. С верхних нар прыгали раздетые красноармейцы, сбивая с ног нижних. Сапоги и брюки я надевал в коридоре»[537].

Большинство, даже не поняв, что произошло, прятались под нары или выпрыгивали из окон, убегая подальше от грохота.

Над крепостью занимался пожар — огонь бушевал на 2-м этаже в расположении 84-го полка, сгорели 3-й этаж и пожарная вышка Белого дворца, пылали сараи, сено конюшен и дрова, сложенные во дворе.

В эти минуты именно на казарму 84 сп, Белый дворец и развалины Инженерного управления пришелся удар 1-й и 2-й батарей мортирного дивизиона 34-й дивизии. 1-я вела огонь по северо-западу Цитадели, стыку 44 и 455 сп. Грохот 36 210-мм снарядов лишь потряс гарнизон — те, кто не выбежал сразу

же, уже после первых разрывов начали лихорадочно одеваться, искать оружие и укрытие в подвалах. Выпрыгнувшие,потеряв голову от ужаса, были бесследно разорваны налетом тяжелой артиллерии.

Брест. Первый секретарь Брестского обкома ВКП(б) Михаил Тупицын, как и многие заснувший поздно, проснулся от грохота — рвануло рядом, так что стекла в его квартире, в крыле здания обкома, вылетели. Сквозь разбитое окно было видно, как у границы огненные вспышки озаряли темное небо и грохот выстрелов, сливающийся в гул, то стихал, то всплескивался там опять.

Вновь два взрыва подряд — на соседней улице[538].

Тупицын, наскоро одевшись, побежал к своему кабинету — там стоял аппарат «ВЧ» (прямая связь с Минском).

«Иммергрюн». 3.19. — 3.25

Отстреляв боезапас «Анемоны», реактивные установки огонь больше не ведут, оставаясь на своих огневых…

Позиции III/ I.R. 135 у Западного острова. Огромные облака дыма закрывают небо. Все еще не рассвело — и теперь, вероятно, рассветет не скоро… Гарь, столбы дыма и пепла закрыли лучи солнца. Обстрел прибрежных зон прекратился, 13/I.R.133 долбит глубины острова — теперь дело за пехотой. Выскакивая из бункеров, первая волна 10-й роты несколькими прыжками достигает берега Буга, стаскивает на воду лодки. К ним присоединяются и офицеры с КП третьего батальона, среди них и военный корреспондент Хабеданк.

Сразу же и пулеметчики роты Лерцера открывают огонь по заранее установленным целям, прикрывая спуск на воду первых лодок, одна за другой скользящих в воду. В них подгоняемые взволнованными призывами садятся штурмовые группы. Плеск воды, взвыли моторы штурмовых лодок, грохочут пулеметы, прикрывающие переправу. Буг отражает кроваво-красные пожары на русском берегу. В глубине островов взметываются обломки разрывы снарядов мортир.

Все, первая волна отправилась[539].

С русского берега — ни выстрела. Та же картина и во всей полосе корпуса[540].

Двинулся первый эшелон батальонов I.R.130 — слева идут подразделения первого (оберст-лейтенант Набер), справа — второго (майор Гартнак). Третий, майора Ульриха, пойдет во втором эшелоне полка. Сформированные штурмовые группы выпрыгивают из своих укрытий, быстрыми перебежками преодолевают несколько метров до Буга, подтаскивают к воде малые надувные лодки и, напрягая все силы, гребут в сторону врага.

Наконец-то получил отмашку и I/I.R.135: мост разминирован — вперед! Но не потеряно ли время? Им это неведомо — сапоги солдат батальона майора Ельце застучали по мосту.

3.25. Пошли и другие роты «первого» 135-го — переправа ведется в двух секторах — «примерно в 900 метрах восточнее ж/д моста и юго-юго-западнее, примерно в 600 метрах от цели 604»[541].

2-я рота I.R.130 тащит к Бугу штурмовые лодки. Сейчас начнется операция лейтенанта Кремера[542]. Вероятно, в его группу пошли добровольцы — дело предстояло самое опасное — на максимальной скорости проплыть по Бугу между Западным и Южным островами, занятыми русскими, достигнув Мухавца, между Холмским и Тереспольским воротами повернуть направо и вдоль также занятого русскими Центрального острова мчаться вверх по Мухавцу, захватив мосты, несомненно, хорошо охраняемые и уже готовые к обороне.

Солдаты, с трудом таща тяжелые штурмовые лодки, уже почти дошли до Буга… Вдруг — грохот и дым: разрывы в самой их гуще! Русские?!. И сразу же — крики раненых, а с неба вместе с болотистой почвой Буга падают куски первых погибших «сорок пятой» и обломки штурмовых лодок. Кремер остолбенел… 4 из 9 лодок уничтожены, 20 подносчиков (солдат 3-й роты) убиты либо ранены[543].

Почему так получилось? Ведь русская артиллерия не стреляла? Нет, это отработала своя, похоже, «Небельверфер». Не зря же все исходные позиции тряслись от страха, наблюдая их полеты. Йозеф Гузенбауэр (PiZug I.R.133): «Я был (как и большинство других „камрадов“) назначен штурманом большой надувной лодки. Наша задача — перевозка солдат I.R.130 через 5 минут после начала войны через Буг. Некоторые немецкие орудия целились в свои цели, беря слишком короткую дистанцию, отчего несколько штурмовых групп оказались в опасности. Мы как раз едва достигли нашей полностью занятой надувной лодкой стержня реки, как слева, справа и позади наших надувных лодок поднялись водяные фонтаны снарядных попаданий. Я (как штурман) сидел на задней воздушной камере нашей надувной лодки (большая надувная лодка имела 3 воздушных камеры), когда внезапно упал назад — в воду. Большой осколок снаряда прямо под моей ягодицей разорвал заднюю воздушную камеру!

Плывущих со мной пехотинцев этот случай не мог вывести из спокойствия. Они гребли, стремясь достигнуть другого берега как можно быстрее, и там освободиться, рванувшись в атаку. Я же, стоя по грудь в воде, двигал поврежденную лодку к противоположному берегу.

…У Кремера было хуже — итак, половина группы потеряна, даже не пересекая границу. Что делать? Хватит ли сил? Продолжать ли операцию?»[544]

11-я рота переправляется без особых проблем. Севернее — из-за насыпи уже выбегают новые

солдаты «первого» Ельце — и они пойдут через захваченный Цумпе железнодорожный мост.

* * *

Вторые четыре минуты. На Западном, на тех же местах разорвали землю цитадели еще два снаряда «Карла». Пограничники, курсанты окружной школы шоферов — продолжают сидеть в валах. На улицу не выйдешь — начинка снарядов «Небельверфер» продолжает гореть. Север острова помимо «Карлов» молотят мортиры одной из батарей Галля. Стихает огонь в центре острова — там, к его берегу идут лодки 11-й роты.

Южный. Красноармейцам пока не до обороны — рвутся снаряды тяжелой артиллерии, горят здания госпиталя. Там, в дыму ждут своей мучительной смерти лежачие пациенты хирургического отделения.

Медсестра Прасковья Ткачева в ту ночь была не на дежурстве. Но едва стих грохот реактивных установок и показалось было, что обстрел ослаб, она уже, преодолев свой страх, бежала — туда, в хирургический, где на втором этаже ждали хоть кого-нибудь послеоперационные больные.

Влетев в уже охваченную дымом палату, под крики больных и грохот вновь рванувших на улице снарядов она схватила первого попавшегося, потащив его в укрытие. Времени было слишком мало…

Северный. Бойцы подразделений Восточного форта выбежали на улицу, осколки сразу же разорвавшихся снарядов мортирного дивизиона 34 I.D. попали во многих из них. Тем не менее бойцы, многие ранены, бегут к орудиям, ибо дежурная батарея должна уже через 5 минут после объявления тревоги открыть огонь… А боевую тревогу в их казарме объявили сразу же, как на острове разорвались снаряды[545].

Мортиры 31-й дивизии бьют по Западному форту. Его валы вздрагивают, но пробить их не удается.

Однако несколько снарядов, вероятно из-за недолетов, да, впрочем, прицельный огонь из-за дыма, окутавшего крепость, и невозможен — теперь ударили прямо в расположенные перед Западным фортом «дома начсостава». В эти минуты те командиры и их жены, кто, поднятые «Анемоной» с их простых железных кроватей, еще не успели убежать, лихорадочно одеваются и, беря на руки детей, пытаются захватить самое ценное из скудного имущества.

В комнате на втором этаже корпуса № 9 — семья ст. политрука, ответсекретаря партбюро 333 сп Ивана Почерникова: жена, Александра (воспитательница детсада), 5-летний Алик и 6-летняя Нина. Напротив, в корпусе № 8, также на втором этаже — семья Джиджишвили[546].

…Тамара Джиджишвили: «С Почерниковыми мы были близкими друзьями… Корпуса стали бомбить одновременно с казармами. Мы, раздетые, выскочили в коридор. Напротив, в окно, было видно, как Шура суетится у детских кроваток, а Ваня протягивает ей одежду ребят. В это мгновение в дом попал снаряд, стену и часть помещения словно стесало топором. Когда осела пыль, я увидела только Ваню и Шуру. Детей не было, их вместе с кроватками похоронило под обломками стены. Я стала кричать, но они меня не слышали. От взрыва снаряда Шуре зашибло ноги. Ване повредило лицо осколками, по лицу у него текла кровь. Я, оцепенев, прижимая к себе Тамази, смотрела на них. Они стояли в коридоре. В руках у Ивана была туфелька девочки, Шура зачем-то кинулась в комнату, вернулась с альбомом и штанишками мальчика и вдруг опустилась на ступеньку лестницы. Ваня сел тоже — ступенькой ниже…[547]».

В 3.20, выпустив последние, предназначенные для поддержки 45-й дивизии снаряды, мортирные дивизионы начинают вести огонь в интересах своих дивизий, наступающих слева и справа от крепости.

«Иммергрюн» Цитадель пока не затронул — через несколько минут ей сполна достанется от «Крокуса»…

Во всей полосе корпуса к русскому берегу идут, вероятно, около двухсот надувных лодок — по ним ни выстрела[548].

Лейтенант Цумпе только что обезвредил подрывной заряд на центральной опоре[549] и освещает фонарем соседние — не подготовили ли русские еще сюрпризов? С восточного берега наползает дым. Кажется, пахнет паленым мясом?

Берлинское время — 3.20.

*** * ***

Брест. Линия ВЧ в кабинете Тупицына еще работала, но, услышав в трубке голос дежурного в ЦК Белоруссии, он едва успел представиться, как страшный грохот накрыл коридоры обкома, сильный удар по голове отбросил Тупицына в противоположный угол кабинета.

Сквозь оседающую пыль была видна дыра в стене — прямое попадание! Грохот — уже возле обкомовского гаража. Они явно пристрелялись, сволочи… Схватив и тотчас отбросив ставшую бессмысленной телефонную трубку, Тупицын, сунув в карман печать обкома, борясь со звоном в голове, побежал в подвал…

Минск. Штаб Западного особого военного округа. Из армий одно за другим приходят сообщения об артобстрелах, авианалетах. В полосе 10 А — «группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено плен, один бежал»[550]. Что это — война? Провокация? Сейчас не до раздумий — нужно срочно сообщать в Москву. Начальнику Генерального штаба уходит боевое донесение штаба Западного ОВО № 001/оп, подписанное его начальником, генерал-майором В. Е. Климовских. О положении в районе Бреста информации мало: «…4-я армия — в 4 часа 20 минут началась бомбежка Бреста. Количество самолетов не выяснено… По всей границе, по данным постов ВНОС, — артиллерийская перестрелка»[551].

«Крокус» 3.23 — 3.27

3.25. **Сектор форсирования 10-й роты 135-го полка. Отделение Лозерта приостановило стрельбу. Артогонь тоже подутих — русский берег, окутанный дымом, все еще молчит.**

Однако страшный грохот идет с Центрального острова — по нему бьют две батареи мортир Галля, третья артполка — продолжает крушить зону немного восточнее района госпиталя[552].

3.27 **— первые лодки 45-й дивизии, 10 и 11-й рот «сто тридцать пятого», достигли берега, сразу же развернувшись, идут назад — за второй волной. Штурмовые группы выпрыгивают на советскую землю, занимают оборону. Пулеметчики возобновляют огонь, фельдфебель Лозерт отдает команду: «Общее направление — цитадель, прицел 1500, точка прицеливания — верхушки деревьев», уничтожая возможного врага в глубине острова. К этому моменту решено, что отделение Лозерта остается, а второе, лейтенанта Шульца, наступает вместе со штурмующими:его поведет сам командир взвода.**

«Надувные лодки одна за другой скользят в воду Буга, пограничной реки между генерал-губернаторством и Советским Союзом. Скоро, достигая вражеского берега, последуют штурмовые лодки». Вероятно, снимок сделан в полосе переправы 10 и 12-й рот I.R.135. Они переправлялись через передовой ров на Западный остров

Группа Шульца тащит пулеметы к лодкам.

…Новых зарядов так и не найдено. Лейтенант Цумпе дает своим фонарем зеленый свет — путь свободен! В штабе Йона переводят дух — первая удача!

3.27. **КП 45-й дивизии. Поступило сообщение от I.R.135 о захвате железнодорожного моста. Недоверчивый Шлипер повторно напоминает о его тщательной проверке на возможные разрывные заряды, приказывая ее повторить. Об овладении мостом он сразу же сообщает в штаб XII А.К. и одновременно 31-й дивизии (левый сосед).**

…Основной целью «Крокуса» было нанесение удара по двум Целям на Центральном острове, возле Тереспольских и восточнее Холмских ворот, там, где располагались соответственно 333 сп, 9-я погранзастава и 84 сп, с 75 орб.

Снаряд № 3 одной из установок «Карл» сотряс здание пограничников, угодив как раз в то крыло, где жили их семьи. Безостановочно бьют две батареи мортирного дивизиона — с грохотом рушится и второе, северное крыло — там, где комендантский взвод, курсы наблюдателей, резервная застава. Мл. сержант (3-я комендатура) Сергей Бобренок выбежал во двор изуродованного здания пограничников: «Жарко горят посреди двора штабеля дров, сараи, столбы и деревья. Через каменный забор во двор комендатуры забросило пушку из артпарка 333 сп. Она с грохотом падает в горящие штабеля дров… Из подъезда средней части здания (там квартиры начсостава) выбегают женщины и дети… Одни бегут направо на заставу, другие налево — к комендатуре»[553]. Но многих уже разнесло в клочья «Карлом» или посекло осколками.

Масштабы разрушения ошеломительные — а снаряды продолжают падать… Те, кто прижимается к земле, уже рассказывают друг другу о каких-то «бочках с бензином, падавших с неба». Их слова подтверждает обширная площадь возгорания прямо посреди двора, взметывающая в небеса огромный столб густого черного дыма. Там-то что может гореть — земля? О разлившейся начинке зажигательных снарядов реактивных установок пока никто не знал…

Тоскливо воют овчарки пограничников в вольерах.

Пехотное оружие атакующих полков пока молчит, ожидая указаний Йона и Гиппа. 13-я рота 133-го полка продолжает бить по восточной окраине Западного острова, перенеся огонь дальше в его центр.

Началась постановка дымовой завесы 98 и 99-м артполками, чередуемая с осколочно-фугасными снарядами. Это расчищается дорога для первого батальона 135-го полка — частично пока ожидающего повторной проверки моста… По северу Западного острова бьет II/A.R.98, его III дивизион — по берегу Буга у стрельбища. Сектор главного вала, где батальон прорвется на Центральное укрепление, накрывает I/99, и, наконец, последний довод — снаряд № 3 второй из установок «Карл» рвется на северо-западной части Северного острова, круша старые укрепления на восточном берегу Буга.

I/A.R.98 ставит дымовую завесу, перемежая ее осколочно-фугасными снарядами, на пути атаки II/I.R. 130–200 м восточнее центра Южного острова.

Тем временем завыли моторы штурмовых лодок группы Кремера — он все-таки решился. Наскоро пристроив раненых, потеряв в первые минуты практически половину отряда (оставшиеся лодки не смогут перевести всех), сжав челюсти, Кремер прыгает в лодку. Его солдаты уже там.

Через несколько минут штурмовые лодки выносятся на Мухавец, между Холмским и Тереспольскими мостами, немного снизив скорость на повороте, поворачивают к Холмскому. Находившийся в кольцевой казарме у Холмского моста мл. лейтенант Ф. Е. Забирко был свидетелем их появления: «С запада на Мухавце появилась моторная лодка. В ней находилось 5–6 немецких офицеров в фуражках и черных клеенчатых плащах»[554]. Ближе к лодкам Кремера, в прибрежных кустах Мухавца, укрывался сержант пограничник Морозов Н. М.: «Вдруг я увидел, что навстречу мне плывет катер, на палубе которого стоит группа немецких офицеров… Как только катер минул меня, я приподнялся и бросил свою гранату»[555]. Но не Морозову единственной имевшейся у него гранатой удалось остановить лодки Кремера — они уже готовились лавировать между опор Холмского моста… Как вдруг днища лодок захрустели на песке — отмель! Хуже нельзя было придумать — они остановились как раз напротив кольцевой казармы, где красноармейцы 84 сп уже вполне оправились от обстрела и держали оружие в руках. Их растерянность от появления немцев длилась лишь мгновение — последовал такой огонь, что вода вокруг лодки забурлила от пуль.

Группа Кремера попрыгала в воду, прячась за лодками, пыталась стащить их с мели. Пули крошат щепы. В лодках много пробоин. Если бы у красноармейцев в это время была пара пулеметов, то эпопея группы бы закончилась. Однако это только первые минуты — русские еще не имеют боевого опыта. Их гранаты не долетают. Стрелять они вынуждены с первого этажа — второй горит, мешает прицеливанию и ползущий над рекой дым.

Наконец, лодки сдвинуты. Солдаты Кремера, еще не веря, что остались живы, вновь прыгают в них. Теперь куда? Назад, к Бугу — а там попытаться через другой рукав, севернее.

Через многочисленные пробоины в лодки заливается вода…

«Лилия» 3.27 — 3.35

3.28. Переправляются первые части обоих полков 31 I.D.

…В берег ткнулись надувные лодки I и II батальонов 130-го полка 45 I.D. Их не встретило ни выстрела — радоваться нет времени: это можно будет сделать, лишь захватив мосты на Мухавце. Подразделения сразу же идут вперед.

Йозеф Гузенбауэр: «Под командой переправлявшегося вместе с нами лейтенанта пехотинцы бросились к береговому откосу, за которым лежала цитадель. При этом лейтенант наших пулеметчиков был так тяжело ранен, что сразу умер — упав мне почти под ноги. Мы загрузили погибшего в следующую лодку, взяли поврежденную надувную лодку на буксир и поплыли назад для перевозки следующих партий солдат. Так я увидел первого погибшего — это быстро содействовало превращению неопытного юноши в мужчину».

Сектор форсирования 10-й роты 135-го полка. Лодки, высадившие первую волну, уже вновь у Западного берега — в них прыгает вторая волна 10-й роты, в том числе взвод лейтенанта Вильча.

В это время первая уже начала атаку — поскольку огня пока не ведется, эффект неожиданности нужно использовать максимально. Направление атаки — вдоль Буга, по восточной окраине Западного острова. Первые стычки с русскими.

«…Мы выпрыгиваем на сушу, спешим вперед. Зеленые дамбы между болотистыми рвами, заборы из колючей проволоки, низкие казематы. Лежащий мертвым советско-русский солдат, мертвые лошади в ограде. Дальше, дальше! Пулеметный огонь!! Лает вон там, на первых этажах между листвой высоких тополей. Там? Всего лишь ложная тревога — треща, горит деревянная конюшня и продолжает расстреливать очередями боеприпасы подожженная автомашина. Дрожа, отдельные группы „советско-русских“ с поднятыми руками подходят к нам. Другие прыгают между деревьями, убегая отсюда прочь с винтовками в руках. Вновь и вновь очереди нашего пулемета. Они кувыркаются, бросаются в укрытия, сдаются»[556].

Первая волна пытается как можно быстрее добраться до Тереспольского моста: пока русские еще не опомнились, необходимо захватить этот ключевой пункт. Им не до прочесывания острова — либо это сделают другие, либо русские сдадутся сами…

В лодки прыгает и вторая волна I.R.130, в ее составе идут и «панцирягеры» 14-й роты, среди них и Герман Вилд.

Но расчетам 37-мм противотанковых пушек (вес 450 кг) гораздо труднее, чем пехотинцам. Порвав себе все жилы на руках, покрыв тела синяками, охрипнув от ругательств, 14-я рота едва протащила вручную пушки через болотистый берег.

Сверхпрочные резиновые лодки угрожающе прогибаются под 37-мм противотанковыми орудиями. Осторожно гребут саперы.

А передовые подразделения третьего батальона уже переправились. Вальтер Лоос выскочил на берег. А вот и первые русские — сбились в группы, ошеломленные ужасом артналета, или попрятались поодиночке. На их бледных лицах — страх, многие, казалось, потеряли дар речи и безучастно сдавались в плен[557].

Впрочем, главное, что поразило третий батальон — переправа проходит без единого выстрела с восточного берега.

3.30. Штабом XII А.К. теперь уже уверенно фиксируется — «невредимый железнодорожный мост в наших руках».

«…Проклятие!» — еще ни разу не вступив в бой, лейтенант Кремер продолжает терять людей. Через пару минут, еще не успев дойти до Буга, тонут две лодки, изрешеченные пулями 84 сп[558]. Оказавшись в воде, их экипаж бредет к берегу — добравшись до Центрального острова, он становится первым немецким подразделением, вступившим на его землю в 1941 г. Оставшиеся три пересекают Тереспольский мост и, повернув направо, мчатся по Мухавцу, огибая разбитый Бригидский и наполненный бегущими из цитадели русскими Трехарочный мосты…

3.35. **На берег прыгает вторая волна 10-й роты 135-го полка. В полном составе достигнув противоположного берега, они, взобравшись на крутой склон, устранили скудное проволочное заграждение и теперь лежали наготове в высокой, с метр, траве, готовые к бою. Но вот уже встал командир взвода — и, поднявшись вслед за ним, бежит вперед штурмовая группа. Не встречая сопротивления, взвод Вильча прочесывает лежащий перед ним сад и несколько конюшен.**

1-й батальон 130-го (оберст-лейтенанта Набера) наступает к мостам Мухавца. Впереди — группа лейтенанта Лера (2-я рота).

Справа — по болотам, проклиная «чертовы топи», пробирается «второй» Ганса Гартнака. Болота, неожиданно обширные и труднопроходимые, сильно тормозят майора Гартнака — успеет ли он к мостам?

Второй эшелон Гиппа — 3-й батальон 130-го (майора Ульриха), в составе которого и Вальтер Лоос (далее рота Лооса пойдет на Брест), наступает вдоль передового рва к Южному острову, вдоль танковой магистрали № 1. Его цель — мост через ров. Пока, как и у Ельце — нож сквозь масло. Во Франции было труднее…

Вторая волна батальона Гартнака только что высадилась. Расчеты 14-й роты начинают вытаскивать свои 37-мм орудия из лодок. Они еще не успели отдохнуть от болот западного берега, но то, что оказалось на восточном, было гораздо хуже. Ил водоотводных канав и грязь беспрерывных болот оказались первыми противниками «панцирягеров» полковника Гиппа в России. «Орудие погружалось в грязь по оси. Держать темп наступления было чрезвычайно трудно», — проклинал свою судьбу Вилд. Тащась сквозь болота, расчеты встречали и русских — но пока это были лишь пленные, полуодетые и ошарашенные ночным нападением[559].

…Северо-запад Северного острова, где через несколько минут пойдет батальон Ельце, сотряс землю

снаряд № 4 «Одина». Для него же, первого батальона, обрабатывает главный вал I/99, а мортирный дивизион Галля — Западный и Восточный форты, накрывая и дома комсостава. 13-я рота I.R.133-го наносит удар по юго-восточной части главного вала на Северном острове — расположению 98 ОПАД.

…Услышав грохот «Анемоны», артиллеристы 98-го противотанкового дивизиона бросились к технике — им в лицо пахнуло гарью и пылью бури, бушевавшей над крепостью. Заводили тягачи, автомобили, цепляли орудия. Но ехать-то куда? Командиров не видно… Иные бросились к кранам — набрать воды во фляжки перед дорогой. Но воды уже не было.

Снаряды 13 I.R.133, упавшие в расположение, заставили их вновь вбежать в укрытие. Оттуда они могли только смотреть под свист снарядов и шелест осколков, как загорается то один, то другой тягач, и, отброшенные взрывами, кувыркаются их орудия.

Те, кто остался в казарме, где от зарева, вставшего над границей, вдруг стало светло, разбирают винтовки, шинели, противогазы. Но патронов нет — дневальный наотрез отказывается выдавать их без командиров.

…Бегущие через Трехарочный мост красноармейцы и не узнали, что именно им предназначался снаряд № 4 «Тора» (правой установки «Карл»). Его цель — чуть левее въезда на мост на Северном острове. Однако если бы он грохнул, то накрыло бы и далеко левее, и далеко правее… Однако он не грохнул и даже не вылетел — и сейчас у «Тора» с проклятиями суетится его многочисленный расчет, — снаряд № 4 застрял в казенной части из-за того, что его медный поясок оказался то ли слишком толст, то ли недостаточно обработан или скошен не на ту сторону. Попытки вытащить снаряд пока безуспешны[560].

98-й артполк смещает удар все восточнее — I дивизион по юго-востоку Южного (где, в общем-то, частей нет), III — вдоль железнодорожных путей к северо-западу от Северного, где пойдут подразделения 135-го, отсекая крепость от города, второй — по северо-восточному сектору кольцевой казармы Цитадели, расположению 455 сп и 33-го отдельного инженерного полка.

Вот и у «Одина», собиравшегося сотрясти Западный форт, засуетился расчет — та же проблема, в казенной части застрял снаряд. Как и расчет «Тора», его пытаются вытащить своими силами, надеясь возобновить стрельбу. Однако в ближайший час у них ничего не выйдет…

3.35. Первые части немецкой авиации перелетают Буг[561].

Услышав наверху рев моторов, мечущиеся по крепости бойцы увидели, как там, еле видные на сером, застланном дымами фоне неба пошли *черные* **самолеты.**

«Нарцисс» 3.35 — 3.40

3.37. Не встречая вражеского сопротивления, переправляется первая волна 341.D.

3.40. Штаб XII А.К. докладывает обстановку командованию А.О.К.4; штаб армии ориентирует, что и у соседа слева никакого существенного сопротивления.

Огонь артиллерии Arko 27 смещается все дальше на восток. Из зоны обстрела выведены все острова, кроме Северного, мортирный дивизион бьет по Западному и Восточному фортам и пространству между ними, где бегут люди, пытающиеся вырваться через Северные ворота. Хотя основная часть пока в укрытиях, пережидая обстрел.

Еще в первые минуты семья лейтенанта Бобкова выскочила из своего дома, одного из домов ДНС перед Западным фортом. Подбегая к бывшему пороховому погребу, они надеялись, что окажутся в надежном убежище. Тяжелый замок на двери «убежища» развеял их надежды. Там, перед входом, находившимся как бы в небольшой нише, на площадке, под нависшим бетонным козырьком уже столпилось несколько семей, безуспешно пытаясь сбить замок.

Почему они не пытались найти другое укрытие? Например, расположенные гораздо ближе Восточные и Западные форты? Пришлось бы бежать по открытой местности, да и бурю, бушующую над фортами (основной цели тяжелой артиллерии на Северном острове), было видно и из-под бетонного козырька.

…Вскоре смерть пришла и к ним. Грохнувший снаряд взорвался почти рядом со скопившимися у входа людьми. Мл. лейтенанту Бобкову оторвало ноги, Азальда и Раиса Бобковы были убиты мгновенно. Осколки посекли и насмерть испуганного Леню. Но он только ранен, пытается спрятаться под ногами у немногих выживших. Еще два снаряда! На землю валятся новые трупы, живые с криками устремляются прочь — к клубу 98 ОПАД. Леня от страха не может даже плакать — остался у того, кто был ему защитой — периодически терявшего сознание, умирающего отца.

12-я рота I.R.133 бьет по дороге, ведущей из Восточных ворот, отсекая прорыв тягачей 98 ОПАД, чье расположение накрывает I/A.R.98, второй и третий дивизионы артполка уже вывели огонь за крепость — II/A. R.98 обрабатывает развилку железнодорожных путей у моста через Мухавец, III/A.R.98 — южный въезд на путепровод (северо-западнее крепости). I/A.R.99 — валы бастиона западнее Северных ворот.

Таким образом, заканчивается обработка главного вала — фактически он обстрелян на всем протяжении. Все, что там могло быть приготовлено — проволочные заграждения, пулеметные гнезда, — должно было быть уничтожено. 1939 г., показавший значение главного вала, не должен был повториться.

Артиллеристы 98 ОПАД сейчас ощутили всю силу артогня — от испуга многие тряслись как в лихорадке. «Чтобы успокоить себя, мы прижались к стене, но и она содрогалась. В суматохе и смятении мы смотрели друг другу в глаза и спрашивали: „Что же это такое? Почему не объявляют боевой тревоги? Где командиры?“»[562]

По Западному острову штурмовые группы неотвратимо движутся к Центральному. В то же время в южной части Западного острова концентрируются советские бойцы из пограничных подразделений. 11-я рота, пробежав по центральной дороге, рассекла остров на 2 части, зачистив его центр. Однако в южной и северной, попрятавшись в горжевые казармы валов и в казематированные редюиты (пкт 242 и 247), скопилось около 80 человек. Из казармы окружной школы шоферов[563] прозвучали выстрелы. Ее блокировало 12–15 человек 11-й роты. Завязалась первая перестрелка…

В это время в центре Западного острова 11-я рота пронеслась мимо расположения транспортной роты 17-го погранотряда, чей командир, старший лейтенант Аким Степанович Черный[564], сумел прибежать к своим бойцам уже в первые минуты обстрела. Там находилось около 30 человек, остальные были убиты, ранены или через мост убежали в Цитадель. Черный решил первым делом вывести машины и, оставив в расположении пару бойцов, вместе с остальными бросился к гаражам, располагавшимся слева от казармы окружной школы шоферов. По пути встретили ее начальника, старшего лейтенанта Ф. М. Мельникова, жившего в одном доме с Черным.

Теперь бойцы погранвойск бежали к границе тем же путем, где несколькими минутами до этого, только в противоположном направлении, протопали солдаты 11-й роты 135-го полка. Подбежав к казарме школы, пограничники заметили, что она окружена. Упав в окружающий школу кустарник, группа Черного открыла огонь из двух своих пулеметов. Теперь в окружении оказались уже солдаты 11-й роты…

Однако большая часть пограничников, оказавшаяся на пути 11-й роты, отошла на северную часть острова. Командование над ними принял также живший на Западном лейтенант А. П. Жданов — один из командиров окружной школы шоферов погранвойск.

Основная масса группы Жданова — у пкт 242, где и располагалась школа шоферов. 15 человек — на северной оконечности Западного острова[565]. У них в руках оружие, и воевать они умеют.

«Группа советско-русских пленных. Ужас от немецкого артиллерийского огня еще не сошел с их лиц. Обстрел и немецкий штурм прошли так неожиданно, что некоторые из советских солдат даже не оделись». Одеться успело явно немного. Но кое-кто — уже в фуражке. Возраст — 19–20 лет, (командиров и приписных нет). Руки поднимают не все. Учитывая маршрут Хабеданка, снято, вероятно, где-то у вала (или дамбы) у Буга, хотя часть бойцов явно не принадлежит к пограничным войскам…

Цитадель в эти минуты, между окончанием артобстрела и вторжением штурмовых групп, напоминает растревоженный муравейник. Большинство пытается выбраться через Трехарочные ворота, однако многих из них пугает продолжающийся сильный налет на его восточную часть. Поэтому, надеясь его переждать, люди прячутся в восточной части кольцевых казарм, расположении 455 и 33-го инженерных полков, и в горжевых казармах укрепления, впоследствии прославившегося под именем пкт 145.

Однако большинство никуда не бежит — в ужасе от артобстрела, лишившись командиров и не получая никаких команд, не имея оружия, подчас сгоревшего где-нибудь в кольцевых казармах, они забились либо в подвалы, либо в любые кажущиеся надежными убежища. Многие, впав в панику, просто мечутся в ужасе по двору Цитадели, среди дыма, трупов и пожаров.

Нельзя забывать, что лишь за месяц численность соединений резко выросла за счет как молодых солдат, так и приписного состава. Это были уже не ветераны финской, а молодые, большую часть первого месяца своей службы проведшие на строительстве приграничных укреплений солдаты.

Что мог сделать красноармеец без командира? Разве что одеться и схватить винтовку, стоящую здесь же, в расположении. А после? Выходить на позиции, указанные в плане прикрытия? Но вряд ли сержанты, в лучшем случае оказавшиеся рядом, досконально знали район сосредоточения, по которому уже или пронесся артогонь, или осторожно шли штурмовые группы вермахта. Да и на чем? Автотранспорт горит на глазах, лошади, смертельно раненные, ржут так, что сжимается сердце даже у привыкших ко многому людей поколения 30-х. Бежать на восток? Но ведь большинство в Цитадели — это спецподразделения (транспортные, артиллерийские). Бежать, бросив матчасть? Бежать, не имея приказа? А дежурные подразделения? А посты?

К тому же — не прозвучало объявления войны или тревоги (последнее должны были сделать те же дежурные подразделения), да и ни врагов никаких вокруг. Что происходит? Артогонь и самолеты в

дымном небе еще не повод бросить все и бежать на восток без оружия и сапог.

А командиры, которых все ждали, наскоро простившись с семьями, в первые же минуты побежав к своим подразделениям, пока пережидали обстрел, бушующий в восточной части Северного острова.

Начальнику штаба 98 ОПАД Ивану Акимочкину, оставившему в ДНС жену и двух детей, не успев надеть ремень и фуражку (он держал их в руках), прорваться удалось: вбежав в штаб, увидев бойцов, столпившихся у дневального, он тут же приказал выдать патроны.

Брест. Встретив на первом этаже обкома секретарей Новикову и Красовского, двух милиционеров и несколько пришедших в обком коммунистов, Тупицын увлек их всех за собой в подвал. Одного из коммунистов послал в штаб дивизии — узнать обстановку.

«Тюльпан» 3.40 — 3.45

3.40. **Замечена белая ракета в 900 м восточнее моста. Кто там — одна из передовых групп Ельце (кто-нибудь из идущей к северу от цитадели роты Кене)? Если так, то они сильно рискуют — через секунду там начнет работать артиллерия фон Кришера.**

Основные силы батальона — уже на восточном берегу, одни прочесывают казармы 131 ап, другие идут в сторону главного вала, как нож по маслу. Здесь же Йон размещает свой КП. Русских множество — но они все ошарашены. В тыл по мосту бегут первые пленные…

3.42. Переправляется 3-я волна I.R.135. Главные силы I.R.130 уже на русском берегу.

3.43. Никакого огня вражеской артиллерии, сопротивление самое незначительное. Огнем мортирного дивизиона с оптической разведкой проведено разрушение форта V.

Огонь Arko 27 переносится все восточнее. Сейчас фон Кришер обеспечивает в первую очередь поддержку пехоте I/I.R.135 (майора Ельце), огибающей крепость с севера, и III/I.R.130 (майора Ульриха), обходящей ее с юго-востока, захватывая переправы на Мухавце. Поддерживая Ульриха, первый дивизион A.R.98 молотит в 500 м юго-восточнее Южного острова, второй — продолжает обстрел железнодорожной развилки, ту же территорию крушит и мортирная батарея. Остальные мортиры Галля бьют по восточным валам крепости. После обстрела 210-мм мортирами там не должно остаться ничего, что могло бы помешать движению по танковой магистрали № 1.

Третий дивизион A.R.98 бьет между главным валом и железной дорогой, первый A.R.99 — по главному валу западнее Северных ворот.

Главным успехом этих минут стал выход батальона Набера на Мухавец — в 3.45 группа лейтенанта Лера (2-я рота) взяла мост «Гипп» и железнодорожный мост «Холм», что, по замыслу, должна была сделать группа Кремера. Но где Кремер — неясно.

В эти минуты лейтенант Кремер вновь несет потери — вот уже и третья, изрешеченная пулями 84 сп лодка, набравшая воды по самые борта, тонет, едва пронесясь под Трехарочным мостом. Экипаж выпрыгивает в воду, прямо перед казармой 33-го инженерного полка, на виду у десятков русских, бегущих по мосту… Все, что можно сделать — забежать под него…[566]

А две лодки Кремера мчатся дальше…

За несколько минут до захвата Лером мостов на Мухавце, через мост передового рва (пкт 227) подразделения батальона Ульриха вошли на Южный остров. Вскочив на валы у Южных ворот и установив там пулеметы, они прикрыли огнем штурмовые группы: те, вбежав на остров, и, пронесшись через Южные ворота, устремились к госпиталю[567].

В это время группы курсантов полковой школы 84 сп, бойцов 95-го медсанбата и несколько выживших пограничников, скопившихся несколько левее Южных ворот, пока не предпринимали никаких действий — ситуация была все еще неясной. Но, похоже, придется повоевать… И убивать.

А медсестра Прасковья Ткачева продолжает спасать — в хирургическом пламя уже бушует вовсю. Выхватывая последних, что чувствует она, слыша, как из дыма к ней взывают те, кого уже не успеть спасти? Ткачева вынесла двадцать, нескольких — присоединившаяся к ней медсестра Нина Косенкова. В послеоперационной уже бушует пламя… Ткачева и Косенкова видят, как рушится ее крыша. Последние вопли смешались с клубами дыма и грохотом…[568]

Они, надрываясь, продолжают тащить в укрытия тех, кому повезло. Пока.

…Майор Ельце, командир атакующего с севера I/I.R.135, облегченно вздохнул — роты, не встречая сопротивления, прошли Северо-Западные ворота, заняв большой сектор главного вала! Все, захвачен важнейший оборонительный рубеж, сентябрь 1939-го не повторится. Теперь вперед, захватывая растерянных русских и метая гранаты вовнутрь многочисленных строений и подземных казарм, не тратя времени на прочесывание. Цель — дорога, идущая через Северный остров.

Полоса наступления Ельце включала казармы 125 сп, Западный форт и дома начсостава.

Сержант, командир минометного расчета минометной батареи 125 сп В. И. Фурсов: «Бойцы нашей батареи взяли винтовки (их оказалось всего около 12, да и то учебные, и несколько десятков патронов) и выскочили на улицу. В этот момент из штаба полка к нам прибежал лейтенант Полтораков (командир взвода разведки) с шашкой наголо и закричал: „Товарищи, за мной, в районе конюшни немцы![569]“»

Подбежав к главному валу, красноармейцыначали перестрелку с захватившимиего солдатами Ельце.

…Последние фазы артналета «сорок пятой» пришлись как раз на северо-запад Северного острова. Именно туда, к расположению своего полка, надеясь вывести 4-ю роту, и пробивался капитан Шабловский, но артиллерия не позволила ему это сделать.

Капитан и другие командиры 125 сп, вооруженные лишь пистолетами (среди них начарт полка П. Д. Войтенко, батальонный комиссар С. В. Дербенев (замполит 125 сп), военврач Гаврилкин, мл. л-т. Кравченко, политрук Синичкин и еще 10–12 человек) переждали огонь в каменном здании склада одного из подразделений связистов, стоявшего между домами № 2 и № 3. Здесь перевели дух — позади, на таком коротком пути, уже лежали мертвые двое из них — лейтенанты, а навстречу, перебежками от дома к дому — несколько женщин, пытаются уйти к дороге. Но вот залпы стихли… «Вперед!» — Шабловский и его группа пытались было подняться. Но тут — новая и более серьезная опасность — первые пулеметные очереди бьют по мечущимся красноармейцам! Заметались и командиры с Шабловским во главе — подскочили было к дому № 3, но там навстречу им уже били пулеметы батальона Ельце, справа от конюшни. Их огонь усиливается — приходится отказаться от дальнейшего пути. Шабловский с частью группы, отходит назад, к дому № 5… А ведь они почти прошли — уже было видно, как с окон второго этажа казармы 125 сп, выбросив вниз матрасы, прыгают курсанты полковой школы — лестницу, ведущую наверх, разбило снарядом.

Проблемой I/I.R.135 стало то, что казармы 125 сп стояли как раз напротив Северо-Западных ворот. Огонь из них был открыт сразу же — в итоге казармы пришлось обходить и, разделившись на группы, врываться на Северный с других направлений.

Успешнее пошло дело у тех, кто побежал вдоль Мухавца — там, в валах, размещались преимущественно склады, где пережидали обстрел семьи начсостава. Отсюда солдаты I батальона пошли к Западному форту — основной, после главного вала, цели в западной части Северного острова. На их пути оказались дома начсостава, на крыльце одного из них — корпуса № 9 (вернее, уже его развалинах) сидели только что потерявшие детей Иван и Александра Почерниковы.

Тамара Джиджишвили (корпус ДНС № 8): «С рассветом в наш дом ворвались немецкие автоматчики[570]. Расталкивая женщин и детей, немцы метались по коридору и комнатам, открывали шкафы, разбрасывая постели, видимо искали наших мужей. Закончив обыск у нас и у Ивановых, они побежали к Почерниковым. Мы стали кричать Ване. Он вскочил с пистолетом в руке. Первый же немец — верзила с поднятым воротником, упал навзничь. Другой пустился бежать, но Ваня застрелил и его. Затем еще и еще выстрелы… Ваня направил пистолет на Шуру. Выстрелив в нее, он покончил с собой»[571].

В доме № 5 немцев увидели еще издалека — решили укрыться пока на чердаке. Там, помимо Шабловского и уже упоминавшегося Войтенко, находились сейчас и другие, не сумевшие пробиться к своим частям ст. л-т И. Д. Панарин (комвзвода 333 сп), военврач 3-го ранга М. Н. Гаврилкин[572]. В корпусе № 5 нашла убежище и С. И. Ноздрина: «…В доме, где остановились, были военные и женщины. Военные находились на чердаке… Старшим был Шабловский, его все знали и слушали. Вооружены были пистолетами»[573].

Помимо командиров в доме № 5 находились и несколько бойцов 125 сп. Стараясь не обнаруживать себя (с пистолетами много не навоюешь), ждали возможности выбраться — но кругом уже были немцы.

…Тамаре Джиджишвили, как и всему дому № 8, повезло — ибо, как правило, единственной альтернативой обыску была граната М-24, летевшая в любое, представлявшее опасность помещение. Суровый принцип уличного боя «перед тобой идет твоя граната» стал в эти минуты смертельным для многих членов семей комсостава…

Услышали *нерусскую* речь женщины (среди них и М. П. Кропельницкая), по совету капитана Гончара, прятавшиеся в складах под валами у Мухавца (пкт 143–144). Они полезли под нары, спрятав туда же детей. Однако немцы, пробегавшие мимо, даже не стали утруждать себя обыском — в дверь влетела М-24, смертельно ранив прятавшегося там же красноармейца. Несколько осколков поразили двух женщин и 2-летнего сына Кропельницкой[574].

Немцы побежали дальше — до дороги через Трехарочный, первой цели атаки, осталось несколько десятков метров.

Центральный остров. Паника заразна, но не все ей поддаются. 3-й батальон 84 сп чувствует себя победителем после обстрела лодок Кремера, комиссар Ефим Фомин пытается навести порядок, ему помогает комсорг Самвел Матевосян[575].

В расположении 9-й погранзаставы после только что закончившегося на Центральном острове артобстрела осталось в живых примерно 17 человек, включая ее командира лейтенанта Кижеватова. Первое средство от сильнейшего нервного потрясения — махорка. Она нашлась у коновода Алексеева. Первым делом закурили. Затем стали готовить оружие[576].

Пограничники 3-й погранкомендатуры, расположенной в противоположном крыле того же здания, также полуодетые, пытаются откапывать из-под обломков стен винтовки. Уничтожают документы.

В полумраке подвала 333 сп — более 100 человек, среди них 10 младших командиров, 5 лейтенантов[577]. Лейтенанты Санин и Потапов группируют вокруг себя знакомых бойцов.

В это время на Центральном, потерявшем почти весь автотранспорт (именно дым от горящих грузовиков 31-го автобатата закрывал полнеба) хаос достиг предела — младший сержант 75-го разведбатальона К. И. Жармедов: «Когда мы с большими трудностями начали приближаться к танкам, то нас с наших же танков обстреляли пулеметными очередями. И вот, оставшиеся в живых, а их оказалось очень мало, бросились обратно в казарму. Командного состава среди нас не было»[578]. Продолжалось бегство через Трехарочный мост красноармейцев, группами и поодиночке, использующих последнюю возможность покинуть пожарище крепости.

Но многие же в эти минуты бежали через Трехарочный мост в противоположном направлении: наконец-то пришли командиры, среди них были те, кто уже в ближайшие часы возглавит оборону крепости.

Живший в ДНС начальник полковой школы 44 сп (находившейся в северном секторе кольцевой казармы) старший лейтенант В. И. Бытко вбежал на Центральный одним из первых — он, взяв группу курсантов, и не тратя времени на поиски остальных, повел ее к Северным воротам — за ними, у полкового обоза было место сбора полка по боевой тревоге. Далее все подразделения 44 сп должны были идти в район сосредоточения — старое стрельбище к северу от Бреста[579].

Почти вслед за ним в Цитадель, надеясь, выводя полковую школу, вынести из находившегося там же штаба и секретные документы, и полковое знамя вбежал и командир 44 сп майор Гаврилов. Ни знамени, ни документов — штаб горел, да и бойцов своего полка Гаврилов встретил не более двадцати. Остальные уже бежали к главному валу сами, не дожидаясь командиров, или укрылись в подвалах, откуда доставать их времени уже не было.

И через несколько минут бежал обратно и командир 44 сп к Северным воротам, где находилось самое крупное из остававшихся в крепости подразделений — 1-й батальон, размещавшийся с их левой стороны.

…Вбежав на Центральный остров, техник-интендант 2-го ранга Иван Черняев, заведующий

делопроизводством обозно-вещевого снабжения 333 сп, первым делом бросился к расположению полка — именно там было место сбора по тревоге. Однако увидев, что оба этажа горят, в растерянности остановился и кинулся назад — к Трехарочному.

Туда же — и несколько командиров, ночевавших в расположении полка в ту ночь, стремясь прорваться в район сосредоточения, предписанный при боевой тревоге. И. В. Осадчий: «Я при любых обстоятельствах должен был прибыть на сборный пункт полка, находившийся в нескольких километрах северо-восточнее Бреста, в лесу у деревни Новые Задворцы»[580].

Из 333 сп уходили как целыми подразделениями под командой своих командиров (дежурная рота, наиболее боеспособное в эти минуты подразделение, почти в полном составе перебежала к Трехарочным[581]), так и группами: разбуженные грохотом писари 333 сп, один из которых был ранен в ногу влетевшим в окно осколком, выбежали в коридор, решив попасть в штаб (на втором этаже). Расположенное рядом караульное помещение уже опустело, сверху со второго этажа слышались крики и стоны раненых, лестничные площадки завалены обломками… Коридор постепенно заполнялся дымом — где-то начался пожар. Писари, не имея оружия, побежали к Трехарочным.

В эти минуты к мосту, но с другой стороны примчался командир 2-го батальона 333 сп старший лейтенант Мамчик, один из опытнейших командиров, прошедший финскую войну — там, у Трехарочного, он и встретил свою роту, едва успевшую перебежать через мост. Опытный комбат и вооруженное подразделение — так образовалась одна из первых сильных боевых групп.

Они столпились у пкт 145, прячась за дымом — здесь на валу горит даже трава, — вероятно, взорвался один из зажигательных турбореактивных снарядов.

Южный остров: среди корпусов госпиталя показалось несколько мокрых пограничников, отходящих с Западного острова — группы Кукушкина и Русакова. Они укрылись в каземате, куда Ткачева и Косенкова стаскали больных. К ним присоединились и Ровнягина[582] с Хорецкой, служащие госпиталя — всего 28 человек. При перевязке одного из пограничников — Родионова (стрелка 3-й резервной заставы), выяснилось, что рядом, впереди, в кустарнике лежит раненый Кукушкин.

19-летняя Вера Хорецкая кинулась к нему, чтобы перевязать.

3.45. **Оседает пыль последних разрывов на восточных валах. Артиллерия дивизии выполнила свою задачу. 8,8-см зенитному орудию унтер-офицера Клаусена приказано после наводки переправы переправиться на тот берег и занять позицию у железнодорожного моста.**

3.50. Начальник инженерных частей корпуса получает приказ сразу после завершения разведки начать наведение моста.

3.55. **Группа лейтенанта Лера видит, как к мосту «Гипп» несутся две немецкие штурмовые лодки — наконец-то, это же Кремер! Короткое обсуждение — надо двигать дальше, к третьему мосту («Вулька»), Там поможет и группа лейтенанта Кляйна (тоже из первого батальона).**

3.55. **2/Pi.81 начинает наведение 8-тонного моста к Северному острову (непосредственно к западу от северной оконечности Западного острова).**

3.55. **Сообщения от бронепоездов — с 23.00 они уже в Малашевиче. Однако поскольку вокзал и разгрузочный (рельсовый) путь преграждены, выгрузку боеприпасов начали только в 3.00 22.6. Время вступления в бой из-за полной нехватки вспомогательных средств совершенно неясно. Над установлением радиосвязи работают.**

98 ОПАД: Акимочкин быстро наводит порядок — одного послал в город за ключами от склада боепитания, второму — подать к штабу машину, третьему — заправить бензином автомобили, прибывшие

на склад, четвертому — тягач, стоявший под обстрелом, вернуть в укрытие.

…Дороги Южного острова были густо усыпаны сорванными взрывами ветвями и листьями, тут и там на них лежали трупы лошадей или русских, в одном нижнем белье или полуодетых. Живых почти не было — и поэтому довольно быстро среди горящих корпусов госпиталя показались первые солдаты батальона майора Ульриха (III/I.R.130). К этому моменту большинство больных уже были укрыты в подземных казематах. Понятно, что оружия или боеприпасов у больных и у большинства медперсонала не было. Тем не менее по штату[583] в 95 мсб имелось 5 самозарядныхвинтовок, 2 пистолета-пулемета, 33 пистолета, 99 винтовок и карабинов. Что касается Брестского военного и корпусного госпиталей, то, по крайней мере, личное оружие имело их руководство: в Брестском военном это — начальник, военврач II ранга Маслов и заместитель по политчасти батальонный комиссар Н. С. Богатеев.

Оба они во время обстрела организовывалиэвакуацию раненых. Маслов успел укрыться в подземные помещения, батальонный комиссар Богатеев, уничтожавший секретные документы в своем кабинете, — нет. Вытащив пистолет, он выскочил как раз навстречу солдатам Ульриха — и выстрелами из нескольких карабинов был мгновенно убит.

В эти же минуты смертельно ранен и начальник госпиталя 28 ск военврач II ранга С. С. Бабкин.

Вера Хорецкая как раз перевязывала Кукушкина, как вдруг показались двое немецких солдат. «Стойте! Здесь раненые!» — инстинктивно попыталась заслонить его собой, но ярость атаки уничтожила и раненого и медсестру…

Через минуты немцы уже приближались к каземату, где была Ткачева — сразу же грохот выстрелов под его сводами, казалось, заглушил стрельбу на острове. Солдаты Ульриха отошли…

Все в каземате ждут, что вот-вот подойдут *свои* **— полевые части РККА.**

Тем временем подразделения III/I.R.130[584] захватывают госпиталь. Еще звучат откуда-то выстрелы, и полностью госпиталь прочесать не удается, более того — к берегу Мухавца не подойти из-за огня, ведущегося с кольцевой казармы (сектора у Холмских ворот, где уже вполне оправились бойцы 3-го батальона 84 сп). Тем не менее Ульрих, взяв Южный остров, свою задачу выполнил.

3.56. От огня артиллерии взлетает в воздух склад боеприпасов в западной части Пухачево.

В полосе I.R.80 (34 I.D.) наведен мостик на надувных лодках.

3.58. Все еще никакой вражеской артиллерийской деятельности.

4.00. У 45 I.D.до сих пор еще никакого вражеского сопротивления. Подтягивается I.R.135.

4.00. **Солдаты первых волн 10, 11 и 12-й рот вбежали на Центральный остров[585].**

Грохот пулеметной очереди, несколько выстрелов у Тереспольских услышали все. Услышали, несмотря на стрельбу на Южном и Северном, вопли раненых и умирающих. Иван Долотов: «Со стороны Холмских и особенно Тереспольских ворот раздавалась сильная винтовочная стрельба вперемешку с автоматнымогнем»[586].

Они уже здесь?!

Стрельба у Тереспольских — значит, враг пришел. Значит, сейчас начнется иное, уже не артобстрел… И потребуется не только прятаться, спасать и спасаться, но и заставить спасаться *их*…

Казарма 84 сп. Немцы с тыла? Пара пулеметов — к окнам на двор Цитадели. Туда же — несколько десятков бойцов с винтовками.

«Прибыла в Одессу банда из Ростова…» — чьи-то руки с вытатуированнымна запястье якорем ловко

заправили ленту.

Второй номер молчалив. Узкие глаза на смуглом лице прячут переживания.

Закуток под лестницей в здании 9-й погранзаставы. Кучка полуголых оставшихся в живых пограничников, семья Кижеватова. Сам он уже оделся. Автоматная очередь у ворот — и через минуту мимо окон заставы в сторону Трехарочных ворот пронеслись люди в форме, виданной ранее лишь к западу от Буга.

Кижеватов, мгновенно оценил ситуацию: «Еремеев, откопать пулемет»![587] Высокий и худой, в одних трусах, Григорий Еремеев бросился к завалу. С ним второй номер — Алексеев[588]. Руками начали разбрасывать кирпич.

Брест. Подвал обкома ВКП(б). Собралось уже около сотни человек — среди них почти все члены бюро обкома и горкома. Тупицын наскоро обсуждает с ними обстановку — говорит, что только что прибежавший посыльный сообщил, что в штабе дивизии уже никого нет, все выехали за город на КП.

Новостей мало — в городе, объятом паникой, не удалось связаться ни со штабом армии, ни с погранотрядом.

Все больше слухи (кто-то сказал, что на юге города, за Мухавцом, уже слышны пулеметы), да и обстрел, похоже, усиливается. Пришел обкомовский шофер — легковую автомашину секретаря обкома помяло, но грузовики исправны, заправлены бензином… Мест хватит… Выжидательно смотрят на «первого»… Но Тупицын не спешит покинуть город — одному из секретарей поручено подготовить Брест к эвакуации, второму — уничтожить секретные документы, третьему — обеспечить вооружение коммунистов.

«Собраться вновь здесь же, через час».

4.03. **Штаб 45 I.D. Деттмер дает предварительное донесение в XII А.К. — нападение идет планомерно, и главные силы ведущих наступление частей переправились успешно. Истребителями эскадры Мельдерса в воздушных боях, в полосе дивизии между Бяла-Подляской и Брест-Литовском добыто несомненное воздушное превосходство.**

…Атакующие подразделения батальона Праксы разделились на три группы: первая бросилась к Холмским воротам, вторая — к стоящей посреди двора Цитадели церкви, третья — к Трехарочным. Кроме того, несколько солдат 10-й роты вбежали в помещения кольцевой казармы у Тереспольских ворот, захватив, в том числе электростанцию.

Пробежав между разрушенным зданием пограничников и горящим — 333 сп, штурмовая группа быстро достигла Трехарочных, моста, по которому навстречу ей к своим подразделениям продолжали бежать командиры.

Помощник начальника штаба 44 сп лейтенант Н. А. Егоров[589] столкнулся с немцами в правом туннеле Трехарочных. Егоров успел трижды выстрелить и метнулся в дверь, справа, где находилась кухня 455 сп. Большую ее часть занимала кухонная плита. Прыгнув за нее, Егоров упал на пол — тут же посреди кухни разорвалась граната. Плита спасла Егорова. Немного подождав, он вошел в соседнее помещение — и, услышав приглушенные голоса, спустился в люк, ведущий в подвал[590].

Его преследователи побежали дальше, но не все. Часть из них вбежала в столовую 33-го инженерного полка, где не было никого, кроме поварих и дежурного наряда.

Остальные выбежали на мост — неожиданно навстречу им метнулись другие «камрады». Экипажи Кремера! Короткие приветствия, и «лодочники» побежали во двор Цитадели, а солдаты III/135 короткими перебежками — на Северный остров. Их увидел от склада боеприпасов 44 сп (Северные ворота)

Н. М. Исполатов: «По Мухавецкомумосту, у Трехарочныхворот двигались гитлеровцы. Они шли медленно, то и дело замирая, как собаки на стойке. [Но после первых же выстрелов по ним], согнувшись, бежали вперед»…[591]

План атаки I.R.135 предусматривалвначале захват Центрального и лишь потом, через Северный идти на территорию Центрального вокзала. Однако, вероятно увлекшимся солдатам Праксы показалось, что ситуация складывается так, что приказ можно и скорректировать самим, на ходу… Русские не сопротивляются,и, похоже, сейчас именно тот момент, когда, как они говорят, «куй железо, пока горячо».

Увидев, что немцы уже на Центральном, поток людей через Мухавец устремился с удвоенной силой.

Не теряя времени, солдаты батальона Праксы, засевшие в столовой 33-го инженерного полка, начали обстрел Трехарочного моста и части двора Цитадели — били почти в упор, по красноармейцам, не имевшиморужия и не понимавшим,откуда ведется огонь[592].

Среди пытавшихсяпересечь мост и командир взвода приписного состава 33-го инженерного полка ст. сержант Иван Долотов (в валах у Трехарочного (пкт. 145) размещался его взвод). Иван решил, что если не доберется до него, то не выполнитни воинского, ни комсомольскогодолга.

Схватив из пирамиды ручной пулемет Дегтярева и коробку с дисками, Долотов выпрыгнул в окно со стороны Мухавца и бросился к мосту. Туда уже «бежали со всех сторон люди, но вступив на мост, падали убитыми. Откуда велся ураганный огонь по мосту, было не разобрать в этой застланной дымом рассветной мгле… Через мост дороги не было»[593].

Красноармейцыи командиры,среди них и Иван Черняев, сбежав с моста, устремились вплавь.

…Бытко со своими курсантами лишь чуть запоздал — встреченный у Трехарочных огнем, он повел бойцов к разрыву в кольцевой казарме, куда бежали сейчас десятки полуодетыхлюдей.

К воде подбежал и Долотов, но понял, что с пулеметом не переплыть. Сзади раздался грохот моторов — оглянувшись, Иван увидел, что напротив Белого дворца (пкт 163 — *P.A.*) в реку съезжали три танка Т-38 75 орб, за каждый из них держались один-два красноармейца. Долотов побежал к 75 орб, надеясь зацепиться за один из них. Но работающих Т-38 больше не было, у Белого дворца их осталось лишь четверо, брошенных, по-видимому, из-за неисправности или повреждений, полученных при артобстреле. Спустившиеся в Мухавец Т-38, добравшись до противоположного берега, огибая валы, исчезли в направлении Кобринских ворот[594].

Туда же вместе с переправившимисявплавь через Мухавец курсантами ушел и Василий Бытко[595].

В это время штурмовая группа III/135, вбежавшая на Северный остров, повернула направо — вдоль вала (пкт 145). Долотов их увидел одним из первых: «Навстречу мне бежала группа из 4–5 человек. Мы поравнялись напротив пекарни, расположенной тоже в земляном валу. Расстояние было небольшое, и меня поразила их форма. В следующий момент я лежал на земле, а сквозь листву ивняка, растущего вдоль берега, били автоматные очереди. Некоторое время я лежал не шевелясь, скрытый небольшим бугорком земли. „Вот они — немцы!“ Надо вооружить пулемет. Я чуть не заревел от досады, когда обнаружил, что диски без патронов. Конечно, как я не заметил этого раньше? Ведь с патронами они гораздо тяжелее, но вот в горячке и не заметил. Выходило, что я безоружный, и тут я припомнил, что у нас вообще нет патронов. Не было их и в моем взводе»[596].

Обстреляв Долотова, штурмовая группа устремилась дальше, мимо вала пкт 145, в казематах которого находился замполитрука А. М. Никитин, замполит роты приписного состава 33-го инженерного полка. Услышав выстрелы, Никитин и несколько пережидавших здесь артобстрел солдат разобрали винтовки, стоявшие в пирамиде у входа в каземат. Патроны взяли тут же из находящегося рядом ящика

(Никитину досталось две обоймы). Из матрацев и досок сделали защитный бруствер. Залегли[597].

Немцы, разделившись на группы, пробежали мимо — туда, где у дверей склада, под нависающим бетонным козырьком находится Леня Бобков, возле смертельно раненного отца, периодически теряющего сознание. Увидев в нише женщин и детей, немцы приказали им выходить и становиться у входа, вероятно, собираясь позже зачистить ее внутренность гранатами. Все, кто мог, вышли, заковылял и раненый Леня… Однако немцы куда-то исчезли, а вокруг продолжали посвистывать пули — и не знающие, куда деваться, люди почти сразу же вновь скрылись в нишу… Тут-то к складу и подбежало трое немцев — один из них, вероятно, считая, что гражданские из ниши уже ушли, не тратя времени на ее осмотр, подстраховался М-24… В этот момент лейтенант Бобков очнулся, отчаянно крикнув Лене «Ложись!!» Мальчик упал прямо на отца, головой к вертящейся на полу гранате. Женщины закричали, прося кого-нибудь откинуть гранату на улицу. Но кто мог отважиться на это… Взрыв! М-24 добила командира роты Бобкова — его же сыну осколки вонзились в спину и ноги. Взрывная волна сорвала замок с дверей, и они распахнулись. Истекая кровью, Леня вслед за теми, кто все-таки выжил, пополз в темноту подземного каземата[598].

…Тут закончился маршрут зарвавшейся штурмовой группы 11-й роты — далее находились Восточные валы, где спустя уже почти 20 минут после артобстрела большинство бойцов уже пришло в себя. Солдат III/135 встретили огнем, не оставлявшим сомнений, — дальше пройти не удастся. Более того, разгоравшаяся по всей крепости стрельба ясно давала понять, что, похоже, русский еж начал ощетиниваться…

Они бросились назад, к мосту, по тому же маршруту, где их уже поджидала группа Никитина: «Мы с напряжением ждали. Показалась группа фашистских солдат, человек 7–8. Они бежали, пригнувшись, по берегу Мухавца (в сторону моста) и нас не заметили. Подпустив их метров на 10–15, мы дружно открыли огонь. Два фашиста упали и остались лежать. Остальные сползли вниз к Мухавцу. В ответ на нашу стрельбу раздались автоматные очереди… Мы зарядили по второй, последней обойме»[599].

Но каземат Никитина не был приспособлен к обороне, со своей тыльной стороны, от Мухавца. Поэтому все решилось быстро — пара пехотинцев[600] метнулась к валу, в кустах которого спасались и жившие в палатках возле него бойцы приписного состава, и кто угодно, бегающий в эти минуты по Северному острову. Они не имели оружия. Запрыгнув на вал, немцы оказались вне зоны огня из казематов — далее, по валу — над казематами и, спрыгнув, оказались прямо перед ними, бросив пару гранат, скрылись. «Я не успел даже поднять винтовку. Раздался взрыв. В дыму послышались стоны: двое убиты, остальных ранило. Начали гореть нары, матрацы. Каземат наполнился дымом»[601]. Схватив одеяло, Никитин и его бойцы минут через 5 погасили огонь.

Немцы отступали дальше, к Трехарочному мосту. Здесь их прикрыли из окон столовой 33-го инженерного полка, но перебежать к ней через мост было уже опасно. Гремевшая отовсюду стрельба говорила о том, что начался серьезный бой — возможно, солдаты 12-й роты уже пожалели, что зашли слишком далеко. Однако было уже поздно — занявшим оборону у моста, на валу, имея небольшой боезапас и находясь практически в окружении, им оставалось только надеяться…

Штурмовая группа, бросившаяся к церкви, достигла ее без особых проблем — навстречу попадались только обезумевшие от артогня русские. Гоня их перед собой, немцы ворвались в церковь, красноармейский клуб. Им навстречу из Трехарочных выбежали «лодочники». Резко начавшаяся стрельба заставила закончить беготню по крепости — часть «лодочников» вбежала в церковь, часть — в стоящее рядом здание столовой комсостава[602].

Однако по-настоящему не повезло тем, кто направился к Холмским воротам или остался прикрывать ушедших туда у Тереспольских.

У Холмских атакующих уже поджидали — пулеметы и винтовки 3-го батальона 84 сп, нацеленные на двор крепости. Стучали сапоги, штурмовая группа приближалась туда, где к бойцам, занявшим позиции у окон, обратился Самвел Матевосян — ответственный секретарь комсомольского бюро 84 сп: «Фашисты, как кровожадный зверь, набросились из-за куста, ибо они боялись и боятся открытой встречи с русскими, советскими воинами. Мы уже имеем жертвы и будем иметь, но враг уже потерял больше, чем мы, и он потеряет много больше здесь, у стен нашей крепости, чем мы… Вы должны понять, что самое главное в борьбе — не поддаваться панике, не впадать в отчаяние, не терять надежды на победу. Мы далеко от Москвы, но я знаю, и вы все знаете, что Москва уже знает, что Иосиф Виссарионович Сталин думает о нас, и я полагаю, что он уже отдал приказ об оказании нам помощи… Пусть почувствуют послушные баронам и князьям молодчики, что СССР не Польша и не Франция… коммунисты и комсомольцы, я обращаюсь к вам в трудную минуту схватки с врагом… будьте достойными сынами отечества… служить примером всему личному составу гарнизона, а большевики не партийные и не комсомольцы не подведут вас. Да здравствует Родина! Да здравствует Великий Сталин!»[603]

Перебегающая штурмовая группа III/135 поравнялась с бойницами казематов Матевосяна. Дождавшись, когда большая ее часть втянется в зону обстрела, он дал команду открыть огонь.

…Очереди застучали почти в упор, выстрелы из винтовок легко находили жертвы. Те, кто пытался отстреливаться, были мгновенно убиты. Оставшиеся разбежались — часть к церкви, часть — вперед, вдоль ограды Инженерного управления (где у них практически не было шансов), кто-то — назад, к Тереспольским, или, отбежав, пытались укрыться за деревьями и открыть огонь. Но им не дали этого сделать — двери казармы распахнулись, и повалили десятки бойцов 84 сп, довершая дело штыками и выстрелами в упор.

«Когда крикнул „За мной! За Родину!“ многие опередили меня. Буквально у выхода столкнулся с немецким офицером. Верзила высокого роста, мне повезло, что он тоже пистолетом вооружен. В доли секунды… одновременно выстрелили, он зацепил мне правый висок, а сам остался… Я перевязал бинтом рану, мне помог наш санитар»[604].

Оружие и полевую сумку (там был лишь план крепости) Матевосян взял с собой. Быстрый обыск трупа не дал ничего, кроме личного знака.

Пока Матевосян перевязывал голову, немцев, убегающих вдоль ограды Инженерного управления — перестреляли — частично еще по дороге, частично бросившихся вплавь по Мухавцу. Нескольких поднявших руки[605] — среди них и офицера, затолкали в кольцевую казарму.

Тем, кто бросился к церкви, повезло больше — деревья парка мешали прицельному огню пулеметов, солдаты, услышавшие стрельбу у Холмских, открыли огонь — преследующих красноармейцев удалось отсечь. Вбежавшие в церковь, в ужасе от русского штыкового удара, остатки штурмовой группы почувствовали себя в относительной безопасности. Они не догадывались, что это лишь начало их мытарств.

4.07. Установление связи с XXIV танковым корпусом. Его передовые части переправляются во всех полосах. Взят мост у Коденя. Никакого (или самое незначительное) вражеского сопротивления.

Оставшиеся у Тереспольских 40–50 солдат Праксы, услышав стрельбу у Холмских, уже через секунды увидели бежавших в их сторону своих товарищей. Еще несколько минут назад гонявшие русских по Западному, они не поверили своим глазам, увидев их теперь уже в роли преследователей, некоторых в ночных рубахах, но с винтовками. Впрочем, было не до разглядывания — вскинув карабины, они, прячась за дровяными штабелями, стоявшими перпендикулярно к кольцевой казарме (вдоль каменной ограды двора пограничников), открыли вдоль нее стрельбу, позволившую несколько отсечь «красноту»…

Однако к этому времени Еремеев и Алексеев[606], несмотря на постоянно обваливающиеся края ямы

(в конце концов, ее подпирал еще один боец), откопали «Максим», несколько винтовок, боеприпасы. Принеся оружие к остальной группе, Еремеев сразу же получил новое задание от наблюдавшего за боем у Холмских Кижеватова — уничтожить немцев у поленниц с тыльной стороны здания погранзаставы.

4.10. Начальнику инженерных частей корпуса отдан приказ: так как мост у Коденя взят неповрежденным, в полосе 34 I.D. начинают сразу с 16-т моста. Начинается и наведение моста у южной окраины цитадели.

4.12. 34 I.D: переправляется I/I.R.80. Начинается строительство паромов.

По-видимому, увлекшиеся стрельбой по бойцам 84 сп, немцы отказались от прочесывания выглядящего покинутым здания пограничников.

Поставив пулемет на первом этаже у двери, ведущей во двор погранзаставы, Еремеев открыл огонь. С такого расстояния промахнуться трудно — пулеметные очереди посекли тела многих и многих солдат III/135[607], добивая раненых и разрывая свежие трупы. Вопли, метания… 8–10 минут — и уйти удалось единицам.

Долотов, находящийся у своей казармы, слышал отчетливо, как в дело вступили пулеметы — «огонь велся сплошным и шквальным».

Неизвестные у Тереспольских уже начали бой, а 33-й инженерный, подавленный событиями, еще молчал: вновь очутившись среди беготни и хаоса, разбуженной войной казармы Долотов не знал, к кому обратиться — из средних командиров был только дежурный по части младший лейтенант Коротков. Видно было, что в обстановке он еще не разобрался.

Предпринятые сразу же попытки послать по одному-двое связных, в ДНС (там, в 4 двухэтажных зданиях перед Восточным фортом жил и.о. комполка майор И. Н. Смирнов, мл. лейтенанты Пятаев, Терехов и Пешков) проваливались — связные погибали, даже не доходя до поливаемого огнем со всех концов Трехарочного.

Но многие уже пришли в себя: «Из построившихся в коридоре красноармейцев быстро выбирали неодетых и полуодетых и отсылали в комнаты для приведения в порядок. Всем распоряжались младшие командиры-комсомольцы. Строй был шумный. Состав красноармейцев делился на группы, которые занимали оборону у окон[608]. Вооружены были только винтовками с примкнутыми штыками и без патронов»[609].

Однако пока стрельба велась только немцами с валов — штурмовые группы 12-й роты, залегшие на пкт 145-м, в горячке дали несколько очередей по широким окнам 33-го инженерного — несколько раненых и убитых уже лежали на полу.

…Сразу же по погранзаставе наугад ударило несколько выстрелов из кольцевой казармы — сектор у Тереспольских оказался последним оплотом немцев на Центральном острове, не считая оказавшихся с этой минуты в окружении столовых комсостава, 33-го инженерного полка и церкви. «Что ж, порешим и их». Еремеев и Алексеев тянут «Максим» на стол в кабинет Кижеватова, направив его на проход Тереспольских ворот. Чудом сохранившиеся занавески позволят остаться невидимыми какое-то время.

На крыше погранзаставы залег снайпер Голубцов.

Но пока у Тереспольских — затишье.

…Итак, маятник уже шел в обратную сторону. У Буга, на Западном острове, группа Черного — Мельникова уничтожила, сцепившись врукопашную, обложивших казарму шоферских курсов (пкт 242) солдат 11-й роты, превосходя их почти втрое. Что дальше? Выводить машины? Но слышно, как у Тереспольского моста, единственного связывавшего остров с «большой землей», идет бой. Пока решили

так — Черный, считающий, что все происходящее — нечто временное, остается здесь же, у гаражей. Мельников, собрав курсантов, пошел к Тереспольским воротам, но дошел лишь до здания транспортной роты 17-го погранотряда (у пкт 255[610]). Видимо, его остановила вторая волна атакующих подразделений батальона гауптмана Праксы.

О происшедшем на Центральном острове не знает еще никто в штабе полка или тем более дивизии. Не знает даже ведущий вторую волну сам командир батальона — Пракса…

Его решение лично возглавить атаку диктовалось не только стремлением вдохновить солдат личным примером или свойственной Праксе храбростью — в вермахте при прорыве обороны командир батальона был обязан находиться в передовых подразделениях[611]. Его задача — своевременно подтянуть тяжелое оружие, указать ему цели, а в решающий момент — личным примером увлечь атакующих.

Особо это необходимо при атаке второго эшелона — ключевом моменте боя. Он, подтянутый к передовой, вводится там, где атака развивается наиболее успешно — и добивается решающего перелома. Командир батальона при этом лично вводит в бой резервы.

Вот и сейчас — Пракса полон решимости переломить ситуацию.

4.14. 45 I.D. сообщает, что железнодорожный мост обследовали на подрывные заряды — он свободен. По неподтвержденному сообщению, русский начинает вести заградительный огонь. До сих пор еще никакого существенного вражеского сопротивления.

4.14. **Секретарь Брестского горкома ВКП(б) Коротков направляет около 40 коммунистов, скопившихся в подвале обкома — в основном работников партийно-советских органов, в облвоенкомат — вооружиться и занять оборону.**

4.15. **КП 45-й дивизии. Продвижение идет успешно — штурмовые орудия соседней дивизии идут по железнодорожному мосту. КП наступающих пехотных полков, A.R.98 и саперного батальона переносятся через Буг.**

…На Южном положение без изменений. Батальон Ульриха перестреливается с русскими в кольцевой казарме, вероятно, скоро начнет прочесывать остров — в его рощах, похоже, прячется их немало.

А вот на Северном положение серьезное. Хотя солдаты Ельце без труда взошли на искромсанный артиллерией главный вал и, огибая казармы 125 сп, двинулись в глубь острова, огонь, ведущийся, казалось, со всех сторон, заставил остановить продвижение. Поначалу в дыму были видны лишь десятки панически убегающих или мертвых красноармейцев — теперь они даже пытались атаковать.

Началось нечто сумбурное, трудноописуемое. Атака развалилась на несколько локальных перестрелок. Самое скверное для атакующих — то, что красноармейцы, оказавшиеся в тылу ударных групп, открыли целенаправленную стрельбу по офицерам. Батальон вступил в серьезный бой.

Дальше всего прошли группы, пошедшие вдоль берега Буга — Мухавца, валов пкт 142–143. Но вскоре остановились и они — чем ближе к Трехарочному, тем больше становилось красноармейцев, в конце концов остановивших атаку.

…Бьются в агонии тела у Холмских, приходят в себя чудом спасшиеся на поленницах у погранзаставы, готовятся к бою залегшие на валу пкт 145, вторая волна 3-го батальона I.R.135 подходит к Тереспольским.

И вьются над крепостью грачи — деревья, где были их гнезда, упали, сбитые снарядами. Но птицы не хотят покидать насиженные места — здесь, среди смертей и пожаров, их дом. А люди в казематах и зарослях готовы этот дом защищать.

Между тем главное уже свершилось. Нет, назвать штурм провалившимся еще нельзя. В эти минуты

произошло другое, то, что на просторах СССР определялось кратко, но емко — «коса нашла на камень».

Берлинское время — 4.17.

Глава 2

Коса на камне

4.20. На КП XII А.К. прибыл Гюнтер фон Клюге, выслушивает доклад об обстановке. Создается впечатление, что враг исчез. Результаты дальней разведки еще не поступили.

4.25. Командир инженерно-саперного парка получает команду, и железнодорожный мост сразу покрывают досками, делая проходимым для пехоты и транспорта.

* * *

4.30. Штабом 4-й армии потеряна связь со штабом округа. Связь же со своим первым эшелоном утрачена Коробковым уже через 15–20 мин после объявления тревоги[612].

Командующий Западным ОВО Павлов отдает первое боевое распоряжение командармам округа: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»[613]. Штабом 4-й армии, бой в чьей полосе шел уже фактически с 3.15, распоряжение было получено только около 5 часов.

* * *

Продолжается хаотическая стрельба на Северном, через Северные ворота продолжают уходить поодиночке и группами красноармейцы, многие без оружия и обмундирования.

В Цитадели в последние минуты затишья перед второй атакой, нарушаемого лишь пулеметной перестрелкой с немцами, засевшими у Тереспольских, разгорается пожар — на складе военного обмундирования, где в этот момент находились бойцы 44 сп — Петр Котельников (14-летний воспитанник музыкантского взвода) и один из красноармейцев. «Загорелись тюки с обмундированием. Красноармеец взобрался на полку и сбросил несколько сгоревших тюков на пол, но рядом воспламенялись другие. Я побежал за огнетушителем, но никак не мог снять его: слишком высоко он висел. Наконец, после долгих усилий мне удалось оборвать всю доску вместе с огнетушителем. Когда я вернулся, боец держал в руках другой огнетушитель и направлял струю шипящей жидкости на огонь. Пожар не унимался, горели даже стеллажи. На складе стало жарко. Пламя жгло лицо и руки». В итоге, не сумев погасить пожар[614], Котельников и красноармеец перешли в сектор кольцевой казармы, ближе к Центральным воротам.

В масштабах крепости этот пожар был стратегическим — он надвое рассек северо-запад кольцевой казармы.

…Находившиеся в нем бойцы штабных подразделений 44 сп и 455 сп еще не вступали в бой, лишь слыша ожесточенную стрельбу у Холмских, Тереспольских ворот и на Северном острове. Особенностью кольцевой казармы было то, что сквозного сообщения между всеми их участками не было — и подразделения, не имея возможности выйти во двор, сначала осыпаемый осколками, а потом оглашаемый выстрелами, оказались отсеченными друг от друга.

Поэтому в эти минуты, приходя в себя, они, не сговариваясь, начинают пробивать стены между казематами, пытаясь соединиться.

Лейтенант Махнач, выбравшись из-под нар, куда бросился при начале обстрела, закричал: «„Я

лейтенант Махнач! Слушайте мою команду — в ружье!!!“ Тогда понемногу стали отзываться бойцы. В подразделении их (в т. ч. и младших командиров) осталось не более 20. Так как не было возможности вести ответный огонь по врагу (его (врага) не было видно, стреляли с противоположной стороны и стояли пыль и дым). Мы начали тем временем подготавливать оборону: пробивали вдоль здания стенки, разделяющие подразделения (роты), собирали запас караульных патронов, которые были в цинковых ящиках в ротах, собирали раненых»[615].

С другой стороны северо-западного сектора начинают ломать внутренние стены бойцы штабных подразделений и полковой школы 44 сп. Они используют железные койки, оружие, части обгорелых и разбитых машин 31-го автобатальона, стоявших перед их казармой[616]. Многие из машин еще горят.

…Сразу после стычки у Холмских ворот Самвел Матевосян начал допрос пленного офицера, захваченного в рукопашной схватке. Стоявшие здесь же красноармейцы назвали его «артистом» — пленный выглядел странно; «кайзеровская каска со штырем, множество наград на груди»[617].

Допрос проходил эмоционально — Матевосян, размахивая пистолетом, ругался на армянском языке. Самим же Матевосяном поведение пленного описывается по-разному. В 60-х годах, рассказывая о его допросе, он пишет, что офицер «вел себя весьма трусливо, маленький окрик наших бойцов приводил его в истерику. Падая на колени, он все время просил пощады, рассказал, что делается во вражеских частях, находящихся вокруг крепости»[618]. Однако в 1997-м Самвел Матевосян признает, что тот «вел себя дерзко, вызывающе. Это был враг»[619].

Пленный нагло молчал, не отвечая на вопросы, поэтому «без лишних формальностей и проволочек» Матевосян выстрелил ему в рот…

И после войны, вспоминая об этом случае, Самвел Матевосян считал, что иначе поступить было нельзя. «Обстановка была боевая — мы не могли его переправить в тыл, так как сами находились в окружении. Эти решительные действия в начальный период, когда царили и паника, и растерянность… сыграли свою роль»[620].

Закончив допрос, Матевосян получил от комиссара Фомина приказ пробиться в Брест, узнать обстановку и привезти в батальон его комсостав, живший в Бресте.

Несмотря на ожесточенный мортирный обстрел, «Крокус» оставил целыми три бронеавтомобиля БА-10 75 орб, стоявших перед Белым дворцом[621] (из 13 имевшихся по штату). Трехосные БА-10 были вооружены пушкой калибра 45 мм и двумя пулеметами 7,62-мм, имели броню 10 мм. Экипаж — 4 человека, боекомплект — 49 снарядов, 2079 патронов.

Именно на них и решил прорваться в Брест Матевосян, к этому моменту надевший гимнастерку полкового комиссара, показывая наличие комсостава среди защитников[622].

Погрузка снарядов в бронемашины проходила у склада, чья крыша горела. Иные снаряды приходилось брать, оборачивая их в гимнастерки и пилотки.

Загрузив боезапас, три бронеавтомобиля тронулись к Трехарочным…

Прошло 15–20 минут как бойцы Махнача начали проламывать стены. За это время, пробив несколько, удалось соединиться с соседними ротами. Все это время Махнач был единственным командиром среди них, и тут прямо в дверь ворвался небольшого роста черноволосый лейтенант «Сашка-пистолет», знакомый Махначу по училищу. «…И сразу обратился ко мне (мы сейчас узнали друг друга — это был лейтенант Наганов). Но отнеслись один до одного строго. Он сразу ответил на мой вопрос, когда я его узнал и спросил: „Куда ты? Что там?“ — „Давай мне человек двух с ручными пулеметами. Мне надо туда… Там полковая школа… Все командиры наши там, наверное… а я…“ Он сказал еще о том, что надо идти по левой

стороне (там стояло разбитое от польской кампании здание), чтобы добраться до своего подразделения»[623].

Лейтенант выглядел взволнованным, был без фуражки, говорил что-то о 84 сп — может, описывал их удачную атаку?

Махнач дал ему двух бойцов с пулеметами, и Наганов, пообещав прислать связного, ушел, сказав на прощание: «Пусть только Москва узнает, что крепость в окружении, от врага и пыли не останется»[624].

…Вторая волна III батальона достигла Тереспольских ворот. Ее основу составляли солдаты 10-й роты, в том числе взвод Вильча, одной из штурмовых групп которого командовал ефрейтор Тойчлер. К этой минуте взвод Вильча еще не столкнулся с серьезным сопротивлением — они наступали вдоль Буга, через казарму транспортной роты 17-го погранотряда. Основная часть выживших ее бойцов ушла вместе с командиром (лейтенантом Черным) выводить машины из гаражей, а группа Мельникова, решившая уходить через Тереспольские, а в итоге засевшая в казарме транспортной роты, наоборот, еще не подошла. В казарме находились лишь двое бойцов да раненые. Разумеется, серьезного сопротивления они оказать не могли.

Итак, подбегая к Тереспольским, вторая волна, судя по всему, уже слышала звуки ожесточенного боя и поняла, что прогулка закончилась. Подбежав к воротам, они, тяжело дыша, сосредоточились перед кольцевой казармой.

Вокруг стояли лужицы — еще недавно из пробитого снарядом бака над Тереспольскими хлестала вода, заливая все вокруг. Сейчас лишь слякоть да редкие капли на постепенно высушиваемых встающим солнцем стенах…

Все слабеющие ручейки от водонапорной башни перемешиваются с лужами крови — там, в них, лежит что-то, но было оно людьми или животными, уже не узнать.

Пока офицеры, навстречу которым вышло несколько человек из засевшей в секторе у Тереспольских остатков первой волны, обсуждали план атаки, Тойчлер рискнул выглянуть в оглашаемый треском редких выстрелов двор.

Рядом с Тереспольскими единственно возможным входом он увидел длинное здание со многими большими «воротами»[625], где, вероятно, собрались русские, уже преодолевшие первый ужас и страх, заняли посты их пулеметчики и стрелки… Площадь перед зданием, частично изрытую снарядами, заполнил густой дым.

Ефрейтор Ганс Тойчлер сразу же профессиональным взглядом отметил, что единственная и незначительная возможность укрыться при перебежке — обломки стен, благо артиллерия здесь поработала хорошо, разнеся и башню над Тереспольскими воротами, и весь угол погранзаставы.

Атака должна быть быстрой и молниеносной, пока не сбежались русские со всей крепости (уже всем стало ясно, что она далеко не пуста). Пулеметчики 10-й роты задавят русский огонь из погранзаставы, а в «ворота» 333 сп полетят ручные гранаты подбежавшей штурмовой группы.

Главное — добежать до здания 333 сп, там — мертвая зона, идя вдоль стены, штурмовые группы окажутся вне досягаемости огня из подвала. Напротив, тем, кто в подвале, придется несладко… Командир батальона, гауптман Пракса лично поведет атаку[626].

4.30 ч. Южный остров

Заняв позиции на северном берегу, у моста к Холмским воротам, часть подразделений батальона Ульриха (I.R.130) начинает обыскивать здания госпиталя.

Их группы видят пограничники, засевшие в каземате с больными из хирургического отделения и

медсестрами Ровнягиной, Ткачевой и Косенковой. Сейчас начнется бой — и Ткачева, по их просьбе, быстро записывает фамилии на своем профсоюзном билете (надеясь, что выживет и сообщит о них родным). У нее не больше двадцати минут… Больше в каземате нет и клочка бумаги — как и воды: Ткачева обтирает губы раненых влажной тряпкой. Если советские войска и подойдут, то для многих уже поздно.

Все, немцы приблизились. Бой был коротким: выстрелы из каземата — дымовая завеса — гранатометчики к его входу — М-24, рвущие тела. Грохот, вопли, суматошные выстрелы (делопроизводитель лейтенант Иван Иванов бросился было к Мухавцу — но был пристрелен), стоны — и все затихает.

Через минуты — несколько немцев вошли в заваленный трупами каземат[627]. Толкнув несколько казавшимися живыми, но лишь казавшимися, вышли. «Мертвые», среди них Ткачева, и сама уже раненная, вскочили — их осталось всего четверо из 28, и перебежали в соседний каземат…

Обыск продолжался — как и везде, он сопровождается забросками М-24 в наиболее подозрительные помещения. Глухие взрывы гранат и немецкая речь приближалась к следующему валу, в каземате которого находились больные из госпиталя.

Там уже в это время развернулся мини-лазарет — поступили раненные во время обстрела. Бинтов и медикаментов почти не было, но у начальника госпиталя Бориса Алексеевича Маслова, его врачей и медсестер оставалось их искусство медиков. Этого мало, но удается спасти хоть кого-то.

«Немцы подходят!» Решение за Масловым — можно было открыть огонь из пистолета, и в ответ в каземат полетят гранаты, превратив его в братскую могилу для тех, кого сейчас он спасал.

Маслов поступил иначе — надев новый белый халат, вышел наружу. Пойдя навстречу солдатам Ульриха, мучительно вспоминая полузабытый немецкий, он закричал, что там, под землей — раненые. «Verwundet! Dort! Verwundet!» — несколько солдат, держа гранаты наготове, подошли к каземату. Осторожно заглянули внутрь…

Однако эвакуацию пока нельзя было произвести — по всему острову свистели пули. Маслов остался там же, с пациентами и персоналом, продолжая оставаться их главным врачом[628].

Голос Маслова услышали те четверо, что спаслись из разгромленного каземата Ткачевой — вместе с ним они направились туда вновь. Но поздно — спасать было некого, только прощаться — подойдя к убитым Ровнягиной и Хорецкой, он поцеловал их. Ткачеву и трех ее спутников Маслов перевел к себе.

При попытке зачистить остров дальше, идя вдоль главного вала, солдаты майора Ульриха вынуждены залечь — отдельные группы противника, по-видимому, преодолев первый ужас, начинают защищаться[629].

Цитадель

«Внимание…» Два MG-34 из Тереспольской башни длинными очередями ударили по окнам подвала, выходящим к воротам, подавляя возможный огонь…

«Сейчас начнется…» — Еремеев наводит «Максим» на Тереспольские, решив, пропустив одиночек, бить по первой большой группе. Рядом — его второй номер, Алексеев.

…Пошли!! Вторая волна выбегает… Но не из ворот — двое-трое выпрыгнули из кольцевой казармы, правее Тереспольских. Метнулись к стене 333 сп — пригнулись — и гранаты летят в темноту подвальных окон. Амбразуры не успевают ответить. «Ну гады…» Двое выбежали из ворот, туда же — за стену… И вот — показалась большая группа.

Воздух зашелестел от пуль — ударил «максим» Еремеева, но сразу же давя его, почти в упор,

застучали немецкие пулеметы из Кольцевой, а в окно влетела М-24. Еремеев даже не успел понять, что это — дранка или кусок доски, как раздался взрыв. Глаза пулеметчикам засыпало песком и известковой пылью. Хуже досталось Алексееву — его пришлось заменить Федосеевым[630].

Однако пулемет «красноты» подавлен — из-под ворот выбегают новые и новые группы III/I.R.135. Но до безопасности еще далеко — вдоль кольцевой казармы хлещет очередями пулемет 84 сп, стоявший за проломом в ограде Инженерного управления.

Гранаты летят в окна подвала и самого здания — они защищены решетками, М-24 рвутся у проемов, выгибая железные прутья и выбивая куски кирпича. Тем, кто внутри, все равно не избежать осколков. Гранаты — и во входы в подвал 333 сп, окна пограничников. Грохот взрывов… А вот теперь — вперед! Обтекая погранзаставу, вторая волна бежит к Трехарочным.

…БА-10 Матевосяна не удалось добраться до Бреста — Восточные ворота забиты сгоревшими тягачами 98 ОПАД. Двинулись к Северным, по дороге обстреляв продолжающуювести там бой 12-ю роту, но в туннеле Северных горели грузовики. Устремились к Северо-Западным, но, подъехав к отстреливающимся от батальона Ельце домам комсостава, от их защитников узнали, что те заняты немцами. Прорыв на броневиках через немцев — слишком рискованное дело.

Поехали назад, к Трехарочным воротам, куда в это же время, оставляя церковь справа, подбегали штурмовые группы второй волны: «Мы как раз пробегали мимо очередных ворот[631], как прямо на нас загромыхали 2 русских танка. Я едва успел крикнуть: „Бронебойными пулями — огонь!“, как мы уже находились в их поле обстрела. Тем не менее после короткого боя танкам пришлось свернуть и отступить. Это были еще те времена, когда вражеские танки (разумеется, только легкие) можно было прогонять таким образом»[632].

Но, скорее всего, это были не танки (Т-38), а БА-10 Самвела Матевосяна, возвращавшиеся к 84 сп. Матевосян принял бронебойные пули за бронебойные снаряды — возможно, поэтому группе Тойчлера удалось отогнать броневики. Тем не менее бронебойные пули смертельно ранили башенного стрелка Григорьева. БА-10 рванули дальше…

Свидетелем возвращения Матевосяна на участок 84 сп был старшина А. И. Дурасов, командир взвода боепитания 84 сп, занимавший позиции в саду у Белого дворца. «Вдруг на площадку садика выскочил бронеавтомобиль и, развернувшись, остановился у линии обороны, занятой нами. Из машины, шатаясь, спустился раненый водитель, а за ним показался Матевосян в гимнастерке со знаками различия полкового комиссара»[633].

Но почему же вернулся один бронеавтомобиль? Почему Тойчлер упоминает о двух, а не трех «бронеобъектах»?

Судя по всему, бой был несколько более ожесточенным, чем описывают и Матевосян и Тойчлер. Необходимо заметить, что в это время в районе Трехарочных было кому стрелять по броневикам и помимо Тойчлера — и группа 12-й роты на пкт 145, и засевшие в столовой 33-го инженерного полка. Однако в отчете I.R.130 уничтожение «двух русских разведывательных бронеавтомобилей» приписывается «лодочникам» группы Кремера и солдатам Праксы, засевшим у Трехарочного моста (столовая комсостава и церковь). Неясно, как они это сделали — противотанковыми ружьями?[634] Возможно, «лодочники» были в этот момент не только в столовой комсостава или церкви, возможно, выскочили с гранатами и пока броневики отбивались от Тойчлера, взорвали их. Неизвестно — стреляли все. Просто Тойчлеру, сразу после обстрела устремившемуся к Трехарочным, было не до удаляющихся броневиков.

Их видел Иван Долотов — следуя один за другим, три БА-10 ходили взад-вперед вдоль тыловой ограды сада, окружающего штаб. То вперед, то назад, без разворота. Похоже, пытались избежать

попаданий? Через несколько минут Долотов заметил их вновь — «все три броневика стояли покосившимися и два из них горели». Судя по всему, из того, что был подбит, но не загорелся, и выбрался Матевосян. Свидетельства Долотова и Дурасова совпадают по месту событий, это же подтверждают и фото — один из броневиков сгорел как раз на месте боя с группой Тойчлера, у столовой 33-го инженерного полка.

Наконец, на Тойчлера вынеслось не три, а два броневика и потому, что третий, возможно, подбили еще в Трехарочных воротах — и к этому причастны не «лодочники» или Тойчлер, а артиллеристы 333 сп (несколько из них уже были в артпарке, ища орудия, уцелевшие после артобстрела). На эту мысль наводит эпизод, рассказанный мл. ветеринарным фельдшером ветеринарного лазарета 333 сп А. К. Леонтьевым: «Полковник Матвеев, командир полка, прорвался на 2 или 3-й день и через ворота на броневиках, через вторые ворота из города к костелу, наши артиллеристы дали огонь, думали, что немцы, броневики развернулись, ушли, под аркой, говорят, полковник вышел и сел затем. Узнав об этом, бойцы плакали»[635].

Насчет Матвеева, да и даты — это, конечно, преувеличение. Но, находясь в артпарке, неопытные бойцы вполне могли открыть огонь по трудноразличимым за деревьями и дымом, рокочущим силуэтам. Хотя подбить — вряд ли.

…Тем временем группа Тойчлера пробилась к Трехарочным воротам, где уже собирались другие группы батальона, наносящие удар справа от церкви.

Здесь произошла заминка. Но Тойчлеру не нравится эта «передышка» — русские сразу же открыли огонь по скоплению немцев у ворот, снова начались потери. Ефрейтор Тойчлер крикнув: «Кто-нибудь идет со мной добровольно?»[636] галопом пересек Трехарочный мост с 6 рядовыми, имевшими, в том числе и 21.MG.

Вслед за ними устремились и остальные, оказавшись как раз вовремя, чтобы поддержать группы 12-й роты, залегшие здесь, ведя бой с русскими противотанковыми пушками. Стремительный рывок Тойчлера продолжался — бегло пройдя слева от пкт 145 и лежащему перед ней большому палаточному городку, они устремились к брошенной русскими огневой позиции зенитной артиллерии. Добежав до нее, группа Тойчлера так стремительно и неожиданно вышла во фланг русской противотанковой пушке[637], что смогла частично перестрелять ее расчет. Несколько артиллеристов смогли убежать. Так, Ганс Тойчлер, вероятно, первый из 45-й дивизии оказался рядом с Восточным фортом, где-то на перекрестке у корпусов ДНС. Через несколько мгновений с ним рядом был и Пракса со своими людьми.

Отсюда были отчетливо видны перебежки солдат Ельце, пробивавшегося к Восточному форту с запада.

4.35. Установление связи с обоими танковыми корпусами — там похожее положение. Никакой вражеской артиллерийской деятельности.

Наблюдая бой батальона Ельце и ожидая, что его солдаты вот-вот добегут до Восточного форта, Ганс Тойчлер не знал, что в эти же минуты (в 4.38), командир I.R.135 Фридрих Йон, следя за боем с противоположной стороны, сообщил на КП дивизии, что необходимо приостановить наступление у развилки железнодорожных путей на восток от Северного острова: сначала требуется привести подразделения в порядок, проведя и его зачистку.

Йон, находившийся в первом батальоне, ничего не знал о судьбе третьего. Однако «приведение подразделений в порядок» означало не что иное, как отход — пусть на сотню-другую метров, но тем не менее. Приостановление наступления у развилки железнодорожных путей — попытка снять оттуда часть войск, ибо их нехватка на Северном становилась все более ощутимой.

Таким образом, ждать помощи от Ельце пробившимся к Восточному форту Праксе и его группам не приходилось. Более того — ослабление натиска Ельце значило, что «русские пчелы» теперь с удвоенной злостью набросятся на немецкого медведя.

Это сразу же и произошло.

…Внезапно на каземате, лежащем перед Тойчлером примерно в 300 м, показались трое… Ефрейтор сначала не сумел точно установить их принадлежность. Однако все решали мгновения — и закон штурмовой группы «не уверен — стреляй» заставил открыть огонь пулеметчиков группы Тойчлера. Однако Пракса, ожидавший с той стороны людей Ельце, приказал прекратить стрельбу, предположив, что это немцы.

Вскоре он со своей группой исчез, вероятно, привлеченный стрельбой в тылу, у пкт 145, оставив на позиции Тойчлера (для закрепления ее за собой) расчет станкового пулемета, сразу же начавшего монтировать лафет. Однако тот даже не успел это сделать — сразу же оказалось, что трое на каземате, разумеется, русские и более того — достаточно опытные снайперы. Лежа на краю каземата[638], где подстрелить их было бы неслыханной удачей, они прямо-таки с удовольствием начали «охоту на зайцев», где смерть богато пожинала плоды.

Стоя на огневой позиции зенитной артиллерии, Тойчлер наблюдал через оптический прицел огонь своей группы, бьющей по русским снайперам из всего имеющегося у нее оружия. Но попытка прогнать «большевиков» была напрасной. Расчет LMG лежал рядом с Тойчлером, ведя ожесточенную стрельбу, проклиная «чертовых снайперов». Внезапно его второй номер крикнул Тойчлеру: «Пригнись!» Едва тот успел это сделать, как другая пуля пронзила грудь ефрейтора Тойчлера. Удар был столь сильный, что Ганс аж завертелся, дважды повернувшись. Однако, чудом не упав, он еще смог подать своему товарищу, находившемуся рядом, руку и попрощаться. Потом рухнул, готовый к смерти, с мыслью о Боге и своей родине…

4.40. Тересполь КП 45-й дивизии

Армин Деттмер по телефону докладывает обстановку штабу корпуса:

Дивизия наступает I.R.135 за Бугом, хорошо продвигается и I.R.130. Началось строительство паромов. 2 моста на Мухавце, непосредственно восточнее Южного острова, в руках дивизии. На Северном острове вражеские части успокоились и защищаются. Подготовленный 2-тонный — пешеходный штурмовой мостик (на звено-паромах плавучего моста) будет выдвинут к югу от Южного острова[639].

Пракса с немногими оставшимися в живых отходит к Трехарочному мосту — там завязался жестокий бой с начавшей атаку на пкт 145 группой Мамчика.

…Группа, во многом состоявшая из командиров, не сумевших пробиться на Цитадель, таких, как Иван Черняев, уже давно перестреливалась с 12-й ротой. Однако немецкий пулеметный огонь не давал возможности приблизиться к ним. И тут из-за Восточного форта появился Т-38, один из тех, кто так и не сумел покинуть крепость. Маленький, вертлявый, он с ходу начал бить по мосту. Под прикрытием его огня группа Мамчика пошла в атаку.

Присутствие командира батальона не спасло положение — остатки 12-й роты стали отходить через Трехарочный мост, прикрываемые огнем из столовой 33-го инженерного полка. Некоторые из них туда и заскочили, остальные начали отступать обратно к Тереспольским.

В 4.45 красноармейская пуля настигла одного из отступавших по двору Цитадели — это был командир III/I.R.135 гауптман Пракса[640].

Достичь Тереспольских удалось немногим — некоторые решили спрятаться в казавшемся покинутом

здании 333 сп. Но их заметили…

Группа Мамчика захватила Трехарочный и пкт 145. Но это было лишь начало «эпопеи пкт 145» — места, ставшего одним из наиболее щедро раздающих смерть на территории крепости.

4.47. Тересполь. КП 45-й дивизии

45-му противотанковому дивизиону (без подразделений уже приданных полкам) приказано занять оборону в районе продовольственных складов, готовясь к контратакам танковых частей, ожидая дальнейших распоряжений дивизии.

К этому времени на КП «сорок пятой» складывается впечатление, подтверждаемое Шлипером и личным посещением I.R.130, в сопровождении майора Шинделмайзера (IIa), что из-за полной неожиданности враг готов к сопротивлению только теми подразделениями, что не оказались под фактическими моральным действием артподготовки.

Сообщения соседних дивизий, едва наталкивающихся на сопротивление, не дают никакого повода предполагать, что враг готовит хоть немного серьезную оборону.

4.50. А.А.45 дается команда — сосредоточившись в районе к югу от фольварка Лобачув, ждать распоряжений дивизии.

4.50 34 I.D. взяла Волынку. Положение у форта V еще не совсем ясно. Котельня и Боярска атакуются[641]**.**

4.55. Сообщение в штаб армии: Пока создается впечатление, что враг полностью поражен (например, перехваченная русская радиограмма: «Что нужно делать?» и др.).

Заметив, что в их здание вбежало несколько немцев, бойцы 333 сп, выскочив из подвалов, забежали в него и начали обследовать одну за другой иссеченные осколками и заваленные обгоревшими нарами комнаты. Кое-где лежали и трупы — на разрушенной лестнице, ведущей на второй этаж (в расположение первого батальона (северное крыло), их было так много, что живые лишь с трудом, используя какое-то обугленное бревно, смогли пробраться наверх.

На втором этаже резко грохнул винтовочный выстрел — красноармеец Борисов, обнаружив врага в одной из комнат, смертельно ранил его. Обыск продолжается — в штабе взяли знамя 333 сп и одну, вполне пригодную радиостанцию, отправив все это в подвал.

Слышно, как в здание залетают редкие пули… Кто и откуда бьет — неизвестно.

Обследуют помещения штаба — надо перетащить в подвал и документы. Но почти все они — уже лишь разносимый ветром пепел. Лишь в двух недогоревших шкафах нашли несколько папок, да насобирали кучу листков, разнесенных взрывами по коридорам.

Внезапно их гулкую тишину, нарушаемую лишь топотом сапог красноармейцев, прорезало: «Руки вверх!» Рванувшиеся в тот отсек (второй этаж южного крыла), где раздался крик, бойцы увидели красноармейца, наставившего винтовку на двух немцев, обнаруженных им на койке под матрацем. Один из них — был ранен в обе ноги, второй — пока цел[642]**.**

Отобрав оружие, одного из пленных сразу же повели в отсек к командирам, где в это время находился помначштаба 333 сп, лейтенант А. С. Санин, взявший на себя командование на этом участке: «Большой, белобрысый, он робко зашел в отсек — я в этот момент был чем-то занят. Его окружили несколько бойцов[643] **и начали разговор жестами, как с глухонемым. Смотрел я на эту сцену и удивлялся: никакого чувства вражды и злобы. Его, как друга, хлопали по плечу, и даже нашлись такие, которые были готовы дать покурить. Сколько доброты, простоты, гуманизма заложено в природе русского человека!»**

Для допроса Санин решил привлечь Каландадзе. Хотя рядом с ним и находился красноармеец Эдуард Дамм (немец по происхождению). Однако «на всякий случай» Санин, пояснив, что Дамм говорит лишь на диалекте (хотя тот знал и литературный), решил все же провести допрос при Каландадзе. Тот вспоминал: «Один из пленных — сухопарый унтер — лежал, закинув руки за голову и вытянувшись. На голове у него была каска, и тонкое белое лицо скрывалось в тени. Он был бледен — то ли от страха, то ли от утомления. Рядом с ним примостился приземистый ефрейтор. Он грубо и вызывающе смотрел на наших солдат, собравшихся поглазеть на пленных… Они отвечали, назвали себя, свою часть. Унтер, чуть улыбаясь, рассказал, как они проникли в крепость… Ефрейтор хмурился». Если верить Каландадзе, то пленные — шпионы, ибо проникли в крепость еще за день до войны, с рациями корректировали огонь. А со шпионами, да еще и держащимися достаточно нагло (хотя во время допроса, оба пленных лежали на земле) — разговаривать не о чем… Санин же рассказывает несколько иначе: «Среди нас нашелся и переводчик, переводивший ответы немецкого солдата. Тот говорил, что война — это плохо, что воевать он не хочет, что русские хорошие, что он очень боится смерти, что у него есть жена и дети»[644].

На вопрос переводчика «А воевать почему пошел?» пленный испуганно ответил «погнали»…

После допроса их утащили в глубь подвала и посменно охраняли.

5.00. Тересполь. КП 45-й дивизии

Офицер связи при штабе XII А.К. сообщает, что там господствует точка зрения о том, что «корпус ударил в пустоту». Одновременно он сообщает, что соседние дивизии сталкиваются с незначительным вражеским сопротивлением на одинаковой высоте с 45-й дивизией.

На дивизионный КП прибывает командующий 4-й армией, генерал-фельдмаршал фон Клюге. Получив доклад о положении, фон Клюге срочно связывается по телефону с командиром I.R.135 Фридрихом Йоном. Затем ориентирует в обстановке командование «сорок пятой». Из его замечаний можно сделать вывод, что неожиданность полностью удалась во всей полосе наступления армии. Это подтверждается, например, перехватом открыто переданной по радио радиограммой русской авиадивизии, запрашивающей, что, теперь, собственно, нужно делать[645].

Начинается паромная переправа у железнодорожного моста. Наведение второй, в районе запланированного южного моста (южная оконечность Южного острова) полоса наступления второго батальона I.R.130 (майор Гартнак) сорвалось — не удается произвести подготовленное закрепление проволочного троса (он порвался).

5.00. **Восточный берег Буга. КП I.R.135. К Йону прибыл командир штурмовой группы 3/26 зенитно-артиллерийского полка лейтенант Энгельхардт. Ему поручена защита от низколетящих самолетов строящегося моста у северной пробивки реки Буг, а примерно с 8.00. введение 2-см орудия в бой в цитадели[646].**

Несмотря на то что бой на Южном острове постепенно разгорается, I.R.130 в районе обоих мостов через Мухавец (непосредственно к востоку от Южного острова) занимает оборону подразделениями I батальона. II батальон, наступая по направлению к следующим мостам, прошел железнодорожную насыпь.

Ульрих уже полчаса как ведет ожесточенный бой на Южном — но поскольку это не бой, а «зачистка», то считается, что двух его рот (9 и 12)[647] будет более чем достаточно.

…Отделение станковых пулеметов Лео Лозерта в это время вело противовоздушную оборону[648] Тересполь ского железнодорожного моста на открытом поле.

Налетов на мост так и не было, однако Лозерту и Гшопфу, находившемуся недалеко, пришлось наблюдать воздушные бои, начавшиеся около 5 часов утра. Гудящие массы русских самолетов

направлялись к району границы, однако немецкими истребителями, уже полностью державшими воздушное пространство, встречались так стремительно, что иногда парашюты советских пилотов дюжинами парили в синеве неба.

…Внезапно Лозерт, заметив, как срывается в воздушном бою очередной «рата», увидел в воздухе 4 вражеских парашюта.

Один из них опустился примерно в 100 м перед перевязочным пунктом батальона, где находился Рудольф Гшопф: «Так как он больше не поднимался, мы предположили, что он ранен. 2 наших санитара с носилками хотели прийти на помощь противнику, но, при приближении обстрелянные им из пистолета-пулемета, были вынуждены залечь в укрытие. Русский летчик, проявляя свойственный им фанатизм, отказался от нашей санитарно-медицинской помощи с оружием в руке»[649].

В это время в роту Лерцера вернулась группа лейтенанта Шульца, принимавшая участие в бою за Цитадель. Пришли не все, некоторых принесли — двое раненых (один из них — тяжело), один погибший (ефрейтор). Это были первые потери I.R.133, еще даже не вступившего в бой[650].

Ефрейтора похоронили тут же, вероятно, надеясь в будущем перенести его на братское кладбище.

…Поднялись привязные аэростаты[651]. Их заметили не только немцы — комиссар Фомин приказал старшине Дурасову любыми путями убрать аэростат. Задача была достаточно трудной — из всего артпарка уцелело только 2 45-мм орудия, снаряды для них пришлось взять в башне броневика Матевосяна. Там оказались только бронебойные — ими Дурасов и открыл беглый огонь по аэростату. Перед этим, посоветовавшись с артиллеристами, они вырыли яму, опустив сошники орудий вниз, чтобы создать больший угол подъема ствола. «Однако попасть в цель было очень трудно, так как снаряды не имели дистанционной трубки и приходилось надеяться только на прямое попадание. Минут через десять аэростат пошел вниз: то ли действительно мы его сбили, то ли кто-то другой — это осталось неизвестным. Так или иначе, но приказ комиссара был выполнен»[652].

Но главное, что происходило в эти минуты на Цитадели и Северном острове, — это организация обороны и добыча боеприпасов их защитниками. Разгромлены подразделения Праксы, залегла пехота Ельце — каждую минуту передышки надо использовать.

Собственно, на Цитадели этим занялись еще в те минуты, когда группа Тойчлера пробивалась от Тереспольских к Трехарочным.

В 5 утра добыл первые патроны и 33-й инженерный полк[653]. «Стало известно, что есть склад боеприпасов, где-то в казармах 84 сп. В это время единого человека, который бы командовал, у нас не было, все происходило по согласованию на ходу между младшими командирами. Вот так и я, выбрав сам 10 человек, среди которых были сержанты Н. Якимов и Гордон А. и красноармеец Саркисов, отправился за боеприпасами. Под прикрытием броневиков добежали до склада. Какой-то старшина указывал, где что брать. Набив за пазухи гранат, захватив несколько коробок с запалами и взяв на плечи по ящику винтовочных патронов, двинулись обратно. Справа горели постройки нашего хозвзвода, кругом повсюду шла стрельба[654]. Упали Саркисов и Гордон, потом еще один. Все мы бросились на землю. Стреляли откуда-то сзади. Мы поползли дальше по-пластунски, волоча по двое каждый ящик с патронами. Саркисов и другой красноармеец (фамилию не помню) остались лежать убитыми. А. Гордон был легко ранен в бедро»[655].

С этого же склада раздаются патроны и бойцам 84 сп, продолжающим перестрелку с Южным островом.

Пограничникам пока не до складов — в нескольких метрах, в секторе кольцевой казармы у Тереспольских — 10-я рота. Обе стороны не прекращают бой — после того как пулеметный расчет

Еремеева забросали гранатами, гранатометчика вычислили, и снайпер Голубцов уничтожил его.

Организуется оборона и в подвале 333 сп — склад боеприпасов рядом, в кольцевой казарме, но подход к нему простреливается с Тереспольской башни.

В полковой школе 44 сп и 3-го батальона 455 сп продолжают рубить стены. Только 44 сп пробивается к все сильнее разгорающемуся пожару на складе обмундирования, бойцы 455 сп, наоборот, рубятся в отсеки, примыкающие к Трехарочным, чтобы уйти от все сильнее заполняющего казематы дыма.

Здесь, в казематах у Трехарочных, становится все более многолюдно — Махнач встретил старшину, с немецким штыком и в немецкой каске, сказавшего, что убил одного или двух немцев, командиров — лейтенанта Мартыненко и неизвестного, тяжело раненного старшего лейтенанта. Третий из встреченных командиров — мл. лейтенант С., военфельдшер, только накануне прибывший в 455 сп и еще даже не сдавший документы. С., единственный медик, был назначен начальником медчасти[656].

Всего в казематах 455 сп у Трехарочных собралось около 300 человек. Большинство — заняты снабжением боеприпасами, все, что возможно, спуская в подвалы. Туда же — и раненых, большинство — через широкий проход бетонированной смотровой ямы авторемонтной мастерской 333 сп.

И, наконец, на Северном острове, продолжающем бой с батальоном Ельце, организует оборону майор Гаврилов, командир 44 сп.

…Петру Михайловичу Гаврилову лишь накануне, во вторник, 17 июня, исполнился 41 год. К концу войны сорокалетние будут командовать фронтами, а пока здесь, в крепости, татарин из деревни Альведино Гаврилов оказался одним из наиболее опытных: за его плечами финская и Гражданская (26 октября 1917-го штурм Казанского кремля, с января 1918-го — в Красной Армии: Первый социалистический татарский батальон, деникинский и колчаковский фронты, погони за бандами по Северному Кавказу…). Впрочем, сейчас он и самый старший по должности командир на Северном[657]. В 44 сп за Гавриловым утвердилась слава командира очень требовательного и строгого, называть его «Гаврилычем» рисковали не все, да и то, как правило, за глаза[658].

Гаврилов — из семьи крестьянина-бедняка, долго батрачил, служил кучером у помещицы. С 1922-го в ВКП(б). В 1939-м окончил Военную академию им. Фрунзе, был назначен командиром полка, с которым 10 марта 1940-го и наступал на Тронгсунд. Женат, очень любил приемного сына.

Гаврилов был невысок, немногим выше среднего роста, слегка сутулый, медлителен в движениях, черные глаза под густыми бровями. Черные волосы зачесывал назад. Предпочитал гимнастерку серого цвета, брюки-галифе. Китель не любил.

Заместитель командира 44 сп по политчасти Н. Р. Артамонов: «Характер товарища Гаврилова довольно сложный и противоречивый, имеющий положительные стороны (любовь к военной службе, военная грамотность) и немало отрицательных (нечуткое отношение к подчиненным, скупость в быту). В военном отношении Гаврилов был подготовлен хорошо. В офицерской учебе особенно любил проводить занятия по тактике, занятия по огневой подготовке и другим дисциплинам поручал проводить своим заместителям. Говорил на чистом русском языке. Не любил выступать с лекциями и докладами… Внимательно изучал литературу о немецкой армии и о взглядах немецких военных теоретиков на войну… Товарищ Гаврилов нередко предупреждал офицеров об опасности нападения со стороны фашистской Германии. Уже тогда он подчеркивал, что враг коварен и силен, поэтому к обороне нашей Родины нужно готовиться серьезно и с большим напряжением»[659].

В июне 1941 г. товарищ Гаврилов «допредупреждался» — в дивизионную парткомиссию поступило заявление о тревожных настроениях, распространяемых товарищем Гавриловым среди подчиненных. Слушание дела было назначено на 27 июня…

…Многочисленных красноармейцев из самых разных частей Гаврилов разбил на группы — районами их обороны стали главный вал по левой стороне от Северных ворот, Западный и Восточный форты. Группы защитников довольно многочисленны — каждая более сотни человек. К этому моменту они уже вели бой, располагали оружием и боеприпасами.

Сам Гаврилов устроил свой КП в 150 метрах восточнее Северных ворот.

И еще — несмотря на организацию обороны на отдельных участках, из крепости продолжают выходить люди. Через Трехарочный мост к Кобринским и Северным воротам бегут десятки людей, многие из них уже приняли боевое крещение.

Часть 125-го полка продолжает сражаться на западной половине Северного острова. В это время в крепость со стрелковым взводом пробился начальник снабжения 6 сд майор К. В. Лапшин. Он разыскивает командиров подразделений 6 сд, чтобы передать приказ о выходе к высоте Песчаной, в пяти километрах от Бреста, по дороге на Кобрин. Среди стрельбы и пожаров ему удается встретить капитана Ландышева, командира 1-го батальона 125 сп. К этому времени собранные Ландышевым и командирами рот бойцы залегли на главном валу, напротив кладбища.

Получив переданный Лапшиным приказ, Ландышев отдал распоряжение об отходе. Вместе с его бойцами двинулась и большая группа гражданских, 150–200 человек, служащих тыловых подразделений. Прикрываемые огнем остающихся в крепости групп и одиночек, они и бойцы 1-го батальона, к которым присоединились и другие группы (в том числе 10 пограничников), вышли через Северные ворота[660].

Несмотря на то что большинство пытается покинуть крепость, оставшиеся продолжают вести бой: группа Мамчика, занявшая оборону на валах у Трехарочного, ждала недолго — почти сразу же, через несколько минут, ей пришлось вступить в бой с атакующим вдоль Мухавца батальоном Ельце.

По наступавшим с запада солдатам Ельце велся и ожесточенный огонь с правого фланга — там, за Мухавцом, в кольцевой казарме осталось много курсантов полковой школы и различных подразделений 44 сп. Они уже пришли в себя и стреляют по показывающимся сквозь дым, валы и ивняки солдатам Ельце. Командиров среди них мало — и отдать приказ об экономии патронов некому. Накануне же майор Гаврилов приказал замначштаба Семененко проверить: все ли подразделения сдали боеприпасы на склад, избавив их от лишнего. «Он предложил оставить на винтовку один боекомплект, выбить из лент и дисков патроны, смазать и сдать их на склад боепитания»[661]. «Избавленные от излишков» бойцы, однако, ведя плотный огонь из широких окон казармы, не чувствуют беды — вот-вот подойдет Красная Армия. Сейчас они уверены в этом…

И в азарте боя стреляют, не беспокоясь о боеприпасах, по едва видимым силуэтам, скорее для поддержания духа. Но вот по цепи передано — у вала, идущего вдоль Мухавца, ползет человек в красноармейской форме. Стрельба стихает — бойцы следят за тем, как неизвестный, подползя к реке, быстро, несколькими взмахами рук, переплыл Мухавец — и ползком достигнув казармы, сопровождаемый недоверчивыми взглядами бойцов, крикнув: «Свои!», запрыгнул в окно… Бытко?! Откуда?

Начальник полковой школы, окруженный радостными бойцами, отжимает одежду — доведя курсантов до Северных ворот, он вернулся за остальными. В отсек сходятся новые бойцы — составив группу. Бытко, с двумя наганами в руках, ведет их к Трехарочным. Но пройти уже не удается — потеряв на покрытом трупами мосту и перед столовой 33-го инженерного полка слишком многих курсантов убитыми и поняв, что на сей раз не пройти, оттаскивая раненых, бойцы Бытко отходят к казарме…

Там он, поняв, что теперь здесь надолго, первым делом приказал экономить патроны, бить только наверняка. Далее — по-новому расставив стрелков и пулеметчиков, приказал нести дежурство у амбразур посменно. Командир стрелковой роты на финской, там, под Тронгсундом, раненый и первый в 44 сп

получивший орден Красной Звезды, Бытко не теряет присутствия духа. Это взбадривает и остальных…

А бойцы из подвалов 333-го по-прежнему взбадривают себя стрельбой: «Я стрелял из автомата сквозь амбразуру напротив колокольни, стрелял не целясь. Немцев мне не было видно, но я думал, что случайная пуля может попасть во врагов. Теперь я понимаю — сознание того, что я действую, ободряло меня и делало более сильным», — вспоминал А. П. Каландадзе. Он приводит рассказ одного из встреченных в подвале бойцов: «В кого стреляю — не пойму, ничего не видно, но на душе легче — все же обороняюсь»[662].

Уже через пару часов Бытко, возглавивший оборону 44 сп, приказал помначштаба полка Семененко (находясь в одном звании с Бытко, он признал его авторитет как имеющего боевой опыт) уничтожить личные дела комсостава, секретную переписку, да и все, что сочтет нужным. Большая часть документов уже сгорела в штабе — то, что осталось, сейчас облили бензином и сожгли. Семененко, наблюдавшему за тем, как ярко вспыхивают папки с фотографиями и чернильными автобиографиями и тех, кто сейчас был здесь, и тех, большинства, кто уже навечно канул бесследно, стало не по себе… Войдя в каземат Бытко, он угрюмо бросил: «Готово… О нас больше никто не узнает…»

Уничтожение документов идет на всех участках обороны крепости: на втором этаже 33-го инженерного, в конце коридора, ближе к Трехарочным, в штабе полка сквозняки разносят деньги — помначштаба 33-го инженерного ст. л-т Н. Ф. Щербаков взорвал полковой сейф. На купюры, валяющиеся под ногами, никто не обращает внимания — о деньгах думать, похоже, придется не скоро…

«Штурмовая группа проникла в город. Улицы, пришедшие в состояние запущенности, дома, расстрелянные и покинутые еще со времен польской кампании»

…Начштаба 98 ОПАД Акимочкин так и не дождался ключей от склада боепитания. А стрельба уже разгоралась, надо было действовать — несмотря на разрывы мин, двое артиллеристов взломали двери склада и, загрузив боеприпасами шесть тягачей «Комсомолец», с прицепленными орудиями, вынеслись через Восточные ворота — прямо под пулеметы батальона Набера и орудия 14-й роты I.R.130.

Очереди пулеметчиков и резкие удары орудий «панцирягеров» убили водителей двух первых тягачей. Остальные четыре, резко развернувшись, вернулись в расположение дивизиона — там бойцы, отбивающие атаки с севера, замаскировали их в кустах — еще пригодятся…

5.10. **Группы лейтенантов Кремера, Лера и Кляйна, после того как промежуточное пространство от железнодорожного моста «Холм» до моста «Вулька» зачищено от отступающих с границы групп красноармейцев, пройдя вдоль восточного берега Мухавца, штурмом взяли «Вульку». При этом было захвачено 80 пленных. Их первые высказываниями говорят о том, что враг был полностью ошеломлен.**

Кремер, вероятно переживший сильный стресс от потери почти всего своего отряда, стремился завершить операцию каким-либо эффектным жестом, который отчасти бы компенсировал жертвы. Что может быть более подходящим, чем подъем флага над захваченным объектом? Взяв флаг со свастикой, применявшийся для обозначения переднего края при взаимодействии с авиацией, Кремер направился к перилам… Лер, чуя беду, настойчиво пытался отговорить его, но Кремер, впав в исступление, был неостановим — он начал крепить флаг и, вероятно, уже не услышал одинокого выстрела неизвестного снайпера..[663] Подбежали остальные, но было уже поздно — сжимая флаг рейха, Кремер умер, смертельно раненный в голову.

Красивая смерть!.. Кремера, наряду с Цумпе, упомянут в сводке вермахта. Хотя его операция, стоившая стольких жертв, оказалась бессмысленной — ни один из мостов не был захвачен Кремером самостоятельно, как планировалось. Лер сам захватил «Холм» и «Гипп», а «Вулька» Кремер взял лишь вместе с Лером[664] и Кляйном — если бы не их поддержка, исход боя был бы неясен (80 красноармейцев, пусть и утром 22 июня — немалая сила, а две штурмовых лодки Кремера — это лишь 12 человек (плюс 4 штурмана).

Смерть Кремера ненадолго задержала Лера и Кляйна — почти сразу же ими был взят и четвертый, последний из намеченных для захвата 45-й дивизией мостов — железнодорожный мост «Ковель».

5.05. Преодолеваются первые стреляющие вражеские батареи к северу от Дубровки. I.R.82 у форта Речица.

5.10. 34 I.D. сообщает, что части врага у Котельни сдались. За форт V еще идет бой.

5.15. Установка связи с XXIV танковым корпусом — после короткого боя он взял Штрадец и идет по железнодорожному мосту и шоссе.

5.30. Тересполь. КП 45-й дивизии

Прибыл Вальтер Шрот. Ему докладывается обстановка. Общая ситуация: несмотря на то что наступление идет планомерно, наметились очаги русского сопротивления, особенно в полосе наступления I.R.135, с чьим командиром (Фридрихом Йоном) полчаса назад беседовал фон Клюге. Обстановка в полосе I.R.135 на эту минуту: Северный остров зачищается 1-м батальоном; отдельные настойчивые стрелки здесь еще держатся. Для дальнейшего выполнения своей задачи (захват западной части Бреста и при необходимости блокирование города с востока), полк требует дополнительных сил и к тому же просит о выдаче его II батальона (резерв дивизии). Связи с III батальоном, проникшим на Западный и часть Центрального острова, сейчас нет. Положение на острове полностью не выяснено. Полковой КП — на Северном, там же, где и в 3.40 (в р-не переправы, в казармах 131 ап)[665].

Итак, Йон уже более настойчиво попросил подкрепления.

Шрот не против — приказывает подтянуть резерв корпуса (I.R.133) ближе к району боя.

Также Вальтер Шрот ориентирует командование дивизии в обстановке.

5.30. Резерв корпуса получает команду готовиться для подтягивания в район Кобылян и к северу.

5.35. У 45 I.D. обрушился причал. Восстанавливается старый мост у южной оконечности цитадели.

5.37. Донесение летчика: на улицах Бреста автотранспорт, идущий на северо-восток. Колонна, вышедшая в 5.27 ч., достигла перекрестка в 15 км к северо-востоку от Бреста.

5.40. Занят форт V. Донесение летчика: в 5.15 германские подразделения у вокзала Бреста[666]**.**

* * *

5.40. Коробкову удается связаться со штабом ЗапОВО. Уходит первое боевое донесение: «Доношу: в 4.15[667] **22.6.41 г. противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест.**

Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6 часам артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6-я и 75-я стрелковые и 22-я и 30-я танковые дивизии выходят в свои районы; о 49-й стрелковой дивизии данных нет. Штаб 28-го корпуса — Жабинка. Данных к 6 часам 30 минутам о форсировании противником р. Зап. Буг не имею. Штабом перехожу на запасный командный пункт — Буховиче. 22-я танковая дивизия под артиллерийским огнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника с 6 часов начали появляться группами по 3–9 самолетов, бомбили пружанскую дивизию, результаты неизвестны»[668]**.**

* * *

05.45. Йон сообщает на КП дивизии «1-я рота I.R.135 достигла железнодорожного моста»[669]**. Это примерно в 800 м к северу от моста «Гипп».**

5.50. *Первая вражеская артиллерийская деятельность перед 34 I.D. Запущен самолет для корректировки артиллерийского огня.*

5.55. Шлипер на основе разговора с Йоном решил ввести в бой резерв дивизии. Офицером для поручений передается команда II/I.R.135, майору Параку: батальону выйти к Северному острову, переходя в подчинение I.R.135.

6.00. Офицер связи при штабе XII A.K. сообщает, что 34-я дивизия взяла форт V. Несколько позже сообщает командир I.R.130, что передовые части (II батальон) находятся в 200 м перед мостом «Вулька» и связь с 34-й дивизией (передовыми подразделениями, на той же высоте) установлена.

У «Вулька» обнаружено несколько русских бронеавтомобилей, два из них застряли в болоте и взяты под огнем II/I.R.130[670]**.**

Внезапно о подводе резерва корпуса в его полосу боя ходатайствует полковник Гипп, так как при продолжении удара на восток силы для защиты города с севера станут недостаточными и дальнейшее продвижение на восток из глубины продолжать нельзя. КП Гиппа и Велькера (A.R.98) переносятся на восточный угол Южного острова.

Можно предположить, что Гипп опасается удара со стороны Цитадели. Там явно находятся части, большие, чем предполагалось. Неясно, сколько сил у русских и на Южном острове — бой все еще продолжается. При продолжении удара к городу, уже задействовавшего почти все силы, существует опасность русского удара из Цитадели, в тыл подразделениям полка, вышедшим к городу с севера.

Теперь и командование дивизии оказалось перед дилеммой: дать резерв Гиппу — это значит продолжать эффектный удар на восток, действуя в соответствии с основной идеей блицкрига — никаких остановок. И стратегически такое решение наиболее правильно.

Но — как тогда быть с цитаделью? Ситуация у Праксы неясна, Ельце вот-вот изойдет кровью на Северном. В конце концов непредсказуемые русские могут окончательно перестрелять весь полк Йона и

как минимум — взять под обстрел столь счастливо доставшиеся мосты, как максимум — захватив, взорвать их. К тому же — одолей русские в цитадели, выбей немцев за главный вал — и опять старая песня, знакомая по 1939 г.

Шлипер, менее двух месяцев назад ставший командиром дивизии, оказался перед необходимостью принимать серьезные решения. Впрочем, оставалась надежда, что все образуется само собой — русские, осознав безнадежность сопротивления, отступят или капитулируют.

На Северном острове Ельце вновь пытается переломить ситуацию, начав атаку совместно с подразделениями II/I.R.135 (майора Парака[671]). Вспоминает лейтенант Пауль Орбах (командир 8-й (пулеметной) роты): «Из-за крайне упорного русского сопротивления наш батальон был подведен вперед, вплоть до Северного острова (непосредственно перед крепостью Брест-Литовска), где и разместился. Сначала взводы еще оставались лежать в укрытии примерно в 200–300 м от цитадели.

Мой командир с группой управления роты пошел вперед, на КП батальона, для получения подробных указаний о нашем использовании. Спустя некоторое время связной передал мне команду батальона о том, что я должен отправить заранее отделение моего взвода на батальонный КП. Лично возглавив отделение, я доложил о прибытии командиру батальона, который вкратце ввел меня в обстановку».

Решительно поднявшись, роты батальонов Ельце и Парака продвинулись вперед к городу. Судя по всему, им удалось овладеть Западным фортом и частью главного вала, покинутого батальоном Ландышева. Однако во время атаки, поднимая залегшие было подразделения, майор Ельце все-таки встретил свою последнюю пулю. Тяжело ранен командир 4-й роты лейтенант Кимбергер — в донесении от 16.00 он еще будет значиться среди раненых, к вечеру Кимбергера переведут в другую группу списка… Всех офицеров потеряла и вторая рота — ранены ее командир обер-лейтенант Больс и комвзвода лейтенант Хафнер[672]. Неясно, кто командует батальоном, последний из атакующих командиров рот — гауптман Кене (1-я рота). Но Карл Кене, также вскоре раненый, наступает в обход крепости.

Кто бы ни возглавил батальон, но первому так и не удалось пробиться — тяжелый, изматывающий бой продолжался, несмотря на ввод резервов[673]. Пауль Орбах: «Между тем русские стреляли то отсюда, то оттуда, и никто не имел представления, что же, собственно, происходит. Подняв свое отделение, я повел его (то ползком, то пригибаясь) ближе к цитадели и выбрал себе благоприятное поле обстрела. Непосредственно на самом благоприятном для себя месте уже лежала группа управления роты.

Русские преотлично стреляли, и едва кое-кто высовывал голову, чтобы понять, где они, собственно, сидят, пули уже свистели точь-в-точь у головы.

Командир группы управления роты лежал уже мертвым рядом со мной. Выстрел в голову! Тогда я велел своим пулеметчикам, поддержанным противотанковым и зенитным орудием[674], сделать 2000–3000 выстрелов по уже узнанным целям. Пока мы стреляли, русские не отвечали ни на один выстрел, но как только мы делали лишь небольшой перерыв при стрельбе, вражеский град пуль принуждал нас залечь в укрытия. Для нас стало ясно, что при этих условиях нам никак не войти в крепость. Вскоре рядом со мной уже лежали несколько раненых».

6.00. Тересполь. КП 45-й дивизии

«Панцирягеры» Цана опять задерживаются — он сообщает, что не может проехать железнодорожным мостом в приказанный исходный район, так как мост непроходим[675]. «Панцирягеры», еще не переправленные вперед, засели и на Южном мосту[676]. Ситуация несколько тревожная — Гипп уже вышел к рубежу, где могут начаться атаки русских танков, фугасные снаряды «панцирягеров» не помешали бы и при выдавливании на Северном. Но разговор с Масухом оптимизма не добавляет — переправа артиллерии еще не готова на всем участке.

Батальоны Набера и особенно Гартнака, держащие мосты на Мухавце, рискуют оказаться между молотом и наковальней — с запада к реке, поднятые по боевой тревоге, вышли из Ковалево 33 орудия[677] дивизионов 204 гап (один на конной и два — на механической тяге). Их задача — оборона, взаимодействуяс 84 сп, района Бреста.

Однако к тому времени, как Лер и Кремер взяли мосты, переправиться успели лишь несколько батарей — помимо немецкого огня переправу 204 гап сорвали свои же[678] — 22-я танковая дивизия. А с запада, из Южного военного городка ее автотранспорт и танки еще идут к мостам — на Жабинку[679].

И более того — 22 тд, как и ожидалось, пытается атаковать батальоны I.R.130. А танковая дивизия — это посерьезней, чем артполк или караулы НКВД.

О первой встрече с танками «красных» отчитался командир I/A.R.98 оберст-лейтенант Виндманн, чья вторая батарея (легких полевых гаубиц) находилась в боевых порядках I.R.130[680]. «22.6 ведя наступление, 6/I.R.130, вооруженная 2 противотанковыми орудиями и пулеметами, около 06.00 ч. со стороны перекрестка непосредственно к востоку от Вульки Подгородной подверглась нападению 4 русских танков. Передовой наблюдатель, а сразу за ним и командир 2/A.R.98 обстреливали танки снарядами с ударным взрывателем. Разрывающиеся поблизости от наступающих танков снаряды остановили их, и заставили экипаж покинуть танки. Выбежавшие русские танкисты были убиты или ранены осколками снарядов. Как позже выяснилось, ни один из танков не был поражен. Действие разрывающихсяпоблизости снарядов было таким, что атмосферным давлением у всех 4 танков были снесены и частично разорваны гусеничные ленты. Этот опыт показывает, что в похожих условиях на большом расстоянии против русских танков могут применяться и снаряды с ударным взрывателем».

Собственно, 6-й роте Гиппа и батарее Виндмана повезло — это был первый бой русских танкистов. И среди их машин не было Т-34[681].

Всего же на 6.20 огнем пулеметов, противотанковыхружей, ПТО 14/I.R 130 и артиллерии 2-й батареи (дивизиона Виндмана) было уничтожено 9 танков[682].

Вообще же у Волынки и Вульки Подгородной еще прячется немало русских.

*** * ***

Минск. Штаб ЗапОВО

В Генеральный штаб РККА уходит боевое донесение № 002/оп: «…По всей границе ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь… Проводной связи с армиями не имеем… По сообщению Киевского особого военного округа, подверглись бомбардировке Луцк, Дубно, Белецк. Немцы перешли госграницу на территории Киевского особого военного округа…»[683].

В штабе ЗапОВО данных о переходе вермахтом границы СССР на территории округа нет. Но в том, что оно или уже произошло, или начнется вот-вот, не сомневается никто.

6.10. 31.I.D. достигает Речицы. Взяты Козловичи. Переправляется 2-й легкий артдивизион.

6.10. I.R.130 твердо овладел мостом «Вулька» и железнодорожныммостом «Ковель». И это — лишь спустя час после победной реляции Лера (о взятии мостов в 5.10) и гибели Кремера, поспешившего с водружениемфлага. Бой за мосты лишний раз показывает изначальный авантюризм операции по заброске группы на штурмовыхлодках.

6.15. Телефонное распоряжение от Pz.Gr. Гудериана: Судя по перехваченным радиограммам и высказываниям пленных офицеров, враг полностью поражен. Всему корпусу приказывается нанесение сильнейшего удара.

*** * ***

Москва. Наркомат обороны СССР

Уходит директива наркома обороны СССР военным советам приграничных округов: «…1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу»[684].

*** * ***

6.25. Армин Деттмер докладывает обстановку начштаба XII А.К.: На Северном острове бой еще продолжается. Очистка острова проводится I.R.135. Дивизия полагает, что Цитадель скоро будет твердо в руках дивизии, Южный остров — уже в ее руках. Местная контратака танков между городом и цитаделью отбита 14/I.R.130. I.R.130 находится с передовыми подразделениями в 250 м перед железнодорожным мостом «Ковель». Начатая в южной части цитадели наводка подготовленного моста кончается неудачей — мост сполз и обрушился. Первые два моста Мухавца на восток от речной развилки твердо в руках дивизии; мосты Мухавца к югу и востоку от города выглядят целыми, но еще не защищены. Железнодорожный прикрыт надежно, так как здесь поставлено 8,8-см зенитное орудие[685].

КТВ 45 дивизии отмечает и успехи соседей: «6.20. В это время 31-я дивизия (сосед слева) ломает слабое вражеское сопротивление у Речицы. 34-я дивизия (справа) берет Митки». Однако, похоже, этой фразой подчеркивается то, что перед соседями — слабое сопротивление, чем и объясняется их быстрое продвижение.

6.30. Тересполь. КП 45-й дивизии

Йон сообщает о перенесении полкового КП на северо-запад Северного острова к разрушенному мосту. Положение на Цитадели по-прежнему не выяснено. Так как вражеское сопротивление здесь, по-видимому, крепнет, полк ходатайствует о придании пулеметной роты I.R.133 (сначала подчиненной только для перехода Буга) для поддержки борющихся на Цитадели частей, что и одобряется Шлипером. Но еще нужна санкция корпуса на использование подразделения, находящегося в его резерве.

6.30. I.R.133 полковника Кюлвайна начинает марш из своего исходного района в надлесничестве Хотылув в направлении Блоткув — Тересполь[686].

6.30. Arko.27 сообщает об отступлении врагов по шоссе на Кобрин (магистраль № 1). У Harko 302 вызывается артиллерия дальнего огневого воздействия.

6.40. 16-тонный дорожный мост через Мухавец на юго-восточной окраине Бреста в наших руках.

Сообщает 34.I.D.: I.R.107 в железнодорожной линии около Гершон. I.R.80 прошел Аркадию, левым флангом атакуя Вульку.

На КП дивизии поступает радиограмма из штаба корпуса «Предположительный отличительный знак русского танка двойной белый треугольник на башне»[687]. Впрочем, к этому времени все, кто мог встретить танки, их уже встретили. Возможно, радиограмма была бы им только помехой — высматривать «двойной белый треугольник» времени не было.

6.45. 81-й саперный батальон сообщает, что у западной оконечности Северного острова мост через Буг можно поставить на 8 паромах. Южный мост будет готов только во второй половине дня.

Брест. Подвал обкома ВКП(б). Партийное руководство городом и областью собралось вновь. Новости неутешительные — говорят, что в военкомате оружия нет, эвакуацию предприятий провести невозможно.

Секретные документы уничтожены лишь частично — в основном в сейфах секретарей обкома. Остальные — за закрытыми дверями, не удалось найти ключей, а иногда — и людей, их имеющих. Кто-то убит, кое-кто — пропал бесследно. Самое скверное — не уничтожены документы сектора партучета, содержащие информацию о коммунистах городской парторганизации.

Ситуация в городе: в крепости, и (кое-где) в Бресте — стрельба, на улицах — беженцы. Идут то на восток (по Московской), то к железнодорожному вокзалу. Оттуда, говорят, успели отправить поезд…

Действительно — через полчаса, едва стихли взрывы, он, раздувая пары, ушел… А.В. Кулеша: «…Это была самая настоящая схватка с обезумевшими от ужаса людьми, готовыми на все, лишь бы уехать… Самая бешеная посадка в моей жизни. Поезд отошел через несколько минут, весь увешанный пассажирами, стремительно набирая скорость. Единственный поезд, вырвавшийся из горящего города на восток»[688]. С трудом проведшие сквозь панику посадку милиционеры почти сразу же начали отстреливаться от наступающих на вокзал саперов 1-го железнодорожного саперного полка (5-й роты лейтенанта Линни)…

7.00. 101-я батарея привязных аэростатов сообщает: Огонь по форту VIII ложится хорошо. Ведется ли в нем сопротивление, узнать нельзя.

7.20. Звонит Ia танковой группы: Между 8.00 и 9.00 произойдет нападение пикирующих бомбардировщиков на магистраль между мостом Бульково и перекрестком к югу от Жабинки.

7.15. На Южном все сильнее разгорается бой — тыл становится понятием эфемерным. Ранен полковник Велькер, командир A.R.98, как и Гипп непредусмотрительно перенесший туда свой КП. Теперь артполком дивизии будет командовать оберст-лейтенант Виндманн.

7.30. Для Йона, похоже, проясняется ситуация с батальоном Праксы: дошли раненые или наконец-то пробились связные через Западный остров. Связи с батальоном не было почти 3 с половиной часа — тем сильнее ошарашили новости. Именно в эти минуты перед командованием полка создается картина положения — не достигнута ни одна цель, и как их достигнуть — неясно: убиты командиры обоих батальонов, один из которых просто растворился в Цитадели, второй уже три с половиной часа бьется за пару сотен метров на Северном. Ввод резерва дивизии почти ничего не дал. Тяжелую артиллерию не применить (иначе сильно облегчат русским уничтожение немцев в Цитадели), противотанковая застряла на переправах, полковая (что удалось перетащить) — пока бессильна. Что делать?

Тем не менее хоть какая то ясность — стали известны части русских в Цитадели. Йон доносит на КП дивизии, что там находится пехота 14-го пехотного полка[689]. Информация не самая полная, и тем более — не самая верная, но какая есть…

7.30. В этот раз совещание в подвале обкома ВКП (б) было недолгим — как только стало известно, что немцы входят в город, все собравшиеся вышли на улицу, решив уходить к Жабинке. Так, среди групп уходящих из города евреев, «восточников», красноармейцев, зачастую безоружных и полуодетых, ревущих моторами автоколонн Красной Армии Брест покидало его руководство. Обгоняемые одинокими, беспрерывно сигналящими грузовиками, вывозящими семьи сотрудников брестских предприятий, подсаживая в их забитые и без того кузова своих родных, коммунисты вышли из города, на улицах которого лишь через несколько часов девушки будут кидать цветы немецким мотоциклистам. А еще через несколько дней — первые выстрелы в немецких солдат покажут, что отныне на востоке нет спокойных мест.

…А на Северном сейчас, вероятно, затишье, и поэтому группы бойцов Красной Армии, блокированные в домах начсостава и на других участках его западной части, пытаются пробиться к своим. Одна из них — группа Шабловского, с ней, в доме № 5 находится и военврач 3-го ранга М. Н. Гаврилкин: «Капитан Шабловский хотел вывести оставшуюся группу военнослужащих из крепости, считал, что оборона

бессмысленна. Попытались перебежать к Северным воротам, добежали до парка и были от Северных ворот обстреляны из пулемета. Повернули назад и вернулись в дом. Было их 20–25 человек. Поднялись на чердак»[690].

К домам начсостава тоже пытаются пробиться — с советской стороны, и те, кто не участвует в боевых действиях: их жильцы, в поисках продуктов, для начавших испытывать голод детей. Дарья Прохоренко: «Уходя [муж] сказал мне: когда бой затихнет, сходи домой и возьми детям поесть и одеться. Часов в 7–8 утра приблизительно совсем стало тихо, и я оставила детей с бойцами, попросила солдат, чтобы посмотрели за детьми, чтоб лошади не убили, так как в этих подвалах было много коней, а сама ушла. Прошла полпути к своему дому, как услышала „Хальт!“. Так как я этого слова не знала, я думала, что ослышалась, и продолжала свой путь. Но крик повторился громче, я оглянулась и даже обрадовалась. На подвале, откуда я вышла, было очень много солдат в железных касках. Я засмеялась, хотела крикнуть им что-то приветственное, думала наши бойцы, и тут же со страхом ненависти голос оборвался. Эти солдаты мне машут руками „ко мне!“. Я поняла, что меня зовут к себе. Я подходила к ним и соображала, что же будет с моими детьми, ведь меня возьмут. Подходя к немцам, я старалась подходить ближе к той стене, откуда вышла, и как поравнялась со стеной подвала, так свернула фиги с обеих рук и сама за стенку, а немец спрыгнул с этой стены, да меня чем-то по голове так ударил, что я ничего не видела, в глазах потемнело, стояла как в большом дыму, не помня себя. Видела, как этот немец упал возле меня убитым. Видимо, наши за мной наблюдали и убили этого немца. Я не помню, сама я пришла к детям или с чьей помощью, только помню, что вечером 22 июня я была с детьми в том же подвале, куда привел нас мой муж, те же солдаты и кони, уже был мой муж возле нас»[691].

7.30. Тересполь. КП 45-й дивизии. На основании различных сообщений здесь впервые создается впечатление, что все же более сильные, чем предполагалось, части русского гарнизона оборонительных сооружений сопротивляются позади передней линии дивизии. Первое, что приходит в голову, использовать неоспоримое преимущество «сорок пятой» в артиллерии. Однако теперь артиллерийская поддержка в цитадели невозможна, так как пехота втянута в бой слишком тесно с противником.

7.40. К этому времени I.R.130 растянулся от железнодорожного моста «Ковель» (включительно) вплоть до Южного острова. Гипп, докладывая обстановку Шлиперу, по-видимому, находится под сильным впечатлением событий на Южном, ранения Велькера. Командир I.R.130 признает, что Цитадель, по-видимому, занята довольно сильным и смело защищающимся гарнизоном. Шлипер сообщает Гиппу, что I.R.133 (резерв корпуса) будет вводиться в полосе I.R.130.

Фактически это первое решение Шлипера по приостановке штурма крепости. Он не мог не заметить, что, введя батальон Парака на Северный остров, он фактически ничего не добился, сотня метров — не в счет. Бросить туда еще и полк Кюлвайна? Цитадель сожрет и его, несколько десятков снайперов-фанатиков задержат и полк, а в это время русские прорвут цепочку I.R.130, и (кто знает?) обрушат фронт всего корпуса. Общая ситуация (разгром русских приграничных сил) была неясна ни 22 июня, ни в последующие пару-тройку дней.

Ввести Кюлвайна на Западный? Но ситуация там настолько туманна, что полк рискует, как и на Северном, ввязаться в бой со снайперами, засев на несколько, столь критичных на данном этапе операции, часов.

Нет, единственный оставшийся у дивизии резерв пусть поддержит успехи Гиппа, разовьет его наступление.

7.30. I.R.130 (1-й и 2-я роты при поддержке 13-й и 14-й рот I.R.130) вышли на высоту 140[692].

7.50. Сообщает 1(H)/21: вражеская артиллерия уничтожена авианалетами.

8.0. Начата переправа на пароме 2-см зенитного орудия унтер-офицера Патернолы, к этому моменту выведенного на позицию непосредственно на берег Буга. Вместе с расчетом на паром поднялся и лейтенант Энгельхардт, решивший лично руководить его действиями. Выдвижение и выход на позицию орудия проводились крайне трудно, так как оно должно было находиться примерно в 200 м от противника, под его сильным пулеметным огнем[693].

8.10. Продолжают приходить новости о третьем батальоне I.R.135, на сей раз — от приданных ему артиллерийских наблюдателей. Офицер I/A.R 99 сообщает, что солдаты III/I.R.135 остановлены и засели перед укреплением Центральной цитадели, имея примерно 35 % (?) потерь.

8.15. Гипп докладывает, что в 7.30 взята высота 140. Теперь решено назначить 11-ю роту как последний резерв полка для обороны напротив укрепления Центральной цитадели на Южном острове. На основании этих сообщений и потому, что I.R.133 прибудет только позже, Шлипер решает подчинить I.R.130 разведотряд оберст-лейтенанта фон Паннвица, обеспечивая выделение на Южном против Цитадели III батальона (прикрывающего мосты на Мухавце[694]).

8.15. Установление связи с XXIV танковым корпусом: 4-я танковая дивизия прошла Медную. 1 K.D.в полосе ручья к юго-востоку от Медной. 3-я танковая дивизия еще висит позади.

8.30. Установление связи с LVII танковым корпусом: 18-я танковая дивизия прошла Лесную у Костичи.

8.30. Батальоны Кене и Парака вновь пошли в атаку. На сей раз, несмотря на ожесточенное сопротивление русских, им удается достичь цели — дороги, пересекающей Северный остров с севера на юг, выйти к Трехарочному мосту.

При этом был подбит и загорелся Т-38, помогавший Мамчику более двух часов держать мост. «В пламени было видно, что не может выбраться из него танкист, не хватало ему, раненому, силы даже перевалиться через люк. Смотреть без слез на это было невозможно»[695].

Скорее всего, Т-38 подожгли 3,7-см орудия 14/I.R.135, чей командир, обер-лейтенант Вессиг, также был убит при атаке на Северном.

Остатки группы Мамчика отползли в кустарник пкт 145, далее до ДНС шла ровная как ладонь спортплощадка, метров четыреста. Огонь шквальный. Припали было к земле, но выстрелы косили одного за другим. Поняв, что сейчас перебьют всех, кто остался, Мамчик охрипшим голосом призвал людей к отходу. Вскочив первый, повел их за собой к ДНС (пкт 10–14). Устремившись за командиром, бойцы смогли добежать до домов и вновь начать перестрелку, во время которой Мамчик и погиб. Солдаты Парака взошли на вал пкт 145, вырыли несколько стрелковых ячеек.

Но за Мамчиком пошли не все — несколько человек укрылись в ивняке у берега, под мостом и в казематах пкт 145. Вал пкт 145, как и вся крепость, превратился в слоеный пирог — с одной стороны он как бы немецкий, с другой — как бы нет, что будет доказано совсем скоро[696]...

...Тересполь. КП 45-й дивизии. I.R.130, сильно растянувшийся, вновь требует прикрытия с севера. В цитадели оживающее русское сопротивление. Шлипер вновь ходатайствует о выделении дивизии резерва корпуса.

...Брест, ул. Дзержинского, д. 19. Облвоенкомат. Майор М. Я. Стафеев, брестский облвоенком, первым примчавшись сюда, события, вот уже несколько часов грохотавшие в городе и вокруг него, принял за крупную пограничную провокацию. Сюда же, на «Дзержинского, 19», сбежались и служащие военкомата и несколько военнообязанных (приведших с собой и женщин и детей), пришли с вокзала 18 политруков запаса, не успевшие уехать на курсы усовершенствования в г. Смоленск, пограничники. Подошли партийно-

советские работники, отправленные Коротковым из подвала обкома ВКП(б). Последних набралось около 40. Оружия хватило лишь для тридцати из них: в военкомате нашелся станковый пулемет в разобранном виде и 20 винтовок и карабинов (из взвода обслуживания), немного патронов[697]. Гранат — ни одной. Так и не получив никаких указаний, Стафеев приказал всем оставаться в здании, двоих сотрудников военкомата послал в штабы корпуса и дивизии, отправил гонца в обком, сам же вместе с остальными работниками начал готовиться к мобилизации (поднять военнообязанных).

Но связи с сельсоветами уже не было, а вскоре вернулись и посланцы — в обкоме никого не нашли, в штабах остались лишь дежурные командиры, толком ничего не знающие. Однако в штабе 42 сд удалось взять 25 винтовок и несколько ящиков с патронами, в штабе погранотряда — ручной пулемет и несколько гранат, на складе областного управления НКВД — 27 винтовок.

Обстрел же стих — и стало слышно, как с юга, от Мухавца, приближаются редкие винтовочные выстрелы и автоматные очереди.

Но Стафеев вновь отказывается эвакуироваться без приказа. Он разрешил лишь отправить членов семей, укрывшихся в ленинском уголке облвоенкомата. С трудом во дворе облпотребсоюза удалось найти грузовик — отправив 18 женщин и детей (все не смогли поместиться, и оставшихся перевели в подвал), работники военкомата, поняв, что вырваться из города уже не удастся, стали готовиться к обороне — бойцы взвода обслуживания заняли оборону перед зданием, другие — внутри. Всего набралось около 80 человек. На балконе второго этажа поставили ручной пулемет.

Отправленный из военкомата грузовик, что был должен довести семьи до леса у Кобрина и вернуться за остальными, едва сумел покинуть город — на Московской улице он был обстрелян, женщина и 14-летний мальчик были убиты, несколько человек ранено. Тем не менее с пробитыми шинами, на одних дисках грузовик все же смогли довести до Березы-Картузской.

…Последние подразделения РККА покидали город — с юга входили первые солдаты полка Гельмута Гиппа.

Остатки войск, отступающих из крепости и Северного городка, собирались севернее и северо-восточнее Бреста. Зачастую бойцы прибывали поодиночке в полураздетом виде. Матчасть полков из крепости вывести не удалось, т. к. все было уничтожено на месте.

Легче оказалось положение размещавшихся вне крепости — 131 ап 6 сд, располагавшийся на берегу Буга, вывел 8 орудий второго д-на и одно полковой школы 131 ап. Из Северного городка вышли: два дивизиона 17 гап, 19 орудий (из 36 по штату) и 300 бойцов 447-го корпусного артполка. Последнему, потерявшему под обстрелом несколько тракторов, вероятно, пришлось бросить часть орудий в артпарке из-за отсутствия тяги[698].

Красноармейцы, стремясь вырваться из Бреста, часто не имея оружия, практически не оказывали сопротивления — на их транспорт развернулась охота: «Постоянно полностью занятые русской пехотой грузовики то вновь пытались достигнуть цитадели, то искали выход из города на восток. В большинстве случаев они расстреливались пулеметами или противотанковым орудием в упор»[699], — вспоминал Вальтер Лоос.

На многих улицах стояли подбитые или брошенные автомашины. Например, на мосту у железнодорожного вокзала была уничтожена штабная (18 обс) с документами и знаменем.

…Более-менее вооружив тех, кто пришел в облвоенкомат, у самих его работников, оставшихся в здании, практически не было оружия — лишь у Стафеева и 3–4 других командиров имелись при себе пистолеты. Однако им удалось вновь остановить едущие по ул. Карла Маркса на восток грузовики, вывозящие один из складов — начальник колонны охотно согласился помочь с боеприпасами: три ящика

патронов сгрузили у облвоенкомата.

Отправили вторую машину с семьями, но тревога за их судьбу только усилилась — было видно, как из некоторых домов по Белостокской улице по отходящей колонне открыли ружейный и пулеметный огонь неизвестные люди[700].

Судьба этой машины осталась неизвестной.

Стафеев выслал патрули на ближайшие улицы — отовсюду приходят тревожные сообщения. В городе начинается хаос — то и дело неизвестные стреляют с чердаков и балконов. Идет грабеж квартир бежавших из Бреста «восточников», магазинов. Стало известно и о том, что банды грабителей пытаются нападать и на выходящих из города. Их интересуют не только ценности, но и надежда встретить знакомые ненавистные лица…

Кто-то со стороны почтамта дал по облвоенкомату несколько очередей из ручного пулемета. Недобитки…[701]

8.35. 45 I.D. сообщает: в 8.15 I.R.130 достиг Pkt.140 (непосредственно к северу от Тришина). Более слабые частные атаки с танками на восток и к юго-востоку. В цитадели продолжается ожесточенный бой.

8.37. 34 I.D. прошла шоссе восточнее Вульки. Дивизия сильно нуждается в большем мостовом имуществе. Река Буг шириной 180 м.

8.40. Резерв корпуса выдвигается в Тересполь.

8.40. Масух сообщает, что на Центральном острове русские разведывательные бронеавтомобили, часть из которых пыталась прорваться[702]. Еще звучат отдельные выстрелы и на Западном. (В связи с этим, да и остальными сообщениями на КП «сорок пятой» подтверждается впечатление, что все больше отдельных русских за ее передней линией приходят в себя и начинают защищаться.) В частности, потери офицеров уже относительно высоки; в основном от стрелков, ведущих огонь с деревьев и крыш.

8.45.

I.R.130 придается Aufkl.Abt.45 для поддержки атаки на высоту 144. Однако дивизион не успевает к атаке. Первоначально предусмотренное для Aufkl.Abt.45 прикрытие на Южном отпадает, так как снятие 11/I. R.130 отняло бы много времени[703]. Фон Паннвиц выехал вперед к Гиппу, налаживая взаимодействие. I.R.130, по-прежнему висящий вдоль Мухавца и на Южном, только с легкими гаубицами и 3,7-см орудиями ПТО просит об ускоренном подтягивании артиллерии. Начинается подвод 1 и 6-й батарей A.R.98, однако останавливается из-за отсутствия мостов.

В это время люфтваффе сбрасывает несколько бомб на южную часть Бреста… Свидетелем бомбардировки стал военный корреспондент «Die Wehrmacht» Герд Хабеданк, к этому моменту покинувший батальон Праксы. Сейчас Герд не менее стремительно несется с одним из подразделений I.R.130: «Дальше, дальше! Железная дорога, баррикады, штабеля древесины, большая свободная площадь. Отдельный фланговый огонь. Затем крик: „танк спереди!“ И сразу же занимает позицию противотанковое орудие. Все же где он подходит? Выстрел! Еще и еще. „Там он горит, вон там — прямо“, — указывает мне командир орудия. И минутами позже мы уже проходим его, идя длинными рядами у стены дома.

Расстрелянная машина, перед ней на мостовой сидит полностью безразличный водитель. Не зная, что делать, растерянные жители мечутся на улицах. Отдельные выстрелы, в том числе пулеметные очереди, — справа и слева, спереди и сзади. Дальше, дальше! Мы уже в городе. Пустые улицы, закрытые дома и склады, красивая маленькая церковь с византийскими куполами[704]. В воздухе беспрерывное гудение. Немецкие или русские истребители, или как ныне — бомбардировщики, наши или чужие? Безразлично,

мы должны идти вперед!»

Один из тех, кто в это время находился над группой Хабеданка — Готфрид Хомахер, еще в 3.33 вылетевший на штурмовку позиций русских у Бреста[705]. Хомахер, как и другие летчики, из-за задымленности наносил удар до площадям. «Сверху мы не видели, что происходит внизу. Я только помню, что все небо было красным от пожаров. Под нами были лишь алые облака дыма». Туда, в облака, полетели бомбы и в этот раз. «Грохоча, бомбы падают на улицу рядом с нами. Вот же, проклятие, теперь нам приходится бросаться в укрытие»[706].

«В штурмовом пехотном снаряжении, ручная граната в кулаке, мы движемся беглым шагом по улицам города. Оружие и боеприпасы перевозятся на найденной ручной тележке. Потерявшие хозяев лошади бегут рысью вдоль улиц. Не угрожает ли нам налет авиации? Снова и снова атакующие солдаты обыскивают глазами небо». Судя по дорожному знаку, снято где-то у пересечения Московской (?) и железнодорожных путей

«Автомобиль советско-русских был остановлен несколькими выстрелами. Сломленный, водитель сел рядом со своей машиной, чтобы быть взятым в плен немецкими солдатами». Честно говоря, судя по взгляду, водитель не сломлен…

В следующий раз подразделения не будут столь безразличны — сейчас же их командиры, понимая, что промедление здесь действительно «смерти подобно», сообщают об активности люфтваффе в штаб полка.

Оттуда сообщение о бомбардировке поступает на КП дивизии. Командование «сорок пятой» сразу же связывается по телефону со штабом XII армейского корпуса.

Действия люфтваффе названы «максимально нежелательными», так как здесь «уже подтягивается транспорт I.R.130»[707].

Однако бомбы все же накрыли и тех, кому были предназначены — одна из них разорвалась на мостовой ул. Дзержинского, напротив облвоенкомата. Осколками был убит красноармеец Василий Толкачев и ранено 12 человек — в том числе майор Стафеев (в руку).

«Панцирягеры» I.R.130. Подбитый советский бронеавтомобиль. Интересно, чей? Заблудившийся (из 22-й танковой дивизии) или не успевший выехать из 84 орб? Обратите внимание, что рядом с «панцирягерами» бежит человек в трусах и майке. На пленного вроде бы не похож… Тогда кто он?

Теперь отход был еще более затруднен — что делать с ранеными? Но предпринимать что-то надо — здесь практически нет и бинтов, не говоря уж о медикаментах.

Стафеев все же решил уходить — несколько человек, переодевшись в гражданскую одежду, ушли разведывать путь, где можно бы было вывести людей из города. Но было уже поздно…

8.45. Офицер связи при штабе XII А.К. ориентирует: 34-я дивизия достигла железнодорожной линии около Гершон. Вулька Подгородская взята. 31-я дивизия взяла Речицу и Козловичи.

8.45. Вальтер Шрот кричит в трубку с КП 31 I.D.: ее главные силы достигли железнодорожной линии Брест — Мотыкалы, левый полк уже прошел ее, достигнув района Катенберг.

8.50. I.R.133 (резерв корпуса) подчинен 45 I.D. и до 10.00 будет подвезен в Тересполь. К этому моменту в 45 I.D. убиты 2 командира батальона и 1 командир роты, ранен 1 командир полка.

9.00. Тересполь. КП 45-й дивизии. На связь вышел Ia штаба корпуса, с долгожданным сообщением — резерв корпуса (I.R. 133) подчиняется дивизии.

Первыми из 133-го полка, кто тотчас же (9.00) получил приказ перейти на территорию крепости, была 12 s.M.G.K. Лерцера. Лео Лозерт заметил, что рота, первая из I.R.133, была переправлена, несмотря на то что была корпусным резервом, на остров, чей переход стоил ее предшественнику — III/I.R.135 больших потерь в офицерах. Лозерт уже знает, что штурмовые группы 10, 11, 12-й рот I.R.135 проникли в цитадель, но сразу же имели тяжелые потери. Из этого замечания можно сделать вывод, что Лозерт, недавно похоронивший первого погибшего из полка, начал понимать серьезность ситуации. Вероятно, как и остальные пулеметчики, к этому времени уже достаточно измотанные бессонной и тревожной ночью.

*** * ***

9.00. Боевое донесение № 004/оп штаба Западного ОВО уходит начальнику Генерального штаба Красной Армии генералу армии Г. К. Жукову: «…Брест горит. К 6.30 (22.06.1941) данных о форсировании противником р. Западный Буг не было»[708].

Положение ухудшается на всех участках. Связи штаба ЗапОВО с 4-й армией все еще нет.

*** * ***

9.00. Станция Брест-Литовск занята штурмовым отрядом 5-й роты лейтенанта Линни 1-го железнодорожного саперного полка. Отряд, прибыв на станцию, установил, что подвал вокзала еще занят неприятелем[709]. Было сделано три попытки проникнуть в подвал, каждый раз отбивавшиеся его защитниками с потерями для людей Линни. Дальнейшие попытки больше не предпринимались — вооружение отряда для штурма недостаточно.

«В подвале, построенном как бомбоубежище, находится примерно 35 человек», — сообщает Линни.

На самом деле их было около сотни — вооруженных пограничников, отступавших от Тереспольского моста; зенитчиков, везших в свою часть полученные на складе в Бресте сапоги; около 30 мл. командиров роты связи 45-й авиабазы 74 шап 10 САД, едущих к месту постоянного расположения в Пружаны — принять молодое пополнение; 16 бойцов 66 УР во главе с политруком Ф. Л. Зазирным. Да и немало командиров и бойцов других частей оставалось в эту ночь на вокзале. Разбуженные грохотом на границе, имея при себе оружие, они запаслись боеприпасами — их раздача (доставленных со складов военизированной железнодорожной охраны и линейного отделения милиции) происходила в дежурной комнате милиции. Не имевшим оружия досталось и то, что было изъято у нарушителей границы. Отстреливаясь, с окраин вокзала отошли в его здание, затем — в подвал.

Однако помимо вооруженных, чего и не предполагал Линни, туда же скрылись сотни (по некоторым оценкам — около двух тысяч) пассажиров как ночевавших на вокзале, так и тех, кто прибежал сюда, надеясь вырваться на восток — «восточники», «советки» (жены начсостава и совпартработников), коммунисты, евреи. Те, кому не повезло втиснуться в уже через полчаса с начала артналета отправленный короткий состав, сейчас с тревогой прислушивались к выстрелам. Что это — провокация? Война?

По крайней мере, те, кто занял оборону у подвальных окон, одно знали точно — нужно продержаться до подхода «основных сил». А они подойдут вот-вот…

9.05. Собственные бомбардировщики сбросили бомбы на южный край Бреста. Танковой группе сообщается обстановка, одновременно просится о приостановке здесь бомбардировок.

9.15. Штаб 34 I.D. переходит в Михалкув.

9.15. Начинается новая глава «битвы на Северном» — теперь Фридрих Йон уже не собирается продолжать атаку на восток острова. Русские в Восточном форту, главном валу и других местах восточной части Северного надежно блокированы. Дальнейшая атака, сил для которой недостаточно, приведет лишь к новым потерям. Сейчас главной задачей для командира I.R.135 стало изменение положения на Цитадели, исправление той ситуации, что сложилась в результате разгрома батальона Праксы. Йон намеревается, нацелив ключевые силы на Трехарочный мост, ворваться с Северного на Цитадель и навести там порядок. От первого батальона много ждать уже не приходится — пойдет резерв второго.

Результатов разведки, направленной I.R.135 в Брест, еще нет.

…Однако непредсказуемые русские вновь спутали все карты — они начинают контратаковать на Северном, захватывают несколько с таким трудом занятых пунктов. В бой вводится резерв полка — 9-я рота. Ей удается вышибить русских из вновь захваченных ими зданий, и далее, не останавливаясь, рота наступает на северную часть главного вала.

Пока 9-я рота штурмует вал, одна из рот батальона Парака начинает атаку через Трехарочный.

…Трудности на Северном оказались для Парака «прогулкой» по сравнению с атакой через мост — во-первых, до него еще надо было дойти сквозь плотный огонь «недобитых» из группы Мамчика, засевших у

пкт 145, второе — все расположение зданий у Трехарочного еще в 19-м веке было спланировано так, чтобы максимально прикрыть огнем подступы к Цитадели по ее мостам[710].

Однако и перед защитниками встали серьезные проблемы — как ни странно, но кольцевая казарма была не лучшей оборонительной позицией в 20 веке. Ее почти двухметровой толщины стена, неплохо спасая от снарядов, не спасала от атак пехоты, а окна и амбразуры позволяли вести огонь лишь немногим стрелкам и пулеметчикам. Использовать минометы — невозможно, орудия — практически только прямой наводкой. Толща стен суживала сектора обстрела из окон и создавала непростреливаемые пространства — мертвые зоны[711]. Красноармейцам, намеревавшимся обороняться, приходилось высовываться из окна — тогда залегающие на валах у Мухавца немцы использовали возможность поупражняться в прицельной стрельбе наиболее эффективно.

Таким образом, вести наиболее эффективный огонь можно было либо из амбразур полубашни 455 сп (пкт 170) и столовой 33-го инж. полка (пкт 158), либо из подвала кухни 455 сп (пкт 170 — сектор у Трехарочных). Дверь кухни 455 сп выходила в Трехарочные ворота, но могла простреливать только примыкающий к ней их проем.

Казалось бы, обстоятельства складывались максимально благоприятно для второго батальона — столовая 33-го инж. полка, чьи оконные проемы выходили на мост, была захвачена солдатами 12-й роты батальона Праксы (правда, к этому времени израсходовавшего почти все патроны и старавшегося не делать резких движений)[712]. Полубашня 455 сп — похоже, задымлена все сильнее разгоравшимся пожаром.

Единственной позицией, с которой можно было простреливать мост, стал подвал под кухней — бойцы пулеметного взвода полковой школы 455 сп установили там станковый пулемет[713]. Да и дым в полубашне не помешал многим, надев противогазы, стрелять из нее.

Усиленная рота батальона Парака начала атаку…

9.25. I.R.82 (31 I.D.) атакует форт II (2 км северо-западнее предместья Граевске).

Цан, расположивший КП в 200 м восточнее ж/д моста, сообщает, что дивизион наконец-то сосредоточился на исходной позиции в районе его КП. Переправилось — «полтора взвода»[714] (прибл. 5 орудий ПТО). В дивизион вернулся и 1-й взвод, по соглашению с Йоном придававшийся III/135 для взятия Цитадели[715]. Вернулся, якобы выполнив задание, но, скорее всего, из-за отмены последующих атак оказавшийся не удел.

Гиппа вновь беспокоят русские танки — едва подразделение I/I.R.130 заняло оборону на высоте 140 и у форта III, как началась местная контратака русских на отм. 140 при поддержке 6 танков. Потеряв 3 из них, русские отошли[716].

Установлена связь с I.R.80 (правый сосед на той же высоте).

5 и 6-я роты I.R.130 с 9 противотанковыми орудиями (в т. ч. взвод 5-см противотанковых орудий) заняли оборону у танковой магистрали № 1 (1 км на восток от Тришина).

9.40. Пулеметчики роты Лерцера, перейдя Западный остров, заняли позицию справа от Тереспольского моста. Отсюда Лео Лозерту была хорошо видна полоса перед ротой. Но русских не было видно — ожесточенная стрельба шла во внутреннем дворе Цитадели. Через мост то и дело проходили раненые, возвращавшиеся, измотанные ночным боем и чудом выжившие солдаты штурмовых групп, сдавшиеся в плен русские. Хотя рота (вероятно, разместившаяся в расположении окружных курсов шоферов погранвойск) и не вела боя, но расслабляться было нельзя: «В этих домах располагалась учебная офицерская часть, и ее разогнанные подразделения, действуя как стрелки на дереве или ныряя в высокой

траве, снова и снова обстреливали нас целыми днями.

Сцена, бывшая типичной для ведения войны немецкими солдатами, всплывает в моей памяти при воспоминании об уличном бое в этих домах. Среди боя в первый день мы натолкнулись на кричащего грудного ребенка. Все стояли вокруг него, а затем для охраны малыша был выделен солдат. Но, несмотря на „штатную единицу", ребенком занимался каждый, в течение дня люди брались за заботы о его питании, один приносил даже молоко. Вечером ребенка отнесли на батальонный пункт медицинской помощи»[717].

Несмотря на обстрелы пограничников, в течение дня большинство пулеметчиков Лерцера, в основном молодых солдат, спало от усталости. Офицерам и унтер-офицерам расслабиться не приходилось — необходимо было постоянно следить за обстановкой.

Часть солдат роты вошла в штурмовые группы — их задачей стало уже не взятие Центрального, а прочесывание Западного. Во время рейда дошло до боя с пограничниками — несколько русских было захвачено в плен.

В течение дня Лозерт несколько раз посещал 10/I.R.135 в казематах кольцевой казармы у Тереспольских, разговаривал с ее командиром[718].

9.30. Обер-лейтенант фон Фуметти (I/A.R.99) сообщает, что выдвинутые наблюдатели окружены вражескими силами. И почти сразу же приходит новость о том, что окруженные (гауптман Краус (командир I/A.R.99) и два сопровождающих его офицера A.R.98) убиты на Западном острове[719].

Как это произошло — точно неизвестно. В воспоминаниях защитников Западного острова (А. С. Черного и М. И. Мясникова) говорится, как правило, либо об обороне отдельных участков, либо о попытках незаметного прорыва (Мясников). Однако в воспоминаниях Черного есть упоминания об уничтожении, предварительно окружив, немцев у казармы курсантов школы шоферов[720]. Однако что делать артнаблюдателям у западной окраины острова (если, конечно, речь идет о группе Краус?). Логично предположить, что они находились на его восточной окраине, перед Цитаделью, где, вероятно, и были уничтожены группой того же Черного. Вероятно, именно тогда Черный сжег машины и решил уходить с острова, объединившись с Мельниковым. Прорыв был намечен на северо-восток Северного острова. Атакуя в направлении *моста и дамбы,* **Черному удалось прорваться (хотя из 40 человек, пошедших на прорыв, до казематов Северного удалось дойти только 13, из них 4 — раненым)[721]. Вполне возможно, что где-то у моста ими и была уничтожена группа Краус.**

9.45. Начальник инженерных частей корпуса сообщает, что предусмотренный для XII А.К. переправочно-мостовой парк (XXIV танкового корпуса) уже установлен, так что только с 17.00 он высвободится для XII А.К.

9.50. Несмотря на гибель Краус, Йон подтверждает, что Западный в руках полка, как и западная половина Северного. «Полк пытается спасать окруженных в укреплениях Центральной цитадели военнослужащих III батальона, пробиваясь по Трехарочному»[722].

К этому времени атака Парака угасла — сильнейший огонь не дает возможности даже вступить на мост. У берега залегли русские, сзади (в Восточном форту и домах комсостава перед ним (Черняев) они же, тех, кто преодолеет их огонь — ждет выстрел в спину из казематов пкт 145. Артиллерия мало чем может помочь — нет возможности поставить немногие орудия ПТО на нужную позицию, а поддержка Arko 27 нереальна, так как стена казармы выходит на север, находясь на защищенной от обстрела стороне. Несмотря на то что артиллерия почти не применяется, артиллеристы несут потери. Вслед за Вессигом убит и командир группы связи с пехотой[723] III/A.R.98 лейтенант Ценнек. Относительно потерь офицеров второй батальон рискует повторить судьбу первого — ранены лейтенанты Орбах (командир 8-й роты) и

Гатгербауер (6-я рота). Потери унтер-офицерскогосостава — не менее велики.

Настоящего успеха добилась лишь 9-я рота I.R.135, заняв северную окраину Северного острова (Северные ворота), она пытается продвинуться на восток, сделать то, что не могли сделать первый и второй батальоны.

…Воспользовавшись ситуацией — провалом атаки Парака, стабилизацией у Тереспольских и Холмских, к этому моменту на Центральном острове красноармейцы начинают брать инициативу в свои руки. Первым делом необходимо выбить немцев из церкви и столовой начсостава[724].

Атаку начинают бойцы 455 сп. Ожесточенный огонь не дает им продвинуться. Заметив стрельбу, по окнам столовой и церкви стреляют и со второго этажа штаба 33-го инженерного полка.

Обороняющихся в столовой совсем немного — не надеясь удержать все здание, они отступают на второй этаж, оттуда и расстреливают нападавших…

Атака 455 сп на столовую начсостава, как и вскоре за ней атака 84 сп на церковь, провалились — сил слишком мало, да и те наступают вразнобой. Стало ясно, что необходимо объединение усилий.

10.00. Тересполь. КП 45-й дивизии. Под влиянием донесений фон Фуметти и Йона на КП усиливается впечатление, что наведение порядка на Цитадели привяжет еще более значительные силы.

Западная окраина Вулька Добринска. КП Ib 45 I.D. От корпуса поступает приказ для колонн «Барбара» и «Михаэль» принимать боеприпас в «Марте» и нагруженные колонны держать готовыми к подаче.

I.R.130 сообщает об обнаружении запасов горючего в бочках (22 кубических метра) на Южном острове цитадели и цистерны в Тришине.

Приказания по технике прибыли с опозданием, и это привело к тому, что подвоз начался грузовыми автомобилями служб подвоза.

10.00. I.R.135 достиг района Тересполь — Блоткув. Здесь после привала с выдачей продовольствия полк готов к тому, чтобы после выхода из подчинения XII А. К. по приказу дивизии переходить Буг, вероятно, не ранее 14.00 ч.

10.05. Перехватывается радиограмма русских. Ее содержание: «Всем: высаживаться на аэродроме Бобруйск».

10.10. 34 I.D. взяла Гуцни.

10.10. Новости с КП Йона — допрошены пленные, взятые на Северном острове. Адъютант командира полка обер-лейтенант Хайдфогель сообщает, что перед I.R.135 сражается 125 сп (частично состоящий из киргизов[725]).

«Действие нашего артиллерийского огня было чудовищным. Когда, после его окончания, наши солдаты вытесняют противника из его позиций, всюду еще продолжаются пожары». Сделано, очевидно, где-то на юге Бреста. Судя потому, что видна железная дорога — у железнодорожных путей рядом с Московской улицей. Неясно, какое подразделение обстреливало этот район

10.15. Передовой эшелон корпуса подводится в район Вулька Добринска.

10.20. На КП дивизии прибывает полковник Кюлвайн, командир ожидаемого к 12.00 возле Тересполя, I.R.133 и получает от Шлипера задачу: быть готовым с 13.00 начать переправу на паромах на южный край Южного острова, наступая справа от I.R.130.

10.50. Об этом намерении Шлипера извещается штаб XII А.К. Но на основании следующих сообщений (в частности, I.R.135) о силах противника в Цитадели и после консультации с Гиппом Шлипер, поняв, что Йон своими силами уже ничего не добьется, решается изменить задачу I.R.133. Сейчас она выглядит так: I/I.R.133 (Фрайтага), усиленный 13/I.R.133, чистит сначала Западный остров, затем укрепления Центральной цитадели. Отсюда идет на Южный с его последующей зачисткой. (Окончательный приказ поступит к 12.30).

*** * ***

10.55. Буховичи

Здесь, восточнее Кобрина, на запасном КП 4А после уничтожения в Кобрине немецкой авиацией штаба 4-й армии, с 9 часов развертывается управление ее соединениями. Сандалов передает начштаба ЗапОВО боевое донесение № 05 «1. К 10.00. 22.06.41 г. части армии продолжают выходить в районы обороны… причем гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я стрелковые дивизии — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я стрелковая дивизия вынуждена была к 7.00 22 июня 1941 г. отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й собираются на рубеже Курница, Бол. Черни (459 сп с 472 ап — в р-не Жабинка, Каролин, Хведковичи) и приводят себя в порядок. Таким образом, 42 сд только около 12 часов будет следовать севернее — на уровне своего участка.

2. Отдал приказание:

а) 28 ск не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка.

б) 14 мк в составе 22 и 30 тд, сосредоточившемуся в р-не Видомль, Жабинка, атаковать пр-ка в брестском направлении, вместе с 28 ск и 10-й смешанной авиационной дивизией уничтожить его и восстановить положение.

5. Связь имеется со штабом 28 ск и периодическая со штабом 4 мк»[726].

Видно, что, несмотря на жесткие условия, в которых с первых же минут оказалась 4-я армия, ее командование готово занять позиции района прикрытия, начать наступление, выбив врага с территории СССР.

*** * ***

Приблизительно 11 часов. Тересполь. КП 45-й дивизии

Казалось бы — у командования «сорок пятой» достаточно решительные намерения: ввести резерв и добить врага. Но в то, что это произойдет, похоже, уже никто не верит — это подтверждает тот факт, что для дальнейшей зачистки штабом корпуса в распоряжение дивизии предоставляется батарея Nbw.Abt 6 (до сих пор подчиненного 31-й дивизии). Ее прибытие ожидается лишь к вечеру — значит, надежда закончить все еще днем улетучилась, как дым над Брестом.

Таким образом, в 10.50 стало окончательно ясно — имеющимися силами 22 июня Центральное укрепление взять не получится. Речь может идти лишь о деблокировании окруженных групп и захвате наиболее выгодных позиций для предстоящих атак.

Да, блицкриг на отдельно взятой территории не удался. Конечно, все не так плохо и для корпуса (31 и 34-я дивизии идут, практически не встречая сопротивления) и для «сорок пятой» — взяты мосты, обеспечившие скорость Гудериана, блокированы русские в Цитадели, и вот-вот будут добиты группы на островах… Другое беспокоит Шлипера — само время начинает играть против «сорок пятой». Это началось с момента блокирования в церкви людей Праксы и Кремера. С ними, вдобавок ко всему, радиостанция, и они не намерены скрывать своего положения, уже начав просить о помощи. Любая минута промедления с их спасением принесет блокированным смерть — и на КП «сорок пятой», и у Йона, возле Бригидского ждут от генерала Шлипера, еще и двух месяцев не командовавшего дивизией… Чего? Суматошных атак через Трехарочные? Погибнет еще больше, чем будет спасено в церкви… Артогня всеми силами? Но куда — по одинокому пулеметному гнезду у Трехарочных? И чем — артиллерией, неспособной прошибить казематы, вышедшими из строя «Карлами» или «Небельверферами», ради которых придется отводить войска с территорий, отвоеванных таким трудом? Да и не получится ничего — не для погрома казематов созданы реактивные установки, кроме того, накроют они и церковь…[727]

КП на кладбище Тересполя, мыслящий уже с трудом, после бессонной ночи… Йон, не менее измотанный, подавленный гибелью двух из трех командиров батальонов, бесплодными атаками… Парак, наблюдающий в бинокль «Цейс» перестрелку у Трехарочных — все понимают одно: *тем* долго не продержаться в церкви Святого Николая.

Глава 3

Церковь Святого Николая

10.50. 3*4 I.D. левым полком овладела мостом около Гуцни, образовав предмостное укрепление. Правый батальон уже на высоте 137,4 к юго-востоку от Пухачево. I.R.107 достиг первой цели наступления, его подразделения подходят к высоте 137,4. Взята группа укреплений «Митки».*

*Врач корпуса сообщает: На данное время в каждой дивизии примерно 60–80 раненых***[728].**

I.R.130 45 I.D.обходит Тришин. Сражение вокруг цитадели очень ожесточенно — много потерь. Делается попытка выкуривать русских дымовой завесой.

…. «В это время со двора и казармы покатился густой синий дым. Кто-то крикнул „Газы!“ Многие из нас надели противогазы»[729]. Так началась новая атака Парака. Поставив дымовую завесу, вероятно, используя 8,1-см минометы, роте второго батальона удалось промчаться сквозь мост.

Часть рванулась через Трехарочные, часть — начала забрасывать гранатами окна кольцевой казармы 455 сп и 33-го инженерного, выходящие на мост, чтобы, затем, обежав казарму последнего, ворваться во внутренний двор Цитадели со стороны Мухавца, перед Белым дворцом.

В довершение ко всему — две штурмовых группы, внезапно переправившись через Мухавец у Бригидского моста[730], ворвались в Цитадель через Бригидские ворота, надеясь достичь успеха за счет внезапности.

Казалось, это долгожданный успех второго батальона. Большинство красноармейцев — еще в подвалах, помощь к ним не подойдет (пулеметчики у Тереспольских и в церкви держали любое перемещение под огнем), прорвавшиеся к Трехарочным уходили из зоны обстрела красноармейцев, залегших у пкт 145, и других. Ситуация висела на волоске…

Цитадель спасла отчаянная контратака, возглавленная лейтенантом Виноградовым — начальником химслужбы 455 сп. За несколько минут, видя прорыв немцев, Виноградов смог собрать не более 50 человек — времени было мало, наспех собранная им толпа сразу же выскочила к Трехарочным. Внутри дымовой завесы ударили врукопашную — другого выхода и не было. Ярость красноармейцев переломила отчаяние австрийцев — солдаты «сорок пятой» бросились назад через мост.

Тех, кто шел вдоль кольцевой (бросая в нее гранаты), тоже постигла неудача — выстрелы били по ним из полубашни 455 сп, горжи пкт 145. Тем не менее им удалось пробиться к окнам 33-го инженерного полка. Но и там ожесточенная забросканых М-24 не дала результата: бойцы, заметив, что М-24 взрываются лишь спустя 5–6 секунд, кинули на пол матрасы, смягчавшие падение гранат, — и секунд оказалось достаточно, чтобы выбрасывать их обратно.

Несколько немцев все же ворвались было во внутренний двор, перед Белым дворцом, но ожесточенная стрельба, идущая из его окон, заставила прекратить атаку: при отходе через Мухавец бросились вплавь, под прикрытием завесы. Немногие, пытавшиеся спрятаться под Трехарочным мостом, почти сразу же погибли от пулеметного огня из полубашни кольцевой казармы.

Пленных не было, а если и были — вряд ли им позволили бы выбыть из списка погибших…

Однако в столовой 33-го инженерного по-прежнему оставались солдаты батальона Праксы… Они не использовали свой шанс — бросить все и вырваться вместе с убегавшими через мост солдатами Парака. Почему — неизвестно. Может, среди них были раненые и бросить их было нельзя, может — не стали

отходить без приказа, да и не рассматривали свою ситуацию как критическую.

…Это был серьезный успех защитников крепости, случившийся лишь благодаря их решительности и смелости.

Но нельзя забывать, что к Трехарочному шли и с другой стороны — штурмовые группы, ворвавшиеся на Центральный остров через Бригидский мост, с ходу захватили помещения штаба 44 сп. Что дальше? Пробиваться сквозь кольцевую казарму — во-первых, сквозного прохода и нет, во-вторых — там все-таки окажут сопротивление бойцы 44 сп, в-третьих — пожар, охвативший огромный кусок казармы, выходящей на Мухавец, отсекал и эту возможность.

Тогда они, оставив в помещениях сгоревшего штаба 44 сп небольшие силы, рванули к Трехарочным напрямую — через плац, на выходящую сюда тыльную сторону здания 333 сп.

…Однако к этому моменту в подвале 333 сп уже сформировалась более прочная, чем утром, оборона. Прежде всего — с обеих сторон, на спусках в подвал (с запада (от плаца) — два спуска, с востока (от пограничников) — четыре) были установлены пулеметы[731]. Из подвальных окон пулеметный огонь вести было невозможно — в узкие оконные проемы просто не поместился бы станковый пулемет. Поэтому и позиции вынесли наружу — спуск служил неким окопчиком, и, обложенный с боков ящиками, мог бы надежно укрыть стрелков. Кроме того, от захваченного немцами сектора кольцевой казармы позиции пулеметчиков отделяло и западное крыло здания 333 сп. Описывая пулеметную позицию («позицию „уральца“») у выхода из полковой школы (запад здания), А. П. Каландадзе замечает: «Пулеметчику приходилось стрелять, расположившись на самых верхних ступеньках лестницы. Иначе не было бы зоны обстрела и пули уходили бы в небо»[732]. Кроме того, у широких ступенек выхода из здания на плац (как раз посреди здания — лучшая позиция!) бойцы соорудили баррикаду, где также укрылся пулеметный расчет. Наконец, в самом подвале из обломков стен, ящиков, балок красноармейцы подвели площадки к самим подвальным окнам, там заняли оборону стрелки.

Конечно, не самая лучшая позиция — но стрелять можно. Нельзя лишь бросать гранаты (невозможно размахнуться), если кто-то и изловчится — то граната упадет почти перед окном и осколки полетят в подвал.

…Вероятно, тут-то, при атаке через плац, немцам и пригодилось 2-см зенитное орудие Патернолы — оно открыло огонь по амбразурам подвалов и пулеметным точкам 333 сп, давя возможный огонь.

К этому времени практикой 2-см орудие уже доказало свою пригодность и при поражении наземных целей — оно могло вести огонь как бронебойным, так и осколочным снарядами, со скорострельностью 220 в/м. Имея угол обстрела 360°, зенитчики могли держать под обстрелом всю площадь перед зданием 333 сп (т. н. плац). Находясь в проеме ворот, их расчет был защищен от обстрела с обеих сторон.

Очереди Патернолы всколыхнули защитников 333 сп, не ожидавших удара с этой стороны. Увидев же перебежку солдат штурмовых групп вдоль кольцевой казармы, часть бойцов впала в панику. Большинство из них относилось к приписному составу. А. И. Леонтьев, ветеринарный фельдшер 333 сп: «Поляк, который должен находиться в амбразуре с пулеметом, бежит навстречу мне от амбразуры с белым полотенцем и кричит „Немцы!“»[733]. Леонтьев машинально выстрелил ему, пробежавшему мимо, в затылок и, схватив пулемет Дегтярева, открыл огонь по бегущим по плацу немцам.

Очереди застучали и из других амбразур — тем не менее немцам удалось захватить отсек полковой школы 44 сп и пробиться вплоть до расположения 8 и 9-й рот 455 сп. До Трехарочного оставалось совсем немного, но огонь Патернолы, бивший по амбразурам 333 сп, не мог достать стрелков 44 сп, оказавшихся за спинами у наступавших (в углу кольцевой). Один из его бойцов вспоминает: «Когда немцы неосмотрительно сунулись атаковать центральную часть крепости на участке полковой школы, им устроили

достойную встречу»[734].

Вероятно, атакуя вдоль кольцевой казармы, немцы практически нигде не смогли в нее зайти, ни в секторе 44 сп, ни далее, добежав до 455 сп, пройдя охваченные пожаром ее сектора. Ворвавшись в один из отсеков полковой школы, они, атакуемые, лишь недолго продержались в нем. Затем, попав под огонь 44 сп и той стороны казармы 333 сп, чьи подвальные окна были недоступны зенитке Патернолы, им оставалось лишь отступить, и те, кому удалось это сделать, вероятно, посчитали себя счастливчиками…

Потерпев неудачу на всех участках, солдаты Парака окончательно выдохлись — это был единственный случай, когда им удалось прорваться через Трехарочный мост, а фактически — их последняя серьезная атака в этот день.

Купол церкви Святого Николая был виден и через дымовую завесу у Трехарочных, и сквозь дым пожара на складе обмундирования, напоминая о цели батальона, но «второй» уже не мог ее достичь.

*** * ***

Из боевого донесения № 05 командующего 4-й армией в штаб округа: «1. К 10.00 22.6.41 г. части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я и 75-я стрелковые дивизии), причем гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я стрелковые дивизии — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я стрелковая дивизия принуждена была к 7.00 22.6.41 г. отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й собираются на рубежи Курница, Бол. Черни (459-й стрелковый полк с 472-м артиллерийским полком — в районе Жабинка, Каролин, Хведковичи) и приводят себя в порядок. Таким образом, 42-я стрелковая дивизия только около 12 часов будет следовать севернее — на уровне своего участка.

Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40 %) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрин); штаб 28-го корпуса — в Жабинка — также в 12.15 22.6.41 г. бомбили; штаб 14-го механизированного корпуса — Тевли.

2. Отдал приказание:

а) 28-му стрелковому корпусу не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка;

б) 14-му механизированному корпусу в составе 22-й и 30-й танковых дивизий, сосредоточившемуся в районе Видомль, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м стрелковым корпусом и 10-й смешанной авиационной дивизией уничтожить его и восстановить положение.

3. Штаб армии — фл. Буховиче, переходит в Запруды.

4. Прошу задержать продвижение противника с брестского направления авиацией.

5. Связь имеется со штабом 28-го стрелкового корпуса и периодическая со штабом 14-го механизированного корпуса»[735].

Время от времени теряя связь и с округом и с частями, не имея представления ни о собственных потерях, ни о силах и планах противника, Коробков собирается отбивать Брест. Впрочем, что ему еще оставалось? Любое действие в такой ситуации было бы обречено на провал. Оставалось только продемонстрировать решительность и противнику, и своему командованию — возможно, это даст хоть что-то.

*** * ***

11.00. Начальник инженерных частей корпуса сообщает, что мост в южной оконечности

цитадели будет готов к 17.00, а железнодорожный мост — к 12.00, мост около Лобачува еще трудно предположить срок окончания строительства не предвиден.

11.25. Штаб 34 I.D. переходит в казармы Гершоны.

11.30. Звонит Ia армии. XII A.K. сообщает: Брест взят, у цитадели и в южной части города еще жесткий бой. Намерение корпуса: еще сегодня достичь Жабинки.

У Трехарочных укрепляется оборона — решено прикатить из артпарка 333 сп 76-мм орудие. Это поручено лейтенанту А. Л. Петлицкому— комвзвода орудий ПТО 44 сп. В его группу вошло 6 человек — все младшие командиры. Они переползли в подвал 333 сп, где спросили разрешения на откат орудия у руководителя одной из групп, оборонявшихся в подвалах. Получив согласие, поползли к орудиям. Несмотря на выстрелы по ним из церкви и столовой начсостава, группа Петлицкого покатила орудие к Трехарочным, имея при этом 20–30 снарядов[736].

Сразу же возникла проблема — куда его поставить? Если у Трехарочных — то расчет легко перестреляют из церкви и столовой начсостава, тащить к 33-му инженерному — нельзя, из-за огня из его столовой. Единственное место — перед полубашней 455 сп, у круглой уборной (пкт 179). Здесь, пока немцы не прорвались через Бригидские, можно было и укрыть расчет со всех сторон — стенами кольцевой — от огня батальона Парака, круглой уборной — от огня 10-й роты (у Тереспольских), орудийный щит прикрывал от огня из столовой и церкви. Вести огонь из орудия решили только по бронетехнике или прорыву больших групп пехоты, экономя снаряды.

Петлицкий вернулся в подвалы 333 сп — там к этому времени зреет четкое желание выбить, не дающую шагу ступить всему западному сектору Цитадели 10-ю роту из Тереспольских…

11.45. Тересполь КП 45-й дивизии

Задумались об артиллерии и с другой стороны — вышедший на связь с КП полковник Йон заявил, что хочет попытаться сломить сопротивление у Трехарочного моста единственной имеющейся у него гаубицей III/A.R.98, чтобы деблокировать отсюда окруженных в Цитадели. Кроме того, подчеркнуто, что предпосылка для успехов на Центральном — окончательная зачистка Западного острова (I/I.R. 133).

Гипп сообщает, что в 10.10 обер-лейтенант Миске поднял знамя вооруженных сил рейха на башне Южного острова[737], на основании чего полковник Гипп делает вывод об отсутствии здесь какого — либо сопротивления, речь идет лишь об изредка вспыхивающей перестрелке с отдельными русскими.

Между тем неоднократно офицером для поручений и связным устанавливается связь и с еще стоящими в Малашевичах бронепоездами № 27 и № 28. При этом окончательно выясняется, что на них можно больше не рассчитывать.

Цитадель

Красноармейцами готовится вторая атака на церковь Святого Николая. Основные силы — это 84 сп и 33-й инженерный полк, часть пограничников (погранкомендатура). С 44 сп связи нет, 333 сп и Кижеватов — находятся под прицелом пулеметчиков 10-й роты у Тереспольских, простреливающих все выходы из подвалов и погранзаставы. 455 сп: с одной стороны, ему необходимо оборонять Трехарочный, с другой — чтобы добежать до церкви, необходимо взять и столовую начсостава. Учитывая, что и группе Фомина приходится держать под обстрелом Холмский мост, рассчитывать приходится не на многих.

Тем не менее эта атака — первая совместная операция нескольких боевых групп.

«Атаки от нас начались что-нибудь около полудня, — вспоминает Иван Долотов, — перед этим со стороны 84-го полка прибежала группа в 3 человека, которая стала давать распоряжения от чьего-то имени об атаке на костел и, между прочим, об устройстве окопов перед казармами со стороны Мухавца»[738].

Пулеметчики Фомина и 33-го инженерного открыли огонь по окнам церкви, отгоняя от них немцев. Сразу же к церкви устремилась первая волна красноармейцев, за ней — вторая. «Я бежал к костелу со второй очередью атакующих. Пространство до костела небольшое: вчера еще тут стояли палатки, походные кухни чернели под растущими большими деревьями. Но сейчас палаток как не бывало. От дерева к дереву перебежками дошли до стен, многие падали под огнем немцев, который они вели из окон. Лежа у стены, перевели дыхание. Изнутри слышались крики, взрывы и выстрелы. Двери костела, обращенные в сторону 333 сп, были открыты. В них вбегали и выбегали наши красноармейцы»[739].

Им удалось ворваться в церковь — многие из наблюдавших за боем приняли это за победу. Но до нее было еще далековато — немцы, отойдя от окон, засели за колоннами у алтаря — держа под обстрелом вход. С другой стороны — расположившись на хорах, нависающих над входом, они могли расстреливать как тех, кто подбегал ко входу со стороны 333 сп, так и тех, кто пытался бы атаковать алтарь, стреляя им в спину. Почему бы красноармейцам не закидать тех, кто в алтаре гранатами, не забегая внутрь ее? Во-первых, в церкви уже находилась первая волна атакующих, и гранаты бы поразили своих же. Во-вторых, похоже, гранат было не так много. Кроме того — не надо забывать, что подходы к церкви простреливались из столовых начсостава и 33-го инженерного полка. Правда, там берегли патроны… Но могли их не жалеть пулеметчики у Тереспольских, хотя им и плохо было видно из-за деревьев церковного парка мельтешащие у церкви фигурки красноармейцев. Стрельба шла отовсюду…

Часть немцев (прежде всего раненые и, вероятно, захваченные еще в 4 утра русские пленные) находилась в капитальном подвале под церковью — так называемом «нижнем храме». Ворваться туда также было трудно — по узкой лестнице, единственному входу. Да, в общем-то, и не нужно — сидящие в подвальной темноте опасности не представляли. Но не менее трудной задачей было и выкуривание тех, кто на хорах — туда вела узкая винтовая лестница, на которой мог размещаться лишь один человек, как в средневековых замках. Сами хоры были деревянные, их можно было бы и прострелить или, найдя взрывчатку, — подорвать. Но тыльная часть помещений хоров базировалась на каменной основе церкви, и ее можно было взять только штурмом.

Долотов, вбежав в церковь, вначале даже не понял, что к чему: «Внутри костела был мрак и первый момент не видно даже людей, после улицы там было темно, виднелись только красноватые вспышки автоматных очередей и усиленный высокими сводами грохот стрельбы. Немцы были на хорах, наши внизу. Вскоре все стало виднее, и мне показалось, что их не так уж много, 5–6 автоматов стреляли по низу»[740].

Может, у них кончились патроны, может, не выдержали нервы — но немцы, засевшие в алтаре, вскочив, бросились к окнам, выходящим в сторону Инженерного управления (пкт 178). «На крики у дверей я выскочил на улицу. Оказалось, фашисты выпрыгивают из окон и бегут по направлению к кустам, растущим вдоль тротуара у б. польского штаба[741]. Мы открыли огонь по убегающим. А главное то, что они наткнулись на колючую проволоку, скрытую кустами и отгораживающую территорию сада от дороги. Мчась вдоль изгороди по открытому месту, фашисты были уничтожены нашим огнем и огнем из казармы. Очевидно, небольшая группа на хорах поддерживала отход основной группы. Красно-черного флага больше не торчало из окон костела»[742].

Однако уничтожившие немцев бойцы, бежавшие вместе с Долотовым, тут же сами попадали на землю, спасаясь от пулеметного огня из окон столовой 33-го инженерного полка. Считая, что огонь ведут их сверхбдительные товарищи, не различающие своих среди деревьев, они, проклиная «своих» пулеметчиков, пытались было подняться — не тут-то было. Огонь сразу же возобновлялся. Решили дожидаться темноты…

Атака красноармейцев привела к тому, что церковь была наполовину взята — оставшиеся на хорах не могли обстреливать ни 84 сп, ни 33-й инженерный. В то же время они по-прежнему держали под огнем 333

сп, пограничников и 455 сп. Да и по церкви перемещаться было невозможно, так как все ее внутреннее пространство простреливалось с хоров. Можно было находиться только в небольшом закутке под ними, перед входом.

Тем не менее это был пусть и неполный, но успех. Но за него пришлось заплатить — среди примерно 90 человек из состава 33-й инженерного, атаковавших церковь, потери убитыми и ранеными составили не менее 60 %. Был тяжело ранен в голову командир одного из отрядов атакующих мл. лейтенант В. И. Прусаков[743]. Потери 84 сп и других групп, вероятно, были не меньшими.

12.00. Тересполь, КП 45-й дивизии

Примерно в это время Фриц Шлипер докладывает Шроту: после подачи обеих придаваемых для этого батарей I.R.130 продолжает атаку за высоту 140. В цитадели идет ожесточенный бой — очень много убитых. Значительные потери офицеров.

Батальон I.R.133 должен провести зачистку Западного острова. В северной части крепости еще продолжается бой. I.R.133 должен подтягиваться за I.R.130. Вальтер Шрот ориентирует так: враг всюду отступает. Исключение — цитадель Брест. Дневное задание штаба корпуса — это Жабинка. Он приказывает «в цитадель больше ничего не вводить» (отложив, таким образом, ее захват), предлагая ее блокировать, вытаскивать сражающиеся части, обстреливать и изматывать противника тяжелой артиллерией.

Фактически Шрот вновь советует начать отступление. Совет «вытащить подразделения» не что иное, как благие пожелания, учитывая тот факт, что командир корпуса приказывает больше не вводить резервы на Центральное укрепление. Но вытаскивать-то осажденных в церкви Святого Николая уже нечем — остатками батальонов Ельце и Парака или III батальоном, фактически состоящим из остатков 10-й роты и пулеметчиков Лерцера. 10-й роте и Лерцеру в этот момент себя бы защитить….

Конечно, Шлипер понимает, что для Вальтера Шрота судьба засевших в церкви Святого Николая — неизбежные издержки. На войне не без жертв… Но все-таки жертвовать «щепками при рубке леса», что спустя лишь полтора года произойдет в Сталинграде, став, под влиянием суровых условий Восточного фронта делом, в общем-то, привычным, было несколько странно в июне 1941 г.

Поэтому Шлипер все-таки пытается добиться от Шрота, каких-то средств, чтобы все таки пробиться через «чертовы Трехарочные».

12.00. Телефонная команда в дивизии:

1) Враг прорван.

Корпус ожидает, что этой цели достигнут как можно быстрее по меньшей мере передовым отрядом.

2) Дневная задача корпуса: Жабинка и шоссе на северо-запад.

3) Новая разграничительная линия между 45 и 31, а также 34 и 45 I.D. передается по карте.

*** * ***

4-я армия Коробкова все-таки вышла на связь со штабом округа. Но информация — самая минимальная: штаб армии данными о положении в своей полосе не располагает. Из боевого донесения № 005/оп штаба ЗапОВО: «По радиодонесению — части 4-й армии отошли на меридиан Жабинка. Подробностей не доложено»[744].

*** * ***

12.00. Подразделениями 1-го батальона I.R.135 взяты трамвайный и ж/д мосты в 200 м севернее Северного острова[745].

Отряду лейтенанта Линни, блокирующему подвал железнодорожного вокзала, в плен сдалось 6 русских. От них он узнал, сколько в подвале людей на самом деле — пораженный Линни, чей отряд почти равен количеству блокированных внизу людей, приказал немедленно оцепить станцию и главное — вокзал.

Линни понимает, что в случая попытки их прорыва ему не удержаться. Необходимо подкрепление — им станет разведотряд фон Паннвица.

12.30. Идет команда в I.R.133 — для очистки Западного острова назначить только одну усиленную роту; выполнив задачу, она должна наносить удар и на Цитадель (если это возможно без больших потерь).

Таким образом, Шлипер с одной стороны фактически прекратил штурм, выделив на Западный уже даже не батальон фрайтага (I/I.R.133), а лишь усиленную роту. Максимум, что она сможет сделать — прочесать Западный и усилить позиции 10/I.R.135 у Тереспольских. Все остальные резервы пойдут на развитие успеха Гиппа.

Ему пора уже начать зачистку города, который, казалось, покинут Красной Армией.

…Тем, кто все еще находился в облвоенкомате, было уже поздно что-то решать — на улице показались первые солдаты подразделений I.R.130[746].

Выстрелы загрохотали сразу же. Вальтер Лоос: «Огонь бил по нам из подвалов, окон, чердаков, от деревьев, новостроек, бункеров. Несколько солдат из нашего отряда, пораженные им, упали на землю. В плотном дыму, чаду и пыли, разрывающимися снарядами и горящими домами, мне было очень тяжело выискивать вражеских стрелков»[747].

С ходу взять облвоенкомат не удалось. Началась перестрелка, то затухавшая, то разгоравшаяся вновь — попытки, подобравшись к зданию, забросать русских гранатами тоже успеха не принесли. Выстрелы защитников не дали и взобраться на второй этаж по пожарной лестнице.

12.30. Стоящие у Блоткува подразделения I.R.133 наблюдают, как над ними сбивают 4 двухмоторных русских бомбардировщика. Их экипажи (5 человек) выпрыгнули с парашютами. Опускающиеся до земли парашюты преследовать не смогли. Место их приземления неизвестно.

12.30. Положение:

Обе фланговых дивизии, ударившие по обе стороны Бреста, уже за городом. Центральная дивизия с полком справа — входит в Брест, левым — зацепилась в цитадели, и та настойчиво защищается. Вводится ее третий полк. Положение, сложившееся в полосе наступления 45 I.D., корпус пытается урегулировать подчинением огнеметов и штурмовых орудий. Фланговые дивизии неуклонно пробиваются вперед.

12.35. Ia XII A.K. передает для ориентировки, что первоочередная задача дивизии — урегулирование ситуации в Бресте.

12.50. КП I.R.130 по сообщению полкового адъютанта обер-лейтенанта Хаусфеделя с Южного острова перенесен к форту III (вместе с КП A.R.98). Южный почти зачищен: однако из укреплений Центральной цитадели по нему идет стрельба. Город кажется абсолютно спокойным, кажется, уже проехал бы и транспорт (Подразделения 13 и 14/I.R.130, а также 1 и 10-й рот, захватывая главную улицу, прорвались через южную часть Бреста и на его востоке (у виадука) соединились с подразделениями 2-й роты, прорвавшейся вдоль южной окраины для дальнейшего наступления на выс. 140). Этот факт решающий — подразделения в цитадели, таким образом, отрезаны от города.

13.00. Звонит командир корпуса, которому к совещанию с командующим нужны сведения о следующем:

1) Какова ситуация на цитадели?

2) Что происходит в городе?

Докладывает Армин Деттмер: Южный остров почти не занят противником. На Западном еще идет перестрелка; никакого ясного впечатления о ее масштабах. К Центральному нельзя приблизиться с одним только тяжелым оружием пехоты. Там обнаружено примерно 40 танков. I.R.135 держит западную половину Северного острова. О ситуации в самом Бресте уже докладывалось.

В ответ Шрот неожиданно требует урегулировать положение на Цитадели еще 22.6. Он готов предоставить для этого огнемет и штурмовые орудия. Если сам Брест свободен, то I.R.130 должен взять цитадель с востока; кроме того, Брест необходимо прочесать, послав сквозь него разведку от юго-востока к вокзалу. Кроме того, командир корпуса изъявил желание, чтобы Шлипер лично, на месте убедился в положении на Цитадели.

Таким образом, со штабом корпуса все-таки нашли золотую середину — Шрот дает штурмовые орудия, именно то, что нужно, для прорыва через Трехарочные. Шлипер все резервы пускает на Брест и удержание мостов на Мухавце. Вероятно, распоряжение Шрота о личном присутствии Шлипера на цитадели вызвано во многом озабоченностью применением штурмовых орудий. Сумеют ли ими правильно распорядиться, не пытаясь решить и те задачи, что несвойственны «штугам»? Да и дивизия раньше не имела опыта наступления при поддержке бронетехники, если не считать малоудачного дебюта у Олешице.

Непонятно, почему так резко поменялась позиция Шрота, лишь за час до этого советовавшего оставить цитадель в покое, вывести войска и подключить тяжелую артиллерию? Вряд ли судьба окруженных в церкви была этому причиной — скорее всего, доложив ситуацию фон Клюге, Шрот сам в свою очередь был ошарашен решением командующего армией — взять Цитадель еще 22 июня! Это, в общем-то, не диктовалось обстановкой — главное было удержать мосты. Но вмешались соображения невоенного характера. Церковь Святого Николая оказалась в центре большой политики — 45-я дивизия, земляки фюрера — была насыщена корреспондентами. Брест — город во многом символичный, знаменующий победу над Россией в 1918 г. И начать Восточный поход с уничтожения «земляков» в русской церкви на глазах однополчан и военных журналистов было бы недопустимо. Для фон Клюге уже сам корпус был фигурой на доске — его интересами можно было бы и пожертвовать для общих, «высших».

В итоге, вероятно, Шроту удалось убедить Клюге, что ввод 133-го полка на цитадель приведет лишь к новым жертвам, что также может не понравиться верхам. Продолжать операцию можно и придав «сорок пятой» не резервы, а средства, с помощью которых можно переломить ситуацию.

На данный момент на КП «сорок пятой» оценивали обстановку так:

Переходами через Буг у Брест-Литовска, включая железную дорогу, удалось овладеть. Беспрепятственный подвод туда населенных на них частей армии (к западу от Буга) гарантирован.

В самой цитадели дивизия еще не является хозяином положения. Враг защищается здесь с силой, неожиданной для дивизии после сильного огневого налета и уверенных первых сообщений ее частей. Положение постоянно меняется, так как враг появляется в хорошо известных ему бастионах или других местах, ведя огонь по передвижениям подразделений, что не может ими предотвращаться, так как отдельные стрелки на крышах и деревьях не видны. Как раз они-то и причиняют дивизии восприимчивые потери, в частности, в офицерах.

13.00. На КП Йона пришли офицеры батареи 201-го дивизиона штурмовых орудий, приданного 34-й дивизии и попросили об участии в сражении, вероятно, на основании распоряжения штаба корпуса.

В батарею входит 6 7,5-см штурмовых орудий Sturmgeshütz III (сокращенно — Stug («штуг»). Боекомплект каждого — 44 снаряда, экипаж — 4 человека.

Суть плана, чьи детали начинают обсуждаться с командирами подразделений: ворваться в Цитадель с Трехарочного моста и, развив атаку силами роты 11/135, объединиться со штурмовыми группами и частями III/135.

…На Северном идет новое прочесывание домов начсостава. В основном там женщины и дети — как, например, в подвале дома № 8 — и раненые. Однако при попытке приблизиться к корпусу № 5 пришлось отскочить — внезапно с чердака ударили выстрелы. Обозначив себя, русские почти не реагировали на ответный огонь: каждый патрон был на учете.

Атаку на корпус № 5 пришлось пока отложить — кто знает, сколько их там, русских?

…Немецкие пули все-таки подранили некоторых из защитников пятого корпуса — самому Шабловскому пуля попала в руку. Гаврилкин сделал ему перевязку — однако все понимали, что теперь выдали себя стрельбой, с тревогой ожидая неизбежного продолжения атаки.

Но пока ее не последовало — показался офицер-парламентер. Предложил прекратить огонь — или дом будет разрушен. Защитники сдаться отказались.

Однако на Северном все же пошли первые сдающиеся, выходящие из различных потайных мест на занятой немцами его территории. А некоторые уходят и с советской стороны, подняв белый флаг. Одним из свидетелей их выхода был находившийся у Трехарочных ворот писарь 333 сп И. А. Алексеев: «Несколько человек [приписников] прошли через мост, повернулись в левую сторону реки Мухавца вдоль земляного вала и один из них держал в руке белый флаг, перешли в сторону врага. Когда мы заметили, что группа приписного состава с белым флагом направилась в сторону врага, мы открыли по ним огонь из ручного пулемета, и они в кустах конца земляного вала[748] скрылись»[749].

13.10. На КП корпуса прибывает генерал-фельдмаршал фон Бок.

13.10. Донесение от фон Паннвитца — разведотряд достиг Буга.

13.15. Сообщение Масуха[750] касается только, видимо, Южного острова, ему противоречит сообщение I/A.R.99 о том, что на Центральном острове несколько окруженных немецких солдат ведут тяжелый бой: «Некоторые немцы там или взяты в плен, или постепенно израсходовали боеприпасы, они просят о помощи»[751].

Вероятно, среди окруженных в церкви есть кто-то из группы связи с пехотой I/A.R.99, именно он сообщает информацию в артполк.

Однако странно, что и информация о положении остатков III/I.R.135 тоже идет от артполка — в этом же сообщении I/A.R.99 говорится о том, что запад Центрального[752], как и Тереспольский мост, — в немецких, восток — в русских руках. Вероятно, вместе с Праксой убиты и все радисты батальона, радиостанции валяются где-то на Цитадели, и единственная связь — через группу артиллеристов.

Первая (усиленная) рота лейтенанта Хурма (I/I.R. 133), выделенная для зачистки Западного острова цитадели, готова к переправе на него с подчиненным тяжелым оружием.

Западная окраина Вулька Добринска. КП Ib 45 I.D. Мортирный дивизион Галля требует погрузочное пространство для перевозки 36 т боеприпасов, из-за чего пришлось разгружать уже нагруженную колонну.

I.R.133, получившему задачу по прочесыванию островов Цитадели, приказывается организовать

охрану найденных запасов и лошадей.

13.20. КП 31 I.D. переносится вперед в километр к востоку от Козловичи. I.R.17 достиг Бердичи.

13.30. 31 I.D. для более быстрого наступления полностью предоставлен в распоряжение железнодорожный мост у Тересполя.

13.45. Между тем через Буг идет передовой отряд XII A.K. и преграждает переход подразделениям дивизии. Об этом Деттмер докладывает Ia штаба корпуса. При этом он просит оставить дивизии приданную передовому отряду 3/(моторизованную)Pi.81, однако позже штаб корпуса отказывает.

13.50. На КП Фридриха Йона прибыл генерал-майор Шлипер. Все готово к атаке штурмовых орудий[753], и она начинается — батарея входит на Северный остров через Северо-Западные ворота, идет по направлению к Трехарочным — решено, что один взвод останется в резерве, в районе домов начсостава, второй при поддержке пехоты начнет бой за Трехарочные — одно орудие останется перед мостом, подавляя огонь из амбразур кольцевой казармы, второе, пройдя ворота, начнет вести огонь по ее тыльной стороне — таким образом, защитникам будет просто негде спрятаться, и они либо будут уничтожены, либо, отступив в подвалы, позволят пройти пехоте.

Третий взвод пойдет к Восточным воротам, где наступление 9-й роты, вначале продвигавшейся неплохо, все же забуксовало перед огнем 98 ОПАД. Наступление «штугов» поддержит рота второго батальона.

Рев двигателей штурмовых орудий услышали издалека. В корпусе № 5 ДНС, отвергнувшем ультиматум, решили, что это приближаются обещанные им меры воздействия — танки, для разрушения дома. Действительно, вскоре к дому подошло штурмовое орудие. Но, остановившись, попыток к действию не предпринимало. «Похоже, пока немцы лишь пугают...»

Однако столь флегматичными бесстрастным был лишь резервный взвод. Остальные «штуги» начали действовать немедленно и энергично.

...Первым на огневую позицию, ревя двигателями «Майбах», вышел третий взвод — одно орудие пошло через спортплощадку, второе — между Восточным фортом и домами комсостава. Встав, открыли огонь практически в упор, прикрывая подход показавшейся между домами начсостава пехоты...

«Майбах» второго взвода вынесли к Трехарочным — одно из штурмовых орудий заняло позицию у вала, в 6–8 метрах от края моста, в начале дороги, ведущей к пекарне (размещенной в пкт 145). Оглушительно грохнули первые выстрелы... Свидетелем атаки «штугов» был Алексеев И. А.: «Первый танк, идущий вдоль земляного вала, методично обстреливал из пушки с зажигательными снарядами[754] помещения инженерного полка, батальона связи[755] и 333-го стрелкового полка[756]. Обстрелом из танка были разрушены стены мехмастерской, кухня и санчасть со стороны реки, а пожаром были охвачены все деревянные части этих помещений и горел подвальный продовольственный склад 333 сп. Раненые, находившиеся в смотровой яме[757] авторемонтной мастерской 333 сп, все сгорели в этом пожаре».

Обстрел «штуга» наблюдал и А. И. Махнач: «Страшно было наблюдать свое бессилие. Гранаты у нас были без запалов»[758].

Старший писарь штаба рядовой И. Ф. Хваталин вспоминает: «Мы, человек 30, находились в кладовой подразделения связи. Там лежали провода и телефонные аппараты. Отсюда и открыли ружейный огонь по танкам... хотя каждый знал, что подобными выстрелами нельзя причинить вреда этой стальной махине... Огонь их пушек унес немало людских жизней. Погиб и писарь нашего полка Ермаков. Я тоже в это время получил легкое ранение в голову. Кровь заливала лицо, я ничего не видел и вначале решил, что мне выбило глаза, до них дотронулся — оказались целы. Я выбежал из кладовой во двор[759]. Меня увидел

лейтенант Виноградов и взволнованно спросил: „Что, Хваталин, убили тебя?“ Я ему ответил: „Не убили, а что такое, сам не пойму“. Голову я потом перевязал нательной рубашкой, и кровь не сочилась»[760].

Снаряды «штугов» не могли пробить стены — но, влетая в амбразуры, окна (а с расстояния нескольких метров промахнуться было трудно), они наносили сильнейший урон, заваливая трупами и ранеными целые казематы, набитые спасающимися от пожара красноармейцами. Бойцы вынуждены были спуститься в подвалы, на этажах остались единицы.

Пока первое, остановившееся у пкт 145 орудие вело обстрел, второе медленно подъехало к валу пкт 143 — далее, при его поддержке пехота Парака должна была рвануться через Трехарочный. Пауль Орбах: «Штурмовое орудие в нашем положении мы встретили радостно, как спасителя. И два офицера, и трое рядовых добровольно вызвались под его защитой приблизиться к крепости. Мы хотели попробовать, с помощью этого тяжелобронированного оружия, под огневым прикрытием моих пулеметов, все еще находящихся на старой позиции[761], подготовить к штурму участок цитадели. Все же продвигаясь, мы, пятеро, были очень сильно обстреляны, хотя сначала и не имели потерь, найдя небольшое укрытие за штурмовым орудием».

Однако утренняя картина повторилась. Как свидетельствует Фридрих Йон, «неистовый защитный огонь лишил [группу атакующих] возможности пересечь мост». Орудие, встав перед мостом, стреляло беспрерывно, но из пятерки Орбаха[762], рискнувшей пойти через мост, когда «краснота», воспользовавшись паузой в стрельбе «штуга», вновь открыла огонь, остался невредимым лишь один солдат… Второй, Хайнц Хальбгевакс, был убит наповал, третий — смертельно ранен, как и лейтенант (огнестрельное ранение в грудь). Сам же Орбах остался инвалидом — разорвав артерию, пуля раздробила 5 см кости в руке… Залитые кровью, они едва сумели отступить… Но кто были эти люди, вновь остановившие солдат батальона Парака (на сей раз — группу лейтенанта Орбаха)? Бойцы в кольцевой укрылись в подвалах, защитники казематов пкт 145 — тем более не могли рисковать в нескольких метрах перед «штугом». Кто? Во-первых, в подвалах укрылись не все — и возможно, что часть бойцов к этому времени уже залегла на крыше, которую не могли достать стоявшие слишком близко «штуги». Часть — вновь открыла огонь из подвальных окон. И, наконец — все еще сражались несколько бойцов вдоль берега Мухавца[763]… Хотя наилучшее место для прострела Трехарочного, как и предусматривал в свое время Тотлебен, полубашня у Мухавца. Даже пара удачных очередей оттуда вполне могла бы сорвать атаку — скорее всего, это и произошло. И солдаты Парака, к тому же деморализованные потерями и неудачами уже почти десять часов продолжающегося боя, видя залитого кровью чудом спасшегося Орбаха, вновь прекратили атаку…

Но орудие, пройдя через мост, вошло в Трехарочные ворота и, развернувшись (на спортплощадке, между 333 сп и церковью), открыло огонь…

Однако теперь «штугам» 201 Stg.Abt., оказавшимся у Трехарочного без поддержки пехоты, необходимо было задуматься и о собственной безопасности. Их экипажи оказались перед угрозой поражения снайперами и гранатометчиками. Вскоре опасность стала явью: на втором этаже здания 33-го инженерного полка находились Федор Журавлев (секретарь партбюро полковой школы 33-го инженерного полка) и Владимир Костюкевич (служивший в отделе вещевого снабжения). «Штуг», ведший огонь по 33-му инженерному, стоял как раз напротив них. Внезапно открылся люк, и оттуда высунулся офицер, наблюдать огонь по казарме. Журавлев и Костюкевич мгновенно выстрелили, офицер свалился в люк, а «танк мгновенно развернулся по фронту стволом и стал стрелять по нашей казарме. Мы спрятались между окон. Один снаряд угодил в простенок, где стоял Владимир Костюкевич пробил полметровую стену, и вся масса кирпича обрушилась на моего товарища. Владимир был убит, а я оглушен»[764].

Убит ли был офицер в «штуге», нет ли — было уже все равно. Через несколько минут погиб весь

экипаж штурмового орудия. Сначала никто и не понял, что произошло. Грохнул взрыв — и «штуг», стоявший перед мостом, прекратил огонь. Как же это случилось? И главное — *кто*? Уничтожить «штуг», не имея ни противотанковой артиллерии, ни мин, гораздо труднее, чем в фильмах «про войну».

Вот что пишет Йон: «Ручные гранаты и сконцентрированные заряды с верхних этажей зданий по отдельности поразили другие штурмовые орудия, и так как сверху они были открыты, их экипажи понесли тяжелые потери»[765]. Во-первых, Йон упоминает об *орудиях*, а защитники говорят об *орудии.* Возможно, неправильный перевод на английский с немецкого? Во-вторых, «концентрированные заряды» с верхних этажей если и могли подбить «штуг», то только тот, что был в крепости (а он, вероятно, ушел целым), ибо кинуть гранату через Мухавец (с крыши кольцевой казармы) было нереально. Гранаты кидали те, кто был в пкт 145 и возле нее — неясно, конечно, где у них нашлось столько боеприпасов. «Концентрированные заряды» — это, возможно, и взрывчатка, находившаяся в пкт 145 (где размещалось подразделение 33-го инженерного полка). То есть Йон имеет в виду, что гранатами сначала остановили «штуги» («штуг»?), а затем закидали ими люки? Или наоборот — граната, влетевшая в люк, вероятно, и остановила орудие?

Но практически все защитники не вспоминают о каких-либо гранатах, летящих из укрытия на берегу или пкт 145, зато — либо о метаемых внутри проемов Трехарочных (уничтожение ими «штуга» отпадает — он был подбит *перед* мостом), либо — что чаще — о его обстреле из сектора 455 сп. Оттуда по орудиям сразу же, как те пошли к мосту начал бить крупнокалиберный пулемет[766]. Некоторые защитники поэтому и говорят, что именно из пулемета и был подбит «штуг». Вряд ли — скорее, это произошло *во время* стрельбы по нему из пулемета. Вообще же, вероятно, по «штугам» стреляли отовсюду, и из различных углов, пусть и не имея шансов поразить цель, летели гранаты — в уничтожении участвовали все окрестные группы защитников.

Но кто дал результат? Позволю себе выдвинуть три версии: 1) Как вспоминает Долотов, «танк был подбит орудийными выстрелами из северо-западного угла кольцевых казарм»[767]. Если предположить, что защитники смогли затащить 45-мм противотанковую пушку на этажи полубашни, выставив ее ствол на юго-восток — они вполне могли это сделать. 2) Смерть для «штуга» пришла оттуда, откуда не ждал никто — сзади, со стороны Восточного форта. Там, с внешней стороны «подковы», обращенной в сторону Мухавца, стояли две 76-мм зенитные пушки 1-й батареи 393 ОЗАД, «на катках, *стволами в сторону комсоставских домов,* которые уже заняли немцы»[768]. Командиром 1-й батареи был старший лейтенант С. Ф. Шрамко — опытный командир, участник финской войны. Увидев атаку «штугов», Шрамко решил ударить им в корму — дождавшись, когда те повернут к Трехарочному, он, таща с собой бронебойные снаряды, пополз к орудиям, стараясь остаться незамеченным (от западной части Северного он и так был прикрыт валом Восточного форта). Учитывая, что зенитки уже были нацелены в нужном направлении, Шрамко рассчитывал, что сможет быстро обстрелять штурмовые орудия и вернуться в Восточный форт. Залегшему у зенитки, через просветы между домов начсостава ему было видно, как остановился «штуг» перед Трехарочным мостом — теперь надо было действовать. Вскочив, Шрамко, зарядив бронебойный снаряд, навел зенитку — выстрел! «Есть!!» Второго он сделать не успел — по зенитке открыли огонь все, кто засел в восточной части ДНС, стоящих через дорогу[769]… Поняв, что обнаружен, Шрамко пытался скрыться в Восточном форту — но был убит уже во дворе, у самого вала.

Лишь через два дня одному из бойцов удалось привязать к трупу Шрамко веревку и втащить его в каземат, где и закопали.

Наконец, третья версия — не Шрамко, но при тех же обстоятельствах: штурмовое орудие (согласно источникам — у санчасти 125 сп) подбил командир огневого взвода 1-й батареи 393 ОЗАД мл. лейтенант Б. Г. Зильпуркаев.

…Второе орудие, въехавшее во двор Цитадели, оставшись без поддержки пехоты, вело стрельбу по

кольцевой казарме, отъехав достаточно, чтобы не попасть под броски гранат. Однако и на него нашлась управа — пригодилось орудие, установленное Петлицким у круглой уборной (пкт 179). К орудию из подвала 333 сп поползли двое — старший лейтенант А. И. Семененко, помощник начальника штаба 44 сп, и старшина Е. Г. Хлебников (3-я минометная рота 333 сп)[770]. У них было лишь несколько снарядов, да и орудие пришлось наводить по стволу — в итоге «штугу», взревев «Майбахом», удалось уползти через Трехарочные обратно, провожаемому тоскливыми взглядами с хоров церкви Святого Николая.

14.00. Тересполь. КП 45-й дивизии

Штабом корпуса приказано, что с этой минуты железнодорожный мост в распоряжении 31-й дивизии.

14.00. Рота первого батальона I.R.135 закончила зачистку восточной части Бреста, не имея при этом раненых.

…Взвод штурмовых орудий, двигавшийся к Восточным воротам, натолкнулся на ожесточенное сопротивление советских «панцирягеров» — 98 ОПАД. Их встретил огонь лучшего наводчика дивизиона Василия Волокитина, к этому времени уже поднаторевшего в стрельбе по пехоте 12-й роты, безуспешно пробивавшейся здесь несколькими часами назад. Однако поединок со «штугами» оказался смертельным для Волокитина — через несколько минут он погиб у своего орудия. «Штуги», обстреляв штаб 98 ОПАД, израсходовав снаряды, выделенные для помощи 45-й дивизии, начали отползать. Теперь дело за пехотой — но и в этот раз ожесточенным огнем и бросками гранат (немцы смогли подойти достаточно близко) атака была отбита.

14.25. Авиаразведка сообщает, что мосту Бульково не разрушен.

14.30. За всеми перипетиями атаки при поддержке штурмовых орудий следил и генерал-майор Шлипер[771]. Поняв, что дивизия выдохлась и оборона русских не подавлена, и более того — все укрепляется, Шлипер в 14.30 связывается со Шротом: если обстрел Цитадели не приведет к успеху, то необходима новая огневая подготовка по ее укреплениям. Лишь после этого можно снова приступать к нападению пехотой. Зачистку города Бреста Шлипер намеревается поручать I.R.130, а двум остальным полкам — цитадели. Во второй половине дня I.R.133 должен брать Южный и Западный острова, I.R.135 — Северный остров[772]. Между тем потери, в том числе офицеров, все возрастают — во всех считающихся взятыми частях крепости из различных убежищ все еще раздаются многочисленные достаточно меткие выстрелы из винтовок. Таким образом, полное урегулирование положения на цитадели не достигнуто.

14.30. I.R.135 45 I.D. подчиняются 6 штурмовых орудий. Защита Цитадели необычно настойчива. Стены укрепления настолько сильны, что выдерживают любой обстрел, в том числе и сильнейшего калибра.

14.30. Тересполь. КП 45-й дивизии

Со своего КП в 200 м восточнее ж/д моста докладывает Цан — дивизион фактически закончил переправу. На восточном берегу уже две роты, 1-я рота — подкрепила 135-й пехотный полк. Несколько поздновато…

…Отражение «штугов» взбодрило красноармейцев. В подвале 333 уже давно присматривались к Тереспольским — но в лобовой атаке их не возьмешь. Красноармейцы просто бы не успели выбежать из подвала, как их бы тут же перестреляли — после захвата немцами сектора у Бригидских ворот пулеметы противника простреливали все подходы к зданию 333 сп.

Выбить врага из Тереспольских можно было либо со стороны 44 сп — но там дольше подход, да тогда и с «бригидской» группировкой придется сражаться. Логично было бы начать атаку со стороны 84 сп — там к Тереспольским примыкали казематы 132-го конвойного батальона войск НКВД.

Отправить туда группу было нереально — заметив ее, немцы бы легко перестреляли ползущих. Тогда было решено заменить группу одним, но способным командиром — выбор пал на А. Л. Петлицкого, уже успевшего себя зарекомендовать при перетаскивании орудия из артпарка. Он должен был организовать атаку бойцов НКВД, которые, судя по изредка доносящейся стрельбе, сдаваться были не намерены, показав себя неробкими бойцами[773].

Перейдя в атаку на первом этаже кольцевой казармы, бойцам НКВД удалось отбросить 10-ю роту к столовой, где завязался рукопашный бой. К этому моменту с Петлицким осталось не более 12 человек — выбив немцев из столовой, ворвавшись в электростанцию, ему тут же пришлось отражать их контратаку. Полетели гранаты, начался пожар. Наконец, с Петлицким осталось человек 6, катя два станковых пулемета, схватив несколько ящиков с патронами, они, прикрываемые огнем из погранзаставы, успели скрыться в подвале 333 сп.

Следующей операцией красноармейцев стала атака на Бригидские ворота. О ней не имеется почти никаких данных — ясно только, что она была и что, судя по всему, немцев удалось выбить из нескольких помещений. Рядовой Н. С. Белоусов, начальник библиотеки и руководитель художественной самодеятельности 44 сп, вспоминал, что, услышав из пробоины на втором этаже немецкую речь, они стали стрелять по его стене, рассчитывая, что пули рикошетом пойдут в немцев. В ответ те стали бросать гранаты, но безуспешно, и в итоге, отступая, были уничтожены другой группой красноармейцев. Немцев оказалось всего шестеро[774]. Представитель противника, лейтенант Энгельхардт, вот что писал в своем отчете: «2-см орудие принимало участие в сражении за цитадель до 19.00 ч. Здесь его расчет отличался спокойной и уверенной работой, так что он может записать на себя хорошие успехи. Его действия были хорошей поддержкой пехоте, так как положение частично стало очень серьезным. Расчет 2-см орудия был временно окружен в цитадели вместе с пехотой. Тем не менее вечером, во время отхода пехоты, удалось снова вытащить орудие под сильнейшим пулеметным огнем русских». Судя по всему, прорвавшиеся к Бригидским по второму этажу кольцевой казармы красноармейцы отсекли огнем любую возможность уйти через мост, не говоря уже о плаце перед 333 сп. А уйти через кольцевую казарму до Тереспольских — нереально из-за общей для всех проблемы — сквозного прохода не было. Все это, а также наличие под боком неизвестного количества русских, с неизвестными, но, похоже, очень серьезными намерениями и заставило Энгельхардта, решившего, что он попал в окружение, в отчете назвать свое положение «очень серьезным». Кстати говоря, Белоусов недоумевает, откуда взялись шестеро немцев, посчитав их разведчиками. Может, в 44 сп и не знали о немцах у Бригидских? А может, эти шестеро (учитывая, что их количество совпадает с экипажем штурмовой лодки) экипаж одной из затонувших лодок Кремера, прятавшийся в кольцевой?

…То, что дело затягивается и приняло серьезный оборот, поняли уже все, кто имел отношение к планированию операции. Однако солдаты, и унтер-офицерский состав, особенно те, кто избежал засады на Центральном, кровавых атак на Северном и боя с тенями на Южном и Западном островах, а только слышал о них, продолжают демонстрировать оптимизм.

Лео Лозерт во второй половине дня поймал прекрасную белую русскую офицерскую лошадь. Засидевшемуся без дела Лозерту захотелось установить точное расположение огневых точек русских в кольцевой казарме и на Западном острове, по рассказам, так сильно досаждавших своей меткой стрельбой. Метод Лозерт выбрал достаточно рискованный — ловля русских «на живца». Вскочив на лошадь, он поскакал, выманивая вражеский огонь, перед Цитаделью вплоть до моста, а также по улицам Западного острова, лежащим, по словам 10/I.R.135, под вражеским огнем. Выезжал и на Тереспольский мост, повертелся на нем и ускакал, причем так и не обстрелянный, твердо установив, что весь огонь велся собственными подразделениями — из-за господствовавшего весь день «психоза стрелков на деревьях»[775], по-видимому, под влиянием смерти Крауса, гибели или ранения почти всех офицеров.

В общем, «настоящему немецкому пулеметчику», фельдфебелю Лозерту, приходится пока скучать, завидуя рядовым солдатам, периодически проваливающимся в сон, у своих, наведенных на Цитадель, пулеметов.

Потери роты Лерцера, доложенные на это время в 133-й полк, пока невелики — кроме похороненного утром ефрейтора, в их числе — 7 раненых (4 унтер-офицера, 3 рядовых).

…Герд Хабеданк, находящийся в эти минуты в уже наполовину захваченном Бресте, также с некоторым «юмором» решает «транспортную проблему»: «У забора, привязанная к нему, стоит оседланная брошенная лошадь. Я как раз могу этим воспользоваться, так как сейчас я должен вернуться к мосту[776]. От копыт наконец-то отвязанного Ивана разлетаются искры на мостовой!»

Однако оптимизм репортажа военного корреспондента Хабеданка, разумеется, не зависит от реально складывающейся обстановки…

14.30. Северный остров КП I.R.135. Йон подводит первые итоги, составляя промежуточное (дневное) донесение[777] по итогам штурма: «Начало наступления (X+4) прошло по плану. Желаемый эффект неожиданности достигнут. Возникшее сопротивление подавлено.

III/135 взял Западный остров и атаковал крепость. Однако здесь сопротивление было настолько сильным, что лишь небольшие части батальона достигли района гарнизонной церкви и перешли там к обороне.

I/135 занял запад Северного острова и железнодорожный мост и в тяжелой борьбе достиг железной дороги северо-западнее Северного, 1-я рота 1-го батальона — перекресток улицы с железной дорогой 52,3, левее 4,2 (1:25 000). Использованная для взятия Северного 9-я (резервная) рота достигла в 15 часов квадрата 40, левее 4,6[778]. Цель: прорваться на север и, обойдя справа, также достичь ж/д линии. Затребованный II/135 должен был одной ротой прорваться в крепость с северного моста[779]. Не удалось, т. к. там танки и ожесточенное сопротивление.

Две штурмовые группы, участвовавшие в этом, перешедшие через разводной мост, не прорвались. В 13 часов пришли офицеры батареи штурмовых орудий 34-й дивизии и попросили об участии в сражении.

План: ворваться в крепость с Северного моста и, развив атаку силами роты II/135, объединиться со штурмовыми группами и частями III/135[780].

2) Планы на следующий день: достичь первой задачи наступления — железной дороги восточнее Северного острова[781].

3) Воздушная обстановка: наше превосходство в воздухе.

4) Состояние войск противника: ожесточенная оборона. *Крайне обычная тактика*[782] **ведения войны. Распределение сил и средств невозможно установить. Огонь артиллерии противника — отсутствует, его потери — незначительны[783].**

Пленные: примерно 600–700. Определены: 14-й и 125-й стрелковые полки. Трофеи еще нельзя определить. Авиация противника: отдельные попытки помешать операции[784] подавлены нашими истребителями… Брест, должно быть, свободен от неприятеля».

К этому моменту среди погибших офицеров — гауптман Пракса (командир III/135), майор Ельце (командир I/135), обер-лейтенант Вессиг, командир 14/135. Ранены — обер-лейтенант Больe (2-я рота), лейтенанты Хафнер (2-я рота), Гаттербауер (6-я рота), Каригль (6 рота), Орбах (8-я рота).

Возле фамилий командира 1-й роты гауптмана Кене и командира 4-й роты лейтенанта Кимбергера поставлены вопросительные знакй. Кимбергер, похоже, еще с утра находится в таком состоянии, что куда

его причислить — непонятно. Кене то ли ранен, то ли убит, но, похоже, Карл Кене, зачищая восток Бреста, зарабатывает свой Рыцарский крест, не желая уходить из боя.

Йон отмечает, что большие потери также среди унтер-офицерского (особенно ефрейторов и командиров взводов) и рядового состава.

14.42. Авиаразведка сообщает: На шоссе в Кобрин, примерно в 15 км перед ним, обнаружена идущая на восток моторизованная колонна — 15 единиц.

15.00. Примерно в это время окончена наводка временного моста у Западного острова.

15.15. Готов 16-т мост на юге Бреста.

15.17. КП 34 I.D. непосредственно к востоку от ветряной мельницы Волынки.

15.40. Дневное донесение штаба корпуса в Pz.Gr.2:

1) нападение началось в соответствии с планом. Тактически враг вполне поражен. Удалась ли стратегическая внезапность, кажется спорным.

Вражеское сопротивление сначала слабое, постепенно усиливается.

В настоящее время еще крайне упорное в укреплении Центральной цитадели и на Северном острове, лишь частично накрытым реактивными установками. Достигнутая линия: железная дорога северо-западнее Хутора Романовские — 5 километров к востоку от Гуцни — Задворцы — поселок Черни — Малые Курницы. Передовой эшелон корпуса направляется на Кобрин. Дивизии — на Жабинку.

2) Намерение: преследование.

3) Немецкая военная авиация превосходит русскую; многочисленные поражения.

Положение с наведением мостов закончено: железнодорожный мост Тересполь для транспорта, временный мост (16 т) на южном крае цитадели Брест; в процессе строительства: военный мост к северо-востоку от Лобачува.

15.30. Первый батальон 135-го (неясно, кто им командует в эти часы — подпись неразборчива) сообщает на КП дивизии напрямую (вероятно, по просьбе Шлипера, желающего получить информацию из первых рук — или же нет возможности подать донесение через КП Йона). В трудночитаемом сообщении обозначается время выхода батальона нате или иные рубежи атаки. О Кимбергере говорится как об уже мертвом. Подтверждается ранение гауптмана Кене и обер-лейтенанта Больса (командиров соответственно 1 и 2-й рот). Кроме того, отмечено, что на Северном острове и в полосе наступления остается лежать много раненых — бой проходил достаточно спонтанно, да и отвечающая за эвакуацию раненых медслужба понесла потери — например, в первом батальоне ранены два санитара-носилыцика и требуется подкрепление.

…Один из забытых на поле боя раненых, лежащий среди трупов на позиции зенитного орудия у Восточного форта зашевелился — Ганс Тойчлер наконец-то пришел в сознание.

Открывшаяся ему, проведшему в беспамятстве несколько часов, страшная картина надолго и в подробностях запомнится Гансу Тойчлеру: «На переднем крае огневой позиции зенитной артиллерии стоял наполовину установленный лафет для s.M.G., за которым умирал его стрелок с тяжелым ранением в легкое, стоная от боли и жажды. „Есть ли у тебя что попить, приятель?“ — спросил он меня. С трудом я подал ему мою походную флягу. Справа от меня сидел командир расчета, однако больше не двигавшийся, как бы я ни обращался к нему. Далее вокруг нас звучал со всех сторон печальный концерт беспомощных раненых: „Санитар! Санитар!! Господь на небесах, помоги мне!“ И всю эту работу сделали снайперы[785]. Из последних сил я смог перевернуться на спину, чтобы лечь немного удобнее и не на ящиках

боеприпасов. Моя грудь стала тяжелой, как свинец, китель и рубашка пропитались кровью. Первым делом я начал искать место попадания, до тех пор, пока, наконец, под левой ключицей я не нашел микроскопическоевходное отверстие.

Я наложил повязку, чтобы образовалась корка; выходное отверстие уже высохло в предыдущем положении лежа на спине. Почувствовав себя спасенным, я отправился в путешествие в великолепную страну снов. Постепенно склонялся страшно горячий день, и безнадежная ночь вторглась на уставшее от борьбы поле сражения»[786].

Но, возможно, это лишь потемнело в глазах у вновь потерявшего сознание Тойчлера — до ночи было еще очень далеко.

15.45. Передовой отряд направляется через Жабинку на Кобрин.

16.00. Виндманн (I/98) передает почему-то напрямую «Королевскому тигру»[787], да к тому же Ic — «высота 144 свободна от противника. Наша пехота заняла высоту 144. Дневная цель достигнута».

16.10. Генерал-майор Шлипер еще раз сообщает Вальтеру Шроту свои предложения на следующий день: рано утром — сильная артподготовка по Цитадели, затем ее атакует I.R.133. Задача I.R.135 на завтра — удержание достигнутых позиций с помощью еще оставшихся двух штурмовых орудий[788].

КП I.R.130 Форт III Гипп отправляет дневное донесение: «…В 7.30 брошенные вперед части 1-й роты берут высоту 140. С 8.00 часов она почти в руках 1-го батальона. 2-й батальон без боя достиг нынешнего расположения по ж/д мосту „Ковель“. 3-й батальон (первоначально резерв полка) применен в основном для взятия Южного острова и местности северо-западнее моста „Гипп“. После выполнения этой задачи батальон снова переведен в резерв полка, первоначально проследовав в район форта IV.

В настоящее время 2-й батальон — справа, южнее и севернее танковой магистрали № 1, 1-й — обороняется слева от высоты 140 и форта III… В 15.00 полк снова задействовался для взятия высоты 141.

Задача на следующий день еще неизвестна.

В воздухе — собственное превосходство: лишь раз, до полудня, эскадрилья из 9 русских боевых самолетов облетела район боевых действий полка, бомбы не бросали[789].

Неприятель полностью застигнут врасплох, оказал лишь незначительное сопротивление. Артиллерийская деятельность не установлена. Отосланные назад пленные, всего около 400, среди них 3 офицера, произвели в массе своей впечатление растерянных и были полуодеты. Трофеи: уничтожены 11 русских бронемашин[790], захвачены 3 противотанковые пушки, остальные отдельные трофеи еще не установлены[791]». Гипп ничего не сообщает о потерях, хотя соответствующий пункт в донесениях обязателен. Кстати говоря, о потерях I.R.130 не говорится и в воспоминаниях его ветеранов (Лооса и Вилда). Самой тяжелой операцией для полка была операция Кремера — сам Кремер, павший от руки снайпера, относился к 81-му саперному батальону, но и подносчики, накрытые собственными снарядами, и почти все экипажи — из I.R.130… Кроме того, судьба солдат батальона Набера, пошедших с Кремером, но в итоге засевших в церкви и столовой начсостава, была еще неизвестна.

16.15. Несет потери и Цан, с 16.30 меняющий расположение КП — на Северном[792] лейтенант Келлер, командир приданного I.R. 135 первого взвода второй роты, тяжело ранен выстрелом в голову. «Панцирягеры» обстреливают кольцевую казарму, стараясь морально сломить осажденных.

1-я рота придана пока I.R.130.

16.25. 3-я танковая дивизия застряла в песке и подтянется на магистраль № 1. Предполагаемое прибытие — 16.30.

16.30. Еще до полудня разведотряд фон Паннвица получил задачу зачистить город Брест-Литовск, обезвредить вражескую группу, будто бы скрывающуюся на главном вокзале, и держать под контролем военные объекты в ближайших окрестностях города[793]. Сейчас разведотряд, продолжая его прочесывание, достиг Центрального вокзала, где фон Паннвиц и расположил свой КП: «Город до этого места свободен от неприятеля, остались только единичные защитники». Потери разведотряда пока невелики — трое раненых. Вместе с подразделениями фон Паннвица в Брест вошел и Рудольф Гшопф, которому, по понятным причинам, пока было нечего делать на цитадели. Стремясь быть ближе к событиям, участвуя в операции разведотряда, Гшопф оставил и свое постоянное место во время боевых действий — перевязочный пункт. Однако в Бресте было относительно спокойно, в отличие от грохочущей выстрелами цитадели: «В самом городе, кроме забитого и измученного страхом населения, не было никакого врага, он незначительно проявлялся и в вокзальном квартале. Затем усиленная штурмовая группа отправилась в одну из казарм, расположенную на окраине города, где, по высказыванию одного из жителей, должна была держаться, окопавшись, группа русских солдат. Но и это здание выглядело пустым, оказавшись покинутым. Только на полке в кладовой нашлись примерно 150 совершенно новых немецких биноклей Zeiss с выгравированной на них советской звездой, которые, очевидно, упустили из виду при оставлении казарм»[794].

16.55. Теперь Ic «Королевского тигра» доносит и сам I.R.130: «Цель дня достигнута. Полк занял позицию на высоте 144».

Точное время, когда угасла оборона Брестского облвоенкомата, неизвестно. Оставшихся в здании женщин и детей отправили под белым флагом еще днем. По приказу Стафеева были сожжены документы, в том числе партийные билеты. Сам майор, вновь раненный (и теперь уже тяжело), руководил боем лежа. Кончались боеприпасы. Обстрел здания из противотанкового орудия привел к пожару на втором этаже и нескольким проломам в межэтажном перекрытии.

Предпринятая попытка прорыва — разбившись на группы, многим пришлось выпрыгивать из окон — привела к тому, что погибли почти все защитники: идущие на прорыв тащили на себе раненых, что и сделало ее — и без того трудную, делом практически безнадежным. Кроме того, сильным препятствием оказался и забор, ограждавший двор военкомата. Лишь одной группе удалось прорваться. Остальные вернулись в здание — там (где-то на втором этаже) Стафеев и погиб[795].

Для Лооса, как и для всех батальонов Гиппа, бой за Брест заканчивался. Выстрелы в городе стихали. Но с неба по-прежнему шел гул: если время от времени сквозь плотный покров чада и дыма и проглядывал кусок синевы, то было четко видно, как ревущие моторами порядки эскадр бомбардировщиков и «юнкерсов» рассекают небо своими курсами — на восток.

А там, на горизонте, были видны лишь величественные грибовидные облака, сливавшиеся в огромную стену дыма.

45 I.D. от командира корпуса на месте получает приказ повторить нападение на еще не взятую часть цитадели с раннего утра 23.6. Ей придаются 854-й мортирный дивизион, мортирная батарея ограниченной подвижности и Nbw.Abt.8. Дивизия должна сообщить дату нападения и план его проведения.

*** * ***

Из боевого донесения № 007/оп штаба ЗапОВО: «Новых данных о положении войск 4-й армии нет»[796].

* * *

17.0. Еще продолжается перестрелка в различных частях крепости, а на КП дивизии уже начинают поступать итоговые донесения. Первое[797] — от фон Кришера (Arko 27). «I.R.130 с 1 и 6/A.R.98 достиг отм. 144 (дневное задание). Наблюдательные пункты находятся на высоте 144, огневые позиции — у отм. 140, никакого врага.

Новый полковой КП рядом с I.R.130 (III форт); I и II дивизионы без изменений. III дивизион подготовил смену положения, к 10.45 заняв позицию восточнее Тересполя и приведя орудия в боевое положение.

I/99 на прежних позициях, в 13.15. дивизион сообщил о взятии моста Цитадели, восточная часть Центрального острова в руках русских[798].

1 батареи мортирного дивизиона Галля перевезены в район к востоку от Тересполя. 3-я батарея на прежних позициях, продолжая взаимодействие с ВЬ.8.

Около 15.00 ч. III/98 сообщил о бое за Центральный остров штурмовыми орудиями и трудном продвижении зачистки.

На утро 23.6.41 приказано новое наступление на Центральный остров. Оно должно сопровождаться огневой подготовкой (от 3.00 до 4.00 ч.), проводимой мортирным дивизионом Галля, I/A.R. 99, Mrs.Abt.854, 3/Nbw.Abt.6[799], и реактивными установками».

К этому моменту относится первая попытка склонить защитников крепости к капитуляции. «Примерно в 17.00 — на следующий день писал в КТВ Эткен — пойманные русские с флагом парламентеров посылаются полками в еще занятые противником части цитадели, чтобы убеждать врага в бесполезности его сопротивления. Успех незначителен, некоторые из парламентеров убиты». Неизвестно почему, но в роли парламентеров выступают не офицеры дивизии (возможно, у них уже есть негативный опыт и смертников больше не находится), а советские военнопленные и местные жители.

Находившемуся в домах начсостава перед Восточным фортом Черняеву было видно, как периодически бьет пулемет с чердака 333 сп. Внезапно Черняев и его группа заметили, как к 333 сп, с белым флагом в руках «пробирается разношерстная кучка людей». «...Это, видимо, шли таившиеся в городе до войны враги советской власти. Но далеко уйти изменникам не удалось. Они все до одного были скошены пулеметным огнем с чердака»[800].

Следующим «парламентером» к 333 сп стала дочь старшины музыкантского взвода 33-го инженерного полка И. В. Зенкина, Валя Зенкина, лишь накануне окончившая 7-й класс. Во время боя в помещении электростанции, скрывающихся там семьи командиров, живших перед войной в Тереспольской башне, выгнали на берег Мухавца.

Здесь к Вале подошел офицер «и на ломаном русском языке приказал идти в крепость и передать нашему командованию, чтобы гарнизон сдался в плен. Я хотела, чтобы со мной пошла мама, но ее не пустили. — „Мать останется здесь. Ты должна вернуться сюда и передать ответ советского командования“. Меня повел солдат в помещение электростанции и вытолкнул через дверь во двор Цитадели... Крепость горела, кругом было тихо[801], вся площадь усеяна убитыми...»[802].

...Внезапно Валя услышала выстрел из подвала 333 сп[803] и крики: «Валя! Ползи! Ползи сюда!» Подбежав к подвальному окну, Валя залезла в него — ее окружили бойцы в касках, «большей частью — в немецких. Все на меня смотрели молча, удивленно. Мне показалось, что они меня считают изменницей и расстреляют. Я чувствовала себя виноватой перед ними зато, что побывала в плену»[804].

В итоге Валя осталась в подвале, где ухаживала за ранеными.

Примерно та же картина была и на других участках. По тем или иным причинам парламентеры не возвращались или просто не доходили до защитников. Дивизии необходимо было задуматься о других средствах агитации.

Тересполь. КП 45 I.D. Радиограмма № 152[805] от I.R.130 «Полк достиг дневной цели в 16.15, закрепился и окопался. Разведка направлена (слово неразборчиво — Felicyrzadowe?) — Кошелево».

17.10. 34 I.D. переносит КП в Гуцни.

17.15. Сообщение от Цана: с 17.45 его КП — перекресток у путепровода к вокзалу Брест-Литовска, в противном случае — западнее города. «(Неразборчиво[806])… второй роты подтянуты южнее станции Брест-Литовск».

17.30. Первые подразделения передового эшелона XII.A.K. (фон Штольцман) проходят по танковой магистрали на восток, минуя Тришин.

18.0. Вновь 6 человек, из тех, кто еще держал оружие, выйдя из вокзального подвала, сдаются саперам лейтенанта Линни.

*** * ***

Буховичи. КП 4-й армии

На основе указания Павлова, Коробков отдает боевой приказ № 02 на нанесение контрудара по прорвавшейся немецкой группировке:

*** * ***

18.15. 31 I.D. достигла передовыми подразделениями обоих полков Збироги — Залесье — Ветошки.

В эти минуты Герд Хабеданк гарцует на «Иване», где-то у моста Тересполя: «В тыл направляются первые пленные. Среди них пара комиссаров, маленьких субъектов в советских гимнастерках и фуражках с серпом и молотом на кокардах. Они опасаются, но в итоге отдаются на волю судьбы.

Мост еще строится, один из первых подносчиков упал в Буг. Мелочи! Между тем построены паромы на надувных лодках и беспрерывно преодолевают реку взад-вперед. Возвращаются первые раненые. Сопя, мой Иван также влезает на необычный качающийся паром».

На берегу Хабеданк видит стоящего генерал-фельдмаршала. Вероятно, это фон Клюге, в 18.30 прибывший на КП дивизии. Герд допустил небольшое журналистское преувеличение — на берегу, среди пленных и переправляющихся войск, Клюге смотрелся куда эффектнее, чем в бетонном каземате КП, среди посеревших от бессонницы и небритых лиц. Мастер репортажа, Герд, заканчивает материал как бы под слышную ему одному, на фоне рева танков, идущих через Тереспольский железнодорожный мост, бравурную «Wir standen für Deutschland». «Сообщение, прибывшее позднее остальных, завершает картину: переход всюду удался, даже город сейчас в наших руках. Только в цитадели еще ожесточенное сопротивление. Но и оно скоро будет сломано!»[809]

Между тем ситуация была далека от незамысловатых сюжетов фронтовых киножурналов. Среди корреспондентов, прибывших освещать штурм Бреста, похоже, была некоторая растерянность — как все же подавать события?

Бронемашина командующего армией, автомашина с радиостанцией и пара посыльных-мотоциклистов у старого еврейского кладбища за Тересполем: фон Клюге, прибывший на КП «сорок пятой» со своей небольшой группой сопровождения, проводит короткое совещание. В принципе обсуждать особо

нечего — ситуация ясна. Выслушав доклад, любящий стремительные решения фон Клюге приказывает, чтобы никакая бесполезная кровь не проливалась в бою вокруг цитадели, сражении лишь местного значения. Враг должен мориться голодом.

Телефонные команды об этом отдаются частям. Приказ на ночь: окружить цитадель со всех сторон (I.R.133 с запада, юга и востока, III/I.R.135 с севера) и предотвращать попытки врага к бегству. I.R.130 получает задачу по обеспечению порядка в Бресте. Кстати, полк Гиппа (I.R.130) задачу дня выполнил — еще в течение второй половины дня (до 16.15) он достиг дневного задания — выс. 144 (в том числе приданными1 и 6-батареями A.R.98, не ожидая их готовности к открытию огня).

Однако идея «морить голодом», высказанная неутомимым и решительным командующим армией, несколько не учитывает реалии. Как в таком случае быть с теми, кто ждет помощи в церкви Святого Николая? Скорее они умрут от голода и жажды,чем окружившиеих, привыкшиек суровой жизни русские…

Решено иначе — утром 23.6 укрепления Центральной цитадели должны браться после артиллерийской подготовки (3.00–4.30).

Перед тем как начать отвод войск на линию блокирования, об этом сообщают окруженным в церкви. Их мнение — все же попытаться прорваться, последний раз в этот день — пока готовившиеся к отходу, пулеметчики на Тереспольских еще могут прикрыть огнем.

Пулеметчики готовы — наведя MG-34 на погранзаставу и 333 сп, подавить огонь или контратаки красноармейцев. Но прорывающиеся, рванувшись с хоров и смяв нескольких державших оборону внутри церкви красноармейцев, были мгновенно замечены — им, бежавшим к Тереспольским, удалось добраться лишь до погранзаставы. Ожесточенный огонь со всех сторон, заставил залечь прорывающихся. А контратака пограничников принудила их отойти обратно в опостылевшие стены церкви, ставшие для них единственно надежным убежищем[810].

Впрочем, стены укрыли не всех — помимо мертвых, в руки защитников попал и один тяжелораненый: «Он страшно боялся, молил не убивать, говорил, что отец его — какой-то высокий чин гитлеровской армии. И он, мол, отблагодарит нас за то, что мы сохранили жизнь сыну. „За меня вам отдадут несколько ваших“. Я допросил фельдфебеля,но он не смог рассказать ничего путного, полезного для нас»[811].

18.45. Итоговое донесение от Цана. Оценивая общее положение, командир дивизионных «панцирягеров» пишет: «Справа непрерывное наступление; слева, особенно на участке центра крепости, атака продвигалась с трудом, улучшение обстановки лишь при вступлении в бой взвода дивизиона[812] и штурмовых орудий». 2 и 3-я роты дивизиона[813] — в западной части Брест-Литовска. КП дивизиона с 21.00 — предположительно в районе форта III. Планы на следующий день — защита полков, действуя в их передней линии. Цан отмечает превосходство в воздухе немецкой авиации, насчитав 7 сбитых вражеских самолетов[814].

18.45. Передовой отряд корпуса в 16.30 достиг развилки дорог к северу от Гуцни.

18.50. I.R.80 (34 I.D.) наносит удар вдоль танковой магистрали на Жабинку.

I.R.107 следует справа эшелонированно.

19.00. Начался отвод подразделений дивизии на позиции оцепления.

III/I.R.130 сдает полосу обороны на Южном острове II/ I.R.133 (майор Эггелинг) и подтягивается в город Брест.

Еще не принимавшие участия в боях солдаты Эггелинга начинают вести себя весьма энергично — особенно 14-я рота, «панцирягеры» 48-летнего уроженца Вены гауптмана д-ра Вацека. Доктор Вацек был известен своей энергией — не теряет времени он и сейчас. Выкатив орудия на насыпь[815], он начинает

бить по кольцевой казарме в упор, с расстояния 150–200 м. Перестрелка стихает — защитникам казармы нечего противопоставить этому последнему доводу. Обстрел Южного поутих, но и немцы не решаются атаковать Холмские, тем более что сейчас наблюдается обратная картина — отвод их войск на позиции оцепления.

Вытягивают свой 2-см Flak 38 и зенитчики Энгельхардта — вдогонку им несколько пулеметных очередей с полубашни 44 сп, но зенитчики успели свернуть за угол и через Тереспольский мост и Западный остров уходят в тыл…

Почти сразу же полубашню (сгоревший штаб 44 сп) полностью занимают красноармейцы Бытко.

Теперь надо отвести и подразделения от Тереспольских ворот — но командир 10-й роты делает это скрепя сердце[816]. Буквально в сотне метров отсюда, в церкви Святого Николая, еще держатся его товарищи по батальону — лишь взлетающие иногда над ее разбитым куполом одинокие белые ракеты говорят о том, что они еще живы. Но приказ, пусть и не самый понятный, есть приказ (хотя столько жертв отдано за эти кирпичные казематы, чей пол усыпан пулеметными гильзами, продолжающейся весь день перестрелки с погранзаставой…). Рота начинает уходить через мост.

Надо сделать это по возможности незаметно — уже несколько раз русские пытались выползти и подобраться к кольцевым казармам. Пулеметные очереди заставляли их отказаться от своих планов. Вот и сейчас — пулеметчики, дав на прощание очередь по какому-то тщедушному русскому, пытающемуся проползти к кольцевой казарме, подхватив M.G., спускаются по узкому ходу с Тереспольской башни и, пока русские не опомнились, бегут через мост… Погранзастава и подвал 333 сп о бегущих не знают — в отличие от окруженных на хорах церкви Святого Николая, видящих значительно дальше.

Но лучше бы они не видели это — вероятно, экономя батареи радиостанции, окруженные пустили целую гроздь белых ракет, отчаянно давая понять «Мы здесь! Мы еще живы! Не бросайте нас!». На КП Йона они были хорошо видны и не добавляли полковнику, понимавшему, что уже ничего не сможет сегодня сделать, душевного равновесия.

Отчаянный смысл ракет хорошо понимали и красноармейцы. Алексеев И. А.: «Противники, находящиеся в церкви, чувствуя свою гибель, усиленно выпускали осветительные ракеты… призывая оказать им помощь»[817].

Лео Лозерт, похоже, не знал о всех драматичных событиях в Цитадели, вплоть до того момента, когда «в предвечерний час все части I.R.135 были выведены из цитадели обратно, сообщив, что около 40 немецких солдат удерживаются как пленные с ранеными в цитадели»[818].

Все, с Центрального вывели, докладывается с Западного на КП. Вывели без потерь.

Эту радость омрачает тоскливая белая ракета, взмыв, повисающая над Цитаделью, видимая хорошо и сквозь дым пожара на «складе телогреек»…

«Тщедушный русский» — это верткий и смелый 14-летний воспитанник музыкантского взвода 333 сп Петя Клыпа. В течение всего дня он вел разведку на этажах, вот и сейчас, получив задание Потапова проверить, есть ли еще немцы у Тереспольских[819]. Что-то затихли… Вместе с ним пошел и Коля Новиков (ровесник и сослуживец Клыпы).

Пройдя через весь подвал (КП Потапова располагался в том крыле, что ближе к 455 сп (пкт 175а), Клыпа и Новиков полезли в подвальное окно, ближайшее к кольцевой казарме. Прислушались — в крепости стояла тишина, нарушаемая лишь перестрелкой у Холмских.

Клыпа, первым вылезший из подвала, с минуту полежав на земле, осторожно поднялся и побежал к Тереспольским, следом за ним вылез Новиков. На полдороге с Тереспольской башни ударила короткая

очередь — Клыпа метнулся к кольцевой, а Новиков — обратно в подвал. Понимая, что сейчас обратный путь для него заказан, Клыпа влез внутрь кольцевой — здесь, напротив 333 сп, были конюшни[820]. Сейчас там было пусто, но справа Клыпа увидел окно в соседний каземат (конюшню, также пустую). Лошади летом обычно стояли у коновязи, где их и застал утренний обстрел — там и разыгралась одна из трагедий крепости: беспомощные, привязанные поводьями к коновязи, лошади, вначале метавшиеся, пытаясь их порвать, в конце концов просто бессильно стояли, прощаясь с жизнью. Еще до полудня из-за то и дело вспыхивавшей стрельбы все лошади были мертвы или ранены. Давно смолкли и сгоревшие заживо в своих вольерах собаки погранзаставы.

…Клыпа, перелезая из конюшни в конюшню, добрался до юго-западного угла кольцевой[821]. Здесь и наткнулся на склад боеприпасов и оружия — абсолютно не пострадавший от обстрела, только куски штукатурки кое-где пооблетели и валялись на стеллажах. Взяв себе ППД, Клыпа выглянул в окно — там, у Jaz, вовсю шла переправа, столь неосмотрительно оставленная под обстрелом…

Клыпа поспешил обратно в подвал — обратно он смог пробраться необстрелянным. И более того — судя по тишине в кольцевой, немцы из нее ушли.

Эти новости он и доложил Потапову.

19.20. КП 31 I.D. переносится вперед в Черни. Связь только радио. I.R.17 достиг Саки.

Немцы уходят! Новость мгновенно облетела подвал.

Теперь уже выглядывают наружу и другие бойцы. *Они* ушли? В развалинах погранзаставы у пулеметов привстают пограничники… Что это было — война? Приграничная провокация? Инцидент?

Бойцы выходят из подвала — неужели победа?! Издали слышен рокот БА-10, и вскоре, подъехав к воротам, он останавливается, высадив полкового комиссара с перевязанной головой[822]. Матевосян! Он проводит короткое совещание с командирами обороны у Тереспольских — Потаповым, Кижеватовым, Саниным, Семеновым и другими. Единого мнения о том, как действовать дальше, нет — ситуация слишком неясна, но все сходятся в том, что необходимо еще раз попытаться выбить немцев из крепости — связь с 455 сп еще не установлена из-за угрозы обстрела из столовой начсостава[823].

В это время становится известно, что немцы не ушли — несколько бойцов, неосторожно выбежавшие на берег Буга, обстреляны из прибрежных зарослей Западного острова. Ясно — «приграничный конфликт» еще не исчерпан.

Матевосян говорит, что на Северном все еще немцы, зато они прекратили обстрел Холмских[824], возможно, Южный свободен. Соответственно итог обсуждения — 333 сп (прежде всего группа Потапова) идет на прорыв через Западный остров, а оттуда — на Южный, далее — к военному городку 22-й танковой дивизии (Южный военный городок). Через Трехарочные не выйти: столовая 33-го инженерного, валы пкт 145, главный вал, передовой ров — многовато препятствий для небольшой группы. К тому же Брест наверняка у немцев. В общем, единственный путь — через кустарники Западного или вдоль его дамбы, вдоль Буга, а там — вплавь до Южного. Рука ломает травинку, как сомнения — «Прорвемся!».

Пограничники остаются, как и многие из 333-й, да и других частей. К сожалению, единого руководства нет, да и нужно ли — вдруг прорыв, куда ринутся все защитники участка, сорвется? Так хотя бы кто-то останется — прикрывать прорыв и продолжать оборонять участок в случае его неудачи. Итак — необходимо: 1) запастись патронами и гранатами, 2) решить проблему с клубом 84 сп (церковью); 3) набрать добровольцев и пойти на прорыв[825].

Первая часть задания была быстро выполнена — в подвал перекочевал весь полковой склад[826]. Правда, В. И. Сачковская вспоминает, что бойцы принесли мины без минометов, автоматы без дисков,

гранаты без запалов, но среди всего этого было и самое необходимое — патроны[827].

Сразу же ящики с гранатами и патронами подтащили к подвальным окнам, теперь к ним встало и несколько бойцов с ручными пулеметами.

Около 40 человек, среди них — мл. политрук Александр Каландадзе и лейтенант Алексей Наганов, заняли оборону у Тереспольских ворот — Наганов со своими бойцами в полубашне, Каландадзе — над самими воротами[828].

Осматривая конюшню у полубашни Тереспольских, Каландадзе и Наганов, к своему удивлению обнаружили… мирно спящих, надежно укрывшись в соломе, конюхов. Поначалу их даже приняли за раненых. Из сбивчивых объяснений конюхов стало ясно, что они караулили лошадей и, оказавшись к началу боя без оружия и продовольствия, не имея командира, решили дождаться какого-либо исхода — а так как из казармы не выйти, то просто поспать в соломе… В итоге, получив автоматы, конюхи присоединились к защитникам[829].

Одновременно с перетаскиванием боеприпасов и оружия в подвал бойцы 333 сп готовили артиллерию для штурма столовой начсостава и клуба 84 сп. Кроме того, решено было попытаться подпортить немцам переправу у Jaz, хорошо видную из окон кольцевой казармы — для этого как раз подошли бы найденные на складе 120-мм минометы…

Группа бойцов пошла к коновязи — пристреливать скрепя сердце немногих все еще живых, раненых лошадей.

Пограничников осталось всего тридцать семь человек. Оставив несколько стрелков в развалинах погранзаставы, они переходят в подвал 333 сп. Там-то, измученные многочасовым боем, потрясенные смертью как своих товарищей, так и жен и детей командиров, живших в здании, они и встретились с захваченным утром пленным — сейчас он остался только один… С. Бобренок: «В подвале бойцы сгрудились вокруг пленного гитлеровца, рослого откормленного обер-ефрейтора… Странно видеть лоснящуюся от жира, свежевыбритую морду фашиста… Чуть запыленный китель с закатанными по локоть рукавами… Обер-ефрейтор явно напуган. Трусливо мечутся его маленькие заплывшие глазки, встречаясь со взглядом молчаливых защитников крепости… Пришли командиры. Заданы первые вопросы. Обер-ефрейтор выпрямился, застыл истуканом. Его толстые губы стремятся изобразить презрительную ухмылку. На вопросы не отвечает. И вдруг неожиданно высоким прерывающимся от ненависти голосом — „Аллес капут!“ …его пристрелили как бешеного пса, невдалеке от входа в подвал»[830].

…Сейчас, к вечеру, наконец-то закончили прорубать стену бойцы штабных подразделений 44 сп, среди них и оружейный мастер А. П. Бессонов. Проламываться дальше бессмысленно — целый отсек занимает склад фуража, а за ним — не стихает пожар на вещевом складе полка. «Плотные пачки обмундирования чадили и тлели»[831].

…Итак, наступает пора ответного хода — несколько[832] найденных более-менее целых полковых 76-мм и 45-мм орудий ПТО наведены на церковь и столовую начсостава. «Когда разыскали [76-мм] пушку среди развалин артиллерийского парка, я не видел, но ее прицел был разбит. Бессменным командиром орудия был замполитрука[833] 76-мм батареи 333 сп. Он взял на себя обслуживание орудия, установку прицела, зарядку и стрельбу. Перекатывание орудия, перетаскивание снарядов и их подноску заряжающему выполнял расчет из трех человек»[834].

План — огнем по второму этажу (мансарде) столовой начсостава и хорам церкви Святого Николая (на хорах, скорее всего, размещалась кинопроекционная аппаратура клуба 84 сп — может, это и есть упоминаемая в ряде воспоминаний «будка киномеханика»?) заставить немцев спуститься вниз, где и уничтожить их. Толстые стены церкви были недосягаемы для 76-мм орудий, но в них имелись небольшие

арочные окна и снарядные пробоины, пара попаданий в которые выкосила бы всех, сжавшихся в нескольких закутках на хорах и ведущей к ним лестнице. Наконец, значительная часть крыши над хорами также была уничтожена, да и над крыльцом церкви вровень с ними находилось огромное окно — попасть туда было можно, даже наводя орудие по стволу (из-за разбитого артналетом прицела).

Вероятно, операция как-то координировалась с 455 сп.

Расчет 76-мм орудия (в составе которого и находился Алексеев) практически в упор, открыв огонь по столовой начсостава, почти разрушил ее — но, как оказалось впоследствии, часть немцев с первыми же разрывами, прорвалась в подвал, недосягаемый для артогня, часть — перебежала в церковь.

Но к столовой уже спешили штурмовые группы 455 сп — в их составе были и пограничники, вероятно укрывшиеся в секторе казармы 455 сп во время артобстрела. Атаку поддерживали пулеметы из кольцевой казармы, бившие не только по столовой, но и по окнам церкви. Впрочем, там было не до атакующих — самим бы уцелеть.

…Помимо пограничников в группу вошли лейтенанты Есланников, Усов, Терещенко, политрук Кошкаров[835] и несколько рядовых бойцов и младших командиров. Штурмовая группа подбежала к столовой — пулеметы из кольцевой прекратили огонь. В окна столовой, и без того полуразбитой огнем орудий 333 сп, полетели гранаты. Усов с несколькими красноармейцами рванувшись в столовую, еще раз прочесал помещения — стало ясно, что кто-то укрылся в подвале.

Есланникову и Терещенко удалось ворваться и в подвал — под сводами загрохотали выстрелы: зажатые в угол немцы отбивались ожесточенно. «Ничего, гадов мы раздавим и по-другому». Усов, раздобыв взрывчатку, уложил ее у входа в подвал. Он зажег зажигательную трубку, максимально укоротив ее, чтобы немцы не успели потушить. Бойцы вынеслись наружу, но взрыва не было. В здание метнулся политрук Кошкаров — так и есть, трубка потухла… Укоротив ее еще сильнее и запалив вновь, Кошкаров едва успел добежать до двери и упасть головой через порог — как страшной силы взрыв, разваливший остатки стен столовой, выбросил его наружу…

Потерявшего сознание политрука оттащили в подвал 455 сп — в себя он пришел только на рассвете. Если после всех этих событий кто-то и остался в подвале столовой, то он старался не обнаруживать себя, надеясь дождаться помощи. Больше столовая начсостава не тревожила 455 сп[836].

Церковь должны были уничтожить бойцы 333 сп и пограничники. Однако, когда расчет развернул 76-мм орудие, готовясь открыть огонь по «окну под куполом церкви», контролировавшему всю западную часть Цитадели, он смог сделать лишь несколько выстрелов[837] — группа связи с пехотой, находившаяся в церкви, выйдя на связь с артиллерией, направила ее огонь на орудия, обстреливавшие церковь. Возле орудия Алексеева стали рваться снаряды, расчет поспешил укрыться в подвале — его командиру, замполитрука, осколком снаряда рассекло нижнюю губу.

Неудачей закончилась и попытка обстрела переправы из полковых 120-мм минометов[838] — несколько мин успели выпустить, но артиллерия мгновенно накрыла и этот участок, минометчики также едва спаслись в подвалах. Один из минометов был разбит. Винтовочно-пулеметный огонь, открытый по переправе практически сразу же, как о ней стало известно, приносил только моральное удовлетворение — до нее было более 3–4 километров…[839]

Стало ясно, что задача по уничтожению переправы стрелковым оружием выполнима лишь при условии подхода к ней по Западному острову — и кое-кто уже задумался над этим…

…А уничтожение минометами — лишь перестреляв окруженных в церкви, корректирующих стрельбу. Поэтому артиллеристы вновь, выбежав из подвала, подбегают к пушке — «привезли на санках снаряды, замполитрука установил прицел, зарядил и открыл огонь по церкви. После нескольких выпущенных

снарядов по куполу церкви его верхнюю часть разрушили и противника заставили спуститься вниз. Следовательно, ракетная связь штурмовиков [окруженных в церкви] с командованием дивизии была нарушена»[840].

Вывод об успехе обстрела Алексеев сделал, вероятно, на основании того, что прекратился пуск белых ракет, и нескольких успешных попаданий в ту часть церкви, где находились помещения, прилегающие к хорам, однако это не значило уничтожение окруженных в ней немцев. Да, по-видимому, с хоров они спустились вниз, а поскольку радиосвязь продолжалась, смогли поставить заградительный огонь артиллерии перед церковью, мешая провести атаку.

Вероятно, правильнее было бы сначала подобраться в церковь, накопить побольше сил — и уж затем выкуривать немцев с хоров, поджидая их внизу. Но, возможно, учитывая небольшой опыт артиллеристов, а также полуразбитые орудия, что могло бы привести к уничтожению самих штурмующих, от этого решено было отказаться, проведя вначале артобработку, а затем атаку. Сейчас, учитывая ситуацию, атаку пришлось отменить, по крайней мере, удалось добиться того, что немецкие пулеметчики из церкви, вынужденные оставить выгодные позиции на хорах, больше не держали под обстрелом всю крепость.

Поэтому у Тереспольских ворот стало возможным сосредоточить большую группу — для прорыва на Западный остров. Через Буг, по дамбе рвануться нужно было максимально резко — всем одновременно выбежать из ворот, спуститься к дамбе и мчаться по ней к Западному. Добежав до острова, нужно бежать влево, вдоль насыпи — оказавшись вне досягаемости вражеского огня, вероятно стоящих на ней пулеметов. Пулеметный огонь немцев задавят наши, уже засевшие и в Тереспольской башне, и в кольцевой казарме, по обе стороны ворот, включая полубашню справа от Тереспольских, где засел со своей группой Наганов. В общем, попробовать можно.

Потапов пошел по подвалу собирать группу прорыва — по словам, с которыми он обратился к бойцам, положение сложилось тяжелое, помощь вряд ли придет, а в Южном военном городке наверняка еще бьются танкисты 22-й танковой дивизии. О том, что немцами в первый же день может быть разгромлена и танковая дивизия, вряд ли кто предполагал тогда.

Добровольцев нашлось немало[841]. Прорыв — дело опасное, но и крепость не была спокойным местом. Сражаться с врагом все-таки лучше в составе всей армии, а не в окружении у границы.

Вышли из подвала, замерли по обе стороны ворот — Потапов последний раз инструктирует бойцов: главное — добраться до берега, до насыпи вдоль Буга. Там — не достанут. И — не останавливаясь — влево. Ну? Как? «А почему по дамбе, товарищ лейтенант? По мосту же быстрее?» Если по мосту — быстрее обнаружат, и огонь пойдет отовсюду, негде укрыться. По дамбе — хоть какая-то защита.

…План Потапова был достаточно рискованным. И численность, и расположение немцев на Западном были неизвестны, не говоря уж о Южном, перед которым пришлось бы переплывать Буг. К тому же не следовало забывать и об окруженных в церкви. Они вполне могли сообщить по рации о концентрации русских у Тереспольских, явно готовящих прорыв. Ладно, двум смертям не бывать…

Пошли.

Первые бойцы вскочили на дамбу — огромные острые камни скользили под руками. Быстрее! Быстрее! Среди прорывающихся с пистолетом в руке бежал и Петя Клыпа. Ловкий, он быстро вырвался вперед. Посреди дамбы Петя увидел прислонившегося к каменной глыбе майора, сидящего, свесив вниз к воде ноги. «Товарищ майор! Пойдемте с нами!» — Петя, решивший, что тот ранен, тронул его за рукав. От легкого толчка уже закоченевший труп майора повалился набок… Петя, уже навидавшийся за день достаточно, сам окаменел было от неожиданности, но подбежавшие сзади потащили его за собой.

Первые пулеметы ударили по ним лишь тогда, когда передние группы бойцов были почти у берега —

не останавливаясь, Клыпа и другие рванули влево, как и приказал Потапов, бежавший сейчас рядом. Они, продираясь сквозь кусты, оказавшись вне огня пулеметов, стремились как можно быстрей добежать до берега, пока весь Западный остров не устроил на них охоту…

Тем, кто приотстал, оказавшись в момент открытия огня на дамбе, повезло меньше… Немцы, похоже, специально ждали, когда на нее выбежит весь отряд Потапова, оторвавшись достаточно далеко от спасительных казематов Центрального острова. Многие успели залечь среди камней, другие бросились назад — но очереди легко настигали их. Те, кто был у берега, пытались атаковать пулеметное гнездо, оказавшееся слева. Но вражеский огонь, к нему прибавились и минометы, был слишком плотным… Растерявшись, группы залегли на берегу, у насыпи… «Я и несколько бойцов стали пробираться влево к реке, но там нас обстреляли. Тогда мы переползли вправо к насыпи, на которой, помню, стояла разбитая легковая машина, затем перебежали к бревенчатому строению[842], что виднелось позади насыпи. Хотели залезть в сарай, но он оказался крепко заколоченным. Не теряя времени, я переполз к плотине, глотнул воды и бросился бежать»[843].

…Бросился бежать и отряд Потапова, залегший было у плотины, потеряв умчавшегося вперед командира, они несколько минут продолжали лежать у насыпи. Затем кто-то крикнул «Немцы обходят справа!», и, потеряв голову от страха, большинство кинулось обратно через дамбу, под огонь пулеметов. Пули, высекающие искры из камней, крики раненых и предсмертные хрипы убитых за спиной пробирающихся по камням красноармейцев 333 сп… Долго выжившие не забудут этого — до кольцевой казармы добежало лишь несколько человек[844]. Каландадзе на некоторое время вернулся в тот вечер в подвал: «Одного взгляда было достаточно, чтобы отметить — гарнизон поредел наполовину».

В это время Потапов, Клыпа и передовая группа отряда выбежали к Бугу. Никто не остановился ни на миг — хорошо плавающий Петя Клыпа кинулся в воду, как был в сапогах, брюках и майке, зажав в зубах пистолет[845]. Как и другим бойцам, им удалось доплыть почти до Буга, до кажущихся спасительными зарослей ивняка — когда ударили пулеметы… Казалось, вода закипела от пуль. До Южного доплыло лишь тринадцать — вдоль его берега также шла насыпь, и подплывших к берегу достаточно близко скрыл густой ивняк. Не мешкая (вскоре от 13 осталось 9), они бросились вдоль насыпи. Вскоре поняли, что наконец-то прорвались… Но лейтенанта Потапова среди них уже не было. Не выдержав напряжения, они свалились и заснули[846].

20.00. Пока Потапов прорывается на запад, на востоке немцы покидают крепость. С 20.00 полковник Йон вынес свой КП за пределы Центрального укрепления — на юго-западный угол продовольственного склада (Proviant Magazine). Его подразделения занимают оборону по главному валу. Фридрих Йон: «Во второй половине дня дивизия поставила задачу — в сумерках эвакуировать Северный остров и центр крепости, перейти к обороне на внешних валах, и предотвратить любой прорыв окруженных русских. 135-й пехотный полк занял оборону на северных валах между Бугом и северными воротами. 1-й батальон был сменен другими войсками в городе Брест-Литовске и принял восточную часть валов Северного острова. 2-й батальон — западную. Северный остров был эвакуирован практически без какого-либо противодействия»[847].

Вероятно, Йон держал западную часть главного вала, включая захваченные 9-й ротой Северные ворота. Далее — плотно вжимаясь в оставшиеся еще от польской обороны ячейки, сидели бойцы из различных подразделений, объединенных майором Гавриловым в роты под командованием лейтенантов Яковлева и Самойлова. Далее — артиллеристы 98 ОПАД: в ячейках, частично в окопах. Позиции были достаточно выгодны, для отражения атак пехотных подразделений, поддерживаемых пехотным оружием, но укрытия от огня тяжелой артиллерии не предусматривали.

Однако у самого Мухавца — вновь небольшой, но ключевой участок немецких позиций. Таким

образом, почти весь восток главного вала — в советских руках, но ключевые участки (Северные ворота, вал у Мухавца), контролирующие как передвижение по Северному, так и препятствующие возможным попыткам прорыва или обстрела магистрали — у немцев.

Внутренняя же часть Северного — затухающие пожары и остывшие уже трупы, провалившиеся в забытье раненые, ободранные снарядами деревья и начавшая уже вянуть сшибленная взрывами листва, свежие воронки и разбитый автотранспорт — ничейная территория.

*** * ***

20.15 Москва. Наркомат обороны СССР

Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов уходит директива наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко:

*** * ***

20.50. Передовой отряд корпуса идет на Жабинку. Мост в 2 км к востоку от Хабы уничтожен.

20.55. Телефонограмма от генерал-полковника Гудериана: соединению дается самая высокая оценка. Корпус должен продолжать нападение и ночью, беспрерывно. Группа рассчитывает на то, что в течение ночи корпус, беспрерывно наступая, достигнет полосы Ясельды.

*** * ***

21.0. Из оперативной сводки штаба Западного фронта № 1-й «…Части 4-й армии вели оборонительные бои предположительно на рубеже Мельник, Брест (иск.) Влодава. К 17 часам под натиском превосходящих сил противника правый фланг армии отошел:

28-й стрелковый корпус — 49-я стрелковая дивизия — сведений в течение дня не поступило.

42-я стрелковая дивизия к 13 часам была в районе Чернавчицы, Черни, 10 км северо-восточнее Бреста, имея задачу прикрыть с северо-запада разрыв между 49-й стрелковой дивизией.

6-я стрелковая дивизия к 15 часам отходила от Бреста на Жабинка.

75-я стрелковая дивизия — есть данные только о штабе дивизии, что он находится Малорита.

14-й механизированный корпус к 15 часам в районе Жабинка, его 205-я моторизованная дивизия в районе Запруды, Береза (Береза Картузска) готовит оборонительный рубеж по р. Мухавец. Штаб 4-й армии в 16 часов — Запруды. В течение дня связь с армиями работала с большими перебоями… Оперативных сводок задень боя от армий к 19 часам 30 минутам не поступало… Данных о потерях и трофеях нет»[849].

*** * ***

21.00 Тересполь. КП 45 I.D.

Фон Кришер представил план артподготовки[850] для атаки 23 июня. Артогонь планируется с 3.00 до 4.30 — втрое больше чем сегодня. Вероятно, это позволит избежать многих ошибок — цели уже хорошо известны, торопиться не нужно. Немаловажно то, что огонь будет сопровождаться наблюдением. Его могут корректировать и в тылу противника — из церкви Святого Николая.

Итак, в соответствии с планом мортирные дивизионы (854-й и Галля) ведут стрельбу на разрушение с

углами возвышения, превышающими углы сверхдальности. Максимально возможная скорость огня, общее использование боеприпасов — 644 выстрела, снаряд и вид взрывателя по возможности бетон или взрыватель с замедлением. Стрельба с рассеиванием ±25 м.

3/Nbw.Abt.6 — вначале 2 огневых налета, затем стрельба на разрушение (2–3 выстрела на орудие в минуту), сменяющаяся 3 попеременными огневыми налетами с 10 минутами паузы.

Все использование боеприпасов — 900 выстрелов, 1/3 взрывателей — бризантность замедленного действия, 2/3 — химические. Стрельба с рассеиванием ± 25 м.

I/A.R.99 — вначале 2 огневых налета, затем стрельба на разрушение, 2–3 выстрела на орудие в минуту, сменяющаяся 3 попеременными огневыми налетами с 10 минутами паузы. Использование боеприпасов — 1440 выстрелов, снаряд (вид взрывателя): бетон и взрыватель с замедлением. Стрельба с рассеиванием ±25 м.

Nbw.Abt.8 и Battr.833 ведут огонь по особому плану. Реактивные установки начинают его в 2.59 ч., нанося удар по восточной части Центрального острова. Туда же и на его западную часть — выпускает по снаряду каждые 5 минут и Battr.833.

Сообщение о погоде (до 23 ч. и соотв. 1.00 ч.) поставляется I/A.R.99. Около 23.00 и 1.00 ч. все части посылают по одному получателю приказа к Arko 27 для получения сообщений о погоде.

Открытие огня — только по особой кодовой команде «Блюхер», которая передается до полуночи. Артподготовка начинается по кодовой команде «Аугсбург».

21.00. Суточное донесение в Pz.Gr.2:

1) Нападение хорошо преуспело. Кроме цитадели Брест, где враг еще оказывает ожесточенные сопротивление, дневные задания достигнуты.

2) Передовые части до 20.00 достигают линию Бульково — Новосады — Пшенная — поселок Саки.

3) Резерв корпуса придан 45 I.D. для зачистки цитадели Брест.

Передовой отряд корпуса на 18.00 шел на Кобрин.

5) Командные пункты дивизий:

34 I.D.: Гуцни

45 I.D.: Тересполь

31 I.D.: Черни.

Намерение: преследование, перенос КП корпуса в Жабинку.

При штурме Брест-Литовска личным поведением и особо осмотрительным командованием отличились полковники Гипп (командир пехотного полка) и Велькер (командир артиллерийского полка).

Дороги сильно страдали от перегрузки, однако полностью проходимы.

21.15. Передовой отряд корпуса твердо держит Жабинку в своих руках, нанося удар дальше на Кобрин.

21.30. Тересполь. КП 45 I.D. Фон Паннвиц, установив связь с Гиппом, и по его приказу занявший оборону в северной части Брест-Литовска, сообщает о ситуации в городе: «Кроме отдельных партизан, Брест-Литовск освобожден от врага. Для борьбы с ними задействованы разведгруппы. Население ведет себя спокойно. Гражданскими лицами велись грабежи[851]. Вокзал Брест-Литовска занят железнодорожными саперами. Казармы сильно повреждены и наполнены мертвецами и ранеными.

Находящийся в Брест-Литовске польско-русский военный госпиталь сейчас переполнен. КП отряда: в северной церкви Брест-Литовска»[852]. Потери разведотряда самые незначительные — ранено 5 рядовых и три лошади (одна из них — в результате аварии).

Западная окраина Вулька Добринска. КП Ib 45 I.D. Для избежания затирания подразделений снабжения едущими на танковой магистрали моторизованными колоннами решено, что вечером 22.6 они подтянутся в район к северу от шоссе Бяла — Тересполь.

22.00. 34 I.D. сообщает: до сих пор противотанковыми ружьями и орудиями подбито 25 вражеских танков. За весь день никакой вражеской артиллерии.

22.15. Тересполь. КП 45 I.D.

С КП саперного батальона (восточная окраина Малашевичи Мале) поступает итоговое донесение[853] от Масуха. «Русских застигли врасплох. После преодоления первого испуга они оказали частью сил сопротивление… Боевой состав первой роты 81-го саперного батальона очень сильно изменился, значительная часть передового штурмового отряда не вернулась назад. Они в центре крепости».

В это время на Центральном, куда недавно вернулись немногие выжившие из группы прорыва, готовятся к завтрашнему бою и продолжают бой сегодняшний: «76-мм пушку, — вспоминает И. А. Алексеев, — перетащили к Тереспольским воротам… Здесь ее установили в направлении Западного острова. Замполитрука зарядил пушку и начал выпускать снаряды в Западный остров».

Итог был тот же, что и ранее, — грохот минометных разрывов накрыл расчет. Артиллеристы бросились к окнам подвала, однако Алексеев замешкался, и осколком мины был ранен в голову. Его, получившего помимо ранения и контузию, упавшего неподалеку от входа в подвал, затащили вниз и отнесли в казематы под клубом 333 сп — ту часть подвала, что ближе к 455 сп[854]. Казалось, то было надежным убежищем…

Окончательно стало ясно, что переправу и из минометов уничтожить не удастся — немцы, пользуясь огневым превосходством, подавят любую попытку стрельбы.

22.30. Передовой отряд корпуса вступил в бой с вражескими танками при Ходосы (12 км к юго-западу от Кобрина).

Сейчас, когда бои утихли, разрозненные группы и десятки одиночек начинают искать свои части, ползком и перебежками пробираются к оставшимся крупным очагам сопротивления. Заметив отход немцев на Северном, группа Черняева, все еще обороняющаяся в стоящих перед Восточным фортом домах начсостава, решает пробраться в Восточный форт. К концу дня их осталось всего четверо: «В сумерки ползком преодолели еще одно лысое пространство до другой группы жилых домов и под их прикрытием последние 200 метров бежали в полный рост с криком „Свои!“ к воротам Восточного форта. Нас провели в один из отсеков. Я увидел политрука Скрипника[855], с которым были знакомы по полку и от которого год назад я получил рекомендации при приеме кандидатом в члены партии. Он представил меня майору Гаврилову, и тот поручил мне командование группой бойцов во втором и третьем отсеках. Принял группу — 27 человек — и ее хозяйство: один пулемет, два автомата, винтовки»[856].

Вероятно, в это время капитан Зубачев, сражавшийся весь день у Трехарочных, находясь при пулеметах, ведших огонь из подвала под кухней 455 сп, воспользовавшись тем, что огонь из столовой начсостава прекратился, все-таки добрался до своего 44 сп. Там он нашел подготовку к прорыву, готовившемуся энергичным В. Бытко.

Зубачев идею не одобрил — неразведанный прорыв мог привести только к полному уничтожению и без того малочисленного гарнизона[857]. Но заместитель командира полка по хозяйственной части,

капитан Зубачев не мог приказать начальнику школы младшего комсостава старшему лейтенанту Бытко. Бытко продолжал готовить прорыв, наметив его на 11 вечера — пробиваться решили через Северные ворота.

…Весь день Иван Долотов лежал с остатками своей группы в парке между церковью и казармой 33-го инженерного, запихивая голову между корнями деревьев. Так они надеялись переждать обстрел из окон столовой своей же части. Сейчас, когда между деревьев начала сгущаться пахнущая дымом темнота, группа Долотова, передохнувшая за день, но и испытывавшая нестерпимую жажду, все-таки добралась до казармы. «Мы возвратились к себе с последними ругательствами — „виданное ли дело стрелять по своим!“. Но здесь узнали новость — за стенкой, в помещении столовой, немцы — они-то и стреляли»[858].

Теперь стало понятно, почему Долотов и его бойцы приняли их огонь за стрельбу собственного подразделения — над столовой находился штаб 33-го инженерного полка, откуда и велась стрельба по церкви, прикрывая атакующих ее бойцов.

К моменту возвращения Долотова дежурный по его (мостовой) роте в ночь на 22 июня, сержант Лерман решил взять на себя задачу по штурму столовой, набрав в группу таких же, как он, добровольцев.

Высокий, красивый парень, с вьющимися черными волосами, всегда неунывающий и немного разбитной, сержант Лерман был евреем, откуда-то с юга, возможно, из Одессы. Его ближайшим помощником стал красноармеец из 75 орб. Долотов не знал его фамилии: «По виду он имел очень характерную внешность монгольского типа, отличающуюся от окружающих и даже от наших казахов и узбеков. У него было желтоватое матовое красивое лицо, прямые черные волосы. Еще до войны между собой мы его называли „Корейцем“»[859].

Лерману и Корейцу удалось собрать 25 человек[860] — с этим небольшим отрядом они и пытались штурмом взять столовую. Ворваться в нее можно было со стороны двора Цитадели или, наоборот, — со стороны Мухавца, в обоих случаях подвергаясь обстрелу с фланга. Сквозного прохода сквозь все здание, как уже говорилось, не было — столовую отделяла от бойцов 33-го инженерного стена метровой толщины. Ее расположенные на первом этаже окна были заделаны железными решетками[861] — оставался единственный путь, через двери, выходящие во двор. Хотя если бы защитники различных участков были как-то связаны между собой, то взять столовую можно было и со стороны Трехарочных, от 455 сп — с той стороны ее двери выходили в проем ворот.

Для прикрытия операции имелось 3 ручных пулемета Дегтярева[862]. ВВ для подрыва, например, перекрытий в 33-м инженерном не нашлось (вероятно, оно находилось на складе полка в 1 км от крепости).

…Бойцы, взяв по две гранаты на человека, поползли вдоль стены с обеих сторон здания. Они находились вне досягаемости огня из столовой, а за церковью и валами зорко следили пулеметчики «дегтярей». Подползли — и метнули гранаты в двери и подвальные окна[863]. Вслед за гранатами в двери метнулась штурмовая группа Лермана. Их встретили огнем — смелость красноармейцев не могла компенсировать отсутствие у них опыта ближнего боя. Часть группы была уничтожена, остальные отступили. Лерман был легко ранен в голову и левую руку. Несмотря на ранения, он не собирался отказываться от выполнения задачи — решил дождаться ночи, чтобы попробовать еще один способ…

«Так закончился первый день войны в крепости, — резюмирует Иван Долотов. — Есть не хотелось, но мучила страшная жажда. Воды в кранах не было — только в Мухавце»[864].

Тересполь. КП 45 I.D.

I.R.135 и I.R.130, сыгравшие главную роль в событиях заканчивающегося дня, подают итоговые донесения[865].

Первым поступает донесение от Йона: «Бои, проходящие сначала планомерно, позже перешли в упорное ожесточенное сражение, в котором все подразделения были сильно перемешаны. Длительное время не было никакой связи с основными подразделениями.

1-й батальон и 9-я рота (резерв полка) проникли до восточной окраины Брест-Литовска, однако в соответствии с приказом отошли назад, к железнодорожному полотну восточнее Северного острова.

О местонахождении основного состава 3-го батальона с неистовством достигшего церкви, нет никаких новостей, возможно, большие потери.

2-й батальон был брошен на взятие Северного острова, позднее — на взятие Цитадели с севера. Это предприятие пришлось прекратить. С наступлением темноты батальон отступил.

В соответствии с приказом теперь (после наступления темноты) полк привлечен для прикрытия внешнего края Северного острова (северо-западной части).

Для усиления удара 3-го батальона на крепостные ворота полку была недавно направлена 12-я (пулеметная) рота 133-го пехотного полка. Однако и она не смогла пройти и отошла назад, вернувшись в состав 133-го полка, после вступления его подразделений на Западный остров.

Для наступления на крепость с Северного моста вместе с полком ограниченное время работала одна батарея штурмовых орудий.

Планы на следующий день — в соответствии с приказом: вновь наступление и взятие Северного острова».

Подводя итоги дня, Йон особо отмечает крупный успех операции лейтенанта Цумпе (3-я рота) на ж/д мосту.

Обзор потерь I.R.135 пока невозможен, т. к. из-за разрозненности подразделений они еще неизвестны, однако, вероятно, весьма высоки, особенно среди офицеров и младших командиров (3-й батальон вплоть до 9-й роты небоеспособен; 2-й батальон — только ограниченно боеспособен).

Изменился список погибших и раненых офицеров. Лейтенант Кимбергер теперь уже в его первой части, включающей тех, кто уже «принял последний бой». Туда же вписан и лейтенант Майер (командир саперного взвода I.R.135, наступавшего вместе с III/I.R.135). Итого полк Йона потерял убитыми 5 офицеров, кроме того, о местонахождении 4 офицеров нет никаких известий — скорее всего, они тоже пополнят первую часть списка.

Скорректирован и список раненых. Туда теперь уже надежно включен гауптман Кене (1-я рота). Остальное — без изменений.

Нетрудно заметить, что в боевом составе полка остались единицы офицеров — в первом батальоне только командир его 3-й роты лейтенант Цумпе, во втором — сам командир батальона, майор Парак и командиры 5, 7 и 8-й рот, в третьем — похоже, только командиры 9 и 10-й рот.

Полк занимает оборону на валах и перед передовым рвом — хотя большинство, проснувшиеся еще утром 21 июня, тогда, когда еще так многое можно было исправить, просто попадали на позиции. Провалившись в сон, полностью отключившись от раздающихся еще редких выстрелов где-то на цитадели…

…Подводя итоги 22 июня, Гипп со своего КП в форту III главным успехом полка посчитал действия батальона оберст-лейтенанта[866] Набера, захватившего и удержавшего четыре моста на Мухавце. Описывая действия полка за истекшие сутки, Гипп подчеркивает успех морального воздействия артподготовки: «В результате неожиданного открытия огня русские были застигнуты врасплох (большая

часть пленных были одеты в одни ночные рубашки), сила артподготовки вызвала шок, так что при переправе через Буг сопротивление было сравнительно невелико. При переправе через сухие рукава реки были сохранены Flossackhosen. Продвижение вперед 2-го батальона, задействованного справа, часто осложнялось болотистой местностью[867]. При вылазках русских танков и бронированных разведывательных автомобилей он вел себя чрезвычайно мужественно. Используя орудия ПТО, легкие пехотные гаубицы и тяжелое оружие пехоты… было уничтожено 11 бронеобъектов..[868] снаряд полностью себя оправдал. На первой боевой машине насчитали 28 сквозных выстрелов… разрывная граната снова подтвердила свою эффективность против зданий и снайперов. Для обороны от фланговой атаки с Южного острова были задействованы подразделения 3-го батальона, которые сражались до второй половины дня, при этом много погибших и раненых. В 16.40 взята назначенная цель дня — высота 144 и организована оборона на восток и север».

23.0. Тересполь. КП 45 I.D. На основании информации, полученной из частей, отчет о положении дел, планах на следующий день идет в штаб корпуса и с КП «сорок пятой»[869]: «1) В полосе боя I.R.130 нападение проходило планомерно. I.R.135, после того как враг превзошел первый страх, наткнулся на значительное сопротивление, особенно на Северном острове и укреплении Центральной цитадели. На момент этого донесения Западный остров твердо в руках дивизии, после пропуска I.R.130[870] введенных здесь в бой частей I.R.133; Южный пока еще чистится. Северный остров был наполовину взят I.R.135 с тяжелыми потерями. В начале нападения при непосредственном использовании артподготовки его подразделениям удалось занять укрепление Центральной цитадели. Тем не менее вскоре здесь настолько ожило вражеское сопротивление, что 40 солдат I.R.135[871] были окружены русскими и до сих пор не могут деблокироваться.

Еще во второй половине дня I.R.130 главными силами наносил удар к северу от Мухавца, достигая дневной задачи (высоту 144). I.R.133 в ходе боя чистил Западный и снова взятый Южный острова[872], твердо удерживая их в руках. I.R.135 взял запад Северного острова, однако, согласно приказу, с наступлением темноты возвращается к северному валу Северного острова и держит его.

Согласно приказу, Rgt.St.Nbw.Tr.4 с Nbw.Abt.8 и Entg.Abt.105[873], а также Battr.833 выбыли из подчинения дивизии. Бронепоезда № 27 и № 28 готовы к применению лишь с 23.6. Вероятное повторное использование для поддержки дивизии частей тяжелой артиллерии под Arko 27 — подготовка постоянного нерегулярного беспокоящего огня по укреплению Центральной цитадели и Северному острову.

Планы на ближайшее время — изоляция Цитадели и Северного острова по линии: восточная окраина Западного острова — северная окраина Южного острова — железнодорожные линии к северу от цитадели — северный вал Северного острова[874]. Обеспечение достигнутой на восток линии.

Ночью главное, это предотвращение вражеских попыток к бегству из укрепления Центральной цитадели и Северного острова, днем разоружение населения города Бреста и окончательное умиротворение города.

Движение через Буг: временный мост на южном конце магистрали № 1 — окружная дорога цитадели; железнодорожный мост и северная часть окружной дороги Брест-Литовск».

Шлипер (а итоговое столь важное донесение подписано им лично), введший в бой все резервы, еще не может полностью узнать величину потерь. Ближайшими данными о потерях 45-й дивизии 22 июня станут цифры в сводке о потерях корпуса, приведенные в KTB XII A.K[875]. Согласно им, за 22 июня корпус потерял убитыми 58 человек (из них 6 офицеров). Практически все убитые (55 человек (из них 6 офицеров) — это потери «сорок пятой». Ей же принадлежат и все пропавшие без вести — 15 человек (из них 1 офицер). 22 июня XII A.K. потерял ранеными 313 человек (из них 14 офицеров) — в этом количестве показатель «сорок пятой» неожиданно «низкий» — 138 человек (из них 10 офицеров)[876]. Но это учтены

лишь те раненые, что поступили в госпитали 22 июня. Множество дожидалось санитаров на поле боя несколько суток, постепенно пополняя собой «первую часть списка».

Всего же, поданным Рудольфа Гшопфа, вероятно, составленным уже после боев за Брест, потери дивизии только убитыми за 22 июня составили 21 офицер и 290 унтер-офицеров и рядовых[877].

…В 11 вечера[878] — выступили. Свыше 200 человек группы Бытко молча прошли мимо кольцевой казармы (сектора 455 сп), свернув налево — вышли на усыпанный трупами Трехарочный. В крепости — тишина. И только тогда, когда первые бойцы прошли мост[879], по ним ударили первые очереди. Откуда? Неважно — не задерживаясь, отряд с Бытко во главе помчался по аллее, между стадионом и домами комсостава, ведущей к Северным воротам. Огонь все усиливался — били как раз от Северных, аллея полностью простреливалась с них. За несколько минут отряд Бытко понес сильные потери — поняв, что прорыв не удался, Бытко приказал бежать налево, к домам начсостава. Там и отсиделись и, дождавшись, когда все утихнет, в темноте вернулись назад. Первая попытка окончилась неудачно.

Но неудача 200 человек старшего лейтенанта Бытко в этот день была гораздо менее заметна, чем неудача более чем 13 тысяч генерал-майора Шлипера.

…Вероятно, из штабов армии и корпуса, пытавшихся объективно оценить положение 45-й дивизии, казалось, что ничего страшного не произошло — стратегические цели, обеспечивавшие продвижение соединений армии, прежде всего мосты, захвачены в срок и без особых потерь.

Стоившая больших жертв и фактически оказавшаяся бессмысленной операция Кремера, проводившаяся фактически для перестраховки, только подчеркнула удачу с мостами.

Советские войска в крепости блокированы и не угрожали движению по танковой магистрали, их потери (прежде всего пленными) намного превысили потери штурмующих ее подразделений 45-й дивизии.

Таким образом, по сравнению с тем, что могло бы быть, успей Красная Армия занять укрепленные районы — случившееся в Бресте представлялось слишком незначительным. К тому же не было никаких сомнений, что в ближайшие если не часы, то дни цитадель падет.

Однако на КП 45-й дивизии ситуацию оценивали по-другому. Штурм не просто провалился — в его ходе выявилось слишком много неожиданностей, делавших неясными перспективы продолжения атаки. Да, красноармейцы сдавались, но, как правило, лишь те, кто не имел оружия, боеприпасов или ошарашенные артналетом. Но последних все меньше — заметно, что противник постепенно приходит в себя. Те же, кто оказал сопротивление уже в первые часы, бились с таким упорством, что становилось ясно — легкой победы не будет. А она была нужна — суть блицкрига в том, что нелегкая победа означает поражение.

В случае 45-й дивизии время поджимало — как ни странно, но ей стало бы легче, если бы солдаты 3-го батальона, засевшие в Цитадели, были бы уничтожены. А так — жертвы всей второй половины дня, неудачная атака «штурмгещютц» — все было сделано, чтобы их вытащить, но все — безрезультатно. И каких-либо новых «тузов из рукава» у дивизии уже просто не было. Пустить танки? Есть слишком большая вероятность блокирования или минирования ворот. Если калибр «штугов» оказался недостаточен, то танками тем более ничего не добиться. Но главное — пойдет ли пехота?

Авиация? Во-первых, слишком тесное соприкосновение, во-вторых, те же проблемы, что и у танков — мощности авиабомб не хватит, чтобы разбить казармы вплоть до подвалов.

Впрочем, где бомбить-то? Цели неизвестны, русские постоянно перемещаются по подвалам, каждый раз оказываясь там, где их не ждали. В этом случае бомбометание имело бы лишь психологический эффект

— но, похоже, защитники крепости «давлению на психику» уже не поддадутся[880].

Загнать их в угол, обозначить цель и, блокируя за полсотни метров, ждать авиацию или вызывать огонь артиллерии, непосредственно наблюдая русских? Но, возможно, это приведет к потерям не меньшим, чем при штурме, и не только при загоне «красных» в угол, но и от действий собственной авиации и артиллерии — это доказал и сентябрь тридцать девятого, и 22 июня сорок первого.

Не менее важной проблемой было и обоснование необходимости вызова авиации и танков. Прошедшие вперед танковые части решали такие задачи, что вызов хотя бы роты для деблокирования 70 человек был бы просто не понят в их штабах. Это же касалось и авиации.

«Тузы из рукава» были нужны и потому, что помимо ожесточенного сопротивления сюрпризом оказались и крепкие, практически не пострадавшие от огня артиллерии казармы. Да, «Небельверфер» уничтожили все — но лишь то «все», что было на улице, а против казарм оказались бесполезны. 210-мм мортиры? Несмотря на ожесточенный обстрел ими, и Западный и Восточный форты оказали серьезное сопротивление, говорящее о том, что действие мортир не достигло ожидаемого эффекта.

«Карлы»? Но у этого классического «сверхоружия» были те же проблемы что и у авиации — стрельба должна вестись по заранее известным, не исчезающим внезапно целям. Стрельба же «Карлами» по снайперам на Южном и пулеметчикам на Центральном по своему эффекту оказалась бы сравнима со стрельбой по воробьям.

Важнейшим обстоятельством было и то, что боезапас всех перечисленных артсистем был отнюдь не безграничным, не позволяющим бесконечно повторять вихрь артналета 22 июня. Фактически он был рассчитан лишь на первые сутки штурма, что касается установок «Карл», то их выход из строя оказался как нельзя кстати, позволив сэкономить снаряды.

…Мосты на Мухавце, как и сам город Брест, были взяты в лучших традициях «путешествия Рудольфа Гшопфа». Кто же мог предполагать, что «путешествие» сорвется и что не мосты Мухавца, а штурм крепости впечатает имя «сорок пятой» в историю? Впрочем, сейчас не время предаваться лирическим раздумьям — со всех КП в эту лунную безоблачную ночь особо хорошо виден купол церкви Святого Николая. Да, он поврежден — но ночью, прячущей следы разгрома, такой же, как и всю эту весну, пока все были живы, и Восточный поход еще только планировался.

И многие в дивизии подумали, что уж лучше бы та весна не кончалась.

Часть III

«Зачистка»

Глава 1

Операция лейтенанта Хурма

23.06.41. «Зейдлитц»

Закончился самый длинный день лета — вряд ли когда-либо эти сотни людей, накануне превратившихся друг другу во врагов, ожидали темноты с большим нетерпением. Наконец-то она (хоть и весьма условная из-за продолжавших бушевать в разных частях крепости пожаров) наступила — но сразу же разбавлена взлетающими на валах осветительными ракетами: немцев встревожили попытки прорыва, предпринятые русскими до 23.30. Ночью нужно было ожидать продолжения.

Чудес выносливости от солдат штурмовых групп, мгновенно провалившихся в забытье на позициях, ожидать не приходилось, но они входили в обязанность офицеров и унтер-офицеров. Лео Лозерт: «Наступившей ночью я бодрствовал, хотя и мог бы поспать, контролировал охрану, обслуживание пулеметов. Большинство, главным образом молодые солдаты, спали»[881]. Но многочисленные охранения и пулеметные расчеты зорко всматривались в рваные тени, отбрасываемые осветительными ракетами. Иногда посылали очереди, если тень уж слишком напоминала человека. Но что там на самом деле — снайперы ли на деревьях, или клубы дыма принимают столь причудливые очертания, серебрится ли под луной уцелевшая листва, подобно маскхалату советского пограничника, или действительно русские вылезают из подземелий, чтобы неожиданно напасть на спящих? Ракета и контрольная очередь — и вновь расчеты лежат на холодной траве вала, ожидая смены…

Не спят и тыловые службы — им этой ночью неоднократно пришлось подвозить сражающимся полкам дополнительный боезапас (прежде всего, сигнальные боеприпасы, ручные гранаты и т. д.). Артиллерийский боеприпас на огневых позициях для предстоящего сражения за Цитадель пополнялся из запасов, выложенных в пунктах боепитания.

Не менее напряженной, в постоянном ожидании немецкой атаки была эта ночь и для защитников крепости. Измотанные люди падали на свое оружие и засыпали. Но многие не могли заснуть — страх перед «немецкими гранатометчиками» был тому причиной. Если батальонам Фрайтага и Герштмайера мерещились «снайперы на деревьях», то защитникам, напряженно вслушивавшимся в ночные шорохи, казалось, что отовсюду к казарме ползут «гранатометчики»[882], надеясь закидать всех здесь гранатами. Зорко всматриваясь в темноту, сменяя друг друга, бойцы следили, чтобы никакая тень не приблизилась к их участку. В секторе 33-го инженерного полка особое внимание было обращено на подходы со стороны разветвления Мухавца, разрыва в кольцевой казарме, напротив которого находился Белый дворец — его занимали бойцы 33-го инженерного и основного[883] состава 75 орб. Но помимо обороны главной задачей защитников стала добыча воды. Голод еще не чувствовался, но жажда уже взяла за горло. «Очень хотелось пить. Группы в 2–3 человека, ходившие к реке с ведрами или котелками, приносили мало, и все шло в подвал к раненым. Когда желающих утолить жажду набиралось человек 15–20, они обнаруживали себя, тотчас же в воздухе повисала осветительная ракета и начиналась ожесточенная перестрелка с северными

(от нас) валами[884].

Спали ли мы тогда, я не знаю, кажется, не спали, но желание уснуть было мучительными упорным. Я помню, как, охраняя 1-й вход в казармы, моя группа красноармейцев, стоявшая у входа по 2 человека, менялась через полчаса и сменившиеся тут же валились сонные на 8–10 минут. Сутки, проведенные в состоянии необычного нервного напряжения, в беспрерывном движении, в постоянной перемене событий, привели к непреодолимому желанию уснуть. Но спать было нельзя. Поэтому короткие 4—5-минутные провалы в памяти, заменяли сон в течение всей ночи»[885].

Заносили воду — выносили трупы. Недалеко — в воронки рядом со стенами казарм. Наскоро присыпав землей — долгое прощание, в ожидании выстрела из темноты и под зловещими отсветами осветительных ракет, пришлось отложить до скорой Победы…

Красноармейцам казалось, что то и дело взлетавшие над немецкими позициями ракеты, бледными отсветами делавшие резкими очертания зданий постепенно складываются в некий таинственный шифр: «Сначала взлеты ракет казались нам беспорядочными, потом мы поняли, что это сигналы, условный язык, на котором говорят враги. Вот с запада одновременно взлетели пять ракет — две зеленые и три лиловые. Они опускаются, догорают, а с востока густой дым и мрак ночи уже пронзают сразу семь ракет — три желтые, четыре красные. Мы стараемся запомнить сигнализацию. Может быть, удастся расшифровать, что она означает. Вспыхивает множество ракет вместе, и кто-то говорит: „А это просто — освещают…“ Похоже, что так. Какой же ракетой, каким сочетанием цветов и чисел обсуждают атаку, соединение, переход?… Впрочем, наблюдение за ракетами кончается теми же выводами что и другие — наши подходят! А вдруг среди ракет есть и наши? Подошли свежие силы нашей армии, и они уже дают знать нам ракетами: мы недалеко от вас, мы идем к вам на выручку»[886]. Сколько их было таких вот «выводов» — то отход немцев от Тереспольских породил слух — «Братцы, танковая дивизия от Химгородка[887] подошла!», то, увидев пролетавшие краснозвездные самолеты, бойцы скидывали каски, надеясь, что летчики поймут, что здесь, в крепости, все еще держатся, и вызовут подмогу…

Многие из бойцов поползли проверять трупы убитых немцев — к утру на сержанте 33-го инженерного полка Лермане уже висела немецкая полевая сумка, на руке — компас, на груди — бинокль, в руке — немецкий пистолет. Впрочем, как замечает Каландадзе, вместе с другими бойцами 333 сп искавший в ранцах погибших немцев еду: «Враг не часто предоставлял нам возможность поживиться, старался скорее убрать трупы. Если же им не удавалось унести убитого, они стаскивали с него все, что могли, и нам крайне редко доставалось по одному-два печенья. Их отдавали раненым. Странно, но иногда в вылазках за трупами своих фашисты жертвовали живыми»[888]. Крупно повезло лишь однажды — в одном из ранцев был обнаружен целый буфет: тонко нарезанный белый хлеб, колбаса, печенье, бутерброд, три плитки шоколада и зубная паста.

…В ту ночь сержант Лерман занимался не только поисками бинокля и компаса, для взятия столовой он решил задействовать и «артиллерию» — снять со стоявшего напротив 33-го инженерного (прямо вплотную к его стене), подбитого БА-10, пушку и снаряды. Взяв бойцов, он и сделал это, пока не рассвело. Снарядов оказалось немного — 10–12 штук, но попробовать можно[889], когда рассветет.

Мало кто спал в эту ночь — несколько часов темноты необходимо было использовать максимально эффективно: запастись водой и продуктами, установить связь с соседними участками обороны. Продукты — то сало, то горох, вобла или сухари, а то и конфеты из разбитых складов военторга.

К сожалению, о попытках ночью на 23 июня наладить связь между группами обороняющихся — почти неизвестно. Централизованное управление существовало не во всех очагах обороны, а где и было — в первую очередь пытались, ползя в темноте или ломая стены, связаться с теми, кто был в ближнем отсеке, а не в соседнем здании[890].

…Еще вечером, видя сложность ситуации, задумался о прорыве и майор Гаврилов. Обстановка неясна — да и чтобы выйти, надо бы побольше сил. Он решил отправить группы в трех направлениях — связаться с Цитаделью, Восточными валами и выяснить возможность выхода в сторону города.

К Цитадели был направлен лейтенант Я. И. Коломиец, командир минометной батареи 125 сп, сражавшийся в Восточном форту.

Коломийцу вместе с 10 бойцами удалось дойти только до домов комсостава. Оттуда, потеряв несколько бойцов, из-за ожесточенного обстрела Коломийцу пришлось вернуться обратно в Восточный форт. Выслушав Коломийца, Гаврилов решил готовить прорыв, не ожидая помощи[891].

Остальные группы не вернулись.

К западу от Гаврилова, в корпусе № 5 ДНС, группа Шабловского находилась на чердаке вплоть до вечера. Из чердачного окна им был виден Трехарочный, заваленный трупами и немцев, и пытавшихся прорваться красноармейцев. У самих же защитников корпуса № 5 боеприпасов практически не осталось — положение было безнадежным. Капитан Шабловский несколько раз собирался покончить с собой — его с трудом удавалось отговорить.

Ночью в дом пробралась группа бойцов с территории 125 сп — объединенными усилиями вновь пытались выйти, но, поняв, что валы по всему периметру заняты немцами, от прорыва отказались.

0.30. Тересполь. КП 45-й дивизии. Здесь тоже не спят — по-видимому, КП работает посменно. Кто-то отдыхает, другие ломают голову над картами, анализируют поступающие письменные донесения, то и дело звонки из штаба корпуса — Шрот Продолжает наступление, интересуясь обстановкой.

Среди бодрствующих — и генерал-майор Шлипер. Он решил отменить приказ Arko 27, отданный накануне в 21.00. Причина — получив сообщение о предпринятых русскими (до 23.30) попытках прорыва в разные стороны, Шлипер понимает, что новый штурм, пусть и с более продолжительной артподготовкой, приведет к большим жертвам, что противоречит указанию командующего армией.

Русские еще полны сил и энергии. Атаковать при этом — еще слишком рано. Новое решение — отвести подразделения в безопасные зоны в окрестностях укреплений Центральной цитадели до 5.00. С 5.00 вести по ним изматывающую стрельбу на разрушение, для чего Arko 27 будут приданы мортирные дивизионы, подчиненные обеим соседним дивизиям. I/98 назначается для заградительного огня, поддержке и окруженного на востоке цитадели III/135[892], заняв позиции в западной части Брест-Литовска.

Тотчас фон Кришером выпускается соответствующий приказ — стук пишущих машинок, несущийся в ночи из-под сводов старого порохового погреба, среди могил еврейского кладбища на окраине Тересполя, уже никого не удивляет: «1) К ночи против отдельных попыток к бегству на север окруженного на Центральном острове противника III/98 и I/99 подготовить следующее сосредоточение заградительного огня:

к северу от северного рукава Мухавца по обе стороны ключевой улицы, ведущей на север от Центрального острова:

I/99 по самой улице и на восток от нее

III/98 налево от улицы.

Открытие огня — по кодовой команде Arko „Schamhorst“.

2) Указанная в приказе Arko 27 № 2 Ia op. от 22.6.41 артподготовка для нападения 23.6.41 отменяется. Тем не менее подготовка, проводимая для ведения беспокоящего огня с 05.00 ч. 23.6.41, остается

действительной в случае отдания кодовой команды „Кройцнах“. Согласно „Кройцнах“, мортирные дивизионы (854-й и Галля) I/99 и 3/NbwAbt.6, а также Battr.833 ведут огонь по предусмотренным в „Блюхер“ районам. Nbw.Abt.8 не участвует.

Расход боеприпасов на час:

Мортирные батареи — 10 выстрелов

Батарея s.F.H. — 20 выстрелов

Батарея Nbw. — 60 выстрелов

Батарея 833 — 2 выстрела

Ведение огня: в течение часа шквалы беглого огня — и соответственно огневые налеты нерегулярно чередуются с отдельными выстрелами.

Получение сообщения о погоде от I/99 сохраняет силу. Его нужно повторить еще раз в 03.00 и получить в Arko.

3) 23.6.41 в западной части Брест-Литовска должен занять позиции I/98 для поддержания блокирующих цитадель с востока, вдоль железнодорожной линии Волынка — Брест частей I.R.133[893]. Он устанавливает связь с действующим там батальоном I.R.135. Район действия к северу от течения Буга — Мухавца и по Центральному острову»[894].

2.00. Тересполь КП 45-й дивизии.

Прибывающий примерно в это время приказ корпуса ставит дивизии задачу на 23.6 — урегулировать положение в цитадели Бреста при тщательном предотвращении собственных потерь[895].

Роте Лерцера опять не до сна — в 2 ч. ночи прибыл приказ о смене позиций, требующий занять их на западной окраине Западного острова. Разместившимся на новых позициях пулеметчикам сообщили, что рано утром (5 ч.) на цитадель должна быть наведена артиллерия особой мощности. От ее разрывов лучше держаться подальше. Отойдя, все, кто может, вновь проваливаются в сон.

…Все ближе рассвет. Теперь со всеми ночными делами надо торопиться, пока не рассвело окончательно. Но 84 сп, на ночь наметивший переход в казарму 33-го инженерного, оказался слишком тороплив — в итоге попав под огонь своих же соседей.

Иван Долотов: «Под утро получился казус. Со стороны 84 сп после усилившейся там стрельбы раздался шум бегущих в нашу сторону людей. Приближались они из промежутка между зданием Белого дворца и концом казарм 84 сп. Кто бежит? Наши? Немцы? Темно. Все решается мгновенно. Крик: „Немцы!“ — и вся стена наших казарм затрещала от выстрелов. Но о таком массовом отходе 84 сп должен был предупредить через связных. Жертвы были, конечно, напрасными»[896].

…Еще с вечера зенитная штурмовая группа лейтенанта Энгельхардта была назначена на фланговое прикрытие отодвинутой линии обороны полка поблизости от железнодорожного моста к северу от Бреста. «Ночью происходили отдельные стычки с русскими стрелками на дереве и партизанами», — докладывает Энгельхардт. Хотя, скорее всего — с причудливыми тенями деревьев и таинственными шорохами в прибрежном кустарнике.

К 3.00 раздались более серьезные «шорохи» — русские танки ожидаются с северо-востока![897] Штурмовая группа получила задачу по борьбе с ними. 2-см орудие продолжало охранять и прикрывать от низколетящих самолетов железнодорожный мост и 8,8-см орудие. Однако этим утром зенитчикам так и не пришлось вести каких-либо боевых действий.

3.00. Тересполь КП 45-й дивизии. Поступают первые утренние донесения от частей. I.R.130

(Хаусфедель, сам полковник Гипп, вероятно, спит) дает два радиосообщения[898]: КП 1-го батальона — выс. 144 (севернее Выселки). Его подразделения (а также 1-я рота PzJgAbt.45), как и ранее, закрепились на юге и востоке Бреста[899]. КП полка — в Бресте[900], как и 2-й и 3-й батальоны, 13-я и 14-я роты. Связь с 133-м пехотным полком и 45-м разведотрядом установлена. Вместе с подразделениями последнего, находящегося в подчинении I.R.130, полк обеспечивает в городе безопасность. На Цитадели[901] тут и там стреляют.

3.30. Случайную, изредка вспыхивающую винтовочную и пулеметную стрельбу на Цитадели подтверждает и донесение I.R.133. В остальном ночь не принесла полку каких-либо особенных событий. Согласно донесению, «полк твердо владеет почищенными от врага Южным и Западным островами. В ходе боя роты вышли непосредственно ко рву у Центрального острова[902], и согласно приказу до 4.45[903] отводятся назад на 300 м.

Враг защищался всюду упорно и держался до последнего патрона. Наибольшие потери наносили стрелки на деревьях. Центральное укрепление[904] еще сильно занято и, по-видимому, хорошо оснащено оружием и боеприпасами. У южного края Центрального острова обнаружены 6 броневиков. Вражеские потери еще неизвестны».

Поступает донесение[905] и с КП «панцирягеров» Цана (северо-западная окраина Бреста) — ночь проходит спокойно, никаких особых происшествий. 3-я (усиленная) рота обер-лейтенанта Ветцеля в 02.45 заняла позицию для окружения центра крепости против вылазки танков. Основной район обороны восточнее и севернее центра крепости[906].

3.45. Гауптман Вайденхольцер (I/99, передовой НП при I.R.135) сообщает[907], что остатки 3-го батальона 135-го полка находятся у западного края Западного острова (цель 80). В последний раз он передислоцировался вечером 21.6 и ждет дальнейших распоряжений, прося сообщить о местонахождении I.R.135.

4.10. Гейнц Гудериан, как и остальные командующие соединениями, рано начинающий свой рабочий день, выехал из штаба своей танковой группы. Первым делом он направляется на КП XII А.К., где генерал Шрот докладывает ему о ходе боев в Бресте и вокруг города.

* * *

Проверяя готовность войск 4-й армии к намеченному на 5 часов утра контрудару, генерал-майор Коробков выехал на КП 28 ск у Жабинки. Но там никого уже не было — странно, но перед наступлением на запад командир корпуса отодвинул свой КП на восток, к Кобрину. Судя по всему, это взбесило Коробкова — спустя три с половиной часа, донося о неудаче атаки, он докладывал командующему Западным фронтом: «Попов и Оборин[908] проявляют неустойчивость, преждевременно отводят части и особенно штабы»[909].

Не найдя Попова, Коробков посетил ряд подразделений 6 сд и 22 тд, остановившись в штабе 459 сп восточнее Федковичи.

И в штабах, и в частях он нашел почти всех людей спящими — сказались как нервные потрясения прошедшего дня, так и непривычное напряжение боя. Кроме того, ввиду понятной неразберихи за сутки ни разу не выдавалась пища. Обессиленные бойцы и командиры воспользовались единственным, что им оставалось — глубоким сном.

К этому времени большинство прошедших войну с Финляндией было демобилизовано, начало войны встретили в основном малообученные красноармейцы и молодые командиры, недавние выпускники

училищ. Мирное время — строго регламентированный распорядок дня, отсутствие тренировок в многодневных непрерывных учениях с отрывом от постоянного расположения и кратковременным отдыхом — быстро дало о себе знать быстрой утомляемостьюво время военное.

А впереди была атака — на Брест, где в цитадели не просто ждали прихода *своих* — в нем фактически не сомневались.

*** * ***

…Скоро рассвет. Ощутима утренняя прохлада. Холодный дым над тлеющими развалинами кажется особо терпким. Звезды начинают бледнеть.

В этот предутренний час несколько теней метнулось с Западного острова через Тереспольский мост — засевшие в полубашне едва не открыли стрельбу — но ведь накануне на Западный ушел Потапов, может, это остатки его отряда? Винтовки не успели выстрелить — это ж наши, пограничники!

Пограничники к Кижеватову — «на Западном немцы отошли к Бугу, на острове — наши еще есть. Заканчиваются патроны…» Энергичный Кижеватов быстро принимает решение — набираем боеприпасы и, пока предутренние сумерки еще держатся, переходим на Западный. Оттуда, с его северной окраины — постараемся все же подпортить немцам переправу. С ним идут и несколько пограничников, из тех, кто вел бой у Тереспольских, большинство остается в подвалах 333 сп, куда пограничники перешли из разбитого здания погранзаставы и погранкомендатуры. В развалинах, напротив Тереспольских, остался только пулеметный расчет.

Не теряя времени, группа Кижеватова пробирается на север Западного острова. Отсюда переправу видно как на ладони… Ленты заправлены. Утреннюю тишину, нарушаемую только гулом транспорта на переправах у Буга, разорвали первые очереди.

День начался.

5.00. Тереспо́ль. КП 45-й дивизии.

Важнейшая новость — русский обстрел на некоторое время делает непроходимым 8-т мост на западной оконечности цитадели, у Jaz. Вопреки вражескому огню PiBtl.81 продолжает работы над мостом. Сразу же, как начался обстрел, другие подразделения саперного батальона проводят зачистку северной части Западного острова, быстро ликвидировавфланговый огонь по мосту.

Становится понятно, что во время отвода подразделений дивизии и далее, при начале разрушения артогнем, русским силам удается проникать снова с Цитадели в оставленные подразделениями дивизии части Западного и Южного островов. Кроме того, враг вылезает наружу и из их домов и убежищ… Неприятное положение вновь приводит «сорок пятую» к потерям.

Фактически это означает, что и Западный и Южный острова нужно прочесывать вновь.

Над Цитаделью и Северным островом вновь стоит грохот[910] — артиллерия начинает беспокоящий огонь. Первые результаты — русские начинают уходить с главного вала, пытаясь укрыться в казематах под ним. На вершине вала они практически беззащитны перед минометным огнем, не говоря уж о более серьезном оружии.

Наблюдатели на НП пехотных подразделений обмениваются мнениями — русские не успеют вновь занять позиции на гребне, при начале атаки. Похоже, несколько русских стрелков остались лишь в учебных траншеях у Восточных ворот…

Сейчас в артобстреле участвует и 2/833 — во второй половине дня 22 июня «Тор» удалось освободить

от застрявшего в казенной части снаряда. «Один» по-прежнему небоеготов — хотя снаряд и удалось извлечь с помощью установленной на полугусеничном тягаче лебедки, орудие не могло вести огонь из-за вышедшего из строя устройства электрозапала.

Однако семь снарядов, выпущенных в этот день «Тором», сделали свое дело — «Тор» наносил удар по вероятному маршруту штурмовых групп, нацеленных на деблокаду окруженных в церкви — Тереспольским воротам. Страшный удар потряс весь запад Цитадели — снаряд «Тора» ударил в полубашню у Тереспольских, разнеся ее почти до основания — не уцелел никто — те, кто не испарился при взрыве, был задавлен обломками или расплющен страшной силы взрывной волной, ударившей по всему сектору кольцевой казармы, примыкающему к полубашне…

А молот «Тора» продолжал стучать по Цитадели — рушатся уцелевшие стены здания пограничников, подвал 333 сп от близких разрывов качается в разные стороны… Чьи-то губы шепчут еще недавно запретное: «Живый в помощи Вышняго, в крови Бога Небеснаго водворится…» Кто-то, не зная молитв, просто закрыл голову руками и закрыл глаза, вжавшись в угол отсека. И вот, наконец, качнулись стены подвала, и грохот его рушащихся перекрытий заглушил крики тех, кто оставался под ними… Прямое попадание в здание! Где-то в его западной части — на участке от кабинета дежурного по части до расположения второго батальона… Подвальные перекрытия рухнули в нескольких местах, похоронив под собой и часть лазарета. Он располагался там, под клубом полка — в самом большом отсеке, где, прямо на полу, раненые лежали плотно один к другому, а под потолком у узких подвальных окон на грудах из ящиков дежурили бойцы. Сейчас оттуда неслись лишь стоны… Грохот перекрытий и взрывная волна пронеслись по всему подвалу — вероятно, именно этот снаряд «Тора» вывел из строя уже заболевшего к этому времени ангиной одного из руководителей обороны на участке 333 сп, помначштаба 333 сп, лейтенанта А. С. Санина: «Тяжелая фугасная бомба глубоко вошла в землю у стены здания, взорвалась, и взрывной волной меня отбросило к противоположной стене. Я ударился, очевидно, головой о стенку и потерял сознание»[911]. Судя по воспоминаниям, взрывная волна швырнула об стены многих бойцов — иные не пришли в себя вплоть до вечера… Тем, кто сохранил сознание, было не легче. Страх все сильнее вползал в душу, и удары снарядов становились все невыносимее… В эти минуты в подвале находился и Михаил Гуревич, один из немногих, кому накануне посчастливилось вернуться из неудачной попытки прорыва: «…Казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Кто-то достал старую ватовку, мы вытащили из нее вату и заткнули уши»[912]. А. П. Каландадзе: «У многих бойцов шла кровь из ушей и носа… Нервы выдерживалине у всех. Один из бойцов бросается к выходу… Мы хватаем его. Он кричит: „Пустите! Сейчас все рухнет!“ Он вырывается, бьет нас. Приходится вязать его ремнями»[913].

Впрочем, среди большинства бойцов в содрогающемся от взрывов подвале паники нет: «Пусть кто-то и забился в дальний угол и припал, жалкий и испуганный, к земле. Он здесь был одиноким и чужим… Стонущий, он плакал от жалости к себе, истерично выкрикивая „Я не хочу умирать!“ хотя „он“ был, конечно, не одинок: „В темных, глухих углах подвала нам приходилось натыкаться на безоружных, вдруг заболевших людишек. Их было немного, но они были“»[914].

От ударов артиллерии незаметно расползались шаткие мостки перед подвальными окнами. Впрочем, зачем они сейчас?

Противника-то не видно — лишь оглушительный грохот, дрожащие стены, наползающие в окна подвала пороховые газы. И — ожидание в страхе нового грохота. И — начинающее ощущаться зловоние. От него не скрыться, не спрятаться — солнце делает свою работу…

Удары «Карлов» сотрясали и подвалы 455 сп. Вспоминает А. Махнач: «От взрывной волны шла кровь из ушей и носа. Рот нельзя было закрывать»[915].

От прямых попаданий, по-видимому снарядов 21-см мортир, обломки стен завалили несколько

выходов из подвалов, находившихся посреди отсеков.

Наблюдающий за артналетом на сектор Тереспольских с другой стороны Буга, Лео Лозерт вспоминает: «Весь день продолжался артиллерийский обстрел. Видели несколько попаданий артиллерии особой мощности (вышеупомянутого калибра Х)»[916].

Пулеметчики Лерцера, получившие сообщение, что на острове вновь появились русские, формируют группы для прочесывания местности.

Хотя и не по своей воле, но Ганс Тойчлер, лежащий на Северном, этой ночью снова оказался практически в центре событий, под пулеметными очередями, хлеставшими над всем островом. «Ночью снова и снова взвывал страшный, казалось, желающий никогда не кончаться артиллерийский огонь, то и дело в непроницаемом мраке резко звучали выстрелы. Никогда еще я не ждал наступающего дня с более горящим нетерпением. Однако дорогое солнце поняло это по-своему, встав затем над нами так сильно, что жара увеличилась до невыносимости. Из рюкзака погибшего унтер-офицера я взял хлеб и сыр и начал занимать себя тем, чтобы получить маленькую закуску. Я поделил рационы точно так, чтобы выдержать от 4 до 5 дней, так как после всех бед я отнюдь не желал умереть еще и от голода»[917].

…Бессонная ночь, голод, неизвестность, отсутствие руководства отрицательно сказывались на боевом духе осажденных в подвале 333 сп. Так и не дождавшись необходимой медпомощи, медикаментов, начали умирать раненые. Это угнетающе действовало и на остальных. А. П. Каландадзе: «Трудно смотреть на наших товарищей — окровавленных, наспех перевязанных бинтами, которые уже почернели сверху, трудно заставить себя заговорить с ними»[918]. Уничтожение «Тором» полубашни и погранзаставы, а самое главное — то, что снаряд дошел даже до казавшегося неуязвимым подвала, — говорило о том, что, если ничего не изменится, следующий снаряд, которых наверняка много у немцев, превратит подвал 333-го в такую же братскую могилу, как и полубашню у Тереспольских.

…Как и Белый дворец, свидетелем гибели которого был старший сержант С. М. Кувалин, заведующий делопроизводством продовольственно-фуражной службы 84 сп. Кувалин был один из тех, кому накануне было поручено занять оборону в Белом дворце. Это здание имело ключевое значение — оно прикрывало разрыв в кольцевой казарме, а из-за того, что было достаточно высоким, позволяло вести огонь и по примыкающим к Мухавцу «восточным валам». Бойцы, засевшие в нем, накануне весь день вели перестрелку с немцами, занявшими «восточные валы». У них появились раненые — было лишь несколько индивидуальных пакетов, в основном перевязывались простынями и рубашками. «Чтобы как-то облегчить страдания раненых, мы их переправляли в подвал Белого дворца, где был заготовлен лед для скоропортящихся продуктов. Откапывая его, раненые утоляли нестерпимую жажду»[919]. Можно предположить, что в подвал под Белым дворцом сносили и раненых с участка обороны у Холмских ворот.

Зная расположение пищеблоков 84 сп, Кувалин с одним из бойцов пошел за продуктами — вернее, пополз: артобстрел и угроза огня из церкви не давали передвигаться днем в полный рост. Разыскав немного хлеба, бойцы поползли обратно. «Метров за 150 до своего объекта нас придавил к земле вой бомбы, летевшей с оглушающим свистом. Положив мешок с хлебом на голову, я укрылся в воронке и ждал, что будет; бомба взорвалась совсем близко. Товарища моего убило большой каменной глыбой. Выглянув из воронки, когда все стихло, я увидел, что Белый дворец весь окутан дымом. Переждав, пока он рассеется, я двинулся к зданию. Все, кто находился там, мне казалось, были убиты: бомба пробила все этажи дворца насквозь»[920].

Одновременно с возвестившими о втором дне войны разрывами на цитадели загрохотало и на востоке — в 5 утра части 4-й армии генерал-майора Коробкова перешли в наступление в направлении: 14 мк — Видомля и 28 ск — Брест.

Непосредственно на Брест от Жабинки наступает 22-я танковая дивизия — в ее составе все еще 100 танков.

6.17. 45 I.D. сообщает, что на это время убиты 18 офицеров. Город не занят противником. Захвачено примерно 1000 пленных.

7.45. После продолжавшегося уже почти 3 часа беспокоящего огня, вызывается огневой налет всей артиллерии по восточной и южной частям укрепления Центральной цитадели, однако без заметного результата. Единственным эффектом стало то, что некоторым из окруженных[921] в церкви Святого Николая удается сделать то, что так и не получалось в течение всего предыдущего дня — пробиться под защитой артогня дивизии на Западный или Южный острова[922].

Что касается Западного — тут более-менее понятно, как им удалось это сделать — разрушена погранзастава, полубашня у Тереспольских, немногие выжившие, очевидно, пережидают артобстрел в казармах. Из окон подвала 333 сп перебежки заметить трудно — скорее всего, немцы и не через ворота пробежали, а заскочили с одной стороны кольцевой, выскочив с другой, а там по мосту или дамбе — на Западный, убегая в глубь острова, надеясь не попасться под пулю пограничников. Фактически они бы все могли выскочить таким путем, но из-за дезорганизованности или боязни бросить раненых предпочли находиться в церкви.

Впрочем, и деблокада могла бы также быть проведена в этот день со стороны Тереспольских, но теперь, похоже, командование дивизии, «обжегшись на молоке, дуло на воду»: памятуя о том, сколь упорно бились русские накануне, оно решило не торопить события.

Но почему немцам удалось вырваться на Южный остров? Скорее всего, они сделали это через Холмские ворота, и главной причиной было то, что в ночь на 23 июня сектор кольцевой казармы у Холмских был оставлен.

Отчего руководитель обороны на этом участке, полковой комиссар Фомин, решил оставить Холмские и перейти в казарму 33-го инженерного полка? Называются разные причины. Например, то, что использование немцами орудий ПТО фактически не оставляло шансов на эффективную оборону. Однако, хотя их и не было на Северном, примыкающем к казарме 33-й инженерного, это не значило, что они там не появятся. Более того — если после отхода к «инженерному», немцы, пройдя через Холмские во двор Цитадели, начнут обстреливать его казарму (где тогда скопится гораздо больше людей) с обеих сторон — там начнется бойня, усугубляемая еще и жаждой и голодом (в любом случае за ночь на 23 июня, пока немцы отошли от берега Южного, надолго водой запастись нельзя).

Ответ таков — несмотря на то что именно 3-й батальон 84 сп и предназначался для обороны крепости, война началась с таких условий, что оборонять ее было немыслимо, самоубийственно. Поэтому еще во второй половине дня 22 июня, поняв, *что* началось, Фомин не колебался — нужно идти на прорыв, и как можно быстрее, сконцентрировав для этого силы в казарме 33-го инженерного[923]. Хотя время и так потеряли — немцы успели влезть на «восточные валы». Но шанс еще оставался. Поэтому, возможно, именно Фомин и приказал еще 22 июня сержанту Лерману выбить немцев из столовой 33-го инженерного — прорываться, имея у себя за спиной противника, стреляющего в упор, было бы опрометчиво. Неудача Лермана сорвала планы Фомина, но отказываться от прорыва он не собирался.

Возможно, переход начался еще днем: — «В полдень комиссар Фомин приказал нам оставить незаметно свои боевые места и перебраться в здание отдельного саперного батальона»[924].

Хотя основные силы вывели еще ночью, необходимо было какое-то время (вероятно, несколько часов) удерживать сектор у Холмских. «…Фомин приказал двумя-тремя пулеметами по возможности задержать продвижение немцев со стороны госпиталя, а все остальные защитники в это время должны

были отойти в казармы саперного батальона. [Я] установил на окне пулемет „Максим“. Среди оставшихся бойцов пулеметчиков не оказалось, поэтому мне пришлось вести огонь самому. От беспрерывной стрельбы вода в кожухе кипела. К счастью, в одном из углов мы обнаружили ведро, из которого и был залит пулемет. Через некоторое время имевшиеся в запасе ленты были расстреляны. Казармы опустели…»[925].

Уходили не только в казарму «инженерного», но и в Белый дворец — «Из группы защитников, которая находилась у ворот, ведущих на дорогу к госпиталю, сообщили, что там бои прекратились и часть людей оттуда перешла в Белый дворец… Мы обосновались в Белом дворце и в казарме саперного батальона»[926].

В то же время, оставив кольцевую казарму, необходимо было задуматься и о раненых — перевязочный пункт (называемый также «полковой лазарет») 84 сп, находился в подвале Инженерного управления (как первоначально и КП Фомина), после оставления кольцевой казармы оказывавшегося на «линии фронта», а фактически — за ней. О том, чтобы взять тяжелораненых в прорыв, речи не шло. Большинство же легкораненых находилось среди сражающихся. Тем не менее, пока немцев нет, а к прорыву еще готово не все (не выбиты немцы из столовой 33-го инженерного) — лазарет продолжает работать.

О приходе Фомина в 33-й инженерный[927] вспоминает Иван Долотов: «Утром появился какой-то человек в форме рядового, но видно было, что это командир. Около него было человека 2–3 из бывших у нас вчера утром с распоряжениямикрасноармейцев.Один из них был нацмен из кавказцев[928]. В течение дня они распоряжалисьвсем составом наших казарм и всеми дальнейшимидействиями. Потом мы узнали, что командир — полковой комиссар из 84-го полка т. Фомин. Они принесли с собой несколько станковых пулеметов, и один из них был установлен на лестничной площадке у окна со стороны Мухавца. (Лестница на второй этаж в казарму 76 ОРБ.)» Возможно, это был пулеметный расчет А. В. Жигунова: «Полковой комиссар Фомин дал нам команду занять оборону на втором этаже и оттуда вести обстрел. Мы установили пулемет Дегтярева[929] на лестнице и держали под контролем Восточный мост через реку Мухавец»[930].

Иван Долотов: «С этого дня у нас образовался как бы штаб обороны кольцевых казарм, появился командный пункт. Фомин все время находился в начале левого крыла коридора 1-го этажа, если входить во 2-е двери (2-й вход) 33-го инженерного полка. Он сидел на полу и тут же принимал донесения и отдавал распоряжения. Шумевшего и жестикулирующегоиз кавказцев (фамилию не знаю) я видел еще несколько раз около Фомина в этот день, но потом он больше не появлялся. А может, он был ранен или убит». Также Долотов замечает: «В общем, 23-го в казармах 84-го полка наши бойцы еще были и оставили казармы совсем ночью на 24-е. Может быть, там и были, конечно, отдельные маленькие группы в подвалах или комнатах, но как линия оборонительного фронта они уже не были, так как с той стороны 24-го велся сильный огонь по внутреннему фасаду нашей казармы»[931].

Тем не менее, оставив казарму у Холмских, Фомин пошел на слишком большой риск — а если немцы займут ее и, вероятно, строения внутри нее, быстрее, чем Лерман выбьет их отряд из столовой? Тогда фактически вся Цитадель окажется в западне — разобщенные на несколько секторов красноармейцы лишатся всякой надежды на прорыв, да и фактическина ведение боя.

Впрочем, время было — до ночи[932].

Лерман, вновь набравший добровольцев, начинает атаку — на сей раз при поддержке «артиллерии». Установили пушку от БА-10 у круглой уборной — наиболее близком к столовой укрытии. Открыли огонь. Но все выпущенные снаряды так и не дали результата — из-за острого угла прицела к стене казармы все они попадали в боковую стенку оконного проема[933].

Однако, видимо, 45-мм снаряды оказали воздействие — из казармы, со стороны, выходящей на Мухавец[934], выскочили несколько немцев, но практически мгновенно были убиты. Оставшиеся, измотанные двумя бессонными ночами, видимо, пали духом — после смерти их товарищей стало ясно, что прорваться не удастся, выстоять или умереть — единственное, что оставалось.

8.00. Тем временем саперы пятой роты 1-го железнодорожного саперного полка продолжают попытки зачистить вокзальный подвал. Тактика несколько изменилась — сейчас группы саперов, понимая, что, не имея подрывных зарядов, вряд ли решат задачу, отошли назад, пытаясь начать переговоры. Но высланный тогда вперед переводчик был застрелен русскими.

Лейтенант Линни, ведущий осаду подвала, отмечает необычайную толщину его стен, кроме того, для обороны подвала внутри него русские воздвигли баррикады.

Однако после гибели переводчика была предпринята новая попытка выбить русских — используя гранаты и подрывные заряды. Но удалось добиться лишь того, что те снова вернулись из восточной части в западную.

Вместе с тем русскими было решено выпустить наверх гражданских, ставших обузой, — истерики женщин, крики детей и растерянность невооруженных мужчин не прибавляли мужества защитникам подвала. Встал вопрос и о воде и продовольствии — воды не было совсем (бойцы смогли добыть ее лишь позже, сломав колено водопроводной трубы), на складе буфета — печенье, конфеты и сахар, но на тысячи человек, конечно, эти запасы не рассчитаны. Кроме того, гранаты, залетавшие в подвал, без труда находили своих жертв.

Гражданские пошли наверх. Остались только коммунисты — по предъявлению партбилета им разрешали остаться и давали оружие. И осталась Надежда, женщина, по некоторым данным, следователь Брестской прокуратуры. Она взяла на себя уход за ранеными.

Подкрепление к саперам Линни прибыло еще накануне — караул и дозорная служба в западном вокзале принимаются самокатным эскадроном (1/A.A.45) обер-лейтенанта Квизда. Она организуется во взаимодействии с саперами и соседними воинскими частями.

Решено прекратить атаки — специально выделенными группами гражданских рабочих стеклянные окна на перроне покрываются железнодорожными шпалами, выходы из подвала, охраняемые саперами, забаррикадированы.

* * *

Контрудар 4-й армии Коробкова не удался. Согласно Л. М. Сандалову, основные причины его неудачи: неравенство сил — количественное превосходство противника на направлении главного удара и качественный его перевес в танковой технике; отсутствие необходимого артиллерийского и авиационного обеспечения войск, наносивших контрудар; слабое взаимодействие частей и соединений; отсутствие надежного управления войсками во всех звеньях и слабое материально-техническое обеспечение войск[935].

«Успеху противника особенно содействовала беспрерывная поддержка авиации, при полном отсутствии действия авиации с нашей стороны...»[936] — сообщал Коробков в штаб Запфронта (донесение № 06).

Сандалов утверждает, что удары 28 ск отбросили немцев на несколько километров вдоль железной дороги на Брест. Однако сами немцы (в журналах боевых действий (КТВ) XII А.К., 31 и 34-й пехотной дивизии о каком-либо своем отходе не сообщают. Но не только — не заметили они и самого контрудара.

Например, потери 31-й дивизии за 23 июня — 1 убитый (офицер), 5 раненых, 6 заболевших. И по-прежнему «сопротивление русских — самое незначительное».

Лишь передовой отряд корпуса (фон Штольцман) в 4.50 начал бой у Кобрина. В отряде фон Штольцмана и подразделения 45-й дивизии. Но кто и кого там атакует — неясно (похоже, обе стороны начали наступать друг на друга практически одновременно).

Журнал боевых действий 4-й армии Коробкова также не говорит о каком-либо прорыве от Жабинки: «Контрнаступление успеха не имело в результате встречного боя со стороны противника (до танковой дивизии на Пружаны и до трех тд на Кобрин). Наши танковые орудия, по заявлению командиров танковых частей, не пробивают броню танков противника»[937].

После утренних боев части 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов еще больше перемешались и утратили свою боеспособность. 14 мк потерял до 75 % танков[938] (в 22 тд их осталось 67). Части 42-й и 6-й сд перепутались и управлялись В. С. Поповыми командирами дивизий весьма слабо.

Теперь впереди предстоял отход — в тех условиях дело гораздо более трудное, чем наступление.

*** * ***

8.45. 45 I.D. сообщает, что до сих пор взято около 2000 пленных.

…Неясно, почему Герхард Эткен посчитал, что утренний обстрел не принес результатов, судя по донесениям в штаб корпуса, с 6.17 количество пленных удвоилось. Скорее всего, эти 1000 человек — красноармейцы, спрятавшиеся накануне как в Бресте, так и за его пределами, в районе размещения частей дивизии. Утром 22 июня они, полуодетые, выбежали из крепости, лишенные и оружия и командиров просидели до утра в различных убежищах и теперь, группами и поодиночке, сдаются первому попавшемуся немецкому солдату.

Необходимо отметить, что для некоторых из них это предпочтительнее, чем попасться в руки многим из еще недавно считавшимися «советскими гражданами». В городе продолжается сведение счетов с представителями Советской власти — если утром 22 июня колонны уходящих из города совпартработников обстреливались с верхних этажей спонтанно, то теперь по городу группы мстителей рыщут вполне целенаправленно. Сейчас «недобиткам» уже можно не прятаться…

Однако главным итогом обстрела стало другое — воспользовавшись тем, что русские, скрываясь от него, отступили в убежища, прошел стремительный захват ударными группами главного вала почти на всем его протяжении, кроме небольшого участка у Восточных ворот. Кольцо вокруг защитников стало гораздо сильнее.

*** * ***

9.00. В Москву передается оперативная сводка штаба Западного фронта № 2: «4-я армия. К 15.00 22.6.41 г. главная группировка противника определялась в направлении Брест, Кобрин. В районе Черск (40 км южнее Бреста) сосредоточение танков противника. Армия точных данных о силе и группировке противника не имела. По решению командующего 4-й армией, армия имела задачу отходить не далее рубежа Каменец, Жабинка и с утра 23.6.41 г. атаковать противника в направлении Бреста… К 15.00 22 июня 1941… 6 сд вела бой на рубеже Черни, Ямно, 8 км восточнее Бреста. 42 сд — в р-не Ивахновичи, Саки, Рудка… Штаб армии — Запруды. В течение ночи связь с 4-й армией отсутствовала»[939].

Коробков, командарм-4, в это же время, отдает приказ № 03, на отвод войск после неудачного для них контрудара: «1. В результате встречного сражения части армии встретились с превосходящими силами

противника (танковая дивизия, две-три пехотные дивизии) и вынуждены продолжать отход на рубеж р. Мухавец для обороны в последующем на пружанском и березовском направлениях.

…3. 28 ск занять и прочно оборонять рубеж р. Мухавец от Лущики до Мухоловки.

4. В случае наступления явно превосходящих сил противника отходить по рубежам: предельный рубеж отхода — р. Ясельда»[940].

Однако к этому времени, по меньшей мере час назад, части армии уже начали отход самостоятельно, многие — слишком стремительно: «Слабо управляемые части, напуганные атаками с низких бреющих полетов ВВС противника, отходят в беспорядке, без малейших причин, не представляя собой силы, могущей парализовать действия противника. Зачинщиками паники зачастую является начсостав. Организуются отряды заграждения для задержания беглецов и транспорта… Боеприпасов в частях осталось мало…»[941]

*** * ***

9.00. Тересполь. КП 45-й дивизии.

К этому времени приходит сообщение, что дивизии должен придаваться агитационный автомобиль роты пропаганды. Главное, что сейчас волнует и Шлипера, и всех на КП, — это то, что в течение дня вновь невозможно деблокировать окруженных внутри Цитадели солдат III/135 и PiBtl.81. Их страдания все усиливаются, и это ужасает! На вторую половину дня вновь намечен обстрел Цитадели, причем церковь[942] должна оставляться по возможности вне зоны обстрела. «Сорок пятая» рассчитывает, что при случае окруженные смогут за ночь ускользнуть.

11.30. В дивизию прибывает небольшая машина пропаганды (динамик).

Гауптман Герштмайер (III/133) на восточной окраине Северного острова добивается успеха более традиционными методами — после отправки парламентера капитулировали более 100 русских. Там же, на востоке Северного (непосредственно севернее Мухавца), батальон Герштмайера приданным противотанковым орудием уничтожил 2 закопанных броневика[943].

12.00. Кюлвайн, ведущий зачистку Южного, сообщает на КП дивизии, что на острове положение критическое; без бронетехники не приблизиться к русским отдельным стрелкам. Дивизия пытается получить бронеавтомобиль[944], что тем не менее не удается. Со штабом корпуса нет никакой связи, так как его оперативный отдел переезжает.

Начинается склонение русских к капитуляции, используя динамик. Сначала, по крайней мере, на Западном острове и на участке 333 сп оно не дало ощутимых результатов. Лео Лозерт: «В полдень динамиком роты пропаганды делалось предложение о сдаче в плен. Сначала без успеха. Вышли из цитадели и дошли до острова по отдельности и в группах только 7 русских. Ic пошел вперед и, дойдя вплоть до моста, принял их. Внезапно за живой изгородью появился русский, вооруженный пулеметом. Я не выстрелил, он сдался и объяснил мне, что оставшиеся в крепости не сдадутся, а продолжат борьбу»[945].

Призыв динамика агитмашины был хорошо слышен в корпусе № 5 ДНС — они находились почти рядом. Все безнадежно — плен был неизбежен. Срок выхода к немецким позициям, объявленный динамиком, —через полчаса.

Полчаса… Теперь не было приказов — каждый принимал свое решение. Двое командиров застрелились.

«Мы выходим…» — капитан Шабловский был очень взволнован. Спустились с чердака вниз к

женщинам. Владимир Васильевич взял на руки маленькую Светланку, поцеловал и вернул жене.

Солдаты и офицеры «сто тридцать пятого» увидели, как из дома № 5 потянулась цепочка людей — сначала военные, потом женщины с детьми. Бледный и мрачный, опустив голову, капитан Шабловский шел впереди. Он уже принял *решение.*

М. Н. Гаврилкин: «Окружили, показали, куда идти. По всей крепости затишье. Вывели на вал. Нас посадили, а женщин с детьми спустили вниз, к берегу канавы. Подходили автоматчики, срывали знаки различия. Потом семьи оставили, а нас спустили с вала и повели цепочкой, Шабловский шел впереди. Подошли к мостику, глубина прим. 1,5 м, здесь канава впадает в пруд. Мостик дощатый, без перил. Шабловский крикнул „за мной!“ и бросился в воду. Было движение броситься за ним, но автоматчики отсекли. В него стреляли. Место неглубокое, на полметра воды, видна была его гимнастерка, кровь»[946].

Австрийские солдаты немецкой армии, видящие это, они, мужчины Запада — Линца, Вельса, Рида, Гмундена и Браунау все больше понимали Восток. Здесь часто не ждут пощады — и почти никогда ее не дают. Это второй день войны — а что там, на просторах походов последующих недель?

Несмотря на то что пленные то и дело подходят, Йон отмечал: «Вряд ли кто-либо из русских задумывался о сдаче. Они смело сражались до последнего человека». Об этом же свидетельствует и сапер Хайнц Клюгер: «Крепость в Брест-Литовске — фантастика, да? Те, кто там сражались — они так и не сдались. Вопрос заключался не в победе — они были коммунистами, обязанными стоять насмерть. И особенно перед нами — мы же были для них фашистами! Это было нечто… Несколько пленных все же было взято, но остальные сражались до конца»[947].

…Из-за валов Восточного форта начинают выбегать лошади — защитники решили выпустить их, кормить (и тем более поить) нечем.

12.00. Штурмовая группа зенитчиков в тот день так и не вела боя. Лейтенант Энгельхардт, прибыв к Йону на КП полка и, доложив обстановку как успешно решивший поставленные полком задачи, был отпущен к батарее.

Потерь в личном составе и матчасти за время боевых действий у зенитчиков не было. Оценивая работу расчетов, Энгельхардт подчеркивает, что оба они отличались спокойными и бесстрашными действиями. Хотя для некоторых зенитчиков этот бой был первым, их поведение было безупречно, так что задача была успешно выполнена.

12.30. Докладывает обстановку разведбатальон фон Паннвица. Солдаты заняты обеспечением безопасности и охраной в Брест-Литовске, ведут принятие склада и запасов. Дальнейшие планы — по указанию Гиппа.

В штаб корпуса уходит промежуточный отчет за 23 июня: «До полудня — беспокоящий огонь и пристрелка артиллерии по центру крепости. Вследствие необходимого из-за этого отвода сил и создания зон безопасности русским удалось с меньшими силами снова закрепиться на Южном и Западном островах. Валы Северного острова заняты. Центр крепости еще в руках русских. После полудня перенос КП дивизии в Брест-Литовск еще только планируется. По-прежнему проявляется наше превосходство в воздухе»[948].

14. 00. На основе донесений, поступивших из дивизий, штаб корпуса делает дневное донесение в Pz.Gr.2:

1) Трудные подготовительные работы на полностью забитых улицах, особенно у правой дивизии, где мост у Бульково, находившийся уже в собственных руках, был потом разрушен.

45 I.D. нацелена на дальнейшую зачистку цитадели Бреста.

Достигнутый рубеж: Передовой отряд корпуса к 8.30, после сражения, — Кобрин, 34 и 31-я дивизии

Шиповичи — Ластовки.

Намерение: продолжение преследования.

Воздушная обстановка: до отчетного периода никакого соприкосновения с русскими самолетами[949]**.**

14.00. На КП дивизии прибывает еще одна радиоагитмашина, с большей дальностью слышимости речи. После подготовки пропагандистского текста и утверждения его Шлипером обе машины будут отправлены в полосу I.R.135. (Руководство ими поручено Ic дивизии, барону фон Рюлингу.)

В итоге подготовлено и утверждено следующее обращение[950] **к окруженным в цитадели Бреста: «Товарищи! Осажденные в цитадели Брест-Литовска! Внимание! Внимание!**

Немецкое командование обращается к вам последний раз и призывает вас, чтобы вы безоговорочно сдались. Ваше положение безнадежно. Не проливайте бесполезно вашу кровь, так как выход из осады невозможен. От остальных вы отрезаны. Более 100 километров отделяют вас от них. Ваши войска в спешке отходят, несколько воинских частей убегают. Для вашего деблокированияникто не прибудет.

Товарищи! Сегодня, 23 июня 1941-го, установленное начало бомбардировки цитадели —…. часов московского времени.

Все же по причинам человечности немецкое командование отложило бомбардировку до… часов, чтобы спасти вашу жизнь и однажды возвратить вас вашим семьям и вашей родине целыми и невредимыми.

Товарищи! Командиры[951] **и солдаты! Бойцы!**

Вы дрались почетно — в соответствии с этим будут обращаться с вами. Вам дают один час времени на размышление.

Если 23.6 в час московского времени вы не сдадитесь, ваша судьба решена.

Красные воины! Посылайте парламентеров! Кладите оружие! Дальнейшее сопротивление и кровопролитие бесцельно. Проявите сочувствие к вам самим и вашим семьям!»

В это время новое сообщение из Бреста потрясло КП дивизии — примерно в 14.00 при взрыве русского поезда с боеприпасами (у путепровода на западной окраине Бреста) тяжело ранен командир PzJgAbt.45 оберст-лейтенант Цан. Его едва успели доставить на дивизионный медицинский пункт — где Цан, один из старейших ветеранов дивизии и участник всех ее походов, и скончался.

Ситуация[952] **у Йона, блокировавшего Северный остров, достаточно спокойная. Как и ранее, полк занимает позиции, объявленные во вчерашнем донесении, а именно: справа — усиленный II/135 по внешнему валу Северного острова от Буга к дороге форт Граф Берг — Северный остров, охраняя мост одновременно с 81-м саперным батальоном. Слева — усиленный I/I.R.135 до дороги от Северного моста к северному краю острова**[953]**. 9/135 (резерв полка) в районе 46, слева 7 (линия кодирования по карте 1:25 000). Во второй половине дня намечено прочесывание 9/I.R.135 местности между дорогой форт «Граф Берг» — Северным мостом — железнодорожнойлинией — берегом Буга на наличие партизан.**

Охрана железнодорожного моста ведется 1-м взводом 14-й (противотанковой) I.R.135, усиленным саперным взводом I.R.135.

С 14.30 в район КП Йона выведены для отдыха остатки 10, 11-й рот и штаб III/I.R.135 в количестве 100 человек. Пока они не могут быть задействованы. Незначительныечасти 3-го батальона (по мнению Йона — около 10 человек), в том числе несколько раненых, все еще в центре крепости. Ближайшие цели полка — оборона Северного острова.

Состояние вражеских войск не изменилось. Как и ранее, противник ожесточенно сражается прежними методами, сразу вновь заняв зачищенные вчера территории. В центре крепости (а после отвода войск, возможно, и на Северном острове), находятся русские танки. В квадрате 47.6, слева 3.3 (линия кодирования по карте 1:25 000) лежит штурмовое орудие, оставшееся от вчерашнего предприятия, неспособное передвигаться. Находится ли еще там экипаж, неизвестно.

Йон на основании сообщений, поступивших из Бреста, о том, что вражеские части в штатском обстреливают из пистолетов, пулеметов и винтовок небольшие отряды, повозки, огневые позиции, считает, что необходим вывоз всех пленных и гражданских руководителей, замечая, что использование военнопленных как рабочей силы нецелесообразно: отдельные из них снова сбегают и партизанят.

«Потери противника и трофеи еще нельзя оценить. Количество военнопленных невелико», — отмечает Йон.

...Для «сто тридцать третьего» этот день стал знакомством с «суровыми буднями Восточного фронта». Хотя полк (кроме пулеметчиков, действующих еще с утра) вступил в бой еще 22 июня, но лишь сегодня, 23-го, его бой стал действительно серьезным — как и потери. Адъютант I.R.133, обер-лейтенант Дедекинд, отправляет с КП полка (перекресток 1200 м к юго-востоку от Тересполя) промежуточное донесение[954]: «Из-за отвода II и I батальонов на Южном и Западном (соотв.) островах для запланированного на 5.00 огневого налета русским удалось обосноваться там снова с более слабыми силами. Поэтому батальоны снова находятся под сильным пулеметным и ружейно-пулеметным огнем, после того как вчера вечером острова были уже абсолютно не заняты противником. Полк предотвратит тем не менее любую попытку противника прорваться или вырваться из окружения».

...Хотя через Тереспольские уже вышли первые сдающиеся, в обратном направлении его пересекли и другие, капитулировать не собиравшиеся — лейтенант Кижеватов с несколькими людьми вернулся, пройдя вдоль насыпи и далее — по дамбе к Тереспольским, опять в подвал 333 сп. Цитадель продолжает содрогаться от редких разрывов снарядов тяжелой артиллерии — именно поэтому от моста отведены блокирующие ее с запада подразделения Кюлвайна. Именно поэтому с Западного еще можно вырваться в «тыл» — на грохочущий разрывами Центральный.

Пусть Кижеватову и удалось замедлить переправу (а это — неплохой результат), все же немцы возобновили ее. Не собираясь отступать, Кижеватов, используя отход немцев от восточного берега, решил вновь, запасшись боеприпасами, повторить обстрел переправы.

К этому моменту пограничниками, оставшимися на острове, занявшими оборону вдоль вала на Буге, с опорой на дот севернее пкт 242 (скорее всего, это были дот «2» или «3» (см. схему дот) продолжал командовать один из командиров окружных курсов (школы) шоферов Белорусского погранокруга — лейтенант А. П. Жданов. Несмотря на многочисленные «прочесывания»[955] острова батальоном Фрайтага, они продолжали держаться, обстреливая как мост, так и расположенные на острове подразделения I.R.133 — и ждали Кижеватова с боеприпасами.

...И после полудня артиллерией дивизии постоянно ведется точно пристрелянная, наблюдаемая стрельба на разрушение укреплений Центральной цитадели. Тем временем мучающиеся от жажды бойцы БГ[956] Фомина продолжают атаки на столовую 33-го инженерного, под командой все того же сержанта Лермана. Он атакует теперь со стороны Мухавца — прикрыть его приказано трем сержантам — Долотову, Якимову (третий — неизвестен) и одному из красноармейцев. Наиболее удобное место для ведения огня вдоль всей стены казарм, прикрывая Лермана как справа (от огня с восточных валов), так и слева (от валов пкт 143) — из входа в подвал котельного отделения.

Вчетвером бойцы проникли туда через окно — колодец с внутренней стороны казармы. У

красноармейца — ППД, Долотов с ручным пулеметом Дегтярева. «Внутри подвала у окна стоял верстак и 2 котла для водяного отопления. На верхних ступеньках лестницы поставили автоматчика и Якимова с гранатами и винтовкой, мы с другим сержантом, приподняв одну из железных дверей люка, установили пулемет в сторону валов.

Как сейчас помню, положение было у пулемета неудобное из-за крутого ската люка»[957].

Лерману не удалось и в этот раз ворваться в столовую — огонь пулемета Долотова вряд ли смог подавить огонь с обеих сторон от казармы 33-го инженерного. Ему стало ясно, что такие атаки ни к чему не приведут — было предложено другое решение: из коридора первого подъезда (ведущего на второй этаж, в штаб полка) найденными тут же инженерными инструментами продолбить отверстие в кухню, через которое туда и пролезть. Тогда штурмовая группа была бы защищена от огня с обеих сторон казармы — валов и церкви. Чтобы немцы не перестреляли ворвавшихся в кухню (именно она прилегала к пролому), ее нужно было очистить от них. Это решили сделать, пробив дыру в потолке над кухней (в помещении штаба 33-го инженерного). После этого — забросать дыру гранатами, и когда немцы отойдут — ворваться туда и уничтожить их.

Работа тотчас закипела — находящиеся в столовой с тоской и тревогой прислушивались к ударам по стене и с потолка — неистовые русские не собирались отступать, пока не принесут им смерть. В это время в подвале столовой, загнанные туда немцами, находились кухонный наряд и 2–3 женщины (вероятно, укрывшиеся в помещении столовой жены комсостава). Та же ситуация была и в церкви, где к концу ее осады русских пленных было едва ли не больше, чем немцев. Интересно, что ни в столовой, ни в церкви, несмотря на безвыходную ситуацию, «решать проблему пленных» радикальными методами никто не стал.

Неудачная атака Лермана имела и положительные последствия — в двух котлах котельной обнаружили воду — вкусную, свежую. Уже через полчаса она ведрами поднималась на первый этаж через пробитое в полу отверстие. В первую очередь водой обеспечили заправку пулеметов, а также раненых, женщин и детей, размещавшихся в подвале.

…Дневное донесение I.R.130 не содержало ничего существенного — до полудня в полосе полка не произошло каких-либо особых событий. Подразделения «панцирягеров» 45-го дивизиона несли охрану Бреста с севера, в воздухе — по-прежнему яростная борьба, но чувствуется превосходство германской авиации. Прочесывая местность, полку, помимо уже взятых пленных, удалось захватить и новых — 13 солдат, офицера и крещеного еврея. Другие трофеи: на направлении Брест — Барановичи, примерно в 1 км северо-восточнее выс. 138, 9–2,15-см русских мортиры[958].

15.45 сообщение 45 I.D.: В первой половине дня артиллерия ведет беспокоящий огонь и огонь на разрушение по укреплениям Центральной цитадели. Вследствие чего возникла необходимость частичного отхода с позиций (в безопасные зоны). Поэтому русскому удалось вновь обосноваться на Западном острове. Валы Северного заняты собственными подразделениями. Укрепление Центральной цитадели еще в руках русских.

Во второй половине дня планируется перенесение КП дивизии в Брест.

16.30. Тересполь. КП 45-й дивизии. Армин Деттмер передает телефонограмму командующему авиацией А.О.К.4, заявляя о необходимости объявить воздушное пространство над Брест-Литовском запретной зоной для полетов авиации. Это связано с тем, что Цитадель Брест-Литовска 23 июня и, вероятно, 24 июня находится под обстрелом тяжелых мортир. Отсрочка обстрела до 24.6 невозможна. Позиции мортирных батарей — к западу, легкой артиллерии — к востоку от Брест-Литовска. Части ВВС, расположенные у Бреста, дивизия может уведомить самостоятельно.

17.00. На Цитадели бушует огненный шквал — вся артиллерия проводит налет повышенной

мощности. Вновь, как и утром, качает стены 333, кольцевой казармы 44, 455-го полков и БГ Фомина. Бойцы Лермана продолжают долбить стену, блокированные в церкви с волнением ждут, что после артналета последует атака. Но вместо этого — вновь заговорили динамики агитмашин[959].

Некоторое количество русских на всех участках цитадели удается побудить к сдаче в плен. Многочисленные поступающие от подразделений, блокирующих Цитадель, сообщения о переговорах о сдаче в плен и капитуляции целых подразделений, а далее и допросы пленных создают у офицеров «сорок пятой» впечатление, что боевой дух гарнизона отчетливо ослаблен.

Итак, что происходит на Цитадели?

Сектор у Холмских еще занимает несколько стрелков и пулеметчиков. Немцы все еще не решаются атаковать его — нет приказа. Да и оставшиеся у Холмских редкой перестрелкой поддерживают видимость того, что казармы по-прежнему обороняются.

Но здесь надо сказать и о том, что у Фомина была и иная причина покинуть казармы — разложение дисциплины среди их защитников. Возможно, во многом под влиянием которой он и принял решение о скорейшем прорыве из Цитадели.

Некие *события* произошли с бойцами 84 сп именно у Холмских, еще в первый же день — ибо ни о каких инцидентах у Трехарочных пунктуальный Долотов не упоминает. Однако об *инцидентах* у Холмских упоминает Филь — «подлая часть, самая малая из числа проходивших 45-дневный сбор „западников“… еще 22.06 выбрасывали белые простыни в окна, но были частью уничтожены»[960]. Об этом («враждебность некоторой, подлой части поляков к нашим военнослужащим») Филь обещал написать подробнее. Возможно, и написал. Фомин (да и другие — недаром Долотов находящихся возле Фомина, явно командиров, называет красноармейцами) надел красноармейскую гимнастерку, опасаясь выстрелов не столько со стороны врага с Южного, сколько от врагов, оказавшихся повсюду. В некоторых воспоминаниях враги называются немцами, переодетыми в «красноармейскую форму», а иначе писать было нельзя в «старое доброе время». Однако хотя люди, начавшие стрелять в Фомина и других командиров и комиссаров, действительно носили красноармейскую форму, но это были отнюдь не немцы, а прежде всего бойцы приписного состава, практически — гражданские, большинство — бывшие солдаты польской армии, проходившие «учебные сборы».

Итак, пытавшихся сдаться[961] «западников» уничтожили не всех, а — «частью». Возможно, что оставшаяся часть во многом и вынудила отойти Фомина — возможно, и не оружием, а отказом от борьбы, что ослабило участок обороны. Однако «западники», оставшиеся у Холмских, не сдались ни 23, ни 24 — или же их число было столь незначительным, что II/I.R.133 (Эггелинг) никак не упомянул об этом в своих донесениях. Эггелингу, продолжающему «охоту за тенями» на Южном, было не до Холмских — на острове, периодически объявляемом взятым, жестокий бой все еще продолжается.

Возможно, «западники» покинули крепость через Тереспольские ворота. Там, в подвале 333 сп, в это время события развивались по не менее жесткому варианту. Обе стороны — и решившие сдаваться, и не собирающиеся этого делать — быстро исчерпав все аргументы, прибегли к «последнему доводу».

Мл. военфельдшер А. К. Леонтьев, находившийся в подвале 333 сп, свидетельствует: «С первых дней войны поляки — средних лет, взятые на 3-месячную переподготовку, находившиеся в нашей части, пытались сдаться, сеяли панику и страх… Однажды поляки и часть наших пытались сдаться, начали выходить на плац. Мы дали огонь с левого крыла и центра. [Они] вернулись назад»[962].

Несколько иначе поступил А. М. Кижеватов. «Группа защитников, человек 5–7, направилась в сторону острова. Кижеватов хотел их расстрелять, но передумал. Сказал: „Зачем тратить патроны на своих? Пусть их расстреляют немцы“»[963].

Но от открытия огня по двум немецким солдатам, пытающимся подобрать брошенное сдающимися оружие, бойцы не удержались: «А вот это, гады, не трогайте! Не ваше!» Выстрелы грохнули необычно громко, среди уже начавшей было устанавливаться тишины — и те двое грузно рухнули прямо на оружие…

«Первыми сдавались в плен переодетые немецкие диверсанты», — пишет С. Т. Бобренок, мл. сержант 3-й комендатуры 17-го Краснознаменного пограничного отряда[964]. В подвале 333 сп, где находился Бобренок, противостояние быстро достигло крайней степени — несколько человек выступали за сдачу в плен особенно энергично, призывали выходить и других — в ответ на попытку пресечь их действия открыли огонь… Говоря об этом, Бобренок уже не пишет о «переодетых диверсантах», скорее об обострившихся классовых противоречиях: «Это его отец рубил топором моего отца, когда тот выгребал из навозных кулацких ям хлеб для умирающих с голоду детей. Это он, кулацкий выродок, годами таил свою злобу и в трудный час стрелял в спины моих товарищей, здесь, в крепости Брестской»[965].

Паникеров удалось обезоружить и расстрелять — решающую роль в этом сыграли пограничники.

Тем не менее, несмотря на крушение обороны, Кижеватов не собирается отказываться от плана по срыву немцам переправы. Сжав зубы, не обращая внимания на начавшийся развал, он, запасшись патронами, с несколькими пограничниками готовится уйти знакомой тропой — через дамбу на Запальный, а там вдоль берега, под защитой насыпи — на север острова. Здесь, на Цитадели, уже ничего не добьешься — немцы вот-вот войдут, либо через оставленные позиции у Холмских, либо через разгромленные — у Тереспольских.

Пока немцы прекратили артогонь, принимая пленных, и не вышли вновь к восточному берегу Западного — надо идти. И Кижеватов уходит.

…Сдающиеся в плен покидали Цитадель тремя маршрутами — основными из них были Бригидские и Трехарочные ворота. Многие вышли и через Тереспольские, хотя сейчас, днем, решительные действия пограничников и поубавили их поток. Выходящие через Бригидские (там их садили в резиновые лодки и переправляли через Мухавец) складывали оружие в полосе II/I.R.135, Трехарочные — I/I.R.135, где-то там, среди кустарника, верб и тополей с сорванной обстрелами листвой немцы и поставили агитмашины.

В тот день «переодетые диверсанты» ранили и А. И. Махнача — он выполз на плац и «начал пристреливать новый ППД… Вдруг почувствовал, что словно электротоком пронзило мне левую ногу. Превозмогая сильную боль, оглянулся. За мной с пистолетом в руках лежал какой-то боец. Только я хотел спросить у него, кто мог со стороны наших казарм стрелять, как он опять открыл по мне огонь. Не целясь, я выпустил по нему целый диск. Выяснилось, что это был переодетый в красноармейскую форму немецкий унтер-офицер»[966]. На участке 455 сп «переодетые» убили старшину Попова, кроме того — бросили гранату под ноги группы командиров, и лишь благодаря быстрой реакции заместителя политрука Александра Смирнова она не взорвалась. Однако политруку П. П. Кошкарову повезло меньше — гранатой, брошенной «фашистами, проникшими в наши казармы», он был ранен, убито трое бойцов. Кошкаров свидетельствует, что враги, оказавшиеся в казармах 455 сп, стреляли из-за угла в красноармейцев, но особенно выслеживали командиров[967].

В секторе 44 сп агитация роты пропаганды также нашла отклик — хотя большинство бойцов решили продолжать сражаться, «нашлись и слабонервные. Некоторые старались переплыть Мухавец и сдаться в плен немцам, но все они находили приют на дне Мухавца; с некоторыми приходилось расправляться внутри крепости»[968]. «Если бы гитлеровцы не трусили и предприняли штурм западной части казарм в том духе, как это было в первые дни осады, они нас всех без труда перебили бы. Но фашисты преувеличивали наши силы и способности к сопротивлению, по-видимому, имели столько потерь, что на новые не решались», — справедливо подмечает А. Н. Бессонов[969].

Несмотря на тяжелое положение, большинство из защитников о сдаче и не думали, напротив — А. И. Махнач: «В это время проходило южнее крепости до полка наших самолетов. Это вселило в нас уверенность в нашей близкой победе»[970], о вере в победу свидетельствует и Иван Долотов: «…О сдаче не было даже мысли; на севере за валами, идущими вдоль Мухавца, все время слышалась ожесточенная пулеметная и винтовочная стрельба вперемешку с артиллерийской и мы были уверены, что из Бреста к нам прорываются наши войска и что бой идет где-то уже у главных ворот»[971].

Говоря о капитуляции 23 июня, нужно заметить, что при желании продолжающие оборону защитники могли бы без особого труда покосить пулеметами тех, кто пытался сдаться. Идти в плен предстояло по открытым пространствам. Однако этого не произошло.

Есть два варианта объяснения: 1) Не так-то легко стрелять в бывших товарищей, пусть это требует и командир. Но вспоминать о том, что не стрелял — нельзя, гуманизм противоречит суровым законам войны. Возможно, абзацы о расстрелах сдающихся вписаны уже с требованиями послевоенной обстановки. По крайней мере, в немецких донесениях говорится лишь о том, что «комиссары препятствуют сдаче с оружием в руках», но не о расстрелах сдающихся в спину или междоусобице в подвалах; 2) 22 июня, когда о долгой осаде и не думалось, патроны расходовались так щедро, что 23 июня проблема боеприпасов обострилась настолько, что лишнего выстрела старались не делать.

Тем временем последние защитники оставили Холмские ворота — С. М. Кувалин, в это время находящийся у пулемета на развалинах Белого дворца, вспоминал: «Мимо меня пробежали человек пять бойцов, среди них оказался Сергей Волков, он учился в оружейной мастерской, я спросил его: „Куда бежите?“ Он ответил, что штаб 84-го стрелкового полка заняли немцы… Оставшись один, я переполз в ту часть здания на берегу реки Мухавец, где обороной руководил старшина В. Э. Меер; здесь было человек 50 бойцов. От них я узнал, что все это здание занимают наши, здесь находится штаб обороны, которым руководит Фомин»[972].

Еще раньше, около 16–17 часов, начал рваться склад боеприпасов в казармах 84-го полка. Взрывы пачками вперемешку с одиночными выстрелами продолжались несколько часов.

18.00. Солдаты Квизда, блокирующие вместе с саперами подвал Брестского вокзала, начинают прочесывание привокзальной территории. Результат не очень впечатляющ: кроме нескольких единиц огнестрельного оружия, ничего не найдено.

18.15. Грохот рвущихся на горящем складе 84 сп боеприпасов заглушили разрывы тяжелой артиллерии — начался новый артналет по Цитадели.

18.30. Русские начинают выбегать из Цитадели, сдаваясь в плен.

18.47. Русские возобновили огонь (сообщение от I.R.133).

18.55. Обстрел закончен. Вновь из громкоговорителей раздаются призывы к сдаче в плен. Часть защитников продолжают выходить, складывая оружие на Северном острове. Йон, на основании их допросов, делает вывод, что гарнизон проявляет отчетливое желание сдаться, но, по словам перебежчиков, комиссары ему в этом препятствуют. Решено назначить новый срок сдачи — до 20 часов 30 минут. Впрочем, русских выходит столь много, что, возможно, новый обстрел и не потребуется?

Во время, очевидно, господствующей в цитадели неразберихи нескольким немецким солдатам вновь удается пробиться из укрепления Центральной цитадели, что оценивается как дополнительное подтверждение впечатления о том, что боевой дух русского гарнизона отчетливо ослаблен.

Их выход, очевидно вместе с пленными, наблюдал и Лео Лозерт: «Выходили еще и остатки I.R.135, и раненые»[973].

19.00. Гауптман Галль (командир 21-см мортирного дивизиона) подтверждает, что русский возобновил стрельбу.

…В это время, к 19 часам Лерман закончил подготовку к штурму столовой[974]. Продолбили стену между кухней и коридором первого подъезда. К группе курсантов полковой школы 44 сп, где находился Ф. Е. Забирко, подошел командир и предложил: «Желающие выбить немцев, пошли за мной». 6–7 курсантов последовали за ним. Всего для штурма столовой набралось 10–12 человек. С гранатами и пистолетами они спустились по лестнице на нижний этаж, и встали перед почти готовым отверстием в кухню.

Другая группа, поместив две связки гранат в пробитые в полу штаба отверстия, над кухней, забросав их матрасами, взорвала их — пробив потолок над кухней. Сразу же в образовавшееся отверстие полетели гранаты, почти одновременно мощные взмахи кирок доломали стены, и в кухню, предварительно бросив гранаты в пролом, ворвались бойцы[975].

Иссеченная осколками кухня была пуста — возле котлов стоял ящик с жиром; видимо, в ночь на 22 июня повар еще не успел заправить суп.

Пройдя из кухни в раздаточный цех, бойцы увидели в стороне дверь, ведущую, очевидно, в кладовую. Оттуда послышался шорох — бойцы насторожились. На оклик и требование выходить никто не отозвался. Стало ясно, что там спрятались немцы — одна за другой в кладовую полетело несколько гранат. Спустя минуту раздался женский голос: «Выходят». Из кладовой показалось трое немцев с поднятыми руками, осыпанные штукатуркой, и женщина с мальчиком 3–4 лет на руках. Кто-то из бойцов взял у нее ребенка, и тот доверчиво прижался к нему. Женщину, еще не оправившуюся от переживаний, под руку отвели к своим.

Однако оказалось, что оставшиеся немцы спрятались в подвале под столовой, там же — две женщины и кухонный наряд, захваченный немцами в плен еще утром 22 июня. Выбить их решили, закидав гранатами через подвальные окна. Н. М. Морозов: «Путь к подвальным окнам был труден, так как ползти надо было по открытой местности. Нам выдали всего по четыре гранаты. Мы по-пластунски стали добираться до своей цели. Оказавшись у окна, я бросил туда одну гранату. Она взорвалась. В это время Горбачев переполз на другую сторону окна. Бросили еще по одной гранате, как вдруг после взрыва мы услышали женский голос:

— Не бросайте больше! Немцы сдаются!

Тогда мы сказали той женщине, чтобы немцы раздевались до белья и по одному выползали в окно. Смотрим — правда, стали немцы один за другим шесть человек вылезать в окно в одном белье. Мы спросили женщину, есть ли еще? Она ответила, что нет, осталось двое убитых»[976].

Вероятно, эти 9–11 немцев в столовой были сломлены почти двухдневным боем — это и облегчило задачу обновленной уже не раз группе Лермана. Пленных, обыскав, под охраной доставили для допроса на второй этаж, где лежал некий раненый лейтенант, прибывший лишь накануне войны из военного училища, знавший немецкий язык. Он-то и проводил допрос. После его завершения немцев заперли в каптерке под лестницей.

В освобожденной кухне красноармейцы добыли некоторые продукты — сахар, хлеб, сырую картошку и овощи.

19.12. Тересполь. КП 45-й дивизии

Штабу корпуса радируют[977] о начале капитуляции гарнизона под влиянием огня артиллерии и действия пропаганды: «Крепость Брест-Литовск с 18.30 под воздействием артиллерийского огня начинает

капитулировать.Заблокированныенемецкиесолдатыосвобождены».

Полкампередаютсяусловия ведения переговоров и принятия сдачи в плен.

19.45. Звонок в «сорок пятую»: русские начинают капитулировать целыми подразделениями.

Отдельные переплывают через Буг (воздействие пропаганды планируется повторить и завтра).

19.45. Чтобы выяснить размеры капитуляции «советов», фриц Шлипер и Армин Деттмер выезжают к I.R.135. Однако в это время поступают несколько сообщений, которые дают понять, что некоторые части русских продолжатборьбу.

20.00. Наступает время сдачи итоговых донесений за день. Первым отчитывается Йон[978] (по-видимому,донесение ушло за несколько минут до того, как на его КП прибыли Деттмер и Шлипер): «Полк держится на ранее заявленной территории. Противник продолжает сражаться прежними методами. Ближайшиезадачи — взятие Цитадели. О потерях доложить нельзя, т. к. вследствие многочисленныхбоев многих подразделений никто не может сообщить о действительных потерях. Это можно будет выяснить только на основании поименныхсписков».

Вместо Цана итоговое донесение PzJgAbt 45 подает командир 3/PzJgAbt 45 обер-лейтенант Ветцель, поддерживающийпехотинцев Герштмайера: «Рота, находящаяся на позиции для защиты стрелков, могла эффективно поддерживать пехоту обстрелом многочисленныхстрелков на дереве взрывными гранатами, особенно на востоке цитадели. Были уничтожены разведывательныйбронеавтомобиль[979] и 3 вражеских противотанковыхорудия. Потери: командир дивизиона, 1 офицер, 3 унтер-офицера и рядовых. КП PzJgAbt 45 — как и ранее»[980].

20.15. С КП Гиппа (улица Карла Маркса) итоговое донесение диктуется по телефону. Судя по нему, день для полка не насыщен событиями: «В подчинение полку для обороны Бреста был переведен PzJgAbt 45. КП II/I.R.130 — Московская улица, 64, 1-й этаж, КП III/I.R.130 — Московская улица, напротив Южной церкви»[981].

20.30. К вечеру рота Лерцера снова заняла позицию справа от Тереспольского моста. Вскоре заканчивался срок сдачи, после которого предстоял новый обстрел Цитадели. Лео Лозерт со своим отделением находился непосредственно у моста — принимал пленных, указывал пулеметчикам их позиции. Подошедшему командиру Лозерт сообщил, что «немецкий раненый, который не может идти, лежит у вражеского предмостного укрепления, запросил у командира разрешение вынести его, так как он был бы потерян в начинающемсячерез 10 минут артиллерийскомогне. Затем, получив разрешение, сразу же двинулся беглым шагом 800 м к мосту. Там снова сдались несколько русских, в том числе и комиссар. Я заставил двух помочь мне в переноске раненого. Сначала комиссар не хотел идти передо мной. Он был грузином и говорил по-немецки[982]. Мы ставим раненого на мой карабин и быстрым шагом, еще в течение 10 минут достигаем нашего предмостного укрепления, оказавшись вне сконцентрированного артиллерийскогоогня. Все получилосьотлично. Я ушел в наше расположение»[983].

20.40. Начинается новый огневой налет на Цитадель.

21.00. Деттмером подготовлено итоговое суточное донесение. Сразу же оно уходит[984] в штаб корпуса. В эти минуты, учитывая, что задень взято 1900 пленных, в дивизии господствует впечатление, что завтра, после нового сильного артналета, удастся взять еще не занятые части цитадели с самыми незначительными потерями. Хотя донесение носит оптимистический характер, в нем подчеркивается, что именно из-за событий предвечернего времени перенесение КП дивизии не состоялось: «1. Во второй половине дня, точно пристрелянный и тщательно подготовленный, наблюдаемый артиллерийский огонь, постепенно увеличивающийся и (примерно в 17.00) увенчавшийся сильнейшим огневым налетом, отчетливо ослабил боевой дух русских. Поначалу проводимая после огневого налета акция пропаганды

подвижной звуковещательной станцией влекла за собой переход нескольких русских. Число перебежчиков[985], особенно в полосе I.R.135, растет, в то время как в полосе I.R.133 призыв был хуже слышен и поэтому исполнялся меньше. К 22.00 ч. подвижная звуковещательная станция назначалась и для полосы I.R.133. 2. Северный остров окружен по внешнему валу[986], Западный — во владении I.R.133, Южный еще необходимо зачистить от отдельных настойчивых стрелков. Согласно приказу укрепление Центральной цитадели не было атаковано». Воодушевленная успехами второго дня боев, «сорок пятая» на 24 июня готовит новый штурм крепости: «Продолжение звуковой пропаганды до 6.00, по истечении этого срока с 6.00 до 7.00 продолжение медленного огня на разрушение по укреплению Центральной цитадели. 7.20 — огневой налет всей артиллерии и тяжелого оружия пехоты, включая оба орудия „Карл“ и реактивных установок для уничтожения всех, до тех пор не сдавшихся, вражеских частей. При использовании этого огневого налета с 7.20 занятие и зачистка до сих пор занятых противником частей цитадели».

Ни о собственных потерях, ни о взятых трофеях дивизия еще не может доложить. Полевой запасный батальон, тактически подчиненный отделу Ib, назначается для охраны склада трофеев в Брест-Литовске, его прежние задачи по сбору и охране пленных принимаются частями охраны тыла.

Из-за упорного сопротивления врага в цитадели пришлось отложить и первоначально предусмотренное на 23.6 перенесение на Южный остров отдела тыла и продвижение подразделений снабжения в Брест-Литовск. Продолжается подвод тыловых частей — после того как уже ночью гужевые части достигли Вульки Добринской и Малашевичи, моторизованные подразделения снабжения переносятся в Тересполь.

Из-за неожиданной заминки с взятием Бреста различным частям дивизии пришлось освобождать погрузочное пространство для перевозки боеприпасов, обеспечиваемое лишь разгрузкой уже стоящих в готовности к походу колонн грузовиков. Ночью неоднократно пришлось подвозить боеприпасы действующим подразделениям. Повышенные требования к транспорту дивизии предъявляет и смена положения мортирного дивизиона Галля, и привлечение новых приданных мортирных дивизионов с их боеприпасом.

Как уже говорилось, в этот день на всех дорогах в полосе дивизии из-за пробок движение практически замерло[987], все тщательно выписываемые его графики можно было выбрасывать в корзину. Особенно трудно пришлось частям дивизии, не имеющим какого-либо приоритета проезда, в отличие от транспорта танковых соединений. Сильные заторы затрудняли походное движение моторизованных подразделений снабжения на шоссе, а походное движение гужевых колонн тормозилось запретом на использование магистрали Залесье — Брест.

Майор Вирзинг (Ib) отметил, что регулирование дорожного движения ведется различными частями, не всегда имеющими одинаковые указания.

В ночь на 24.6 предусмотрено дальнейшее перемещение гужевых частей вперед — в район Тересполя, так как на следующий день подразделения снабжения должны достигнуть Брест-Литовска.

* * *

21.00. Из оперативной сводки штаба Западного фронта № 3: «…6 и 42 сд ведут бой на рубеже Шиповичи, Мазичи, западная окраина Кобрин, Зацише, имея перед фронтом до трех пехотных дивизий с танками. Дивизии продолжают отходить за Кобрин…»[988].

Военный совет Западного фронта, решив пресечь все более усиливающийся хаос, отдает директиву Военным советам армий и командирам корпусов: «Опыт первого дня войны показывает

неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирамне организуют, при отходе скот, продовольствиеоставляют врагу.

Приказываю:

1. Каждый начальник обязан заниматься обеспечением предстоящего боя огнеприпасами. Заставить снабженцев ежечасно заниматься организацией боевого обеспечения боя. Ответственность возлагаю на старшего начальника.

2. Прекратить эвакуацию семей на машинах.

3. Все должны исполнять обязанности по занимаемой должности.

4. Организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должны остаться у врага.

5. Похороны убитых проводить организованно. Чтить память погибших за правое дело, за Родину.

6. Бойцам и командирамв свободное время организовать поочередно отдых.

7. При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять.

8. Организовать питание горячей пищей через местное население»[989].

*** * ***

21.12. 45 I.D. сообщает: На Центральном острове сдалось много русских. Завтра дивизия рассчитывает, что будет готова с Центральным (основание — планомерный обстрел тяжелой артиллерией). Многоэтажные подвалы.

21.20. По телефону продиктовано итоговое донесение[990] от Масуха. Главное событие прошедшего дня — обстрел моста. Из-за угрозы обстрела его строительство[991] продолжится ночью малыми отрядами. Безопасность строительства обеспечивается захватом дота в северо-западной части Западного острова, обороняемого отрядом офицеров[992].

Как уже было устно сообщено, двое, считавшиеся пропавшими без вести (лейтенант Дицель и унтер-офицер), вернулись ранеными — очевидно, это они вышли вечером из крепости[993].

21.30–22.00. После окончания артналета рота Лерцера вновь ведет приемку пленных у Тереспольского моста, хотя туда подведена и 3-я рота, ранее находившаяся в резерве. Лео Лозерт: «Внезапно я увидел, что примерно 100 сдающихся русских бегут в направлении 3-й роты I.R.133 с этого дня полностью введенной в бой. Я сразу же понял, что необходимо как можно быстрее сообщить ее командируобер-лейтенанту Кушореку, чтобы он распорядился в роте об отмене стрельбы.

Так как 3-я рота задействовалась лишь первый день, она еще стреляла во все подряд. Вдруг примерно 500 сдающихся русских вышли походным строем из цитадели. Я пошел навстречу им. Фельдфебель 3-й роты[994] (к Рождеству он получил Рыцарский крест), принял их передо мной. Он сообщил мне, что в церкви в цитадели русскими были пойманы немецкие солдаты. Военный инспектор Манхарстбергер, поверив, что война закончилась, уже пошел было для реквизирования в цитадель, но был подстрелен русскими и остался там лежать. Сообщив об этом Кушореку, стоящему перед мостом с солдатами его 3-й роты, я попросил у него приказа освободить пленных[995] с отделением его роты.

Имелись 2 возможности проникнуть в цитадель: надежный (по дамбе, идущей справа от моста к

кольцевым казематам), но требующий много времени; и (более опасный) — по мосту, находившемуся по всей длине в поле обстрела из двора крепости. Я скомандовал подойти по правой и левой стороне моста с отрывом на ворота крепости и уже должен был первым начать перебежку, как фельдфебель 13-й роты[996] (имеющей уже высокие потери) срочно отговаривал меня от проникновения в крепость, потому что уже имелся приказ обер-лейтенанта не делать этого. Однако в голове я держал лишь раненых смелых солдат I.R.135 и выскочил слева. Перебежками мы достигли укрытия в воротах крепости. Здесь на позиции, с которой ночью нас атаковали[997], находилось русское орудие[998]. Расчет убежал перед нами.

После тщательного наблюдения за двором и казематами я решился на следующий скачок по двору к стене левого внутреннего корпуса[999], позволив следующему справа перебежать к противоположной от меня линии строений и наблюдая при этом за теми окнами, откуда в течение дня всегда велся огонь. Начиная с ворот, я оставлял позади себя, с целью обеспечения обратного пути при углах и руинах домов посты с приказом зорко наблюдать. Таким образом, мы незаметно продвинулись хорошо вперед. Хотя шумов было достаточно, мы не видели никакого противника. Было зловеще и выглядело, как будто бы нас хотели впустить все дальше в цитадель, чтобы затем расстрелять в упор. Примерно в 400 м перед церковью и столовой, внезапно появившейся после преодоления руин нескольких домов, я оставил последних солдат и работал один — медленно пойдя к церкви. Впереди, примерно в 200 м слева от церкви, мне бросилась в глаза часть здания при белых воротах[1000], с расстрелянным входом, обозначенным красными лоскутами. Я счел это верным доказательством русского пункта управления. Подойдя дальше к церкви, я отошел назад, чтобы выманить огонь. Но ничего не происходило. Незадолго перед церковью, когда я уже смог бы заскочить последним прыжком внутрь, я остановился, крикнув: „Немецкие солдаты!“ Поднял стальной шлем. Внезапно раздался выстрел, и я еще успел заметить, как сверкнула вспышка в подозрительном доме. Между тем стало уже смеркаться. Теперь я находился примерно в 60 м перед церковью и смог заглянуть внутрь нее. Четверть часа я обращал на себя внимание призывами, но без успеха. Немецкие солдаты, блокированные в церкви, не давали о себе знать никаким звуком. Без поддержки я не осмеливался проникнуть в церковь, где я находился бы вне поля зрения моих последних сторожевых постов. I.R.135 рассказали, что, прежде всего, русские впустили весь батальон, с офицерами впереди, спокойно во двор, затем, однако, открыли со всех сторон внезапный убийственный огонь, чьей жертвой пали почти все офицеры. Поэтому я ходил вокруг, однако хотел сохранить это в памяти к следующему дню. Вернувшись, я отпустил штурмовую группу к 3-й роте и сообщил об этом дополнительном рейде моему командиру обер-лейтенанту Лерцеру. Я имел нечистую совесть, так как он, очень хороший и объективный офицер, охотно отпускал меня в случаях, не входящих в обязанности нашей роты»[1001].

22.00. Машины пропаганды, назначенные и прибывшие в полосу I.R.133, из-за вновь оживающего огня[1002] не приносят больше никакого результата.

22.10. Тересполь КП 45-й дивизии. Звонок начальника штаба армии полковника Блюментритта. В разговоре Блюментритт передает Шлиперу, подчеркивая это, категорическое требование командующего армией фон Клюге — стремиться к предотвращению потерь.

23.00. Тересполь КП 45-й дивизии. Фон Кришер (Arko 27) сообщает фон Рюлингу, что, согласно сообщению, от MrsAbt 854 в юго-западном направлении на окраине Корощина (аэродром), если смотреть из пункта 131 на шоссе Возомины /Vosominy?/ — Тересполь, беспрерывно взлетают зеленые ракеты, к этому времени — 12[1003]. Враг атакует?

23.00. Поступает суточное донесение 45 I.D.(см. выше (изложение текста донесения в КТВ корпуса — практически дословно, аналогично переданному дивизией).

XII.A. K. прошел линию Кобрин — Тевли, чистит район между магистралями.

XII.A.K. в A.O.K.4 и Pz.Gr.2: При Береза-Картузская много различных орудий и танков. Поражение русских полное. В лесах сами по себе шатаются бесчисленные русские.

* * *

О достижении корпусом Вальтера Шрота рубежа реки Ясельда, практически разгромившего при этом отходящие войска армии Коробкова, свидетельствует и донесение начштаба 4-й армии № 07 Сандалова в штаб Западного фронта: «1. Авиация части противника к исходу 23 июня 1941 г. совместно с танковыми частями атаковала наши части на рубеже р. Ясельда. Разрозненные части 28 ск и 14 мк, не успевшие привести себя в порядок, не выдержали этой атаки, поддержанной большим количеством авиации, и начали отход, который превратился, несмотря на ряд заградительных пунктов, в неорганизованное сплошное отступление перемешанных частей за р. Ясельда.

К утру 24 июня 1941 г. части откатились восточнее рубежа Слоним, р. Щара до ст. Иванцевичи, прикрываясь на р. Щара 205-й моторизованной дивизией.

…3. Остатки небоеспособных частей 28 ск, 42 и 6 сд, 14 мк собираются в районах, как указано в оперативной сводке № 01»[1004].

* * *

23.05. Суточное донесение в PzGr.2 (по радиосвязи):

*Трофеи еще не подсчитаны. Уничтожено примерно 80 танков, 40 орудий; взято множество автоматических винтовок и пулеметов, примерно 2000 пленных***[1005].**

Рота Лерцера готовилась к ночи на своих позициях справа от Тереспольского моста. Некоторые из пулеметчиков недоумевали, почему рота все еще не в Цитадели, где, казалось бы, русских уже не осталось. Впрочем, большинство думало только о том, как бы выспаться. Тем более что ночь предстояла беспокойная — с одной стороны, не исключены попытки прорыва из Цитадели, с другой — несмотря на то что остров был многократно прочесан, на нем наверняка скрывались «офицеры ГПУ».

Позиции и «квартиры» роты находились в руинах домов вдоль улицы, ведущей от Тереспольского моста к парому (пкт 273?). Именно эту дорогу и должна была охранять рота Лерцера.

Вновь вынужденный бодрствовать, Лозерт не терял времени: «Здесь имелся склад с зимней одеждой. Так как я придаю большое значение хорошей обуви зимой, я взял себе пару юфтевых сапог, сработанных из единого куска, ставших в распутицу и позже, зимой, объектом всеобщей зависти. Они были выше колен и при форсировании реки, когда транспорт и лошади застревали, я должен был идти в воду»[1006].

23.30. Тересполь КП 45-й дивизии

Подготовлен приказ Ia/op. № 11 /41[1007] на зачистку цитадели Бреста: «1) Выдающимися атаками 45-й дивизии 22 июня и крайне эффективным окружением и обстрелом 23 июня вражеские силы в цитадели Бреста побеждены или сделаны неспособными сопротивляться, так что 24 июня можно рассчитывать на их окончательное уничтожение. Этот день станет коронацией жесткой и связанной с большими потерями борьбы дивизии!

2) Ночью 23.6 успешно проведенные акции пропаганды нужно проводить и в полосе I.R.133. Прежняя акция принесла около 1000 пленных.

3) 24.6 в 6.00 истекает срок для сдачи цитадели. До этого времени занимают:

I.R.133 — оцепление цитадели с востока на прежних позициях (взаимодействуя здесь с I/A.R.98), с остальными подразделениями — Южный и Западный острова цитадели.

I.R.135, как и до сих пор, северные валы Северного острова. Разграничительная линия между I.R.133 и I.R.135, как и ранее. Возможную вражескую попытку прорыва нужно отражать на этих позициях, предотвращая всеми средствами вражеское влияние на трассу продвижения в Брест у южной и восточной окраин цитадели.

4) 24.6, 6.00. по особой команде Arko 27 начинается медленная стрельба на разрушение по укреплениям Центральной цитадели и южной части Северного острова. От 7.00 до 7.20 по особой команде Arko 27 происходит уничтожающий огненный удар всей артиллерии (включая реактивные установки и артиллерию особой мощности) на укрепления Центральной цитадели. Здесь участвуют I.R.133 и I.R. 135 используя все свое тяжелое оружие пехоты по неохваченным артиллерийским огнем, свободным частям цитадели. Момент отвода их передовых частей на Западном и Южном островах в безопасную от огня реактивных установок зону указывается I.R.133[1008].

5) Используя этот огневой налет, занимают и чистят:

I.R.133 — восточную часть Северного острова, если необходимо — остаточные части Южного и Западного островов, а также укрепление Центральной цитадели. I.R.135 — западную часть Северного острова в его прежней полосе[1009]. Важно скорым активным вмешательством подавлять в зародыше каждую новую попытку сопротивления врага, используя все находящиеся в распоряжении средства, чем по возможности избегать собственных потерь.

6) для зачистки укрепления Центральной цитадели I.R.133 81-м саперным батальоном будут подвезены и приданы 3 подразделения огнеметчиков.

7) I.R.130 с подчиненным Pz.Jg.Abt.45, Aufkl.Abt.45 защищает и чистит город Брест и, согласно устному указанию, удерживает высоту 144.

8) Дивизионный КП — на прежнем месте. Необходима быстрейшая подача сообщений о результате акции пропаганды и об овладении и зачистке частей цитадели».

Итак, дивизия готовится к заключительному штурму. Приказ передается частям пока устно, тем не менее подготовку уже можно начинать. Ночь обещает быть спокойной — русские деморализованы, истощены и утомлены двухдневными боями. Можно бы и отдохнуть перед завтрашним штурмом… Но отдохнуть не получилось.

…В то время как немцы готовятся к последнему удару, вся БГ Фомина ждет начала своей атаки — Фомин все же решился на прорыв. В столовой, недавно взятой бойцами Лермана, — плотные группы бойцов. Теперь путь к мосту свободен. Ждут только сигнала.

В подвале Инженерного управления — перевязочном пункте 84 сп. Уходящий на прорыв медицинский состав и те из раненых, кто может идти, прощаются с товарищами, остающимися в подвале. Среди остающихся — раненный в обе ноги комсорг 84 сп Матевосян. Многие из них еще надеются избежать плена — все-таки Красная Армия вот-вот придет… «Пробивайтесь к нашей армии и возвращайтесь нас выручать», — говорит Матевосян. Вспоминает В. С. Солозобов: «Раненые притихли, лишь что-то выкрикивали те, кто был в бессознательном состоянии… Кто-то предложил замаскировать комсорга. Бойцы нашли для этого углубление в стене. Я укрепил Матевосяну повязку на раненой ноге, и мы перенесли его в это углубление, снабдив при этом гранатами, револьвером и оставив немного продуктов. Я задержался и подошел попрощаться со своим тяжелораненым товарищем, фельдшером Николаем Ермаковым: осколком ему разбило тазовые кости. Он очень мучился. „Не говори мне ничего, — опередил он меня, — введи лучше морфий. Бейте их проклятых, чтобы ни один гад не ушел живым!“»[1010].

Последними подвал перевязочного пункта покинули врач Бардин, фельдшеры Милькевич и Катюжанский.

К этому моменту в столовой уже находился и Фомин. Вид у него был страшно усталый. К нему то и дело подходили командиры групп. Было заметно, что готовилось что-то особенное. Каждый человек был напряжен до предела. Прикрываясь трубами, на крыше залегли стрелки, там же, как и у оконных проемов, заняли позиции пулеметчики.

К прорыву начали готовиться загодя, вероятно сразу, как освободили столовую. Пом. начштаба 33-го инженерного полка, один из командиров обороняющихся на этом участке, лейтенант Щербаков, взорвавший сейф в штабе, теперь спрятал и знамя полка, «в подвале, в восточном конце нашей казармы.

Спуск в этот подвал — в промежутке рядом с лестницей на 2-й этаж. Прямо против входа с улицы в музей. Сейчас спуск заделан полом, под которым должны быть ступени каменной лестницы»[1011]. Все документы 84 сп уничтожены еще при оставлении сектора у Холмских.

Возникла и другая проблема — что делать с пленными немцами? «Фомин приказал Лерману закончить операцию (расстрелять немцев), т. к. в нашем положении ничего другого делать не оставалось. Лерман сначала отказался от выполнения приказа и выполнил его после повторного и категорического приказания полкового комиссара. Все фашисты были расстреляны в помещении каптерки под лестницей, ведущей на 2-й этаж (2-й вход в казармы)»[1012].

Прорываться решили в сторону Кобринских ворот, — судя по стрельбе, доносящейся с той стороны, там наступали части Красной Армии. Так как мост с валов обстреливался, то некоторые решили форсировать Мухавец вплавь. Однако с оружием и в обмундировании плыть тяжело — из обломков столов и стульев, из остатков дверей, рам и др. деревянных частей делали плотики. Хорошим плавсредсвом служили пустые чемоданы.

Прорываться решили 3 группами по 30–40 человек. Первая, имеющая ручные пулеметы, перебежит мост и прикроет прорыв остальных, переправляющихся вплавь. На неожиданность рассчитывать не приходилось — над рекой постоянно висели осветительные ракеты на парашютах. Но несколько минут, хотя бы для того, чтобы в надвигающихся сумерках сосредоточиться в темных проемах Трехарочных, все же было.

И вот — застучали по мосту сапоги и ботинки — тронулись. Фомин на прорыв не ходил[1013]. Было примерно 23.30, как раз в это время на КП 45-й дивизии закончили составление приказа о завтрашнем штурме.

До берега успели добежать лишь первые — внезапно в воздух взмыли сразу несколько ракет. Одновременно в Мухавец устремились десятки бойцов, пытающихся переправиться вплавь. И сразу же — по переправе с обеих сторон (восточные валы и пкт 143) ударили пулеметные очереди, открыли огонь минометы.

…Внезапно кругом стало светло как днем. Долотов, как раз бежавший по мосту, упал на него между трупами и другими до этого бежавшими вместе… Те, кто остался жив, а таких было немного, поползли под пулеметным огнем между трупами назад, к казарме. Но очереди хлестали, хлестали по мосту — с валов он был виден как на ладони. И до казармы не дополз никто — выжившие в ужасе вжались в настил среди трупов, притворившись мертвыми. «Трассирующие следы пулеметного шквала прижали к земле. Стоны раненых, крики о помощи и отчаянные просьбы избавить от мучительной боли. Команды не слышалось. Стрельба то затихала, то после отдельных винтовочных выстрелов возникала пулеметными очередями»[1014].

Стало понятно, что прорыв не удался…

Но были и те, кто так не считали — немногим прорваться через мост и Мухавец удалось, — прижимаемые пулеметным огнем к земле, они смогли доползти до вала пкт 145, где находились другие бойцы. Предстояла атака на «восточные валы».

Сразу после открытия немцами стрельбы, заработали, прикрывая переправу, и пулеметы защитников на крыше и втором этаже инженерной казармы — по четко видимым вспышкам пулеметов врага на валах. Открыли огонь стрелки. В. С. Солозобов: «Из штаба обороны, находящегося снизу, нас предупредили, что надо усилить огонь. Я догадался, в чем дело: наши ушли на прорыв. Здесь, на втором этаже, мины противника пробивали крышу и потолок. Стояло густое облако пыли от щебенки. Я быстро вошел в азарт и с увлечением стрелял. Незаметно наступила ночь. Да какая там ночь… Темно было лишь в помещении, а вокруг светло, как днем. Немцы все время пускали осветительные подвесные ракеты»[1015].

23.45. Огонь прикрывающих переправу с крыши 33-го инженерного и залегших на валу пкт 145 оказался достаточно эффективным— срочно вышедший на связь с КП дивизии Кюлвайн (I.R.133) сообщает, что на восточной окраине цитадели солдаты блокирующего ее с запада батальона Герштмайера атакуются и залегли под сильным винтовочным и пулеметным огнем. «I/A.R.98 успешно ведет заградительный огонь», — сообщается на КП. Но наиболее смертоносным оружием для атакующих стали пулеметы на восточных валах и пкт 143 — никто из защитников даже не вспомнил о заградогне, ставящемся I/A.R.98. Образец воспоминаний о прорыве — свидетельство А. И. Дурасова: «Картину этого боя очень тяжело описывать. Небольшой отрезок реки немцы осветили специальными парашютными ракетами, открыли сильнейший пулеметный огонь по плывущим бойцам. Большая часть из них так и не добралась до берега, погибнув в водах Мухавца»[1016].

Между тем пулеметчики батальона Кене, бившие с вала пкт 143, не видя на мосту движения, прекратили по нему огонь. Вопли и стоны раненых постепенно затихли — лежавшему на мосту Долотову стало слышно, как справа, где-то за пекарней (пкт 145) слышались крики вперемешку с автоматной стрельбой и гранатными взрывами, грохали и отдельные винтовочные выстрелы.

Это в отчаянном порыве пошла в атаку группа, пробившаяся к валам вдоль пкт 145. Вероятно, им удалось пробиться к восточному валу на расстояние гранатного броска. Но бой был скоротечен — сил атакующих было слишком мало. Вскоре они уже бежали обратно, падая под пулеметами Кене и Герштмайера. Часть забежала в казематы пкт 145, усилив его защитников.

Оставшиеся в живых, по одному-двое, выжидая прекращения огня, возвращались в казарму, осторожно ползя по мосту или неслышно входя в Мухавец… Лейтенанту Л. А. Кочину, заместителю командира роты связи 84 сп, пришлось лежать на мосту до 40 минут, Иван Долотов с группой 5–6 человек (некоторые ранены) смог вернуться в казарму только к утру.

23.50 Тересполь КП 45-й дивизии. Приказ о завтрашнем штурме уже успели сообщить командирам частей устно. Но его письменную рассылку решили пока не делать — энергичная атака русских, сопровождаемая сильным пулеметным и ружейно-пулеметным огнем, дала понять, что их силы еще велики. Вероятно, с наступлением темноты, как и прошлой ночью, события вновь обогнали приказ. Тем не менее он пока не отменен — решено подождать дальнейших событий.

Этой ночью Деттмер решает и текущие задачи — в штаб корпуса уходит сообщение об отказе от использования бронепоездов, оказавшихся полностью бесполезными, но отнявших время и ресурсы: «Бронепоезда № 27 и № 28 не задействовались дивизией при нападении на Брест-Литовск, так как они не были готовы к применению (преимущественно технические нарушения при преобразовании на русский след). Их дальнейшее применение дивизией бесцельно; поэтому они будут, согласно A.O.K.4, Ia/Bv.T.O. Tgb.Nr.337/41 geh. от 19.6.41 заявлены к передаче».

24.06.41. «Граф Цеппелин»

00.00. Перестрелки, частично приписываемые общей нервозности, вызывающей беспорядочную стрельбу, останавливаются. Полки держат достигнутые позиции, наблюдая за освобожденными для защитного огня артиллерии районами.

02.00. Бытко вновь идет на прорыв — к Северным воротам. Его группа гораздо меньше, чем в прошлую ночь, но шансы на успех есть — Кене отошел к главному валу, пулеметчикам Герштмайера также не особо хорошо видны цели, мелькающие среди деревьев аллеи от Трехарочного моста до Северных ворот. Нужно преодолеть лишь Северные ворота, но висящие над головой ракеты вскоре выдают атакующих. Вновь — пулеметный огонь вдоль всей аллеи, взрывы минометных мин. Потеряв много людей, в хлещущих отовсюду очередях, Бытко вновь вынужден отойти.

Йон сообщает, что и на Северном развилась оживленная перестрелка с врагом, по-видимому, пытавшимся прорваться на север. Говоря о планах нападения, намеченного на утро, Йон заявил, что считает его связанным с большими потерями; помимо этого, он подчеркивает нехватку боеприпасов (прежде всего — носимых).

Тем временем стрельба на цитадели, казалось, разбуженная прорывами Фомина и Бытко, раздается отовсюду — взлетают ракеты, пулеметные трассеры бьют то с главного вала по Северному, то хлещут по темным обводам кольцевой с Южного и Западного. Растревожив сама себя, стрельба уже не может остановиться — по качнувшейся ли ветке, по вспышке ли одинокого выстрела — помутившись от недосыпания и издерганные ожесточенными перестрелками накануне, бьют пулеметчики обеих сторон.

Вспышки ракет и очередей у восточного сектора главного вала выхватывали из темноты идущих вдоль него на север, пригибаясь, артиллеристов 98 ОПАД — полчаса назад они, разделившись на две группы (Акимочкина и Нестерчука), решили выйти из крепости — к бойне, где проходил маршрут при выходе в район сосредоточения.

Нестерчук решил пройти по дорожным кюветам к мосту[1017], Акимочкин — отойдя на север, пересечь ров по воде.

Подойдя ко рву, группа Акимочкина увидела сваленное снарядами дерево, достигавшее другого берега — показалось, что им повезло и в воду лезть не придется. Однако дерево подвело их — по нему смог пройти только первый — Акимочкин. Боец, пошедший, вторым, не удержался и упал в воду, вскрикнув — тотчас раздались очереди… Акимочкин, отстреливаясь, успел добраться до берега. Подхватив раненого бойца (Алиева), группа откатилась к валу.

Вскоре к ним пришел и Нестерчук — с ним осталось всего четверо бойцов, все раненые[1018].

«Попытки противника вырваться из окружения отклоняются всюду», — сказано об этой ночи в КТВ дивизии. В большей степени это не что иное, как бой с тенями — тем не менее обращает на себя внимание полученное в 4.10 утреннее сообщение от Кюлвайна: «В течение всей ночи попытки прорыва русского, особенно в восточном направлении против III/133, а также на юг, особенно в западной части Южного. Все эти попытки успешно отклонялись»[1019].

Кто мог прорываться в ту ночь на юг? Думается, что речь идет о прорыве с востока Западного на запад Южного, через Буг, с последующим уходом на юг. Это мог быть Потапов (или другая группа 333 сп[1020], пытающаяся пробиться к Южному городку), а может — одна из групп пограничников, пытающаяся уйти с Западного после энергичных действий саперов Масуха накануне. Придется пока оставить эту загадку нерешенной…

Далее в утреннем донесении Кюлвайна сказано: «Полк держит достигнутые к вечеру 23.6 позиции. На

Южном острове несколько занятых противником бункеров и домов взорваны подрывными средствами саперами пехотной части[1021]. Западный остров твердо в наших руках. Его северо-западная часть должна освобождаться к рассвету ввиду ожидающегося огневого налета. Вечером 23.6 было взято примерно 1200 пленных»[1022].

Йон в своем утреннем донесении подтверждает то, что уже сказал в телефонном разговоре час назад: «Яростная активность русских, включая попытки прорыва на север (по-видимому, малыми отрядами). Все они отбиты. Русские еще упрямы и не готовы к сдаче»[1023]. Кроме того, командир I.R.135 сообщает, что в полосе полка взято немало пленных — 16 офицеров, 382 солдата, 130 гражданских лиц. Другие потери русских неизвестны.

3.30. Уже провалившиеся было в забытье у пулеметов на валах встрепенулись — в наступившей было предрассветной тишине резко застучал двигатель на Цитадели… Русская танковая атака?![1024] Не может быть! Но сомнений нет — в мертвенном свете осветительных ракет видна тень небольшого вражеского танка: идущий из Цитадели, он свернул между домами начсостава и рвется до города Бреста! Орудия «панцирягеров» 3-й роты Ветцеля запоздало бьют ему вслед — мимо, мимо… Танк сворачивает к Северо-Западным[1025], проскакивает через них и выезжает в Брест, к дороге, набитой идущим и ночью автотранспортом. Здесь он мчится по улице, северо-восточнее цитадели, но на перекрестке застревает между транспортными колоннами и вынужден остановиться, экипаж (2 человека) — пленен[1026]. Танкисты Гудериана, едущие по шоссе, завели танк и погнали его с собой. Пленных доставили на КП I.R. 130, где их допросом занялся Ic.

4.00. Обстановку у саперов лейтенант Креннер, адъютант PiBtl.81, сообщает по телефону: «Переменная стрельба из пехотного оружия, выстрелы — и со стороны железнодорожного моста по КП батальона. Тем не менее строительство моста продолжалось всю ночь. Идет демонтаж моста из батальонного переправочно-мостового парка на севере[1027]. В 0.30 закончилась переправа пленных».

4.00. В связи с сообщениями о том, что активность русских не иссякла, а кроме того — ориентируясь на состоявшийся накануне разговор с Блюментриттом (о предотвращении потерь), Шлипер вновь, как и в ночь на 23 июня, решает отменить подготовленный приказ о «зачистке» крепости[1028]. Начинает готовиться новый — необходимо для выяснения обстановки связаться с командирами действующих частей и фон Кришером, чем и заняты офицеры на КП. Сам же Шлипер, вероятно, связывается с командующим корпусом — необходимо знать и его точку зрения.

4.00. 45 I.D.: в общем, положение неизменно. Продолжится изматывание врага и дальше артиллерией и влияние на него пропагандой (динамик).

4.30. После подробного и тщательного обсуждения положения выдается новый приказ[1029] — Nr. 11/41. От дивизии требуется предотвращать влияние противника на танковую магистраль и продолжать изматывать его огнем артиллерии: «1) После сдачи наиболее измотанных частей враг предпринял ночью неоднократные попытки вырваться из окружения на восток и север[1030]. Вместе с тем стало ясно, что прежнее намерение дивизии занять всю цитадель 24.6 после огневого налета, без собственных потерь невыполнимо. В связи с этим отменяются до сих пор устно данные команды. 2) 24.6 45-я дивизия держит Западный (полностью) и Южный острова I.R.133, остальными частями продолжая окружать цитадель с востока. Необходимо проникнуть в ранее, например, еще не занятую часть Южного острова, используя все находящиеся в распоряжении полка боевые средства, и надежно предотвращать воздействие врага на танковую магистраль № 1. I.R.135 держит северный вал Северного острова в прежней полосе и предотвращает вражеское влияние на железнодорожную линию Тересполя. 3) Arko 27 и дальше изматывает противника медленным огнем на разрушение всех подчиненных ему частей по укреплению Центральной цитадели и южной части Северного острова[1031]. В скорой последовательности ведения

огня нужно подготавливать время от времени особенно сильный огневой налет и частое использование динамика. I.R.133 и I.R.135 поддерживают этот огонь, используя все свое тяжелое оружие пехоты по неохваченным Arko.27 частям цитадели. 4) КП дивизии там же».

Между тем соседние дивизии теперь далеко от Бреста и так втянуты в бой, что 45 I.D. остается здесь в одиночестве. В подробных обсуждениях обстановки Шлипера с Вальтером Шротом выясняется, что овладение крепостью сейчас невозможно, если принимать во внимание приказ командующего, и что зачистка цитадели займет еще несколько дней.

Одновременно в штаб корпуса передается утреннее донесение дивизии[1032]: «1) Части противника, не уничтоженные и не взятые в плен в результате боевых действий 22 и 23.6, всю ночь с 23-го на 24 июня проявляли большую активность и предпринимали многократные попытки прорваться в восточном и северном направлениях.

2) Дивизия с помощью сильной нерегулярной артиллерийской деятельности (частично заградительным огнем артиллерии и тяжелых орудий) попытки прорыва подавила повсюду; противник сильно вымотан и прекратил свои активные действия.

3) Во исполнение вновь отчетливо озвученного командующим армией и начальником штаба приказа, пролить как можно меньше крови, планы по причине впечатления, производимого неприятелем, в соотв. с п. 1 изменились следующим образом:

Взятие центра крепости возможно только атакой, а не занятием после зачистки[1033], неприятель будет далее изматываться артиллерией и постоянно планомерно через громкоговоритель призываться к сдаче[1034]. Танковая магистраль и железная дорога будут защищены от неприятеля».

Этой ночью бодрствуют и тыловые службы — гужевые части подразделений снабжения также подводятся в район Тересполя и соответственно Лобачува, Лехуты и Корощина.

Оживленное движение по ночным дорогам — в соответствии с приказом о подтягивании по возможности тыловых учреждений, отделение боепитания и соответственно передовая база снабжения боеприпасами Гукебайна подтягиваются вперед, а излишние (пока) боеприпасы отвозятся на склад «Марта».

Кроме того, для повторно предусмотренного обстрела упорно обороняющейся цитадели необходим усиленный подвоз боеприпасов, для чего полностью использованы штатные моторизованные колонны.

Под утро произошло и другое немаловажное событие в истории обороны крепости — в казарму 33-го инженерного полка, воспользовавшись предутренним туманом и затишьем, перешли Зубачев и Виноградов, встретившись там с Фоминым. Обстоятельства перехода точно неизвестны — возможно, он произошел и раньше, но лишь после того, как Лерман взял столовую. Однако с большим основанием можно предполагать, что лишь после неудачного прорыва в 23.30 — 0.30 Фомин решил объединить защитников и разослал связных на участки обороны.

Виноградов и Зубачев прошли финскую войну, опыт Фомина скромнее — освободительный поход на Западную Украину. По званию и должности комиссар выше — но боевой комбат-3, прошедший Тронгсунд, а когда-то — водовороты Гражданской, Зубачев сейчас — наиболее спокойный и хладнокровный, может и самый подходящий командир для обороны.

Из многочисленных описаний их встречи наиболее достоверным кажется рассказ того, чье присутствие не вызывает сомнений — лейтенанта Виноградова: «Собрались в небольшой комнате с оконными проемами в сторону Мухавца. Мы все познакомились. Фомин потребовал, чтобы предъявили документы. Я был в полной форме с орденом Красной Звезды на груди. Внешний вид у нас был настолько

необычным, что узнать даже знакомые лица затруднялись: воспаленные глаза, покрытое толстым слоем пыли и копоти обмундирование.

После короткого знакомства с нами и уточнения обстановки на участках комиссар Фомин доложил о том, что сложившиеся обстоятельства требуют немедленного, еще более организованного и оперативного руководства обороной, и поставил перед нами задачу: выяснить наличие боеприпасов и продовольствия, состояние раненых, кроме того, связаться с соседями по обороне, предложить им проделать то же самое... и прибыть к Фомину с докладом»[1035].

В это время на Западном, где темнота в прибрежных зарослях еще держится, вновь, уже третью ночь, бодрствует Лео Лозерт: «Ночью я снова не имел ни малейшего желания поспать, контролировал посты и принимал, так как все были смертельно усталые, продовольствие, принесенное около 2 ч.»[1036] Темнота развеивается — и рота Лерцера вновь отходит от восточного края острова, занимая позиции вдоль его западного берега, на месте старой переправы. Теперь, благодаря саперам, здесь действует паром.

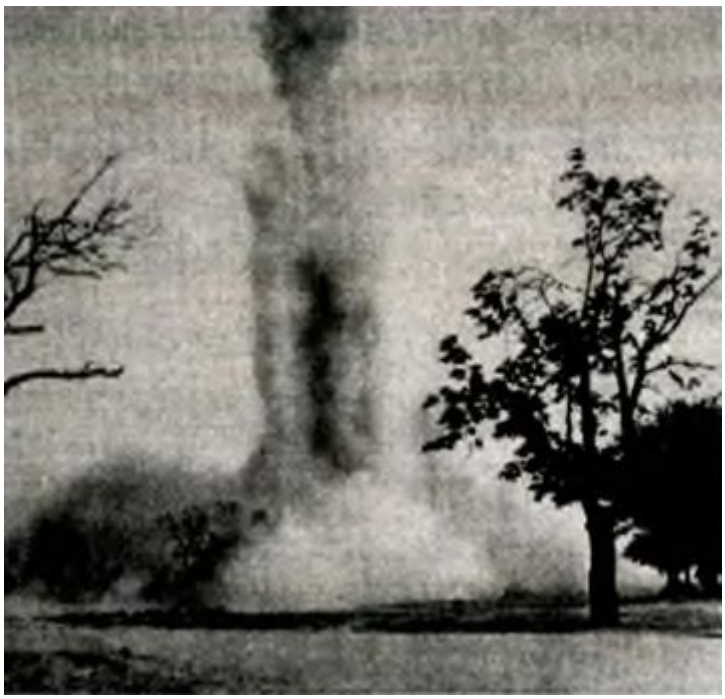
Пулеметы наводятся на восток — скоро вновь заработает артиллерия, не исключена попытка прорыва.

За отходом Лерцера следили, укрытые ивняком, несколько человек, с опаленными порохом и покрытыми гарью лицами — это они, пограничники, накануне сорвали переправу к северу от Западного. Их гораздо меньше и один — вот он, в залитом кровью обмундировании, без сознания лежит на прибрежном песке — лейтенант Кижеватов. Смертельно раненный, он не выживет — это его последние минуты, но пограничники все-таки решили тащить командира до подвала.

«Они ушли?» — «Ушли...» Выждав еще пару минут, вдоль берега, на дамбу... и вот он — темные входы подвала 333 сп, в предутренних сумерках, выглядят зловеще. Как в склеп, входят пограничники, внося начальника 9-й заставы.

По их лицам видно — ничего хорошего. Впрочем, докладывать уже некому. Подвал полон ранеными, контуженными и вчерашним снарядом «Карла» — сегодня будет хуже, в этом никто не сомневается.

Кижеватова внесли в крайний западный отсек подвала, в ближайший к Тереспольским воротам угол. Здесь, на матрасе, через несколько минут и окончилась жизнь начальника 9-й погранзаставы Андрея Митрофановича Кижеватова. Обернув тело одеялами и простынями, его там и оставили — в ближайшем месте к государственной границе СССР[1037].



«Обстреливаемая ураганным огнем самой тяжелой артиллерии цитадель Брест-Литовска готова к штурму. Сильный взрыв последовал за попаданием снаряда; гигантское облако из пыли, земли и дыма на несколько минут стало видно со всех точек зрения». Снимок относится к 23 или 24 июня. Однако дает представление о мощи огня и 22 июня. Можно обратить внимание на гигантскую площадь запыления — стрельба из «Карлов» в любом случае препятствовала наблюдаемомуогню достаточно быстрого темпа. Именно поэтому 23 и 24 июня артиллерия дивизии была вынуждена вести медленный огонь

Часть бойцов 333 сп уходит к 33-му инженерному полку.

6.0. В предутренней тишине первые снаряды разорвались с особым грохотом. За ночь уши уже успели отвыкнуть — теперь все началось сначала. Срок сдачи истек — динамики замолкли, дело за «пропагандистами» фон Кришера. Вновь — разрывы, облака пыли и дыма над Цитаделью.

В первую очередь — агитацию начала тяжелая артиллерия, орудия мортирных дивизионов. «Ночью долго била тяжелая артиллерия (21 см). Каждый 3-й или 4-й снаряд оказывался неразорвавшимся. Нам повезло, так как часто стрельба велась с недолетом. Ближайшие попадания лежали от 20 до 30 м передо мной возле дамбы»[1038].

О большом количестве неразорвавшихся снарядов свидетельствует и А. П. Бессонов, по-прежнему находящийся в секторе 44 сп, среди бойцов Бытко: «Снаряд, грохнувшись о кирпичную стену или зарывшись в землю, не взрывался… Это могло быть только делом рук тех, кто изготовлял детали для снарядов или собирал их. Мысль эта радостно обжигала наши сердца — значит, не вся Германия гитлеровская и внутри нее есть, стало быть, наши союзники, тайные силы в среде рабочего класса, исподволь подтачивающие фашистский строй»[1039].

Выявлять «тайные силы», мешающие нормальной работе артиллерии, по итогам сорванных техническими дефектами стрельб установок «Карл» 22 июня, утром 24 июня, в штаб командующего артиллерией Группы армий прибыл полковник Гальвитц, из управления вооружений вермахта. Оттуда он выехал на огневые позиции установок к Тересполю, для определения причин трудностей.

8.00 — 8.05 ч. Цитадель сотрясли разрывы 60-см снарядов «Карлов». Сегодня, они будут грохотать вновь и вновь, как бы в предчувствии визита Гальвитца. «Тор» выпустит 11 снарядов, «Один» — 6…

Да и дивизионная артиллерия в этот день словно бы сорвется с цепи — после короткого, но мощного утреннего артналета планировалось вновь выпустить пропагандистский автомобиль, призывать гарнизон к

сдаче. Однако, согласно донесению Йона, это не удалось — артиллерия не смогла удержаться в рамках заданного времени, ее всезаглушающий грохот был неостановим. Агитацию словом пришлось отложить — вновь и вновь взметываемые столбы разрывов тяжелой артиллерии справлялись с ней лучше.

Лео Лозерт к этому моменту вымотался окончательно: «В первой половине дня снова дана большая канонада по цитадели. Ее проспал, потому что первый раз за 3 дня уснул…»[1040].

* * *

8.00. 4-я армия генерал-майора Коробкова продолжает отход. Из боевого приказа № 05 командующего на оборону рубежа по р. Щара: «…Остатки частей 6-й и 42-й сд командиру 28 ск собрать и привести в порядок в р-не Ляховичи»[1041].

Вновь пропала связь армии со штабом фронта: «Сведений о положении частей 10-й и 4-й армии к 10 часам не поступило. Связь с 4-й армией отсутствует. С 3-й и 10-й армиями имеется радио. Радиосвязь не обеспечивает передачу всех документов, так как шифровки проверяются по нескольку раз»[1042].

* * *

8.20. На КП Шлипера поступает трудночитаемая радиограмма[1043] от одного из бронепоездов: «Вспомогательный отряд прошлой ночью отбыл и в назначенное место до сих пор не прибыл. Готовность к применению на сегодня невозможна [командиры бронепоездов?] просят прикомандированную пехоту оставить, так как дальнейшая работа почти невозможна».

Неспокойная ночь была и у разведчиков обер-лейтенанта Квизда, блокирующего подвал — несколько раз возникали перестрелки. Однако Квизда, по-прежнему считая, что огнестрельным оружием подвал не взять, предлагает: «После забойки всех вентиляционных шахт против находящихся в сильно разветвленном районе и проходах вокзального подвала людей перспективно проводить выкуривание бензином»[1044].

10.20. Ic XII А.К. просит сообщить данные о трофеях, уничтоженных боевых машинах и т. д. за последние 3 дня.

10.45. Готов «трофейный» отчет в XII А.К. Итак, пока на счету I.R.130 — 11 уничтоженных боевых машин противника, у I.R.133 — 2, PzJgAbt 45 — 1 разведывательный бронеавтомобиль.

Частями дивизии захвачены две 15-см мортиры с тягачами, одно орудие ПТО[1045].

В эти часы, наполненные грохотом рвущихся на Цитадели снарядов, к 33-му инженерному вновь сходятся командиры боевых групп — Зубачев, Виноградов. На этот раз, учитывая непрекращающийся обстрел, собрались в подвале: «Это был небольшой отсек подвала, из которого выходило маленькое полуокно на Мухавец. С противоположной стороны бойцы по приказу Фомина пробили еще одно отверстие в сторону Белого дворца. У обоих окон дежурили бойцы и младшие командиры с ручными пулеметами Дегтярева. Стояло много ящиков, большинство из которых было уже пустыми. Посредине находился столик. К нему-то и пригласил Фомин всех прибывших на совещание. Мне он дал блокнот и попросил вести запись. Затем каждому было предложено кратко доложить свои соображения относительно дальнейших действий. После кратких докладов уже тогда, 24 июня, складывалось следующее положение: „1) Очень большие потери убитыми и ранеными. 2) Малое наличие отечественных боеприпасов. 3) Исключительно тяжелое положение с ранеными, детьми и женщинами из-за отсутствия требуемых условий, медицинского персонала, медикаментов и перевязочных средств, необходимых для раненых бойцов и командиров. Тяжелая атмосфера от разложения трупов валила с ног малосильных и легкораненых бойцов и командиров. 4) Запасы продовольствия, которые нам удалось создать в первый

день, приходили к концу“»[1046].

Одним словом — что-то надо делать. Выход один — прорываться, теперь уже объединенными силами.

Таким образом, утром 24 июня, вероятно на основе неудачных попыток действовать разобщенными силами, было принято решение о создании сводной боевой группы (СБГ). Ее командиром, по предложению Фомина, стал капитан Зубачев, комиссаром — Фомин. Начальником штаба Иван Зубачев предложил назначить своего однополчанина по 44 сп — старшего лейтенанта А. И. Семененко, помначштаба 44 сп[1047].

Кроме того, первоочередными мероприятиями должны были стать — учет бойцов по списочному составу, формирование роты из 4 взводов — 1 пулеметного и 3 стрелковых. Именно она, возглавляемая лейтенантом Виноградовым, составит авангард прорыва.

Итоги обсуждения Виноградов тут же, под диктовку Фомина и Зубачева занес в созданный, здесь же на столике, на 3 листках блокнота «приказ № 1» — важнейший источник, во многом предопределивший историю изучения обороны Брестской крепости.

Вероятно, к документам этого совещания можно отнести и короткий список раненых «Пинкин (455 сп) — правая рука, Казаков (333 сп) — правая нога, Уруднюк (44 сп) — контужен, Омельченко (455 сп) — правая нога, Офименко (44 сп) — голова и лопатка, Ковтун (455 сп) — рука, Мельник П. Е.(455 сп) — контужен».

Документ принадлежит, вероятно, одному из командиров, пришедших в 33-й инженерный со стороны 455 сп — из 7 перечисленных в нем бойцов четверо относятся к 455 сп, двое — 44 сп, и один — 333 сп.

Помимо списка раненых бойцов одного из подразделений и Приказа № 1 информацию о тех событиях несет и источник, как правило, фигурирующий под названием «тетрадь неизвестного командира»[1048]. Она, вероятно, принадлежала одному из командиров 44 сп, занимавшемуся в основном хозяйственными вопросами — ее страницы испещрены заметками о заготовке сена, сбруи, продуктов и т. п. Постоянно упоминается капитан Зубачев — если бы не это, можно бы было предположить, что тетрадь принадлежит ему. Обращает на себя внимание и список красноармейцев, совершивших различные проступки — в том числе кражи.

Затем как-то сразу резко, без перехода — «План действия.

1. Станков. пу

2. Доорганизоваться

3. меропр. (зачеркнуто) разбить участок

4. Организовать охрану

5. Наблюдение

1. Прибрать участки

2. Умерших[1049] — собрать

Боеприпасы»

Далее в тетради идут белые листы…

…Уже после написания Приказа № 1, предусматривающего немедленный выход из крепости, среди

командиров вновь возник спор — прорыв или все-таки оборона в ожидании помощи? Зубачев с неожиданной горячностью выступил против прорыва: «Мы не получали приказа об отходе и должны защищать крепость! Не может быть, чтобы наши ушли далеко — они вернутся вот-вот, и если мы оставим крепость, ее снова придется брать штурмом. Что мы тогда скажем нашим товарищам и командованию? Да и хватит так безрассудно терять людей, как сегодня ночью… Разведать возможность прорыва, конечно, стоит, но главная задача сейчас — организованная оборона до подхода помощи»[1050].

По настоянию Зубачева фраза о «немедленном выходе» была заменена на «организованного боевого действия».

Вероятно, дальнейшее обсуждение было прервано бурными событиями второй половины дня.

Пока командиры совещались, в содрогающихся от обстрела тяжелой артиллерии казематах 33-го инженерного, куда после неудачного прорыва вернулись немногие выжившие, настроение было несколько подавленным. Даже 22 июня не было таких потерь, как в эту ночь. Тогда врага хотя бы было видно — и доказано, что его можно побеждать. Но вот уже вторые сутки — лишь грохот снарядов днем, да осветительные ракеты ночью, и, наконец — очереди невидимых пулеметчиков, не дающих ни прорваться сквозь мост, ни даже набрать воды. «После прорыва людей заметно поубавилось, — вспоминал Иван Долотов. — В коридорах появлялись только отдельные пробегающие красноармейцы. Все были у окон, заваленных разломанной мебелью и матрасами почти доверху. Снизу под матрасами подложены были кирпичи, которые представляли своеобразные бойницы, позволяющие все видеть и обстреливать впереди. С внешней стороны они скрывали все, что делается или перемещается в казармах. Иногда взрывом снарядов вышибало всю заделку из окна, внутри начинался пожар, но это было уже незначащим пустяком среди окружающих событий»[1051].

Около 11 утра. Тересполь, КП 45-й дивизии. Пока в течение первой половины дня все идет по плану — истощение противника в Цитадели ведется стрельбой на разрушение, дважды переходящей в сильные огневые налеты.

Небольшую проблему создают военные корреспонденты — вернее, это у них проблемы, которыми они поневоле создают проблемы другим. В чем же дело? В том, что задачей военкоров Гримма и Мюллер-Вальдека («Signal») и Герда Хабеданка («Die Wehrmacht»), прикомандированных к «сорок пятой», было показать *падение* города-символа (отчет о его триумфальном взятии дивизией-символом — скорее интрига штабов, а не прессы). Вместо этого вот уже третий день военкоры киснут на КП, вытягивая из хмурых, наскоро бритых штабистов «сорок пятой» какие-либо детали. И главное — залавливая вопросами, когда все же можно будет подать уже, вероятно, спланированный в редакциях материал? Нервничают штабисты, нервничают редактора — нервничают и военкоры. Реальные факты — не столь живописны, как у соседей, где тысячами идут пленные, и дороги забиты сожженной техникой русских. Фронтовые репортажи? Вот уже второй день идет лишь периодическая перестрелка и вялотекущий обстрел артиллерией — вряд ли это заинтересует редакции. Пленные есть — но не так много, как у соседей. Идти на передовую, вероятно, опасаясь вездесущих снайперов — не приветствуется ни редакциями, ни командирами штурмовых групп, да и самими военкорами, вероятно, тоже. Хотя многие снимки в «Signal» говорят о том, что кто-то из его военкоров хоть и не мчался впереди штурмовых групп, подобно Хабеданку, но на передовой пополз ал и по казематам вместе с прочесывающими их группами походил.

Тем не менее репортажи от 24 июня, ушедшие из Бреста от Гримма и Мюллер-Вальдека («Signal») и Герда Хабеданка («Die Wehrmacht»), — это скорее некие обзорные статьи, максимально избегающие указания на какие-либо конкретные факты, написанные, скорее всего, после того как им просто приказали «написать что-то в любом случае».

«Утро 24.06.1941, — начинают свою статью „Пехота и артиллерия штурмуют цитадель Брест-Литовска“

Гримм и Мюллер-Вальдек. — Немецкая артиллерия и немецкие бомбардировщики[1052] штурмуют Брест-Литовск. В течение трех дней наша пехота залегает на валах перед крепостью. В 10 утра начинается последний акт драмы: в этот момент слышен звук сигнала. В казематах и казармах с неистовой ненавистью против немцев еще сражается несколько тысяч советских солдат. Вокруг горят дома, и над территорией сражения стоит постоянный грохот. Советские снайперы ведут огонь с крыш; советские войска выбрасывают белые флаги, но после этого стреляют в немецких парламентеров, санитаров и посылают русских в немецкой униформе»[1053].

11.50. Сеанс радиосвязи с окруженными в церкви Святого Николая — выясняется, что их около 50 человек, объединенных под командованием фельдфебеля. Вместе с ними все еще русские пленные. Получив это сообщение, Шлипер решает действовать все же более решительно, чем было предложено фон Клюге и Блюментриттом, — отменить запланированное на 11.45 повторение акции пропаганды (для этого предусмотрен перерыв при стрельбе) для намеченного на это время более важного дела — освобождения окруженных, осуществимое только местным нападением.

Решено, что это сделают батальоны Фрайтага и Эггелинга, проникнув в Цитадель с Западного и соответственно Южного островов. Офицеры штаба начинают связываться с Кюлвайном, оттуда приказ уходит в батальоны. Лео Лозерт: «В первой половине дня мы опять задерживались на западной стороне у парома, так как снова было объявлено о десятиминутной канонаде на цитадель. Я как раз купался (эти летние дни были страшно горячи, при таком обилии водоемов мы и оружие обслуживали в плавках), как вдруг был позван к командиру II батальона майору Фрайтагу[1054] (ему была придана наша 12-я рота станковых пулеметов), спросившему, хотел ли бы я освободить немецких пленных. Я сразу охотно согласился, так как я уже удивлялся тому, что пехотные роты до сих пор еще ничего не предприняли для их освобождения. Время (после огневого налета), по моему опыту, было также благоприятно. Была выделена штурмовая группа первой роты под руководством лейтенанта Хурма и мной предложенное отделение станковых пулеметов 12-й роты лейтенанта Шульца. После короткого обсуждения, в частности, об обеспечении этого предприятия людьми Хурма, который должен занять позицию справа от церкви, защищая отделение станковых пулеметов с их 2 пулеметами, на позиции слева от нее мы выдвинулись к цитадели. Задача наших пулеметчиков — побеждать гарнизоны русских казематов на расстоянии 400 м слева от церкви и соответственно подавлять и давать огневое прикрытие в случае необходимости штурмовой группе лейтенанта Хурма против ожидающейся угрозы из казематов справа от двора крепости»[1055].

11.30. В эту минуту из пушек и гаубиц бьет дульное пламя — вновь в сражение вмешивается немецкая артиллерия, нанося перед запланированной на 11.45 паузой особо мощный огневой налет. Начинается величайшая канонада. Но даже этот адский шум заглушается ревом гигантской мортиры — видно, как над крепостью поднимаются огромные столбы дыма. Кажется, что взлетают в воздух пороховые склады. Дрожит земля.

Пулеметчики ведут огонь с главного вала. Над Цитаделью, впереди, облака дыма и пыли. Кажется, уж нет там никого — но лучше не высовываться из воронки…

Репортеры «Signal» Гримм и Мюллер-Вальдеклежат, окопавшись на валу цитадели, примерно в 300 м от зоны обстрела, в непосредственной близости, наблюдая страшное действие артиллерии. Здесь же, на главном валу Северного, и съемочная группа «Deutsche Wochenschau», надеявшаяся снять запланированный на 24 июня штурм, и из-за его отмены, как и другие журналисты, оказавшаяся в трудном положении. Но съемка ведется — что может быть более зрелищным, чем разрыв снаряда 60-см мортиры?

…Но и опасным — один из военкоров «Signal» рассказывает: «Снова и снова мы прячемся в укрытие, надеясь уцелеть от осколков, свистящих вокруг, из-за большой зоны разлета осколков наших тяжелых калибров. На валу взрывы рвут землю в лоскуты»[1056].

11.45. Внезапно орудия замолкают. «После тридцатиминутного огневого налета приказано абсолютное перемирие. Теперь не должен звучать ни один выстрел, мы не можем стрелять даже в вооруженного врага, если он сам не стреляет по нам. Эти минуты внезапной тишины после адского концерта проходят в запыхавшемся напряжении»[1057]. В воздухе висят взрывные газы порохового дыма.

Ротный миномет участвует в бою. Есть ли смысл, если бессильна и тяжелая артиллерия? Судя по ящику с минами, стрельба только началась и пока лишь

С Западного, на Тереспольском мосту, показались несколько немецких солдат — вот они уже в воротах, а под их прикрытием все новые и новые группы роты Хурма и пулеметного отделения Шульца пересекают мост. Во дворе — тишина, оседает пыль взрывов, и уходят к небу дымы нескольких пожаров.

Лозерт ведет штурмовую группу к церкви по той же дороге, что и накануне. Осторожно, оставляя посты в наиболее угрожающих точках, группа Хурма короткими перебежками приближается к церкви Святого Николая.

12.00. Хурм и Лозерт[1058] у церкви, здесь и происходит то, что не могли добиться все эти два дня — встреча осажденных и освободителей. В мертвом для русских углу прицеливания церкви и столовой Лозерт, прикрывая огнем действия группы, позволил начать вывод деблокированных немецких солдат, вынос раненых. Около 50 человек III/I.R.135 и PiBtl.81 — вновь в списках живых. «Раненые, лежавшие как мертвые на сильном солнце июня, страдали от безумной жажды. Я был единственным, догадавшимся взять с собой полную походную флягу».

12.05. Сейчас, когда заработали динамики пропаганды, к немецким позициям на валах Северного вновь пошли пленные. «Вон там!» — лежащие на валах привстают. — «Вон там, смотрите!» Съемочная группа «Deutsche Wochenschau» готовится к работе — сюда, к валам, прибывают первые безоружные русские, бегущие с поднятыми руками. А вот уже — и большие группы. Не опасаясь стрельбы, на гребень вала из ячеек выходят и немцы. Ведется кино- и фотосъемка. Но многие зорко смотрят на оставляемые русскими позиции, зная, что можно ожидать всего.

Офицер наблюдает в бинокль за пожаром на Северном. Судя по черному жирному дыму, горит либо автомобиль, либо ГСМ

Первые пленные уже на валу. Их обыскивают на наличие оружия. Стоя на гребне вала рядом с немцами, некоторые из них громко кричат тем, кто еще сражается, призывая «Идите! Идите сюда!». Снова на вал беглым шагом поднимаются отдельные группы с поднятыми руками, некоторые из пленных — еще в кальсонах, на их лицах отпечаток ужаса последних 30 минут. Они тащат и своих раненых, о которых сразу же заботятся немецкие санитары[1059].

Стрелки ведут огонь. Они, вероятно, находятся в ячейках на главном валу — именно по его гребню шли проволочные заграждения. Перед солдатами расстелено полотно — вероятно, опознавательный знак для люфтваффе. Один из солдат держит в руке М-24 — русские близко? Нет, вряд ли — офицер спокойно смотрит в бинокль, выбирает цели, а пулеметчик сосредоточенно посылает очереди из MG-34

«Штурмовая группа готовится к решающему штурму казематов цитадели». Кстати, справа некоторые из солдат, отдыхают сидя на корточках и привалившись спиной к стене

Без поясных ремней, но с карабинами — солдаты осматривают здание (предположительно) к востоку от погранзаставы

Однако о немецких раненых, все еще лежащих в различных частях крепости, позаботиться пока некому. Начались третьи сутки «битвы за жизнь» и у Ганса Тойчлера, с утра 22 июня лежащего у Восточного форта: «Вторая ночь была убийственна. На третий день, когда солнце стояло в зените, было так жарко, что, казалось, можно было свариться. При начале работы вещающего на русском языке динамика огонь постепенно приостанавливался, вероятно, происходили переговоры о сдаче в плен. В окрестностях раздавались чужие мужские голоса, женские и детские пронзительные крики. На расстоянии 10–15 м от меня 10 русских перебежками в страхе отступали. Я сразу закрыл глаза и открыл вновь их лишь тогда, когда шум уже отзвучал.

Внезапно передо мной остановились вооруженный с головы до ног украинец и монгол; они прыгнули ко мне в дыру, направив на меня свои пистолеты. „Эх ты бедный ефрейтор!! — подумал я. — Теперь пришел и твой час!“ Для осмысливания ситуации оставалось немного времени, поэтому, встряхнув головой и руками, я указал на кровь, покрывающую грудь и лицо. „Tschui“ (по-немецки „Пошли“) — сказал украинец своему спутнику. Таким образом миновала и эта опасность»[1060].

12.10. На Тереспольских воротах и над зданием 333 сп появляется немецкий флаг[1061]. Все новые подразделения батальона Фрайтага переходят мост, и в арке Тереспольских ворот майор Фрайтаг образует свой КП.

12.15. «Используя эффект последнего огневого налета, сильной штурмовой группе гауптмана доктора Вацека (командира 14/133) удается прорваться к центру Цитадели». Иначе этот эпизод излагает Лео Лозерт: «Посреди акции появился гауптман доктор Вацек с 2 связными по поводу использования противотанкового орудия и приказал прекратить операцию из-за опасности окружения. Я сообщил ему о действии и о положении штурмовой группы и о том, что имею приказ освободить окруженных немцев, и тогда он согласился с продолжением операции[1062]. После того как лейтенант Хурм вышел с последними ранеными, я также крикнул пулеметному отделению об отходе, последним[1063] покинув церковь и двор крепости».

24 июня — флаг рейха над 333 сп. Судя по тому, что на здании нет следов пожара — это его западная сторона. Действительно, по восточной по-прежнему карабкаться опасно — снайперы в «Доме офицеров» продолжают подстерегать неосторожных

В это время у Тереспольских ведется прочесывание — вдоль стен осторожно идут штурмовые группы первого батальона. То тут, то там звучат взрывы гранат — они летят в окна и проемы ворот. Выходят сдающиеся, но, похоже, в подвалах еще немало русских — они пытаются отстреливаться.

В подвал 333 сп осторожно, через проломы в расположении его 2-го батальона проникают первые немецкие солдаты…

У Тереспольских ворот Лозерт доложил майору Фрайтагу о произведенном без потерь полном выводе раненых и окруженных солдат I.R.135. Фельдфебель Лозерт особо отметил, что спасенные вели себя при этом замечательно, в частности, раненые не издавали ни звука вопреки своей боли, и их единственной заботой было взятие с собой их оружия и амуниции.

…Так окончилась эпопея церкви Святого Николая — один из наиболее драматичных для вермахта моментов тех июньских дней. Впервые немецкие солдаты попали в окружение на Восточном фронте — чуть более двух суток их, находившихся практически в тылу 4-й армии фон Клюге, не могли деблокировать, опасаясь еще больших потерь. Ожесточенность красноармейцев дважды заставляла осторожных немцев отменять приказы по захвату цитадели, фактически — попытки спасения окруженных[1064].

Сегодня, 24 июня, это, наконец-то удалось, причем без особых усилий. Наблюдающим за событиями издалека показалось, что так же, без труда, будет взята и остальная часть цитадели. Но это оказалось иллюзией.

Глава 2

«Дом офицеров»

Казалось, Цитадель вновь перешла в руки Советов — красные полотнища взметнулись над церковью, Тереспольскими воротами, зданием 333 сп. Находившийся посреди опознавательных полотнищ вермахта круг со свастикой замечали не сразу — «красное, нераспустившееся полотнище сбивало нас с толку первое время, и мы даже приняли его за наше, когда увидели над зданием 333 сп»[1065].

Нет, кажущиеся издалека красными, полотнища обозначали новую линию обороны первого батальона I.R.133. Сейчас она проходила посреди Цитадели, но Фрайтаг не собирается останавливаться: Шлипер, получив сообщение о большом количестве сдавшихся в плен красноармейцев на Северном и успехе операции по деблокированию окруженных, приказывает взять цитадель.

Захватив почти весь юг Центрального, Фрайтаг начинает готовиться к атаке на сектора 44 и 455 сп. Вместе с ним начнет действовать и командир 14/I.R.133 д-р Вацек. Назначенный по его собственной просьбе руководителем штурмовой группы, Вацек теперь настроен чрезвычайно решительно — немедленно овладеть Центральным островом. Враг кажется полностью ошеломленным и деморализованным— при атаке вряд ли будут большие потери.

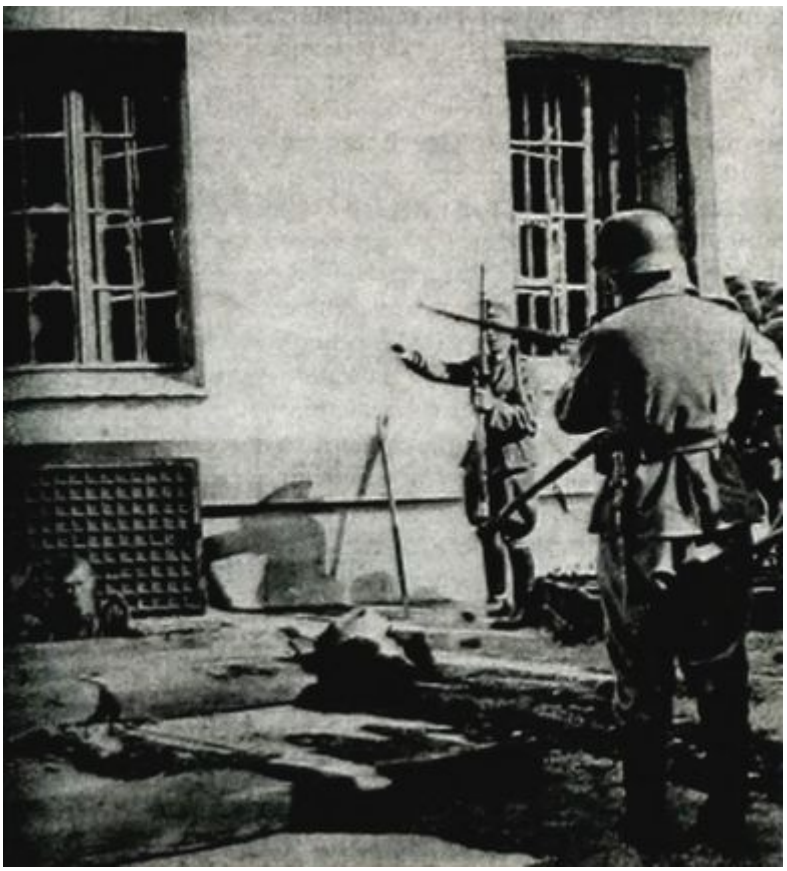
Для уничтожения русских огневых точек на Цитадели планируется подвод орудий роты истребителей танков I.R.133 — решено использовать 5-см орудия взвода лейтенанта Шейдербауэра. Поскольку на огневую позицию взвод продвигался через зону боев на Южном острове, Шейдербауэр смог заметить многое, предвещающее впереди серьезные испытания: «Весь путь показывал ожесточенную борьбу, шедшую здесь первые несколько дней. Здания были в основном разрушены, и дороги покрывал битый кирпич, мертвые русские и их лошади. Тягостное зловоние от пожаров и трупов было всепроникающим»[1066].

Зловоние… Его все сильнее чувствовали уже и на улицах города — сначала лишь при порывах ветра от цитадели, затем — его волны, казалось, зависли в раскаленном летнем воздухе. Жутью веяло на Брест от его цитадели…

…И Йон на Северном перешел к решительным действиям — по словам перебежчиков, защитники крепости находятся под впечатлением сильной эффективности огня. Надо атаковать — полку приказано занять часть Северного острова, до сих пор блокированную.

Второй батальон (Парак), наступая на восток вдоль Мухавца, остановился в 50 м перед Трехарочным мостом[1067]. Ожесточенный фланговый обстрел дает понять, что прорыв через мост будет таким же кровопролитным, как и 22 июня — придется обождать, пока цитадель падет сама. В итоге Параку вновь пришлось удовольствоваться казематами, лишь к северу от Трехарочного «захваченными» в очередной раз.

Первый (Кене), наступая от Северных ворот вдоль дороги, идущей западнее цели 609, на юг, достиг соединения с Параком. И вот новость часа — Кене взял Восточный форт (цель 609)![1068]



«На подземелья большевики, конечно, особенно рассчитывали. Они надеялись, что там смогут продолжать партизанскую войну. Однако применением испытанных боевых средств нашим солдатам скоро удавалось вынимать их из убежищ». На немцах нет штурмового походного снаряжения (Marschgepäck). На стоящем у стены — нет и каски. Испытанные боевые средства — скорее всего, М-24, без колебаний метавшиеся в любые подозрительные места

«Тяжелый обстрел сделал свое действие. Сначала только отдельные, затем небольшими группами и, наконец, все большими толпами советские солдаты выходят из своих позиций с поднятыми руками и проверяются на предмет хранения оружия. Среди них встречаются и политические комиссары. Изображение слева показывает вход в каземат крепости Брест-Литовск». Немцы в штурмовом снаряжении. Допрашивает советского командира, вероятно, командир отделения или взвода (судя по планшетке). Второй советский военнопленный — в шинели, промерзший, вероятно, в ночной сырости казематов. На руке одного из немцев нечто похожее на белую повязку. Возможно, он участвовал в ночном бою или прочесывал темные коридоры подземелий — в этом случае повязка служила опознавательным знаком

Сообщение тем более примечательное, что именно Восточный форт полк пытался взять вплоть до 30 июня…

Опять «Умм-Каср»? Но шесть дней — многовато и в этом случае…

Что же на самом деле взял батальон Карла Кене? Неоднократно подправленные воспоминания защитников Восточного форта, содержащиеся в «Героической обороне» да и других источниках, вряд ли помогут с ответом. Однако — это касается *опубликованных* воспоминаний, фактически, как уже говорилось, выжимок из имеющихся.

Вероятно, как раз именно из тех, что еще не появлялись в открытой печати, Суворов (автор «Брестской крепости на ветрах истории») и взял интересный факт, датировав его 24 июня: «Майор Гаврилов… отдал приказ — не оставляя позиций во внутренней казарме форта… перейти в помещения конюшни на внешней стороне вала»[1069].

Советский командир не выглядит испуганным, растерянным или сломленным. Вероятно, так же выглядели и Акимочкин с Шабловским в свои последние минуты

Основываясь на этом и других источниках, можно сделать вывод о захвате немцами вершины внутреннего вала — ключевой позиции, позволяющей подавлять любое передвижение как по внутреннему двору Восточного форта, так и в проходе между его внутренним и внешним валами. Открывалась и хорошая возможность вести огонь по окнам и амбразурам внутренней и внешней казармы — Восточный форт мгновенно утратил свою неуязвимость. Кроме того, теперь можно было, прикрываясь огнем с внутреннего, зайти и на внешний вал, фактически на крышу казематов — например, чтобы попытаться вырыть шурфы и заложить взрывчатку[1070]. После чего, оставаясь неуязвимыми, можно было спокойно рвать один за другим находящиеся внутри вала казематы.

Но позиция, первоначально представлявшаяся «концом Восточного форта», его «ахиллесовой пятой», как оказалось, имела и массу недостатков — самый существенный из которых — теснейшее соприкосновение с противником, что исключало поддержку собственной артиллерии. Второе (что автор выяснил сам, достаточно поползав по вершине внутреннего вала) — вся вершина вала неплохо простреливалась из его горжевой казармы. Существовать там можно было, но лишь плотно зарывшись в землю. Это влекло за собой массу трудностей — например, проблему с доставкой пищи и боеприпасов, эвакуации раненых. Позиция, захваченная Кене, была неплоха — но она была бы куда более эффективной, если бы русские, поняв, в какое попали положение, сдались бы сразу же. В противном случае, при долгой осаде, получалось нечто подобное церкви Святого Николая — захватив сердцевину обороны, штурмовая группа сама оказалась охваченной огнем со всех сторон, а вдобавок — «живым щитом», предохраняющим русских от артобстрелов.

Однако 24 июня захват вершины внутреннего вала представлялся захватом всего Восточного форта, в скорейшей капитуляции которого никто не сомневался, благодаря чему в 21.10 и ушло соответствующее донесение на КП дивизии. Да кроме того — ни численность гарнизона, ни объем помещений в тот день еще не были известны, поэтому немцы, захватив верхнюю часть валов, искренне посчитали, что с Восточным фортом покончено.

Наконец, нужно сказать и о том, на основании чего захват вершины внутреннего вала Восточного форта можно датировать 24 июня, подтверждая выводы А. Суворова[1071]. Во-первых — в «Отчете о взятии Брест-Литовска» идея об агитации защитников метанием листовок в «ров» (т. е. в пространство между внутренним и внешним валами), с «верхней кромки» (с вершин внутреннего и внешнего валов) — датируется 26 июня, т. е. к тому времени она уже была захвачена. Второе — после 24 июня ни о каких захватах на территории Восточного форта речи не идет (впрочем, и захват вершины внутреннего вала упоминается лишь в вышеупомянутом донесении). А ведь в любом случае столь существенный успех был бы хоть как-то отражен. В связи с этим есть все основания предполагать, что захват вершины внутреннего вала, ошибочно принятый за падение всего Восточного форта, произошел 24 июня, после полудня (как пишет и А. Суворов), на гребне общего воодушевления, охватившего немцев и, напротив, уныния — красноармейцев.

Как произошел захват вершины внутреннего вала? По-видимому, основой успеха стало действие артогня, особенно тяжелой артиллерии. Его защитники либо ушли, сдавшись в плен, либо были убиты и ранены артогнем, либо — спустились в казематы, переждать артогонь, а обратно подняться уже не успели[1072].

Есть некое упоминание о захвате немцами позиций у Восточного форта в воспоминаниях С. М. Сухолуцкого: «Немцы забрались в трансформаторную будку, которая находилась с правой стороны наших ворот, и сильным огнем отрезали возможность выхода из ворот и через левый вал подковы»[1073]. Но захват трансформаторной будки вряд ли мог обеспечить штурм внутреннего вала — для этого в любом

случае пришлось бы пересечь пространство, прикрываемоеогнем из казематов внутреннего или внешнего. Да и вскарабкаться на вал — тут тоже за секунду не управиться.

«Этот комиссар НКВД (бывшее ГПУ) перед его пленением сорвал петлицы и знаки различия на рукавах, думая, что так лучше всего остаться неопознанным. Но он был сразу обнаружен и взят под охрану»

Возможно, солдаты Кене проявили храбрость, возможно, что-то не заладилось у бойцов майора Гаврилова — предположений можно строить сколько угодно, пока это — одна из многочисленных загадок в истории Бреста 1941 г.

Положение Восточного форта усложнилось — с одной стороны, надежды на подход Красной Армии практически не осталось (как и надежды продержаться достаточно долгое время). С другой — прорыв стал необходим, и с третьей — после захвата внутреннего вала он стал почти невозможен.

Однако Гаврилов все же решился — «вечером будем выходить». Прорыв начнется тремя группами: лейтенант Домиенко — поведет своих к Восточным воротам, Коломиец — в город, к железнодорожному вокзалу, где, судя по стрельбе, идет бой. Основную группу, где пойдет сам Гаврилов и его начштаба Касаткин, поведет комиссар Восточного форта Скрипник — к Северным, а оттуда — в Беловежскую пущу. В группе Скрипника — примерно 40 раненых, женщины и дети. Их повезут на нескольких сбереженных лошадях[1074].

Прорыв был труден, ибо из-за немцев на вершине внутреннего вала было трудно незаметно сосредоточиться. Выбегать пришлось бы из дверей конюшни — это очень сильно замедляло атаку. Они же с внутреннего вала могли вести огонь и в спину прорывающихся — бойцам Гаврилова негде было укрыться. Поддержка прорыва своим огнем тоже исключалась — пулеметные точки немцев из казармы внутреннего вала, где продолжала стоять ЗПУ (счетверенный пулемет «Максим»), не простреливались. Не было известно ни сил противника, ни его расположения — как уже говорилось, разведка провалилась, а вести наблюдение было невозможно.

Относительно возможностей прорыва Гаврилов находился в наиболее худшем положении из всех групп крепости.

Тем временем Фрайтаг уже занял Инженерное управление и Белый дворец: «24-го во второй половине дня здание Белого дворца было занято немцами; в окне над входом болтался их флаг со свастикой… [Теперь] наибольшее внимание было обращено на здание Белого дворца, от 3-го входа в нашу казарму до входа во дворец было около десятка метров»[1075].

Сразу же к Белому дворцу подкатывают свои орудия «панцирягеры». И вот уже и по окнам, и амбразурам 33-го инженерного — ожесточенный огонь из пехотного оружия. Гулко бухают противотанковые орудия Вацека. Они бьют с позиций «на расстоянии 300 м (от 3-этажного здания с восточной части крепости, во дворе)»[1076]. Их выстрелы раз за разом выбивают бойцов — секут осколками лишь вздрагивающих молчаливых мертвых и вопящих от боли живых.

«Убит Фомин?!» Нет, пока ранен — в руку. Зубачев — в голову. Одним снарядом Вацеку удалось задеть все командование обороны.

Наскоро обмотав руку, Фомин спускается в подвал. Там среди воплей молча сидит на табурете, ожидая своей очереди.

…Но пока цель атаки Фрайтага — не казарма 33-го инженерного, а разгром защитников в секторе 44 и 455 сп.

К этому моменту в секторе 44 сп осталось не так много бойцов (потери при двух попытках прорыва были весьма ощутимыми). Многие ранее перешли на другие участки — например, в подвал 333 сп[1077]. Многие — были ранены. И, наконец, у защитников 44 сп практически закончились патроны. Рядовой С. Т. Демин, шофер санитарной машины 44 сп: «К этому времени у нас совсем не было патронов. Даже к пистолету ТТ их не хватало; у Бытко, вооруженного револьвером „Наган“, оставалось два патрона»[1078].

Последние события резко изменили характер Бытко — он стал угрюм, нелюдим. Уходили силы и надежды… Мрачный и ко всему безучастный, он целыми часами сидел, прислонившись к стене, уставившись невидящим взглядом в одну точку. Лишь услышав о подходе немцев — оживлялся, но потом вновь впадал в апатию. Демин вспоминает, что в последний день обороны Бытко хотел уединиться. Решив, что тот хочет застрелиться, Демин сказал об этом Семененко — вдвоем они решили следить за Бытко, не давая возможности покончить с собой — это могло бы окончательно подорвать дух бойцов.

И когда Бытко (направившись на склад зерна) под каким-то предлогом хотел покинуть подвал, где к этому времени собрались последние защитники сектора 44 сп, многие поняли, зачем он хочет уйти — обступив Василия Ивановича, бойцы стали отговаривать его от самоубийства: он обязан разделить со своими людьми ту судьбу, что их ожидает[1079].

Последние минуты обороны 44 сп вспоминает и А. Н. Бессонов: «В общем, подходил конец… Мы понимали положение и чувствовали это, но что нас ждет дальше, мы не знали. Конечно, прорваться мы не могли. Ст. лейтенант *Семененко*[1080] последнее слово мне сказал: „Ну и все, больше я ничего не могу предпринять“. Ордена на груди уже не было, и не было полевой сумки, знаки различия сняты. Он к чему-то готовился. Я спросил его про орден и полевую сумку, ибо в сумке были приказы и личные его записи, он сказал, что сумка и орден спрятаны. После этого я уже его не видел».

…Так рухнула оборона северо-западного угла кольцевой казармы — не останавливаясь, Фрайтаг атакует и дальше. Однако бой за сектор 455 сп, ключевой, прикрывающий подступ к Трехарочным воротам, неожиданно затянулся — атака Фрайтага со стороны 44 сп постепенно превращается в вялотекущую перестрелку. Сейчас, когда крепость вот-вот падет, никакого смысла в атаках, подобных тем, что проводились 22 июня, уже нет.

14.40. Тересполь, КП 45-й дивизии.

По телефону передается дневное донесение от Масуха. Саперы продолжают строительство временного моста. Сейчас, после ночного артналета, повторенного и в первой половине дня, мост свободен от вражеского обстрела. Параллельно со строительством продолжается и демонтаж переправочных средств и понтонного парка.

Группы 1 и 2-й рот приданы небольшими отрядами I.R.133 и I.R.135 для обысков, зачистки, и подготовки к взрывным работам в центре крепости и на Северном[1081].

В этот день в связи с неясностью в порядке подчиненности разгорелся и небольшой скандал — сверхэнергичный Йон отдал полувзводу 4/Btl.818[1082], действующему в качестве группы приемки военнопленных на островах цитадели, команду сменить I.R.135 в несении *активной службы охраны*. **Ясно, что под этим понятием могло скрываться все, что угодно, — вплоть до приемки пленных путем атаки… Привлечение полувзвода к операциям «сто тридцать пятого» вызвало резко негативную реакцию коменданта Frontstalag 307, в чьем непосредственном командовании, вероятно, он и находился. Именно туда и поступали пленные из Брест-Литовска — действия Йона вполне могли лишить их конвоя. Поэтому, скорее всего, комендант в тот же день высказал все устно, а впоследствии, 28 июня, отправив майору Деттмеру официальное письмо: «…Несомненно, что и для солдат охраны тыла сражаться, как рядовые солдаты, — честь, но, я все же прошу препятствовать их дальнейшему привлечению к боевой службе. Я имею категорический приказ от моего верховного руководства, что солдаты охраны тыла не привлекаются к боевым действиям, так как к этому они абсолютно не приспособлены»[1083].**

Энергичность Йона вполне объяснима — за первые три дня потери I.R.135 составили 250 убитых (включая двух командиров батальонов и нескольких командиров рот) и 260 раненых[1084]. Людей стало не хватать — поэтому полувзводу 818-го батальона и была предложена честь вести себя более активно, как минимум — принимать пленных не в тылу, а непосредственно на поле боя.

Тем временем генерал-майор Шлипер отправляется на укрепления Центральной цитадели. Здесь теперь сдаются сильные части гарнизона. Все же сопротивление врага еще не сломано.

Даже на многократно прочесанном Западном острове еще слышна стрельба — там был атакован и тяжело ранен часовой. Во второй половине дня саперный батальон вновь зачищает Западный — двое русских при этом убиты[1085].

…1-я рота 1-го железнодорожного саперного полка, ведущая осаду подвала центрального вокзала Бреста, в отличие от саперов Масуха, огнеметов не имела. Выкурить защитников было решено способом, предложенным командиром, действовавшим там же 1/A.A.45 обер-лейтенантом Квизда — залив в подвал бензин, сжечь.

Защитникам предъявили ультиматум — за полчаса сложить оружие, иначе будут приняты «крайние меры». Так и не дождавшись капитуляции, саперы стали действовать.

Пробив в полу вокзального зала отверстие, люди лейтенанта Линни вылили в подвал несколько ведер бензина, бросив туда же несколько гранат.

Пламя мгновенно охватило один из отсеков подвала — это было помещение продуктового склада. Защитникам, кинувшимся спасать продукты, удалось уберечь от огня только несколько ящиков с печеньем и карамелью. Распространение пожара на отсеки, занятые гарнизоном, удалось остановить. Огонь пошел в другую сторону — к вокзальному ресторану. Теперь уничтожение угрожало уже всему вокзалу — срочно подогнав паровозы, саперы начали заливать из шлангов разбушевавшийся огонь[1086].

Казалось, подвал сгорел полностью — пожар шел там еще и вечером, клубы дыма окутали здание.

Выбравшийся из него, совершенно обессиленный русский солдат сдался в плен и сообщил, что остальные находившиеся в подвале комиссары и солдаты, должно быть, задохнулись или сгорели[1087].

15.00. Arko 27 с приказано разрядить стволы, однако орудия оставив пока на позициях.

…Лишь через несколько часов выехавший из штаба командующего артиллерией Группы армий, полковник Гальвитц смог добраться до огневых позиций 2-й батареи s.Artl.Abt.833. Полковника задержала огромная дорожная пробка, начавшаяся еще за 10 километров перед Бяла-Подляской. Там друг с другом переплелись три колонны, да так, что в течение нескольких часов движение было парализовано. Вынужденный проехать через Янув-Подляска, сделав солидный крюк, Гальвитц только между 15.00 и 16.00 смог разыскать огневые позиции установок «Карл», как и КП Arko 27 и 45 I.D. Гальвитца, еще не отошедшего от дороги, сразу же поразила приятная неожиданность, связанная с использованием «Карлов», оказывается, неверны существующие в далеких от Буга штабах представления о том, что мортиры выстрелили два или три раза. Напротив, к этому времени израсходован практически весь их боезапас — 31 из 36 снарядов.

«Карлы» отработали следующим образом: орудие № 3 («Один») — 4 снаряда за 22 июня, 6 снарядов — за 24 июня; орудие № 4 («Тор») — 3 снаряда за 22 июня, 7 — за 23 июня и 11 — за 24 июня. Осталось пять снарядов, три из которых непригодны для использования.

По оценке командира батареи гауптмана Меесмана, эффект от выстрелов был потрясающим. Гальвитц решил остаться в Тересполе до вечера, рассчитывая на то, что в 18.00 произойдет ожидавшаяся здесь всеми капитуляция цитадели и на следующее утро он получит возможность осмотреть места попадания снарядов[1088].

В этот день батарея Меесмана, выполнившая свою задачу, начала готовиться к отправке — Группой армий ей (и персоналу и матчасти) было приказано отбыть на полигон в Берген[1089].

Кстати говоря, Гальвитцу, проклинавшему нескончаемые заторы, еще повезло — предусмотренное отделом тыла (майор Вирзинг) еще на вторую половину дня 24 июня перенесение вперед гужевых частей «сорок пятой» из-за полностью забитых различными моторизованными дивизиями улиц запоздало более чем на сутки.

В это время в подвале 33-го инженерного вновь собрались руководители обороны — Фомин, Зубачев, Виноградов.

Зубачев спокоен. Фомин — хуже. «Судя по выражению лица, рука его беспокоила», — отметил Виноградов.

Всем ясно — ситуация резко ухудшилась. Через несколько часов немцы, сломив сопротивление отчаянно отбивающегося 455 сп, могут занять Трехарочные — в таком случае прорыв, и ранее бывший достаточно трудным делом, становился полностью невозможным. И о том, чтобы удержаться в казармах и дальше, не могло быть и речи — день-два, остававшиеся у защитников, вряд ли позволили бы им дождаться помощи. Стало ясно, что ситуация на фронте развивается вовсе не так, как предполагалось еще пару дней назад.

В итоге — выбор, вставший перед защитниками так стремительно за последние часы сужавшейся территории был прост — прорыв или плен. Дорог каждый час — откладывание прорыва больше недопустимо. Зубачеву, еще недавно выступавшему за дальнейшую оборону крепости, под влиянием событий не оставалось ничего иного, кроме как согласиться.

Прорываться решили, как и раньше, сначала авангард (ударная группа), возглавляемый Виноградовым (около 120 человек), затем, под его прикрытием, основные силы. Особенностью операции

было то, что ее, скорее всего, придется проводить при свете дня — до темноты 455 сп не продержаться. Это было рискованно, темнота хоть немного, но помогла бы защитникам — но, во-первых, другого выхода и не было, во-вторых, ночью немцы уже отлично продемонстрировали возможности своих осветительных ракет.

План несколько иной, чем предыдущей ночью, памятуя о том, сколько смертей принес накануне пулеметный огонь с пкт 143, решено сначала подавить эти точки и захватить вал, прикрывая выход остальных сил. Затем, объединившись, идти налево, вдоль пкт 145, к «восточным валам» — огонь с них еще как-то можно прикрыть пулеметами с крыши 33-го инженерного, закрепиться и там тоже, ожидая выхода последних сил (арьергарда — пулеметчиков, подавивших огонь с восточных валов). А потом уходить на восток, вдоль Мухавца.

Атака авангарда планировалась так — пулеметный взвод перебежит по мосту, остальные три, стрелковые, форсируют реку вплавь.

Пока в 455 сп еще идет бой, Виноградов, начавший уже формировать взводы ударной группы, проводит последние приготовления — через командиров взводов собрал 25–30 комсомольских билетов, в эту стопку положив и свои — карточку кандидата в члены ВКП(б), орденскую книжку, орден Красной Звезды и два удостоверения личности.

Потом он и замполитрука Смирнов, положив документы и знамя 455 сп в мешок, тот — в простыню, спрятали это все в трубу, выходящую из одного из подвалов 455 сп в Мухавец. Вход в нее заложили обломками кирпича[1090].

Сформировать ударную группу Виноградову помогает и Зубачев. В первую очередь в нее войдут бойцы 44 и 455 сп, сражающиеся у Трехарочных, и уже хорошо знакомые им обоим. Филипп Лаенков, старший сержант, помкомвзвода полковой школы 455 сп: «В середине дня капитан Зубачев собрал что-то вроде совета, где были Радченко и некоторые другие младшие командиры. Зубачев сказал, что необходимо установить связь с соседними подразделениями и попытаться вырваться из крепости для соединения с нашими частями. Он предложил выдвинуть группу бойцов во главе с Радченко (толковым командиром отделения полковой школы) через мост. В задачу группы входило: занять рубеж на той стороне Мухавца и прикрыть наш прорыв»[1091].

Сражающийся у Трехарочных Иван Хваталин, также приготовившийся идти на прорыв, вошел в группу, чей путь шел прямо — через Мухавец. Ее командование принял ефрейтор-пограничник, приказавший открыть по немцам, засевшим на противоположном берегу огонь из трех пулеметов и под его прикрытием попытаться переправиться через Мухавец вплавь[1092].

Спрятав документы и знамя, Виноградов вновь встретился с Зубачевым, в штабе договорились об огневом прикрытии, сигналах. Простившись с Зубачевым и Фоминым, Виноградов ушел к взводам.

16.00. Дневное донесение 45 I.D.: цитадель взята, чистится от отдельных стрелков. Сопротивление гораздо более незначительно.

Потери: отдельные, изредка встречающиеся. Зачистка займет еще 1 день.

17.30. Штаб дивизии, в том числе и отдел тыла, переносится в Брест[1093] (Wojwodschaftsgebäude).

18.00. Застучали пулеметы из кольцевой казармы — Виноградов начал прорыв.

Брест. КП 45-й дивизии.

Сообщение от Йона — враг делает даже попытку прорваться под сильным огневым прикрытием[1094] из укрепления Центральной цитадели по Трехарочному мосту, на север — в направлении Северного острова.

…Прикрываясьогнем пулеметчиков,на мост выскочила первая группа — пулеметный взвод Радченко. Однако огневое прикрытие не смогло обеспечить прорыв — теперь наступает черед пулеметчиков Парака: находясь в 50 метрах от Трехарочного, они покосили почти всех, бегущих по мосту. Там же лег и Радченко. Северного берега достигли единицы, в ужасе прижавшись к спасительной круче валов пкт 143…

Виноградов: «Наступило замешательство. Я обратился к капитану Зубачеву помочь огнем прикрытия. Огонь был усилен».

Виноградов с призывом бросился через мост, за ним 4-й взвод. Им повезло больше — прицельный огонь немцы открыли, лишь когда Виноградов был уже на берегу Северного, вместе с остатками группы Радченко, прикрывшись валом.

Под огонь Парака попали второй и третий взводы, форсировавшие Мухавец вплавь — большинство из их бойцов там и осталось, в закипевшей от пулеметных очередей реке. Иван Хваталин: «Переплыть речку смогли только двое из группы в 40 человек. Многие погибли, остальные вернулись назад»[1095].

Выжившие сосредоточились на берегу — неясно, удалось ли им закрепиться на восточной оконечности вала пкт 143, или же они заняли оборону вдоль берега и пкт 145. «Русские прорвались на Северный остров и попытались прорваться на север», — говорится об этом в суточном донесении I.R.135.

Начав перестрелку с солдатами Парака, Виноградов ждет выхода главных сил. Но по неясной причине Зубачев запоздал — а дальше было уже поздно: преодолев некоторое замешательство, по кольцевой казарме ударила артиллерия, по группе Виноградова — минометы. Вероятно, подошло подкрепление и к занимающим оборону на валу подразделениям Парака. Стало ясно, что выход главных сил приведет к большим потерям.

Брест. КП 45-й дивизии.

Примерно в это же время Кюлвайн и Йон сообщают, что между действующими на Северном острове подразделениями обоих полков (батальонами Кене и Герштмайера) возникла открытая на восток брешь. После различных запросов и составления личного впечатления на КП дивизии Шлипер приказывает использовать разведотряд, если он не связан задачами по охране Бреста. Командиру A.A.45 (оберст-лейтенанту фон Паннвицу) подчинены подразделения III/133-й, действующие на Северном. Дивизиону поручается занять восточный край его внутреннего вала[1096] между I.R.135 и III./I.R.133 и сдерживать попытки прорыва.

Виноградов получил от Зубачева условный сигнал — «продолжай движение по намеченному маршруту». Поняв, что выход главных сил отменяется, бойцы Виноградова по его команде стали уходить по другую сторону Трехарочного, под защиту пкт 145, готовясь к штурму внешнего вала, по-прежнему обороняемого подразделениями Герштмайера.

Их отход на восток отражен и в КТВ дивизии, отметившем, что попытка прорыва была успешно отражена I.R.135, и в суточном донесении Йона, упомянувшем о прорыве противника в восточном направлении — т. е. уходе его в полосу Герштмайера, так как на восток от Трехарочного подразделений I.R.135 не было.

Но к моменту прорыва Виноградова некоторые изменения коснулись и батальона Герштмайера, в конечном счете сыгравшие на руку прорывающимся.

Брест. КП 45-й дивизии.

Командованием дивизии, обратившим внимание на то, что *на востоке Северного острова* **находится еще более сильный противник, пытающийся после полудня** *и вечером* **прорваться на восток** *(примерно, силою до роты),* **решено привлечь к зачистке Северного и III/I.R.133 (усиленный 3 огнеметными группами**

Pi.81), блокирующий пока восточную окраину цитадели. Гауптман Герштмайер получает задачу зачистить Северный остров с востока вдоль Мухавца, присоединившись к атаке 1-го и 2-го батальонов I.R. 135.

Главной задачей Герштмайера было взятие пкт 145 и уничтожение последних очагов обороны 98 ОПАД.

Три огнеметных группы PiBtl.81 были откомандированы I.R.133, вероятно, еще в первой половине дня. По крайней мере, об этом уже упоминается в дневном донесении саперного батальона (14.15).

Гельмут Беттхер, сапер одной из штурмовых групп, входившей в огнеметную группу, считал себя обычным солдатом. Варварский способ наступления[1097], используемый им, был совершенно нормальным для Беттхера. «Мне было девятнадцать, — вспоминает он, — и после войны заклейменный как „убийца“, часто думал об этом, но там, на войне, каждый — герой». Кроме того, ненормальное на войне становится нормой. Детство Беттхера было трудным, но не выделяющимся. Продукт периода депрессии, он вспоминает: «Можно сказать, что в 14 лет я был выброшен из дома и, в конечном счете, приобрел разнообразный жизненный опыт на военной службе». Он добровольно вызывался «на те или иные задания, но не на огнеметы. Мне приказали сделать это». Армейская жизнь предлагала и другие новые возможности, и он испробовал их «как и многие другие». Служба оператором огнемета в Брест-Литовске стала для Беттхера сильным переживанием. Объясняя это, он говорит: «Ужасно вспоминать о такой работе, но я должен обратить ваше внимание, что операторам огнемета никогда не разрешали сдаться. Они были бы немедленно расстреляны».

Это было нелегкое оружие и для тех, кто его использовал. К спине оператора был привязан тяжелый резервуар, весом более чем 21 кг[1098]. Он содержал клейкую смесь воспламеняющегося вязкого топлива («Flammen Nr. 19»), разработанного специально, чтобы запутать жертву в пламени при распылении. Сила ветра и его направление могла преобразовать это в обоюдоострое оружие, в любом случае очень уязвимое для вражеского огня. Оператор становился частью огнеметной группы, помимо него состоящей из командира и стрелка, защищаемой сопровождающей ее пехотой. Беттхер объясняет: «Само оборудование давало пламя около 30 м длиной, температурой 4000 °С. Когда огнеметчик врывался в извилистую траншейную систему, пламя могло огибать углы, полностью ликвидируя что-либо за ними».

Воспламеняющееся топливо запускалось сжатым газом (азот) через носик брандспойта, включающий воспламенитель, производящий брызги пламени, от которого не было абсолютно никакой защиты. Каждый резервуар нес запас достаточный для 10 односекундных струй огня. Они высасывали кислород в тесных убежищах, опаляя и разрушая легкие их защитников вместе с волнами раскаленного воздуха.

«Большинство из них сгорали немедленно или, по крайней мере, были ослеплены, — признает Беттхер. — Эти вещи были ужасны»[1099].

Карта обстановки на 24 июня (вторая половина дня). 1 — прорыв Виноградова; 2 — подразделения Фрасттана вышли к проезду Трехарочных ворот, захватив сектор 455 сп; 3 — контратака Герштмайера; 4 — по этой мостовой насыпи утром 22 июня на Южный остров ворвались роты Ульриха

…Итак, к моменту прорыва Виноградова через позиции батальона Герштмайера на главном валу, 9 и 10-я роты, занимавшие там оборону, сами перешли в атаку. На валах остались, вероятно, только пулеметные расчеты и небольшие резервы[1100].

Именно этот момент и отображен на карте «Zur Zustandsetzung vorgesehene Wege» (см. стр. 609) — атакуют два подразделения I.R.133 (вероятно, две роты). Одна из них — с юга огибает Восточный форт, вторая — с северо-востока атакует пкт 145. А между ними, проскальзывая между домами начсостава, прямо по спортплощадке — мчится к главному валу отряд Виноградова.

Это была чудесным образом выпавшая возможность — проскользнуть между двумя атакующими ротами и, прорвав ослабленные позиции на главном валу, уйти из Бреста. И вот то, что не удалось накануне — удалось сейчас: Виноградов, прорвав оцепление, потеряв многих и многих бойцов, вырвался за главный вал! Оставшиеся 70 человек его отряда выскочили к танковой магистрали № 1…

Однако почему Зубачев и Фомин не последовали за своим ударным отрядом?

Вероятно, главной причиной было то, что на Центральном немцы сами начали атаковать — та же

карта, отразившая атаку Виноградова со стороны пкт 145, одновременно показывает и то, что сектор 455 сп был ими к этому времени захвачен — это случилось и потому, что большинство его бойцов ушли на прорыв.

И произошло это как раз перед тем, как Виноградов, вероятно, захватил все же восточный угол вала пкт 143. Но сделал это слишком поздно — теперь выход Зубачева стал невозможен из-за того, что ему в спину бы ударили и очереди со стороны 455 сп.

Как же произошел захват 455 сп?

О том, что атака на последние оставшиеся очаги обороны на Центральном острове началась одновременно с прорывом Виноградова, свидетельствует, в частности, П. П. Кошкаров, находившийся в это время уже в казарме 33-го инженерного полка. Кошкаров, описывая атаку немцев, говорит, что она проводилась со стороны Белого дворца и церкви Святого Николая.

Немцев, приближающихся со стороны Белого дворца, запомнил и Иван Долотов: «Немцы пошли в атаку со стороны 84-го полка. Пулеметным и винтовочным огнем атаку остановили. Некоторые из фашистов были на расстоянии метров 100 от казармы и были остановлены недалеко от круглой уборной. Я припоминаю, как, скрываясь от нашего убийственного огня, они бросались за круглую бетонную помойку, стоящую с краю от дороги, ведущей к 84-му полку. Часть из них бросалась за здание Белого дворца»[1101].

Операцию по захвату казармы 33-го инженерного полка, проводимую Фрайтагом, удалось сорвать. Иначе сложилось на ослабленном уходом Виноградова секторе 455 сп — о том, что немцам удалось ворваться туда именно со стороны Белого дворца, свидетельствует А. Махнач: «Немцы ворвались в крепость со стороны Белого палаца»[1102]. Внутри завязался ожесточенный бой, помимо пальбы, практически в упор, пошла ожесточенная гранатная перебросса — одна из гранат, брошенных австрийцами, разорвалась в подъемном гараже под ногами лейтенанта Николая Егорова, того, что укрылся на кухне 455 сп в первые минуты войны. Егорову выбило левый глаз, покалечило обе ноги[1103].

Свидетелем последних минут обороны 455 сп, оказался его рядовой И. Ф. Хваталин, незадолго до этого контуженный при попытке прорыва. Когда немцы ворвались в его отсек, Хваталин находился в одном из подвалов, где лежали раненые и обессилевшие защитники кольцевой казармы: «Стрельба не утихала. Вдруг в полдень к нам забежало несколько человек, крикнув: „Немцы около нас, у кого есть патроны, давайте сюда“. Они собрали патроны и ушли. Над подвалом раздался взрыв, и через несколько минут сюда ворвались гитлеровцы. Они приказали всем встать. Тяжелораненых тут же пристрелили из пистолетов»[1104].

Тут же в одном из подвалов «возле Трехарочных ворот до р. Мухавец, метрах в 50–70 от Центральных ворот» пленили и А. А. Махнача. Вместе с ним — и около 50 человек бойцов и мл. командиров[1105].

Однако, несмотря на то что большая часть сектора 455 сп была захвачена, на некоторых участках сопротивление еще продолжалось — оттесненные от Трехарочных, красноармейцы еще держались в тех отсеках, что примыкали к горящему вещевому складу[1106].

В это время с востока на Северный остров наступают 9 и 10-я роты батальона Герштмайера. В первую очередь они штурмуют здания, где засели остатки 98 ОПАД, горжевые казематы главного вала, во многих из которых все еще находятся члены семей начсостава[1107].

Пальба постепенно переходит в гранатную перебросску. Защитников оттесняют все дальше. В юго-восточной части Северного острова атаку поддерживают и два захваченных русских разведывательных бронеавтомобиля, с экипажами «панцирягеров» роты д-ра Вацека (14/I.R.133). Они практически неуязвимы — у советских истребителей танков к этому моменту орудий уже не осталось...

Киномеханик 98 ОПАД ефрейтор Николай Соколов был одним из тех, кто сражался на этом участке до самых последних минут его обороны: «…Группа гитлеровцев уже ворвалась в помещение. Завязалась последняя рукопашная схватка. Немцы шаг за шагом загнали нас в угол. Старшина-танкист с Центрального острова вскричал: „Прощай, мама! Отомстите за меня!“ — и, широко открыв рот, выстрелил. В рукопашной схватке был убит замполитрука Ширяев. Нас же они окружили и стали зверски избивать прикладами. Потом, подталкивая штыками, вывели на площадь, где уже стояло несколько десятков обезоруженных пленных… Грязные, оборванные, с воспаленными глазами, впалыми, обросшими щеками, мы стояли молча, подавленные тем, что произошло»[1108].

Общее количество пленных, взятых в этом секторе, неизвестно — в утреннем донесении I.R.133 говорится о том, что экипажи трофейных бронеавтомобилей взяли в плен 142 человека[1109]. Но все ли эти пленные взяты ими или все-таки это общее количество?

Кроме того, экипажами бронеавтомобилей, согласно тому же донесению, уничтожен и советский броневик (вероятно, очередной тягач «Комсомолец»).

Однако, несмотря и на поддержку бронеавтомобилей, операция I.R.133 не удается в запланированном размере — и пкт 145 и Восточный форт по-прежнему продолжают сопротивление. Одна из причин этого, по оценке, содержащейся в КТВ дивизии, — это то, что третий батальон I.R.133 имел немного сил для ее успешного завершения.

Пройдя Восточный форт и продвинувшись до Мухавца, батальон Герштмайера овладел территорией, где велись ожесточенные бои 22 июня. Среди уже начавших разлагаться трупов солдат батальона Праксы был найден и раненый — Ганс Тойчлер. Однако прошедший, казалось бы, самые суровые испытания, Тойчлер так боится покидать свое убежище, опасаясь русских снайперов, что неожиданно решается отсрочить свое спасение: «Свою эвакуацию на дивизионный медицинский пункт я все же попросил отложить, проведя ее лишь в спасительной темноте ночи, чтобы не стать жертвой неосторожности в последний момент. Лишь когда я прибыл в полевой госпиталь в городе Брест-Литовске, я, наконец, выдохнул, так как в конце концов все же выбрался живым»[1110].

Вал пкт 143 или пкт 145. Русские — впереди, в полусотне метров, а может, и внизу, под валом. Тем не менее в ячейках уже не все, а оставшиеся выставили котелки прямо на бруствер — обед, в любом случае, по распорядку

24 июня было найдено много живых — но еще больше мертвых. Именно поэтому Йон именно в этот день, когда была захвачена практически вся территория, подвел скорбный итог боев первых часов войны.

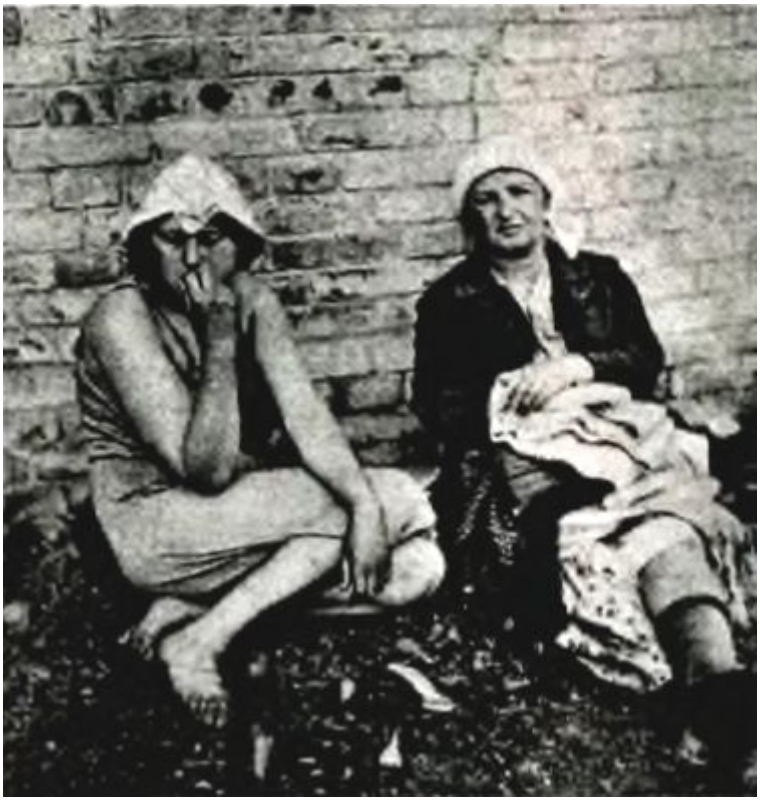
Пополняют свой список погибших и «панцирягеры» 45-го дивизиона — еще в полдень, при атаке после огневого налета был найден труп пропавшего 22 июня лейтенанта фон Бюлбинга.

Большое количество найденных погибших и приближающееся окончание боев в Бресте заставили задуматься о закладке дивизионного кладбища. Рудольф Гшопф: «Конечно, мы хотели создать единое место захоронения, именно с этой целью я и выбрал парк вокруг русской православной церкви в южной части Брест-Литовска. Как только боевые действия стали позволять заняться данью уважения погибшим, их стали привозить сюда и нашими скромными средствами создавать им достойное место отдыха».

В этот день батальон Эггелинга наконец-то закончил «зачистку» Южного острова — там с 22 июня в подземных казематах сидели персонал, больные из разбитого госпиталя, да и все, кто смог пробиться под своды убежища. Начальник Брестского военного госпиталя военврач II ранга Б. А. Маслов: «Вместе со мной была и моя семья, несколько офицеров и много членов офицерских семей, несколько раненых бойцов. Во второй половине 24 июня двери каземата открылись, и нам немецкими солдатами была дана команда выходить из казематов. Когда мы вышли, группу, примерно 50 человек, врачей, женщин, детей, раненых повели в направлении к Бугу 30 немецких солдат. Прошло минут 10, нас солдаты остановили и разрешили расположиться на лужайке возле крепостных ворот. Через некоторое время от нас отделили женщин и детей и куда-то повели, а к нам присоединили военнопленных и в тот же вечер направили в лагерь Бяла-Подляска»[1111]. Воспоминания написаны после войны — именно поэтому «командиры» в них именуются «офицерами». Далее, Маслов, как и весь его медперсонал, работал в лагерном лазарете. Бежав, пытался дойти до линии фронта. Не удалось — вернулся в Брест, работал в больнице в его окрестностях. Затем — партизанский врач, после прихода Советской Армии — начальник военного госпиталя на Западной Украине. Уволившись из армии по болезни, вскоре был арестован по обвинению в пособничестве врагу. Осужденный, умер в одном из лагерей Сибири…

Здесь же немцы провели и первые «спецмероприятия» — вероятно, первоначально это была скорее стихийная расправа, месть «комиссарам» за погибших и раненых товарищей. Озверевшим от бессонницы, двухдневного боя, стрельбы со всех сторон, яростного сопротивления «советов» — необходимо было найти виновников всего этого. «Комиссарам», в конце концов, никто и не обещал пощады.

И поэтому, не отходя далеко, уже за валом Южного острова были расстреляны старший политрук И. Р. Зазулин и политрук С. Т. Зыскавец. Несмотря на советы товарищей, Зыскавец (начальник клуба Брестского военного госпиталя) перед пленом отказался снять гимнастерку со звездами политсостава — тем самым подписав себе приговор.



«Эти опустившиеся солдаты в юбке с особенным ожесточением участвовали в искусной партизанской войне против наших солдат, однако вскоре были обнаружены и обезврежены». К ногам женщины в нижнем белье положена бутылка. В первые же дни войны в «сорок пятую» поступило разъяснение — женщины в униформе считаются военнопленными. Напротив, те женщины, что участвуют в боевых действиях (вероятно, прежде всего, с оружием в руках), не имея униформы, военнопленными не считаются

Подобное произошло и на Северном — однако здесь жертвой расправы стал не комиссар, а руководитель обороны на участке 98 ОПАД, его начштаба лейтенант Иван Акимочкин. При обыске у него, лишь недавно вступившего в ВКП(б), был найден партийный билет. «Нашел где-то?» — иронично спросил проводивший обыск офицер. «Это — мой…» — ответил Акимочкин. Ирония быстро сменилась яростью — выведя Акимочкина из толпы, его расстреляли на глазах у остальных пленных[1112].

Красноармеец сдается в плен. Он немолод — возможно, из приписного состава. В руках, помимо белого флага — бушлат (введенный весной 1941 г.), что говорит о том, что он провел несколько дней в холодных подвалах. Место съемки определить трудно — ворота на Южном острове? Немецкие солдаты — без поясных ремней, оружия, виден велосипедист. В воротах — противотанковое орудие. Это — лучшая позиция для «панцирягеров», защищающая их от обстрела справа и слева

* * *

Тем временем положение в 4-й армии Коробкова стремительно ухудшается — отход войск все больше напоминает бегство, а остатки дивизий, чьи подразделения продолжают оборонять Брест, похоже, добиты окончательно. Из оперативной сводки № 01 штаба 4-й армии: «Все части, за исключением 55-й и 75-й стрелковых дивизий, небоеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и материальной частью и приведении в порядок… Остатки частей 6 и 42 сд 28 ск после ряда оборонительных боев к 18 часам отошли в р-н Русиновичи, Тальминовичи, где приводятся в порядок. Эти остатки не имеют боеспособности… От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали»[1113].

Коробков лично, с членом Военного совета дивизионным комиссаром Ф. Е. Шлыковым и помощником командующего войсками ЗапОВО генерал-майором Хабаровым и командиры соединений прилагают все усилия для задержания противника на рубеже р. Щара.

* * *

19.45. Брест. КП 45-й дивизии.

Начинают поступать итоговые донесения от частей. Первое по телефону передано от Гиппа: в Бресте спокойно. Производятся лишь перемещения отдельных подразделений, изменение их подчиненности: конный эскадрон A.A.45 в составе 20 человек переместился в Березувку. Обер-лейтенант фон Ледебур по приказу дивизии назначен гарнизонным офицером.

1/Pz.Jg.Abt.45 (обер-лейтенанта фон Шиллинга) — вновь в подчинении дивизиона и переведена в Брест.

Продолжается передача продовольственных и других захваченных в городе складов трофейным службам[1114].

20.00. Итоговое донесение от Масуха: к 16 часам батальон наконец-то закончил возведение 8-тонного временного моста. Часть моста из понтонно-мостового парка уже демонтирована. Отряд огнеметчиков, откомандированный к I.R.133, и поисковая группа[1115], откомандированная к I.R.135, как и группа подготовки к взрыву, еще находятся при полках. Планы на завтра: наладка оружия и техники.

20.50. Итоговое донесение от Ветцеля (PzJgAbt 45). Дивизион, в чей состав вновь включена рота фон Шиллинга, — в подчинении I.R.130. В качестве интересного опыта Ветцель сообщает о том, что в течение дня, поддерживая пехоту, вражеских снайперов удавалось удачно уничтожать и бронебойными снарядами[1116]. Кроме того, от пленных стало известно, что их командиры (комиссары) заставляют их продвигаться вперед с оружием в руках.

Через несколько минут именно «панцирягерам» Ветцеля и удалось ликвидировать попытку прорыва — уже за пределами крепости, у Мухавца.

Около 21.00. Виноградову и его бойцам не удалось далеко уйти — вырвавшись за главный вал, они оказались перед танковой магистралью № 1, забитой идущими на восток колоннами.

А перед ней, охраняя движение от возможных попыток прорыва русского гарнизона, занимал позиции один из взводов PzJgAbt 45. (Как правило, в составе взвода — 3 37-мм противотанковые пушки (расчет каждой 6 человек), 1 ручной пулемет (расчет 3 человека) и штабное отделение — 7 человек). Он-то в районе моста «Гипп», «вслед за попытками прорыва к танковой магистрали № 1»[1117] и взял в плен около 100 человек отряда Виноградова — единственного, чей прорыв за пределы главного вала удался.

*** * ***

21.0. Из оперативной сводки штаба Западного фронта № 5 «...4-я армия потеряла средства управления. Штаб армии разделен на группы по руководству отрядами. Командующий армией, член Военного совета, начальник штаба, начальник 1-го отдела штаба выехали в войска для личного руководства боем... Данных о положении частей армии в течение 24 июня 1941 г. не поступало, высланные делегаты связи из армии еще не вернулись»[1118].

*** * ***

21.10. Брест. КП 45-й дивизии.

Поступает итоговое донесение от Йона. Планы на 25 июня — охрана и оборона занятых позиций, прочесывание территории, очистка от русских все еще занятых ими нескольких казематов.

21.40. Армин Деттмер передает в штаб корпуса итоговое донесение за 24 июня. Радиограмма № 2 лаконична — «Брестская крепость взята»[1119].

21.40. FS.om 45 I.D.: цитадель Брест взята! (Выясняется, что сообщение ложное.)

…Трудно сказать, что заставило Деттмера, а не командира дивизии дать столь смелое (никто из командиров сражающихся на цитадели частей подобное не утверждал[1120]) сообщение.

Можно предположить, что и Шлипер заявил подобное, но устно, в беседе со Шротом, а Деттмер лишь письменно продублировал оценку командиром дивизии ситуации.

Однако скорее всего и Деттмер и Шлипер, в отличие от командиров частей, решили оценить ситуацию *шире* — во-первых, было видно, что дивизией захвачено уже почти 90 % территории крепости, ликвидированы почти все *известные* очаги сопротивления. На Центральном острове русские остались лишь в нескольких частях домов *и* так называемом «доме офицеров», на Северном — в восточной части (восточнее дороги с севера на юг) — *в основном* вал у северного моста (укрепление 145) и Восточный форт[1121].

Оставшиеся советские части находились в таком положении, что их дальнейшее сопротивление, как и попытки прорыва, заведомо обречены.

Конечно, за эти дни командование дивизии убедилось, что яростный фанатизм у «советов» преобладал над трезвой оценкой ситуации. Однако было заметно, что боевой дух русских отчетливо упал: при взятии I.R.135 западной части Северного острова, а позже II/I.R.133 — Южного острова было взято 1250 пленных[1122].

В эти часы командование дивизии искренне посчитало, что с Брестской крепостью покончено. А то, что командиры частей об этом не заявляли — вероятно, следствие того, что на ситуацию те смотрят со своей *точки зрения*.

…Неизвестно, когда и после чего, но уже вечером на *точку зрения* встало и командование дивизии, изменив оценку положения в более расширенном варианте суточного донесения от 24 июня: «Двумя сильными огневыми налетами, выполненными в первой половине дня, русские, все еще упорно обороняющиеся в подвалах и домах, были так измотаны, что частично последовали призыву динамика о сдаче.

Когда незадолго до второго огневого налета сообщили, что в постоянно обходимой собственным артиллерийским огнем церкви цитадели под руководством фельдфебеля находятся примерно 50 военнослужащих дивизии с русскими пленными, на деблокирование церкви, в сочетании с огневым налетом, выделялась штурмовая группа. В итоге удалось не только освобождение окруженных, но и захват значительной части Центрального острова.

Одновременно захвачен Северный остров, чья зачистка закончится, вероятно, в темноте… Из подчинения дивизии выведены NbwRgt 4 (NbwAbt.8, Entg.Abt.105, 3/ NbwAbt.6)»[1123].

Сейчас, говоря о планах на завтра, подписавший донесение Деттмер уже более осторожен — «окончание зачистки цитадели и города Брест-Литовска, вплоть до отдельных партизан и боевиков».

Тем не менее сообщение о взятии крепости Бреста успело уйти наверх.

22.00. Предвечернюю тишину разрушил грохот ружейно-пулеметного огня на Северном — Восточный форт все-таки решился на прорыв. Остывшие было стволы MG-34 вновь начинают раскаляться — защитники, выбегая из конюшни, устремляются к выходу из форта. То, чего они так боялись, и произошло — пулеметы бьют и из ДНС и санчасти 125 сп, и сзади — с внутреннего вала. Защитники — в огненном мешке, в страхе мечутся под огнем, пытаясь было залечь, — но укрыться трудно… Подключаются и минометы — заградогонь перед фортом доказывает, что спастись невозможно — вскочив, бойцы устремляются опять в конюшни, пулеметы вновь и вновь находят своих жертв.

Несколько десятков убитых и раненых — цена попытки прорыва Восточного форта.

…«Дом офицеров», хотя крепость и не пала, но после дневных неудач угроза ее гибели ощущалась теми, кто, несмотря ни на что, продолжал ее оборонять. Сейчас, к концу третьих суток, им, мучавшимся от голода и жажды (колодец, выкопанный в одном из подвалов, давал не более котелка в день), стало окончательно понятно, что помощь не придет. Хотя надежда, пусть и слабая, оставалась с этими людьми до конца.

К исходу дня, несмотря на бойню, устроенную в прошлую ночь пулеметчиками Герштмайера и Кене, попытку прорыва решено было повторить. «В этот вечер около Фомина собрались кое-кто из командиров. Обсуждалась возможность прорыва из крепости. Некоторые ссылались на вероятный успех группы сержанта Лермана, ушедшей накануне»[1124]. Большинство были настроены решительно — бойцы стали сами подходить к штабу обороны с просьбами о зачислении их в следующую группу.

«На этот раз подготовка была хлопотливее, так как большинство бойцов не умели плавать. Люди находили себе деревянные изделия и доски. Комиссар Фомин некоторых, не умевших плавать, стал отговаривать, предлагая обождать»[1125].

Но ждать было уже нечего. Подготовка к прорыву продолжалась.

25.06.41. «Принц Ойген»

0.00. Первые подразделения A.A.45, перешедшего из подчинения I.R.130 к дивизии напрямую, прибывают в указанное место[1126]. Теперь слабое звено оцепления, где сумел вырваться Виноградов (стык между полками Йона и Кюлвайна), укреплено. Это было сделано вовремя — едва сгустилась темнота и солдаты фон Паннвица успели разместиться на позициях, как у Трехарочного загрохотало вновь. Русские пошли!

Эта, вторая попытка прорыва была еще более кровавой и неудачной, чем первая, — перекрестный огонь пулеметов почти никого не допустил на северный берег. В. С. Солозобов: «Рвались снаряды, не умолкали пулеметные очереди, беспрерывно светили ракеты. Но и эта наша попытка не привела к желаемым результатам: многим не удалось доплыть даже до середины реки»[1127].

Вот сейчас-то им оставалось только сражаться и ждать.

…Возобновившийся грохот боя на цитадели встревожил Гальвитца, и без того уже разочарованного тем, что капитуляция, намеченная на 18.00, так и не состоялась. Теперь вновь разгоревшаяся стрельба доказала, что оставшиеся русские защитники не пали духом и продолжат оборону. Однако полковник все же надеялся, что до утра ситуация разрешится.

3.00 Брест. КП дивизии.

Начинают поступать утренние донесения. Первое — от I.R.133, удерживающего большую часть цитадели. На предстоящий день полк Кюлвайна имеет твердые намерения наконец-то занять ее полностью: «В общем, несмотря на некоторую стрельбу, ночь прошла более спокойно. Центральный, Южный и Западный острова твердо в руках полка.

В 4.00 ч. 25.6.1 батальон на Центральном острове проведет налет штурмового подразделения на отдельно стоящий дом у Северного моста острова, занятый 2 русскими пулеметчиками, подчинение саперов с взрывными средствами обеспечено. I.R.135 оповещает, что его захват будет означать слом последнего известного до сих пор узла сопротивления на Центральном острове.

На Северном острове III батальон, состоящий только из двух, почти на треть ослабленных потерями пехотных рот, приказанной цели наступления, Мухавца, сможет достигнуть не всюду. Тем не менее ожидается, что зачистка Северного острова A.A.45 с приданными подразделениями III батальона будет быстро возможна. III батальону подвозятся огнеметы и придаются штурмовые саперные группы»[1128].

В ночь на 25 июня в Брест-Литовск подтягиваются моторизованные части подразделений снабжения.

Однако отдел тыла разочаровывает, первоначально охарактеризованное с нескольких сторон как значительное, хранилище трофейного имущества в Брест-Литовске (в частности, автомобилей и продовольствия) оказалось не столь впечатляющим. Склад продовольствия обеспечивает только суточное продснабжение дивизии, демонстрируя большие объемы лишь зерна, гороха и лапши. Трофейный транспорт, первоначально определяемый в более чем 280 грузовых автомобилей, при более близком исследовании этих машин оказывается почти на 95 % поврежденным, разрушенным или не готовым к выезду.

Почти не спавший несколько ночей Василий Солозобов, изнемогая от усталости, вновь спустился в подвал, где находились раненые. Но это не было тихим и стерильным лазаретом — скорее одним из самых мрачных мест участка обороны Фомина. Мучения, испытываемые ранеными, были поистине адскими — они лежали на разбросанном картофеле, без медикаментов, воды, пищи[1129]. Не хватало и перевязочного материала. Сюда относили только тяжелораненых — те, кто мог держать оружие, находились на этажах. Крики и стоны из подвала, хорошо слышные бойцам, не прекращались — «волосы поднимались дыбом от человеческих криков, но мы были бессильны помочь этим несчастным»[1130]. С ними находились пара санитаров да врач Бардин, хороший специалист и чуткий человек, но что он мог сделать, не имея даже воды? Но и уйти он не мог, вынужденный видеть, как один за другим умирают раненые. А какова судьба тех, кто остался в подвале Инженерного управления? Об этом тоже не мог не думать Бардин…

В подвале было потише. Обессиленный, Солозобов мгновенно заснул. Но вскоре его растолкал его тезка, фармацевт Василий Суховерхов: «Василий! Вставай! Бардин застрелился!» Суховерхов вскочил — во сне он и не услышал выстрела. Мертвый Бардин лежал рядом. «Раненые молча смотрели на него. Молчали и мы»[1131].

Самоубийство Бардина, в «минуту душевной слабости», Фомин не одобрил: «Терять жизнь бесцельно — преступление».

Скоро рассвет[1132].

3.15. На КП «сорок пятой» уходит утреннее донесение от Ветцеля: «Противник кажется подавленным. В восточной части Северного острова цель 50 м свободна от неприятеля. Захвачена одна противотанковая пушка с расчетом и тягачом»[1133].

3.40. Передает утреннее донесение A.R.98: никаких изменений, все спокойно. Второй дивизион в полдень 24 июня оборудовал огневые позиции в районе Котельни.

4.00. Начинается новая атака оставшихся очагов сопротивления — на пкт 145 идет разведотряд фон Паннвица, на «Дом офицеров» — батальон Фрайтага.

Фрайтага, атакующего ротой Хурма и пулеметчиками Лерцера, теперь поддерживают и 5-см противотанковые орудия лейтенанта Шейдербауэра. Наготове — группа саперов-подрывников.

В атаке участвует и Лео Лозерт: «Я снова должен вести передовые подразделения и, в частности, обеспечить противотанковому орудию позицию с сектором обстрела на красный дом командования»[1134].

Готов к бою и Шейдербауэр: «Так как специально составленные штурмовые группы должны были начать прочесывать удерживаемые противником здания, задача 50-мм орудий — обеспечить их поддержку огнем по окнам и подозрительным укрытиям»[1135].

Началось — удары противотанковых пушек, пулеметные очереди по «Дому офицеров» слились с

ожесточенной стрельбой на Северном, где перешел в атаку А.А.45. Огонь орудий Шейдербауэра особенно эффективен — разрывы фугасно-осколочных снарядов практически всегда находили жертвы, на втором этаже здания, в караульном помещении начался пожар.

…Однако первоначально казалось, что атака на «Дом офицеров» захлебнется, как и вчера — ожесточенный огонь русских не давал Хурму возможности атаковать. Лео Лозерт: «Я снова прибыл первым к церкви, слева сзади от меня — мой второй взвод 12-й роты. Лейтенант Хурм с его людьми продолжал лежать справа от церкви под вражеским огнем и не мог продвинуться к казематам. Мое отделение станковых пулеметов, прибыв к стрелкам, также не смогло продвинуться дальше»[1136].

Подавить огонь из «Дома офицеров» не могли и орудия Шейдербауэра. Стрельба велась из самых неожиданных мест: «Снайперы сделали операцию чрезвычайно опасной. Офицер роты пропаганды, игнорирующий увещевания об осторожности, был ранен. Его эвакуация переросла в длительную и опасную задачу. Санитары-носильщики вызвали ожесточенный огонь, но чудом сумели возвратиться невредимыми»[1137].

Но атаку нужно было продолжать — пулеметы и орудия все же сделали свое дело, огонь защитников несколько поутих. Но кто рванется первым?

Это пришлось сделать фельдфебелю Лозерту: «Так как теперь никто не хотел решиться на последний скачок и на вторжение в казематы, я, напротив, внезапно свободно побежал и, заскочив в проем, ввалился внутрь каземата. При этом я столкнулся с группой вооруженных совершенно закопченных пороховой гарью русских, сразу же сдавшихся при моем внезапном появлении.

Так как я не стрелял, из различных дыр выходили все больше русских (вскоре их стало около тридцати), которые затем принимались моими солдатами, последовавшими за мной»[1138].

Итак, Лозерт, вероятно через дверь внутри восточной арки Трехарочных, ворвался в столовую 33-го инженерного, еще недавно отбитую Лерманом. Отсюда был вход как в подвал (по-видимому, под «различными дырами» он его и подразумевает), где находились раненые и, если, пройдя раздаточную и кухню, прорваться через пробитую красноармейцами для штурма столовой дыру, — лестница на второй этаж.

Для защитников сложилась критическая ситуация: заняв помещения на западе казармы, немцы могли оттеснить их в сторону тупика, а оттуда отступать было уже некуда. Да и в любом случае — помещения столовой, примыкающие к мосту, позволяли хоть как-то рассчитывать на удачу прорыва. В противном случае вырваться на мост становилось нереально. И, наконец — доступ к воде. И без того трудный, с захватом части кольцевой казармы он становился невозможным.

Тотчас же по всей линии казармы, из отсека в отсек пронесся тревожный крик «Немцы в крайних комнатах!». Особо страшной эта новость была для раненых — «Ходили слухи, что немцы уже заняли столовую отдельного разведывательного батальона, а это означало, что они окончательно отрезали путь к воде»[1139]. К этому моменту раненые, лежавшие в подвале, продолбили водопроводные трубы — надеясь найти хоть каплю влаги, но это был самообман. Пробили и цементный пол, вырыв яму с полметра — но и там воды не оказалось, лишь мелкий жидкий песок, напоминавший клюквенный кисель. Пытались процедить — ничего — бесполезно. Оставалось только смачивать песком губы и ждать темноты — тогда на то, что смельчакам удастся добыть воды, еще можно было надеяться. Сейчас, с захватом столовой, исчезала и эта надежда.

Солдаты Хурма, рванувшиеся за Лозертом, и не собираются давать ее вновь, пытаются пройти и дальше. Все смешалось — ожесточенная пальба, взрывы гранат, русский мат и немецкие проклятия.

Лозерт продолжал действовать: «Я шел дальше и, выскочив из каземата с другой стороны, увидел на

валах за наполненным водой рвом крепости отдельных немецких солдат, которые атаковали с севера. Между нами лежал длинный открытый ко мне каземат, полный русских, давших мне понять, что хотят сдаться. Так как атакующие с севера немцы не знали это, меня не понимали и, кроме того, дальше не шли, я хотел пересечь ров, наполненный водой, и объяснить им положение. Но только я хотел подбежать к воде, как был обстрелян справа, так что пришлось вернуться[1140]. В каземате я встретил своего командира и солдата роты пропаганды, имевшего ракетницу, и попросил его пустить белую сигнальную ракету. Затем атакующие с севера подразделения приостанавливали огонь против нас, и русские сдались им раньше. А сюда все еще подходили из подвалов сдающиеся русские. Теперь в крепость вступали и другие пехотные роты — 12-ю роту вывели, возвратив ее на прежнее положение на улице[1141]. В воротах крепости[1142], где майор Фрайтаг соорудил свой командный пункт, я отметился у него, он пожал мне руку и поблагодарил меня за мои действия»[1143].

Однако бой за «Дом офицеров» еще только разгорался.

* * *

8.40. Командующий 4-й армией отдает приказ № 06 командиру 28 ск на оборону Слуцкого оборонительного района, привлекая в качестве рабочей силы местное население. Создать два оборонительных рубежа: а) По рубежу бывшей советско-польской границы с использованием оборонительных сооружений строящегося Слуцкого укрепленного района; б) По р. Случь. Одновременно приказывая остатки 6 сд передать 55 сд[1144].

9.00. Из оперативной сводки штаба Западного фронта № 6: «Сведений о действиях и положении войск фронта на ночь на 24 июня 1941 г. не поступило. Уточняю положение на левом фланге фронта к исходу 24 июня 1941 г... Разрозненные мелкие части 42 и 6 сд и 14 мк отошли на Ляховичи, где и закрепляются. Командир 28-го и командир 14-го корпусов собирают отходящие в беспорядке части и группы в районе Синявка. 75 сд со 125 сп 6 сд, задерживаясь на отдельных рубежах, отходят вдоль Луненецкой железной дороги с рубежа Дрогичин. Штаб армии — в районе Слуцк»[1145].

Однако к этому времени ситуация изменилась — остатки 6 и 42 сд идут уже к Слуцку, для переформирования[1146].

...Объяснение причин разгрома войск Красной Армии на западной границе требовалось кому-то так же, как Коробкову остановить немцев у Слуцка. Что произошло? А главное — кто виноват? Эти вопросы возникли у секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М. Н. Тупицына еще в тот день, когда он вместе с партработниками под выстрелы «пятой колонны» покидал Брест. Сейчас Тупицын ответил, по крайней мере, сам себе на эти вопросы — выводы он отправил в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии:

«...Обком КП(б) считает, что руководство 4-й армией оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями... Ни одна часть и соединение не были готовы принять бой, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать, или погибнуть.

...В Брестской крепости, на самой границе, держали оборону две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов.

...Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую

картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая младшими командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали сдерживать бегущих с фронта… Нам временно удалось приостановить это позорное бегство…

Возмутительным фактом является и то, что штаб корпуса не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь с своими частями. Таким образом, многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы в беспорядке бежали… Обком и горком КП(б)Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе, но эффективно ничего сделать не смогли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г. Брест. Обком КП(б)Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4-й армии и укрепить руководство 4-й армии»[1147].

Коробков пока укрепляет позиции у Слуцка.

*** * ***

Гальвитц прождал напрасно — стрельба, начавшаяся на Цитадели еще ночью, то гаснущая, то разгорающаяся вновь, была слышна вплоть до 9 утра. Дольше ждать было нельзя — но, связавшись со штабом дивизии и Arko 27, он так и не получил разрешения посетить цитадель для осмотра результата попаданий снарядов 2-й батареи s.Artl.Abt.833.

Однако Гальвитцу уже было совершенно ясно, что, исключая небольшие трудности (разгрузка вилочного захвата и крана для поднятия ходовой части), установки «Карл» полностью оправдали ожидания. Как впоследствии оказалось, распределение попаданий их снарядов было достаточно кучным.

…Лозерт покинул столовую 33-го инженерного — и ситуация, казалось бы, благоприятно складывающаяся для батальона Фрайтага, развернулась в обратную сторону. Группа добровольцев, организованная Зубачевым, гранатами выбила немцев оттуда. Одновременно выяснилось, что на пкт 145 сдались далеко не все — защитники (у которых практически закончились патроны), как и в Восточном форту, укрылись в его горжевом каземате. Разведотряд фон Паннвица захватил лишь вершину вала, заняв позицию с северной его стороны. Пробиться же на южную, чтобы ворваться в казематы, было чревато большими потерями — помимо огня защитников пкт 145, разведотряду, что было гораздо более опасно, пришлось бы атаковать под огнем со стороны 33-го инженерного. Однако фон Паннвиц, как и (днем ранее) I.R.135, захват вала ошибочно счел за захват всего укрепления.

Вероятно, он уже успел доложить об этом — потом-то оказалось, что имевшимся вооружением объект не взять, — но донесение уже пошло своим чередом — в полк, оттуда — в дивизию, там (хотя там обязаны были бы перепроверить) — в корпус…

…11.15. В итоге в штабе корпуса в это время, посчитав операцию в Бресте завершенной, размышляют над тем, как лучше задействовать «сорок пятую» в ведущемся корпусом наступлении. Связавшись с КП Фрица Шлипера, корпус предлагает следующее — передовой отряд дивизии сразу же подводится к КП XII А.К. (Линово). Далее Шлипер, оставив на цитадели небольшие подразделения для окончательного урегулирования, главными силами наступает между танковыми магистралями № 1 и № 2.

11.45. Дивизия продолжает подводить итоги штурма, одновременно планируя дальнейшие действия. Чтобы получить представление о ее боеспособности, Армин Деттмер отдает распоряжение о

предоставлении ему до 17.00 сегодняшнего дня данных о состоянии подразделений (батальона или (соответственно) дивизиона, (вплоть до роты включительно)[1148].

В это время итоги действий «сорок пятой» подводят и в Берлине, на набережной Тирпица, в штабе сухопутных войск.

На утреннем совещании у командующего ОКХ, майор фон Белов, состоящий офицером связи при штабе PzGr 2, доложил свои впечатления о действиях группы. Доклад фон Белова подтвердил предположения Гальдера, присутствующего на совещании, о том, что 45-я пехотная дивизия, по-видимому, зря понесла в районе Брест-Литовска большие потери.

По итогам доклада, было решено поручить генералу артиллерии Бранду, во-первых, выяснить эффективность огня установок «Карл» по району Бреста, во-вторых — расследовать действия там же и 45-й пехотной дивизии[1149].

Тем временем Фриц Шлипер, в полдень выехавший в штаб корпуса лично, уже видит ситуацию иначе, чем утром. На состоявшемся там обсуждении выясняется, что дивизия будет готова к походу не раньше, чем вечером 26 июня. Для главных же сил дивизии, как указал Шлипер, причины того, что выступление невозможно вплоть до вечера 27.6, это:

1) зачистка еще не закончена. (В первой половине дня прочесываются отдельные участки и ведется подготовка для окончательной зачистки Северного острова.)

2) цитадель должна передаваться другой воинской части.

Одним словом — перспективы пока еще туманны. Однако такая ситуация не может долго продолжаться — корпус уже ушел слишком далеко, решая грандиозные задачи. Смысла держать дивизию на зачистке небольшой территории в тылу — нет. Вероятно, именно на этом обсуждении и было принято решение — если в ближайшие сутки зачистка цитадели не завершится и замену «сорок пятой» нельзя будет найти — она будет выведена из состава корпуса.

…Захватив вершину вала пкт 145, главное, чего добился разведотряд — доступ к воде для группы Фомина стал еще более затруднен. Кроме того, предыдущие попытки прорыва были все же как-то прикрыты валом пкт 145 — сейчас этой возможности уже не было. И, в дополнение ко всему, теперь противник получил возможность и с севера вести в окна 33-го инженерного прицельный фронтальный огонь. Окна были слишком широки — и противотанковым пушкам Вацека с юга, и стрелкам разведотряда с севера не составляло никакого труда вновь и вновь, выбивая выстрелами нехитрую маскировку, подстреливать находящихся в казарме бойцов.

Сейчас им, уже четвертый день страдающим от жажды и голода, было совершенно негде укрыться. Но бой продолжался — с выходом на вал пкт 145-го разведотряда разнообразие в него внесли снайперские поединки. Иван Долотов: «В крепости немцы применяли чучела, которые выставляли в траве и кустах на валах за Мухавцом. Чучела были сделаны очень искусно, они перемещались и по окраске здорово имитировали живых солдат. Здесь же, впервые, я убедился в меткости снайперской стрельбы. Худой, веснушчатый красноармейчик с острым носом лежал на груде матрасов у края окна и время от времени прикладывался к прицелу самой обычной, даже без оптического приспособления винтовки. После выстрела он снимал с себя фуражку с красным околышем пехотинца и вытирал ею потное лицо. Когда я обнаружил немца, приспособившегося за толстым деревом на валу за Мухавцом, я указал на него парню. Немец вырубил с краю ствола у самой земли треугольник и очень удачно маскировался, имея возможность стрелять, не высовываясь из-за дерева. Мне хотелось убедиться в меткости снайпера и чтобы не ушел фашист. Я беспокоился, что нет оптического прицела у красноармейца, но он сказал, что на таком расстоянии он его и так снимет. Когда просвет в стволе закрылся, снайпер выстрелил. Сейчас же за стволом

дерева взметнулся и тут же рухнул немец. Мы все были поражены таким мастерством, которое никак не соответствовало неказистому виду этого советского солдата»[1150].

Однако стрельба пехотинцев разведотряда не причиняла большого ущерба — как свидетельствует Долотов, наиболее сильный огонь велся с юга, по внутренней стороне казарм, где атаковал батальон Фрайтага.

…Командование I.R.133 вовсе не горело желанием устроить еще один бой в кольцевой казарме, понимая, что он приведет к несомненным большим потерям и сомнительным результатам. Ведущаяся одновременно со штурмом «Дома офицеров» зачистка территории, зданий, еще вчера считавшихся захваченными, показала, что продолжают сопротивление те русские, большинство из которых готово сражаться до последнего. Герхард Эткен записал в тот день в КТВ: «Оставшиеся части русских упорно сопротивляются. Случается, что из домов, чья большая часть взорвана, тотчас возобновлялся огонь. Зачистка так трудна потому, что отдельные русские скрываются среди лохмотьев, ведер, даже в кроватях и на потолках, и снова начинают стрелять после обыска дома или кидаются на солдат с остро отточенными ножами. Причиной для необычно настойчивой и выносливой защиты является внушенный комиссарами страх об их расстреле в немецком плену. Некоторые из пленных вообще не встают, а хотят быть застреленными на месте»[1151].

Убедившись, что боевой дух защитников не сломлен, Кюлвайн решил, не прекращая обстрелов «Дома офицеров» из пехотного оружия и противотанковых орудий, задействовать средства саперов. Поднявшись на крышу кольцевой казармы, в одном из захваченных ее секторов, саперы, пройдя по крыше через Трехарочные, очутились над казармой 33-го инженерного. Вместе с ними было достаточно взрывчатки, чтобы сделать то, что двумя днями ранее Лерман сделал с немцами, обороняющимися в столовой, взрывая перекрытия и стены, загнать противника в угол, принудив к капитуляции.

Подрывать решили, опуская взрывчатку в дымоходы[1152]. Стены это не развалит, но должный эффект произведет — напуганные взрывами русские спустятся в подвалы, прекратив огонь. В это время к подвальным окнам подбегут штурмовые группы и различными ящиками, коробками, обломками кирпичей и прочим мусором забьют выходы из них[1153]. Масух решил лично руководить операцией.

Но появление саперов на крыше не осталось незамеченным — красноармейцы, находившиеся в каземате пкт 145, стали кричать своим товарищам в «Доме офицеров», что по их крыше ходят немцы. Сами же защитники пкт 145 не могли стрелять — не было патронов[1154].

Почти одновременно грохнул взрыв — разлетелась печка в одном из казематов. Сработали ее осколки — на полу корчились раненые и лежало несколько убитых. Опасаясь второго взрыва, люди бросились к окнам — там их встретил пулеметный огонь. Взрыв! Второй — еще одна печка — вновь жертвы. Взрыв! Саперы работали быстро…

За их работой наблюдал лейтенант Шейдербауэр: «Саперы штурмовых групп вставали на крышу части длинного здания напротив нас. Шестами они спустили подрывные заряды вниз к окнам и взорвали их там[1155], но в результате сдалось лишь несколько русских[1156]. Большинство сидело в безопасных подвалах и, несмотря на тяжелые удары артиллерии, снова возобновляло бой после того, как были сделаны подрывы»[1157].

Шейдербауэр ошибался — в подвалах сидело далеко не большинство: и огонь с этажей не прекращался — саперы слышали крики и стоны раненных подрывами русских, но те продолжали стрелять. Более того — ими было быстро принято решение ликвидировать и самих саперов. Группа защитников через горевшее караульное помещение выскочила на крышу, где и начала перестрелку с саперами Масуха. Двое красноармейцев были убиты, двое — тяжело ранены[1158]. Однако потери понесли и немцы —

отстреливаясь от защитников, был ранен командир PiBtl 81 оберст-лейтенант Масух[1159]. Операцию пришлось приостановить.

Дивизия продолжает вести невыносимые потери — в бою за «Дом офицеров» убит и командир 14/133 гауптман доктор Вацек, отличившийся накануне при освобождении окруженных в церкви.

14.00. Дневное донесение от Гиппа диктуется на КП «сорок пятой» по телефону. Полк вновь вводится в бой — с 12.00 для зачистки Северного острова его второй батальон (майора Гартнака) придается I.R.135. Третий, Ульриха, занимается захоронением погибших русских восточнее крепостной ж/д станции (Zitadelle-Bahnhof)[1160].

Первая рота противотанкового дивизиона (его дневное донесение Ветцель дисциплинированно отправил мотоциклистом одновременно с I.R.130) занимается тем же — расчистка территории, захоронение трупов и т. д.

6 орудий прикрывают улицы, ведущие из крепости непосредственно на восточной окраине Бреста. Именно там, прямо рядом с городом, одному из их расчетов удалось утром захватить 5 пленных. По-видимому, это были русские, пытавшиеся прорваться из крепости.

3-я рота Ветцеля по-прежнему ведет бой на северной и восточной окраине крепости. КП PzJgAbt — там же. Сам же дивизион[1161] переехал западнее улицы 7 сентября.

14.15. Радиограмма в 45 I.D.: бронепоезда № 27 и № 28 отправляются в Линово через Жабинку.

14.48. Неподалеку от собирающего трупы батальона Ульриха, только в 500 м западнее Zitadelle-Bahnhof, расположил свой штаб фон Паннвиц. Оттуда он передает донесение, подтверждающее ранее сделанную им оптимистичную оценку положения: «Достигнутые цели и территория: восточная часть Северного острова крепости Брест-Литовск. Оценка положения противника: цитадель зачищена от противника. В настоящее время в крепости еще находится несколько разрозненных партизан, которые продолжают ликвидироваться. Сопротивление неприятеля сломлено. Потери дивизиона: 1 погибший, 4 раненых. Планы наследующий день: по приказу полковника Йона»[1162].

Сам того не подозревая, фон Паннвиц дал начало очередной волне сообщений о взятии цитадели.

Вероятно, именно получив известие о падении крепости из штаба дивизии фон Кришер, отдав приказ № 7, начинает сворачивать работу артиллерии вокруг Бреста, готовя ее к походу дальше на восток: «1) С 25 июня I.R.135 и I.R.133 сломлено очаговое сопротивление на Северном острове у цели 609 и к югу от нее, а также в восточной части Центрального острова и упомянутые части полностью очищены от противника.

2) Вместе с тем для артиллерии 45-й дивизии не остается никаких боевых задач. Она готовится к дальнейшим действиям и немедленно начинает необходимое походное движение:

a) I и II дивизионы A.R.98 остаются в боевом положении на прежней огневой позиции.

b) 6-я батарея немедленно возвращается в состав дивизиона, двигается в Тришин, где далее и расквартировывается.

c) III/98 переходит в район Форт Граф Берг — Речица, где далее и расквартировывается.

d) I/99 двигается по северной дороге (Тересполь — 8-т мост непосредственно к западу от цитадели Бреста — шоссе в северной части Бреста) в восточную часть Бреста, где далее и расквартировывается.

3) Мортирный дивизион Галля распускается:

a) Гауптман Галль с персоналом 45-й дивизии после передачи всей матчасти обер-лейтенанту фон Пош возвращается в полевой запасный батальон.

b) Обер-лейтенант фон Пош с персоналом из Ютербога собирает всю матчасть, включая мортиры 34-й дивизии в расположении к северу от Кобылян, и сообщает о готовности офицеру артиллерии при штабе А.О.К. 4.

4) MrsAbt.854 выбывает из состава 45-й дивизии и запрашивает дальнейшую команду у офицера артиллерии при штабе А.О.К.4.

5) Батарея 833 выбывает из состава 45-й дивизии и остается в нынешнем районе. Дальнейшие команды отдаются командиром дивизиона.

6) К полудню 25.6.41 все части сообщают в Arko 27 по цифре 2 и 3 об оставленном наличии боеприпасов после числа выстрелов и места их хранения.

7) Части сообщают Arko 27 о выполненных передвижениях и достигнутом положении, указывая местонахождение командиров (6/A.R.98 через II дивизион).

III/A.R.98 через I.R.135, с которым остается прямая связь.

I/A.R. 99 передает сообщение с мотоциклом.

8) Взвод оптической разведки Bb.8 выбывает из состава дивизии и возвращается в свою часть. Руководитель сообщает об отбытии в Arko 27»[1163].

Таким образом, дивизия осталась без тяжелой артиллерии резерва ОКХ[1164].

15.00. Шлипером отдается приказ о зачистке I.R.135 Северного острова (еще в полдень переданный в части по телефону) подчиняя Фридриху Йону для решения этой задачи A.A.45 (без подразделений, находящихся в городе Бресте)[1165], II/130 и III/133[1166], и подразделения PiBtl.81 (по выбору Йона).

Ведение боя и начало нападения по решению самого Йона.

Обещаны и средства усиления — трофейные танки, огнемет и т. д. Однако пока имеются в наличии только несколько групп саперов-подрывников.

Вероятно, атака «группы Йона» началась сразу же после получения приказа. «Для нападения на Восточный форт нам придали штурмовые группы, оснащенные огнеметами[1167], — писал Фридрих Йон в своих воспоминаниях. — Вход в имеющее форму подковы сооружение был засыпан огнем противотанковых орудий (прямой наводкой), оружия пехоты и одной легкой полевой гаубицы. Однако огнеметы нельзя было подвести достаточно близко для эффективного действия из-за дикого оборонительного огня вражеского стрелкового оружия. На позиции за северными валами было размещено много 80-мм минометов, но постановка ими в Восточном форту дымовой завесы не дала никаких результатов. Однако мы захватили дот[1168] на берегу Мухавца»[1169].

15.30. дневное донесение в Pz.Gr.2:

1) a) ожесточенные, утомительные небольшие столкновения с незначительными, по-видимому, разогнанными вражескими группами, смешанными с танками.

b) Цитадель Брест пала.

Обе передовые дивизии добились перехода через Ясельда. Выдвигаются предмостные укрепления.

Передовая линия: передовой отряд корпуса непосредственно к западу от Миловиды.

Передовые отряды дивизий: Закулянка, северная окраина надлесничества Береза-Картузская.

2) Планы: предмостное укрепление за Ясельда, подтягивание дивизий вперед.

3) Воздушная обстановка: подразделения сетуют на частые воздушные налеты, без

истребительного прикрытия и зенитной обороны.

…Итак, цитадель Бреста опять пала? Командующий Группой армий Федор фон Бок не мог не доверять своим подчиненным, доставившим это сообщение. «Сегодня после очень тяжелых боев, наконец, пала цитадель в Бресте», — записал он в своем дневнике[1170].

Военные корреспонденты, люди, с одной стороны, творческие, с другой — подчиняющиеся дисциплине, требующей в данном случае подтвердить взятие Брест-Литовской цитадели, вмешали в это и Вальтера Шрота, вынудив его коротко рассказать об «успешном взятии» крепости во «фронтовой сводке». Неизвестно, сам ли Шрот составил текст (тезисы интервью) или лишь бегло просмотрел составленное офицерами Ic, а может, просто это корреспонденты прислали на визирование? Тем не менее интервью со Шротом от 24 июня представило дело так, что дальше деваться было некуда — цитадель была прочно объявлена взятой. В своих ошибках, разумеется, не признавалась пропаганда ни одной из сторон…

Вот что сказал (?) Шрот: «1) Удивительно, что сильное долговременное укрепление Брест-Литовска было проломлено примерно за 12 ч.!

Господин генерал: Для этого имелись две предпосылки: мыслительная работа штабов по самой тщательной, вплоть до мелочей, проработке всех деталей предстоящей операции и, во-вторых, прежде всего смелость и самоотверженность превосходно подготовленных войск. И то и другое выполнено самым непревзойденным способом, кристально точная мыслительная работа штабов достигла необходимого результата.

Слава покорения крепости Бреста принадлежит пехоте и штурмовым саперным частям, поддерживаемым артиллерией всех калибров и во взаимодействии со всем другим современным оружием. К этому нужно прибавить полную неожиданность для противника!

2) Показ силы укреплений Брест-Литовска.

Господин генерал: Брест-Литовск — старая русская крепость с цитаделью и передовыми укреплениями, которая часто меняла владельца и постоянно как-либо развивалась. Сегодня это сеть современных укреплений с бронированными куполами, бункерами, закопанными броневиками, минными полями, проволочными заграждениями и т. д. на глубине 8–10 километров.

3) Сравнения с „линией Мажино“! Прорыв год назад!

Господин генерал: Русские заложили проходящую у своей границы линию бункеров и полевых оборонительных сооружений, которые, вообще-то, не достигают силы „линии Мажино“, однако для войск, атакующих крепость Брест, имеют глубину 8–10 км.

Их, настолько быстрым, преодолением мы обязаны, так же, как и при прорыве „линии Мажино“ в июне прошлого года, несравненной смелости подразделений нашей армии и качеству нашего оружия. Эта зона была пронзена на самом важном месте через 5 ч.

В прошлом году мы, на „линии Мажино“, отвечали за проведение одного из двух способов огневого воздействия — длительную артподготовку. Разрушение же самых мощных сооружений должны были принять на себя пикирующие бомбардировщики. На этот раз мы сделали по-другому. Пикирующих бомбардировщиков не было! О том, как мы это сделали, говорить еще не время. Я выполню долг чести, если в солдатской благодарности за все свершенное я обещаю помнить возвышенную смелость моего усердного соединения»[1171].

15.50. Однако уже в совместном донесении Деттмера и фон Рюлинга (Ic) в штаб корпуса, только что сообщившего Гудериану о захвате цитадели, ее «взятие» уже прочно забыто. Деттмер сообщает о продолжающихся зачистках крепости, связанных с потерями (особенно офицеров), фон Рюлинг — о том,

что у разведотдела никакой новой информации нет.

16.00. Штаб корпуса ходатайствует о смене 45 I.D. в работах по расчистке цитадели полком тыловой дивизии. **Действительно, взятие еще имеющихся на ней гнезд сопротивления: Восточного форта, вала на Северном острове вблизи Северного моста[1172], укрепленного дома на Центральном острове[1173] — задача скорее полка, не говоря уж о расчистке развалин или уборке трупов. К тому же от дивизии давно уже действует группа, по своей численности сравнимая с полком. Ясно, что Шлипера необходимо снимать, пусть и с недоделанной им задачи. Иначе вновь придется объяснять, что же делает «сорок пятая» в Бресте после «двойного» захвата крепости. Снятие же дивизии с Бреста подтвердит выполнение задачи не только Шлипером, но, что важнее, и Шротом, а там — и фон Клюге, и — выше…**

16.30–16.45. После начала акций зачистки I.R.133 и I.R.135[1174] почти одновременно сообщают, что к еще устойчивым гнездам сопротивления[1175] не приблизиться пехотными средствами. Оба командира срочно просят о назначении танков и огнеметов.

Поскольку действующими частями они запрашивались и ранее, то за вторую половину дня Ib всячески пытается сделать проезжими несколько русских захваченных бронеавтомобилей. Однако сегодня это не удается.

Сообщение от Кюлвайна тоже свидетельствует о том, что зачистка вновь увязает — не взяты ни Северный мост, ни прилегающий к нему дом. Разрабатывается план новой атаки. Взятые пленные переведены в южную часть.

Засечен подземный шум отбойного молотка[1176]. В подвале все еще должны оставаться около 100 человек. Что это? Заваленные взрывами русские роют подземные ходы, пытаясь выбраться? Или — колодцы, надеясь добраться до воды?

18.00. Не добившись восстановления бронетехники от отдела тыла, Деттмер радирует в корпус: «Настойчиво ходатайствую о немедленном выделении примерно 3 танков против защитников для взятия Брестской крепости»[1177].

18.35. Начальник инженерных частей корпуса требует от дивизии немедленно отпустить и отправить в путь 3/PiBtl 46[1178].

19.30. Лейтенант Вайн, адъютант PzJgAbt 45, отправляет мотоциклиста с суточным донесением дивизиона. У «панцирягеров» никаких новостей. Планы — продолжать зачистку цитадели[1179].

19.30 КП I.R.135 перенесен к мосту на дороге от северного моста на север, севернее главного вала[1180].

19.45. Оберст-лейтенант Виндманн, исполняющий обязанности командира A.R.98, подтверждает боеспособность своей части. Все подразделения полка готовы к исполнению любой задачи.

Нехватка лошадей была восполнена за счет трофейных. 1-й и 2-й дивизионы A.R.98, каждый с тремя батареями (в них по 4 орудия), а также III/98 и I/ 99 переведены в подчинение Arko 27[1181].

20.00. Суточное донесение от 65-го батальона связи: гауптман Шмитц расположил свой КП в здании облисполкома. А в остальном — все по-прежнему, боевые будни связистов редко блещут событиями, упоминаемыми в репортажах военных корреспондентов.

20.10. От Гиппа — I/I.R.130 до 17 часов расквартировался в Бресте в прежнем месте расположения II/I.R.130. Интересно, что о самом втором батальоне (Гартнак), с 12 часов подчиняющемся I.R.135, Гипп не сообщает ничего.

20.30. I.R.135, доносит его адъютант обер-лейтенант Хайдфогель, пока не может сообщить о своей

боеспособности. Это будет сделано только утром, т. к. сегодня полк еще сражается.

20.30. Впрочем, и у полковника Гиппа сейчас прибавилось забот. Пока Кюлвайн и Йон прогрызаются сквозь русский огонь, Гипп, назначенный начальником Брестского гарнизона, издал свой первый приказ по гарнизону № 1: «1) По приказу 45-й пехотной дивизии с 24.6.41 я принял дела начальника гарнизона в Бресте.

2) Гарнизонный офицер: обер-лейтенант фон Ледебур (A.A.45).

Служебное помещение гарнизонного офицера в комендатуре населенного пункта, ул. Люблинской унии, 21.

3) Комендатура населенного пункта подчиняется полевой Комендатуре Бреста, которой вменяются в обязанность все отношения с гражданским населением и все административные вопросы. Она находится на ул. Люблинской унии, 21.

4) Комендант города: майор Ширмбахе.

Адъютант: обер-лейтенант Фрицше.

5) Вечерняя зоря для всего унтер-офицерскогои рядового состава: 22.00 ч.

6) Пока что, во взаимодействии с комендантом города, комендантский час для гражданского населения был установлен с 21.00 до 6.00.

Так как в настоящее время его своевременное объявление затруднительно, необходимо считаться с тем, что информация о комендантском часе среди гражданского населения распространяется только постепенно.

7) Полевая комендатура Брест находится на ул. Советская, 49 (старая ратуша).

Полевой комендант 813: оберст-лейтенант Бинек.

Адъютант: ротмистр Круусе.

Для надзора полевой комендатуре 813 временно подчиняется первая рота (полицейский батальон 317 (Pz-Kaserner).

8) Дозорная служба. Все располагающиеся в Бресте воинские части привлекаются к дозорной службе соответственно их силе.

Патрули выделяются так:

24.6.41: II/130 и III/I.R.130.

25.6.41: 13/I.R.130.

26.6.41: I/I.R.130.

В начальники патрулей выделяются только офицеры. Соответственно сообщение начальника патруля к 12.00 начальнику гарнизона.

Все прибывающие в Брест воинские части с целью получения квартиры должны обращаться к комендатуре населенного пункта. Независимое квартирное размещение запрещено с этой минуты!

Увоз предметов домашней обстановки в другие места запрещен, о чем сразу нужно информировать все части.

О занятых подразделениями квартирах нужно сообщать с указанием улиц и номеров домов в комендатуру населенного пункта»[1182].

20.50. «Бои ведутся против коварного, злобного и упорного противника, не показывающего никакого намерения к сдаче», — сообщает в «суточном» полка Йон. Позднее, в своих воспоминаниях, он подтвердил свое впечатление об упорном вражеском сопротивлении: «Почти все части старых зданий с их очень толстыми кирпичными стенами приходилось брать отдельно, готовя их к этому взрывчаткой и ручными гранатами»[1183].

День дал полку мало результатов: «Особенно тяжелая борьба на восточном укреплении[1184] Северного острова. Потери довольно значительные. После того как и в центре крепости противник снова воспрянул духом, стало несколько тяжелее и сражение за укрепление № 145, о чьем занятии также донесла разведка[1185]. В заключение было установлено, что с помощью современных средств укрепление может быть взято. Для этого потребуется танк, большой огнемет[1186] и много взрывчатки»[1187].

Практически полк не продвинулся вперед, продолжая удерживать ранее занятые позиции. Остальные подразделения «группы Йона» охватывают еще оставшиеся очаги сопротивления: Восточный форт и пкт 145. Полоса обороны II/I.R.130: дома № 35–25 A, казематы 23 B — 23 A — узел дорог (все по плану 1:4500). Отряд фон Паннвица со III/ I.R.133 держит восточную часть (пкт 145 еще под вопросом). Планы на 26 июня — дальнейшая зачистка цитадели, атака на Восточный форт после поступления специальных боевых средств.

20.55. «Суточное» от A.R.98: «Собственной пехотой добыто незначительное преимущество территории в каземате[1188]. 6-я батарея (II/A.R.98) снова подчинена полку. Квартирное расположение в Тришине».

Саперы, в этот день действующие на всех участках боя, смогли доложить гораздо больше: «Взвод подрывников 1/PiBtl.81 действует при II/I.R.130 на Северном острове. Штурмовой взвод подчинен оберст-лейтенанту фон Паннвицу. Они остаются приданными и на следующий день.

Штурмовая группа поднялась на крышу здания на северной окраине укрепления Центральной цитадели, вдоль северного рукава Мухавца и предприняла подрывы у дверей и окон[1189].

Попытки врага вырваться из окружения по Северному мосту расстраивались, при этом был ранен командир.

Идет демонтаж и частичная погрузка матчасти военных мостов[1190]. Временный мост у КП батальона в порядке[1191]. Планы на следующий день — погрузка понтонного имущества системы Бесслера, приведение в исправность средств форсирования, повторение действий (налета) штурмового подразделения на Цитадели»[1192].

После ранения Масуха командование батальоном принято обер-лейтенантом Ирле (1/PiBtl.81). Командиром первой роты стал лейтенант Клоглер.

...Несмотря на то что «Дому офицеров» удалось устоять в этот день, существование его защитников превратилось в кошмар. Вопли раненых из отвратительно смердящих подвалов, лежащие по углам трупы, то и дело взрывающиеся в казематах снаряды противотанковых орудий, пули снайперов — все это, превратившееся в привычный фон, 25 июня заслонило другое, гораздо более страшное — жажда. Она в тот день, когда на вал пкт 145 вышел разведотряд фон Паннвица, достигла своего предела, превысив все остальные несчастья — воды не было совсем. Все подходы к ней простреливались, и берег был усыпан трупами тех, кто все-таки пытался рискнуть.

«Здесь, в крепости, я узнал цену воде, — вспоминал сержант Н. А. Тарасов, командир отделения 7-й роты 84 сп. — Помню, перед глазами у меня всегда стояла географическая карта. Мысленно я видел огромные озера и реки, а здесь, в крепости, мы не могли даже утолить жажды; воздух, наполненный

смрадом убитых, сушил не только рот и горло, а кажется, все внутри. Было очень обидно смотреть на воду, протекающуюрядом, но тем не менее почти недоступную»[1193].

Иван Долотов: «Мне казалось, что обороняемся в кольцевых казармах только мы. Способность соображать и анализировать притупилась. Казалось, что война продолжается вечно и никакой другой жизни не было. Хотелось есть и еще больше пить. В кошмарных промежутках сонного забытья мне представлялся наш большой семейный ведерный самовар, который я видел в последний раз лет 15 назад. Мне казалось, что, сняв крышку, я через край выпиваю его один, целиком»[1194].

Они пытались жевать сырой песок, но подчас не было слюны, чтобы его выплюнуть. Пили мочу и даже — собственную кровь. От жажды и смрада люди сходили с ума, но продолжали отвечать огнем на неосторожные движения противника.

Этим днем единственным способом достать воду стало забрасывание в Мухавец на веревках фляжек с грузом, но не все из них возвращались назад — к тому же почти вся вода расплескивалась, и ее оставалось не более чем полстакана.

Изнывающими от жажды людьми строились самые невероятные планы по добыче воды — вроде рытья подземных ходов, до Мухавца. Иван Долотов решил попытаться использовать более верный метод: «Было еще светло, когда я предложил т. Фомину добывать воду, как мне казалось, верным способом. Я наткнулся на краскораспылитель, который применялся у нас в маскировочном взводе инженерного полка для камуфляжа. Мне казалось, что если выпустить конец приемного резинового шланга в Мухавец, а сам аппарат поставить в подвале, то это будет насос, постоянно подающий воду. Комиссар одобрил план и приказал выполнять.

Опять с Гордоном и еще одним ст. сержантом взялись за дело. От казармы до воды метров 15… Против окон кухни и недалеко от входа в подвал котельного отделения лежал кусок резинового шланга, из которого когда-то мыли картошку. Он был частично завален обломками кирпича и земли. Гордон со ст. сержантом сделали вылазку и притащили его в подвал. Так как конец его был прижат обломком стены, то им пришлось отрубить часть. Приспособив шланг к пульверизатору, надо было выбросить конец его в воду. Очередь была моя. Вылазки делались только во время артиллерийского обстрела, когда все заволакивалось дымом и гарью и только случайной была возможность попасть под разрыв. Аппарат поставили у подножия лестницы в подвал (котельную). Всю длину шланга высунули на поверхность земли. Когда начался обстрел, я побежал через дорогу к Мухавцу с концом шланга. Скатившись с откоса берега к Мухавцу, я бросился к воде и, не добежав метров двух до воды, потерял конец. Схватил его и стал тянуть. Шланг немного поддавался, но потом возвращался обратно. Он оказался немного коротким и не доставал до воды. На обратном пути, поднимаясь по осыпающемуся откосу на дорогу, я почувствовал тугой удар по затылку, взрыв и…»[1195]. Иван Долотов, оглушенный взрывом, упал на усыпанный трупами берег Мухавца.

21.20. О положении защитников цитадели, наблюдая их отчаянные попытки достать воды и допрашивая измученных пленных, командование «сорок пятой» было отлично осведомлено. «Планирую очаги сопротивления окружить и взять измором», — сообщил Шлипер в штаб XII А.К., отмечая, что «попытка подавить еще имеющиеся 2 очага сопротивления в Брестской крепости провалилась из-за нехватки танков и огнеметов, в остальном положение не изменилось»[1196].

22.00. Дивизией затребованы танки, большие огнеметы[1197] и, возможно, рота огнеметных танков[1198].

Шроту так и не удалось добиться замены сражающейся в Крепости 45-й дивизии другим соединением. Поэтому решено, что она выйдет из состава XII А.К., войдя в подчинение штаба LIII А.К. Об

этом сообщается отдельным службам. Связь со штабом XII А.К. больше почти не существует.

В приказе № 274/41 g, в тот же день отданном штабом LIII А.К., задача дивизии поставлена достаточно туманно: быть готовой к выходу не раньше, чем во второй половине 28 июня. Однако ясно, что бесконечным временем дивизия не располагает — фактически это установка до вышеуказанной даты разделаться с цитаделью.

Донесение штаба XII А.К. в PzGr.2: Еще вплоть до середины 2-го дня войны, XII А.К. предполагал, что главным силам врага удалось ускользнуть на восток. Причина для таких выводов — незначительное число противостоящих вражеских батарей и отсутствие большого количества пленных.

Между тем под влиянием вновь полученных сообщений представление корпуса существенно изменилось. Не законченный до сих пор и пока только беглый обыск вражеской территории подразделениями XII А.К. давал в итоге:

Более 100 уничтоженных русских бронеавтомобилей, примерно 80 орудий, многочисленные пулеметы.

Захвачено 2000 автоматических винтовок, а также многочисленные объемные склады, в том числе, например, 10 млн л горючего.

Допросом пленных и т. д. перед XII А.К. установлены: русские 6, 42 и 145-й стрелковых дивизий, 54-я мотомеханизированная бригада, 2 отдельных пулеметных батальона (пограничные войска), **2** *отдельных зенитных дивизиона (210 и 246-й), 3 отдельных батальона связи 18 (42-я дивизия), 298 и 944-я и ряд других частей, чья принадлежность на основании противоречащих высказываний пленных еще не установлена.*

Эти части размещались в основном по казармам и были полностью охвачены огневым налетом на казармы и цитадель Бреста и, как теперь выяснилось, уничтожены или обращены в паническое бегство.

Обыск казарм и бараков показал, что тамошние подразделения терпели очень сильные кровавые потери.

Одни части, по-видимому, под воздействием огневого налета, убежали, оставляя их тяжелое оружие, другие, заняв линию обороны, оказали, по сравнению с их силой, упорное сопротивление. После прорыва обороны на Буге небольшие части оказывали лишь отдельное местное сопротивление или проводили местные контратаки. Значительные части, используя гражданскую одежду, стремятся уклониться от плена.

Они могут стать опасностью для тыловых служб. Быстрое преследование не допускает прочесывание лесов и населенных пунктов. Необходимо преследование многочисленных беглецов.

На данный момент количество пленных примерно 4000, вероятно, оно еще существенно повысится.

Поэтому штаб корпуса теперь убежден в разгроме главных сил, действующих перед корпусом русских войск, и в настоящее время сражается только против отдельных, полностью расколотых сил.

Заканчивался самый тяжелый день «Дома офицеров». Его защитников, способных сопротивляться, оставалось совсем мало: голод, обстрелы и главное — жажда, валили с ног даже самых стойких. Настроение было у всех подавленное. Но многие не теряли надежду… В. С. Солозобов: «Днем стало известно, что сегодня, когда стемнеет, командиры штаба и легкораненые пойдут на прорыв. Я был рад, только бы ближе к цели: или прорваться из окружения, или погибнуть. Вражеский обстрел с каждым часом усиливался. Мины пробивали потолок обоих этажей[1199].

Наступил вечер. Мы, человек 20, расположились по обе стороны окна. И вот капитан Зубачев сказал, что идет докладывать комиссару. Через несколько минут они вошли. Мы ждали команды. Все были напряжены до предела. Наше внимание сосредоточилось на окне и воде. Сколько мы так стояли — 10, 20 минут, а может, и больше — не знаю. „Отставить атаку, товарищи, всем занять оборону", — сказал совсем тихо комиссар. Все были подавлены, чувствовалась какая-то растерянность»[1200].

Оставаться дальше было нельзя — прорываться было невозможно. Что им оставалось?

26.06.41. «Иммельман»

Стемнело. «Наконец-то...» — темные силуэты, неразличимые на фоне берега Мухавца, стараясь быть бесшумными, сливаясь с трупами в мертвенном свете осветительных ракет, поползли к берегу. Десятки и сотни, в смердящих и прожаренных солнцем казематах, их ждали — с безумной надеждой. Жажда притупила страх — ползущих могло быть больше, но все понимали, что в таком случае многочисленные «водоносы» станут заметными. В тишине ночи гремели выстрелы: с противоположного берега в тени у Мухавца зорко всматривались пулеметчики, дававшие периодически «контрольную очередь» и стрелки, посылая пули в казавшиеся подозрительными тени. Иногда «тень» издавала предсмертный вопль — но ползли и ползли новые, имевшие выбор — смерть от жажды или пули и выбиравшие менее мучительную.

...«Ночью идет оживленная стрельба, что, очевидно, нужно приписывать состоянию подразделений, по существу, с начала вторжения сражающихся без паузы», — записал в КТВ Герхард Эткен. «С 00.00 часов слышны выстрелы в центре крепости», — сообщает в своем утреннем донесении обер-лейтенант Ирле (PiBtl 81). Кстати, к этому времени ударный взвод 1-й роты и взвод подрывников 2-й роты вернулись в батальон[1201].

2.00. Обер-лейтенант Хайдфогель, адъютант I.R.135 тоже слышит выстрелы. Но что они означают — он не знает, как и Ирле или Эткен: «После наступления темноты местами сильный шум боя. Кажется, пытаются прорваться окруженные русские; однако основной огонь, видимо, идет от наших изнервничавшихся и уставших войск»[1202].

Однако в донесении разведотряда, блокировавшего «Дом офицеров» со стороны Мухавца, говорится о том, что этой ночью была отбита попытка прорыва, предпринятая неприятелем в районе дивизиона. При этом было убито примерно 25 русских[1203].

...Что на самом деле произошло в ночь на 26 июня? Была ли на самом деле попытка прорыва из «Дома офицеров» или пкт 145? Возможно, это была и какая-либо другая, самостоятельная группа, не подчиняющаяся Фомину. Воспоминания Солозобова достаточно убедительны, для того чтобы отрицать попытку прорыва всего отряда Фомина. «Бой с тенями» солдат, от страха и издерганности паливших во все подряд? Наконец — вполне вероятно, что стрелки разведотряда приняли ползущих за водой к Мухавцу защитников «Дома офицеров» за прорывающихся и, открыв по ним огонь, на следующий день просто подсчитали трупы, лежащие на берегу Мухавца[1204].

По мнению Хайдфогеля: «Противник определенно уже достаточно измотан, но сражается с отвагой отчаяния (т. к. он верит, что немцы не дают пощады). Его потери оценить сложно, пленных мало».

«Сопротивление неприятеля постепенно ослабевает»[1205], — подтверждает впечатление Хайдфогеля A.R.98. Впрочем, на основании чего артиллеристы сделали такой вывод?

Планы I.R.135 пока неясны — зависят от выделения «группе Йона» специальных боевых средств. Штаб дивизии продолжает вести активную работу по их выколачиванию — в результате в течение ночи «сорок пятой» для зачистки на Северном острове придаются танки «Сомуа» (Somua S-35), бронепоезда № 28.

...Начался новый день обороны «Дома офицеров». Вероятно, уже почти все защитники казармы 33-го

инженерного чувствовали: он будет последним. Иссякли и боеприпасы и силы. Оставалось только ждать и надеяться, уцелеть в этот день, и дальше — выжить, пройдя сквозь все испытания. Военфельдшер 84 сп С. Е. Милькевич: «Все знали, что помощи нам ждать неоткуда, прощались друг с другом, старались запомнить домашние адреса, чтобы потом, если кто-нибудь из нас останется в живых, сообщить товарищам, родным, Родине»[1206].

В. С. Солозобов: «Утром раненые в подвалах, вероятно, уже все знали и почти ничего не спрашивали у меня, только стоны немного утихли, как будто люди надеялись все-таки услышать хорошее.

— Жалобы есть у кого? — спросил я.

— Вы лучше расскажите новости, — ответили раненые.

— Наши войска из города Бреста наступают в сторону крепости, — умышленно солгал я, чтобы поднять их дух.

Бойцы сразу повеселели.

— Это очень может быть, не могли же наши войска далеко отступить. Не сегодня, так завтра будут здесь, — произнес кто-то из них.

Мне и самому хотелось, чтобы эти надежды сбылись. Уходя из подвала, я чувствовал сильную усталость.

Комиссар сидел у стены, обхватив обеими руками голову. Я решил обратиться к нему:

— Товарищ комиссар, раненых нечем кормить.

Он устало ответил:

— Надо выяснить, что там у нас имеется, присядьте, сейчас уточним.

Выглядел Фомин утомленно, одет он был в солдатскую гимнастерку. Я отполз метров 5 в сторону и, расположившись под, сводом, быстро уснул...»[1207]

8.40. Прибывает приказ по армии № 1 «Barbarossa». 45 I.D. выбывает из состава XII армейского корпуса Вальтера Шрота и включается в состав LIII А.К. (генерал пехоты Карл Вейзенбергер).

Шрот попрощался с «сорок пятой» в суточном приказе по корпусу № 2 от 27 июня: «...[Дивизия] в течение немногих дней своего подчинения... особенно отличилась своими смелыми и энергичными действиями.

Бессмертными подвигами 45-й дивизии, на которые она может оглядываться полная гордости, стали быстрое овладение мостов на Буге и Мухавце и доставшееся с тяжелыми потерями овладение крепостью и цитаделью Брест-Литовска.

Поэтому сегодня я еще раз высказываю командиру и его смелой дивизии мою особую благодарность и признание.

Только неохотно, но желая, чтобы солдатское счастье и дальше было даровано дивизии, я отчисляю ее из своего соединения».

11.00. А теперь проза жизни — корпус, провожая дивизию, подводит итоги ее действиям в своем составе. О достижениях было сказано немало — теперь о потерях. В нижеследующей таблице приведены потери корпуса за 22–24 июня (вкл.):

Дата	Убито	Пропало без вести	Ранено
22 июня	58 (6)*	15 (1)	313 (14)

В том числе 45-я дивизия за 22 июня	55 (6)	15 (1)	138 (10)
23 июня	62 (6)	261 (7)	169 (8)
В том числе 45-я дивизия за 23 июня	39 (4)	254 (7)	115 (4)
24 июня	80 (8)	236 (48)	(10)***
В том числе 45-я дивизия за 24 июня	80 (8)	48	224 (10)

* В скобках — потери в офицерском составе.

** 23 или 24 июня передовой отряд корпуса вступил в бой в районе Слоним — Барановичи. Большие потери понесли участвовавшие в нем подразделения 45-й дивизии (убито 15 солдат и 2 офицера). Неясно, учтены ли они здесь.

*** Без учета 34-й дивизии.

Данные о потерях 45-й дивизии вызывают много вопросов.

Прежде всего — откуда 24 июня столь большое количество солдат, пропавших без вести? Может, это те, что остались не найденными к моменту подачи донесения за 24 июня? Если же это пропавшие именно в этот день — то неясно, где был столь жестокий бой, приведший к таким потерям. Интересно и то, что количество раненых 23 и 24 июня фактически сравнялось или же превышало показатель от 22 июня, день наиболее ожесточенного боя в крепости[1208].

...Последние часы обороны «Дома офицеров» и пкт 145 описывать сложно: слишком мало данных. Герхард Эткен, этот столь долгожданный успех в КТВ дивизии, обозначил кратко: «Утром, штурмовые группы I.R.133 и A.A.45 берут еще по одному гнезду сопротивления (укрепление 145 и „Дом офицеров“), причем особенно пригодными оказываются группы саперов-подрывников. Захвачено в целом 450 пленных».

Из КТВ неясно, когда началась атака. «Утром» — понятие слишком расплывчатое. И если быть точным, то взятие обоих очагов сопротивления завершилось лишь во второй половине дня...

Итак, утром 26 июня началась последняя атака на «Дом офицеров». Но сейчас это уже был не штурм пехотой — зачем? В дело вступили саперы. Фрайтаг лишь прикрывает их отряд, готовящий большой подрыв на крыше «Дома офицеров» (они готовятся подорвать помещения, примыкающие к Трехарочным), а фон Паннвиц — ждет, когда те произведут подрыв вала пкт 145.

По-прежнему идет из окон и амбразур укреплений ожесточенная стрельба — их защитники не собираются сдаваться. Один из саперов убит, один — ранен[1209]. Однако заметно, что сопротивление отчетливо ослабло, «противник испытывает сильную нехватку оружия»[1210].

Одновременно саперы ведут ремонт подъездных путей к мосту, рядом с КП батальона, приводят технику в исправное состояние. Сейчас, после отправки, по приказу дивизии 1/46, их силы уменьшились.

Незадолго до полудня[1211] страшный взрыв потряс казарму 33-го инженерного полка. «Большой подрыв», тщательно подготовленный саперами, удался[1212] — сразу у нескольких отсеков обрушилась выходящая во двор стена второго этажа. На одном из участков она рухнула практически полностью, на всю свою высоту, вместе с перекрытиями, похоронив под обломками многих защитников.

В. С. Солозобова обрушение застало спящим: «Когда пришел в сознание, никак не мог понять, что со мной: глаза не видят, во всем теле боль, движения рук не ощущаю. Наконец наступило просветление. От

радости я хотел встать, но подняться не смог, потому что оказался заваленным обрушившимся от взрыва сводом»[1213].

От ужаса бойцы, оказавшиеся в подвергшихся подрыву помещениях, стали выпрыгивать наружу, сдаваясь в плен пехотинцам Фрайтага. Из последних сил из подвалов стали выкарабкиваться и раненые. Среди обломков лежали многочисленные контуженые, потерявшие сознание. В плен сдалось около 80 человек.

Однако в восточной части бойцы еще держались[1214]. У них еще оставались патроны — и защитники продолжали отстреливаться, понимая, что их «Варягу» настал конец. Ни Зубачева, ни Фомина среди них нет: оба командира остались под обломками[1215].

Одновременно произведены подрывы и на валу пкт 145 — но здесь, в подземных казематах, прикрываемые последними патронами еще оставшихся защитников «Дома офицеров», красноармейцы не сдавались. Более того — разведотряд несет потери: 1 убитый и 1 раненый[1216].

13.45. Но вот закончилась оборона, и на пкт 145 — фон Паннвицу здесь сдалось 54 человека[1217].

Последние минуты «Дома офицеров». Что происходило тогда? Большинство готовилось принять выбор — плен или смерть: «Двое бойцов покончили жизнь самоубийством, предпочитая лучше собственную пулю плену»[1218]. Абрам Гордон, товарищ Ивана Долотова, понимая, что ему, еврею, в плену не выжить, спрятался в развалинах, надеясь просидеть до темноты. Искали себе убежище и другие — ночью, когда немцы снимут оцепление, можно попытаться уйти.

Между 14.15 и 15.00[1219] «Из центра крепости из-за взрывов примерно 60 русских выбежали на Северный остров и сдались в плен. По их словам, остальные 200 нашли смерть от взрывов»[1220] — так окончилась эпопея «Дома офицеров».

Разведотряд занял пкт 148[1221] и Трехарочный мост.

В этот день при допросах пленных штабом дивизии делается вывод, что «сорок пятая» боролась против особо подготовленных и политически обученных русских солдат. «Так же, как подтверждается и более поздними наблюдениями, в крепости находилась школа ГПУ», — отметил в КТВ Герхард Эткен, чье-то быстро разошедшееся и оказавшееся как нельзя вовремя объяснение затянувшейся «зачистки».

…Раскопки завалов казармы 33-го инженерного полка начались сразу же — их под контролем солдат Фрайтага проводили недавние защитники «Дома офицеров». В. С. Солозобов был одним из тех, кого удалось извлечь из завала: «В голове шумело. Вдруг слышу около себя крик: „Рус!“ Меня освободили от кирпичей и щебня двое наших бойцов, тут же стояли немцы…»[1222]

Другие группы пленных начали хоронить трупы, за эти дни во множестве скопившиеся на поле боя. Вспоминает С. М. Кувалин: «Фашисты обыскали нас, отобрали все личные вещи и, отделив группу человек в 20, велели убирать трупы на этом участке. Мы собирали и хоронили павших советских бойцов без разбора и регистрации в первой ближайшей воронке. Трупы разложились, дышать было тяжело. Немецких солдат клали в груды, вынимали все документы, жетон отдавали офицеру, который стоял в стороне с флаконом одеколона в руках»[1223].

Вероятно, именно благодаря вовремя начавшимся разборкам завалов удалось спасти многих защитников, сразу же становившихся пленными. Здесь же были найдены и Фомин с Зубачевым. К моменту подрыва уже раненные, при обрушении на них перекрытий они вновь серьезно пострадали — Зубачеву пробило голову, Фомину разбило всю левую половину лица[1224].

Оба командира «Дома офицеров» не дожили до освобождения. Фомина, выданного приписниками, расстреляли в тот же день, Зубачев умер в 1944 году от туберкулеза в офицерском лагере в Хаммельсбурге.

Считается, что Фомин погиб у Холмских ворот, где сейчас установлена мемориальная доска. Однако А. М. Филь, плененный в тот же день, со ссылкой на мл. лейтенанта Будника, ст. политрука Монжаренко и других защитников, приводит другую версию смерти комиссара Цитадели. Согласно ей, Е. М. Фомина расстреляли у первого форта по пути через деревянный мост от крепости к Тересполю, у сборного пункта военнопленных[1225].

…В тот день солдаты Герштмайера вошли в подвал овощехранилища (бывшего порохового погреба). Там, в углу подвала, утоляя жажду льдом, на доске, единственном более-менее сухом месте, еще с утра 22 июня лежал шестилетний Леня Бобков. Он был настолько измучен, что даже не смог пошевелиться, когда в подвале открылась дверь — на ее фоне появился силуэт человека в каске. Зашедший в подвал немецкий солдат включил фонарик — Леня лишь зажмурился, когда луч, бегавший по стенам, коснулся его лица.

Немец, нагнувшись, поднял Леню, обнявшего его за шею, и вынес из подвала, туда, где несколькими днями ранее погибла вся семья Бобковых — об этом мальчик и пытался рассказать солдату. Впрочем, тот вряд ли знал русский язык…

Леня не смог встать на ноги и тут же упал ничком, когда солдат поставил его на землю. Тогда тот опять подхватил его на руки и понес к стоявшей поодаль, у ДНС, санитарной машине, собиравшей раненых. Здесь его, имеющего 13 осколочных ранений, впервые перевязали — незабинтованными остались только голова и правая рука! Спасший Леню немецкий солдат, куда-то сбегав, вручил ему кулечек конфет-подушечек…

Мальчика отвезли в городскую больницу Бреста — в больницах сын младшего лейтенанта Бобкова проведет четырнадцать месяцев, выйдя лишь осенью 1942 г[1226].

В марте 1951 г., при разборе завалов «большого подрыва», специальной воинской командой будут найдены среди ржавого оружия останки 34 защитников «Дома офицеров». Там же, среди костей, перемешанных с кирпичами — орден Красного Знамени № 12140, бархатное шефское знамя 84 сп от коммунистического Интернационала, полковая печать. И множество обрывков бумаг — конспекты по истории ВКП(б) и новой истории, «Красноармейский политучебник» бойца Михаила Кукушкина и переписка пограничника Вагана Григоряна с директором 179-й школы Дзержинского района Баку. Вот — ставший известным всей стране «Приказ № 1»… А бумаг неизвестных, их множество — рваных, плохо читаемых. Как дела дома? Как растет кутька? Как там хлеб? А брат — как? Не горюй мама, я скоро приеду… Карандаш и чернила, в линеечку и клеточку, легкие, как пепел, невесомые обрывки испепеленных жизней.

Их шепот в плеске Мухавца, и слова уже не расслышать — они сливаются с «Рио-Ритой» парка КИМ, скрипом ремней портупеи и щелканьем каблуков в ночь на 22 июня. И вот это, разборчиво и сильно, твердой когда-то рукой:

За охрану родного края
Ты мне ласково руку пожми,
Не тоскуй, не грусти, дорогая,
Крепче нашей любви не найти.

А о пкт 145 — ничего.

Глава 3

Восточный форт

Еще немало осунувшихся глаз из самых невероятных убежищ внимательно следило за прочесывающимиЦитадель, Южный и Западный острова солдатами I.R.133. Черные от копоти и пороховой гари руки сжимали оружие в темноте оставшихся недосмотренными подвалов, завалах разрушенных зданий и прибрежных зарослях Буга и Мухавца. Но гибель «Дома офицеров» положила конец организованной обороне Цитадели — она превратилась в войну одиночек. Выстрелы, все еще звучавшие на Центральном, Южном и Западном островах, говорили в основном об охоте на прятавшихся в их убежищах,чем о боевых действиях.

Лишь в Восточном форту, сцепленные волей майора Гаврилова, продолжали сопротивляться сотни бойцов. Сейчас, после гибельного прорыва, закончившегося неудачей, их дух упал — что дальше? Но солдаты «группы Йона» этого не почувствовали — выстрелы красноармейцев вновь и вновь отсекали всякую возможность приблизиться и ворваться в казематы.

Утром обещанных танков все еще не было. Не было и другой техники — трофейные бронеавтомобили[1227] были неисправны, задействовать их было рискованно. Однако «лихие парни из Штокерау» (разведотряд фон Паннвица) решили все же попытаться использовать бронеавтомобиль для разведывательной поездки по Восточному форту. В итоге БА-10 набрал слишком большую скорость и внезапно заглох. Выскочившемуэкипажу пришлось набрать еще большую скорость, убегая назад[1228].

После полудня I.R.135 для наступления на Восточный форт была придана штурмовая группа саперов.

Тем временем дивизией в соответствии с приказом ведется охрана мостов в Бресте и вокруг него, готовится штурм Восточного форта с использованием приданных танков и двух, тем временем ремонтируемых, русских трофейных бронеавтомобилей. А I.R.135 минометным обстрелом и средствами дымообразования (дымовыми шашками, снарядами, ручными гранатами) пытается делать гарнизон неспособным обороняться.

Действительно, воспитанные на «газовой угрозе» тридцатых годов, защитники воспринимали дым как отравляющее вещество. Но на их сопротивлении это никак не сказалось.

Дарья Прохоренко: «Врагом была пущена дымовая завеса — все думали, что пускают газ. Дым был синий, горьковатого вкуса, с запахом гнилой картошки. Политрук тов. Скрипников скомандовал бойцам достать противогаз, и всех обеспечили противогазами»[1229].

Владимир Казьмин, находившийся в отсеке, где лежали раненые, надевший на них противогазы, вспоминает, что «густой туман» пополз с внутреннего вала, Григорий Макаров — что «гранаты с длинными деревяннымиручками»[1230] залетали прямо под двери и амбразуры.

Но ответом на дымовую завесу было одно — сильный ответный огонь стрелкового оружия и пулеметов из бойниц.

Впрочем, главная надежда Йона и Шлипера — на танки.

Дальнейшее применение дивизии еще неясно. Как следует из телефонных разговоров, якобы она будет резервом О.К.Н.

На данный момент в лагеря для пленных подвезено 6214 рядовых и 60 офицеров.

Тем не менее продолжающаяся сортировка трофеев с находящимися в распоряжении у дивизии силами требует крайне много времени и оказывается почти неосуществимой, так как населением производятся неправомочные заимствования и грабежи.

Запасы продовольствия в крепости оказываются, кроме муки, соли, зерна и нескольких стручковых плодов, незначительными. Напротив, добыча оружия, боеприпаса и матчасти довольно велика. Найденные автомобили главным образом непригодны, так как ценные части разрушены или разделаны.

Наконец, прибывают неоднократно затребованные дивизией велосипеды и должны вывозиться автоколонной из Бяла-Подляски. Это, как и другое выделенное дивизии оружие и снаряжение (М.Р[1231]., противогазы для лошадей и т. д.), а также сбор трофейного имущества требуют полного использования автоколонны и части транспортных взводов.

Подразделения снабжения, за исключением полевого военного госпиталя № 45, санитарной роты (2/45) и колонны горючего № 11, размещаются теперь в Брест-Литовске.

Благодаря произошедшему овладению укрепления Центральной цитадели становится вероятным успех последней, назначенной на завтрашний день, зачистке Северного острова, так что дивизия получает приказ к готовности к маршу начиная с 29.6.

15.50. Началась зачистка танками Восточного форта[1232] (один из них все же прибыл в течение дня).

* * *

15.50. Из боевого донесения № 09 штаба 4-й армии начальнику штаба Западного фронта: «Части 55 сд, прикрывавшие слуцкое направление, в ночь на 26 июня 1941 г. были атакованы мотомеханизированными частями противника и, не выдержав этого удара, в панике отскочили за р. Случь»[1233].

Коробкову, выехавшему на передовую и бросившему туда весь свой аппарат, с трудом удалось навести порядок и на двух направлениях вновь довести части обратно почти до Слуцка. Командующий 4-й армией срочно требует у штаба фронта свежие части.

* * *

16.30. О том, что на территории крепости скрывается множество ее защитников, становится известно в штабе дивизии. Если найти их и не удастся, то есть другой способ досадить «красноте»: фон Рюлинг извещает ведущие бой части о том, что все без исключения колодцы в Брестской крепости должны быть отравлены[1234]. Необходимо известить об этом все подразделения.

20.00. Начинается сдача итоговых суточных донесений. Обер-лейтенант Ирле первым отчитался по телефону[1235]. Изложив события прошедшего дня, Ирле обозначил планы на день предстоящий: откомандирование подрывного и огнеметного отрядов пехотному полку — если таковое потребуется.

Обслуживание подъездных путей. Наладка техники и переправочных средств. Отремонтированы подъездные пути к мосту рядом с КП (северная оконечность Западного острова). Налажена противовоздушная оборона[1236].

Лейтенант Вайн, адъютант PzJgAbt 45, сообщает о выводе из боя 3-й роты Ветцеля и расквартировании ее в Бресте: «Из-за продвижения А.А.45 на Северный остров противотанковая защита в районе восточных и северо-восточных ворот теперь не требуется. Для этого достаточно орудий, примененных 14-й ротой»[1237].

20.20. «Суточное» от A.R.98 поступает практически одновременно с дневным донесением: «Затишье. Враг по-прежнему защищается в отдельных гнездах[1238] сопротивления на цитадели. О его расположении в крепости не известно ничего нового. Действующие I и II/A.R.98 (5-я батарея) находятся на прежних огневых позициях».

III/A.R.98 и I./A.R.99 снова подчинены полку. КП: III/A.R.98 — форт «Граф Берг», I/A.R.99 — форт X. II/A.R.98 подготавливает расквартирование в Тришине.

Отряд фон Паннвица занимает оборону на достигнутых им рубежах. Планы на 27 июня — по указанию Йона.

21.30. Планы же самого Йона — дальнейшая блокада русских. Атака Восточного форта не намечена[1239].

С КП дивизии в штаб LIII корпуса уходит достаточно лаконичное донесение: «Цитадель Брест почищена от врага, кроме одного укрепления. В самой цитадели и вокруг нее еще нужно считаться с отдельными появляющимися вражескими стрелками…»[1240]

…Федору фон Боку все-таки пришлось узнать, что «сорок пятая» все еще штурмует цитадель: «Оказывается, кое-какие бункеры цитадели Бреста продолжают держаться и наши потери там высокие. Таким образом, рапорт от 25 июня соответствует истине далеко не полностью»[1241], — отметил он в своем дневнике. Интересно, среагировал ли как-то фон Бок на «несоответствие истине»? Неизвестно.

Однако начальник штаба Группы армий Грейффенберг, вероятно, получил предложение подготовить некое объяснение от имени фон Бока — прежде всего в штаб ОКХ, где стали проявлять все более настойчивый интерес к ситуации в Бресте.

…Обороняющимся в Восточном форту становилось все тяжелее. Боеприпасов на полковом складе 333 сп могло хватить еще надолго, а выдержка людей имела границы.

Прежде всего, как и на всех участках, на первое место вышла нехватка воды. Довольно быстро удалось установить, что в одном из отсеков внутреннего вала, где находился продсклад, находятся бочки с рыбой, больше ничего, но в подвальчике, под ним, прикрытый опилками — лед. Это дало возможность утолять жажду. Но он кончался — да и бегать между валами становилось опасно…

Вырыли ямы в конюшнях — сначала коричневую и отвратительную воду пить было невозможно, затем она стала чище — или просто жажда превысила отвращение. Но подчас и ее хватало по ложке на человека.

Бойцы 393 ОЗАД питались вначале сухим пайком (НЗ), полученным еще 18 июня и не сданным, к счастью, на склад. У хозяйственного старшины Павленко оказался в запасе и мешок сухарей. Но вот кончился и он — на человека в день приходилось по сухарю.

А в казематах было немало бойцов из других подразделений — питались овсом, лошадиным комбикормом. В отчаянных попытках найти воду и пищу проходили дни.

В конюшнях 333 сп, внешнем валу Восточного форта, 22 июня нашли убежище и операционная сестра 95-го медсанбата военфельдшер Раиса Абакумова, жившая со своей матерью, Натальей Николаевной, в ДНС у Восточного форта. Там же спасались и члены семей комсостава — Лидия Крупина (вместе с двумя дочками — одной из них год, другой — два), Дарья Прохоренко (трое детей, в том числе годовалая дочь), Ефросинья Лисецкая, Котова Ксения (с ней — две дочери по три года), Бородич Мария (с дочерью)…

Но именно Абакумова была прежде всего военнослужащей, врачом. В Восточном форту она оказалась даже без санитарной сумки — немногие бинты, взятые в домике санчасти 125 сп, кончились еще до того, как она нашла убежище в конюшне.

Она начала перевязывать раненых бойцов, разорвав их нижние рубашки. Пришедший в форт Гаврилов поручил Абакумовой организовать санчасть.

Чистая солома вместо постелей, женское белье и нательные рубахи бойцов вместо бинтов, доски вместо шин.

Лишь вечером удалось раздобыть три ящика медикаментов.

«Собственно говоря, никакого госпиталя и не было — вспоминал помогавший Абакумовой воспитанник музыкантского взвода 44 сп, тогда 15-летний Владимир Кузьмин, — было просто помещение, где размещались раненые, и представляло оно из себя самые обыкновенные два-три отсека под внешним валом. Раненые лежали на земле, на шинелях, а часто и без них... Они умирали на наших глазах»[1242].

Лед кончался — мерзкая вода из «колодцев» в конюшне была не просто отвратительной, но и опасной. Помогли таблетки хлорной извести — кипятили воду из колодцев и клали их туда.

Но в Восточном форту находились и годовалые дети — их комбикормом и навозной водой поддержать было нельзя.

Дарья Прохоренко: «Первых два дня у меня в груди было еще молоко, а потом кушать было нечего. Дочь с меня тянула кровь, да и крови уже не было и так кричала диким криком. У нее все спеклось в животе, а помочь ей было нечем. И она своим криком выдавала нас врагу. За это на меня сердился тов. Скрипник[1243], и враг бомбил нас сильнее. Казалось, что наш подвал поднимается вместе с нами вверх»[1244].

Рядом кричала, страдая от голода, и годовалая дочь Лидии Крупиной.

Скрипник, видя мучения раненых и детей и не переставая думать о своей семье, уже с трудом держал себя в руках. Ругая Прохоренко, он понимал, что она ни при чем — но что делать? Что делать?!

Дарья Прохоренко: «Скрипник часто к нам заходил, беседовал с нами, говорил, что вы счастливые женщины, что вы с нами, вы боретесь с врагом, стараетесь врага побороть. А моя семья, может, раненая, кровью истекает, может, враг над ней издевается».

Сегодня 26 июня, дети Восточного форта, казалось, достигли предела своих мучений. В загаженных лошадями и политых кровью людей конюшнях, как в каменных склепах: вверху потолок, вокруг — стены и в окно — зеленая стена внутреннего вала. Ничего другого не видно. Вырваться наружу, под бившие сверху пулеметы, невозможно. Дарья Прохоренко: «25–26 июня со мной стало плохо, дочь не переставала кричать, двое больших — дочь и сын — просят „мама, кушать хочется“»[1245].

Планы Шлипера остаются неизменными: дальнейшая зачистка цитадели Брест при применении танков. Корпусом обозначены некие сроки: 29–30 июня дивизия выходит на марш. К этому времени необходимо решить все оставшиеся задачи.

Этим же вечером Ic LIII корпуса отчитался о работе по сбору информации в районе, занимаемом частями 45-й дивизии. Сейчас данные поступают уже не только от пленных, но и из найденных в Бресте различных документов размещающихся там частей РККА. «45 I.D.: борьба за оставшиеся опорные пункты в цитадели Брест успешно продвигается. Сегодня в первой половине дня взято 450 пленных. Гарнизон, кажется, сильно страдает от дефицита воды.

Обыск здания штаба русской 42-й стрелковой дивизии в Брест-Литовске, безусловно, подтвердил ее наличие с нижеследующими воинскими частями:

Стрелковые полки: 44, 455, 459.

472-й артиллерийский полк и 17-й гаубичный полк.

84-й отдельный разведывательный батальон и 18-й отдельный батальон связи.

Кроме того, кажется, в ее состав входили или были приданы 4-й противотанковый дивизион, 3-й моторизованный стрелковый батальон и 262-й отдельный артиллерийский полк.

Эти последние, а также 4-й противотанковый дивизион, кажется, в последнее время выведены из состава дивизии, так как в найденном перечне частей, принадлежащих к дивизии, они оба были вычеркнуты.

Кроме того, по словам пленного, в Бресте и его окрестностях должна быть найдена 6-я стрелковая дивизия. По его словам, она была составлена так:

Стрелковые полки: 84, 125, 333.

Артиллерийские полки: 98, 447, 204-й гаубичный полк (последний не в городе).

Пленные относятся к 44, 455, 125, 333 и 84-му стрелковым полкам, 84-му разведывательному батальону, 447-му артиллерийскому полку, 37-му отдельному батальону связи и 31 транспортному батальону»[1246].

Сумерки постепенно окутали крепость. Первая тихая ночь с начала войны — уже не слышны ни всполохи перестрелки у наконец-то замолчавших казарм, ни крики идущих на прорыв — лишь стукнет кое-где обломок кирпича под ногами одного из защитников, пытающегося под покровом ночи покинуть разгромленную цитадель. Ночь — время теней. Одна за одной подползают они к реке, запасаясь водой на предстоящий день. Опасливо вжимаясь в землю — мертвенные отсветы осветительных ракет все так же освещали усыпанные сорванными взрывами ветвями деревьев тротуары — и где-то, невидимые, все так же лежат у своих MG-34 пулеметчики батальонов, блокирующих крепость.

27.06.41. «Гнайсенау»

01.00. Утреннее донесение от I.R.135: «Противник еще держится в Восточном форту Северного острова, пока не показывая склонности к сдаче. 59 пленных были переведены туда из центра крепости»[1247].

…Одна из теней, в эти минуты тихо крадущихся по Центральному, осторожно вползла под Трехарочный мост — это Абрам Гордон, к вечеру решивший выбраться из «Дома офицеров» и покинуть крепость. Но туда же ползет и кто-то еще — насторожившийся было Гордон, к своему удивлению, увидел Ивана Долотова, также пытавшегося спрятаться под мост. Но сам Долотов, находившийся в полубреду, этого не помнил — вероятно, он просто полз навстречу своим видениям… Гордон, затащив его под мост, попытался привести товарища в чувство. Это ему удалось: «Очнулся от холода и озноба. Темнота. Где-то в стороне пунктирные линии трассирующих пулеметных очередей. Над головой не то крыша, не то стропила и узкая высокая стена. А главное, тишина. Перед глазами какая-то черная волосатая морда. Опять жажда. Волосатый исчезает, но скоро опять появляется и дает пить. Потом он уходит и опять приносит воду, но пить не дает и мочит мне голову, что-то говорит, но я не слышу и мне все равно. В общем, около меня хлопотал Гордон. Постепенно я понял, что оглох, и было обидно, что утрачен самый главный способ ориентировки. Мы лежали под мостом против ворот, у самого берегового устоя среди каменных глыб и свай. На правой ноге сапога не было, брючина отрезана до колена, а нога около щиколотки перевязана куском материи. Брюки Гордона были в крови, а сам он в грязной нижней рубашке. Я сел сначала, а потом попытался встать. Болела правая нога. Через некоторое время с великим трудом, по обломкам досок и балок перебрались на другой берег Мухавца, дальше двигались черепашьим шагом по грудь в воде для маскировки. Мы думали, что ветки ивы, растущей вдоль берега, помогут нам укрыться, но мы натыкались на сучья под водой и падали. Не было сил идти. Винтовку, единственную на двоих, не бросали. Все дни перед этим почему-то думали, что всего лучше прорываться из крепости в направлении за Кобринские

ворота, очевидно, это же руководило нами и теперь. От Гордона я смутно понял, что в казармах дело что-то очень плохо»[1248].

Этой ночью крупно повезло блокирующему Восточный форт I.R.135 — один из его защитников, попавший к ним ночью (политрук[1249]), сообщил, что там находится еще 20 офицеров и 360 солдат с 10 ручными пулеметами, 10 автоматами, 1 четырехствольным пулеметом и 1000 ручных гранат. Продовольствие имеется, источник воды выкопан. Планы по сдаче в плен неизвестны[1250].

Данные перебежчика несколько огорошили и Йона и Шлипера — стало ясно, что дело затянется. Численность гарнизона вполне сопоставима с «Домом офицеров», но условия, в которых он находится, куда более сносные. Единственное, что делало его уязвимым, отметил в КТВ Герхард Эткен, это то, что защитники все же страдают от недостатка воды.

В итоге в приказе № 12/41 о действиях дивизии на 27 июня не говорится об окончательном разгроме русских — лишь о том, что осада Восточного форта будет продолжена:

Пока в штабе дивизии готовили план на приближающийся день, бредущие по Мухавцу Гордон и Долотов, часто останавливаясь, подошли к речной развилке, тем самым «Восточным валам», огонь с которых причинил гарнизону «Дома офицеров» столько смертей и страданий. Здесь, совершенно выбившись из сил, они решили полежать на берегу и отдохнуть. Так как спасительная темнота уже почти развеялась, надо было где-то замаскироваться и, отсидевшись днем, ночью двинуться дальше. Неподалеку лежало срубленное снарядом дерево с густой листвой. Защитники «Дома офицеров» поползли туда, надеясь скрыться под его сучьями. Ивану Долотову уже почти удалось это сделать, как вдруг сильный удар в левый бок лишил его сознания. В этот раз очнулся быстро — надолго бы залечь уже и не позволили: «Лежал около дерева, и где-то, как мне казалось, высоко над головой, стояли фигуры с засученными рукавами и автоматами. Вскоре к нам подошли еще немцы и с ними еще двое наших с грязными повязками и черными щетинистыми лицами. Держась за Гордона и еще одного, мы двинулись к Кобринским воротам. Сзади шли фашисты. Привели нас в широкую длинную траншею, вырытую еще до войны в земляном валу для учебной стрельбы из винтовки (тянувшуюся с левой стороны при выходе из крепости через Кобринские ворота). Нас поставили у щита в конце траншеи, где ставили раньше мишени. Шагах в десяти стояло с полдюжины автоматчиков и с ними не то офицер, не то фельдфебель, мы еще тогда не знали их чинов. Нас было тоже уже человек 7–8.

После какой-то команды их начальника они встали в ряд. Разговоры прекратились. Было похоже, что они собрались расстреливать нас. На всех лицах наших солдат (мы переглядывались в это время) я не видел никакого страха, все были серьезные и даже безразличные, лица усталые и скучные. У меня тоже не было чувства страха или какого-то отчаяния. Когда мы попрощались с Гордоном, то было ощущение тоски и обиды, что вот все кончается, и вдруг нахлынувшая отчаянная злоба на стоящие впереди фигуры. А потом все переменилось. Подошел офицер, что-то кричал на унтера. Подошел к нам и, подходя к каждому, долго смотрел в лицо. У Гордона что-то спросил. Я больше не мог стоять и сидел, привалившись к щиту.

Вскоре нам принесли 2 или 3 буханки хлеба и целый рогожный куль с сухой воблой. Один из наших ушел и скоро вернулся в сопровождении автоматчика, неся ведро с водой»[1252].

Через несколько часов группу пленных погрузили в грузовик, скользкий от крови, привезший их на поле, огороженное колючей проволокой, — Бяла-Подляска. Там Долотов встретит Лермана и Якимова, считавшегося погибшим при прорыве Виноградова, узнает о смерти Фомина. Лерман и Гордон исчезнут в августе, в отдельном блоке лагеря, куда собрали всех евреев.

А Иван Долотов, пройдя лагеря в Бяла-Подляске и Лиллегаммер (Норвегия), проживет долгую и, в общем, счастливую жизнь. Инженер-гидрограф, дети — сын и дочь. Увлекался восточной оздоровительной

гимнастикой. Однако моя попытка встретиться с ним в 2006 году не удалась — получил ответ, что Иван Иванович болен и уже не сможет поговорить…

А в 1941 г. день 27 июня вступал в свои права. Исчезновение комиссара в Восточном форту заметили быстро. Один из защитников, Косов, обратил внимание, что четырехствольныйпулемет, основное средство обороны Восточного форта, внезапно замолчал. Решив выяснить, в чем дело, Косов, перебежав в это помещение, где (по его словам) под командой некоего политрука 30 человек набивали ленты для четырехствольногопулемета, увидел, что там никого нет, а пулемет разобран[1253]. Тогда Косов побежал в штаб, доложить обо всем Скрипнику (вероятно, потому, что знал его, своего сослуживца по 333 сп, гораздо лучше, чем Гаврилова). Но в штабе Скрипника не было, лишь майор Гаврилов. Когда Косов доложил ему о ситуации с пулеметом, Гаврилов обронил загадочную фразу «Спасается, кто как знает…». В ответ на вопрос Косова о том, где находится Скрипник, Гаврилов промолчал[1254].

Берлин. Верховное командование сухопутных войск (Тирпицуфер, 72–76). Утреннее совещание у командующегосухопутнымивойсками:

Полковник Окснер[1255] докладывает о результатах огневого воздействия реактивных установок, ведших огонь по району Бреста. По его словам, результаты как будто исключительнохорошие[1256].

Интересно, что подразумевал Окснер под «хорошими результатами»? Вероятно, действия подразделений реактивных установок, приданных 34 и 31-й пехотным дивизиям. О результативности же дивизионов, действующих в полосе 45 I.D., ее командование имело диаметрально противоположное мнение.

Тем временем на Северный остров в 10 часов прибыли трофейные французский и русский танки, позже еще один русский танк. Впрочем, второй был исправен только условно из-за частых дефектов мотора.

Выяснилось, что Восточный форт можно взять лишь при большом расходе боеприпасов. Тем не менее Йон надеется все же сегодня разобраться с ним, если представится возможность. Но, похоже, командованиеармии и корпуса уже махнуло на дивизию рукой…

13.00. В изданном приказе армии № 2573/41 (приказ операции «Барбаросса» № 2) говорится о том, что дивизию планируется перевести в резерв ОКХ, в непосредственное подчинение армии, оставив ее силы в Брест-Литовске. Более того — одним из полков, в усиленном составе, сменить части 255 I.D. у Кобрина. Последнее означает, что, похоже, в Бресте дивизия, раздерганная по частям, останется надолго, что не может не сказаться на ее репутации.

Ясно, что предложенное армией решение не устроило командование «сорок пятой». Фриц Шлипер опять стоит перед выбором — с одной стороны, необходимо как можно быстрее добить окруженных в Восточном форту, с другой — их ожесточенное сопротивление показывает, что без потерь это неосуществимо. Вместе с тем ситуация все более абсурдная — в то время как непосредственно в боевых действиях участвует лишь один батальон дивизии, весь остальной личный состав задействован то в качестве похоронных команд, то как сторожа трофейного имущества или рабочих по расчистке развалин. И это в то время как все остальные неудержимо идут вперед и там, далеко на востоке, на счету каждый батальон.

Вероятно, рассчитывая на то, что это поймет и командование корпуса, Шлипер вновь обращается к нему с просьбой о снятии дивизии с Бреста и отправке ее на восток: «В суточном донесении от 26.6 дивизия уже сообщила, что в основном сражение сводится к зачистке цитадели Бреста и только лишь в северной части цитадели держится гарнизон одного из укреплений, однако полностью окруженный подразделениями батальона. Опыт этого сражения показывает, что вопреки проведенному обыску

каждого отдельного сооружения снова и снова нужно считаться с появлением из неизвестных убежищ отдельных вражеских снайперов, если не заботиться о его охране достаточными силами.

Так как дивизия, учитывая объявленный ей на сегодняшний день замысел (с вечера 29.6 и соответственно 30.6 выступить для другого применения), теперь считает свое задание в городе и цитадели Бреста исполненным. И вновь (как уже неоднократно делала устно) ходатайствует, чтобы для охраны города и цитадели, и обширных задач сбора и сортировки добычи задействовались другие силы, считая, что будет достаточно примерно 2 полицейских полков. Прошу провести смену как можно быстрее, чтобы дивизия смогла использовать время до выступления, чтобы снова стать абсолютно готовой к применению.

Более длительное пребывание дивизии в районе Бреста — например, в качестве резерва О.К.W. — оказало бы на ее боевой настрой неблагоприятное влияние, как не соответствующее результату действий соединения и его состоянию. Прошу о скором решении»[1257].

Однако Шлипер все же надеется быстрее выбраться из Бреста, добив Восточный форт, лично выехав к месту боя.

После полудня в его присутствии начинается обстрел форта из танкового вооружения, причем французский и русские танки подъезжают вплотную к его укреплениям. Из форта по-прежнему отстреливаются.

Хотя Йон заявил, что из-за стрельбы танков по бойницам и окнам русский стал существенно тише… Ну и что? Белого-то флага так и не показалось.

В дневном донесении дивизии в штаб LIII А.К. пришлось отметить, что на данный момент действия танка[1258], как и продолжающийся обстрел бойниц, ни к чему не привели. Но намерения неизменны: продолжать истощение защитников бронетехникой, пытаясь выкурить их из укреплений.

Продолжается зачистка остальной цитадели от отдельных спрятавшихся русских, снова и снова стреляющих из самых невообразимых убежищ, таких, как мусорные баки, кучи тряпья и т. д.

Подразделения, привлекая пленных, начинают расчистку развалин в цитадели и погребение мертвецов на общем кладбище в Бресте. На 27 июня потери дивизии составили: убитыми — 28 офицеров, 251 унтер-офицер и рядовой, ранеными — 31 офицер, 619 унтер-офицеров и рядовых. Достаточно велико число пропавших без вести (большинство из которых — все еще не найденные[1259] погибшие) — 2 офицера и 206 унтер-офицеров и рядовых. Итого общее количество безвозвратных потерь — 30 офицеров и 457 унтер-офицеров и рядовых. Потери тяжелые — но бой еще продолжается.

Дивизию посещает командующий LIII.A.K., генерал пехоты Вайзенбергер, и высказывает ей устно (и позже — в приказе по корпусу) свое особое признание. Он осматривает территорию боевых действий на цитадели. Далее в этот день прибывает генерал артиллерии Брандт (генерал-инспектор артиллерии при О.К.Н.), для составления отчета о действии артиллерии, задействованной при нападении.

Прежде всего Брандт начал выяснять у Arko 27, правильным ли было распределение артиллерийского огня. Он предполагал, что необходимо было провести более длительную артподготовку. Напротив, ему доложено, что вопреки постоянным требованиям и просьбам, дивизии так и не предоставили признанной ею необходимой артиллерии, хотя после консультации с Nbw.Rgt.4 дивизией с самого начала подчеркивалось, что от реактивных установок бесполезно ждать разрушения укреплений[1260]. Только личному участию генерала Хайнемана (командующего артиллерией объединения) дивизия обязана предоставлением ей мортирного дивизиона ограниченной подвижности. Дальнейшие требования о тяжелой артиллерии отвергались. Для поставленной «сорок пятой» задачи (захват цитадели с ходу после короткого огневого налета) действие всего находящегося в ее распоряжении оружия пришлось распределять на всю цитадель, тем более что такое использование реактивных установок предлагалось

командиромNbwRgt.4 и их действие изображалось как исключительно сильное.

Эта задача выполнена всеми средствами дивизии, так как удался полностью и основной фактор, на котором был построен план нападения, — ошеломление противника[1261].

Чтобы достигнуть необходимого для нападения разрушения укреплений, необходимо существенно более сильное использование тяжелой артиллерии и артиллерии особой мощности с гораздо большим расходом боеприпасов, а именно — многочасовая стрельба на разрушение. Это не соответствовало задаче дивизии[1262].

Одним словом, Шлипер и фон Кришер обвинили, с одной стороны, высшее командование, так и не выделившее необходимого количества тяжелой артиллерии, с другой — нижестоящих исполнителей, того же командира NbwRgt.4, введшего в заблуждение относительно возможностей реактивных установок. В итоге Брандт уехал из Бреста, уверившись, что «виноваты обстоятельства». Или же, понимая, что дальнейшее расследование приведет к таким выводам, что могут затронуть командование и армии и корпуса (а кому это нужно?), смог подготовить ответ Гальдеру, не затрагивающий чьих-либо интересов.

Генерал Брандт отчитался в тот же день: «Действие тяжелых метательных установок и артиллерийских систем „Карл“ само по себе весьма эффективно, однако сопротивление превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе [45] пехотной дивизии. Ошибок в действиях дивизий, по-видимому, не было»[1263].

Такое впечатление, что Брандта интересовали прежде всего события 22 июня. Вероятно, все происходящее в крепости ему представили как удачный, но несколько незаконченный штурм 22 июня, а все последующее — зачистка от фанатиков, малоинтересная с военной точки зрения.

О том, что речь шла главным образом о событиях первого дня войны, говорит хотя бы то, что Брандт упоминает о численном превосходстве защитников, что если и имело место, то только утром 22 июня. И то речь может идти лишь о превосходстве в живой силе, зачастую невооруженной, что касается средств ведения боя — то здесь превосходство с первой же минуты было за немцами. Но вот смогли ли они его эффективно применить?

Проигнорировав этот и подобные вопросы, Брандт решил ограничиться «примиренческими» выводами — даже не обратив внимание Гальдера на неэффективность применения реактивных установок против долговременных укреплений, что вполне могло бы заинтересовать начальника Генерального штаба.

Хотя интересно, что, говоря о чьих-либо ошибках, Брандт замечает: их не было в действиях *дивизии.* Были ли они на других, более высоких уровнях, где, в частности, и распределялись средства из резерва ОКХ и планировались основы операции — Брандт не уточняет.

Вдогонку Брандту, в оперативный отдел Генштаба ОКХ[1264] отправилось и донесение Грейффенберга (№ 63/41 от 27.06.41).

О его сути можно судить уже по преамбуле: «После того как *закончились* длившиеся в течение нескольких дней ожесточенные бои за Брест-Литовскую цитадель…» И далее Грейффенберг (от имени командующего Группой армий) продолжает не менее напористо: «…Теперь установлено, что цитадель представляла собой крупный опорный пункт, рассчитанный на две русских дивизии, оборудованный по последнему слову техники, с сильнейшими оборонительными сооружениями. То обстоятельство, что, несмотря на чрезвычайно тяжелые кровавые потери, понесенные русскими, в одной лишь цитадели было взято в плен около 6000 человек, показывает, что она была занята сильным гарнизоном»[1265].

Далее Грейффенберг аккуратно, и четко рисует ту схему, что позволяла объяснить Брестские события:

цитаделью нужно было овладеть не столько для выведения ее из строя, но главным образом для овладения Брестским дорожным узлом — это и было сделано в рассчитанные сроки. Это оказало решающее влияние на ход всей операции. Таким образом, главная задача была выполнена.

Что же касается крепости, то задача по ее овладению была чрезвычайно сложная. Дивизия действовала умело и храбро. Конечно, можно было обойтись лишь артиллерией — но такого количества тяжелой артиллерии не было в распоряжении командования. Да и огонь имевшейся был рассредоточен по всему району крепости.

Грейффенберг подчеркивает, что Брандт счел и этот вариант сомнительным — учитывая широко разветвленную сеть сильных оборонительных сооружений, скрытых в перелесках и рощах.

Таким образом, самоотверженное наступление пехоты встретил огонь численно превосходящих русских. Стремясь свести потери до минимума, командование не спешило форсировать события — иначе потери были бы гораздо большими.

Все это говорит о том, что командованием всех уровней при проведении операции принимались наиболее верные решения, исходящие из складывающейся обстановки и стремящиеся сохранить жизни собственных солдат.

Неплохо?

Такое объяснение устроило всех.

Перебежка автоматчика перед Восточным фортом. Единственный снимок, позволяющий разглядеть детали укрепления. Справа — мертвая лошадь, за белыми воротами, похоже, — мертвый человек

14.30. «Дневное» от A.R.98. «…У полка нет никакого непосредственного впечатления о нынешних боевых действиях». Сообщать уже нечего — артиллерия свою задачу выполнила. Стволы остыли, артиллеристы выспались, и для них штурм Брест-Литовска ушел в историю. Сейчас, помимо отчетов, она вписывается и в строки писем, военных дневников — эта война пока еще «Восточный поход», хотя да, начавшийся более трудно, чем Западный.

На Северном изредка еще гремят выстрелы — а в иных частях цитадели уже щелкают спуски фотоаппаратов.

Единственным происшествием для артполка были загадочные подземные толчки, вероятно от взрывов. Впервые они проявились в 9.30 в районе огневой позиции 5/A.R.98. Около 14.00 их почувствовали вновь. Пехота не смогла прояснить ситуацию — стало известно, что в указанное время не проводилось никаких собственных подрывов. Характер и причина взрыва (звука) так и не были установлены.

Остальные части, не задействованные в составе группы Йона, также вышли из истории боя за крепость Бреста — саперы обер-лейтенанта Ирле занимаются ремонтом подъездных путей, охраной моста; «панцирягеры» Ветцеля — захоронением трупов, расчисткой развалин и ремонтом своего автотранспорта.

Оберст-лейтенанту фон Геллеру (комендант лагеря военнопленных) Детммер сообщает о том, что на территории Брестской цитадели еще находится большое количество сапог, выброшенных пленными. Дивизия готова предоставить эти сапоги в распоряжение лагеря и ждет заезда его представителей для передачи им обуви[1266].

После того, как взяты последние гнезда сопротивления (кроме Восточного форта), частям отдается приказ № 13/41 о размещении в районе Брест-Литовска с целью дать возможность отдыха и пополнения в оружии и снаряжении:

«1) После окончания сражения за цитадель дивизия, оставляя в ней необходимые силы для наведения порядка и охраны, располагается в Брест-Литовске и вокруг него…

…3) Оборону цитадели нужно вести, как указано ниже:

a) I.R.133: выделяет батальон для охраны Южного, Западного островов и укреплений Центральной цитадели. При этом обеспечивая, чтобы укрепления Центральной цитадели постоянно охранялись ротой, Западный остров — по меньшей мере взводом. Ответственный: командир I.R.133.

b) I.R.135 (с приданным II/I.R.130) — Северный остров. Ответственным за охрану Северного острова остается командир I.R.135. Продолжающих обороняться в укреплении 23[1267] противников нужно блокировать, согласно прежним боевым указаниям, и, используя все имеющиеся в распоряжении средства, принуждать к сдаче, однако предотвращая излишние потери. Приданные танки, группы саперов-подрывников и прожекторы продолжают оставаться в подчинении полка. Размер сил, назначаемых для обеспечения Северного острова (для района к западу от дороги с севера на юг примерно одну усиленную роту), определяет командир I.R.135 в соответствии с обстановкой.

4) Введенные в бой для уничтожения вражеского сопротивления части A.A.45, Pz.Jg.Abt.45 и III/I.R.133 выбывают из его подчинения…

Командир I.R.135 определяет дату увольнения этих частей в соответствии с обстановкой, стремясь к их выходу 28.6.

5) Приказанное дивизией обеспечение мостов и противовоздушная оборона продолжаются.

6) Переход всех частей в приказанный район расквартирования… проводится 28.6 в отдельных небольших маршевых эшелонах при наиболее возможном освобождении танковых магистралей. Нужно своевременно установить связь с органами, регулирующими дорожное движение на магистрали.

7) Частям после законченного перехода время, находящееся в распоряжении, нужно использовать предусмотрительно, чтобы предоставить подразделениям заслуженное спокойствие и снова делать их как можно быстрее полностью боеспособными. Смена действующих (согласно пунктам 3) и 5) подразделений (в пределах полка и т. д.) предоставлено командирам…».

Полевой госпиталь № 45, первоначально в приказе корпуса предназначенный для Пружан, расквартировывается в Брест-Литовске (без ввода в действие).

Прибытие в Брест-Литовск приказывается также колонне горючего (11/45) и санитарной роте (2/45).

Для организации упорядоченного управления трофейным имуществом (оружия и техники) у армии запрашивается приезд представителей штаба артиллерийско-технического снабжения и филиала армейского склада инженерного имущества.

Для точного обзора трофеев ротам вновь поручается установить трофеи в их районе расквартирования, защищать, считать, охранять и сообщать о них.

Начинается подготовка частей к выводу из цитадели, намеченному на завтра.

20.00. Для I.R.133 обследующего Центральный, Южный и Западный острова, день прошел без каких-либо боестолкновений. В ходе еще продолжающейся там зачистки территория избавлена от отдельных русских (примерно 30 человек). Идет погребение многочисленных погибших.

III батальон (все еще в составе «группы Йона») действовал также в выделенном ему районе на Северном острове.

В суточном донесении полка Кюлвайн отметил, что «из-за сильнейшего запаха тления по всей зоне боевых действий и вследствие страшной жары работы по расчистке представляли для измотанных сражением подразделений сильнейшую нагрузку. Желательно, чтобы для дальнейшей службы охранения и работ по расчистке как можно скорее назначались другие части (солдат охраны тыла)»[1268].

Командир полка предложил включить в список тех наиболее отличившихся военнослужащих, кто будет упомянут в сообщении O.K.W. — гауптмана д-ра Вацека, чьи действия подтолкнули батальон Фрайтага к овладению Центральным островом.

20.20 «Суточное» от обер-лейтенанта Ирле: «В течение дня люди батальона не участвовали в боях. Несколько автомобилей взрывчатки[1269] были доставлены в I.R.135». Саперы продолжают держать наготове штурмовой отряд, покатого будет требовать пехота.

Кроме того, пока остальные части отдыхают, готовясь к маршу, подразделения PiBtl.81 этой возможности лишены. Продолжаются работы по улучшению подъездных путей к мосту у КП батальона, приведение в рабочее состояние дороги от моста до железнодорожного переезда (2,5 км северо-восточнее моста).

Для подавления еще держащегося на Северном острове укрепления собираются самые различные средства. Подготавливаются к выезду русские танки, снабжаемые трофейным боеприпасом.

Закончен продолжавшийся два дня ремонт подбитого штурмового орудия 201-го дивизиона, стоявшего на Северном с 22 июня (его замок был восстановлен и в различных H.M.I.[1270] с огромным трудом найден необходимый боезапас).

* * *

19.30. Из приказа № 08 командующего 4-й армией на оборону рубежа по р. Березина: «…Остатки 28 ск, оборонявшие р. Птичь, не выдержали удара военно-воздушных сил и танковых частей противника. Частью отошли за р. Березина, а частью рассеялись западнее реки…»[1271]

Для обороны р. Березина был сформирован сводный отряд под командованием генерал-майора Поветкина (47 ск). Командиру 28 ск приказано собрать остатки частей и сосредоточить в р-не Пропойска, Новые Журавичи, Чечерск.

* * *

Годовалые дочери Дарьи Прохоренко и Лидии Крупиной уже не плачут, потеряв сознание[1272].

Но в конюшне оживленно — хотя вал сотрясают взрывы мин, здесь еще одна попытка прорыва — поняв, что через двор не прорваться, защитники решили попробовать с неожиданной стороны — пробив потолок или стены, прорыть земляную подушку вала и, рванувшись в темноте, внезапно для врага

прорвать его оцепление.

В этом готово участвовать около 200 человек.

Но вал оказался песчаным — песок заваливает проход. Тем не менее в нескольких местах, где, приставив лестницу и проломив потолок, удалось прокопать до самого верха — один за другим бойцы выползают наружу. Но их заметили — пулеметные очереди, разрывы мин заставили залечь и пытаться укрыться в норы вновь. Многим это не удается — один из лазов, едва первый боец вылез из него на поверхность, обрушен попавшей прямо в него миной.

Пулеметные очереди, то и дело бившие по валу, заставили отказаться от прокапывания ходов и других бойцов.

Итак, вновь жертвы — убито и ранено около 50 человек. Бойцы угрюмо копают новые могилы, прямо в конюшне, Абакумова и ее помощники, как могут, стараются поддержать раненых.

Им тоже оставалось только ждать.

28.06.41. «Граф Шпее»

03.10. Вместе с рассветом начинают приходить и утренние донесения. От A.R.98 — «На Северном острове сопротивление продолжается», от I.R.135 («группа Йона») — «противник яростно обороняется на востоке Северного острова. Чтобы сильнее его измотать, был усилен ночной обстрел из тяжелых минометов»[1273].

К танку, обстреливающему Восточный форт, теперь присоединяется и штурмовое орудие. Используется и 88-мм зенитное — большее, что может сейчас дать артиллерия. Но, похоже, это не даст результата — Йон[1274] выезжает на аэродром Тересполя, где выясняет возможность применения авиации.

Бывший начальник штаба II авиакорпуса генерал авиации[1275] Пауль Дойчман вспоминал: «Командир одного из полков 45-й дивизии прибыл на КП авиакорпуса у Бяла-Подляски и попросил помощи в захвате блокированной его подразделениями школы комиссаров Красной Армии в Бресте (она стойко сопротивляется и препятствует продвижению)[1276], для поддержки PzGr II»[1277].

Выяснено, что бомбы сбросить можно, но для этого необходим отвод собственных подразделений за внешний вал и до Западного форта.

С авиачастью[1278] на аэродроме Тересполя удалось договориться о бомбардировке на вечер. Атака пикирующих бомбардировщиков Stuka[1279] назначена на 18.00.

9.30. Фон Кришеру переправляется требование штаба АОК 4 (Ia) о переводе 854-го дивизиона ограниченной подвижности в подчинение LIII A.K. Дивизион должен быть переброшен в Брест-Литовск, разместившись так, чтобы в случае необходимости мог быть задействован[1280].

11.20. Одно из самых загадочных мест в КТВ 45-й дивизии: «Die Besatzung des Fort 5 ergibt sich nicht» (Гарнизон форта V не сдается), — записал Герхард Эткен. Что это может означать? Форт V, в 4 километрах северо-западнее Бреста, где в июне размещался батальон 44 сп, был взят еще 22 июня. Конечно, взятие может подразумевать и тщательный обыск, и беглый, с забрасыванием М-24 по темным углам. Может и просто — зафиксировали прекращение стрельбы из форта и поймали пленного, сказавшего, что оттуда уже все ушли. Необходимость в обыске отпала, да 22 июня было и не до этого. Вот и просидели бойцы Гаврилова до 28 июня, достойные своего комполка, бившегося в это время в Восточном форту. И лишь случайно их обнаружили обследовавшие местность солдаты 45-й дивизии.

Однако наиболее верной представляется другая версия. На нее навело вечернее сообщение Ic LIII A.K.

от 26 июня «Группа укреплений Орля[1281], взятая 167.I.D, согласно сообщению командира полка, в полосе которого она находится, представляет собой особо интересное широко задуманное долговременное сооружение. Орля была взята дивизией с боем 24.6. Однако только что сообщили, что в укреплении снова находится несколько партизан, которые сразу открывают огонь по отдельным людям, находящимсяпоблизости от нее.

Предложение: поручить брать укрепление снова следующей дивизией резерва ОКН и держать его постоянно охраняемым; известить главное управление вооружений сухопутных войск (ОКН WA A) об интересном методе строительства группы укрепления Орля»[1282].

Конечно, и здесь могла иметь место и небрежная зачистка, но, скорее всего, и в Орля, и в форту V оборонялись не их первоначальные гарнизоны, а проникли какие-либо группы, выходящие из окружения или решившие начать самостоятельную борьбу. Скорее всего, принимая во внимание близость укреплений к границе и упорство сопротивления их новых гарнизонов, это были пограничники. Кроме того, в форту V могли засесть и вырвавшиесяиз Брестской крепости ее защитники.

Кто обнаружил засевших в форту V и при каких обстоятельствах — неизвестно. Неизвестно и то, что предприняла дивизия. Ясно одно — в эти дни она была максимально заинтересована в том, чтобы представить брестскую проблему решенной. Обнаружение нового очага сопротивления этой цели не соответствовало. О том, что гарнизон форта был не просто небольшой группой, парой-тройкой плохо вооруженных человек, а реальной силой, говорит упоминание о нем в КТВ. Понятно, что сведения об обнаружении одиночек, таких, как Долотов и Гордон, туда не вносились. К сожалению, каких-либо донесений из частей дивизии, упоминающихфорт V, нет. Можно только предположить,что, получив от его защитников отказ, дивизия предпочла замять эту историю, для порядка внеся маловразумительнуюзапись в КТВ. Однако гарнизон форта остался — его оборона там затянулась настолько, что превысила все мыслимыепределы. Но об этом — после.

Дивизия получает телефонный (позже письменный) приказ от Группы армий «Центр» предоставить в распоряжение второму воздушному флоту (Кессельринга) 2 батальона для охраны выдвинутых вперед аэродромов. По команде дивизии для этой цели выделяются первый (Набер) и третий (Ульрих) батальоны I.R.130 (без лошадей и транспорта, с тяжелыморужием).

11.45. Беседа Армина Деттмера с Ia штаба корпуса относительно командыо выступлении дивизии все еще не состоялась. Потеряв терпение, Деттмер дает радиограммув LIII A.K. прося разрешения на движение в случае выступления с маршевымэшелоном, двумя путями за 52 и 167-й дивизиями. «Просим не медлить с решением», подчеркиваетон. Но корпус молчит.

Тем временем штабной офицер для контроля марша (гауптман Вацек) разведывает дороги и улицы для маршаза 52 и 167-й дивизиями.

Вот и ответ корпуса — для дивизии марш отменяется. Взвесив все обстоятельства и поняв, что «сорок пятая» в Бресте еще нужна, Вайзенбергер прощается с дивизией. Она выходит из состава LIII A.K. и подчиняется Höh.Kdo.z.b.V. XXXV[1283], чей командующийжелает получить точные данные о полученных в Брест-Литовске трофеях, которые, так как точных данных еще нет, указываются ему только приблизительно.

Тем временем из-за уже установленной недоработки относительно распределения трофеев их недостача и исчезновение все увеличиваются, и проводимое без какого-либо разрешения изъятие из хранилищ чужими воинскими частями все больше напоминает грабеж. Организованная 27 июня полевая комендатура не способствует разъяснению, а скорее увеличивает беспорядки неправомочной выдачей ордеров на получение трофейного имущества.

Вместе с этим проходит учет трофеев и их использование для интересов подразделения.

11.50. Подняты по тревоге батальоны Набера и Ульриха, усиленные подразделениями 14/I.R.130. Они готовятся в своих расположениях к переброске по воздуху. Оберст-лейтенант Набер выехал вперед, к аэродрому Малашевичи, для установления связи.

До вечера вылетает примерно одна усиленная рота (в Люк в Восточной Пруссии, далее в Молодечно).

13.25. «Дневное» от Ирле: с 14.00 саперы переносят свой КП в форт «Граф Берг». Там же — 1-я и 2-я роты. Легкая саперная колонна и колонна мостоукладчиков — в 300 м от форта. Ведется обслуживание моста и подъездных путей. Задействованы два взвода.

В ходе второй половины дня охрана железнодорожных мостов «Вулька» и «Ковель», первоначально принятая саперным взводом I.R.130, сменена I.R.133.

Новый обстрел танками и штурмовым орудием Восточного форта так и не принес результата.

Начинается отвод от него подразделений на линию оцепления. Он проводился под тщательным огневым прикрытием, чтобы оттуда не смогли вырваться защитники. Подразделения III/I.R.133 и A.A.45 окончательно выходят из крепости — для них бои уже завершились. На Северном остаются только 5-я рота I.R.135 и II/I.R.130 (Гартнак).

КП I.R.135 и его батальонов перенесены в северо-западную часть Бреста.

К бомбардировке Восточного форта все готово — для отметки цели на внешнем краю рва были помещены белые полотна[1284].

Но сейчас в планы Шлипера вмешалась сама природа — приближающаяся глубокая облачность заставила отменить бомбардировку.

Природные условия в этот день подпортили жизнь и «панцирягерам» Ветцеля — заболоченные луга и глубокие непроходимые пески заставили дивизион отказаться от перехода на новое место. В этот раз Ветцель выслал вперед разведку — она-то и сообщила о непроходимых препятствиях на запланированных путях выдвижения. В итоге подразделения остались в прежнем расположении.

19.15. Обер-лейтенант Хайдфогель сдает суточное донесение. Выясняется, что полк еще не знает о причине отмены авианалета.

Батальону Гартнака необходимо немедленно восстановить тесное блокирование Восточного форта.

Вечером поступает армейский приказ A.O.K.4 Nr.2573/41 от 27.6.41, согласно которому дивизия предположительно будет резервом О.К.Н, непосредственно подчиняясь армии. Однако указанная в нем отправка усиленного полка в Кобрин отменяется — вероятно, из-за того, что части дивизии уже привлечены к охране аэродромов.

Стемнело.

29.06.41. «Лютцов»

Мерцающую бледность осветительных ракет предыдущих ночей сменил слепящий свет трофейных русских прожекторов (частью из автомобильных фар). Нимб, видимый из Бреста, встал над черными громадами вздымающихся валов Восточного форта. Подсветка фарами сделала их особенно величественными. Казалось, форт, прошедший все испытания, так и останется неприступным.

Но пилоты «юнкерсов» гауптмана Курта Петерса уже получили задание. Да, форт прошел многое — однако сейчас за него возьмется авиация II авиакорпуса генерала Лерцера: «И мы еще посмотрим кто кого!»

Рассвет. Подразделения Гартнака вновь отводятся от форта. Лучи солнца подсушили росу — погода обещает быть хорошей.

С запада нарастает гул — «8.00… Это они!» Белая ракета. Пять Ju-88 с воем заходят на цель. Видно, как пятисоткилограммовые фугасные SD-500 отделяются от их фюзеляжей…

Взрыв! Форт качнуло… Второй! И — один за другим, на внешнем валу… Шесть прямых попаданий[1285], две — мимо, две — не разорвались[1286]. «Все они выли, падали, как тюк, и разрывались через 7–8 секунд. Мы стоим у стены и считаем до восьми. Одна бомба упала на левом фланге и не взорвалась», — вспоминал лейтенант Василий Яковлевич Сисин, командир огневого взвода 393 ОЗАД[1287].

Но вновь при попытке атаковать — из окон и амбразур форта гремят выстрелы. Похоже, его защитники не помышляют о сдаче.

Йон договаривается о продолжении бомбардировок во второй половине дня. Командование авиакорпуса в качестве решения намеревается вновь использовать тяжелые бомбардировщики, один из которых поведет специально отобранный экипаж, с задачей — доставить к форту и сбросить на него единственную имеющуюся на аэродроме 1800 кг бомбу[1288] (SC-1800).

Кроме того, если противник не сдастся и после второго воздушного налета, на 30 июня готовится новый способ — скатывание многих бочек с бензином по наклону гласиса перед тремя внутренними воротами и окнами и их поджог. Так как окна горжевой казармы внешнего вала направлены в ров (промежуточное пространство между внутренним и внешним валами), возможность выкурить его защитников таким способом вполне реальна[1289]. Цель та же, что и в течение предыдущих дней: уничтожить гарнизон, избегая жертв среди собственных сил.

Для этой операции Гартнаком затребовано 8000 литров жирной смеси (бензина и масла из трофейного имущества). Вопреки нехватке погрузочного пространства и бочкотары, кратчайшему сроку, трудностям при передвижении по покрытой воронками территории, отделом тыла было подготовлено все необходимое.

Сразу после полудня защитники простились с членами семей комсостава, все еще скрывающимися в казематах Восточного форта. Дарья Прохоренко: «Все подвалы были разбиты, остался только наш целый, где находились дети. И кто-то сказал, чтоб женщины с детьми вышли, а то дети все умрут с голоду. Мы все стали уходить да и сражаться уже не было где, все было разбито»[1290]. «Навсегда запомнил я слезы моих боевых товарищей, провожавших из форта женщин и детей», — вспоминал майор Гаврилов[1291].

Придя в город, женщины похоронили своих детей, умерших от голода.

13.50. Саперный батальон вновь включился в бой — они намереваются произвести минирование и подрыв внешнего вала. Эта практика доказала свою полезность на пкт 145. Должно получиться и в этот раз.

15.00. Несколько белых флагов и серых шинелей, изможденные и обросшие лица: к позициям батальона Хартнака выходят перебежчики из Восточного форта. Они рассказали, что командиры не хотят сдаваться, а рядовые, напротив, сдаться готовы[1292]. Продолжается подготовка к «бензиновой операции».

Ганс Хартнак

Саперы, заложив взрывчатку в подготовленный шурф на внешнем валу, производят пробный подрыв — доказано, что после закладки заряда на двухметровую глубину одной связки взрывчатки (30 кг) достаточно для разрушения перекрытий горжевой казармы[1293].

Это обнадеживает — минирование решено продолжить.

Тем временем оцепление вновь отходит от форта — приближается срок запланированного авиаудара.

17.30. Вновь в воздухе гул. Вот они — семь Ju-88. Белые ракеты! «Всем пригнуться, залечь в укрытие — сейчас они начнут!» — команды унтер-офицеров заставляют залечь наиболее любопытных.

Но они кругом — на валах и казематах, даже на немногих уцелевших деревьях — наблюдатели, многие с фотоаппаратами. Здесь же — операторы «Deutsche Wochenschau».

Офицеры сами себе господа — они с биноклями стоят на крышах многих домов Бреста и сооружений крепости. На авиаудар невиданной раньше силы с применением SC-1800 (ее длина 3,5 метра, диаметр — 660 мм) посмотреть хочется многим, в том числе и штабу дивизии. Остальные «юнкерсы» готовы сбросить SC-500 — осколочно-фугасные бомбы (их размер, кстати, тоже впечатляет: длина 2022 мм, диаметр 470 мм).

На самолеты над Восточным фортом с тоской смотрят и военнопленные, убирающие трупы и расчищающие завалы на Центральном.

17.40. «Юнкерсы» начинают пикирование — первый удар: грохот, потрясший Восточный форт, слышен в Бресте — земля дрогнула во всем городе.

Клубы дыма и пыли скрыли форт — десять SC-500 сотрясли его валы. Остались ли там живые?

Наблюдатели пытаются что-то разглядеть — как выяснится уже через полчаса, бомбы упали довольно удачно, но две из двенадцати, давшие наилучшее попадание в цель, не разорвались[1294].

Четко видимые в синем небе «юнкерсы» уходят от крепости. Это еще не все — главное впереди…

Вон он, носитель «сатаны» SC-1800 — одинокий бомбардировщик вернулся и вяло кружит над

крепостью, вероятно, принимая по радио последние инструкции по выходу на цель. Солдаты, шедшие через опустошенный изуродованный парк и стоящие на иссеченных осколками стенах цитадели, замерли и вновь пристально глядят ввысь.

Да, это последние часы Восточного форта. В. Я. Сисин: «Правый фланг весь разрушило. Кирпичи летят, пыль, смрад, ничего не видно. Много убитых, раненых. Я был рядом с Гавриловым, Касаткиным, Домиенко, тут же бойцы — Валянник, Архипов, Вовченко. Потом Гаврилов вышел куда-то. Возвращается. В руках у него две гранаты-лимонки. Я спросил:

— Товарищ майор, что делать?

А у того на глазах слезы. Ничего он мне не ответил, повернулся и пошел в каземат»[1295].

Вновь солдаты Гартнака видят, как от Восточного форта, сквозь клубящуюся пыль, размахивая белыми тряпками, бегут перебежчики — но их пока только тридцать.

Может, готовы сдаться и остальные? Однако при попытке приблизиться к конюшням оттуда вновь несколько выстрелов — это исчерпывающий ответ Восточного форта.

18.00. Делая круги, одинокий бомбардировщик люфтваффе забирался все выше и выше — и вот небо взвыло моторами — началось пикирование. Тысячи глаз увидели, как от фюзеляжа отделилась отчетливо видимая «сатана» — светло-голубая, она казалась одиноким черным пятнышком, тяжело и непринужденно несшимся вниз. Упала вроде точно? Секунды...

...От грохота дрогнули и фотоаппараты и кинокамеры операторов киножурнала — да, это достойное завершение выступления люфтваффе!! Взрывная волна ударила всех на Северном, кто из-за любопытства не залег в укрытие. Город был потрясен — во многих домах повылетали оконные стекла, и все население увидело, как огромный столб дыма и пыли взмыл над цитаделью.

Но дым и пыль развеиваются — над фортом белого флага не появилось.

19.30. «Противник все же кажется недостаточно измотанным», — сообщает в «суточном» за 29 июня обер-лейтенант Хайдфогель (адъютант I.R.135). На его сдачу ничего не указывает — на 30 июня намечена операция с применением бензина, в ночь с 29 на 30 июня — обстрел Восточного форта, изматывающий его защитников[1296].

Похоже, и полк и дивизия уже смирились с тем, что захват Восточного форта, несмотря на впечатляющие удары авиации и на то, что слышно, как в нем бушует пожар и рвутся в огне боеприпасы, вновь не удался.

Переброска подразделений I и III/I.R.130 на аэродромы Молодечно и Барановичи продолжается.

Фанфары, предваряющие сводки Верховного командования, заставили прибавить звук в радиоприемнике штаба дивизии, заглушив рвущиеся в Восточном боеприпасы. «Специальный выпуск новостей» о восточном походе — минула его первая неделя. Теперь в штабе «сорок пятой» есть время послушать: «Советская авиация полностью уничтожена!», «Сильные приграничные укрепления русских прорваны в первый же день!» И вот — «После нанесения по ней удара артиллерией особой мощности крепость Брест-Литовска — в наших руках. Остававшаяся в качестве последнего очага сопротивления Цитадель была штурмом взята нашими частями 24 июня»[1297]. Так-так... Офицеры иронично переглянулись — а мы что тут делаем? На экскурсии о Брестском мире ходим? Так, похоже, они еще затянутся надолго...

Горжевая казарма главного вала. Вероятно, это гаражи 44 сп

На главный вал (Неясно, что за сооружение за спиной заднего солдата) выходит сдающийся в плен. Немцы, без поясных ремней и оружия, стоят в полный рост. Второй советский боец (? Кепка, похоже, у него гражданская) призывает к сдаче в плен. Обратите внимание на ячейку — она вырыта на переднем скате, чтобы силуэты стрелков маскировал гребень вала. И деревья на Северном — это уже лишь ободранные артогнем без листьев и ветвей прутики

«Штурм цитадели увенчан успехом; наши штурмовые группы вопреки отчаянному вражескому огню продвинулись вперед до ворот казематов, оттеснили гарнизон от входа, победили и пленили его. Они достаточно натерпелись от сконцентрированного немецкого артиллерийского огня: в знак капитуляции выкидывается белый флаг»

Тем более неожиданным стало сообщение от «группы Йона» — русские начали сдаваться! На 20.30 — уже 160 человек. Вероятно, после всех преждевременных рапортов последних дней Шлипер и Деттмер еще не верят в успех.

Однако в 21.00 — уже 220 пленных. Неужели?! Да, похоже, Брест-Литовская эпопея завершается… Осталось ли у кого шампанское?

22.00[1298]. 384 пленных. Командира среди них нет. Говорят, что он должен был застрелиться.

Обстоятельства капитуляции Восточного форта вряд ли когда-либо станут известными — в «Отчете о взятии Брест-Литовска» говорится, что «разрешение на сдачу красноармейцы получили от своего руководителя, майора. Они абсолютно не были потрясены, выглядели сильными и хорошо накормленными и производили впечатление дисциплинированных».

Однако, судя по тому, что сдача происходила в течение двух часов, разрешение на нее получила лишь последняя, вышедшая из форта группа.

«22.06.1941: лишь несколько часов сражения, и пленные уже отводятся колоннами, выглядящими так, как в ином случае получается только после завершения всей кампании»

Весть о капитуляции последнего укрепления Брест-Литовска мгновенно разнеслась по дивизии. Для нее это означало не только долгожданную победу, но и необходимость готовиться к маршу.

Сразу же резко увеличились запросы в отдел тыла о предоставлении транспорта. Все полки и дивизионы требуют грузовики для выполнения своих задач.

«Конец защитников Брест-Литовска: в длинных колоннах, с поднятыми руками они вступают на дорогу в лагеря для пленных. Немецкое оружие оказалось сильнее, чем их упрямая воля к сопротивлению». Несмотря на летнюю жару, многие бойцы в шинелях и бушлатах. А кое-кто и воротник поднял. За плечами вещмешки, через плечо — скатки: всё это окажется нелишним в Stalag 307, где очень многие останутся навечно

Кроме того, с открытием нового склада, трофеи, ежедневно увеличивающиеся, должны быть вывезены туда.

О падении Восточного форта доложено и в высшие штабы — но ни армия, ни корпус не ставят

дивизии никакой новой задачи. Перспектива ближайших дней — продолжать работы по расчистке.

Подступившая темнота, наполненная дымом и отсветами пожаров над Восточным фортом, заставила отодвинуть его окончательную зачистку на утро.

30.06.41. «Мольтке»

Еще накануне вечером[1299], когда стало ясно, что Восточный форт вот-вот будет захвачен, Гаврилов приказал младшему сержанту Родиону Семенюку, заведующему складом боепитания 393 ОЗАД, закопать знамя дивизиона, которое Семенюк еще 22 июня по приказу Шрамко вытащил из караульной палатки и перенес в штаб.

Сейчас, ночью они и решили этим заняться — Семенюк, его односельчанин (из Винницкой области) Иван Фольварков и пехотинец Тарасов. Однако вопрос оказался непростым… Пока Тарасов, отвернувшись встал у окна, наблюдая за подходами к каземату, Фольварков, не говоря лишних слов, отойдя в сторонку, достал из кармана коробок спичек, кисет с махоркой, и на пол упал кусок газеты… Поднеся к бумаге спичку, Фольварков потребовал от Семенюка отдать знамя. Родион Семенюк отказался, но Фольварков, обменявшись взглядами с Тарасовым, скрутили Семенюка, выхватили знамя. Тарасов, как ни в чем не бывало, отошел к окну, продолжая наблюдение, а Фольварков уже поднес было к знамени спичку, как Семенюк, кинувшись, толкнул того к стене… Они тащили знамя друг на друга, обстановка накалялась — доводы о том, как спасти знамя, становились все яростнее. Тарасов выхватил пистолет… Тут же, бросив Фольваркова, выхватил пистолет и Семенюк… Напряженные секунды! Но удалось обойтись без стрельбы — завернув знамя в брезент, положили в брезентовое ведро, то, в свою очередь — в цинковое, одно из тех, что служили для выпойки лошадей. Так и закопали в одном из казематов внешнего вала, с правой стороны. Получившуюся полметровой глубины яму, засыпав, крепко утрамбовали и присыпали мусором для маскировки[1300].

В это время Гаврилов, которого многие считали погибшим и спорили, — застрелился ли он или взорвал себя последней гранатой, вместе с пограничником, неотлучно находившимся при нем в качестве адъютанта, нашел убежище в той самой норе, что рыли защитники, пытаясь через нее выбраться на внешний вал.

Забравшись в нору, пограничник и Гаврилов стали копать ее стены в разные стороны — Гаврилов влево, пограничник вправо. Сыпучий песок легко поддавался, и они, оказавшись между кирпичной стеной каземата и толщей вала, ушли метра на два от пробитой бойцами норы.

…Обыск Восточного форта начался утром. Гаврилову было хорошо слышно, как по казарме пошли немецкие солдаты. Остановившись у норы, они немного посовещались — один из них подошел к дыре и, дав туда очередь из автомата, прислушался. Никого? Группа ушла дальше, обыскивать другие казематы.

Во время прочесывания Восточного форта оттуда было извлечено несколько русских раненых и лежащих перед фортом мертвых немецких солдат. Было найдено достаточно боеприпасов, что говорило о том, что оборона могла продолжаться еще долго.

Отдельные непросматриваемые помещения выжгли.

* * *

Заканчивается оборона Бреста — у Бобруйска заканчивается и история советской 4-й армии, всего лишь чуть более недели назад встретившей там войну. Вот два, дневное и вечернее, от 30 июня, из числа последних донесений Коробкова командующему Западным фронтом. Оно касается отряда генерал-майора Поветкина, но кажется глубоко символичным для характеристики и положения остатков армии и

настроения ее командования: «Положение у Поветкина исключительно тяжелое, отряд несет огромные потери в людском составе и материальной части. Противник давит оборону минометами, артиллерией и самолетами. 20-й дорожно-эксплуатационный полк и один сборный батальон сбежали, артиллерийская прислуга в значительном количестве выбита. Все мои ресурсы исчерпаны. Приказал держаться до последнего, но уверенности в удержании рубежа нет»[1301]. Вечером ситуация не изменилась: «Уверенности в стойкости отряда нет, дерется лишь одна артиллерия, и только она сдерживает наступление танков. Противник применяет много минометов и авиации. Часть танков (средних) вооружена 75-мм пушкой. Авиация противника господствовала в воздухе и пожгла много наших самолетов. Противник применяет наши самолеты со звездами, по-видимому, трофейные. Единственное средство борьбы — придание отряду средних танков (хотя бы несколько). Живая сила значение на данном маршруте потеряла. В нашем распоряжении никаких средств поддержки нет»[1302].

9 июля за «потерю управления войсками в критической обстановке, нерешительность и бездействие» он был отстранен от командования армией и в тот же день арестован. 22 июля — за «трусость, малодушие и преступное бездействие» приговорен к ВМН, лишен воинского звания, наград (ордена Красного Знамени и медали «XX лет РККА») и расстрелян[1303].

*** * ***

В суточном донесении 45-й дивизии от 30 июня в А.О.К.4., сообщалось о взятии Восточного форта во второй половине дня 29 июня, что, как и ранее, несколько опережало реальное положение вещей. Успеху, по мнению Деттмера, существенно способствовали две бомбардировки (в первой и второй половине 29 июня), проводимые по просьбе дивизии авиагруппой, размещенной на соседнем аэродроме Тересполя.

«Укрепление занято собственными подразделениями, тем не менее частично еще горит. При этом захвачено 386[1304] пленников, после того как сразу после полудня гарнизоном были выпущены несколько женщин и детей»[1305].

Дальнейшие планы дивизии — главными силами готовиться к выступлению.

Захват Восточного форта, по мнению Деттмера, означал слом последнего, еще существующего сопротивления. С этого момента, подчеркивал он, вся цитадель и город Брест-Литовск надежно находятся в руках 45-й дивизии.

Однако одновременно нескольким подразделениям отдано распоряжение продолжать зачистку и обыск цитадели. Падение Восточного форта, и это понимали в штабе «сорок пятой», означало лишь конец последнего из наиболее мощных очагов сопротивления и — начало новой главы истории обороны — полупартизанской борьбы одиночек и небольших групп, скитающихся по опустевшим, пропитанным пороховой гарью казармам.

Но у дивизии не было ни малейшего желания быть вписанной в эту главу каким-либо образом. «Брест-Литовский период» нужно было завершать.

Эпилог

«Последние защитники, первые легенды»

Обыск Восточного форта окончен. Развалины еще дымятся, смрад от цитадели разносится по городу, но бой завершен. Частям отдаются приказы о расквартировании и принятии охранения в Брест-Литовске. Продолжаются работы по расчистке и вылет «Юнкерсами-52» очередных подразделений батальонов Набера и Ульриха.

Два взвода саперов Ирле продолжают работы по расширению подъездного пути к мосту на северной оконечности Западного острова.

11.30. Все подразделения 854-го артиллерийского дивизиона прибывают в Брест.

19.25. Последнее Брестское «суточное» от I.R.135. «Бои больше не идут, — сообщает Хайдфогель. — II/I.R.130 взял Восточное укрепление и остальной Северный остров».

13.00. Подчинение батальона Гартнака «группе Йона» прекращено. Гартнаку[1306], вместе с несколькими саперными группами батальона Ирле необходимо плотнее прочесать Северный остров. Этим же занимается и батальон Эггелинга (I.R.133).

В свое расположение в Бресте из крепости выходит 5-я рота I.R.135.

По 1 июля (включительно) цитадель с ее трофейным имуществом полностью остается под охраной дивизии.

Все склады трофеев в самом Бресте уже передаются его полевой комендатуре, которая также должна заботиться о его обеспечении и охране. Незаконное изъятие трофеев и их вывоз угрожающе возрастают.

До сих пор из-за боевых действий учтена только часть запасов, сложенных под открытым небом в цитадели Брест-Литовска. Их окончательное число еще нельзя обозреть[1307].

Итак, на 20.00 30.6, в городе[1308] и цитадели Брест-Литовск было захвачено:

а) Пленные — 7223 человека (101 офицер и 7122 младших командиров и рядовых). На данный момент в цитадели найдено примерно 2000 мертвых русских.

б) Оружие:

14 576 винтовок

394 пистолетов и револьверов

1327 пулеметов

27 минометов

3 ящика противотанковых ружей

15 75-мм орудий

9 длинноствольных 150-мм орудий

3 пехотных орудия

4 150-мм гаубиц.

5 зенитных орудий

46 противотанковых орудий

18 прочих орудий

107 походных кухонь

50 прицепов.

Большие запасы гужевого транспорта, рассчитанные примерно на 1–1,5 дивизии.

в) Лошади — 780 голов (примерно 800 лошадей найдено мертвыми).

г) Продовольствие:

Незначительные запасы консервов. Более существенные — в горохе (50 т.[1309]), лапше (10 т), пшене (40 т), ячмене (300 т), зерне (500 т), сигаретах (6 млн штук), чае[1310] (2 т). Захвачены примерно 750 000 литров спирта и водки.

Мука: Ic предлагается отметить то, что армейский хлеб русских наполовину ржаной.

45-я дивизия, включая приданные подразделения (общее количество примерно 30 000 человек), обеспечена мылом на 2 месяца. Найдено примерно 10 т, остаток выясняется.

д) Незначительные запасы одежды:

Количество шнурованных ботинок и белья подсчитывается.

е) Автомобили: примерно 36 танков и гусеничных тракторов, кроме того, 1500 русских автомобилей из-за обстрела почти непригодно или повреждено.

Найдено 3 больших склада запчастей для русских автомобилей и среднее количество автомобильных шин, 56 кубометров топлива.

Дивизия издает положение по отправке личного багажа погибших и раненых.

23.15. Звонок начальника штаба LIII.A.K. полковника Вегера: с 00.00 1 июля дивизия снова подчинена штабу LIII A.K. Одновременно с офицером связи армии прибывает аналогичный письменный приказ. Приказано сформировать передовой отряд, приняв им охранение в районе Городца и Антополя. Еще ночью частям отдается соответствующая команда. Со стороны отдела тыла для обеспечения передового отряда (его командиром назначен фон Паннвиц) в кратчайший срок должен выделяться необходимый автотранспорт. Кроме того, должен делаться подвижным, получив автотранспорт, III/I.R.133, назначенный для охраны района Малорита, Мокраны, дороги Брест — Кобрин.

01.07.41. «Штайнмец»

6.00. Передовой отряд 45-й дивизии покидает Брест.

К 11.15 он достигает восточной окраины Кобрина и во второй половине дня принимает охранение у Городца и Антополя, ранее ведущееся 267-й дивизией. Еще до полудня прибывает офицер штаба Группы армий «Центр». Деттмер докладывает ему о положении дивизии. Одновременно заявив, что подразделения I/I.R.130, еще не вывезенные авиацией, не смогут следовать по приказу Кессельринга пешим маршем на Барановичи.

Частям «сорок пятой» отдается приказ (№ 16/41 от 1.7.41) начать выдвижение уже завтра, 2 июля. Ее ближайшая задача — прочесать леса Малориты, Влодавы, Кобрина, Давидгородка. Радиоперехваты показывают появление в них новых вражеских частей.

Решено, что в городе для поддержания порядка и охраны трофеев останутся некоторые подразделения I.R.130[1311].

Город должна покинуть вся дивизия, исключая уже совершающий марш передовой отряд, и остающиеся в Бресте и соотв. вывезенные и еще вывозящиеся военно-транспортной авиацией подразделения I.R.130. В Бресте пока остается и Fld.Btl.45 и штаб дивизии.

14.30. Вылет остатков III/I.R.130.

Остающиеся в Бресте подразделения I.R.130 (прежде всего — батальон Гартнака) принимают всю охрану в хранилищах трофеев и прочих важных объектах. За вторую половину дня солдаты Гартнака сменяют II/I.R.133 на Южном, Западном островах и Цитадели.

Вечером[1312] на новом, только что законченном кладбище дивизии в Брест-Литовске, у Южной[1313] церкви, проходит «торжество памяти героев»: поминовение погибших при овладении Брест-Литовском почти 400[1314] солдат дивизии. Все части прислали своих представителей.

Что будет дальше? Новые цитадели? Количество мертвых, засыпанных здесь, у русской церкви, погибших в первом же сражении в России, сравнимо со всем походом по Франции. Остается только надеяться, что судьба Восточного похода уже решена — новости с фронта позволяют так предполагать.

Вот только тревожит то, что на цитадели еще прячется немало не собирающихся сдаваться русских. Ночью, да порой и днем — редкие выстрелы, да и видны перебегающие вдали фигуры. Что они хотят? Почему не сдаются или не уходят?

Одной из улиц города решено дать имя 45-й дивизии.

02.07.41. «Рихтгофен»

Маршевые эшелоны начинают движение. Из-за плохих дорог (танковые магистрали использовать нельзя) оно проходит крайне утомительно.

Дивизионная штаб-квартира, как и оперативная группа штаба, переносится в Кобрин. Так как подразделения снабжения начинают марш лишь 3.7, отдел тыла до завтрашнего дня остается в Брест-Литовске.

20.00. III/I.R.133 объезжающий, прочесывая окрестности Малориты, сообщает о том, что в местный лазарет для военнопленных отправлено 35 пленных.

Фон Кришер прощается со Шлипером и офицерами штаба — Arko 27 выходит из подчинения 45-й дивизии.

04.07.41. «Йорк»

В Брест прибывает 502-й караульный батальон, подчиняемый 184-й полевой комендатуре (генерал-майор Штубенраух). В связи с этим Штубенраух обещает сменить, как только будет возможно, I.R.130 с большинства зон охраны.

Однако Гипп настроен скептически — 502-й караульный батальон выставляет в караул лишь примерно 210 человек, что может обеспечить, самое большее, одну смену вновь значительно сокращенной охраны в Бресте. Однако и на цитадели требуется еще очень сильная смена охраны, подчеркивает Гипп. Поэтому он предлагает, чтобы 502-й караульный батальон подчинялся ему (относительно совместного несения караула) в течение всего периода несения I.R.130 караульной службы в Бресте[1315].

В этот же день сводка Верховного командования вновь вернулась к сражению в Брест-Литовске: «Своим мужеством отличились полковники: командиры пехотного (Гипп) и артиллерийского (Велькер) полков»[1316].

«Сорок пятая» была в Бресте еще пару дней — интересно, что Гиппу на несколько часов был подчинен

и вернувшийся в город 854-й артдивизион, как и батальон Герштмайера, уходя на восток, на сутки (с 5 по 6 июля) задержавшийся в Бресте.

06.07.41. «Клюк»

Приказ покинуть город получили и подразделения Гиппа. Оглядывавшимся назад солдатам из Круммау (батальону Гартнака) трудная задача казалась выполненной. За их спиной, в раскаленной солнцем синеве над разгромленной цитаделью, все еще стоял дым пожара на складе телогреек, через танковые магистрали безостановочно шли колонны вермахта.

Последние грузовики дивизии покинули Брест. Ревя двигателями на расплывающихся песчаных дорогах, сотрясаясь, подбрасывая взвода на ухабах, автоколонна уходила на восток через Кобрин и Антополь.

Копыта обозов, глухо стукаясь о булыжники, поднимали песчаную пыль. В госпитале Бреста стонали тяжелораненые, свежее кладбище у Южной церкви — молчало. Как и родные тех, кто лег там — на улицы Линца, Штокерау, Гмундена, Рида и других городов Верхней Австрии почта еще не доставила извещения о смерти.

Покинув Брест, дивизия навечно осталась в его истории. Скрывшиеся в клубах пыли грузовики Ганса Гартнака означали завершение штурма крепости — но ее оборона продолжалась.

* * *

После наступившей вдруг тишины безостановочный глухой рев грузовиков и бронетехники с магистралей стал уже привычным для тех, кто скрывался в подвалах Центрального, казематах Западного или Северного — гораздо опаснее для них были тихие шаги патрулей. В прохладной тьме подвалов изможденные двухнедельной, но уже казавшейся бесконечной войной красноармейцы, настороженно прислушиваясь или забывшись в тревожном полусне, ожидали ночи. Тогда, в темноте, один за другим они покидали крепость.

Многие — через ветеринарный лазарет 333 сп, размещавшийся под главным валом. Оттуда, попадая в прикрывавший вал капонир, переходили ров и, стараясь держаться окраинами, уходили в леса Малориты.

Туда же, ночью, в середине июля, из Восточного форта приполз и его командир — майор Гаврилов. У него еще оставалось пять гранат и обоймы в двух пистолетах[1317]. Гаврилов надеялся покинуть Брест, уйдя в леса Беловежской пущи.

С наслаждением напившись, пусть и стоячей, но несравненно более вкусной, чем из конюшенных ям, воды, Гаврилов, войдя в нее, двинулся через ров.

Немецкая речь и огонек папиросы, вспыхнувший впереди, заставили остановиться майора. Приглядевшись, он различил темные очертания армейских палаток — у рва располагалось какое-то подразделение.

Пришлось вернуться в каземат. Там, у самой двери, выходящей ко рву, при чистке конюшен сваливали навоз[1318].

Закопавшись в нем, оставив лишь небольшую щель для наблюдения, Гаврилов дождался рассвета. Укрывшись, он слышал, как немцы ходят вдоль рва, однажды пройдя через его каземат.

Ночью Гаврилов вновь выполз ко рву — напиться. К его досаде, враги все еще не ушли. Он решил ждать там же, в навозе… Три дня он ничего не ел — потом нестерпимый голод заставил его есть

комбикорм для коней. Немцы все не уходили — ночами он пил воду из рва, а днем ел комбикорм, надеясь продержаться сколько потребуется. Однако острая боль в желудке, начавшаяся на шестой день, усилилась настолько, что командир Восточного форта впал в полузабытье…

Очнулся он, лишь сквозь беспамятство услышав голоса. Через щель в своем убежище Гаврилов увидел двух немцев — совсем рядом, в каземате, у кучи навоза. Майор снял пистолет с предохранителя — и вовремя: эти двое ногами начали расшвыривать его укрытие.

Гаврилов нажал на спуск — поставленный, как оказалось, на стрельбу очередями, «Маузер» загрохотал, сразу же выпустив всю обойму. Немцы выбежали, а спустя несколько минут командир Восточного форта дал свой последний бой: успев выпустить пять пуль из ТТ, стал кидать гранаты — при броске второй, вероятно, не рассчитав сил, бросил ее так, что был контужен[1319] и взят в плен.

…Кроме Гаврилова, были и другие: Гельмут К., 19-летний водитель имперской трудовой повинности (RAD), 6 июля писал своим родителям, что «цитадель все еще держится» и очаги сопротивления продолжают существовать: «дважды „краснота" поднимала белый флаг, и каждый раз, когда была послана рота СС, двери захлопывались перед их лицом».

Однажды, двигаясь у цитадели вместе с другим грузовиком, Гельмут едва избежал гибели при карающем защитников пикировании Stuka.

Бомбовый удар был нанесен на расстоянии всего лишь в 300–400 м от автомашины Гельмута, и, «если откровенно, я немного замочил мои штаны», признавался он. 11 июля два немецких офицера были застрелены на улицах Бреста.

На следующий день Гельмут написал родителям снова: «Есть подземные туннели от цитадели до казарм протяженностью 3 км: в них все еще сидят русские. Наше подразделение находится в казармах. Улицы часто усыпаны разбросанными гвоздями. Мы уже не раз чинили наши шины»[1320].

Конечно, Гельмут мог преувеличить опасности своих «героических будней». Не был он и непосредственным участником боев на цитадели, излагая слухи о «красноте», распускаемые такими же, проносящимися по Бресту водителями, с удовольствием пользующимися случаем понагнать страха на молодого коллегу, маскируя свой собственный. Чего стоят хотя бы рассказы о тоннелях в казармы, где останавливались водители — запуганному «стариками» Гельмуту, вероятно, начало казаться, что обросшие бородами беспощадные русские вот-вот выскочат из подвала с ножами.

События, о которых пишет Гельмут, вполне могут относиться вовсе не к июлю, а к штурму Восточного форта. Хотя откуда там тогда войска СС? Авианалет же «штукас» в июле против таинственных защитников выглядит неправдоподобным — однако есть и другие свидетельства о том, что в июле «юнкерсы» пикировали на цитадель. Кто знает — может, когда-нибудь найдется объяснение и этим сведениям.

Но несомненно — в июле в крепости оставалось еще немало ее защитников. Почему они не покинули ее? Есть немало версий — возможно, это были не остатки гарнизона, а бежавшие из соседних лагерей военнопленные. Скрывшись в заброшенных ее развалинах, найдя себе там оружие, они уходили в леса Малориты.

Возможно, последними защитниками крепости были все же и оборонявшие ее в июне бойцы, скрывающиеся там еще с момента уничтожения отрядов Фомина, Гаврилова или Бытко. Они надеялись на приход Красной Армии, да и покинуть крепость, вероятно, было не так-то легко — например, к концу июля в Бресте находилось: «Два батальона охраны тыла, технический батальон на отдыхе, подразделения войск связи, автоколонны, большая авторемонтная мастерская, большие военные госпитали, транспортные подразделения службы подвоза снабжения, радиотелеграф, формирующиеся маршевые эшелоны солдат и танков»[1321].

Не исключено, что этими частями велось как достаточно плотное оцепление цитадели, так и патрулирование Бреста и его окрестностей. Наконец, не надо забывать, что помимо гонимых «восточников» в Бресте было и немало «западников», не отказавшихся бы поквитаться с «советами» — по законам простым, статуса военнопленного не предусматривающим.

Поэтому в июле в крепости продолжало скрываться немало ее защитников. Вновь необходимы были энергичные меры по ее (очередной!) «зачистке»…

30 июля назначенный комендантом Брест-Литовска генерал пехоты Вальтер фон Унру[1322], получив в Варшаве автомобиль, во второй половине дня достиг города.

Брест был погружен в разруху. Однако 64-летнего фон Унру поразило не только это — спустя более чем месяц после окончания штурма городская цитадель все еще оставалась источником опасности: «[Она] была основательно разрушена огнем и снарядами, выдержали только ворота. В общем-то, это — пустынные груды развалин, дымившиеся и зловонные, где все еще велся ружейно-пулеметный и пулеметный огонь от оставшихся советских солдат»[1323].

Из-за разрушенного моста на Буге, задымленности цитадели, обломков зданий и большого количества неразорвавшихся снарядов, лежащих на дороге, идущей через крепость, приходилось пользоваться северным объездным путем, идущим через болотистую местность и периодически непроезжим.

Но для восстановления дороги требовалась «зачистка» крепости. Фон Унру начал ее немедля — уже через несколько дней, в начале августа, в цитадели были схвачены последние советские солдаты — небольшая группа, возглавлявшаяся неизвестным командиром. «Офицеру и его солдатам было обещано, что они смогут спокойно есть, пить, курить до тех пока не будут вывезены [в лагерь военнопленных][1324]».

Но несколько русских солдат еще продолжают сидеть в окруженном рвом с водой форту на юге[1325] от Бреста. Что им нужно? Оцепление не даст им уйти. Штурмом брать их никто не собирается — об уроках цитадели уже наслышаны… В это время идет обыск остальных фортов — они наполнены боеприпасами и материалами, постепенно свозимыми в цитадель[1326] для дальнейшей транспортировки.

Середина августа. Русские все еще там, в форту. «Да, — думает фон Унру, — дивизия из Линца, наверное, сильно спешила…»

Лишь в конце августа комендант Брест-Литовска Вальтер фон Унру сообщил армейскому командующему, что Брест и весь глубокий тыл примирен: «Больше нигде не стреляли. Снова виднелись веселые лица. Партизан больше не было. Можно было передвигаться без оружия. Установились спокойствие и безопасность»[1327].

…В городах Верхней Австрии извещения о смерти уже получили.

Заключение

Оценивая те дни, видно, что главным моментом, поворотным пунктом для любых предвоенных планов и основой для последующих событий стал день 22 июня. Он и будет здесь рассмотрен.

Вторая причина для пристального внимания к этой дате — наибольшее количество сохранившихся источников относится именно к ней. 22 июня подробнее всего отражено и в КТВ дивизии и корпуса, и в воспоминаниях немецких и советских участников.

Какие причины привели к тому, что штурм Брестской крепости провалился? Как оценить действия частей (и некоторых подразделений) дивизии 22 июня и приданных ей частей усиления (прежде всего — артиллерии)? На эти вопросы и отвечает этот раздел работы.

Кроме того — во второй части заключения рассказывается о первоначальной оценке брестских событий в Красной Армии.

…Высшее командование, выводя 45-ю дивизию на Брестское направление, вероятно, в первую очередь руководствовалось имевшимся у нее опытом последовательного форсирования двух водных преград с прорывом лежащей между ними линии укреплений. Как и на Эне, на Буге требовалось не только прорвать оборону противника, но и сделать это максимально быстро. Если на Эне это было нужно для подтягивания тяжелого оружия, то у Бреста для еще более важной цели — ввода в прорыв подвижных соединений, от которых зависела судьба кампании. Захват мостов на Буге и Мухавце, обеспечение наводки временных мостов и переправы основных сил — и было главной задачей дивизии.

Кроме того — доказанная в Польше и Франции способность «сорок пятой» к длительным маршам с высоким темпом продвижения, на направлении главного удара Восточного фронта была как нельзя кстати.

Третий (правда, весьма и весьма сомнительный[1328]) момент — использование (победоносное) на главном направлении дивизии из Австрии, с одной стороны, еще сильнее бы укрепило связь двух немецких государств, с другой — было бы неплохим поводом для доклада фюреру.

Условия, конечно, несколько отличались от Эны — прежде всего наличием сооружений Брестской крепости. Но, во-первых, можно предположить, что существовало мнение о том, что к началу штурма они будут пусты (либо там и нет тысяч бойцов, на что рассчитана их вместимость, либо, догадавшись о нападении, русские выведут части из крепости). Во-вторых — внезапный удар приданной дивизии тяжелой артиллерии наверняка скажется на боевом духе русского гарнизона. Более того — артиллерия особой мощности, как и реактивные установки (оружие новое, но предположительно — сверхмощное), уничтожит не только боевой дух гарнизона, но и сам гарнизон.

Длительный бой в условиях населенного пункта, с многократно превосходящим противником, да еще и не имея возможности использовать артиллерию, не планировался. Главной задачей дивизии это не предусматривалось.

Итак, это были планы. Насколько они были реалистичны?

Прежде всего следует отметить, что сама политика Германии в те годы, а отсюда и действия ее вооруженных сил — постоянно балансировали на грани разумного риска и авантюризма. Иного выхода для осуществления планов Гитлера и не было. Получилось раз, другой… Потом стало казаться, что получится всегда. Суть блицкрига — разгром противника одним быстрым и мощным ударом, его неудача — неминуемое поражение. Это как драка с намного превосходящим тебя по силе бойцом — если ты не уложишь его одним ударом, второго просто не успеешь сделать. И первый удар должен быть вынужденно рисковым — с вкладыванием в него всех сил, не обращая внимания на подготовку отхода, флангов и т. п.

«Пан или пропал».

И поэтому все планы вермахта в отношении СССР носят характер авантюры. Был шанс? Да, был. Но…

Поэтому и оценивать планы использования дивизии нужно соответствующим образом — их достаточно откровенная авантюрность носила во многом вынужденный характер. Характерной ее чертой было просчитывание нюансов главного удара («шверпункта»), остальное — должно было пройти в зависимости от его результатов, оставаясь второстепенным.

Именно это и произошло при наступлении дивизии 22 июня. Достижение и удержание «шверпункта» (мостов) обеспечивалось силами, соответствующими задаче и по составу, и по своей подготовке, максимально снимая угрозу срыва операции. Все остальное — если и не получится сразу, легко можно будет поправить. О том, что процесс поправки затянется, никто не предполагал.

Итак, оценка опыта дивизии. Действительно, «сорок пятая» неплохо показала себя на Эне. Ее опыт соответствовал предстоящей задаче. Однако «сорок пятая» сорокового года сильно отличалась от «сорок пятой» сорок первого. Дважды сменился командир дивизии — назначенный за два месяца до вторжения Шлипер к опыту дивизии был непричастен. Незадолго до него появился и новый Ia (майор Деттмер), также не имевший отношения к Эне.

Командиры батальонов сменились почти все (из 9 осталось трое). Из командиров полков, прошедших Эну, остался только Гельмут Гипп. Почему бы в преддверии предстоящей задачи не назначить командиром дивизии именно его или Кюлвайна, форсировавшего Эну на должности комполка в другом соединении?

Наконец, в начале декабря 1940 г. дивизию (образуя основу для формирования 100-й легкой дивизии) покинула и часть подразделений — все третьи батальоны полков (III/I.R.130, III/I.R.133, III/I.R.135), штаб I.R.130 (наиболее отличившегося на Эне полка), 13 (рота пехотных орудий) I.R.135. Ушла и артиллерия: штаб III/A.R.98, 2, 5, и 8-я батареи, 1/A.R. 99 и 1-я рота PzJgAbt 45. Несмотря на то что командир саперного батальона (Масух) в дивизии остался, от PiBtl.81 были взяты штаб и вторая рота[1329]. Ушли и ряд тыловых подразделений, а от всех остальных, оставшихся в дивизии (санитарной и ветеринарной рот, колонн), отдельные офицеры, унтер-офицеры и рядовые солдаты.

Фактически дивизию покинула треть личного состава.

Что же касается оставшегося — то он имел прежде всего опыт форсирования реки под огнем. Уличных боев, за исключением захвата Нефшатэль (преимущественно PiBtl.81 и I/I.R.135), дивизия не вела. Несмотря на интенсивно проводимые тренировки, заметно, что обучение было сосредоточено преимущественно на форсировании и захвате прибрежных укреплений — как обычно это и бывает, дивизия готовилась к прошлой войне. Те, кто прошел Эну, помнили, что основные жертвы были при форсировании — и их стремление избежать такого же кровавого купания совпало с предположениями высших штабов, считавших, что русские займут полевое заполнение и форсирование произойдет под огнем. Шлиперу ничего не оставалось, кроме как оттачивать искусство форсирования и удержания плацдармов, надевания противогазов и ночных маршей.

Вывод — дивизия в первую очередь была готова к форсированию Буга, захвату и удержанию мостов и плацдармов, штурму отдельно расположенных дотов, что и было ее главной задачей. Уличным боям, по мнению командования маловероятным, дивизия не обучалась — и соответственно к овладению с боем сооружениями Брестской крепости была не готова.

Итак, отдав главному удару (южнее Бреста) наиболее подготовленные части, менее подготовленные — резерву корпуса, «сорок пятой» ничего не оставалось, как атаковать крепость тем, что осталось. Кстати, и из оставшегося пришлось отдать и в передовой отряд корпуса, и даже намечалось зарезервировать для бронепоездов.

Хватит ли сил? Это пока было слишком неясно. Нужно лишь отметить, что именно «сорок пятая» вывела полк в резерв корпуса. С одной стороны, это справедливо — корпус атаковал по обе стороны Бреста и не мог взять силы у своих ударных группировок. Да и каких-либо неожиданностей, помимо подрыва мостов, в полосе «сорок пятой» не ожидалось, ударные же силы корпуса (31 и 34-я дивизии) вполне могли столкнуться с контрударами Красной Армии.

Изъятие полка не было катастрофой для дивизии — в любом случае первоначально в крепость никто не собирался посылать большие силы. Однако то, что полк находился в резерве корпуса, могло существенно замедлить его ввод в бой в интересах «сорок пятой».

План атаки I.R.135 — был ли он адекватным? Скорее непонятным. С одной стороны, батальон Ельце охватывает группировку войск в крепости — явно предполагалось, что в ней есть силы «красных». Ведь никто не стал бы окружать пустоту. С другой — батальон Праксы (наиболее слабо подготовленное подразделение и недавно прибывший командир) эту группировку (которой теперь, после охвата Ельце, некуда уходить — а только ожесточенно сопротивляться) уничтожает, атакуя. Причем батальон Ельце, захватив Северный, образует кольцо окружения, т. е. держит оборону (ясно, что русские если и будут уходить, то на восток, через Северный) — а Пракса (тремя ротами) овладевает территорией (Центральным и Западным) не меньшей, чем у Ельце. При этом заметно, что рвы, реки, кольцевая казарма отсекают подразделения Праксы друг от друга, Ельце же имеет возможность привлекать резервы (это и облегчает расположение в его полосе КП полка), и более свободно оперировать своими силами.

Причем, приступая к планированию операции (ее основы были созданы еще в мае), командиры не знали даже примерно и силы, находящиеся в крепости, и их расположение. Может, численность русских не столь важна и они готовы разбежаться при первом же выстреле? Нет, из имевшихся разведдонесений (если их внимательно читали) явно следовало, что русский солдат — упорный, неприхотливый, стойкий и способный сражаться даже в самой безнадежной ситуации.

…Казалось, что два батальона, как два горе-экспериментатора, каждый со своей стороны, поочередно нагнетают пар в котел — рано или поздно он взорвется, но жутко интересно — под кем? И у «парового котла» Брестской крепости выбор жертвы был прост, но неотвратим — либо русские прорвутся сквозь Северный, растоптав батальон Ельце, либо раздавят батальон Праксы, сунувшегося в центр их обороны. Оставался еще и третий вариант — что растерявшиеся русские капитулируют, не успев даже занять оборону. Лишь закоренелые скептики могли предположить четвертый — что разбуженный артогнем, рассвирепевший «русский медведь» передавит и тех и других. Но в это не верилось. А именно так и произошло.

Насчет Южного острова трудно что-либо сказать — слишком мало данных, больше предположений. Можно лишь обратить внимание на то, что на его взятие Ульриху было отведено 2 роты, а Праксе на взятие Центрального и Западного (а далее — наступления на Брест) — три. Разница заметна.

…Планируя атаку, Шлиперу надо было выбрать пусть менее эффектный («дивизия из Линца за пару часов взяла сильнейшую русскую крепость!» — неплохо для пропаганды?), но более реалистичный шаг. Например, либо все силы придать Ельце, для захвата позиций на главном валу, закупоривания крепости и дальнейшего выдавливания артиллерией ее защитников, либо (что хуже, пришлось бы вступать в уличный бой) дать максимум сил Праксе для рассечения крепости надвое, захвата узловых точек. В этом случае русский гарнизон смог бы уйти на север и восток, но крепость была бы взята. Еще один вариант — задачу Праксы ограничить выходом к Тереспольскому мосту, больше сил придав Ельце. В таком случае гарнизон бы надежно блокировался на Центральном. И, наконец, последний шанс — Пракса, увидев, что гарнизон гораздо сильнее, чем предполагалось, и оказывает яростное сопротивление, не теряя времени, должен был начать отход. Но для этого у третьего должен был быть другой, более опытный, не позволяющий себе

«закусыватьудила» командир. Молод был Пракса, и не менее молод — его батальон…

Кстати, насчет ограничения атаки Праксы рубежом по восточному берегу Западного, с контролем за Тереспольским мостом. Еще на крепости шли бои, а уже создавался ответ на простой, но неминуемо возникший бы вопрос — а зачем туда, на Центральный, вообще надо было входить? Ответ также постарались сделать простым (чем более убедительна ложь, тем легче в нее поверят) — дескать, иначе и нельзя было, так как цитадель держала и переправы на Буге, и подъездные пути к обеим танковым магистралям. Рассчитано такое объяснение на то, что вникать в него никто не будет — иначе сразу же станет видна простая вещь: цитадель действительно могла препятствовать движению, но укрепления *Цитадели* (Центрального острова), как раз и ставшие камнем преткновения — нет. И переправы и магистрали, и Брест были отделены от кольцевой казармы (лезть куда было самоубийственно) не только Южным, Западным, Северным островами, но и главным валом, зарослями, да и дымом, в конце концов. Даже если бы с Цитадели каким-то чудом и удалось бы наладить обстрел переправ на Буге — ответным ударом превосходящей германской артиллерии, то такая попытка была бы немедленно пресечена. И поэтому как минимум заходить в Цитадель не требовалось, а уж если зашли — бежать оттуда сразу же, увидев, что казармы почти не повреждены… Итак, крепость брать было нужно, Цитадель — нет. И учитывая, что первым о «необходимости» взятия крепости заговорил Грейффенберг, никак не высвечивая вопрос с Цитаделью, а в отчете Шлипера об этой острой «необходимости» не сказано ничего — можно предположить, что именно в штабе Группы армий или где-то рядом и была спланирована «молниеносная и эффектная» операция, «помогая» молодому командиру дивизии. А то, что Шлипер умолчал о горе-«помощниках», заставило и «помощников» закрыть глаза на определенные промахи командира дивизии…

Впрочем, мифотворчеством занялись не только в высших штабах — и сами люди батальона Праксы, объясняя свою опрометчивость и неосмотрительность, сразу же выдвинули тезис о том, что «русские заманили их в хитроумную западню».

Ни при чем оказался лишь комполка Йон, осуществлявший тот план, что придумали за него, еще находящегося в Сент-Квентине, местные «стратеги». Конечно, можно придраться, почему Йон пошел с опытным Ельце, а не с Праксой — но, во-первых, КП на Северном позволял лучше следить за ситуацией, во-вторых, именно Ельце и наносил главный удар, в-третьих — помните, что Хабеданк упоминал некоего оберст-лейтенанта на КП Праксы? Возможно, что батальону все-таки придали кого-то из старших офицеров, хоть это и оказалось бесполезно. Наконец, в-четвертых — и сам Йон был не настолько опытным, чтобы вытащить Праксу…

В общем, бездарным план взятия крепости назвать нельзя — непонятным можно назвать смело.

Одно из объяснений, что видно и из «Отчета о взятии Брест-Литовска» — командование дивизии, как и корпус и т. д., переоценило воздействие артиллерии на крепостные сооружения. Предполагалось, что, ворвавшись в крепость, ошеломленную артударом, подразделения практически не встретят сопротивления.

Казалось, было сделано все для того, чтобы именно так и получилось — с одной стороны, дивизии было придано достаточно артиллерии, чтобы нанести удар по всей территории цитадели и поразить как можно больше ее защитников (прежде всего огнем реактивных установок), с другой — точечные, сокрушительной силы удары орудий особой мощности («Карлы») должны были сокрушить все возможные очаги сопротивления на пути атакующих групп.

Почему же этого не произошло? Пока — то, что сразу бросается в глаза.

Во-первых — артудар был спланирован в расчете на то, что русские успеют занять доты и позиции полевого заполнения. Именно поэтому дивизионная артиллерия и тяжелое оружие полков[1330]

добросовестно обработало прибрежный ивняк и тополя, где не было никого, кроме нескольких секретов погранвойск.

О создании какого-либо плана, предусматривающего невыход русских в полевое заполнение, неизвестно. Скорее всего, он отсутствовал. Лишь Гудериан, видя странность ситуации, задумался — а надо ли вообще проводить запланированную артподготовку, если там никого нет?[1331] Но потом решил не импровизировать…Тем более на импровизациюне решился и фон Кришер.

Конечно, дивизионная (тем более — полковая) артиллерия вряд ли могла пробить стены Цитадели или толщу валов горжевых казарм — но сосредоточие ее огня на Центральном острове могло бы усилить моральный эффект и воспрепятствовать начавшемуся выходу групп или одиночек, прибытию командиров из ДНС.

Вместо этого полковая артиллерия прежде всего обеспечивала безопасность форсирования ударных группировок 45 I.D., а рассредоточенный подивизионно огонь A.R.98 и I/A.R.99, как правило, бил по тем секторам, куда выход пехотных подразделений планировался далеко не в первые же минуты атаки. В итоге — расчищенные артогнем участки, к моменту выхода к ним пехоты уже были заняты русскими. Каких-либо полевых укреплений или зданий, что сумели бы разрушить орудия A.R.98 и I/A.R.99 (10cm leFH 18 и 15cm sFH 18), в зоне их обстрела на тот или иной момент артогня не было. Удар дивизионной артиллерии пришелся в первую очередь по тем, кто пытался покинуть крепость ил и же наоборот — проникнуть в нее[1332].

…Во-вторых — расчет на эффективность артподготовки во многом строился на предполагаемом результате действия оружия нового, ранее не испытанного — реактивных установок и орудий особой мощности «Карл». Возложение преувеличенных ожиданий на «чудо-оружие» отразилось и на всем плане огня.

Вследствие большого рассеивания огонь из реактивных установок мог вестись только по площадям. Обстрел целей малого размера — неэффективен. Еще момент — из-за разлета осколков почти на 800 м реактивные установки не имели возможности вести огонь по прибрежной полосе из-за опасности поражения своей же пехоты. Укрытия не помогали — помимо них существовала опасность и разрыва на своих же позициях и самих ракет. (Из-за возможности больших недолетов пехота не могла находиться далее 1000 метров от позиций установок.) Кроме того, из-за большого рассеивания (и соответственно — опасности для установки и ее расчета) стрельба на дальность до 2000 м допускалась лишь в исключительныхслучаях.

Дальность стрельбы из пусковых установок — от 1925 м (28-см) до 2200 (32-см).

Все эти обстоятельства диктовали нанесение удара не по всей территории Центрального укрепления, а по той его части, что находилась на расстоянии от 800 до 1000 м от собственных, залегающих у Буга подразделений. Учитывая дальность стрельбы, это была полоса шириной 1–1,5 км, проходящая по Центральному, западу Северного, северо-востоку Западного, северу Южного островов.

Легко заметить, что в центре зоны поражения находился наполненный артиллерией, автопарками и коновязями Центральный остров, наиболее населенная часть Южного (госпиталь), полоса атаки Ельце (на Северном), а также важный для атаки Праксы район[1333], прилегающий к Тереспольскому мосту (на Западном).

Кроме того, Шлипер уточнил, что распорядился о большем сосредоточении огня на Центральном острове, чем было предложено командиромNbW.Rgt 4.

С одной стороны, нанесение удара обеспечивало уничтожение практически всего, что было на поверхности или в неукрепленных зданиях — артиллерии, автотранспорта, лошадей, личного состава в

палатках. Фактически советские войска, лишившиеся и артиллерии, и средств тяги, могли считаться разгромленными— если бы еще они сами считали так…

На деле же уничтожение матчасти, оставление в крепости боекомплекта и запасов ГСМ действительно сразу же сказалось — но на более высоком уровне, чем подразделения в крепости. Огонь реактивных установок NbW.Rgt 4 лишил боеспособности 6 и 42-ю дивизии — но мало отразился, например, на 333 сп, надежно укрытом массивными стенами старого арсенала. То есть реактивные установки сработали больше в интересах XII А.К., чем 45-й пехотной дивизии.

Для NbW.Rgt 4 было выделено 2880 турбореактивных снарядов, предназначенных для ведения огня 22 июня. 24 июня оставалось только 150 снарядов, значит, расход к этому времени — 2730 снарядов[1334].

Согласно отчету EntgAbt 105(mot.), поданному в штаб XII А.К. в августе 1941 г., 22 июня, используя 4 Satz, для обстрела крепости Брест-Литовск, дивизионом было выпущено — 440 фугасных турбореактивных снарядов (28-см), 585 зажигательных турбореактивных снарядов 32-см[1335].

Если показатель трех батарей EntgAbt 105 экстраполировать и на 6 батарей NbWAbt 8 (в т. ч. и 3 батареи обслуживаемых его расчетами) — то с легкостью набирается общий объем расхода (2730).

Все эти снаряды были выпущены в течение 5 минут — сокрушительный удар!

Почему же он мало помог 45-й дивизии? Дело в том, что огонь велся в те минуты, когда личный состав находился в казармах. Если бы реактивные установки открыли огонь несколько позже — то все сметающие их разрывы легли бы как раз в сотни покидающих крепость красноармейцев. Но — во-первых, была опасность, что это непредсказуемое оружие уничтожит и своих, уже высаживавшихся на восточном берегу пехотинцев. Отсрочка форсирования тоже невозможна — русские могут прийти в себя. Во-вторых, как указывал Шлипер в своем «Отчете о взятии Брест-Литовска»: «Так как заряженные тяжелые метательные установки должны были стоять на почти открытых огневых позициях (что диктовалось досягаемостью!), было необходимо, чтобы они стреляли немедленно при начале нападения и, следовательно, спустя несколько минут после часа X двинулась пехота, используя при нападении их огонь. Было бы желательно проводить первоначально одну более длительную артиллерийскую подготовку и только тогда позволять вести огонь метательным аппаратам; опасаясь, что тогда метательные установки и их боеприпас подвергнутся вражескому противодействию, от этой мысли пришлось отказаться».

В итоге огонь дивизионов реактивных установок, уничтоживший технику, почти не затронул личный состав. В том же донесении Шлипер писал, что ему было заранее известно, что «Небельверфер» не смогут разрушить подвалы и казематы крепости, что якобы и неоднократно подчеркивалось им как особая слабость.

Это утверждение ничем не подтверждено. Каких-либо документов, говорящих о том, что Шлипер сомневался как в возможностях реактивных установок, так и в силе приданной ему артиллерии вообще — нет. Командира дивизии больше заботил своевременный подвоз надувных лодок или боеприпасов.

Можно лишь указать, что Шлипер, похоже, был введен в заблуждение командиром NbW.Abt 8, изначально планировавшим огонь лишь в течение 5 минут, тот, в свою очередь — данными о степени устойчивости сооружений цитадели к обстрелу. Да весьма сомнительно и то, что кто-либо выделил бы реактивным установкам большее количество боеприпасов — как видно, и эти-то были получены с трудом.

В итоге относительно использования реактивных установок в артналете 22 июня можно сделать вывод — условия, исходя из которых планировались их действия, не отвечали задаче полного подавления сопротивления в зоне обстрела. Сыграло свою роль и неверное представление об устойчивости сооружений цитадели к обстрелу и об эффективности огня самих установок. Со стороны командования всех уровней возлагать столь большие надежды на ранее не испытывавшееся в бою оружие было ошибкой.

Примерно то же можно сказать и об установках «Карл». Как и «Небельверфер», «Карлы» были неким чудо-оружием, причем, в отличие от «Небельверфер», позволявшим гарантированно уничтожать любые цели в зоне поражения. Дело было лишь за тем, чтобы правильно определить цели.

Итак, первые четыре снаряда (из четырнадцати, выделяемых на поражение целей в полосе 45-й дивизии), выпущенных 2/s.Art.Abt 833, были направлены на доты 1а, 2, 3 (север Западного острова). Доты 1а и 2 — могли вести огонь по переправляющейся в центре Западного острова 11-й роте I.R.135, дот 2 — обстреливать переправу Ельце и железнодорожный мост. Решение нанести удар «Карлами» по дотам 1а, 2, 3 исходило из того, что доты к моменту переправы будут заняты советскими войсками и готовы открыть огонь. Этого, как известно, не произошло — в дотах вряд ли находился кто-либо помимо дежурной смены или строителей близлежащих участков. Скорее всего, они были пусты. И поэтому первый, наиболее сокрушительный удар[1336] «Карлов» пришелся в никуда.

Более того — как показал осмотр зон обстрела, проведенный после взятия крепости, ни один из дотов не был поражен. В отчете о действиях 2/s.Art.Abt 833 от 1 июля это объяснялось тем, что ни один из них не был виден или точно засечен[1337]. Это весьма сомнительно, учитывая долгое наблюдение за этими объектами.

Третий снаряд орудия № 4 («Тор»), нацеленный, вероятно, на прикрывающий Тереспольский мост сектор кольцевой казармы, ударил по зданию пограничников, стоявшему позади ворот, — в тот угол, где жили семьи их командиров. Выпущенный одновременно с «Тором» третий (а позже там же и четвертый) снаряды «Одина» взорвались на западе Северного — что там располагалось, мне неизвестно. Склады?

Четвертого выстрела «Тора» и пятого «Одина» так и не состоялось (из 36 их снарядов три оказались с дефектом). Это мешает объективной оценке планируемого 22 июня использования «Карлов».

Однако можно отметить, что при осмотре крепости (учитывая, разумеется, снаряды, выпущенные и в последующие дни осады) выяснилось — два снаряда поразили большие участки укреплений цитадели[1338], полностью их разрушив. Из-за толщины стен (около 2 м) это вряд ли получилось бы у 21-см мортир. Воронки от снарядов «Карлов» достигали 15 метров в ширину и 5 — в глубину и четко отличались от воронок, оставленных авиабомбами пикирующих бомбардировщиков.

Несмотря на то что авторы отчета от 1 июля отмечали точность попаданий, из вышеприведенных данных этого не видно. Лишь два снаряда (из 26, выпущенных 23–24 июня) попали в цель — маловато… Кроме того, можно отметить, что два снаряда не разорвались[1339] — доля брака в их партии, выделенной для 2/s.Art.Abt 833, достигает почти 20 %! А это — многовато…

В отчетах отмечается сильный деморализующий эффект, оказываемый на защитников разрывами снарядов — вздымаемое ими облако дыма и пыли достигало 300 метров в ширину и 170 метров в высоту!

…Трудно оценить планируемое использование «Карлов». Говоря о фактическом результате, можно признать, что 22 июня влияние их огня на цитадель оказалось почти нулевым. Лишь 23 июня одной из установок удалось уничтожить полубашню у Тереспольских, вместе со всем ее гарнизоном — в результате батальону Фрайтага стал возможен прорыв через них и последующая деблокада церкви. Однако к этому времени красноармейцы 84 сп оставили сектор у Холмских ворот — и поэтому необходимости прорываться в Цитадель через Тереспольские уже не было. Да, Фрайтаг вошел через Тереспольские лишь потому, что полубашня была уничтожена, однако в противном случае к церкви так же пробился бы и Эггелинг с Южного. В общем, надежда на фактическое действие «Карлов» в коротком, мощном, стремительном артналете была ошибочной… Моральное?

Конечно, оно имело место — но гораздо сильнее на защитников действовали голод, жажда, отсутствие боеприпасов или командиров. Во-первых, цитадель — достаточно крупный объект, и из-за

общего грохота и дыма большинство просто не узнали о применении «сверхоружия», не отличая его от другой вражеской артиллерии. Во-вторых — если на какой-то участок взрывы «Карлов» и произвели оглушающий эффект — то лишь на участок. Благодаря тому, что в крепости существовало несколько независимых командований, моральное состояние одного мало сказывалось на другом. А на то, чтобы запугать всех, снарядов у «Карлов» просто бы не хватило.

Кстати, а почему, учитывая выход из строя «Карлов», не был повторен удар тяжелой артиллерии по тем целям, что намечались для «Карлов»? Ведь повтор удара предусматривался? Здесь, вероятно, две причины. Первая — для принятия решения об ударе требуется знание обстановки. Его не было. Из-за задымления АИР ничем не могла помочь. Или же казалось, что русские разбегаются и можно не тратить снаряды. Вторая — к моменту выхода из строя «Карлов» уже шло наступление пехоты. Как минимум пришлось бы его приостановить, чтобы не накрыть своих же. Как максимум все же накрыли бы их, наиболее лихих парней атакующих рот, потерявших связь и ушедших далеко. Учитывая случай с Кремером и т. д., эти опасения оказались небеспочвенными.

В итоге, делая вывод о роли 2/s.Art.Abt.833 в Брест-Литовске, можно отметить, что цели, поставленные перед «Тором» и «Одином», не соответствовали ни обстановке, ни их возможностям. Применение установок — это наблюдаемая стрельба по безупречно установленным, имеющим мощную защиту, ключевым на данном участке целям. Такие условия не были предоставлены 2/s.Art.Abt.833 в Брест-Литовске. Если эффект от попаданий первых снарядов еще можно было хоть как-то наблюдать, то разрывы остальных слились со стеной дыма, пыли и пепла, вставшей над цитаделью, после удара реактивных установок.

От батареи, чья матчасть разрабатывалась в основном под тщательно изученные сооружения «линии Мажино», потребовали нанести удар по целям полускрытым либо деревьями, либо валами, и поразить их чуть не с первого же снаряда. Значение целей в системе обороны Бреста было лишь предполагаемым. Рассуждения о «моральном эффекте» появились после того, как фактический эффект не был достигнут и четко проявилось то, что планирование операции его не обеспечивало.

…Помимо «чудо-оружия» в артподготовке участвовало и 8,8-см зенитное орудие унтер-офицера Клаусена, и 21-см мортиры гауптмана Галля. Что касается зенитчиков, то, как они сами честно признали, эффект от их огня (направленного на доты 1б и 5) неведом им самим. С первой же минуты все заволокло дымом, с русского берега ни выстрела — однако зенитчики добросовестно отстреляли снаряды в северо-восточном направлении. Какая-либо наблюдаемая стрельба (а стрельба прямой наводкой может быть только такая) вообще была невозможна. Вероятно, как и «Карлы», зенитчики должны были поразить цель первым же выстрелом. Надо отметить, что и гарнизонам дотов, вздумай они открыть огонь, дым мешал бы не меньше.

Что касается огня мортир Галля (и привлекаемых в первые 5 минут артналета дивизионов 31 и 34-й дивизий), то четко видно их основное предназначение — расчистка дороги штурмовым группам Праксы и Ельце. Именно поэтому удары мортир концентрировались между Тереспольским и Трехарочным (прежде всего на казарме 333 сп) и между Трехарочным и Холмским мостами, далее — на Восточном и Западном фортах. Также почему-то — на госпитале Южного острова, хотя предназначение его зданий должно было быть известно…

Результативность 21-см мортир (21-cm Mrs.18) была неоднозначной. С одной стороны, нацеленные на Восточный и Западный форты, они не могли пробить их валы, в основном убивая и калеча семьи командиров в окружающих форты ДНС. С другой — нанося удар по двору Цитадели или Северному острову, именно они уничтожили наибольшее количество советских солдат, пытавшихся покинуть крепость. Во-первых, и концентрация огня мортир (более 300 снарядов на 6 зон обстрела) была

удовлетворительной, во-вторых — снаряды мортир обладали мощным осколочно-фугасным действием. При ударе снаряда о грунт под углом не менее 25° убойные осколки разлетались вперед на 30 м и в стороны на 80 м, а при падении под углом более 25° — на 75 м вперед и на 50 в стороны. При взрыве снаряда на высоте 10 м убойные осколки летели вперед на 80 м и вбок на 90 м[1340].

Кстати, скорее всего, разрывы внутри здания 333 сп, поразившие бойцов, спускавшихся по лестницам вниз, — это и есть результат снарядов 21-см мортир, залетевших внутрь, вероятно, сквозь окна.

Могли ли они пробить сами стены как арсенала, так и кольцевой казармы? Теоретически — да. Бетонобойный снаряд (21 cm Gr.18 Be), входивший в боекомплект мортиры, мог пробить бетонную стену толщиной 0,6 м (кирпичную — до 4 м), уходя в песчаный грунт на 7,2 м, рыхлый — на 14,6 м[1341].

Однако 26 августа 1941 г., выступая перед Гитлером вместе с Муссолини, посетившим Брестскую крепость, фон Клюге заявил, что на 21-cm Mrs.18 изначально можно было не рассчитывать — еще в 1915 г. выяснилось, что 21-см снаряды недейственны против кладки старых русских крепостей (на Нареве и Бобре)[1342].

Таким образом, у дивизии во всей массе запланированного на утро 22 июня артогня было лишь 14 снарядов (выделенных для ее поддержки 2/s.Art.Abt.833), способных пробить толщину стен укреплений и валы горжевых казарм.

Исходя из этого, и родилась идея «морального артогня», рассчитанного не столько на фактическое действие, сколько на ошеломление и запугивание гарнизона.

Хотя больше оснований предполагать, что «моральный эффект» был придуман позднее, а именно — в подготовленном генерал-майором Шлипером 8 июля «Отчете о взятии Брест-Литовска» (еще в отчете Брандту от 27 июня о «моральном действии» ничего не говорится). Не похоже, что командование дивизии с ужасом, понимая всю слабость своей артиллерии и всей крови наступления на неподавленную оборону, ожидало утра 22 июня. Скорее всего, провал артиллерийской подготовки был для Шлипера и фон Кришера полной неожиданностью. Однако впоследствии им (как и фон Клюге перед Гитлером) как-то нужно было объяснять реалистичность своих планов по захвату крепости с налета — вот и родилась спасительная идея о «моральном воздействии». Ведь его-то никто не в состоянии гарантировать — поэтому все расчеты были произведены верно, но вот только русские оказались большими фанатиками…

В итоге, говоря об артналете 22 июня, нужно признать, что своей цели он не достиг. Главной ошибкой при создании плана артогня было то, что он исходил из задачи захвата крепости с налета. Ввиду этого огонь был ограничен по времени. Кроме того, он был размазан по всей территории (исходя из того, что пехота должна занять всю цитадель, а размещение противника неизвестно), ключевые же пункты остались неподавленными. Если бы ставилась более реалистичная задача — например, захват ключевых пунктов, а уж затем, на втором этапе — всей цитадели, то это бы сделало огонь артиллерии более концентрированным, действенным, и в конечном итоге оправдало бы надежды 45-й дивизии.

Оценивая действия пехотных подразделений, последовавших вслед за артналетом, нужно рассмотреть наиболее подробно действия I.R.135 (Йон) — именно его действия оказались в центре внимания командования дивизии и 22 июня, и в последующие дни. Провал атаки I.R.135 в конечном итоге и внес Брест в историю Второй мировой войны. Что же касается I.R.130 (Гипп), наступавшего в полосе главного удара дивизии и выполнившего задачу по захвату мостов на Мухавце (хотя полностью зачистить Южный остров и не удалось), то можно лишь отметить бессмысленность затеи с заброской группы Кремера на штурмовых лодках. Дело не в том, что Кремер не захватил бы мосты, а в том, что не удержал бы. Более того — не успевшие в этом случае переправиться из-за боя с Кремером части 22 тд, застрявшие бы у мостов, зажатые между Мухавцом и батальонами Гартнака и Набера, оказали бы им серьезное

сопротивление. И (кто знает?) может, и успели бы взорвать мосты или, по крайней мере, забить их подорваннымитанками.

Кстати, обращает на себя внимание неудачное начало операции Кремера — уничтожение большинства лодок артиллерийским огнем. Объяснение случаю было найдено устраивающее всех — виноваты недолеты реактивных установок или немецкой артиллерии. Это, собственно говоря, было обычным делом 22 июня на Буге — возможно, когда-нибудь будут высчитаны поразительные масштабы потерь немцев от «дружественного огня». Документы говорят о том, что группа Кремера — в их числе. Обратите внимание на время начала операции и сравните с планом артогня. Командир I.R.130, полковник Гипп, начав операцию Кремера в 3.20, вероятно проигнорировал соответствующий, очень важный момент приказа дивизии — «так как первоначально и пристрелка, и наблюдаемый огонь невозможны», штурмовые лодки не должны спускаться до Х+15 мин. в Буг, учитывая сдвиги рассчитанного по времени плана огня.

Гипп послал Кремера сразу же, после того как закончили огонь «Небельверфер» и окончился огонь пехотного оружия по прибрежной полосе. Но начался «Иммергрюн» — и по югу Западного острова заработала 13/I.R.133, расчищая путь батальону Праксы. А рядом, по северо-западу Южного, ведут огонь две батареи мортирного дивизиона Галля. Их зона обстрела как раз у Буга, на маршруте Кремера… Не исключено, что и установки «Небельверфер» отстреливали «затяжные выстрелы».

Почему же Гипп или кто-то еще так поторопился? Во-первых, стремился максимально использовать эффект артогня, пока русские не пришли в себя. Во-вторых, стартовав позднее, пришлось бы пробиваться между надувными лодками и саперами, начавшими понтонную переправу или строительство мостов. Это снизило бы скорость — а между островами она должна была бы быть максимальна. В противном случае Кремера расстреляли бы не свои снаряды, а пулеметы пограничников.

Говоря об атаке I.R.135, нужно прежде всего отметить недостаток информации для каких-либо безупречных выводов. Они носят скорее предварительный характер, основанные, как правило, на отрывочныхданных из воспоминаний, а не документов.

Особенность атаки Праксы — в том, что детали обстановки, вначале оцениваемые как преимущества, в конечном итоге обернулись поражением. Первая волна атакующих не встретила сопротивления. Это, казалось бы, успех — но в итоге, быстро уйдя вперед, она не только оторвалась от второй волны, но и, пройдя сквозь ошеломленный Западный, проникла в Цитадель — прямо в берлогу медленно свирепевшего медведя… Прорыв в Цитадель тоже можно было бы счесть успехом — на деле же если бы при перебежке Тереспольского штурмовые группы, встретив сопротивление, залегли, замедлив атаку, то это и был бы единственный шанс на спасение у батальона… Но амбразуры кольцевой молчат, на мосту не выложена даже колючая проволока, хоть как-то замедлившая бы атаку. Ворвавшимся в Цитадель судьба дает опять шанс — остановиться, закрепившись у Тереспольских. Но что они видят? Со стороны ошеломленных русских — ни выстрела, двор усыпан трупами, и лишь носятся в дыму ошалелые фигуры, подчас в одном белье. Атаковать дальше! И оставив у Тереспольских лишь небольшую группу, они атакуют не только сооружения Цитадели (церковь и сектор казармы у Холмских (возможно, надеясь взять там Инженерное управление), но и Северный остров — чего вообще не предусматривалосьпланом!! Вероятно, малоопытныекомандиры групп просто потеряли голову от казавшейся уже достигнутой победы.

В итоге — защитники крепости, на Цитадели имея многократное преимущество, уничтожают тех, кто зарвался особенно сильно, немногие выжившие бьются у Тереспольских или с 98 ОПАД и красноармейцамиВосточного форта на Северном, не имея шансов не только продвинуться, а, возможно, и отступить.

Вторая волна батальона Праксы. На Западном по-прежнему тихо — и все силы на Центральный. Но и

он кажется более-менее спокойным — и опять, размазывая силы, солдаты мчатся на Северный, откуда, в общем-то, нужно было спасаться уже через несколько минут, поняв, что «улей» просыпается и «пчел» неожиданно много.

Вот тут-то и захлопнулся капкан на Центральном. И — что было еще более неожиданным — раздалась стрельба и на Западном.

Ну а дальше — церковь Святого Николая превратилась и в наживку (вернее — приманку), к которой немцы стремились со всех сторон, не имея возможности прекратить атаку, и в живой щит, не дававший применить артиллерию. Более ужасной ситуации для 45-й дивизии нельзя было придумать.

Как ни парадоксально, для дивизии было бы лучше, если бы третий батальон был бы уничтожен подчистую — тогда, прекратив атаку, можно было бы ввести в дело артиллерию и запасаться терпением — ясно, что сейчас, после первой победы русских, даже эфемерный «моральный эффект» был полностью развеян, и они готовы сражаться долго.

Не менее ужасным для командования дивизии и полка было то, что виновники провала — они сами. Было сделано все, чтобы именно так и произошло. Единственный шанс, имевшийся у Праксы — вовремя остановиться, — он не использовал. Да, наверное, и не собирался — вся задача, внушенная молодому командиру батальона, строилась именно на стремительности атаки, не оглядываясь на фланги, метании на стол всех козырей, в надежде, что противник, оказавшийся сильнее, все-таки спасует перед несокрушимой уверенностью в себе более наглого игрока.

Как известно, в азартные игры играть опасно.

Наверное, майор Ельце был менее азартен. Но и у него не получилось выполнить задачу. Пройдя первые десятки метров, батальон надежно застрял. Причем как это получилось — неясно. Когда удавалось ворваться в казармы, откуда только что стреляли — стрельба начиналась в тылу. Зачистили тыл — вновь огонь из тех же казарм головы не дает поднять. Что? Почему? Мгновенно родились легенды о подземных ходах, позволявших русским снайперам раз за разом перемещаться в тыл к атакующим, в считавшиеся зачищенными сектора и стрелять наверняка.

Здесь, наверное, нужно сказать и о «подземных ходах» — предмете пристального внимания для многих, интересующихся историей Бреста. Возможно, легенды о них во многом породил именно штурм цитадели — помимо Ельце, ее поддержало и «подвальное сопротивление», например 333 сп.

Все эти «многоярусные подвалы» перекочевали и в немецкие документы, на основе сообщений ведших бой частей. Среди разыскиваемых мною документов есть и «отчет немецких саперов о боях в подземельях крепости». Но где он? И возможно, там ведется рассказ не о многоярусных подвалах, а о выкуривании гранатами, взрывчаткой и огнеметами из обычных, оказавшихся не менее трудным делом.

И сейчас в Бресте вам расскажут (мне, кстати, говорили об этом и работники музея, правда «неофициально») и о трехъярусных подвалах под кольцевой казармой, и о тянущейся под ними сети подземных ходов, связывающих кольцевую казарму, церковь и город между собой. Но вот только смогут ли показать?

Если вы захотите увидеть ходы, то станет известно, что доступ к подземельям строго запрещен — либо дирекцией музея (уже уставшей отрицать их существование), либо всемогущим КГБ. Если же вы настолько отчаянный, что готовы плюнуть и на КГБ, то вам скажут, что ходы замурованы еще в брежневскую эпоху. Но даже это вас не напугало — вы готовы продолбить и метр бетона, да что там — полкрепости динамитом рвануть, лишь бы увидеть «скелеты в истлевших гимнастерках», то вам ответят, что ходы, да, видели, но когда рассказчику было 2 года... «Папа издалека показывал».

Среди участников обороны рассказы о подземельях крепости не менее распространены. Более того, вероятно, что все они имеют и некую документальную основу, слегка домысленную рассказчиком, и безгранично — позднейшими интерпретаторами.

Например, А. Махнач вспоминал: «Перед тем как получить подразделения, нас направили (16 человек) в один батальон 455 сп в целях проверки внутреннего распорядка взводов. Б-н находился в км-трах пяти от центра крепости в одном из его фортов (наших фортов за крепостью, по рассказам бойцов, было несколько. Они были соединены ходами под землей с крепостью). Во время своего пребывания в форту я проходил вместе с другими офицерами в подземные ходы на метров 300, где была уже вода и сырость. Невдалеке была небольшая река от форта»[1343].

О подземных ходах вспоминал и А. Леонтьев, сражавшийся в Цитадели. Ночью, переплыв Мухавец в районе 455 сп, проползя через весь Северный остров, ему удалось выйти из крепости через «подземный лазарет» в главном валу: «Лабиринты мы очень хорошо знали, так как дело старое (иногда без увольнительных ходили в город, а не через ворота)»[1344].

Однако, судя по всему, Леонтьев ушел через хорошо знакомый ему ветеринарный лазарет (т. н. «гавриловский капонир»), где действительно имеется проход через вал. Что же касается Махнача — то, говоря о «ходах, ведущих в крепость», он ссылается на рассказы бойцов. Самому же, как видно из рассказа, до крепости дойти не удалось — за ведущий в нее ход он принял, вероятно, одну из потерн, соединявших жилую казарму с капонирами или полукапонирами[1345].

Планировка помещений и размещение сооружений на территории крепости было одной из причин, создавших главные проблемы ее защитников — их разобщенность и невозможность прорыва за ее пределы.

Если присмотреться, то через всю историю штурма проходят либо попытки проломить какие-либо из ее стен, либо, как альтернатива этому, самоубийственные перебежки и прорывы под шквальным огнем со всех сторон. Если бы были какие-либо другие пути — сквозные подвалы или ходы, — они, несомненно, использовались бы защитниками. Конечно, среди них было много тех, кто прибыл в крепость накануне, не зная всех ее секретов — но немало и других, находящихся в ней уже давно и успевших облазить все мыслимые и немыслимые закутки. Тем более в критической ситуации — несомненно, что перед тем как идти на тот или иной прорыв, бойцы изучали все возможности наиболее безопасного выхода. И то, что никаких «чудо-ходов» найдено не было, говорит только о том, что их нет.

…На деле же все было прозаичнее. Перед Ельце была поставлена невыполнимая задача — именно здесь, на западе Северного, и располагалась одна из крупных группировок, находившихся в крепости. Кроме того, в ДНС жило немало командиров — стойких и опытных стрелков, вскоре так или иначе добывших оружие. И, наконец — на Северный из Цитадели сбежалось немало бойцов.

Именно нехваткой сил у Ельце объяснялась и странная неуязвимость стрелков (сил для тщательной зачистки и последующего удержания строений у него не было), и меткость снайперов — подбежав к какому-либо строению или миновав его, солдаты Ельце не успевали ни закрепиться, ни проверить его изнутри, — в итоге из этих же строений по ним били в упор, и особой меткости или снайперских винтовок и не требовалось. Даже после ввода в полосу наступления батальона Парака (практически удвоения численности атакующей группировки) — успех все же не был достигнут. И, скорее всего, батальонам Ельце и Парака[1346] удалось выйти к дороге от Трехарочного до Северных ворот только потому, что Северный, выходя к определенному предвоенными планами району сосредоточения, покинуло большинство его защитников (батальон Ландышева).

Пример с атакой Ельце и Парака показателен еще и тем, что несколько приглушает такие причины

провала плана стремительного штурма, как слабый артналет, толстые стены, или невозможность пробиться в Цитадель из-за окружающих ее рукавов Мухавца. На Северном ничего этого не было — лишь долгая и упорная борьба за каждое строение. И главная ее причина — прежде всего численное превосходство обороняющихся после преодоления первого испуга.

Главный итог боя на Северном острове 22 июня — он доказывает изначальную обреченность идеи о штурме с налета имеющимися силами. Можно лишь предполагать, что было бы, введи Шлипер в первые часы в бой на Северном острове не батальон Парака, а весь полк Кюлвайна, или сосредоточь он в полосе Ельце основную массу артогня — но к чему эти гадания? В истории Брестской крепости и так много неизвестного, чтобы использовать сослагательные наклонения.

Попытки Шлипера и Йона исправить ситуацию оказались не менее провальными, чем стремительный штурм. Прежде всего — резерв дивизии (батальон Парака) вводится в бой без полного понимания обстановки (с батальоном Праксы связи нет). В итоге, уже задействовав Парака, можно было задуматься — имело ли смысл продолжать атаку на Северном, когда выяснилось, что и на Западном, и на Центральном дело не только практически провалено, но и срочно требуются силы для деблокады окруженных?

Последующие атаки через Трехарочный кажутся тем более странными, что в руках немцев к этому времени находился Тереспольский мост. Наступать главными силами именно там, у Тереспольского, сосредоточившись у ворот (или пройдя вдоль казармы к Бригидским, а оттуда через плац), а не атакуя по открытому обстрелу со всех сторон Трехарочному мосту, кажется наиболее логичным. Атаки через Трехарочный можно объяснить только тем, что, введенный не там, где нужно и не тогда, когда нужно, батальон Парака уже увяз в бою и не мог перебросить силы на Западный.

В итоге атаки от Бригидских и Тереспольских ворот с наиболее благоприятного исходного рубежа из-за недостатка сил ни к чему не привели. Даже там, где немцам и удавалось закрепиться (полковая школа 44 сп), их, неспособных привлечь резервы, сразу же выбивали. А в это время силы, возможно и способные чего-то добиться, раз за разом откатывались от Трехарочного.

К тому времени, когда в дело вошел полк Кюлвайна, возникли новые обстоятельства — в штабах, ужаснувшись размеру потерь, начали склоняться к тому, чтобы вообще прекратить атаки. Неудача с использованием штурмовых орудий заставила окончательно принять решение — на сегодня хватит!

В итоге, когда у дивизии после прибытия I.R.133 наконец-то появились силы, способные решить задачу по деблокаде окруженных, было уже поздно — от «стремительного налета» перешли к «тщательной осаде». Как видим, «моральный эффект» 22 июня поразил скорее командование 45-й дивизии, чем защитников крепости, но еще раньше — ее атакующие подразделения, что особенно четко проявилось при атаке «штугов».

Вывод. Причина провала штурма — чрезмерность задачи, стоящей перед дивизией. Преследуя в первую очередь цель по захвату мостов на Мухавце, она не могла выделить на цитадель достаточно сил. Далее, стремление захватить на цитадели «все и сразу» привело к распылению и без того слабых, выделенных для ее штурма сил, а попытка обеспечить их продвижение — к распылению средств, прежде всего артиллерии.

Взятие на себя невыполнимых обязательств, неблагоприятное развитие обстановки — следствие недооценки командованием дивизии и корпуса противника, стремление к эффектным результатам, обусловленное неопытностью как командования дивизии, так и командования и личного состава ее частей и подразделений.

…Поскольку главной причиной «морального эффекта» были потери дивизии, то здесь самое время сказать о них. При этом можно рассмотреть лишь *итоговые потери 45 I.D.и (в т. ч. и приданных ей частей*

и подразделений) как в полосе ее наступления 22 июня, так и в проводимых ее частями боях за Брест за весь период боев — с 22 по 30 июня.

Распределение потерь по дням, хотя о нем и будет сказано, вряд ли оправданно, учитывая обстановку, — факт смерти или ранения фиксировался тем днем, когда был найден труп или раненый поступал на пункт оказания медпомощи. Поэтому погибшие 22 июня отнесены к 24 июня, когда были найдены. Если же факт смерти фиксировался по свидетельским показаниям (отсюда, вероятно, число погибших 22 июня, приводимое Йоном и Гшопфом), то эти данные весьма условны. Например, погибшими 22 июня вполне могли значиться и найденный впоследствии раненым Тойчлер, и убитые 23 июня немцы, засевшие утром 22 июня в столовой 33-го инженерного полка (и с этой минуты, вероятно, считавшиеся пропавшими без вести).

Потери 45-й дивизии за 22–30 июня, это не потери в бою за Брест (в черте города наступала и 31-я дивизия, а часть 45-й дивизии — к югу от Бреста). Это тем более и не потери в бою за Брестскую крепость — как минимум, вне ее пределов погибли подносчики лодок для группы Кремера, да и сам Кремер. Бои велись и у переправ на Мухавце, и в Бресте. Говоря о потерях дивизии, в их число необходимо включить и потери приданных ей подразделений, а также подчеркнуть, что ведется подсчет только тех (хотя позволят ли имеющиеся данные сделать это?), что были понесены ими и дивизией в Бресте и вокруг него.

Итак, имеются следующие данные. Согласно «Отчету о взятии Брест-Литовска», потери 45-й дивизии таковы: убито и *пропало без вести* — 32 офицера, 421 унтер-офицер и рядовой. Ранено — 31 офицер, 637 унтер-офицеров и рядовых. Всего — 63 офицера и 1058 унтер-офицеров и рядовых, или — 1121 человек. Эти же данные содержатся и в «Докладе о взятии Брест-Литовска» командующего 4-й армией фон Клюге от 26 августа 1941 г.[1347] Таким образом, можно считать, что перед нами — официальные данные.

К сожалению, поименного списка погибших нет, и более подробной информации (часть, время и место гибели) найти не удалось. Однако можно с большой уверенностью утверждать, что в это число включены и потери за Брест, и за крепость, и все, погибшие или раненные в полосе дивизии ее военнослужащие с 22 по 30 июня, в том числе за пределами города.

Открытым остается вопрос — входят ли в это число погибшие в районе Слоним — Барановичи 15 солдат и унтер-офицеров и 2 офицера из состава подразделений[1348], выделенных 45-й дивизией в передовой отряд корпуса (фон Штольцмана)?

Кроме того — наверняка эти данные никак не отразили и потери батареи 201 StgAbt. (как минимум — 4 человека из экипажа штурмового орудия, подбитого у пкт 145). Возможно, что понесли потери и огнеметчики[1349], приданные атакующей группировке I.R. 135.

Помимо официальных данных дивизии, есть еще и данные ее военного священника Рудольфа Гшопфа, имевшего прямое отношение к учету потерь. Он приводит следующие цифры — 482 погибших, из них 32 офицера; раненых — около 1000 человек, из них более 30 офицеров. Эти цифры соответствуют количеству могил на дивизионном кладбище.

Заметно, что данные Гшопфа отличаются числом погибших солдат и унтер-офицеров (больше на 30 человек) и гораздо значительнее — количеством раненых. В принципе они приближаются к показателю изменения численности боевого состава, указанного в приложении — 1603 человека.

Можно дать и некоторое объяснение цифрам Гшопфа. Он учел всех раненых, поступивших в медпункты или обратившихся за медпомощью (в т. ч. больных). Отчет дивизии — только тех, кто к моменту его написания (8 июля) находился на излечении в госпиталях.

Наконец, третий вариант потерь, правда, не итоговый, а промежуточный — это данные, указанные в донесении начальника штаба группы армий «Центр» Грейффенберга от 27 июня: убито — 28 офицеров, 251

унтер-офицер и солдат; пропало без вести — 2 офицера и 206 унтер-офицеров и солдат. Итого безвозвратных потерь (учитывая, что немцами к этому времени была занята почти вся цитадель, все пропавшие были, скорее всего, мертвы) — 30 офицеров и 457 унтер-офицеров и солдат. Таким образом, общее количество безвозвратных потерь (487 человек) — даже превосходит данные Гшопфа!

Согласно Грейффенбергу, потери дивизии ранеными — 31 офицер и 619 унтер-офицеров и солдат. Учитывая, что эти данные — лишь на 27 июня, заметно, что они стыкуются с цифрами «Отчета о взятии Брест-Литовска».

Окончательно точку в вопросе о количестве потерь 45-й дивизии при взятии Брест-Литовска может поставить только их поименный перечень. Возможно, он был отослан Гшопфом в Линц, где и затерялся.

Как оценить потери (прежде всего — безвозвратные) дивизии при взятии Брест-Литовска? Обычно их число (допустим 453 погибших) сравнивают с потерями за всю польскую (158) или французскую (462 погибших) кампании. Однако это сравнение говорит лишь о степени ожесточенности кампании[1350], но не боя. И в Польше, и во Франции дивизия провела лишь по одному сражению, сравнимому со взятием Бреста — под Олешице (отражение попытки прорыва польских войск) и у Реймса (форсирование Эны с последующим прорывом через полосу укреплений). И соответственно потери дивизии — это прежде всего потери за эти сражения. В том и другом случае безвозвратные потери сравнимы со сражением за Брест. Олешице: за 2 дня (15 и 16 сентября 1939 г.) — 7 офицеров и 117 унтер-офицеров и солдат (среднесуточные — 62 человека). Эна: за 3 дня (9–12 июня 1940 г.) — 16 офицеров и 362 унтер-офицера и солдата (среднесуточные — 126 человек)[1351]. Брест: за 5 дней (22–26 июня) — 30 офицеров и 457 унтер-офицеров и солдат (среднесуточные — 98 человек)[1352]. Как видим, потери в Бресте даже меньше французских! Тогда почему же они так встревожили не только Шлипера, но и командование А.О.К.4 и даже начальника Генерального штаба ОКХ?

Одно из объяснений кажется наиболее правдоподобным. За 22–30 июня на Восточном фронте было убито: 524 офицера и 8362 унтер-офицеров и рядовых[1353]. Среднесуточные[1354] — 987 человек. Учитывая, что, по данным Рудольфа Гшопфа, безвозвратные потери 45-й дивизии за 22 июня — 311 человек (21 офицер и 290 унтер-офицеров и рядовых), выходит, что более 30 %, *фактически треть потерь за первый день кампании на Востоке — это потери 45-й пехотной дивизии* из Линца[1355]!

Основная причина высоких потерь — неверно спланированная операция. Имеющимися силами невозможно было достаточно плотно прочесать местность — в итоге атакующие части постоянно подвергались обстрелу с тыла, теряя личный состав и не видя противника. Более того — атакующие с тыла красноармейцы имели возможность и спокойно прицелиться, и выбрать себе наиболее достойную жертву, отсюда и высокие потери офицеров. Хотя стрелять защитникам приходилось редко, но метко — вероятно, уже через несколько часов боя стала ощущаться нехватка боеприпасов. Меткие, внезапно появляющиеся стрелки — отсюда и пошли легенды о снайперах ОГПУ.

Что касается стрелков на деревьях — то обе стороны, ничего не упоминая о собственных снайперах, действующих подобным образом, постоянно говорят об уничтожении вражеских «кукушек». Остается согласиться с Лозертом, что перед нами — классический случай «борьбы с тенями».

…Молодые солдаты с обеих сторон, впервые попавшие в бой, более того — бой, не имеющий ни флангов, ни тыла, часто — без каких-либо командиров, вели огонь по любому подозрительному шевелению где-то в кустах или мельканию трудноразличимой фигуры среди развалин. Отсюда — и многочисленные рассказы о «немцах, переодетых в советскую форму» или «русских в немецкой форме». Никто не переодевался — зачем? Если обе стороны периодически стреляли в своих же, принимая их за врагов, переодевание было вдвойне опасным — если не убьют свои же, от страха не желающие ни в чем разбираться, то добраться до чужих, непонятно где находящихся… и выжить при этом — задача

невыполнимая.

Большие потери офицеров 45-й дивизии объясняются не только снайперами, но и тем, что перед ними постоянно вставала задача поднимать в атаку то и дело залегающие подразделения, именно они первыми шли впереди, «на себе вытаскивали дело», не имея возможности положиться на солдат. Разумеется, красноармейцы не могли проигнорировать такие цели. Таким образом, большие потери офицеров — это не только работа «снайперов», но и показатель недостаточно высокого уровня боеспособности личного состава.

Это косвенно подтверждает и присутствие в воспоминаниях защитников крепости многочисленных «автоматчиков». Пистолетов-пулеметов у защитников крепости было не меньше, а порой и больше, но создается впечатление, что беспрерывно атаковали именно «автоматчики», ведущие беспрерывный огонь[1356] из пистолетов-пулеметов MP-38 или MP-40, а не вооруженная карабинами 98k или винтовками G-98 основная масса пехоты. Возможно, что так и было — командиры взвода и отделений сплачивались в некую ударную группу (4–5 человек), атакующую с MP-38 (MP-40) или гранатами в руках, в то время как остальные их прикрывали (из винтовок, карабинов или пулеметов). Это свидетельствует о том, что в серьезный бой, на наиболее ответственные участки, большинство рядовых солдат просто нельзя было послать.

А штурм Брестской крепости был задачей серьезной.

Особенностью атак пехотных подразделений 45-й дивизии было то, что они проводились сформированными, как правило, заранее, штурмовыми группами. Иначе в условиях городского боя и нельзя — прочесывая те или иные здания, взводу в любом случае приходилось разделяться не небольшие группы. Вспыхивающие схватки предъявляли очень высокие требования к одиночной подготовке солдата — хладнокровие при стрельбе в упор, метание гранат, скорость и меткость стрельбы, подчас — рукопашный бой. Учитывая, что в Цитадель было направлено наименее подготовленное подразделение — III/I.R.135, с лишь незадолго до атаки сформированными штурмовыми группами, можно представить, что у его солдат возникло немало проблем…

При действиях небольшими группами особая ответственность ложилась на унтер-офицерский состав.

Сравнивая советские и немецкие воспоминания, использованные в исследовании, нельзя не заметить существеннейшего отличия — советский младший командир в первую очередь стремится *руководить* боем, пусть и на личном примере. Германский — делает сам, а уж за ним подтягиваются (и то не всегда) остальные. Возможно, наблюдение относится лишь к июню 1941 г., возможно — это объяснялось нехваткой комсостава, однако и в этом случае можно отметить, что в Бресте советский младший командир превосходил германского унтер-офицера.

В бой, пусть и в невыгодных для себя условиях, выступила *кадровая* Красная Армия.

Уже немало написано о мужестве и храбрости защитников Брестской крепости. И о причинах этого — тоже. Правда, с течением времени причины (указываемые стране) изменялись. Если в 1950 г. сохранившуюся у Тереспольских ворот надпись[1357], несколько подправив, превратили в «Нас было пятеро. Мы умрем за Сталина![1358] 1941 г. Июнь», то в шестидесятые «русских» заменяли «советскими», а затем, уже недавно, с экранов вновь прозвучало «я — русский солдат!». Ясно, что в этом направлении «поиски» будут вестись и дальше.

Тем не менее можно указать и другие причины.

Во-первых, свою роль сыграла первая победа *советских* солдат. А именно так и можно охарактеризовать итог 22 июня. Она укрепила и дух тех, кто был подавлен артналетом и первыми смертями. Во-вторых — среди командиров было немало участников боев с финнами или

белогвардейцами. Видели они и вещи посерьезнее, чем получасовой обстрел, и то, что и ранее не раз преодолевали смерть — не давало им пасть духом и в июне. В-третьих — отсутствие командиров не только разобщало бойцов, разбившихся на разрозненные группы, но и способствовало стихийной самоорганизации. Выдвигались наиболее стойкие и активные, сплачивали вокруг себя наиболее боевитых — и такие группы были иногда подействennей, чем формально сбитые подразделения. «На офицерах ранги были в том аду незаметны, а было так — кто умело скажет и дерется смело, за тем лучше шли и лучше его уважали», — вспоминал бывший секретарь партбюро полковой школы 33-го инженерного полка Ф. Ф. Журавлев[1359]. Об этом же пишет и А. П. Каландадзе: «Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что в то утро [22 июня] мало кто из командиров сумел бы организовать людей из разных частей так хорошо, как они это сделали сами, по своему усмотрению. Все были командирами, и все были подчиненными»[1360]. Неформальные лидеры и их группы вообще, как правило, более стойки, чем произвольно, по команде, собранные коллективы.

Интересно, что красноармейцы, как и немцы, для решения каких-либо задач стихийно организовывались, формируя свои «штурмовые группы» — например, для штурма столовой 33-го инженерного полка. Примечательно, что основным принципом подбора в них бойцов был добровольный: «Если командиру обороны, роты или группы нужно было дать бойцам задание, он не приказывал, а вызывал добровольцев. И они всегда находились»[1361].

Существовавшее в Красной Армии выделение наиболее политически активных путем создания комсомольских и партийных организаций и в бою за Брест помогало подчас создать ядро очага сопротивления. Комсомольский и партийный актив разных частей, как правило, был знаком друг с другом — это помогало сплачивать разрозненные подразделения. Помимо присяги коммунисты и комсомольцы РККА имели дополнительные, взятые на себя добровольно обязательства — быть в первых рядах защитников СССР. Это же, пусть и в меньшей мере, относится к активистам всевозможных военно-спортивных организаций (Осоавиахим).

И политсостав, и коммунисты, и евреи, находившиеся среди защитников, несомненно, были наслышаны о том, что их ожидает в плену. Это способствовало их решению защищаться до последнего. То и дело встречающиеся в воспоминаниях «той стороны» упоминания о «пленных комиссарах» говорят не о том, что командиров в плену не было — а о том, что основное внимание немцы обращали именно на захваченный политсостав, поскольку факты его пленения были редкими.

Оказала свое влияние и гибель многих детей и женщин из семей начсостава — их отцы и мужья, да и все, кто видел произошедшее, — сразу же начинали сражаться с наибольшим ожесточением.

Сыграло свою роль и незнание обстановки на фронте — защитники продолжали ждать помощи и тогда, когда Брест уже исчез как из советских, так и из немецких сводок. Оборона крепости — не столько оборона, сколько ожидание деблокады. Если бы была твердая уверенность в том, что помощь не придет, объединенные попытки прорыва наверняка последовали бы немедленно, еще в первую же ночь. Помимо устойчивости сопротивления, намерение прорываться у одних и сохранение надежды на деблокаду у других приводило и к разобщенности действий защитников.

Наконец — поколение тридцатых действительно было поколением особым. Привычка к лишениям, бесстрашие, готовность пожертвовать как своей, так и чужой жизнью во имя идеи, и в ней, идее, твердая убежденность — все это было им, 18–25-летним парням, составлявшим большинство защитников цитадели, особенно свойственно. Отсюда — и самоубийственные атаки, и многочисленные самоубийства потерявших надежду, вероятно, десятков людей. Во Франции и Польше многое бывало — но что-то не слышно о бросках, растративших патроны, полумертвых от голода и жажды людей на немецких солдат — с одними лишь ножами в руках, под автоматные очереди, а то и проще — под забивание сапогами… Или

столь поразившие солдат «сорок пятой» отказы красноармейцев при пленении сдвинуться с места — «убивайте лучше здесь, сразу».

Ну а кто же тогда сдавался в плен? Понятно, что большинство авторов опубликованных воспоминаний или книг об обороне предпочли обойти этот вопрос. Современные, как правило — тоже, из-за недостатка или полного отсутствия сведений. Однако предположения все же стали появляться — например, В. В. Бешанов пишет, о том, что большинство из сдающихся были «приписники, призванные в начале июня из западных районов для переподготовки и размещавшиеся в палаточном городке и казематах Кобринского укрепления[1362]. Среди них была и молодежь, не принявшая присяги, и те, кто раньше служил в польской армии. Не проявляли стойкости и легко сдавались воины из среднеазиатских республик, в принципе мало отличавшие своих от чужих (в царской армии их просто не призывали на службу)»[1363].

Об «этнопсихологических проблемах» говорится и в книге Ильи Мощанского и Виктора Паршина «Трагедия Бреста»: «СССР своей родиной во всех смыслах (как территорию и образ жизни) считали не все народы, проживающие на пространствах Советского Союза, а многие из них (народов) или не очень понимали суть противоборства, или, особенно на начальном этапе, вообще видели в немцах освободителей от коммунизма и колониализма»[1364]. Там же, вероятно в качестве одной из причин стойкости пограничников, указано, что они комплектовались «преимущественно славянским, более образованным, призывным контингентом».

Никаких фактов, подтверждающих их предположения, авторы не приводят.

Действительно, слишком мало сведений для окончательных выводов, однако некоторые наблюдения сделать можно. Во-первых — ни о каком «среднеазиатском аспекте» не говорится ни в одном из известных мне, в том числе и неопубликованных, источников. Не говорили мне о наличии каких-либо сведений об этом в фондах музея и сведущие в них люди. Напротив — немцы, пробивающиеся по западной части Северного, пишут о «киргизском полку» (125 сп). Возможно — в качестве одного из объяснений его стойкости?

Большинство авторов если и выделяют какую-либо категорию среди добровольно сдающихся, говорят именно о «приписниках». Однако можно предположить, что «приписники» являлись скорее детонатором добровольной сдачи. Учитывая, что в УР они не выводились, среди оставшихся в крепости именно «приписники» составляли большинство. Большие числа сдающихся в плен — следствие именно этого факта.

Главные же причины капитуляции отдельных участков — вовсе не национальный[1365] или социальный состав их защитников, а израсходование боеприпасов, голод, жажда и энергичные действия немецких штурмовых групп (например, саперов, подрывающих здания), артиллерии или авиации (Восточный форт).

…О случившемся в Брест-Литовске советские люди, находившиеся к востоку от линии фронта, узнают еще не скоро. Те, кто уходил из Бреста 22 июня, слышали лишь шум боя в его цитадели и, обгоняя отступавших от границы безоружных и зачастую полуодетых бойцов и командиров, первой вестью о Бресте, принесенной в штабы Красной Армии, сделали именно быстрое окружение и разгром соединений, загнанных еще перед войной в ловушку цитадели.

События, произошедшие с войсками 4-й армии, в чьей полосе немецкое наступление развивалось наиболее стремительно, в начале июля 1941-го именно так и представляли — окружение, разгром и последующее бегство. Брест, находившийся в центре ее боевых порядков, надолго стал символом поражения советских войск на западной границе.

Попытки объяснить происшедшее начались сразу же. Вслед за секретарем Брестского обкома ВКП(б)

Тупицыным, еще 25 июня четко определившим виновных, 3 июля заместитель начальника управления политпропаганды Запфронта бригадный комиссар Григоренко в своем донесении начальнику Главного управления политпропаганды РККА говорил об этом так: «Одной из основных причин поражения и панического бегства отдельных соединений (6 и 42 сд…) является неправильное понимание существа договоров капиталистических государств: верили в договор с Германией и считали, что она не посмеет на нас напасть. Указанные соединения, находясь у самой границы, зная, что Германия концентрирует войска у наших границ, продолжали жить мирным настроем, начсостав отпускали по домам к семьям за 7–10 км от расположения части, не приняли мер к усилению бдительности… Больше всего паника возникла в Бресте и вообще в 4-й армии…»[1366]

Объяснения не только давали — их требовали, причем в духе того времени — весьма напористо. Арестованным в июле комфронтом Павлову и командарму-4 Коробкову, не сумевшим выиграть борьбу за Брест, теперь, объясняя обстановку, приходилось бороться уже за свои жизни. Бывший командующий ЗапОВО в брестском разгроме увидел прежде всего вину своих подчиненных: «Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником… После того, как я [в ночь на 22 июня] отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние, Коробков доложил мне, что его войска к бою готовы. На деле же оказалось, что при первом выстреле его войска разбежались… В период 22–26 июня 1941 года как в войсках, так и в руководстве, паники не было, за исключением 4-й армии, в которой чувствовалась полная растерянность командования… Происшедшее на Западном фронте, заставляет меня быть убежденным в большом предательстве на Брестском направлении. Мне неизвестен этот предатель[1367], но противник рассчитал точно, где не было бетонных точек и где наиболее слабо была прикрыта река Буг»[1368].

Однако сам командарм-4, Коробков, на судебном заседании 22 июля полностью отрицал свою вину.

На заявление, при рассмотрении его дела, председательствующего на заседании армвоенюриста В. В. Ульриха о том, что, согласно показаниям Павлова, «на их [4-й армии] участке совершила и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста», Коробков ответил: «Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел». Павлов сразу же вскинулся: «В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием — к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря». Но Коробков продолжал отклонять обвинения бывшего комфронтом: «Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлечь к уголовной ответственности за то, что он не выполнил приказа командующего»[1369].

Впрочем, итог судебного заседания был предрешен. Однако судьба Бреста в истории разгоравшейся Отечественной войны — нет.

И первый шаг к превращению города на Буге от символа разгрома и бегства к символу мужества и стойкости сделала находка в марте 1942 г. среди бумаг разгромленной северо-западнее Ливны 45-й пехотной дивизии «Отчета о взятии Брест-Литовска».

Да, первыми начали говорить не люди, а — документы. Потом — камни.

…«1941 г. 26 июня. Нас было трое, нам было трудно. Но мы не пали духом и умрем как герои», — такую надпись сняли со стены Брестской крепости 29 августа 1949 г. участники экспедиции, отправленной в крепость Белорусским государственным музеем Великой Отечественной войны[1370]: «Надпись размещалась в одной из комнат западной части казармы Брестской крепости, расположенной вдоль р. Буг. Надпись находилась на высоте 1,2 м от пола на стене, обращенной к западу около амбразуры. Около

амбразуры на полу были гильзы от патронов и пулеметные ленты станкового пулемета. К нашему приезду все это было сброшено строителями в р. Буг. Надпись, глубиной во весь слой покраски стены (1–1,5 мм), была выцарапана твердым предметом, видимо, пулей или гвоздем, и обнаружена после того, как комната была очищена от щебня, которым она была завалена во время бомбардировки. Стены комнаты были запылены, сырые и подвергались воздействию сырости от заваленной земли и щебня. При снятии со стены последнее слово надписи („герои“) обсыпалось. Товарищи, проводившие эту работу, по своей неопытности (в целях фотографирования) написали заново это слово следующей строчкой слева. Таким образом, последнее слово надписи (последняя строчка слева) „герои“ реставрации не подлежит. Его следует заделать на том месте, где оно написано сейчас, и воспроизвести в предыдущей строчке справа, где оно было написано героями крепости».

Теперь слово «герои» навечно вписано в историю Бреста.

История же 45-й, пехотной дивизии закончилась в июне 1944 г. в котле под Минском. Ее последний командир — генерал-майор Иоахим Энгель сдался в плен. К тому времени среди командиров «сорок пятой» оставалось мало ветеранов штурма Брест-Литовска — еще 22 сентября 1941 г. погиб державший «Восточные валы» гауптман Герштмайер, 26 сентября — командир первой роты в дивизионе «панцирягеров» Цана-Ветцеля обер-лейтенант фон Шиллинг[1371], а вскоре (18 октября 1941 г.) и один из тех, кто планировал штурм — Ia, Армин Деттмер.

А война еще только начиналась. Многие сгинули в ее круговерти — командиров некоторых подразделений к тому времени, когда д-р Гшопф начал писать свою книгу, никто так и не смог вспомнить. Многие — после: в 1947 г. в Москве был повешен дослужившийся к концу войны до генерал-лейтенанта, командир 15-го кавалерийского корпуса войск СС, кавалер Рыцарского креста Гельмут фон Паннвиц, в 1941 г. захвативший пкт 145.

Всего же на Восточном фронте сгинуло более 4000 только тех, кто был похоронен. А еще — пропавшие без вести, умершие в плену…

Однако ко многим судьба, хоть и не вознеся их до карьерных высот (а может, оно, учитывая 1945 г., и к лучшему…) была более благосклонна. 1 декабря 1941 г. Фриц Шлипер получил звание генерал-лейтенанта, 27 декабря — Рыцарский крест. Хотя тот декабрь был для 45-й дивизии очень суровым…. В 1942 г., 1 марта, Шлипер сдал хлопотное дело командования соединением на Востоке Кюлвайну и убыл в тихую Словакию, назначенный там начальником германской военной миссии. К концу войны служил в штабе сухопутных войск…

Назначенный 27 февраля командиром «сорок пятой» Фриц Кюлвайн командовал ей до 29 апреля 1943 г. Если можно так сказать о фронте, то этот период для дивизии был относительно спокойным. Находясь на этой должности, 1 апреля 1942 г. Кюлвайн стал генерал-майором, ровно через год — генерал-лейтенантом. Командовал различными соединениями, получил Рыцарский крест. С марта 1945-го — командир 149-й запасной дивизии, где и закончил войну. После войны активно помогал Рудольфу Гшопфу в описании боевого пути «сорок пятой».

Вскоре после назначения Кюлвайна Гельмут Гипп оставил I.R.130, навсегда покинув Восточный фронт. К этому времени из командиров батальонов, прошедших Брест, в полку оставался только явно засидевшийся на своей должности Ганс Гартнак — остальные получили новые назначения. Далее Гипп руководил училищами по подготовке офицерского и унтер-офицерского состава, 30 января 1945 г. получив звание генерал-майора. Он был награжден Немецким крестом в золоте[1372].

Этой же награды удостоился и Фридрих-ВильгельмЙон. Он был последним из тех командиров полков 45-й дивизии, кто командовал ими в Июне, покинувшим свою должность. 27 сентября 1942 г. бывший

командир I.R.135 возглавил 383-ю пехотную дивизию (Восточный фронт), вскоре (1 ноября) получив звание генерал-майора, а 1 мая 1943 г. — генерал-лейтенанта. Однако 30 июня 1943 г. Йон оставил командование дивизией, далее руководя различными тыловыми службами на Западе.

…Осталось немного — потрепанные временем КТВ во Фрайбурге, пожелтевшие листки донесений в музейных витринах Бреста. Стариков в ярких куртках и хорошей вязки свитерах, тех, что когда-то, молодыми, радуясь, что все-таки живы, снимались на фоне Тереспольских в запыленных цитаделью Брест-Литовска кителях — все меньше. Лишь несколько фотографий — так и не потускнели. «…Они показывают безумство и бессмысленность войн. Бывшие солдаты, зная войну по собственным переживаниям, ее не прославляют, а прикладывают все силы для того, чтобы сберечь своих внуков, жизнь всех других людей и отвести от них угрозу новой войны», — написал тот, кто передал фотографии в Музей героической обороны Брестской крепости — участник затянувшегося штурма цитадели Брест-Литовска Михаэл Вехтлер. В Июне — командир 5-й роты 133-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии из Линца.

Приложение

Брест-Литовск сорок первого: исследование продолжается…

Основу базы источников исследования составили документы, отложившиеся в фонде 45-й пехотной дивизии в Федеральном военном архиве (BA-MA) во Фрайбурге (ФРГ) или Национальном управлении архивов и документации(NARA) (США).

Главные документы, на которых строится исследование, — журналы боевых действий (вместе с приложениями) отдела Ia группы управления штаба 45-й пехотной дивизии. Первый из них охватывает период с 1.04.1941 по 20.6.1941 (вкл), второй (в части привлекаемой к работе) — с 21.06.1941 по 6.07.1941. Оба журнала в течение этого времени велись гауптманом Герхардом Эткеном.

В исследовании также использованы КТВ отдела тыла 45-й дивизии и группы управления штаба XII А.К., отдельные сведения почерпнуты из КТВ групп управления штабов 31 и 34-й пехотных дивизий.

Журнал боевых действий (далее — КТВ (Kriegstagebuch[1373])) — основной документ в вермахте, содержащий информацию о деятельности командования и вверенных ему войск во время боевых действий или особом положении в мирное время. Он служил для сбора и отражения опыта командования и части для последующего изучения.

Согласно распоряжению военно-научного отдела штаба сухопутных войск от 23.4.1940 г., в штабе пехотной дивизии КТВ велся в группе управления штаба (отдел Ia, Führungsabteilung) и отделе тыла (отдел Ib, Quartiermeisterabteilung).

Среди частей дивизии, ведущих КТВ — как все ее части и службы от отдельного батальона (дивизиона), так и придаваемые ей части от батальона (дивизиона), параллельно с отчетом своему соединению.

Деятельность рот пехотных и противотанковых орудий отражалась в КТВ полка. Части, временно выбывающие из состава соединения, на срок выбытия составляли отчеты, позже прилагаемые к КТВ.

КТВ вели и штабы, образуемые для особых задач, или любые службы по указанию командования.

Часть служб (например, отдел разведки и контрразведки или отдел адъютантуры (IIa) — ведущий списки комсостава военного времени) вместо КТВ составляли отчеты о деятельности — ТВ (Tätigkeitsberichte).

Ведение КТВ начиналось сразу после того, как командование или войска были приведены в готовность к маршу. Офицеры, ведущие записи, должны были иметь всю информацию о противнике, оценке положения, решениях и действиях войск и командования, иметь доступ ко всем необходимым им документам.

Записи (подробные и исчерпывающие) должны были вестись постоянно, чтобы события отражались при непосредственном впечатлении. Просто собрать приказы и донесения и на их основе сделать запись было недостаточно. Основная задача КТВ — показать причины, побудившие командование действовать так или иначе (впечатление о противнике, то, какие донесения сформировали оценку положения, проводилась ли операция на основании собственных решений или приказов свыше). Неблагоприятный ход боевых действий должен был отражаться не менее полно и объективно, чем победы.

В записях должны отражаться: участие в событиях других сил (средств), в том числе ВВС, и значение их действий для соединения (части), результат совещаний (обсуждений), содержание важных телефонных переговоров или радиограмм (основные пункты), воздействие на настроение тех или иных команд (приказов) или изменений обстановки, впечатление о боеспособности или боевом духе подразделения, особые заслуги частей, подразделений или отдельных личностей.

Необходимо было фиксировать все изменения у противника, поведение и отношение населения, особенности и влияние на обстановку погоды. Особо важно — точное указание времени событий (даты поступления и отдачи приказов, начала и окончания боя, периода подчинения и т. д.). Приветствовалось приложение к записям карт с обстановкой, схем, аэрофотоснимков и фотографий, а также черновиков собственных приказов и донесений.

К КТВ требовалось прикладывать состав войск соединения (части) (не забывая указывать даты изменений), точно датированные карты обстановки.

В составе приложений (ведущихся в виде отдельных дел) — оперативная документация (поступившие и отданные приказы, полученные и отправленные донесения, телефонограммы и радиограммы, записи ведущихся во время боевых действий обсуждений, докладов, телефонных переговоров, разведданных с точным временем). Там же — отчеты о бое и полученном опыте, сообщения об особых происшествиях; карты, схемы (в т. ч. панорамные чертежи), рисунки, аэрофотоснимки; список командного состава военного времени; списки потерь (по дням поступления данных); боевой и общий состав[1374] на 1 и 21-е числа каждого месяца или на дату отправки войск на фронт, любые важные документы (в т. ч. листовки или предписания), захваченные у противника бумаги.

В качестве приложений к КТВ могли храниться: личные записи (письма, почтовые открытки и т. д.), сообщения военнослужащих, командования, служб и подразделений, фотографии, фильмы, патефонные пластинки или фотокопии (тем не менее с необходимыми подробными подписями или комментариями).

Составляемые (помимо КТВ) отчеты о деятельности (ТВ) — это итоговый обзор в общих чертах и действиях, событиях и операциях. В них необходимо было отражать как полученный опыт, так и основные точки зрения на события.

Завершенные КТВ и ТВ отсылались начальнику военного архива в Потсдаме. Копии, снимаемые для служебного пользования, хранились в штабе корпуса.

Помимо принципов ведения КТВ и сбора информации о событиях, существовавшей в штабе пехотной дивизии вермахта, необходимо рассмотреть и систему сбора донесений, существовавшую в 45-й дивизии, и требования к отчетности самого соединения, исходящие от XII А.К. (именно в его составе дивизия находилась на самом важном отрезке времени боев в Бресте).

Итак, на основании распоряжения Ia (майора Армина Деттмера) Nr.290/41 г. от 19.06.1941, согласно вводимой с 0.00 21.6. системе сбора донесений части дивизии должны были ежедневно, к 3.45 дать в ее штаб *утреннее* донесение: ночные события, смена позиций (особенно КП до батальона (дивизиона) вкл.), возможные изменения планов на наступающий день, предполагаемую обстановку при действиях собственных или вражеских ВВС. Там же — краткая оценка противника: состояние и расстановка его сил, сообщения об оставленной им территории, уже установленные или вновь встреченные части (особо — танковые и моторизованные), деятельность артиллерии (размещение, число и калибр узнанных батарей, тип используемых боеприпасов) или ВВС (в общих чертах) врага, его потери (в т. ч. в матчасти), взятые пленные (число, воинские части и соединение), трофеи (орудия, тяжелое оружие, бронетехника). В донесение необходимо было включать информацию, затрагивающую сферу деятельности контрразведки или тайной военной полиции, вопросы пропаганды.

К 14.45 в штаб дивизии должно было поступить дневное (промежуточное) донесение (Zwischenmeldung), рассказывающее в общих чертах, о ходе дня и планах на оставшуюся его часть: достигнутые рубежи, обстановка в воздухе, планы на следующий день.

И наконец, к 20.15 — итоговое суточное донесение (Tagesmeldung) — подробный рассказ о ходе дня (в т. ч. обстановка в воздухе). Там же — общее впечатление о бое, достигнутые рубежи, изменения порядка подчиненности и боевого состава, смена района боя резерва (до батальона, вкл.), перенесение КП (до батальона вкл.), подразделения утратившие боеготовность из-за потерь, намерения на предстоящий день.

В суточном — и те события, что достойны упоминания в оперативной сводке командования сухопутных войск (их подробности и анкетные данные участников — в общих чертах).

Помимо донесений (часто передаваемых связным мотоциклистом), связь дивизии с частями осуществлялась и с помощью радио, и проводной связи. При важных изменениях в обстановке они должны были сообщать немедленно и даже при отсутствии каких-либо событий выходить на связь каждые два часа.

В качестве бланка донесения использовалась карта 1:100 000. Обозначение территории — по условной линии для кодирования по карте.

Одновременно с введением системы сбора донесений 45-й дивизией ей были предъявлены аналогичные требования штабом XII А.К.: к 4.30 — утреннее донесение, к 15.30 — дневное, к 21.00 — суточное. Отчет (он подавался как оперативным, так и разведывательным отделами (раздельно) составлялся практически по тем же пунктам, добавлено лишь требование по извещению о наличии пригодных для движения улиц и дорог.

И корпус и дивизия, учитывая, что информацию с нетерпением ожидает и высшее командование, требовали своевременного ее поступления — если по каким-то причинам сдача донесения задерживается, то разрешалось дать короткую телеграмму, например «идем хорошо вперед», указав и достигнутые рубежи, планы, особые события, КП (до полка вкл.). Бланк донесения в корпус — карта 1:300 000.

К 12.00 21 июня дивизия должна была представить в оперативный отдел XII А.К. офицера связи. Передача письменных приказов корпуса, как правило, курьером.

Служба тыла: ежедневные сообщения к 12.00, трехдневные — не позднее 20.00 дня, следующего за отчетным.

Можно отметить, что система сбора информации, вводимая в частях и штабе 45-й пехотной дивизии, позволяла воссоздать достаточно полную картину событий, в которых участвовало соединение.

Однако в реальности все оказалось далеко не так, как было задумано в военно-научном отделе штаба ОКХ. Многое оказалось безвозвратно утраченным, многое — не фиксировалось совсем.

Главные утраты были понесены в феврале 1945 г., когда RAF[1375] (английская военная авиация) нанесла самый сильный удар по исследованию Второй мировой войны, разрушив военный архив Потсдама. Там сгорели практически все документы частей германской армии, в том числе и полков и отдельных батальонов (дивизионов) 45-й пехотной дивизии.

Именно в Потсдаме и содержались наиболее ценные (прежде всего тем, что были максимально подробными) материалы о событиях в Бресте. Среди тех документов частей дивизии, что разными путями избежали уничтожения, упоминаний о брест-литовских событиях нет. Это же относится и к частям из состава резерва ОКХ, придаваемых 45-й дивизии в июне 1941 г., или частям ВВС, участвовавшим в штурме Брестской крепости.

Второе обстоятельство, повлиявшее на сохранность источников, — путь дивизии во Второй мировой

оказался достаточно тернистым. Окружения, стремительные отступления… В одном из них и был оставлен Красной Армии «Отчет о взятии Брест-Литовска». Скорее всего, вместе с ним — и другие документы, находящиеся сейчас в одном из российских архивов. Но, увы — и спустя почти 70 лет они являются секретной информацией, боюсь, что останутся ею и впредь.

В итоге к настоящему времени (из открытых для доступа исследователей) сохранился почти полностью фонд группы управления штаба (за интересующий период): оперативной группы (отдела Ia) — КТВ с приложениями из апрель — июнь 1941-го, частично уцелел и отдел разведки и контрразведки — ТВ с апреля по 21 июня 1941 г. Уцелел и КТВ (с приложениями) отдела тыла 45-й дивизии.

В архиве Фрайбурга имеются еще материалы отдела дел комсостава (IIa) или «управление дивизионного адъютанта»[1376] по июнь 1941 г: ведение личных дел и списков офицерского состава (присвоение очередного звания, награды, взыскания, отпуска) и списка потерь. Ввиду того, что материалы этого отдела представлены и в других и относятся к рассматриваемой теме в меньшей степени, документы IIa не просматривались.

Не просматривались и приложения к КТВ отдела тыла.

Несомненно, что сохранились многие документы и не представленные в фонде 45-й дивизии — судя по книге Гшопфа, он пользовался ими еще тогда, когда все военные архивы Германии были вывезены в США. Это говорит о том, что многие из офицеров сделали себе копии тех или иных материалов, в том числе, вероятно, и тех, чьи оригиналы сгорели в Потсдаме. Сейчас это все находится, скорее всего, в частных коллекциях или исследовательских центрах, а кое-что — и на секретном хранении…

Тем не менее к работе удалось привлечь достаточно много источников — около 1500 листов. Если до этого в исследовательском обороте находилось около 5 немецких документов, созданных одновременно с рассматриваемыми событиями, то теперь их число достигло нескольких сотен.

Наконец, переходя к критической оценке источников, нужно сказать о том, что многое из требуемой информации в КТВ[1377] не вносилось или, возможно, утрачено — нет, например, списка потерь и т. д. Не соблюдалось и важнейшее требование военно-научного отдела штаба ОКХ — вести КТВ одновременно с событиями. Иногда это было физически невозможно — Герхарду Эткену требовалось время для принятия пищи и отдыха, иногда — ведением журнала откровенно пренебрегали. Действительно, в Июне под Брестом были дни, когда приходилось решать дела поважнее… Далее — ведущий КТВ офицер явно не допускался ко всем делам штаба — особенно при развертывании по плану «Барбаросса». Наконец — какая-либо оценка событий с разных сторон, заблуждения и поражения — практически не фиксировались. Эткен лишь добросовестно заносил точку зрения командования дивизии, причем постфактум, выбирая наиболее верные варианты. Создается впечатление, что такого варианта событий, как многодневное сражение за Брестскую крепость, никто не ожидал — Эткен более-менее тщательно записывая события 22 июня и думая, что пишет «летопись победы», не скрывал трудностей, лишь подчеркивающихее значение. Однако при развитии событий «интерес» к Бресту был у командования дивизии утрачен, и тщательную запись всех этих многодневных боев, скорее всего, признали лишней — в итоге записи в КТВ свелись к нескольким строчкам, написанным, вероятно, уже спустя несколько дней после выработки «согласованной позиции» по происшедшему.

Все это сильно снижает ценность такого источника, как КТВ группы управления штаба. Что же касается КТВ отдела тыла — то он еще более лаконичен и, в общем-то, относится к рассматриваемой теме в меньшей степени — помимо преодоления дорожных пробок, служба тыла в описываемый период не решала каких-либо сверхсложных задач.

Источники, использованные в исследовании, имеют несколько уровней детализации и оценки

информации. К первому из них относятся донесения, поступавшие в штаб дивизии из ее частей. Второй — КТВ дивизии, донесения дивизии в вышестоящие штабы (как правило, корпуса), третий — КТВ корпуса или какие-либо его донесения о действиях дивизии (в A.O.K.4 или PzGr.2), четвертый — отчеты, созданные спустя неделю-две после событий. Помимо детализации, характера оценки событий, они зачастую имеют существенные отличия между собой. Возникает вопрос: на каком уровне создается наиболее достоверная информация?

В исследовании при описании каких-либо событий в качестве наиболее достоверного источника использовались донесения из частей, непосредственно ведущих бой. Конечно, в них могут быть неточности, вызванные неясным пониманием обстановки, затем уточняемой в телефонном разговоре[1378] — однако именно донесения из частей являются информацией, наиболее приближенной к реальным событиям, создаваемой сразу по горячим следам.

Именно на их основе вырабатывался план действий как самой части, так и всей дивизии. Эта группа источников — наиболее объективна. Командирам полков и батальонов незачем было скрывать трудности, скорее, пожалуй, немного их преувеличивать — для получения резервов. Ошибки командиров частей командование дивизии видело и без донесений. Главный недостаток источников этого уровня — их лаконичность: собственно говоря, они и нужны-то были лишь для перевода всего того, о чем велись нескончаемые обсуждения по телефону на «официальный уровень» — основываясь именно на донесениях из частей, командование дивизии составляло донесение в штаб корпуса и при каких-либо претензиях сверху вполне могло сослаться на соответствующее донесение снизу. Отсюда — некоторая небрежность в подаче в них информации. Наконец — понятно, что все извивы и перипетии боя эта группа источников отражала в большей степени, но (фиксируя их лишь трижды в день) далеко не полностью. Связной от командира роты, погибающей под огнем русских пулеметов, едва живой достигнет КП батальона, но в донесении, ушедшем на КП полка, драма роты займет лишь половину листка — остальное перечень необходимых боеприпасов, потери и т. п. А там уже сам господин полковник вовсе не упомянет роту — лишь хладнокровно отметив, что «бой достаточно напряженный», основное место на листке уделив обещанным дивизией орудиям ПТО, застрявшим где-то в грязи и так и не пришедшим к переправе, место на которой пытается занять другая часть. И будет по-своему прав, но на полноте картины, конечно, это отразится отрицательно.

Письменные донесения в штаб дивизии при наличии бесперебойно работающей связи можно как-то сравнить с росписью сотрудника той или иной организации о том, что он «ознакомился с правилами техники безопасности». Ясно, что никакого инструктажа никем не проводилось, да он и бессмыслен, и все это знают, но порядок есть порядок.

Второй уровень — дивизионный. Как уже говорилось, КТВ заполнялся позднее, информация, поступающая в него, проходила некий фильтр. Лишь записи за 22 июня передают все напряжение боя. Отчеты дивизии в корпус содержат, как правило, общую информацию, продублированную в донесениях и КТВ. Они интересны прежде всего как свидетельство оценки обстановки командованием дивизии. И надо сказать — этот уровень источников один из самых необъективных. Одна из причин — специфика ситуации в Бресте. Начиная с 24 июня 45-я дивизия пыталась уйти из города, и поэтому ее командование было заинтересовано в создании представления о том, что все уже решено, победа достигнута и необходимо как можно скорее вести дивизию вперед, на ее место введя какую-либо охранную часть.

Тем не менее этот уровень источников интересен тем, что именно здесь создается некая оценка ситуации.

Третий уровень — высшие командные инстанции (прежде всего корпус). Хотя КТВ XII А.К., как правило, дублирует информацию из дивизионных донесений, однако он ценен и тем, что дает и общее

представление о ситуации в полосе корпуса. К тому же в нем немало информации, поступившей в штаб корпуса в устной форме и не отраженной в документах или находившейся в документах, не найденных на сей день.

В фонде XII А.К. находятся и отчеты некоторых частей резерва ОКХ, придаваемых его соединениям и принявших участие в боях за Брест (Entg.Abt.105, 3/Flak Rgt.26).

Ситуацию в полосе дивизии корпус оценивает достаточно объективно. Хотя ее положение описывается настолько кратко, что не дает почвы для каких-либо искажений.

Несколько документов, привлекаемых к исследованию, взято из фонда А.О.К.4 (штаба 4-й армии). Однако бои у Бреста, разумеется, описываются в них не столь подробно, как в нижестоящих инстанциях. В этом фонде интересны скорее отдельные находки — например, текст радиообращения к защитникам Брестской крепости и т. п. Надо отметить огромный объем документов фонда — вполне возможно, что там сокрыто еще немало интересного[1379].

Документы PzGr.2 не просматривались.

Четвертый уровень — документы, созданные спустя некоторое время после описываемых событий. Среди них особое место занимает «Отчет[1380] о взятии Брест-Литовска» от 8 июля 1941 г.

Созданный командованием дивизии для объяснения причин больших потерь и затянувшегося штурма, именно он послужил основой для большинства исследовательских работ. Документ интересен прежде всего тем, что приводит «версию Шлипера» — оценку самого командования дивизии. Есть в нем и немало фактов, не встречающихся в других документах. Однако этот источник, во-первых, достаточно субъективен, ибо его задача доказать безошибочность действий дивизии. Нет в нем и конкретного указания на каких-либо виновников неудавшегося штурма с немецкой стороны (на высшем или нижнем уровнях). Главное объяснение случившемуся — это героизм красноармейцев, толщина стен укреплений и нехватка тяжелой артиллерии. При всей очевидности вышеуказанного — это не полный список причин, заставивших дивизию целую неделю сражаться с двумя-тремятысячами защитников.

Отдельная группа источников с немецкой стороны — воспоминания самих участников боев как взятые из вспомогательного фонда Федерального военного архива, так и опубликованные либо в периодической печати тех лет («Die Wehrmacht»), или после войны (книга Рудольфа Гшопфа «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division»), Среди их авторов — почти все группы военнослужащих: от фельдфебеля, командира пулеметного отделения (Лозерт) до полковника, командира полка (Йон).

Дивизионный священник Рудольф Гшопф, на чьих записках практически полностью основано начало книги, — реваншист. Хотя это широко использовавшееся в 60-х гг. определение вряд ли точно. Он не призывает к реваншу, а лишь не скрывает того, что не смирился с поражением. Многие моменты книги Гшопфа интересны с позиций не военной, а скорее с политической истории. Гшопф, говоря о своей книге, подчеркивает, что перед нами еще одни «записки солдата». Нет, его книга — записки именно офицера. Наслаждающегося вином Франции, фиксирующего, в подтверждение германской пропаганды, польский и советский террор, помощь вермахта французским крестьянам и советским раненым. Гшопф осматривает памятники культуры, море, могилы Первой мировой. Говоря о целях войны, он не испытывает сомнения — скорее страх перед будущим, сожаление о том, что все-таки она началась. Его точка зрения тем и интересна, и цитируется Гшопф столь полно потому, что его (исподволь подаваемые, впрочем) взгляды — это взгляды офицеров 45-й дивизии. Книга писалась, чувствуется, в тесном содружестве со многими, кто был в Июне в Бресте — генерал-лейтенантом (в 1941-м — полковником, командиром I.R.133) Кюлвайном, майорами Квизда, Лерцером, Орбесом и т. д. С ними, вероятно, согласовывалась и тональность книги, и приводимые в ней факты. И прочтя ее ясно — они знали, куда и зачем шли и не испытывали сомнений.

Книга Гшопфа — как коллективное заявление 45-й дивизии.

Напротив, против кого он воюет и зачем, практически не занимает Лео Лозерта. Лозерт — настоящий немецкий пулеметчик, чуть сощурясь, он нажимает на гашетку, и его лицо при этом не меняется. Он аккуратно носит каску и чистит сапоги.

Лозерт — прежде всего фельдфебель. Образец для солдат. Убивают его, убивает ли он — M.G.34 фельдфебеля Лозерта ведет огонь одинаково ровно, кажется, не замечая ничего вокруг. С тем же выражением он тщательно смывает копоть и берет котелок с картошкой, чуть оживляясь, лишь найдя сапоги или лошадь. Ему не до красот природы и огневой бури — чуть иронично называемой им фейерверком. Долбит из пулемета, принимает от подносчиков боеприпасы и еду. Добровольно вызывается в опасные предприятия, при этом не испытывая какого-то страстного желания победы над врагом — скорее отличиться самому. Однако гораздо тщательнее, чем получение Железного креста II ст., он отмечает количество часов, что удалось поспать. Ему не до политики, рассуждать некогда — над Цитаделью дым, в воздухе трупный смрад, где-то на Западном скрываются пограничники… А пулеметчики купаются в одних плавках, обслуживая пулеметы после тяжелой работы.

Лозерт пишет только о том, чему сам был свидетелем. В его заметках нет скромности, но нет и хвастовства. Да, он стал аккуратным пулеметчиком, но был бы и столь же аккуратным каменщиком или учителем, с острозаточенным карандашом. Конечно, при прочтении его воспоминаний может сложиться впечатление, что Лозерт в одиночку захватил Брестскую крепость, но это оттого, что, опять же, пытаясь писать максимальнообъективно, Лозерт писал только о том, что хорошо знал, т. е. — о себе.

«Военный дневник» Лозерта — к сожалению, также отнюдь не одновременно с событиями ведущиеся записи. Судя по всему, к моменту создания документа у фельдфебеля имелась некая сохранившаяся с 1941 г. записная книжка, в которую действительно вносились записи либо одновременно с событиями, либо вскоре после них. Но записи, как это и обычно бывает в записных книжках, даже самых пунктуальных людей, вносились впопыхах, без датировки, в нескольких коротких фразах пытаясь объять какое-либо грандиозное событие. После войны Лозерт развил наброски, датировав те или иные случаи, полагаясь на свою память, сделал ряд ретроспективных вставок. В итоге действительно в дневнике Лозерта, содержащем практически только достоверные детали, страдает как датировка, так и показ нам Лозерта образца 1941 г., а не послевоенного, готовящего воспоминания для Федерального военного архива.

Да, хвастовства незаметно в записках Лозерта — однако непонятно, как (если он и дальше был столь лихим парнем) фельдфебель Лозерт остался без Рыцарского креста.

…Рыцарский крест получил Вальтер Лоос[1381] — в 1941-м офицер I.R.130. Помимо Рыцарского, Лоос получил и могильный — хотя насчет последнего можно усомниться, в Венгрии декабря 1944 г. все чаще было не до крестов. Зачем, если наступающие русские вряд ли оставят их? А в том, что русские придут, в 1944 г. не сомневался уже никто. Может быть, и поэтому записки Лооса (хотя точная их дата неизвестна — вероятно, лето 1943 г., впрочем, и тогда уже многое стало несомненным) проникнуты какой-то грустью и безнадежностью. Кавалер Рыцарского креста не проявляет должного оптимизма даже в рассказе о штурме Бреста — напротив, сквозит острое сожаление о том, что восточный поход все-таки начался.

Вымученный рассказ Лооса пропитан апатией, усталостью и разочарованием. Упоминаемые в нем офицеры — погибли, Лоос, вероятно, и сам предчувствует свою судьбу.

Ефрейтору 10-й роты I.R.135 Хансу Тойчлеру повезло — он выжил в самом пекле сражения за Цитадель. Послевоенный школьный учитель, Тойчлер рассказывает о событиях с некоторой иронией — все позади. Бои у церкви Центрального острова, ужас артналета 22 июня — уже не более чем красочные

воспоминания за доброй порцией пива: «А помните, как тогда, на цитадели, мы более двух дней были без воды?» — «Но главное — без пива!» — хохочут сорокалетние ветераны за столиком… И за стенами полуподвального, со сводчатыми потолками кабачка — клаксоны и топот каблучков Австрии 50 гг….

…Военный корреспондент «Die Wehrmacht» Герд Хабеданк — отличный фронтовой журналист. Его репортажи написаны хорошим слогом, полностью создающим эффект присутствия. Показ подвигов германских солдат, основная задача Хабеданка — налицо. Однако материалы Герда — это прежде всего пропаганда. Что там было в действительности? Исчезал ли Герд в самый опасный момент, прогоняли ли его — неизвестно. Опасные моменты в его творчестве не отражены. Возможно, постаралась редактура. Судя по тексту, Герд, идущий с передовыми группами батальона Праксы, мог быть в Цитадели в момент, когда русские нанесли ответный удар, сорвавший ее штурм. Но — увы! Этих драматических подробностей в тексте Хабеданка нет.

Рассказы остальных ветеранов дивизии — полковника Йона, рядовых солдат и унтер-офицеров, приводятся в переводе с английского, вероятно отразившего не все оттенки их переживаний. Заметно, что их объединяет сожаление о событиях 1941 г., уважение к защитникам Бреста, надежда на долгий мир между нашими народами. Или, по крайней мере, в этом духе они давали интервью телевидению или исследователям.

Нетрудно отметить, что записи в дневниках противоречат документам, документы дивизии — документам корпуса. Это обычная ситуация — те, кто следил за войной США в Ираке, наверняка обратили внимание, сколько раз «брали» тот или иной населенный пункт[1382]. Это происходит не только оттого, что часть спешит о взятии как о собственном успехе сообщить несколько преждевременно, но и потому что взятие часто оказывается не таким безусловным понятием — например, «взявшее пункт» подразделение обнаруживает, что в самом пункте все еще немало войск противника, вовсе не собирающихся его покидать. Или потому, что на уже взятый пункт начинается атака противника, его приходится оставить, через 10 минут — удается взять вновь и т. д. Часто об оставлении сообщают по телефону напрямую командиру соединения, а о взятии — письменно. Если КТВ ведется не минута в минуту, то все эти перипетии лишь частично найдут отражение на его страницах, создав некую путаницу.

Все это четко проявилось и при боях в Бресте — нетрудно заметить, что некоторые пункты захватывались дважды-трижды, причем об их оставлении не сообщалось. А может, и не оставляли — ведь что считать захватом? Одно дело — пара солдат, пробегая мимо, кинет в каземат пару гранат, ворвавшись, постреляет в пару темных углов и, посчитав дело сделанным, побежит дальше. А внизу, в подвале под казематом — сотни две русских…

Другое дело — если в тот же каземат ворвется уже взвод, опытный и озлобленный потерями — и не только выжжет все, что можно, последним огнеметом, закидает М-24 даже в самые невероятные места, но и займет оборону до утра. Именно поэтому источники, тем более не в самом полном составе, вряд ли помогут установить некую конечную истину. Скорее — подняться на следующую ступеньку в ее достижении.

Один из принципов исследования — максимально полное ознакомление с источниками. В связи с этим записи приводятся подробно, их противоречия часто не комментируются, в том случае, если причина противоречия налицо (как правило, это быстрое изменение обстановки или долгое отсутствие связи — в результате чего события отражаются с запозданием).

Обильное цитирование источников вызвано не только стремлением ввести в оборот как можно больше данных, пусть и утяжеляя текст. Еще в 1993 г., впервые работая в архиве, я обратил внимание на то, как отличается восприятие события при знакомстве с ним по архивным данным от впечатления, полученного при прочтении исследования, пусть и достаточно квалифицированного. И дело не в «суровой

правде». Конечно, ее многие факты способны изменить представление о событиях, но сейчас речь о другом — большинство исследований производят сильный и достаточно субъективный отсев второстепенных фактов, как не относящихся к теме или (по их мнению) не имеющих значения. К чему это приводит? Вот условный пример — январь 1942 г. Полк Красной Армии ведет бой за Химино. Тяжелый, кровавый и долгий. Взята деревня — и факт освобождения села заносится в спонсируемую администрацией района книгу. Но, взяв архивное дело, можно выяснить детали — за Химино билась рота полка, все остальные — делали дорогу где-то километрах в десяти, там же и командование дивизии… И вообще — о Химино — пара листков, о дороге, решавшей судьбу наступления в полосе армии, — почти вся папка, и видно было, что и в штабе фронта за дорогой следили, а о Химино справлялся лишь комполка в перерыве от строительства. Но в книгу «Освобождение …щины» войдет именно Химино, а о дороге — ни слова. Таким образом, пренебрежение второстепенными деталями, стремление промчаться галопом по долгому подготовительному периоду какой-либо операции, приводит к тому, что картина события, атмосфера тех дней, цели и представления людей о ситуации существенно искажаются. Именно поэтому, наряду с боями в данном исследовании — и бесконечное улучшение дорог саперами (попытки победить песок и болота), и забитые шоссе, ставшие кошмаром для служб подвоза, и постоянное мелькание туда-сюда их машин, под аккомпанементотдаленныхвыстрелов.

Полевые колодцы, титаны-кипятильники,медоборудованиеи рационы, химзащита — все это детали, без которых не представить Июнь у Буга.

Конечно, многое пришлось опустить — например, командование и дивизии и корпуса, а особенно танковой группы, беспокоил вопрос, как ввести войска в прорыв, избегая дорожных пробок, учитывая и неразвитую дорожную сеть Белоруссии, и возможные бомбежки и проблемы с переправами и т. п. В какой-то момент это стало опасностью посерьезнее, чем приграничные советские части, явно не собирающиеся готовиться к войне.

Но поскольку это все-таки больше проблема танковой группы, чем пехотной дивизии, о разработке плана дорожного движения в полосе дивизии упомянуто вскользь. Но конечно, влияние на событие это оказало — например, 45-я дивизия из-за «междоусобицы на переправах» не смогла своевременно перевести через Буг противотанковуюартиллерию.

Вторая проблема, судя по объему документации занимавшая дивизию не меньше, — выделение личного состава и автотранспорта в передовой отряд как корпуса, так и дивизии. Ясно, что это ослабляло ударные части дивизии, но об этом событии, не оказавшем практически никакого влияния на штурм Бреста, упоминается лишь косвенно, в той степени, в какой эта проблема затрагивалась уже после начала боя.

Опущены и некоторые не в столь обширном объеме, но встречающиеся факты — например надзорные акты всевозможных санитарных ровиков (попросту говоря — отхожих мест) в расположении частей и т. п. Несмотря на то что тема химической войны, готовности к ней, достаточно часто упоминается, в исследование вошли далеко не все касающиеся этой «фобии» документы. Да, Германия предполагала, что война будет и химической — и готовилась, в надежде, что все-таки обойдется.

…Историография о *действиях 45-й дивизии* **в Бресте достаточно скудная. Самое известное произведение — «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division», учитывая участие в них его автора, Гшопфа, относится скорее к источникам. Рассказывая о событиях, Гшопф не выходит за рамки выводов, сделанных в «Отчете о взятии Брест-Литовска» — основном документе, отражающем позицию командования 45-й дивизии. Некритичность Гшопфа связана, как уже упоминалось, с тем, что книга — некий коллективный взгляд, и заниматься самобичеванием (помимо традиционного «обличения милитаризма») никто не стал бы — это обычная черта всех мемуаров.**

Гшопф не привлекал к своей работе никаких советских источников — к тому времени о подвиге Бреста знали больше в Австрии или Германии, чем в СССР.

Единственная из найденных мною работа, достаточно полно отразившая действия 45-й дивизии «War without Garlands. Operation „Barbarossa“ 1941/42» (Shepperton 2000) Роберта Кершоу (Kershaw). Автор не только ввел в оборот достаточно много новой информации, но и подошел к подбору источников со свойственной ему тщательностью. Помимо материалов NARA (использованы КТВ XII А.К., А.О.К.4, приложения к КТВ группы управления штаба 45-й дивизии) он привлек и малоизвестные материалы (например, из периодического издания ветеранов 45-й дивизии) и лично проинтервьюировал одного из участников событий — бывшего командира 5-й роты I.R.133 Михаэля Вехтлера.

В то же время работа Кершоу имеет ряд недочетов, обусловленных прежде всего тем, что главной задачей автора был рассказ о событиях всей операции «Барбаросса», а не только штурма Брест-Литовска. Поэтому события в Бресте он описывает несколькими яркими эпизодами, не давая целостной картины событий[1383]. Второе — автор не сопоставлял немецкие источники с советскими. В итоге, например, говоря, что немцы так и не нашли командира или комиссара Восточного форта, считая, что они застрелились, он не упоминает о том, что командир Восточного форта (майор Гаврилов) выжил и после войны получил заслуженное признание. Или же, полагаясь на немецкие источники, утверждает, что «сорок пятая» разгромила в цитадели Бреста две советских дивизии — хотя в действительности основные силы и 6 сд и 42 сд размещались вне ее полосы наступления, а главное достижение «сорок пятой» — это скорее захват складов в Брестской крепости и мостов на Мухавце (препятствуя выводу техники 22 тд (из Южного городка).

В принципе для рассказа о Бресте 1941 г., как одного из сражений «Барбароссы», и сделанного Кершоу, более чем достаточно.

Выводы Кершоу о действиях дивизии повторяют содержащиеся в «Отчете о взятии Брест-Литовска». В то же время, отмечая и большое количество захваченных в Бресте трофеев, он называет немецкую победу после столь продолжительных боев «психологически опустошительной». Есть в выводах Кершоу и неточности — он связывает начало движения автоколонн вермахта по танковой магистрали № 1 с окончанием сопротивления в крепости, тем самым преувеличивая значение событий[1384]. На самом деле движение по ней началось уже через несколько часов после вторжения в СССР. Кершоу, отмечая большие потери дивизии в Бресте и сравнивая их с кампанией на Западе, называет их «отрезвляющими».

Помимо Кершоу, в исследовании использован и ряд других работ, пусть и косвенно затрагивающих бои в Бресте, но приводящих о них немало интересных фактов (прежде всего следует отметить Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». (MD 2001).

Нетрудно заметить, что, рассказывая о действиях 45-й дивизии, и авторы мемуаров, и Кершоу практически не используют советские источники, что делает их работы несколько однобокими. Хотя, конечно, иного нельзя ожидать и от ветеранов дивизии, писавших свои заметки либо в военные, либо в первые послевоенные годы, или тогда, когда о брестских событиях еще знал мало кто в СССР. Что же касается Кершоу, то, посвятив свою работу, во-первых, «Барбароссе», во-вторых — «взгляду с западного берега Буга», он использовал советские источники пропорционально их значению — лишь для иллюстрации текста.

В исследовании, учитывая его задачу, советские источники приводятся достаточно широко. Однако при этом нужно сделать существенное уточнение — «единой правды» о тех событиях не будет. Она может быть польская, советская, немецкая — но не универсальная. Поскольку здесь немецкий взгляд, то соответственно советские источники играют роль некоего вспомогательного материала, с одной стороны, помогая воссоздавать саму атмосферу событий (например, действия как небольших групп, так и отдельных

людей, что оживляет повествование), с другой — позволяя незначительно корректировать выводы, содержащиеся в немецких источниках.

Говоря об источниках с советской стороны, нужно отметить две существенные особенности — во-первых, их несоизмеримо больше, что позволяет рассмотреть многие аспекты сражения достаточно подробно. Во-вторых — практически все они представляют, в противоположность немецкой стороне, не документы, а воспоминания, самые ранние из которых относятся к 1951 г[1385]. Существенным помимо достаточно долгого времени, прошедшего с момента событий, является то обстоятельство, что большинство воспоминаний созданы рядовыми участниками. Они не могут претендовать на объективное изложение событий в силу неосведомленности их авторов как о реальных причинах каких-либо событий, так и о происходившем вне их поля зрения.

Это могли бы сделать документы — но их практически нет.

Говоря об используемых в работе над исследованием документах советской стороны, их можно разделить на две группы — созданные до и после начала войны. Кроме того, ряд документов приводится для показа общей ситуации — скорее в т. н. «фоновом режиме».

Цель привлечения документов довоенной группы — показать причины, приведшие к ожесточенному сражению за Брест (численность и размещение частей в городе и крепости, предполагаемые действия по боевой тревоге). К ним относятся находящиеся в ЦАМО и РГВА документы из фондов соединений, размещавшихся в Бресте, — 42 сд и 6 сд. Фонды их частей документов за интересующий период не содержат.

22 июня 1941 г. при авианалете на штаб 4-й армии (куда входили 6 и 42 сд) сгорели и довоенные документы армейского управления.

В итоге, как и следовало ожидать, довоенных документов (мая-июня 1941 г.) сохранилось крайне мало. Помимо бомбежек и обстрелов они были сожжены либо при отступлении, либо — уже захваченные противником, как ненужные, или, наоборот, тщательно хранимые, сгорели в Потсдаме вместе с немецкими. Многие из тех, что сохранились, побывали в немецких руках. Содержащие в основном второстепенную информацию (заседания парткомиссий, соревнования снайперов, учеба командиров…), они тем не менее служат исследованию ценным подспорьем.

Вторая группа (документы военного времени) еще более скудна и немногочисленна. Известные документы штабов 6 и 42 сд, 28 ск содержат лишь предположительную информацию о событиях в Бресте. Приводимый в исследовании журнал боевых действий (ЖБД) 4-й армии написан гораздо позднее, постфактум. Судя по всему, в распоряжении его составителей имелись буквально единицы документов. Впрочем, документы штабов частей и соединений военного времени к теме практически не имеют отношения — уже через несколько часов Брест был захвачен и происходящее в нем советской стороной никак документально не фиксировалось. Цель ее привлечения — скорее показ обстановки у Бреста в первые дни войны.

Среди документов военного времени главную ценность имеют те, что были найдены уже после войны (в 1951 г.) в развалинах крепости в полевой сумке неизвестного командира Красной Армии. Среди них — приказ № 1 (об объединении нескольких боевых групп защитников), списки раненых и бойцов одного из подразделений, заметки, сделанные, очевидно, на одном из совещаний командиров обороны этого участка[1386].

При всей их краткости они позволяют безупречно определить руководителей обороны, планируемые действия защитников, стать основой для многих важных выводов.

Интересную информацию о событиях в Бресте содержат документы (записки работников аппарата

Брестского обкома ВКП(б), содержащиеся в недавно изданном Национальным архивом Республики Беларусь сборнике «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны 22 июня — август 1941 года»[1387].

Большую помощь исследованию оказали документы, собранные в совместном капитальном труде Института военной истории МО РФ и Военно-научного управления ВС РБ «На земле Беларуси: канун и начало войны»[1388].

Как уже сказано, основным источником для изучения истории брестских событий с советской стороны являются воспоминания — прежде всего защитников крепости. Их большое количество объясняется в первую очередь работой Музея героической обороны Брестской крепости, открытого 8 ноября 1956 г. при гарнизонном доме офицеров. Созданному на базе Комнаты Славы размещавшегося в крепости саперного батальона музею уже к концу пятидесятых годов удалось собрать внушительную коллекцию воспоминаний защитников Бреста и крепости. Этому способствовала начавшаяся в то время кампания по возвеличиванию подвига Брестской крепости, приуроченная и к 15-летию с начала войны, и к пропагандистскому обеспечению принятого 29 июня постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий и грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

Защитники крепости, прошедшие плен, стали присылать в музей свои материалы (воспоминания, предвоенные письма и фотографии). В итоге в 1961 г. вышло уникальное издание — сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости «Героическая оборона».

Его уникальность — в предоставляемой возможности для исследователя вести самостоятельную работу. Благодаря тому, что в сборнике собраны свидетельства десятков защитников крепости, практически всех наиболее активных участков обороны, можно составить представление об обороне в целом. Воспоминания (по крайней мере, в первом издании сборника) в минимальной степени подверглись редакторской правке, что позволяет как-то анализировать сам текст. В-третьих — благодаря тому, что о том или ином событии рассказывает сразу несколько человек, можно получить наиболее полное о нем представление. Издание сборника — случай во многом небывалый в советской историографии истории Великой Отечественной войны, учитывая ее стремление к унификации всех свидетельств. Из «Героической обороны» же любой может создать свое представление о событиях.

Сборник выдержал четыре издания. Несмотря на то что к его авторам добавлялись все новые, каждое последующее («исправленное и дополненное») становилось все более худым — если первое (1961 г.) — 603 страницы, то последнее (1971 г.) — 414 страниц. С тех пор он стал библиографической редкостью. Например, все мои попытки найти сборник в Москве (где можно найти все) окончились безуспешно, несмотря на объявления в газеты, Интернет, базы данных букинистических магазинов. Используемый мной при работе, выданный на время товарищем, экземпляр «Героической обороны» настолько зачитан, что, кажется, вот-вот рассыплется в руках.

Почему худела и как изменялась «Героическая оборона»? Помимо исправлений, которые можно как-то объяснить («русский солдат» заменялось на «советский солдат»), из сборника удалялись и наиболее неправдоподобные эпизоды (например, о закапывании немцами советских пленных по шею в землю, с последующим расстрелом). По неясной причине из состава авторов исключались и некоторые защитники — без каких-либо комментариев. Наконец — ряд воспоминаний (например, А. А. Виноградова) подверглись необъяснимой правке[1389]. О чем на самом деле вспоминал ветеран — можно только предполагать. Впрочем, судя по имеющимся у автора копиям неправленых воспоминаний, хранящихся в ОФ МК БКГ, уже на этапе подготовки воспоминаний к печати из них удалялась и вся «суровая правда войны» (перебежчики[1390], расстрел немецких пленных и нестойких защитников и проч.)

К сожалению, отсутствие достаточно подробных комментариев составителей к тексту — главный

недостаток сборника. Ветераны, многие из которых жили далеко от Бреста, за 10–15 лет, вполне могли что-то подзабыть — как даты, так и размещение тех или иных зданий, название воинских должностей, звания и т. п. Комментарий мог бы многое дополнить. Но его нет — и в итоге в тексте очень много неясностей, ошибок, противоречий и проч. Читателю, ни разу не побывавшему в крепости, разобраться в течение событий практически невозможно. Единственная трудно различимая карта не дает никакого представления, например, о том, где находилась 2-я батарея 98 ОПАД (где шел ожесточенный бой) или 37 обс. Особо следует отметить, что сборник использовали авторы книг, статей — в итоге совершали вполне понятные ошибки. Если отсутствие комментария в первом издании еще можно объяснить сжатостью сроков, то в четвертом, спустя 10 лет, о причинах можно лишь гадать.

Каждое издание сборника сопровождалось предисловием директора МГОБК А. А. Крупенникова. В нем приводится немало интересных данных (например, выдержки из допросов захваченных в плен солдат 45-й дивизии или трофейных документов, а также документов советских частей из фондов ЦАМО СССР), произведен обзор историографии, в том числе и книги Гшопфа.

Крупенников упоминает о том, что помимо Брестской крепости вокруг города было немало и других очагов сопротивления. Сроки их обороны были сравнимы с крепостью, однако среди них именно она являлась наиболее крупным.

Автор предисловия достаточно критично относится к «Отчету о взятии Брест-Литовска», подвергая сомнению взятые немцами в крепости объемы трофеев и количество пленных (по его мнению, их большая часть взята за пределами крепости), а также приведенные в нем потери 45-й дивизии (1121 убитыми и ранеными). Он отмечает, что Гшопф, несомненно, имевший у себя экземпляр донесения, почему-то указал другую цифру потерь 45-й дивизии (около 1500 человек). С вышеприведеннымидоводами автора можно согласиться. Например, что касается трофеев — то количество захваченных 45 I.D. автомобилей почти вдвое превышает весь автопарк 6 и 42 сд![1391] Это говорит о том, что 45-й дивизией учитывался, похоже, и автотранспорт гражданских предприятий. Насчет пленных — действительно, сложив все указанные в донесениях частей, сражавшихся в крепости, количества пленных — никак не набирается указанного в «Отчете…» (101 командир, 7122 младших командира и рядовых). Конечно, в их число вошли и взятые за пределами крепости[1392].

Однако необходимо отметить, что в «Отчете…» и не утверждается, что все вышеприведенное захвачено в крепости. Более того — и сам документ называется «Отчет о взятии *Брест-Литовска*», а не только крепости. Таким образом, и трофеи, и пленные — это все, что было взято 45-й дивизией *во всей* ее полосе за эти дни (с 22 по 30.6.41).

Это же относится и к потерям дивизии — скорее всего, в их число вошли и погибшие за пределами не только крепости, но и Бреста (у мостов на Мухавце).

Нельзя согласиться с автором в том, что после сражения в Бресте 45-я дивизия утратила боеспособность. Никаких подтверждений этому обнаружить не удалось. Приводимые Крупенниковым выдержки из телефонного разговора командования группы армий «Центр» с командованием сухопутных войск от 3 июля 1941 г.[1393] требуют более обширного цитирования, чтобы понять, о чем речь.

Говоря о сроках обороны, Крупенников справедливо отмечает, что она продолжалась и после ухода 45-й дивизии из Бреста. Хотя с самими приводимымиавтором доводами согласиться нельзя. Например, он связывает оставление в Бресте тяжелой артиллерии с боями в крепости, хотя уже с 24 июня тяжелая артиллерия была выведена из боя.

Выводы, сделанные автором о действиях 45-й дивизии, обусловливала во многом скудость имеющихся в его распоряжении источников. Анализируя их, он добавляет, что «дальнейшее изучение

документов противника, без сомнения, даст еще более полные и ценные сведения о боях в крепости»[1394].

Крупенников отмечает, что оборона крепости не могла оказать заметного влияния на ход войны. Ее значение — прежде всего в демонстрации героизма советских людей.

Сборник «Героическая оборона» — настоящий прорыв в советской библиографии.

Следующей вехой исследования обороны стало вышедшее в 1965 г. первое (а в 1977 г. второе) издание сборника «Буг в огне». Впрочем, оно не внесло серьезных изменений в картину событий[1395]. Хотя в нем и появляются новые воспоминания и защитников крепости, но в основном речь идет о событиях вокруг Бреста.

К достоинствам сборника можно отнести прежде всего детализацию отдельных аспектов боев за Брест, ранее описывавшихся лишь в «полулегендарном» ключе. Неким недостатком (пусть и весьма субъективным) является сильная литературная обработка большинства воспоминаний. Уверен, что помимо живого авторского языка, при правке утеряно или опущено и много «лишних» подробностей.

Начиная характеризовать сами воспоминания, нужно отметить, что под ними подразумеваются как опубликованные (в сборниках «Героическая оборона», «Буг в огне», книге «Герои Бреста», периодической печати и т. п.), так и неопубликованные (хранящиеся в фондах ЦМВС и МК БКГ), написанные собственноручно (или под диктовку авторов) свидетельства ветеранов как присланные ими в музей Бреста, так и отданные работникам ЦМВС или переданные в музей из других организаций (редакций газет и т. п.). Иногда имеются и опубликованные и неопубликованные варианты воспоминаний, существенно отличающиеся друг от друга. В исследовании за основу взяты их ранние варианты — они лучше отражают то представление о бое, которое имелось у защитников в 1941 г... При работе с воспоминаниями применяется обильное цитирование с сохранением авторского стиля, орфографии и пунктуации (в некоторых случаях). Иногда в эпизоды включены и отрывки из более поздних вариантов, но лишь как дополнение к раннему тексту, не меняющему его сути[1396].

К воспоминаниям можно отнести и книги, написанные непосредственными участниками событий[1397], и рассказы об их действиях (как правило — от первого лица) в книгах о Брестской крепости (включая подвергнутые литературной обработке)[1398], и созданные ими различные документы, упоминающие об этих событиях[1399].

Достоинства воспоминаний — это возможность воссоздания картины событий при отсутствии других источников, сделать ее более живой — за счет отображения как человеческих переживаний, так и каких-либо аспектов, как правило, не отражаемых в документах. Учитывая, что не сохранилось документов небольших подразделений (взвод-батальон), непосредственно ведущих бой как с советской, так и с немецкой стороны, воспоминания участников обороны — бесценный источник.

Однако при их использовании необходимо применять критический подход. Во-первых, воспоминания в лучшем случае — это несколько достоверно изложенных автором эпизодов, произошедших на небольшом, как правило, участке. Один из авторов воспоминаний, А. П. Каландадзе, говоря о своей книге, отметил, что она «представляет собою скорее описание отдельных эпизодов, нежели последовательное изложение событий, и нисколько не претендует на исчерпывающую полноту».

Во-вторых, нужно уяснить — автор воспоминаний участвовал в событии непосредственно, видел его или слышал о нем?

Особенности воспоминаний участников обороны — это, во-первых, то, что многим из них события, непосредственными свидетелями или участниками которых они являлись, казались недостаточно героическими (на фоне иной литературы о войне, что выходила в те годы). Тогда, желая заинтересовать

слушателей или читателей, они начинали рассказывать о том, свидетелями чего они не были — либо, основываясь на рассказах товарищей, либо вспоминая слухи, распространявшиеся в то время среди обороняющихся. Это подтверждают, например, мемуары Каландадзе: «Гарнизон нашей подземной крепости питался слухами. Правда и вымысел переплетались друг с другом, и порой их невозможно было различить»[1400].

За истечением времени слухи и факты окончательно слились — человек уже не мог отличить увиденное от услышанного. К тому же, пытаясь осмысливать события для связного рассказа, он начинал выстраивать их в своем сознании, пытаясь объяснить происходящее, что еще более запутывало картину. «Человеку, пишущему мемуары, приходится из частей восстанавливать целое. А когда чего-нибудь недостает, прибегать к догадке, к домыслу»[1401].

Вторая причина — зачастую ветеран начинал рассказывать о том, что помнил и знал лишь смутно, считая, что помимо его никто из его подразделения не уцелел и поведать правду больше некому. Именно поэтому многие из участников обороны считались погибшими — те, кто *слышал* об их смерти, спешили рассказать о ней, думая, что те, кто *видел*, — уже мертвы сами.

Третье обстоятельство — после того как история Брестской крепости была отлита в бетоне и металле, ветераны были вынуждены корректировать то, что они помнили, с тем, что писали в газетах и книгах. По разным причинам — кто-то засомневался в своей памяти, кто-то — решил не противоречить «генеральной линии». Именно это обстоятельство и порождает сильнейшую путаницу — вплоть до того, что перед тем как объявить о своем участии в обороне, один из ветеранов выспрашивал у другого — что именно надо вспоминать? Участие этого человека в обороне сомнений не вызывает — но он опасался, что после его *несогласованного* рассказа, вероятно отличающегося от «общей канвы», таковые появятся. Именно поэтому многие воспоминания — это конспект (иногда не меняя даже фраз) книги С. С. Смирнова «Брестская крепость», но чаще — автор и Смирнова конспектирует, и свои личные переживания вносит. В итоге разобраться действительно невозможно. Именно поэтому наиболее верные — это наиболее ранние воспоминания ветеранов. Конечно, не всегда — например, на раннем этапе изучения истории обороны, о том, что именно их рука писала «Приказ № 1» заявили сразу три человека (это только те, что мне известны, не удивлюсь если больше). «Отливание в металле» каких-то моментов Обороны, отсекшее многих и претендентов, и их факты, таким образом, сыграло и положительную роль.

Несмотря на то что почти все события, приводимые в воспоминаниях, действительно происходили, содержащаяся в свидетельствах их датировка — достаточно условная. «Мы потеряли счет дням», «мы не отличали день от ночи», «день казался годом» и т. п., — такие фразы постоянно встречаются в воспоминаниях. Ориентироваться на приводимую в них датировку можно, полагаться полностью — нет. Хотя заметно, что очень многое подтверждается и немецкими документами — и можно только позавидовать столь крепкой памяти, фактически через 15 лет сумевшей восстановить не только дату, но подчас и время события.

Тем не менее при датировке события упор делался прежде всего на немецкие источники, как правило, на донесения частей дивизии.

При отборе воспоминаний, включенных в текст, предпочтение, наряду с кажущимися наиболее достоверными или — способными наилучшим образом проиллюстрировать какой-либо эпизод — отдавалось неопубликованным.

Наибольшее место из цитируемых и используемых в тексте воспоминаний ветеранов обороны заняли записки А. Махнача и И. Долотова (привлечены их ранние варианты, с включением эпизодов из поздних, не меняющих существенно картины). Оба автора интересны прежде всего вниманием к мелким деталям, отсутствием стремления как-либо приукрасить события[1402]. Особо интересны записки Долотова —

человек с высшим образованием, командир взвода приписного состава, он, единственный, сумел создать четкое и правдивое описание боя — между приводимыми им событиями есть взаимосвязь, они прослежены от начала и до конца, логично объяснены. Можно составить целостное представление о ситуации на участке 33-го инженерного полка[1403] («Доме офицеров», как назвали его немцы).

Заметно, что кое о чем Долотов решил умолчать — впрочем, тем, кто умел читать между строк, все было понятно и так.

Датировка событий Иваном Долотовым почти полностью подтверждается и немецкими свидетельствами. Главное, в чем я позволил себе его откорректировать — Долотов описывает лишь одну, первую, попытку прорыва бойцов, сражавшихся на участке 33-го инженерного[1404]. Хотя их было, по моему мнению, как минимум три.

Лейтенант Александр Махнач — командир стрелкового взвода в 455 сп. Его воспоминания, одни из наиболее ранних (среди найденных мною), написаны им собственноручно 20 июля 1952 г.

Именно из воспоминаний Махнача известно расположение подразделений 455 сп. Заслуживает внимания и описание им первых часов боя 22 июня. Однако, судя по всему, уже 23 июня Махнач был тяжело ранен и 24 июня захвачен в плен.

В его записках отражены все события на участке 455 сп за этот период (помимо прорыва Виноградова — к этому моменту раненый Махнач уже был в «подвале помещения связи»). Несмотря на реальные факты, упомянутые им, их приводимая Махначом датировка кажется достаточно спорной. Например, он датирует «танковую атаку» (атаку батальона Парака при поддержке штурмовых орудий 201 StgAbt (примерно 14.00 22 июня) 23 июня.

Заканчивая обзор источников, нужно упомянуть и ставшие уже классическими работы Л. М. Сандалова — «На московском направлении» и «Боевые действия 4 армии 22 июня — 10 июля 1941 года», изданные в 2006 г. под одной обложкой издательством «Вече»[1405]. Их вряд ли сможет обойти кто-либо пишущий о Бресте 1941 г. Особую ценность им придает то, что их автор — бывший начальник штаба прикрывающего брестское направление 4-й армии, привлек данные не только из архивных документов, но и свои личные воспоминания и свидетельства знакомых ему командиров. Последней возможности, по понятным причинам, нынешние исследователи лишены.

В то же время необходимо отметить, что, учитывая положение автора в 1941 г., его позиция не может не быть субъективной. Именно этим объясняются многие противоречия в написанных им работах.

Многие факты, используемые в современной историографии Обороны, взяты и из рассказов местного населения. Источник достаточно неоднозначный. О степени его объективности может сказать любой, кто ходил по местам боев или занимается краеведением. С одной стороны — именно от населения можно узнать массу фактов, никогда не фиксируемых документами. Как правило, это какие-либо шокирующие подробности, наиболее сильно врезавшиеся в память людей. Подчас самые неправдоподобные, казалось, рассказы приводят к важным находкам. С другой — иногда исследователями, ссылаясь на «глас народа», успешно эксплуатируются откровенные легенды. В отношении Бреста это особенно существенно — так как рассказчики, как правило, находились вдали от боя и о нем знают «достоверные подробности» зачастую от других людей.

Переходя к рассмотрению литературы об обороне Бреста, нужно сразу же развеять одно устойчивое заблуждение, ставшее уже неким штампом. Его суть — «десятки книг написаны о героической обороне Брестской крепости».

На самом же деле работ, действительно вносящих новые факты или предлагающих некий новый взгляд на уже известные, — в десятки раз меньше. Все остальное — многократно издававшиеся

путеводители, имеющие красочные фотографии и минимум до предела идеологизированного текста. Либо — более или менее добросовестные компиляции из «Героической обороны» и книг самих участников боев. Картину событий восстановить по ним невозможно. Вероятно, у авторов не было возможности воспользоваться оригинальными материалами, хранящимися в отделе фондов МК БКГ (это и сейчас не всем удается), возможно — времени или желания. Именно этот тип литературы до неузнаваемости исказил картину событий — склеивая разрозненные, противоречивые, малопонятные факты из воспоминаний, авторы пытались их, с одной стороны, осмыслить (т. е. домыслить), с другой — «ярче показать героизм».

«Показ героизма» осуществлялся по известной формуле — «пиши больше, что их жалеть». В итоге в этих книгах можно встретить утверждения, что Кижеватов из пулемета истребил «более двух батальонов гитлеровцев», Гаврилова, отстреливавшегося из ТТ, захватывала целая «пехотная рота с применением артиллерии», Почерников и его жена «свыше двух суток отстреливались от наседающих фашистов из двух пистолетов ТТ». Если в первоначальных рассказах участников говорилось, допустим, так: «При первых же разрывах бойцы в испуге выбежали во двор, опасаясь, что обвалится крыша. Однако на улице в них полетели осколки — ими был убит Т.», то уже в интерпретации — несколько иначе: «Бойцы, не обращая внимания на обстрел, выбежали во двор, атакуя ворвавшегося противника. Он был уничтожен — но при этом героически погиб рядовой Т». Или в оригинальных воспоминаниях — «бойцы открыли огонь», в интерпретации — «открыв огонь, бойцы устремились в штыковую атаку».

Для 70–80 гг. это не было чем-то необычным — сейчас же вряд ли вызовет и доверие и интерес.

Разговаривая с работниками МК БКГ, я удивился, что они и не подозревают, насколько «мифы о Бресте» шагнули вперед. Собирался было с ними поспорить, опровергнув наиболее одиозные, — но оказалось, что их никто из знающих ситуацию всерьез и не рассматривает. Но ведь представление о событиях у тех, кто интересуется Обороной — именно из опубликованных работ. Но, как ни странно, среди них тех, кто дает более-менее реальную картину, — единицы.

История изучения обороны Брестской крепости — отдельная тема. Но в ней по праву занимает ведущее место С. С. Смирнов и его книга «Брестская крепость»[1406]. Собственно говоря, ошибочно считать, что до исследований Смирнова об обороне Брестской крепости никто не подозревал. О том, что борьба в ней продолжалась еще долго после того, как советские войска покинули город, знали и жители Бреста, и советские читатели из различных материалов периодической печати. Например, в 1950 г. в журнале «Огонек» была опубликована заметка М. Златогорова о находке в развалинах крепости останков лейтенанта А. Наганова. Она начиналась так: «В летопись Великой Отечественной войны навеки вошел бессмертный подвиг защитников Брестской крепости, совершенный в июне — июле 1941 года»[1407]. Спустя примерно год заметка А. Белошеева о новой находке в крепости — «Приказе № 1» и других документах Обороны предварялась практически аналогичным вступлением: «Советские люди навсегда сохранили в памяти бессмертный подвиг защитников Брестской крепости в июне — июле 1941 года»[1408].

Собственно говоря, заметка Белошеева, на которую откликнулся один из защитников — А. М. Филь, и положила начало тому этапу исследования Обороны, что в конце концов и вывел на Смирнова и привел к созданию в крепости мемориального комплекса.

Однако к 1954 г., когда к исследованию обороны подключился С. Смирнов, несмотря на появление картины П. А. Кривоногова «Защитники Брестской крепости» (1951) и даже пьесы К. Л. Губаревича «Брестская крепость» (1953), вся история Обороны представляла собой, с одной стороны, лишь фантазию на героико-патриотическую тему, с другой — еще не заняла в истории Великой Отечественной войны подобающего ей места. Слова Златогорова и Белошеева о «бессмертном подвиге» были лишь лозунгом, который предстояло наполнить реальным содержанием. О боях было известно минимум — ни фамилий

большинства командиров, ни сроков обороны каких-либо участков. Герои крепости, никому не известные, работали — кузнецами в Вологде, шоферами в Николаеве или с трудом начинали жить на небольшую пенсию, не засчитавшую им срок нахождения в плену. Некоторые — только что вышли из мест заключения, как пособники врага, другие — отбывали наказание уже по уголовным статьям. Большинство из них и не подозревало о своем «бессмертном подвиге».

Работа Смирнова привела к тому, что о Брестской крепости узнал мир.

Продираясь сквозь дебри путаных и зачастую противоречивых воспоминаний, ложных фактов, нехватки материала, книга Смирнова «Брестская крепость» стала первым реалистичным исследованием описываемых событий. Появились подлинные, а не вымышленные герои и факты, казалось, навсегда исчезнувшие в грохоте взрывов 1941 года.

В основном картина событий, данная Смирновым, остается без изменений и по сей день. Конечно, многое в ней можно отнести на стиль прозы пятидесятых — вряд ли защитники крепости ходили в атаки под грохот барабана, звуки трубы и с развернутым знаменем, как об этом пишет Смирнов. Или пели «Интернационал», умирая, замурованные в подземелье, и сдаваясь, изможденные и израсходовав патроны, спустя месяц в плен. Сомнительно, что укрывшийся в развалинах, раненый пограничник Петринчик расстрелял из винтовки несколько десятков немцев и т. п. Но основные факты — да, верны.

Причем нужно отдельно сказать о реализме Смирнова. Он, что удивительно, заметен не сразу — сначала натыкаешься именно на вышеуказанные моменты, и легко можно счесть труд Смирнова легковесной агиткой. Однако, больше узнав об истории Обороны, внимательно вчитываясь в каждое предложение, становится заметно, что под трескучими порой фразами писатель спрятал достаточно реалистичную картину. Заметно, что степень реализма иногда выше, чем у его героев, выступивших позднее уже с «более геройскими» воспоминаниями. Но Смирнов был обязан действовать по определенным правилам — например, на первое место ставя руководящую роль партии (комиссара) и не позволяя себе излишней объективности (ее в то время просто не понял бы никто — время не допускало полутонов).

Достоинством книги является и увлекательное изложение материала. Тут все — и «загадка старой крепости», и непривычный для советских читателей дух, оставшейся и после ее прочтения тайны. «Брестская крепость» — это, вероятно, первая работа в СССР, вышедшая в жанре журналистского расследования. Захватывая буквально с первых страниц, книга, несомненно, завоевала сердца читателей.

Книга Смирнова не лишена и недочетов. Например, приводя тот или иной факт, автор не объясняет, почему именно его он взял за основу, отбросив остальные версии. Иногда Смирнов домысливает события, никак не указывая, что это все-таки его точка зрения.

Однако главный недостаток «Брестской крепости» никак не зависел от С. С. Смирнова. Передавая музею Брестской крепости весь накопленный им за десять лет работы[1409] материал, он, вероятно, никак не предполагал, что его работа (по большому счету — лишь версия событий) станет неким эталоном, жестким катехизисом, по которому отныне и будет вестись изучение Обороны.

А это и произошло. В итоге главные моменты Обороны остались на «смирновском» уровне — хотя прошло уже более 40 лет. За это время возможности исследователей несоизмеримо выросли, в музей поступило огромное множество новых документов.

Смирнов создавал историю обороны достаточно крупными мазками. Фактически, если взять его книгу — она не столько о событиях, сколько о людях, в них участвовавших, история их поисков[1410], борьбы за признание их подвига. Подчас о самих событиях говорится скорее в эмоциональном ключе, чем языком фактов.

И после выхода его книги, несомненно, должно было бы последовать солидное научное издание, пусть и в рамках воззрений того времени — подробный и четкий рассказ о событиях с приложением документов, фотографий и схем из того же смирновского архива. Но этого сделано не было — по различным причинам публичное изучение «бессмертного подвига» было свернуто. В 1965 г. Брестской крепости было присвоено звание «Крепость-Герой», в 1971-м — состоялось торжественное открытие на ее территории мемориального комплекса, а в 1975-м — был пущен под нож 130-тысячный тираж нового издания книги Смирнова[1411].

В итоге уже упоминавшиеся 5000 кубометров бетона и 620 тонн листовой стали поставили точку на изучении крепости. Было решено, что вся правда уже сказана, советским людям достаточно и этого.

Какие-либо дополнения и изменения в описании ситуации не выходили за пределы главного вала крепости.

Следующей серьезной работой по истории обороны Брестской крепости стал вышедший в 1991 г. сборник очерков сотрудников МК БКГ «Герои Бреста»[1412]. На его содержание, в положительную сторону, не могла не оказать влияния как изменившаяся ситуация в стране, так и продолжительный перерыв с момента выхода последней работы об Обороне. Среди наиболее интересных материалов — очерк о «досмирновском» периоде ее изучения.

Содержание сборника несколько корректирует и «версию Смирнова» — например, теперь уже признается тот факт, что немцам удалось деблокировать своих солдат, окруженных в церкви Святого Николая. Также в нем немало новой информации, появившейся в распоряжении музея с момента выхода последнего издания «Героической обороны».

Однако сборник (что вытекает из его названия) — это опять же очерки о людях, защищавших Брест и крепость. Даже упоминание о церкви — и то в предисловии А. А. Крупенникова (многолетнего директора музея), хотя ожесточенность боев за нее[1413] могла бы стать и темой отдельного рассказа.

В 1997 г., с выходом в Беларуси книг серии «Память», одним из ее томов («Память. Брэст», т. 1[1414]) пополнилась и библиография Обороны. Боям в июне 1941 г. в издании отведено значительное место. Помимо новых фактов о действиях советской стороны там впервые (через 45 лет после захвата!) опубликованы и «Отчет о взятии Брест-Литовска», и объяснение начальником штаба Группы армий «Центр» Грейффенбергом штабу ОКХ причин больших потерь и задержки 45-й дивизии в Бресте.

В «Память» включен и список погибших на территории Брестской крепости ее защитников и членов семей начсостава.

В издании рассказывается и о польском периоде Бреста.

Тем не менее какой-либо обзорной, но в то же время достаточно подробной работы об истории Обороны все еще нет. Этот пробел восполняет вышедшее в 2001 г. 1-е (в 2005-м — второе) небольшое исследование коллектива МК БКГ «Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия»[1415]. В одном ряду с ним можно поставить и опубликованную под редакцией Г. Г. Губаренко в 2004 г. работу А. Суворова «Брестская крепость на ветрах истории»[1416].

Примечательным в обеих работах является и то, что к их выходу причастен МК БКГ, и их выполненное на современном уровне красочное оформление. Практически перед нами — показатель достигнутого на сегодняшний день уровня изучения Обороны. Обе книги насыщены новыми фактами. Особенно этим выделяется «Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия» — сжатый рассказ о событиях, в т. ч. впервые столь подробно указанное размещение войск Красной Армии на территории крепости. Необходимо отметить, что в обоих изданиях (особенно в «Брестская крепость на ветрах истории») картина событий, созданная более 40 лет назад, уже несколько изменена.

Во многом авторы уже опираются на «Отчет о взятии Брест-Литовска», используют переданные в музей ветераном 45-й дивизии Михаэлом Вехтлером уникальные фотографии.

В обоих изданиях (особенно в «Брестская крепость на ветрах истории») рассказывается и об обороне крепости в 1939 г. польскими войсками.

Недостатком обеих работ является малый объем текста и слабая опора на немецкие источники. Хотя заметно, что в распоряжении авторов есть гораздо больше, чем они используют.

Завершая обзор историографии, нужно отметить, что подспорьем для автора стала и книга В. В. Бешанова «Брестская крепость», в основном при освещении вопросов пред- и послевоенной истории Бреста и крепости.

Таким образом, нетрудно заметить, что изучение истории Обороны продолжается и в последние годы даже несколько оживилось. Это говорит о возросшем интересе к этим событиям всех, кому небезразлична история 1941 года, боев в Белоруссии и у Бреста. Вместе с тем надо отметить тот факт, что упомянутые белорусские издания выходят малыми тиражами и практически не распространяются в России.

Достаточно многочисленные материалы, появляющиеся в периодической печати, как правило, вторичны, и насыщенны многочисленными искажениями. Если журналист и встречается с ветераном — то обычно это очерк о человеке, а не об обороне, по получившемуся материалу нельзя составить какого-либо целостного представления. Поскольку журналисту некогда заниматься каким-либо сопоставлением и созданием неординарной картины, он берет книгу Смирнова и вплетает туда рассказ ветерана, подмешивая, не стесняясь, «побольше героизма».

Среди положительных сторон современного периода изучения истории Обороны необходимо отметить большую свободу исследователей (отказ от многих идеологических стандартов, ослабление каких-либо субъективных факторов, влияющих на научную работу — она действительно становится все более научной, а не пропагандистской), их возросшие возможности. Тем большее недоумение (несмотря на все понятные трудности, очерченные еще в начале предисловия) вызывает отсутствие в «постсмирновский» период какого-либо фундаментального труда, равнозначного как «Брестской крепости» Смирнова, так и сборнику «Героическая оборона» — труда, ставшего бы на многие годы настольной книгой для всех тех, кто интересуется историей Обороны.

Пока же вниманию читателей предлагается история Штурма…

Список некоторых сокращений, встречающихся в книге

Вермахт:

I.D. (Infanterie division) — пехотная дивизия

I.R. (Infanterie regiment) — пехотный полк

Btl. (Batl.) (Bataillon) — батальон

Batr. (Btr) (Batterie) — батарея

Abt. (Abteilung) — дивизион

Кр. (Kompanie) — рота

А.К. (Armeekorps) — армейский (пехотный) корпус

А.О.К. (Armeeoberkommando) — армейское командование (напр. А.О.К.4 — четвертое армейское командование).

Rgt. (Regiment) — полк

s. (schwer) — тяжелый

l. (leichte) — легкий

MP (Maschinenpistole) — пистолет-пулемет

MG (Maschinengewehr) — пулемет

M.G.K (Maschinengewehrkompanie) — пулеметная рота

PiBtl (Pionier bataillon) — саперный батальон

A.R. (Artillerie regiment) — артиллерийский полк

Pi. (pionier) — саперный

K.D. (Kavalleriedivision) — кавалерийская дивизия

ОКХ (О.К.Н., Oberkommando des Heeres) — главное командование сухопутных войск

ОКВ (О.К.W., Oberkommando des Wehrmacht) — главное командование вооруженных сил

z. b.V. (zurbesonderen Verwendung) — особого назначения

Höh.Kdo. (Höherekommando) — штаб командующего объединением

Reiter-Rgt (Reiter regiment) — кавалерийский полк

Flak (Fla) (Flugzeugabwehrkanone) — зенитное (орудие, подразделение и т. п.)

PzJgAbt (Panzerjägerabteilung) — дивизион истребителей танков (противотанковый дивизион)

A.A. (AufklAbt) (Aufklärungsabteilung) — разведывательный отряд (батальон)

служба ПХЗ — служба противохимической защиты

l. F.H. (leichte Feldhaubitze) — легкая полевая гаубица

s. F.H. (schwere Feldhaubitze) — тяжелая полевая гаубица

Mrs. (Mörser) — мортира (мортирный)

l. Gr.W. (leichte Granatwerfer) — легкий миномет

s. Gr.W. (schwere Granatwerfer) — тяжелый миномет

l. I.G. (leichte Infanteriegeschütz) — легкое пехотное орудие

s. I.G. (schwere Infanteriegeschütz) — тяжелое пехотное орудие

WuG (Abteilung Waffen und Gerät) — отдел(ение) оружия и технического имущества

PzZg. (Panzerzug) — бронепоезд

PzDiv (Panzerdivision) — танковая дивизия

Nachr.Abt. (N.A.; N) (Nachrichtenabteilung) — батальон связи

le.PiKol (leichte Pionierkolonne) — легкая саперная колонна

Snt.Dst. (Sanitätsdienst) — санитарная служба

StbNFD, ND (Stabnachschubführerdienst, Nachschubführerdienst) — штаб начальника службы снабжения, служба снабжения

VtD (Veterinärdienst) — ветеринарная служба

Vet.Kp. (Veterinärkompanie) — ветеринарная рота

Fld.Batl (Feldersatzbataillon) — полевой запасной батальон

Pak (Panzerabwehrkanone) — противотанковая пушка

Stb.Div (Divisionsstab) — штаб дивизии

A.V.Ko. (Artillerieverbindungskommando) — артиллерийская команда связи, отделение связи с пехотой

NbwAbt (Nbl.Abt) (Nebelwerferabteilung) — дивизион реактивных установок (химических минометов)

NbwRgt (Nbl.Rgt) (Nebelwerferregiment) — полк реактивных установок (химических минометов)

Qu (Quartiermeisterapteilung) — отдел тыла

РККА:

Мк — механизированный корпус

Ск — стрелковый корпус

Вдбр — воздушно-десантная бригада

УР — укрепленный район

Дот — долговременная огневая точка

Обс — отдельный батальон связи

Орб — отдельный разведывательный батальон

ОЗАД — отдельный зенитно-артиллерийский дивизион

ОПАД — отдельный противотанковый артиллерийский дивизион

Сад — смешанная авиационная дивизия

Примечания

1

Kriegstagebuch — военный дневник (журнал боевых действий). Иногда переводится как «военный дневник». В исследовании КТВ, ведущийся частью или отделом штаба, именуется «журналом боевых действий», частным лицом — «военным дневником».

2

О тонкостях. Zitadelle (Цитадель) — укрепление, относящееся к городу, расположенное внутри него. Festung (крепость) — отдельно расположенное укрепленное сооружение, внутри которого есть и жилые кварталы (среди них может находиться и Zitadelle). Соответственно Брест-Литовская крепость до постройки кольца фортов вокруг города — Zitadelle Brest-Litovsk, после постройки фортов Брест стал Festung Brest-Litovsk. Короче говоря, те немецкие летчики, что бомбили юг города Бреста, «юридически» бомбили юг Festung Brest-Litovsk (юг Брестской крепости), но к штурму Zitadelle непричастны. Или именно поэтому многие шедшие через кольцо фортов считали себя участниками штурма Festung Brest-Litovsk. Отсюда, возможно, появилось и утверждение о захвате Брестской крепости в первый же день — подразумевалось Festung Brest-Litovsk. «Сорок пятая» была нацелена и брала именно Zitadelle Brest-Litovsk.

3

Помимо кольцевой казармы на Центральном острове были и другие здания.

4

«Offiziers Haus». Есть несколько версий возникновения термина. Возможно, этот сектор кольцевой был назван так из-за близости к Инженерному управлению, или Белому дворцу (расположениям штаба польского соединения и офицерского собрания соответственно). Однако принимая во внимание, что а) на одной из предвоенных схем наблюдения термин «Offiziers Haus» обозначает казарму пограничников на Западном у Тереспольского (немцам, вероятно, показалось, что там особенно много пограничных командиров), б) то, что термин стал широко использоваться лишь во время *зачистки,* а 22 июня не фигурирует, можно предположить, что он обозначал примерно то же, что и «командный пункт». Вероятно, когда от пленных стало известно, что в казарме 33-го инженерного/75-го орб было создано командование (как минимум — участка 455 и 33-й инженерного полков), этот сектор и был назван «Offiziers Haus» (в значении — «дом, где размещается командование» или «дом командования»).

5

В начале июня 1941 года в директиве ОКВ по проведению пропаганды говорилось, что «следует избегать выражений „Россия“, „русские“, „русские вооруженные силы“ и т. п., заменяя их выражениями „Советский Союз“, „народы Советского Союза“, „Красная армия“ и т. п». (Дашичев В. И. «Банкротство стратегии германского фашизма» т. 2 М., 1973, стр. 194.). В итоге появлялись такие выражения, как «советско-русские».

6

01 или — заместитель начальника оперативной группы (отдел Ia) группы управления штаба.

7

Ic — 3-й офицер Генерального штаба. См. примечание далее.

8

Можно перевести и как «дивизион противотанковой защиты». В любом случае он впоследствии переименован в Panzer-Jäger-Abteilung (PzJgAbt) — дивизион истребителей танков, «панцирягеров».

9

Здесь под «штабом» имеются в виду и полковые подразделения.

10

Имеющий тяжелые орудия и пока восполняющий дивизионную артиллерию.

11

Часть развертывалась на базе кавалерийского полка.

12

Inf.Regt.251 (m.d.F.b.).

13

Речь идет о полковнике Kühlwein. Согласно Рудольфу Гшопфу, составившему список командного состава дивизии к началу наступления на Западе (1940), в то время командиром II/I.R.130 был майор Kuhlwein. Однофамилец?

14

Кроме того, Йон был и дипломированным инженером.

15

Начальник отдела тыла. Имевший в непосредственном подчинении «Управление начальника тыла». Ib пехотной дивизии (2-й офицер Генерального штаба) подчинялся Ia. Задачи — руководство службой снабжения дивизии (подвозом и эксплуатацией, использованием местных ресурсов и т. п.). Распоряжался тыловыми службами. Ему подчинялись их начальники (дивизионные интендант, врач, ветеринар,

начальник военно-почтовой станции дивизии). В обеспечении дивизии инженерным имуществом и имуществом связи ему помогали командиры батальонов (связи и саперного).

16

Иногда называемая — «оперативная группа штаба». Должность начальника штаба в штабе дивизии отсутствовала. Штаб подчинялся непосредственно командиру дивизии. Практически же работу штаба (кроме дисциплинарных прав в отношении личного состава) координировал начальник группы управления штаба (Ia, 1-й офицер Генерального штаба), имевший в непосредственном подчинении и оперативную группу (отдел Ia). Начальник артиллерии (Arko), командиры отдельных батальонов (связи и саперного), истребительно-противотанкового дивизиона считались помощниками командира дивизии и действовали тактически самостоятельно, в тесной связи с группой управления. Помимо оперативной группы в «группу управления штаба» входил и «отдел разведки и контрразведки» (начальник — 3-й офицер Генерального штаба (Ic). В его задачи входило и наблюдение за политико-моральным состоянием войск. Нужно отметить, что «оперативная группа (отдел)» и «отдел разведки и контрразведки» — достаточно адаптированные переводы. Их правильнее было бы называть так — «отдел первого (соотв. третьего) офицера Генерального штаба».

17

Звание присвоено 1 марта 1940 г.

18

Im Generalstabe (Генерального штаба) — свидетельствует о принадлежности к службе офицеров Генерального штаба.

19

Хотя все уже, по-видимому, решено, ведется разведка и пакуются вещи, запись о Брест-Литовске появится в КТВ только 4 мая. Либо Эткен не знал об отправке в Польшу, либо делать записи об этом в КТВ было запрещено и 4 мая был снят запрет? Может, 4 мая о предстоящей операции было объявлено более широкому кругу офицеров, благодаря чему и появилась запись? Также см. записи от 29 апреля и 4 мая о рекогносцировке, проводимой Велькером и Деттмером — судя по всему, это именно та, что прошла 24–25 апреля, что лишний раз подтверждает внесение записей либо по мере допуска Эткена к информации, но что более вероятно — лишь спустя длительный период после совершения событий. В любом случае, КТВ — официальный источник, и в нем фиксировалась официально разрешенная дата «доведения информации».

20

Пусковые установки s.W.G.

21

«Роковые решения» М., 1958, стр. 68.

22

Хотя штаб группы армий вполне мог придержать директивы до января. Обращает на себя внимание то, что и штабом 4-й армии еще в середине февраля даже в некоторых секретных документах четких планов не просматривается.

23

Неясно — поставлен ли он уже на Брестское направление? Или это спланировано позднее?

24

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006, стр. 294–297. Танковая группа была подчинена 4-й армии на период развертывания и прорыва пограничных укреплений противника.

25

Дашичев В. И. «Банкротство стратегии германского фашизма», т. 2, М., 1972, стр. 99.

26

BA-MA RH 20-4 122.

27

Кемпфа, командующего дивизией с самого начала Второй мировой войны, 22 мая сменил генерал-майор Курт Калмыков.

28

В мае 1941 г. Хотя, возможно, что выбор к тому времени был сделан и передача дивизии прошла либо из соображений дезинформации, либо из каких-то соображений, не относящихся к предстоящим боевым действиям. См., например, подчинение 45 I.D. по прибытии в Польшу.

29

Учитывая, что в 1939-м «сорок пятую» не пустили в Краков, а в 1940-м — в Реймс (города, имевшие достаточно сильное символическое значение), это очень и очень спорное предположение.

30

Guderian Heinz «Erinnerungen eines Soldaten» Stuttgart 1995, s.132.

31

В корпус входили 3 и 10-я танковые, 2 и 20-я моторизованные дивизии. Кстати, штаб Гудериана разместился в здании Воеводского управления, там же, где в 1941 г. разместился штаб 45-й пехотной дивизии. Ныне здание Брестского облисполкома.

32

Описание боев за Брест в 1939 г. дано по Гудериан Гейнц «Воспоминания немецкого генерала». М., 2007, стр. 85–86, Бешанов В. В. Брестская крепость. Минск, «Беларусь», 2004, стр. 85–93, «Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия» (2-е издание) Брест, 2005. Некоторые из них по служили и для описания крепости, к ним прибавились и данные инспектора восточных укреплений (преимущественно материалы осмотра 1916 г.). Последние готовились и по аэрофотосъемке ноября 1940 г. — то, что предположительноотносится к данным 1940 г., приведено в следующей главе.

33

Названия островов, отдельных строений крепости, районов Бреста менялись так часто, что, наверное, не имеет смысла усложнять текст, приводя все их версии. Они приводятся в соответствии либо с современной ситуацией, либо с их наименованием в документах вермахта в 1941 г. Несовпадение оговаривается примечаниями. То же, там, где не цитируются документы, относится и к многочисленным фортификационным терминам — кольцевая казарма остается ею, а не «рондо», вал, а не «равелин» и т. д.

34

Важнейшее обстоятельство — данных о толщине стен зданий на территории Центрального укрепления (построенных в середине XIX века) нет в имеющихся немецких документах. В отличие от сооружений внешнего и внутреннего фортовых поясов (их пусть скудные, но хоть какие-то обмеры имеются), они, вероятно, были сочтены полностью утратившими военное значение, интересующими лишь как казарменный фонд. Предполагалось, что в крайнем случае их можно было принять во внимание лишь при ведении боя средствами пехотных частей (стрелкового и тяжелого пехотного оружия). При привлечении, например, авиации, тяжелой артиллерии сооружения утрачивали смысл.

35

Необходимо отметить, что к 1941 г. часть кольцевой казармы на востоке Цитадели была уничтожена. Пока неясно, уничтожил ли ее немецкий обстрел в 1939 г. или, что вероятнее, снесли еще раньше сами поляки с целью «получить перспективу и красивый вид на разветвление Мухавца» (В. В. Бешанов, стр. 81).

36

Насчет 15 тыс. — это немецкие данные. Возможно, опечатка, возможно, имелось в виду то, что 16 тыс. — это потенциальный гарнизон всего Центрального укрепления?

37

В XIX веке внутренняя и внешняя подковы соединялись между собой кирпичными капонирами. Но существовали ли они к 1939 г.? В Западном форту остатки капониров еще есть.

38

Часто называемый каналом (обводным каналом).

39

NARA T315 roll 916 f786.

40

С этого момента (вынесения крепостных сооружений за пределы Главного вала) — территорию Центрального, Северного, Южного и Западного островов правильнее назвать Центральным укреплением. Далее, говоря о крепости, подразумевается в первую очередь именно Центральное укрепление (в немецких источниках Hauptumwallung). Указанная в немецких источниках нумерация фортов не всегда совпадает с общепринятой — соответствию при указании их номеров используется именно последняя.

41

NARA T315 roll 916 f786.

42

В. В. Бешанов приводит другие цифры — 154 танка, 260 орудий и минометов.

43

Впрочем, он и сам об этом пишет — Гудериан Гейнц «Воспоминания немецкого генерала». М., 2007, стр. 86.

44

Анфилов В. А. Провал «блицкрига» М., 1974, стр. 53.

45

Guderian Heinz «Erinnerungen eines Soldaten» Stuttgart, 1995, s. 134.

46

Судя по задаче и указываемому маршруту движения, имеются в виду передовые отряды дивизий и корпуса.

47

Там же, стр. 159.

48

Бок Федор фон «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006, стр. 36, 95.

49

«Роковые решения». М.,1958, стр. 79.

50

BA-MA RH 26–45 91, NARA T315 roll 916 f771-788 (поступили 9 мая 1941).

51

BA-MA RH 20-4 1181.

52

NARA T315 roll 916 f402-406.

53

Гласис — пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости, дота или полевого укрепления. Возводится с целью улучшения обстрела впередилежащей местности, маскировки и защиты укреплений. В архитектуре — незастраиваемое пространство перед крепостью (впереди земляной насыпи или на ее месте, если она уничтожена).

54

Погранстолб 1260.

55

Неясно, что имеется в виду — сектор у Jaz (погранстолб 1266) или место старого моста на Западный остров (погранстолб 1264). В последнем случае неясно, куда делись его остатки? Рванули так, что дешевле построить новый? Также предлагалось восстановление ж/д моста у погранстолба 1268, не относящегося к полосе дивизии. В то же время, говоря о полосе корпуса, не рекомендуются временные мосты около Михалкува и в ходе шоссе Лобачув на северо-восток, где из-за перерывов дамбы потребуется либо увеличение длины моста, либо земляные работы, сильно увеличивая временные затраты. Можно отметить, что два из трех временных мостов планировалось в полосе «сорок пятой».

56

Имеется в виду действительно разрушенный к тому времени т. н. Бригидский мост.

57

Самый слабый довод саперов. Перегрузка шоссе (тем более ведущим к переправам) одна из серьезных проблем. По крайней мере, подвод саперных ом должен планироваться не по магистральному шоссе, забитому танковыми корпусами, идущими в прорыв.

58

Вероятно, имеется в виду мост через старицу между погранстолбами 1263 и 1264.

59

Непонятно, откуда у немцев эти цифры. И вообще, соответствуют ли они реальности?

60

BA-MA RH 26–45 91.

61

NARA T315 roll 916 f786 предложение подчеркнуто.

62

Траверс — преграда, оставляемая (или сооружаемая из нетронутой толщи почвы, грунта, скальных пород и т. д.) поперек траншеи (окопа, хода сообщения) и перед входом в фортификационное сооружение для защиты л/с от пуль при продольном обстреле и осколков снарядов и авиабомб.

63

NARA T315 roll 916 f786. Употреблен термин freistehende Kasernen. Очень важное замечание, в тексте оно подчеркнуто. То есть предполагалось, что в Цитадели нет 12–15 тыс. И поэтому усиленной роты будет достаточно для ее захвата. Но особо интересно замечание насчет тяжелой артиллерии.

64

Здание арсенала к 22.06.1941, занимаемое 333 сп. Его мощь неизвестна — на всякий случай на него и будет направлена тяжелая артиллерия.

65

Куртина — часть крепостной стены (вала) между бастионами.

66

Равелин — вспомогательное фортификационное сооружение обычно треугольной формы (перед крепостным рвом между бастионами).

67

Неизвестность насчет подземных (горжевых) помещений говорит о многом. Во-первых, о том, что поляки, обладающие информацией, либо не были найдены (не искались?), либо не захотели говорить. Во-вторых, имелись и немецкие солдаты, кое-что помнящие о крепости 1939-го, но также не найденные. В-третьих, судя по всему, не обнаружили и каких-либо планов подземных помещений крепости или хотя бы обмеров ее зданий, толщины стен. Ограничились планами, показывающими расположение зданий, без какой-либо их характеристики. Аэрофотосъемка лишь дублировала эту информацию.

68

Имеются в виду Восточный и Западный форты.

69

Многие сооружения заросли деревьями и кустарниками. Впрочем, их расположение все равно было известно из польских планов.

70

Бастион — пятиугольные сооружения, возводившиеся на углах главного и примыкавшие к нему.

71

Горжа — тыльная внутренняя сторона бастиона. Горжевая казарма — скрытая в валу система подземных помещений, вход в которую — со стороны горжи. В тексте, здесь и далее, под горжей, как правило, подразумевается горжевая казарма.

72

BA-MA RH 20-4 1181.

73

Может, с этой фразы и началась легенда о бронированных куполах на территории Центрального укрепления?

74

Там же.

75

Там же.

76

Имеется в виду т. н. Бригидский мост.

77

Имеется в виду форт I.

78

BA-MA RH 26–45/91 «Tätigkeitsbericht Ic», NARA T315 roll 916. Это материалы отдела иностранных армий востока ОКХ от 29 мая, 3 июня они были переданы Ic 12 А.К., 10 июня поступили из корпуса в 45-ю дивизию.

79

«На земле Беларуси. Канун и начало войны», стр. 301–303.

80

BA-MA RH 20-4 1181.

81

В общем-то, это были не совсем «упражнения запасников».

82

BA-MA RH 26–45/91 «Tätigkeitsbericht Ic». Также поступили командование юдивизии не ранее 10 июня.

83

На самом деле — в погранотряде от 1400 до 2000 человек, в погранкомендатуре — от 220 до 520 человек.

84

BA-MA RH 26–45 19 14875/3. Периодически он именуется штабом разведки. Аналогичные приказы отданы и другим соединениям корпуса. До прибытия наблюдательного штаба 34-й дивизии (дату определяет она сама, однако самое позднее в середине мая) ее наблюдательный штаб формирует Ob. Abt.17.

85

Однофамилецили родственник майора Деттмера (Ia).

86

NARA T315 roll 916 f94–97.

87

Имеется в виду форт VI внутреннего дополнительного кольца фортов Брестской крепости.

88

Имеются в виду остатки моста между погранстолбами 1263 и 1264.

89

Имеется в виду полк, выделяемыйв резерв.

90

Форт «Граф Берг».

91

Имеется в виду пороховой погреб № 5 Брест-Литовской крепости, где и разместился КП дивизии к 22 июня. Он — к северу от поворота на Блоткув-Дужи.

92

Gschöpf R. «Mein Wfeg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s. 142.

93

BA-MA RH 20-4 122.

94

BA-MA RH 20-4 122.

95

Кстати, к вопросу о том, почему так же поступали и советские войска. Но и при этих условиях все (?) радиостанции ЗапОВО были немцами засечены. А может, это ложные радиостанции?

96

NARA T315 roll 916 f105–106.

97

NARA T315 roll 916 f99.

98

В мостовых парках саперных батальонов некоторых пехотных дивизий вместо комплектов понтонных мостов имелись легкие переправочные комплекты из 48 лодок Kl.Flosssäcke с соответствующими деревянными конструкциями для сборки паромов и мостиков. Этот комплект обеспечивал наведение наплавных штурмовых мостиков (Schnellsteg) или наплавных пешеходных мостиков (Flosssacksteg) для переправы пехоты суммарной длины до 336 метров. Так как течение и ветер с легкостью сломают мостик длиной 333 метра, то обычно штурмовой мостик имел длину 14 метров, а пешеходный До 50 метров. Они наводились через водные преграды со сравнительно небольшой скоростью течения (до 1,6 м/сек).

Стандартный штурмовой мостик (Schnellsteg) грузоподъемностью 300 кг, собираемый из трех малых надувных лодок, перекрывал водную преграду шириной 14 метров. Собирался он расчетом из 8 человек за 30 минут. Ширина пешеходной дорожки всего 25 см.

Стандартный пешеходный мостик (Flosssacksteg), имевший такую же грузоподъемность, имел ширину пешеходной дорожки уже 50 см, что облегчало движение по мостику личного состава с тяжелым оружием (пулеметы, легкие минометы) и грузами. Ширина пролета (расстояние между двумя лодками) 4 метра. Длина мостика не регламентировалась, но обычно она не превышала 50 метров. Мостик длиной 32 метра (8 пролетов) собирался двумя отделениями (около 24 человек) за 30 минут (без подвоза материалов).

Кроме того, из этого штурмового комплекта можно было собрать от 12 до 24 легких паромов (по 4–2 лодки на паром) для переправы тяжелого пехотного оружия (пулеметов с расчетами, 50-мм минометов с расчетами и боекомплектом, мотоциклов, 37-мм противотанковых пушек), полевых кухонь, радиостанций, раненых и т. п. (информация с сайта www.armor.kiev.ua).

99

Иприта, люизита и т. д.

100

Для сравнения — 49-летний генерал-майор (с 1.04.41) Курт Калмыкофф был назначен командиром соседа слева — 31 I.D. 22.05.41, командуя ей к началу войны лишь месяц. Но зато до этого он с 1.9.39 командовал I.R.162. Генерал-лейтенант (с 1.02.40) Ганс Белендорф (51 год) — один из опытнейших командиров дивизий в вермахте, командовал 34 I.D. с 19.7.39 (с перерывом — с 11.05.40 по 1.11.40 командиром 34 I.D. был Вернер Санне). Бросается в глаза тот факт, что уже после распределения полос наступления, возможно, нарезаемых исходя и из опыта командного состава, в двух из трех дивизий сменились командиры.

101

По табелю в саперном батальоне — 36 малых надувных лодок (Kleine Flosssäcke) или 36 больших

надувныхлодок (Gross Flosssäcke). Оба типа — весельные. Малая надувная лодка: общий вес 56,6 кг. Длина 148 см, ширина 114,3 см. Диаметр надувного борта 35 см. Скорость движения на веслах до 2 км/ч. Оснащается тремя веслами типа каноэ, ручной помпой. Внутрь укладывается деревянный настил. Накачивается в течение 5 минут. Может перевозить 3–4 вооруженныхсолдата или 1 солдата и 300 кг груза. Предназначена для ведения разведки, переправы пехоты и грузов, сборки легких перевозных паромов и наведения штурмовыхмостов.

Большая надувная лодка: 6 гребных и 1 рулевое весло. Общий вес 149,7 кг. Длина 5,5 м, ширина 1,86 м. Диаметр надувного борта 60 см. Грузоподъемность 2,75 тонны. Экипаж 7 человек. Накачивается двумя ручными помпами за 15 минут. Внутрь укладывается деревянный настил. Переправляет пехоту, грузы, основа для сборки легких перевозных паромов, наведения легких понтонных мостов. Одна лодка с полным экипажем перевозит пехотное отделение (10 человек с вооружением и ручным пулеметом), или один станковый пулемет с расчетом, или один миномет 81,4 мм без расчета, или 1 противотанковуюпушку калибра 37 мм, или 1 мотоцикл с водителем (информацияс сайта www.armor.kiev.ua).

102

Как правило, в литературе химические минометы именуются «Небельверфер» (Nebelwerfer). Думается, что так можно назвать и пусковые установки.

103

(Entgiftung Abteilung) Называемыйтакже дегазационнымбатальоном.

104

Для сравнения — 31-й дивизии придавались (объединяемые ARKO 112) — штаб 617-го артполка, 8-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки (АИР), Nbw.Abt 6, 10 см. Abt.709, s.F.H. — Abt.II/66, s.F.H. — Abt.845, Fla.Kp.3/31, 21 см. Mrs.Abt.854, Sturm-Gesch.Abt.192. По силам, придаваемым 34-й дивизии, должно было последовать отдельное распоряжение.

105

Schwere Wurfgerät (s.W.G.41 или s.W.G.40). В тексте документов нет точных указаний на тип пусковой установки (40 или 41) — просто schw.Wurfgerät или s.W.G. Разница между ними — в числе направляющих (у s.W.G.41 — шесть) и материале изготовления (в s.W.G.41 часть конструкций заменена металлическими)В Entg.Abt 105 (как минимум в одной батарее) были s.W.G.40, в NbwAbt 8 — неизвестно. Хотя, например, 27 мая генеральный инспектор химических войск полковник Окснер в докладе Гальдеру утверждал, что *в каждом дивизионе* имеется по одной батарее новых минометов [«Небельверфер»]. Хотя он, похоже (упоминая о дальности стрельбы 6 км), имел в виду 158-мм установки, которых явно не было в NbwRgt.Stab z.b.V.4. Однако заявление Окснера подтверждает, что и одной части могут находиться установки разных типов.

106

По данным www.felderau.com. Сейчас на сайте Nbw сменены на rockets (пусковые установки). Что на самом деле — можно лишь предполагать. В 1941 г. было выпущено лишь 34 единицы 28/32 Nbw 41.

Помимо большего количества направляющих, они имели несколько меньшую (2000 вместо 2200) дальность стрельбы 320-мм ракетами.

107

Здесь и далее при описании реактивной артиллерии используются: Широкорад А. Б. «От „катюши" до „Смерча". Из истории реактивной артиллерии». М., 2005, стр.151–156; Широкорад А. Б. «Бог войны Третьего рейха». 2003, стр. 204–207, Иванов А. «Артиллерия Германии во Второй мировой войне», СПБ, 2003 г.

108

К вопросу о результативности применения реактивных установок против лесонасаждений Западного и Южного островов. Вообще, в отчете Entg.Abt 105 за первые месяцы войны постоянно встречается упоминание о его использовании для зачистки лесных массивов (NARA T314 roll 501 f623-625).

109

Есть свидетельства о том, что среди раненых красноармейцев находилось и множество обожженных.

110

BA-MA RH 26–45 19 14875/3. К сожалению, карты (зона поражения, схема размещения установок и т. п.), прилагаемые к докладу, пока не обнаружены.

111

Именно эти три последних могли иметь Nbw-41. Одна батарея — 6 установок.

112

По смыслу скорее — «к территории России». Подразумевается часть укреплений крепости Брест-Литовска (валы и несколько строений), отошедшая к Германии.

113

Форт VI?

114

Вероятно, от Fliegerwarte — наблюдательная вышка ПВО. Возможно, подразумевается один из фольварков.

115

Вероятно, имеются в виду 60-см мортиры «Карл» — Karl-Gerät 040. Если так, то это говорит о том, что

решение об их применении было принято уже к тому времени и об этом знал весьма широкий круг лиц.

116

Имеется в виду форт «Граф Берг», он же Северный форт, он же форт Сикорского.

117

К этому моменту на «ядре цитадели» (Центральном острове) имелось только три моста. Один из пролетов четвертого (т. н. Бригидского) был взорван.

118

Форт VII? Но он находится к северо-западу от Тересполя…

119

Предместье Варшавы.

120

John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582.

121

Воду пустили в ров, уничтожив срыв перемычки с севера и юга передового рва. Соответственно место, где была северная перемычка, называется северной пробивкой (прокопом), южная — южной пробивкой (прокопом).

122

По немецким данным, ее (бревенчатой) высота — 30 м. Интересно, что более точно указывает именно бывший советский пограничник С. Бобренок — 28 м (Бобренок С. «У стен Брестской крепости». Минск, 1960 г., стр.9)

123

BA-MA RH 20 4 169. Вероятно, закончив совещание в штабе корпуса, они сразу же попали на армейское.

124

Документ, судя по всему тезисы выступления командования армии (прежде всего, фон Клюге), приводится полностью.

125

Необходимо отметить несколько формальный характер данного указания — вряд ли старшие офицеры не догадывались о предстоящих действиях а дальнейшее сокрытие планов, вполне возможно, могло обернуться неподготовленностью ввиду сжатого времени на осмысленную подготовку. Например, это сковывало бы инициативу, мешая подавать какие-либо предложения по предстоящим действиям, обдумывать план операции во всех причастных (в разумной степени) звеньях. Поэтому уже 13 мая командиры частей «сорок пятой» имели необходимую, конечно пока весьма приблизительную информациюотносительно их действий в предстоящей операции. Вероятно нечто подобное произошло и в других соединениях. Однако запущенные кем-то правила игры потребовали от фон Клюге огласить, возможно, и им самим не разделяемое указание.

126

Примечательно, что здесь впервые на армейском уровне за месяц до начала боевых действий ведется речь о придании 45-й дивизии тяжелой артиллерии, выделяя цитадель Бреста от задач, выполняемых другими соединениями при прорыве линии приграничных укреплений. К этому времени речь шла лишь о реактивных установках и мортирах особой мощности «Карл» (о чем впереди). Интересно, какие обстоятельства подтолкнули к выделению дивизии дополнительной тяжелой артиллерии?

127

28-см сверхдальнобойная пушка К5 (Е).

128

Вероятно, подразумеваются КТВ полков и батальонов.

129

Вероятно, имеется в виду хворост для укладки под колеса застрявшего автотранспорта, фашины. Судя по кинохронике, — крепившиеся на бамперах. Или — цепи, одеваемые на колеса для избежания застревания в грязи.

130

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

131

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton, 2000, p.31.

132

BA-MA MSG 2 5384 Walter Loos.

133

Течение Буга этому условию не соответствовало.

134

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

135

NARA T314 roll 501 f720. Сомнительное высказывание Ic XII A.K. при подведении итогов деятельности штабов наблюдения — судя по советским источникам, оно было взаимным и еще неизвестно, чье лучше.

136

BA-MA RH 26–45 19 14875/3 дата не указана (23 или 24 мая).

137

Wurfk.Spr — турбореактивные осколочно-фугасные снаряды, Wurfk.Fl — турбореактивные зажигательныеснаряды.

138

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

139

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

140

Штурмовая лодка (саперный штурмовой бот (Sturmboot) была деревянном, усиленной шпангоутами лодкой с гладкой обшивкой, длиной 6 м и шириной 1,5 м. Вес 180 кг (снаряженный — 230 кг), плюс — двигатель (170 кг). Мощностью 31 л.с., он придавал нагруженной лодке скорость от 10 до 13 км/ч (максимально 25 км/ч). 18 л топливного запаса обеспечивали движение в течение 1–1/2 часа. К ее оборудованию относились прикрепленное к лодке устройство постановки дымовой завесы, ракетница, наручный компас и легкий МГ. Лодки были настолько легки, что могли подтаскиваться к воде 6 солдатами и еще 4 — для разгрузки и доставки к лодке ее мотора. В ней перевозилось 2 штурмана (как правило — сапера) и 6–10 вооруженных солдат с ручным пулеметом или 50-мм миномет с 5 солдатами. Лодка применялась и для речной разведки, и буксирования барж (например, парома на двух больших надувных лодках — он мог нести артиллерийское орудие (до 105 мм (вкл.), все типы легковых автомобилей, мотоциклов, минометов), быстрого форсирования водных преград средней и большой ширины как понтон для наплавных мостов. Часто применялась как паром, составленный из двух больших надувных лодок, сцепленных к обоим ее бортам. Он мог перевозить 20 вооруженных солдат с ручным пулеметом или 50-мм

минометом. Здесь приводится информация о Pionersturmboot 39 с сайта www.armor.kiev.ua.

141

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

142

Триангуляционная вышка.

143

Далее идет неразборчивый рукописный текст.

144

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton, 2000, p.31.

145

Только 18.6. в дивизию в качестве переводчика с русского прибыл Герман Фигель, позже благодаря командиру дивизии ставший зондерфюрером.

146

Дата наблюдения не указана.

147

К 22 июня 1941 г. генерал Хайнеман — командующий артиллерией 2-й танковой группы (HARKO 302).

148

RH 26–45 19 14875/3.

149

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42», Shepperton, 2000, p.31.

150

В КТВ и других документах батарея и мортиры обозначаются как «schwersten» (особой мощности). В то же время дивизион — schwere (тяжелый) см. Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD 2001, p. 33. В источниках приводится также как «батарея специальной артиллерии».

151

Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии./Пер. с нем. Смоленск 2006, стр. 14. В книге приведено примечание немецкого издателя со ссылкой на Lusar R.(Ibid.) о том, что «под батареей „К“» подразумевалась тяжелая артиллерийская система, 540-мм мортира «Карл», а также 600-мм мортира. Однако в данном случае речь идет, вероятно, об одной из сверхтяжелых пушек (К — Kanone (нем. — пушка), либо, что вернее, о батарее железнодорожной артиллерии.

152

Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD 2001, p. 34.

153

NARA T316 roll 916 f74-75.

154

BA-MA RH 26–45 19 14875/3. Примеры таких случаев не приводятся ни в документах, ни в каких-либо известных мне мемуарах лиц, участвовавших в событиях в полосе 4-й армии. Вероятно, подразумеваются в основном перебежчики.

155

Имеется в виду «комендантский час».

156

Служба государственной трудовой повинности в III рейхе.

157

В списке командного состава дивизии к началу похода в Россию, составленном Р. Гшопфом, имеется командир II/133 майор Эггелинг.

158

NARA T315 roll 916 f76-77.

159

NARA T314 roll 501 f720. Пока никаких результатов наблюдения не обнаружено. Тем не менее упоминание того, что наблюдение корпусом велось за казармами, а не за дотами, говорит о том, что именно корпусом не было доложено в дивизию о том, что казармы, прежде всего в крепости, густо

населены, что изменило бы план атаки. Возможно, что докладывалось, но игнорировалось теми, кто имел право принимать решения (хотя, может, все не так драматично — в донесениях под «казармами» подразумевались лишь те, что вне крепости, все, что в ней, объединялось понятием «крепость»).

160

NARA T315 roll 1916 f80-81.

161

Судя по всему, «подрывы», упоминаемые здесь и далее, — разрывы артснарядов, мин и гранат на стрельбище 42-й стрелковой дивизии за аэродромом, севернее предм. Граевске (р-н Дубровка).

162

NARA T315 roll 916 f82.

163

Один из примеров несогласованности при обозначении объектов на местности. Цитаделью в данном случае именуются укрепления Центрального острова. В то же время в других документах — вся территория крепости.

164

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton, 2000, p.31.

165

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

166

BA-MA MSG 2 5384 Walter Loos.

167

Предполагаемые, но так и не выявленные.

168

RH 26–45 19 14875/3 письмо от 31-й дивизии.

169

Подразумевается форт «Граф Берг» и 4 дота перед ним.

170

John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582. Очевидно, имеются в виду палатки приписного состава.

171

Полное имя — Friedrich Krischer Edler von Wehregg. Во всех документах именуется «фон Кришер», так же и подписывался сам.

172

При рождении Кришера (16.11.1889) это было территорией Австро-Венгерской империи.

173

Rgts.St.Art.Regt.12.

174

За этим сообщением — некая разведывательная комбинация, связанная с использованием офицеров для сбора развединформации под видом проводников вагонов пассажирских поездов. Хотя, судя по дальнейшим событиям, для прикрытия использовались места не только проводников, но и другого железнодорожного персонала.

175

Имеется в виду 800-й учебно-строительный полк особого назначения «Бранденбург». Разведывательно-диверсионная часть, подчинявшаяся 2-му отделу управления разведки и контрразведки ОКВ, привлекалась для решения специальных задач.

176

Под тяжелыми минометами подразумеваются, как правило, реактивные установки.

177

BA-MA 26–45 91 «Tatigkeitsbericht Ic».

178

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

179

Вероятно, имеются в виду боеприпасы для реактивных установок.

180

Дымовой завесы.

181

Наверное, чтобы не затруднять действия собственных штурмовых групп и их возможной поддержки с немецкого берега пулеметами, артиллерией и проч.

182

RH 26–45 19 14875/3.

183

Вероятно, командование советских войск и соответственно руководители приграничных областей, запрещая эвакуацию семей, знало, что подобный показатель заинтересует немцев и будет соответственно ими истолкован. Впрочем, об этом далее…

184

BA-MA 26–45 19 14875/3.

185

BA-MA 26–45/91 «TätigkeitsbrichtIc».

186

Башня над Тереспольскими воротами.

187

BA-MA RH 26–45 19 14875/3, NARA T315 roll 501 f22.

188

Гальдер Ф. «Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии»./Пер.с нем. — Смоленск, 2006, стр. 233–234.

189

Пороховой погреб № 5 крепости Брест-Литовска.

190

NARA T315 roll 916 f379-380.

191

Неясно, о чем идет речь. Вероятно, об одной из приданных артиллерийских частей или саперных подразделений.

192

NARA T315 roll 916 f72–73.

193

См. приложение. Хотя приказ датирован 16 июня, судя по всему, с 10 июня в него не было внесено существенных изменений.

194

John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582. Состав атакующих группировок дополнен из Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s. 147.

195

I.R.135 был придан и саперный взвод I.R.133, но лишь для форсирования. Участвовал ли он в боях на территории крепости или Бреста — по документам не просматривается.

196

Имеется в виду мост у Трехарочных (Брестских) ворот. В исследовании этот мост называется, как правило, Трехарочным.

197

Вероятно, имеется в виду центральный сектор Западного острова — между погранстолбами 1263 и 1264. Там к разрушенному мосту подходила дорога из Тересполя — единственная, по которой можно было промчаться на велосипедах.

198

Похоже, здесь же — и 12-я рота (пулеметная). 13-я (пехотных орудий) — остается на западном берегу, ведя артподдержку, 14-я (орудий ПТО), похоже, пойдет с 1-м батальоном.

199

Согласно Гшопфу, силы роты состояли из штурмовой группы для подрыва амбразур дотов, группы подрыва заграждений и группы огнеметчиков (всего около 50 человек при 3 огнеметах).

200

Вероятно, это и есть Flossackhosen.

201

Имеются в виду пулеметные роты I.R.133 (8 и 12). 12-я поддерживала третий батальон, 8-я — скорее всего первый.

202

BA-MA RH 26–45 91, BA-MA RH 26–45 14875/3.

203

Соответственно укомплектованность офицерами — 80 %, унтер-офицерами — 85 %, рядовыми — 92 %.

204

Нужно отметить, что в декабре 1940 г. третьи батальоны пехотных полков 45 I.D. были переданы для формирования нового соединения (100-й легкой дивизии). Неизвестно, как они были сформированы вновь, — возможно, из маршевого пополнения. Как правило, ушедшие подразделения заменялись вновь сформированными, с необученным личным составом и не имевшими боевого опыта офицерами. В этом случае третьи батальоны были слабейшими подразделениями пехотных полков.

205

П. 183 «Боевого устава пехоты германской армии 1940 г. 4.9 Вождение и бой пехоты. Пехотный батальон» (М., 1945, стр.64).

206

Это время — в отчете I.R.130. А в приказе дивизии сказано, что начинать не ранее чем через 15 минут после артналета, т. е. в 3.30–3.35.

207

22 тд из Южного городка. На 19 июня в 22 тд было — 148 Т-26 линейных, 81 Т-26 радийных, 6 Т-26 двухбашенных, 16 огнеметных Т-26 и 5 легких танков Т-37А/38 (всего 256 машин). Имелось и 14

бронеавтомобилей (6 БА-20 и 8 БА-10). Если бы вся эта техника двинулась на батальоны Набера и Гартнака, то у последних в конце концов для обороны просто бы не хватило снарядов.

208

Снаряды для танков «Somua».

209

NARA T315 roll 916 f375–376.

210

BA-MA RH 26–45 19 14875/3. Возможно, учение прошло 14 июня.

211

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

212

Кодовое наименование одного из объединений, наступающих справа.

213

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

214

RH 26–45/19 14875/3.

215

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

216

Это противоречит выводам совещания при A.O.K.4 от 24 мая (см. выше).

217

Перевозили, скорее всего, только раненых.

218

Важное наблюдение, говорящее о занятости Цитадели крупным гарнизоном. Обратили ли на него

внимание?

219

BA-MA RH 26–45 91 «Tätigkeitsbericht Ic». Возможно, были и более детальные и более ранние донесения, но в документах штаба 45-й дивизии имеется только это, в связи с чем ему и отдается пальма первенства. Какие-либо другие сведения о противнике не содержатся и в мемуарах, и их наличие также не присматривается ни в приказах дивизии, ни в других документах ее штаба.

220

Неясно, в каком значении употребляется слово «Tätigkeit» (деятельность). То ли он работал до марта с РККА, то ли сведения о РККА у него по март (почему?), то ли он перебежал в марте (но вряд ли, ибо в таком случае непонятна позиция разведки, морозившей показания). Если A.L. «июньский», то обращает на себя внимание дата его перехода (непосредственно перед войной — уж не способ ли забросить дезинформацию?) и странная осведомленность о частях РККА (во-первых, встречаются подлинные части и соединения, во-вторых, большинство из указанных им никогда не существовали, в том числе и такие, как полк пограничных войск). Из приведенной таблицы видно, что командование армии, во-первых, не имело полной картины о войсках противника, во-вторых, по ряду признаков — недооценивало его. Еще момент — все данные от перебежчика, по крайней мере, переданные разведотделом в войска, — набор цифр. Что-то еще — данные о технике, размещении штабов, комсоставе, настроении, вероятных действиях — отсутствует.

Еще одно предположение о перебежчике — некое предупреждение о том, чтобы кое-кто не совал свое рыло в советский огород, ибо там найдется чем ответить.

221

Здесь и далее — указывается пароль на соответствующий день (в соотв. с приказом корпуса № 7 (BA-MA RH 26–45 19 14875/3).

222

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

223

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

224

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

225

Дескать, потому, что русские не смогут поджечь еще зеленый хлеб, и Германии останется только собрать урожай.

226

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 335.

227

Из донесений (от 14 и 19 мая 1941) В. Н. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии с информацией начальника 1-го Управления НКГБ СССР П. М. Фитина об агентурных сведениях из Берлина о подготовке Германией войны против СССР («На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 338, 349).

228

Из записки В. Н. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии с текстом беседы, полученным агентом «Лицеистом» (как оказалось — провокатором гестапо) о германских планах войны с СССР («На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 117–118).

229

«На земле Беларуси. Канун и начало войны», М., 2006 г., стр. 149. Из них в войска ЗапОВО — 71 715 человек. Всего же (вместе с запасниками) численность ЗапОВО на 1 июня 1941 г. — 673 472 человека.

230

См. приложение 5.

231

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 330–331.

232

Состав: 28 ск (6 и 42 сд, 49 и 75 сд), 14 мк (22 и 30 тд, 205 мсд), 10 сад, 62 Брестский УР, Кобринский бригадный район ПВО, 120 гап РГК. Коробков приступил к обязанностям командарма-4 с 6 апреля 1941 г.

233

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 337.

234

Там же, стр. 346.

235

С 34 дивизий на декабрь 1940 г. — до 134 дивизий к 22.06.1941. Переброска шла 4 эшелонами: первый — до середины марта, второй — к началу апреля, третий — (17 пехотных дивизий) — с 8 апреля по 20 мая, четвертый «а» (9 пехотных дивизий) — с 23 мая по 2 июня и 4-й эшелон «б» (12 танковых и 12 моторизованных пехотных дивизий) с 3 по 23 июня. (Мюллер-Гиллебрандт Б. «Сухопутная армия Германии». М., 2002, стр. 270). Отняв от 134 дивизий те, что шли в четвертом эшелоне, получаем примерную численность имеющихся — 100. Резерв ОКХ, находящийся на западе, не учтен. В принципе это стыкуется с данными www.axishistory.com (со ссылкой на Tessin, Georg «Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945». Bd. 19, Osnabrück 1967) на 1 мая 1941 — 64 дивизии, на 1 июня — 93 дивизии.

236

Гальдер Франц «Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии». Смоленск, 2006, стр. 47.

237

Собственно говоря, это лишь одно из многих объяснений поведения руководства СССР, Наркомата обороны, штабов ЗапОВО и армий накануне войны, основание для которого — информация о ситуации в том же Брестском гарнизоне. Хотя и оно многое не объясняет — например, то, почему выдвижение советских войск началось еще в апреле, или — почему именно в полосе ЗапОВО неготовность к войне явно выделялась даже на фоне плаченной ситуации всего советско-германского фронта?

238

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 51.

239

Первоначально 42 сд участвовала в финской войне как «отряд КаУР». Затем на базе отдельных рот и батальонов Карельского УР и было сформировано это соединение. Далее дивизия сражалась в сокращенном составе (455-й, 459-й сп и 472-й ап). 44 сп (майора Гаврилова) воевал в составе другого соединения (вероятно, 43 сд). Полк должен был выйти из Териоки (где формировалась 42 сд) в 19.30 8.3.1940 г. и достичь к 6.00 9.3.1940 г. р-на Патрут, Куярви. Далее, как вспоминал П. М. Гаврилов, «полк получил приказ ночью по льду форсировать Финский залив, достигнуть западного берега и штурмом овладеть крепостью Тронгсунд. Затем выйти в тыл противника и отрезать путь отступления его войскам из Выборга». Вероятно, 10 марта полк и участвовал в атаке на Тронгсунд. С 11 марта полк боевых действий не вел (по крайней мере, не имел ни раненых, ни убитых). В 22.00 12.03. 1940 г. полк получил приказ о наступлении на о-в Пюиспан-саари. Судя по всему, атака на остров так и не началась из-за окончания боевых действий между СССР и Финляндией. РГВА ф. 34980 оп. 12, д. 119; РГВА ф. 34980, оп. 10, д. 495 (Журнал боевых действий отряда КаУР/42 сд).

240

К июню 1941 г. Лазаренко продолжал командовать 42 сд, но уже в звании генерал-майора.

241

«Принимай нас, Суоми-красавица.„Освободительныйпоход“ в Финляндию1939–1940 гг.». СПБ, 1999, часть 2, стр.42.

242

Аптекарь П. А.«Советско-финскиевойны». М.,2004, стр. 201.

243

Аптекарь П. А.«Советско-финскиевойны». М.,2004, стр. 246.

244

«Принимай нас, Суоми-красавица. „Освободительный поход“ в Финляндию 1939–1940 г». СПБ, 1999 г., часть I, стр. 248.

245

РГВА ф. 36841 оп. 1, д.2, л. 13–25.

246

Всего привлечено к партответственности 16 человек, из них политсостава — 6 человек.

247

«На земле Беларуси. Канун и начало войны», М.,2006 г., стр. 276–279.

248

Например, 22 февраля осенний выпуск (1 октября) был перенесен на 1 июля, а 14 мая — на 15 июня 1941 г.

249

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 66. Штат сд мирного времени — 10 921, военного — 14 483 человека. Вообще же к 22 июня соединения 4А были укомплектованына 113 % по штату мирного времени. Нужно отметить, что вопрос о том, свидетельствует ли данное увеличение численности о скрытой мобилизации или о сборах, является дискуссионным.

250

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 74.

251

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М.,2006, стр.397.

252

Или — «полевого заполнения».

253

В полосе Бреста — да, но везде ли? Да и там непосредственно «у воды» доты стояли лишь на Западном острове. Севернее Бреста они все-таки были подальше от Буга — например, вдоль р. Лесная. Хотя и в этом случае такое настолько близкое и невыгодное размещение еще не объяснено.

254

Бешанов В. В. «Брестская крепость». Минск, 2004, стр. 97. См. также воспоминания С. Ф. Осауленко на сайте www.iremember.ru.

255

В итоге каждый из батальонных участков имел четыре — шесть готовых дотов с вооружением и гарнизонами.

256

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М.,2006, стр.402. На сегодняшний день сохранилось шесть дотов на Западном, два на Южном, два на Северном, пять — севернее ж/д перегона Брест — Тересполь (в полосу 45-й дивизии не попали). Какие именно доты имел в виду Сандалов — неясно.

257

Судя по всему, доты на территории крепости — именно ее. Штаб батальона — Северный городок.

258

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М.,2006, стр. 403.

259

Там же, стр. 403. Неясно, имели ли они вооружение (в т. ч. тяжелое) и боеприпасы (в каком объеме?). Вероятно, именно эти подразделения Сандалов и имеет в виду, говоря о дежурном батальоне, в течение одной-двух недель неотлучно находившемся на отведенном полку рубеже в полном боевом составе, с оружием, боеприпасами, усовершенствуя позиции.

260

«Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004 г., стр. 84. То же самое и с саперными, и с артиллерийскимиподразделениями— имелось ли при них вооружение и боеприпасы? То, что и стрелки, и саперы работали, не имея оружия, утверждают, например, авторы «На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 152.

261

Управление начальника строительства.

262

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 71.

263

«Буг в огне». Минск, 1965, стр. 135.

264

«Мы» — это, скорее всего, сам Сандалов и командарм В. И. Чуйков. Генерал Коробков возглавил армию к тому времени, когда ее размещение было уже делом решенным.

265

Конечно, разное бывало, но зимой (даже во время Великой Отечественной) тыловые части все-таки пытались устроиться на постой в дома. На передовой части также регулярно сменялись, выводясь в более сносные условия.

266

Эти подсчеты вовсе не обозначают количество войск Красной Армии, с которыми пришлось столкнуться 45-й дивизии 22 июня. Например, три из четырех батальонов I.R.130 в этот день сражались с частями 22 тд или подразделениями204 гап.

267

Данные Попова — См., например, «Героическая оборона». Минск, 1963, стр.592–593; Сандалова — см., напр., Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении», М.,2006, стр.433.

268

Надо уточнить, что неясно — при каких условиях считать часть размещающейся в крепости? Например, если постоянное расположение в цитадели, но на 22 июня — там только штаб и дежурное

подразделение, а остальные в лагерях — то часть размещается в крепости или вне ее? Именно поэтому имеет смысл подсчет только по подразделениям,вплоть до взвода.

269

Имеется в виду бронетехника разведывательныхбатальонов.

270

Кстати, судя по воспоминаниям,много бойцов и командиров легли спать буквально за час-полчаса до нападения.

271

Однако это относилось не ко всем подразделениям. Например, оружие писарей 84 сп хранилось отдельно — в комендантскомвзводе (см. воспоминания Жигунова в сборнике «Героическая оборона»).

272

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М.,2006 г., стр. 358.

273

По роте — от полка. От отдельных батальонов (дивизионов) — в некоторых случаях, возможно, по взводу.

274

Емкость магазина 7,62-мм винтовок АВТ-40, СВТ-38 — 10 патронов, 7,62-мм винтовки АВС-36 — 15 патронов.

275

Емкость магазина 7,62-мм ручного пулемета Дегтярева (ДП-27) — 47 патронов.

276

По 250 патронов в каждой ленте.

277

«Устав гарнизонной службы Красной Армии». М.,1941, стр.35. Это имеет отношение к тому, входили ли в состав дежурныхподразделений бойцы приписного состава.

278

«Устав внутренней службы РККА (УВС-37)». М., 1938, стр. 35.

279

ЦАМО РФ ф.1139, оп.1, д.2, л. 100 Ориентировочно — май 1941 г. Подпись — «НО-6 Потапов». НО — начальник отдела. Судя по почерку — это лейтенант Александр Ефремович Потапов, вскоре — один из организаторов обороны на участке 333 сп.

280

Численность советских войск в полосе наступления первого и второго батальонов I.R.130, наступавших южнее Бреста, исчислению не поддается, ибо там, к мостам на Мухавце, выходила как техника 22-й танковой дивизии, так и множество групп как из крепости, так и из Южного военного городка или Брестского артиллерийского полигона.

281

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр., 114. 17-й Краснознаменный (Брестский) погранотряд до 24.08.1940 именовался 89-й (Тимковичским) погранотрядом.

282

Под «полковой школой» в тексте подразумевается школа младшего командного состава (школа МКС), готовившая младших командиров. Необходимо отметить, что в нее зачислялись прежде всего имеющие среднее или высшее образование, что делало это подразделение одним из наиболее боеспособных и устойчивых.

283

Вероятно, он же именуется Брестским артиллерийским полигоном.

284

ЦАМО РФ ф.1055, оп.№ 1, д.№ 6.

285

Н. Ф. Кюнг упоминает о том, что на Южном остались больные курсанты полковой школы во главе с младшим сержантом Иваном Долгоновым — командиром отделения пульвзвода (вероятно, подразумеваются освобожденные от полевого выхода по состоянию здоровья, а не находящиеся на стационарном лечении в госпитале). Их численность неизвестна, но они наверняка участвовали в бою. Защитники крепости (Н. Е. Ефремов, Г. Ф. Остапец) упоминают о том, что из состава полковой школы 84 сп на Южном остался и караул («Память». Минск, 1997, стр. 540).

286

Исаев А. «Георгий Жуков. Последний довод короля». М.,2006., стр. 162 (со ссылкой на сайт www.soldat.ru,(тот, в свою очередь — на ЦАМО РФ. Ф. Западного фронта, оп. 2579 (отдел оргучетный и укомплектования),д. 7).

287

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.71. Воспоминания Ткачевой П. Л. Госпиталь разместился на Южном еще 26 сентября 1939 г. То, что это был не корпусной госпиталь, говорит хотя бы наличие в нем инфекционногоотделения.

288

Сайт www.rkka.ru.

289

По некоторым сведениям, можно предположить, что большая часть роты либо отошла с острова в первые же минуты, либо погибла. Например, Илья Алексеев, сражавшийся в расположении 37 обс, рассказывает, что в их группе был пограничник, обучавшийся на курсах шоферов. Он был дневальным — и именно благодаря этому выжил, когда в их казарму попал снаряд. Под обломками остался 31 человек. Однако, скорее всего, имеется в виду здание транспортной роты, где действительно при первом же обстреле было немало убитых и раненых.

290

Шарлот В. «Брестская крепость — продолжение легенды». Самара, 2001 г., стр. 8.

291

На одной из немецких схем оно называется «дом офицеров». Кстати, возможно, именно там и размещались впоследствии пулеметчики 12/I.R.133 1, (среди них и Лео Лозерт).

292

По другим данным — спортсменов 20 человек (наряд по охране помещения), а кавалеристов — 150 человек. Бобренок пишет о том, что шоферы транспортной роты, саперы и курсанты курсов шоферов располагались «по соседству». Но что имеется в виду под «соседством» — рядом ли расположенное здание или весь Западный остров — не уточняется. Вообще, поскольку с Западного свидетелей осталось очень мало и рассказы их достаточно противоречивы, ситуация там неясна.

293

«Буг в огне». М., 1977 г., стр. 40. Судя по всему — снесенный к этому времени мост через передовой ров, где была пущена вода, сделав его «руслом Буга».

294

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.38.

295

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 114.

296

Бобренок С. «У стен Брестской крепости». Минск, 1960 г., стр. 9.

297

По штату в линейной погранзаставе — 64 чел., резервной — 42 чел. Часть пограничников обоих застав — в нарядах. Из состава 3-й погранкомендатуры в здании — прежде всего комендантский взвод (в северном крыле). Возможно — это комендантский взвод Брестского погранотряда?

298

Т. Ходцева («Герои Бреста», стр. 49). Есть и другие данные.

299

Если смотреть с Западного острова. Кроме того, на этом участке проживали и семьи начсостава: в башне над Тереспольскими воротами — 8 семей командиров 333 сп, в здании пограничников — около 10 семей командиров 17-го погранотряда.

300

Насчет спусков из самого здания не уверен. О них известно только из воспоминаний защитников, но, возможно, они имели в виду спуск с улицы. По крайней мере, в сохранившейся части здания не видно ни спуска в подвал (проемов в полу), ни в самом подвале — следов каких-либо лестниц. Судя по фотографиям, окна первого этажа 333 сп были забраны решетками.

301

ОФ МК БКГ КП 16405 д.8213. Воспоминания Алексеева И. А. Он также пишет, что были выведены все батальоны (в УР) и полковая школа (в летние лагеря), а на стрельбище — и батареи 45-мм и 76-мм орудий. Об этом же упоминает и Трухин В. В.: «Вечером 21 июня первый взвод 76-мм батареи вышел на ночные учебные занятия. Два других взвода остались». Однако командир взвода управления 76-мм батареи 333 сп лейтенант И. А. Терещенко отмечает, что 21 июня на тактических занятиях (проводимых командиром полка полковником Д. И. Матвеевым) находилась вся батарея: «Выехали мы в поле около 5 часов утра и вернулись в 18 часов». Поэтому именно Трухин, скорее всего, прав — только один взвод вышел из крепости накануне.

302

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». М., 1964, стр. 40. Далее он пишет о том, что «на полигоне у военного городка находилась и полковая школа» (там же, стр.75). В своих воспоминаниях, присланных в МК БКГ, Каландадзе утверждает, что «все батальоны… находились в Высоколитовском районе… где строили укрепления».

303

«Герои Бреста». Минск, 1991, стр. 122.

304

ОФ МК БКГ КП 9310 д.9332. Воспоминания Соколова А. В. По его воспоминаниям можно предположить,что командиромроты был старший лейтенант Стародубенко. В то же время Соколов пишет, что после полковой школы в роту с ним вернулся и Видонов и воевал в крепости вместе с ним. Согласно же другим данным, В. И. Видонов — заместитель политрука 2-й минометной роты 333 сп, То есть выходит, что минометные роты (как минимум — дежурного батальона) остались в крепости.

305

Подсчет ведется по штату 4/400 от 5.04.1941 г. Здесь и далее — командный состав полковых и батальонных тыловых и спецподразделений (многие командиры, кстати, приняли бой и на территории крепости и в самом 333 сп), рот и батальонов (кроме дежурных)не учитывается.

306

Согласно И. Ф. Черняеву (см. «Герои Брестской крепости». Кемерово 1961 г, стр. 55), общежитие комсостава было на первом этаже.

307

«Герои Бреста». Минск,1991, стр. 122

308

Уточню — утром 22 июня Каландадзе видел, что в помещении полковой школы (на 1-м этаже) находятся трупы красноармейцев.Но, возможно, эти погибшие не относятся к полковой школе?

309

Алексеев И. А.: «Мы, штабные писаря полка, не имели закрепленного за нами оружия» (ОФ МК БКГ КП 16405, д.8213). Вероятно, это означает, что в их расположении оружия не было, они должны были получать его по указанию командира в комендантскомвзводе.

310

В 10.00 там должно было начаться показное учение, проводимое 4-й армией. Тема «Оборона усиленной стрелковой роты на переднем крае. Наступление усиленного стрелкового батальона в одном эшелоне» (ЦАМО РФ Ф.1055, оп. № 1, д. № 6).

311

ЦАМО РФ Ф.1055, оп.№ 1, д. № 6. Предположительно взвод 82-мм минометов был из состава 3-го батальона.

312

Как и на участке 333 сп, в 84 сп было немало бойцов и из других подразделений полка — например, сержант Нуриджанян С. Б. (помкомвзвода 5-й стрелковой роты 84 сп). Он на городском стадионе вместе с другими бойцами готовился к участию в физкультурномпараде в Минске. По этой причине, вероятно, был освобожден от работ на укрепрайоне.

313

По другим данным, в Инженерном управлении — оружейная мастерская и спортзал.

314

Инженерный полк организационно состоял из управления, при котором имелась школа младшего комсостава, двух батальонов (инженерного, технического) и парка НЛП. В технический батальон входили 4 роты: электротехническая, полевого водоснабжения (или гидротехническая), маскировки, электрозаграждений.(«На земле Беларуси: канун и начало войны» М., 2006, стр. 96).

315

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.99. Воспоминания Никитина А. М.

316

ОФ МК БКГ КП 5949, д.1548.

317

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.99. Воспоминания Никитина А. М.

318

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.329. Воспоминания Долотова И. И. Надо отметить, что он называет дежурного по роте сержанта Лермана «сержантом мостовой роты». Кроме того, он рассказывает

о встрече в ночь на 22 июня с сержантом *своей* роты, несшим хлеб *ночной смене,* работавшей на укрепрайоне. Однако там же Долотов утверждает, что приписной (вероятно, он же — переменный) состав к работам на укрепрайоне не привлекался. Одновременно и Никитин и Долотов упоминают, что ежедневно бывали на работах в укрепрайоне… По всей видимости, приписные 33-го инженерного полка все же работали в УР — и часть роты была в ночной смене, часть несла караульную службу, часть — отдыхала. Кстати, не принявшие присяги в караул не допускались — а кто тогда нес караул в 33-м инженерном?

319

Укомплектовывать боевые части коренными жителями Западной Белоруссии разрешалось лишь в случае нехватки времени на укомплектование жителями других районов СССР. Граждан СССР польской национальности к частям и учреждениям приписывать запрещалось. Однако, похоже, это постоянно нарушалось.

320

Вал отдельной батареи (прикрывающей северную часть кольцевой казармы), построенной в 1864–1868 годах. В тексте он упоминается как пкт 145, в соответствии с «Lagerplan der Zitadelle von Brest-Litowsk».

321

Находилась на втором этаже, над штабом полка.

322

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр.351. Воспоминания Виноградова А. А.

323

Белая каменная ограда между 333 сп и кольцевой казармой.

324

Неясно, что имеется в виду. Согласно другим источникам, 37 обс располагался действительно в кольцевой казарме, но западнее 455 сп. Может, здесь упоминается одно из подразделений 37 обс? Рота связи 455 сп? Не только Махнач рассказывает об этом помещении, но и другие защитники.

325

«Героическая оборона». Минск, 1963., стр.351. Воспоминания Махнача А. И.

326

ЦАМО РФ ф.1139, оп. 1, д. 3, дата неизвестна, вероятно, апрель 1941 года.

327

Дом Красной Армии.

328

44 сп — 47 человек. Среди красноармейцев, откомандированных на сборы, очень много представителей национальностей народов Средней Азии и Северного Кавказа. Помимо прочего это объясняется и тем, что в октябре 1940 г. в 44 сп прибыли призывники именно из Средней Азии и с Кубани.

329

ЦАМО РФ ф. 1139, оп. 1, д. 1.

330

Там же, д. 2.

331

Донесение командира 28 ск В. С. Попова. Вероятно, подразумевается деревня Плоска. Она находилась несколько ближе — примерно в 4 километрах от города.

332

Возможно, там была и не вся рота, а одно из ее подразделений — например, восстановительное отделение. Численность принимавших участие в бою на территории крепости — 15 человек («Герои Бреста». Минск, 1991, стр. 119).

333

Кроме батарей полковой артиллерии, ПТО, 120-мм минометов, транспортной роты (они размещались в валу у Северных ворот). Есть упоминания о том, что в крепости находился и второй батальон. Однако и Попов и Сандалов говорят только об одном, как и командир 44 сп П.Гаврилов: «…Один батальон — в УР — под Семятичами, другой — в 5-м форту, в 4 км к северо-западу от Бреста. В крепости оставался один батальон и спецподразделения»(«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 215). Нужно уточнить, что форт V находится южнее Бреста, а северо-западнее — форт VIII. Интересно, что и согласно донесению Попова именно там (форт VIII) и размещался батальон 44 сп. По большинству сведений все наоборот — в форту V — батальон 44 сп, в форту VIII — батальон 455 сп.

334

Первая рота была учебной — за полтора года в ней готовили лейтенантов запаса, с последующей полугодовой стажировкой при своей части.

335

У складов химоборудования, боеприпасов, фуража.

336

По воспоминаниям рядового 1-й роты Н. М. Исполатова, караульное помещение находилось сразу же за Трехарочными воротами («небольшая квадратная комнатка с деревянными нарами и старенькой ружейной пирамидой»), Возможно, он путает с Бригидскими?

337

ЦАМО РФ ф. 1139, оп. 1. д. 3.

338

Подразумевается начсостав запаса, мобилизованный в сентябре 1939 г., в июне 1940 г. — задержанный до особого распоряжения, а в январе 1941-го — зачисленный в кадры РККА.

339

Или — «44-й отдельный полевой автохлебозавод». В дальнейшем — один из серьезных очагов сопротивления, о котором практически ничего не известно. Хотя после прочтения некоторых источников (например, Бобренка или воспоминаний пограничников в книге Шарлота) можно предположить, что под упоминаемой в них «пекарней в валу», где очень долго сражались пограничники, подразумевается именно пекарня вала пкт 145.

340

Бывший боец 98 ОПАД П. Бондарев сказал автору, что на вооружении дивизиона находились 45-мм орудия (М-37).

341

Правильное название — Восточный казематный редюит (редюит за горжей третьего бастиона). Построен в 1864–1868 гг. по проекту Э. И. Тотлебена.

342

Сейчас — 82, так как 12 разрушены при взрыве склада боепитания 333 сп 29 июня 1941 г.

343

Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион.

344

Иногда называемая «учебной ротой».

345

ОЗАД должен был состоять из трех батарей: двух батарей 37-мм орудий и одной батареи 76-мм орудий (4 расчета). По данным, приводимымв «Памяць» (стр.326), для участия в смотре военной техники и показных учениях, намеченных на 22.6.41, на Брестский артиллерийский полигон была выведена 1/3 личного состава 393 ОЗАД 42 сд (батареи 37-мм орудий и два расчета (с матчастью) 76-мм орудий). То есть в Восточном форту остались два расчета 1-й батареи (76-мм орудий) 393 ОЗАД. Кстати, бывший зав. складом боепитания 393 ОЗАД Р. Семенюк указывает, что на вооружении дивизиона находились 12 76-мм орудий и четырехствольныйзенитный пулемет. («Памяць». Минск, 1997, стр. 452).

346

Учитывая, что батарея Хавера, скорее всего, находилась на дежурстве в расположении 98 ОПАД.

347

Дома начальствующегосостава (иногда называемыедомами комсостава).

348

Судя по воспоминаниям С. П. Терехова («Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 201), они (и одна автомашина), подбитые, стояли в трехстах метрах от казематов 98 ОПАД.

349

Зенитно-пулеметныхустановок.

350

Грузовые автомобили ГАЗ-АА.

351

К 22 июня новым командиром 125 сп назначен майор А. Э. Дулькейт. Берков не успел отбыть к новому месту службы.

352

«Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия» (2-е издание) Брест, 2005, стр.30.

353

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 116. Воспоминания Горбаткова К. Г.

354

Скорее всего, это была 4-я рота (2-й батальон, капитана Шабловского).

355

Смирнов С. С. «Брестская крепость», М., 1965, стр. 113.

356

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 83. Воспоминания Ландышева Г. А. Пульрота (мл. лейтенант И. В. Исакович) находилась на стрельбище у Южного городка. Туда (см. воспоминания Садыкова Нурума (ДФ ЦМВС Б-4/264) были за неделю до войны выведены все три пульроты 125 сп. Что касается 3-го батальона 125 сп (к-р — к-н М. Е. Колесников), то он еще в мае вышел в р-н Чижевичи, Вильямовичи, Челева (12–15 км восточнее Бреста) для строительства укреплений. («Герои Бреста». Минск, 1991, стр.159).

357

«Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия» (2-е издание) Брест, 2005, стр. 30.

358

Надо уточнить, что помимо строительства дотов велась работа и по оборудованию позиций полевого заполнения — рытье стрелковых ячеек на 1–2 человека.

359

О том, что работа на строительстве УР в полосе наступления 45-й дивизии не прерывалась и ночью, велась и в выходные дни, говорят и воспоминания участников обороны Бреста, и данные наблюдательного штаба. Что касается приписного состава: общая численность 6 и 42 сд с 1 по 22 июня увеличилась на 3126 человек («На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 149). Если предположить, что большинство из июньского пополнения — это приписной состав, а его призыв начался еще в начале мая, и кроме того, приписники на строительство УР не выводились, то как минимум на территории крепости должно было находиться тысячи две приписников, содержащихся отдельно от остальных частей. Однако, учитывая, что подсчет батальонных подразделений производился, включая пулеметные роты (а согласно ряду свидетельств они были выдвинуты на артполигон 4-й армии), а полковых — роты ПВО (возможно, они были на учебных стрельбах (окружных сборах?) на специальном окружном полигоне восточнее Минска) и роты связи (возможно, были выведены на сборы к Кобрину) цифру (9000 человек) можно оставить без изменений. Хотя в этом случае доля квалифицированных бойцов, обладающих более высокой, чем приписники, стойкостью, конечно, уменьшается, приближаясь к указываемой в большинстве источников цифре — 8000 человек.

360

Надо отметить, что заместитель командира 6-й стрелковой дивизии по политической части полковой комиссар М. Н. Бутин в своем донесении о бое 22 июня пишет, что матчасть, личный и конский состав 1-го дивизиона размещались в крепости. Вероятно, на этом донесении основывался и Попов, также утверждавший,что в крепости был и 131 ап.

361

Вероятно, имеется в виду матчасть полковой школы.

362

Там же (по воспоминаниям В. Ф. Осауленко на сайте iremember.ru) штаб и первая батарея (т. е. рота?) 18-го отдельного пулеметного батальона 62-го Брестского УР.

363

Сандалов Л. М. «1941.На московском направлении», М., 2006 г., стр.404.

364

«Памяць», Минск, 1997, стр. 326. Надо отметить, что распоряжение о подготовке к показному учению, намеченному на 22 июня, предписывало вывести на полигон 2 дивизиона в полном составе (ЦАМО РФ Ф. 1055, оп. 1055, д. № 6).

365

«Памяць», Минск, 1997, стр. 328. Возможно, та же картина была и в 37 обс?

366

Можно предположить, что один дивизион 131 ап был на работах по строительству УР. В этом случае в его расположении оставалась лишь дежурная батарея и штабные подразделения.

367

Матобеспечение 4-й армии по плану прикрытия базировалось на окружной продсклад № 821 и № 1321 (головной, Брест). В войсках имелся один боекомплект, два — на окружных складах.

368

Сандалов Л. М. «1941.На московском направлении». М., 2006, стр. 405.

369

В окружном плане прикрытия: «Брестский УР и позиции полевого доусиления по линии госграницы на фронте Огородники, Брест-Литовск, Заказанка».

370

При поднятии по тревоге все соединения должны обеспечить скрытность мероприятий.

371

Неясно, почему Брест прикрывает 84 сп, а пограничников поддерживает 333 сп. Возможно, в планы вносились исправления и к 22 июня все же было решено, что и границу прикроет 84 сп. Кстати, то обстоятельство, что 333 сп предназначался для поддержки погранчастей, может обозначать, что один батальон полка все же оставался в крепости в ночь на 22 июня. О том, что 333 сп имел более тесное отношение к крепости, чем другие, говорит и резолюция на одном из актов проверки боевой готовности от апреля 1941 г.: «Кто старший в крепости? 333 сп», что означает, что именно этот полк отвечал за нее.

372

В окружном плане прикрытия: «Брестский УР и позиции полевого доусиления по линии госграницы на фронте Буяки, Мельник, Орля».

373

Пакеты так и не были переданы в штабы соединений 4-й армии, продолжая храниться в ее штабе, поскольку решение командующего армией по плану прикрытия еще не было утверждено штабом округа. Однако командиры соединений знали их содержание, так как сами же их и составляли. В любом случае начало войны отличалось от запланированного.

374

Она могла быть объявлена двух видов — с выводом матчасти и без. Зимой, при расположении техники в теплых гаражах, сроки сокращались на 1 ч.

375

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 358

376

ЦАМО РФ ф. 1139, оп. 1, д. 2.

377

Шла переброска частей дивизии из Береза-Картузская в Брест.

378

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006, стр.406.

379

468 единиц.

380

84 единицы.

381

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006, стр. 70. Расчет процента обеспеченности ведется исходя из штата военного времени. Учитывая, что численность дивизий была ниже, чем он предполагает (и то, что минимум 3 батальона находились в полосе обороны (на ее возведении), и в переброске не нуждались), имеющегося автотранспорта было вполне достаточно. Доля исправного автотранспорта в вышеприведенных данных неизвестна.

382

Заместитель командира дивизии по строевой части.

383

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 594. Осташенко, однако, утверждает, что лагерь был подготовлен к приему личного состава еще в апреле («Буг в огне». Минск, 1965, стр. 136).

384

Неясно, что помешало провести его в ночь на 22 июня.

385

«Буг в огне», М., 1977, стр. 125.

386

Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. «Палачи и жертвы», М., 1993, стр. 189.

387

«Памяць» т. 1. Минск, 1997, стр. 505.

388

«Герои Бреста». М.,1991, стр. 82.

389

По другим данным, В. Н. Абызов — заместитель командира 2-й телефонно-кабельной роты 37 обс по политчасти.

390

«Память».Минск, 1997, стр. 394, «Брестская крепость на ветрах истории», Брест, 2004, стр. 86–87.

391

«Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004, стр. 86–87.

392

ОФ МК БКГ КП 4728 д. 754. Письмо от 1 июня 1941 — жене Мищенко — Евдокии Максимовне.

393

ЦАМО РФ ф. 1139, оп. 1, д. 5, 6, 8.

394

Грибов «Германская пехотная дивизия». М., 1939.

395

В соответствии с планом прикрытия ЗапОВО СУВ ведется при помощи кодов, кодированных карт и радиосигнальных таблиц (используемых не только при разговорах по радио, но и по телефону). Открытые разговоры по телеграфу, и особенно по телефону, категорически запрещались, под угрозой сурового наказания.

396

Сандалов Л. М. «1941.На московском направлении». М., 2006, стр.407.

397

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 100. Радиоданные должны были выдать в угрожаемый период.

398

Там же, стр. 58–59.

399

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении», М., 2006., стр. 397.

400

Интересно, что помимо Германии штаб дивизии интересовала и Венгрия. Среди документов (они были захвачены 23 июня в Бресте и переданы после войны в СССР) есть обложка папки отдела политпропаганды, где в списке бумаг значится — «справка о Венгрии».

401

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 374.

402

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении», М., 2006, стр. 68.

403

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 374.

404

Донесение Б. З. Кобулова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии с сообщением П. М. Фитина («На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 380).

405

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

406

Имеется в виду территория Польши, оккупированная Германией.

407

Должность вписана от руки неразборчиво. Возможно, представился как офицер из управления вооружений сухопутных войск, курирующий дивизион? На самом деле согл. Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD 2001, p. 37, оберст-лейтенант Шмидт — командир 833-го тяжелого артиллерийского дивизиона.

408

Как правило, в документах дивизии именуется «батарея 833». Вероятно, либо в целях секретности, либо не зная о произошедших в конце апреля структурных изменениях.

409

NARA T314 roll 501 f552–554, 8,8-см зенитное орудие, согласно отчету Энгельхардта — поставила батарея № 3, 2-см зенитное орудие — батарея № 4.

410

Имеется в виду либо то, что орудие предназначается для поражения бронеобъектов, либо (скорее всего) то, что его расчет прикрыт орудийным броневым щитом.

411

Например, иногда такие орудия устанавливались на полугусеничный, частично бронированный тягач Sd.Kfz.8.

412

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

413

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

414

Там же.

415

Имеется в виду группа армий «Центр».

416

О восстановлении пролета Бригидского моста (напротив уже готовых, в общем-то, уже 100 лет Бригидских ворот) вопрос не поднимался? О строительстве временного моста напротив взорванного участка кольцевой казармы тоже? Конечно, речь здесь идет лишь о выходах из Цитадели. Оставалась еще основная проблема — главный ров и вал на Северном острове. Коробков был прав — и за неделю там вряд ли можно было управиться.

417

Вероятно, имеется в виду «Приказ о функциях судов военного трибунала на территории операции „Барбаросса“».

418

Гудериан Гейнц «Воспоминания немецкого генерала», М., 2007, стр. 164.

419

Вероятно, подразумевается «Указ о функциях судов военного трибунала на территории операции „Барбаросса“».

420

Вероятно, имеется в виду опасность стихийных грабежей, мародерства и насилия. Надо отметить, что в публикуемых ниже директивах для поведения войск в России говорится об ответственности по военно-уголовным законам.

421

Как видим, 45-я дивизия, входившая, как и XII А.К., в состав PzGr 2 «Указ о функциях судов военного трибунала на территории операции „Барбаросса“» получила и провела ознакомление с ним командного состава, приняв к действию. Либо Гейнц Гудериан обманывает, либо не считает приданный ему лишь для прорыва пограничного прикрытия XII А.К своим соединением. Да и непонятно, как мог быть завернут прямой приказ.

422

Гудериан Гейнц. «Воспоминания немецкого генерала». М., 2007, стр. 164.

423

Бок Федор фон «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006, стр. 38.

424

Вероятно, именно эту приостановку (возможно, гипотетическую) передачи приказа, инициированную Браухичем, Гудериан, похоже, приписал своей инициативе.

425

Начальник штаба группы армий «Центр».

426

Бок Федор фон «Я стоял у ворот Москвы». М. 2006, стр. 40.

427

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

428

BA-MA RH 26–45 19 14875/3. Возможно, были и другие инструкции, их не обнаружено.

429

Форт VI?

430

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

431

Вероятно, имеется в виду 22 июня.

432

BA-MA RH 20-4 1137.

433

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

434

Там же.

435

Форт O?

436

Г. Калинковичи — тогда Полесская область БССР.

437

Многим, проучившимсяодин год, присвоили звание мл. лейтенанта.

438

Н. Скрябин.

439

ДФ ЦМВС Б-4/227.

440

Бок Федор фон «Я стоял у ворот Москвы», М., 2006, стр. 31.

441

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

442

Возможно,это было набивание тюфяков.

443

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

444

К вопросу о дальнейших потерях — расчеты огнеметчиков действовали в первых рядах атакующих. Были ли потери среди приданных батальону огнеметчиков? И были ли они отражены и где? Пока неизвестно.

445

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

446

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

447

Подступ на северную колею (русский след) был на железнодорожной дамбе (т. е. пересадка на

немецкой стороне), вследствие чего возможна и независимая от русских пересадка и отсутствие помех железнодорожномусообщению с немецкой шириной колеи (NARA T315 roll 916, f405).

448

Он именуется и командиромтаможенной полосы охраны границ Тересполя — но вероятно, это одно и то же лицо.

449

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

450

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

451

Почему-то думаю, что речь идет о просушке тюфяков.

452

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 151.

453

Речь явно идет о 45-й дивизии. Из дивизий, стоящих напротив Бреста, в Австрии формировалась только «сорок пятая». В спецсообщении отражены практически все проводимыеею мероприятия.

454

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 385–386.

455

Думаю, все же речь идет о демонстративной беспечности.

456

Jentz Thomas L. Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm). MD 2001, p. 36.

457

BA-MA RH 20-4 1137.

458

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

459

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

460

Военный городок «Северный».

461

Слева от Тереспольского моста (если смотреть с запада) находились моторные лодки, скорее всего, пограничников.

462

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

463

BA-MA RH 26–45 19 14875/3.

464

Пороховой погреб № 5 Брест-Литовской крепости.

465

Должность Лео Лозерта осталась неясной или же она изменилась за время боев — судя по всему, сначала он — командир отделения, затем — командир второго взвода. Именно эти подразделения он называет «моими».

466

BA-MA RH 26–45 154 Leo Lozert.

467

Вероятно, командир взвода, в который входило отделение Лозерта.

468

Подразумеваются офицеры, что не входят в группу управления.

469

BA-MA RH 26–45 120.

470

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Вероятно, подчеркивается, что в лодке находились не пограничники.

471

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Вероятно, подразумевается, фольварк слева от железнодорожной насыпи или дома на восточной окраине Тересполя. Зачем там нужен взвод — неясно. Вероятно, для захвата моста (как резерв).

472

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. В КТВ 45-й дивизии время прибытия сигнала «Дортмунд» — 12.00.

473

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 391–392.

474

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 76.

475

В донесении от 8 июля Попов пишет, что, несмотря на то что «до самых последних дней никакими конкретными данными о предстоящей провокации со стороны Германии корпус не располагал», прощаясь, после проведения учения с комдивами, он лично предупредил их о боевой обстановке и о приведении частей в боевую готовность. Весьма сомнительное утверждение — в противном случае нужно предположить, что комдивы не выполнили распоряжение. Учитывая, что к 9 июля над комдивом-42 генерал-майором И. С. Лазаренко сгущались тучи, Попов, вероятнее всего, воспользовался ситуацией. В сентябре 1941 г. за то, что проявил «растерянность и бездействие, оставив в Брестской крепости часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады», И. С. Лазаренко был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, с заменой ВМН на десять лет ИТЛ. Направленный год спустя помилованным на фронт, Лазаренко вновь Стал комдивом и погиб летом 1944 г в Белоруссии, удостоившись звания Героя СССР (посмертно).

476

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006, стр. 76.

477

Согласно плану прикрытия ЗапОВО (июнь 1941 г.) подъем по боевой тревоге соединений и частей их командиры имеют право производить «в части, касающейся подчиненных им частей». То есть Коробков имел правя поднять если не всю армию, то как минимум одно из ее соединений, размещающееся на одном из наиболее угрожаемых участков. Сандалов, однако пишет, что поднять всю дивизию по боевой тревоге для проверки ее боевой готовности имел право только командующийЗапОВО, но упоминает о том, что ранее (14 июня) и сам поднимал 6 сд. Впрочем, даже взвод не был поднят в 4-й армии — и поэтому перенос ответственности на штаб округа (а тот — на Генштаб и т. д.) вряд ли оправдан.

478

ОФ МК БКГ КП 16405. д. 8213.

479

Имеются в виду позиции для варианта «Берта».

480

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s.44. Там же Гшопф замечает, что «не только простой солдат рассуждал тогда как „дипломат-дилетант“, похожими мыслями были охвачены и достаточно авторитетные люди, верящие и в другие фантомы! Одно вне всякого сомнения: действительность следующих лет основательно ввела в заблуждение и профессиональныхдипломатов, не только нас в нашем оптимизме. Очень скоро мы узнали, насколько ошибочна была любая игра с возможной антикоммунистической революцией. Обычная русская школьная учительница говорила мне летом 1943 г.: „Не все мы коммунисты,но все — русские, и поэтому — ваши противники“».

481

Kershaw R. «War without Garlands.OperationBarbarossa 1941/42» Shepperton 2000, p.30. Неясно, чья это точка зрения (Кершоу или Вехтлера) и что имеется в виду — может, атака восемью ротами (крепость атаковали не два, а три батальона (I и III/I.R.135 и III/I.R.130)? Или имеется в виду, что III/I.R.130 ворвется на Южный спустя полчаса? Выделение столь значительных сил в резерв свидетельствует скорее о неуверенности командования, его готовности вводом резервов блокировать любые неожиданности. Первая волна — скорее некая разведка боем.

482

Panzerjäger — военнослужащийпротивотанковогоподразделения.

483

Gschöpf R. «Mein Wfeg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s. 155. В целях сохранения тайны штурмовые группы частей были сформированы и получили свои цели лишь за несколько часов до атаки.

Это отразилось на эффективности их действий.

484

Сайт iremeber.ru Воспоминания Осауленко.

485

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s.49.

486

BA-MA RH 26–45 154 Leo Lozert.

487

В составе 2-й батареи были орудия № 3 («Один») и № 4 («Тор»),

488

Ibid.

489

«Die Wehrmacht» № 14 1941. Конечно, статья Хабеданка — художественное произведение. Тем не менее им приводятся реальные факты, позволяющие определить место и героев — 8,8-см зенитка была только в I.R.135, «Каземат старой крепости», «штаб батальона» — одно из строений в р-не погранстолба 1261 (строения 260 или 264). «Рвы крепости» — рвы, отделяющие Польшу от пкт 260 или 264, «качающиеся мостки» — мостки через них или старицу (вероятно, дополнительные помимо основного моста), «русский бункер» — дот 1b, куда и нацелена 8,8-см зенитка.

490

Мнение Ic дивизии. На самом же деле выход немецких войск в исходное положение замечен был (см. последнюю разведсводку ЗапОВО). Однако в полосе «сорок пятой» действительно последняя ночь прошла тихо.

491

NARA T315 roll 916 f697.

492

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Кроме этих, едва различимых, слов на листке нет ничего. Не указан ни отправитель, ни получатель. Однако — приход «Бранденбурга» в 130-й полк (часть, наносящую главный удар) означает, во-первых, что к захвату Тереспольского моста диверсанты «Бранденбурга» отношения не

имели, во-вторых, неизвестно и об их участии в захвате мостов Мухавца. Поэтому можно предположить, что «спецназ вермахта» использовался либо в крепости Бреста (что вряд ли, но не исключено), либо — переправившись через границу вместе с I.R.130, вносил сумятицу в отступающие части РККА (чаще — убивая командиров и политработников).

По данным авторов «На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006. (стр. 115), для 200 пограничников Брестского погранотряда война началась уже 21 июня, с уничтожения в Бресте и его окрестностях диверсантов «Бранденбурга», переброшенных через границу в товарных вагонах с двойным дном.

493

О присоединении Бессарабии. Фильм шел в клубе 125 сп.

494

Демонстрировался приписному составу 44 сп на Северном острове.

495

BA-MA RH 26–45 120.

496

BA-MA RH 26–45 24 14875/13.

497

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 390–391. Цит. по ЦАМО РФ ф 208, оп. 2454, д. 26, л. 70–73. На документе отметка «Отправлен 22.06.1941 г., в 15 часов 20 мин».

498

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s.49.

499

Линейные заставы были приведены в боевую готовность еще 21 июня (см. «На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 115). Вообще же вопрос о действиях по подготовке к бою частей и погранвойск и РККА (в том числе ВВС) слишком запутан. Кто, когда, почему и какие распоряжения отдал — по разным причинам не так легко выяснить.

500

ЦМВС ДФ Б-4/271 письмо Филя А. М.

501

Обращает на себя информирование (см. выше) штаба 45-й дивизии об электростанциях в Бресте. Выход из строя систем электроснабжения (и соотв. — водоснабжения) мог быть вызван как аварией (диверсией?) на Кобринской электростанции, так и диверсиями в Бресте.

502

Двигатели 3-й танковой дивизии не утаишь…

503

Вероятно, после всех этих тревожных сообщений и пошли к вокзалу семьи некоторых военнослужащихи пограничников.

504

MSG 2 5384 Walter Loos.

505

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz. 1955, s.49.

506

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548. В театре Долотов был вместе со старшиной Ривошем. Вероятно, они где-то гуляли, раз Иван вернулся в крепость так поздно.

507

Там же.

508

BA-MA RH 26–45 154 Leo Lozert.

509

«Die Wehrmacht» № 14, 1941.

510

Не во всех воспоминаниях говорится об отключении электроэнергии в Бресте, так как это произошло лишь в нескольких районах города (например, в штабе корпуса на ул. Леваневского) и на железнодорожном вокзале. В Бресте были автономные источники электропитания, не касающиеся

Кобринской электростанции.

511

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz 1955, s.49. Вероятно, художественная зарисовка — Гшопф, похоже, был на участке 1/I.R. 135. а там солдаты лежали за насыпью. Скорее всего, непосредственно у реки по всей полосе дивизии были только пулеметчики 12/I.R.133 (Лерцера), и то вжатые в окопы. Однако этот впечатляющий образ (солдаты вермахта непосредственно у берега Буга, перед Брестом) стал одним из самых распространенных.

512

Скорее всего, подразумевается плац севернее крепости.

513

Гудериан Гейнц. «Воспоминания немецкого генерала». М., 2007, стр. 165.

514

Личность хладнокровного оберст-лейтенанта неизвестна. Их не так много и в самой дивизии, и тем более на КП III/I.R.135 в ночь на 22 июня. Возможно, кто-то из штаба корпуса или армии. Впрочем, это мог быть и Шлипер, скрытый корреспондентом Хабеданком по причине секретности.

515

Согласно КТВ XII А.К. начало артподготовки — 3.10. В 3.15 отмечено — «вражеское сопротивление отсутствует». Либо сверхопечатка, либо отстали часы у ведущего КТВ офицера, или, если он брал данные от нескольких человек — у одного из них. Далее время в КТВ корпуса и 45-й дивизии почти совпадает, но вопросы есть. При несовпадении — указывается время, обозначенное в КТВ 45-й дивизии.

516

BA-MA MGS 2 5384 Wilter Loos. Кстати, по данным Лооса, артподготовка началась около 3 часов, в 3.11 набрав максимальное усиление. Да и число снарядов «Небельверфер» он изрядно преувеличил. Кстати, что могло так напугать в общем-то неробких солдат? Ведь на западе Южного и Западного островов не лежали цели ни реактивных установок, ни мортир «Карл», во избежание поражения собственных сил, а перед 130-м полком вообще работала лишь 13/I.R.133. Есть два объяснения — их напугал грохот от *запуска* реактивных снарядов, в то время оружия достаточно редкого. Более того — установки такого калибра применялись впервые. Второе объяснение прозаичнее — разлет реактивных снарядов был таким, что они накрывали всю территорию крепости, да и не только. Помимо разлета осколков, опасных и при разрывах на русском берегу, вполне возможно, что разлетающиеся реактивные снаряды взрывались почти у позиций войск. Именно это — возможность гибели от собственных сил, непредсказуемость своего же оружия — и напугало ударные части.

Кстати, интересно, как они укрыли (уже накачанные?) надувные лодки? Деревянными щитами? Ведь чтобы начать переправу через 4 минуты, лодки должны были быть на берегу.

517

Дот 1b и 5.

518

О каких-либо сверхвзрывах на территории Бреста или крепости мне неизвестно. Скорее всего, столб черного дыма, наблюдаемый с КП дивизии, — пожар на складе ГСМ 22-й танковой дивизии (на северной окраине Южного городка) или на нефтебазе у Жабинки. А впечатляющей силы взрыв — последствие попадания снаряда в склад боеприпасов 22 тд.

519

Низколетящая авиация пошла только в 3.33. Скорее всего, подразделения ПВО ведут огонь по едва видимым в лишь начавшем светлеть небе эскадрам Не-111.

520

Зона обстрела на крепости была разделена между двумя орудиями по линии (примерно) — дот 1а (к правому орудию), Бригидский мост, Восточный форт (к правому орудию). Левое орудие — орудие № 3 «Один», правое орудие — № 4, «Тор».

521

Погранстолб 1264.

522

Скорее всего, это пкт 247, ибо в пкт 242 — курсы шоферов. Пкт 242 также было повреждено, но, как и все здания старой постройки (являясь к тому же фортификационным сооружением), оказалось более устойчивым.

523

Ну ведь не могли же два орудия запугать 130-й полк? Именно поэтому см. вышеизложенное предположение.

524

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 116. Воспоминания Фурсова В. И.

525

История обороны Западного форта — одна из наиболее туманных страниц Бреста 1941 г.

526

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 182. Воспоминания Сухолуцкого С. М. Насчет Венгрии крикнул тот, кто следил за политикой чересчур уж пристально. Он, вероятно, решил, что Германия вступилась за Румынию, у которой Венгрия требовала Северную Трансильванию. В ответ СССР вступился за Венгрию, и Германия атаковала и СССР и Венгрию.

527

Андрей Федорович Гончар (1907 г.р.) капитан, командир 3-й роты 333 сп. Погиб при воздушном налете в лагере Хаммельбург19.10.1944.

528

«Память»т. 1. Минск, 1997 г., стр.497. Имеются в виду подземные казематы пкт 142–143.

529

Имеется в виду пкт 181 или 150.

530

Жена мл. лейтенанта Ивана Васильевича Прохоренко (1913 г.р.), зам. командира 2-й пулеметной роты 333 сп. Пропал без вести в июне 1941 г. (вероятно, убит или пленен при попытке прорыва из Восточного форта в 22.00 24 июня). Согласно одному из вариантов воспоминаний П. М. Гаврилова, возглавлял одну из групп прорыва. У Дарьи и Ивана было трое детей — трехлетние Алеша и Маша, годовалая Юля.

531

Осколки снарядов мортирного дивизиона 34 I.D., наносивших удар по цели 608, Западному форту.

532

ОФ МК БКГ КП 4764, д. 783, л. 1.

533

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 126. Воспоминания Костяковой Е.И.

534

По другим данным, они укрылись (или перебежали туда позже?) в помещении клуба 98 ОПАД — бывшем пороховом погребе, или в штабе 98 ОПАД. Скорее всего, одно и то же помещение называется по-разному.

535

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 114.

536

Kershaw R. «Wir without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton 2000, p. 65.

537

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 4.

538

Может, Тупицын (описание его действий дается по Смирнову С. С. «Брестская крепость». М.,1965, стр. 270–275) и путает — артиллерия 45-й дивизии в первые минуты по Бресту не била, а может, и нет — по зданию обкома вполне могла работать и корпусная артиллерия.

539

Можно отметить, что время начала атаки (сразу после завершения огня реактивных установок) не совсем учитывало специфику «Небельверферов» — при отсыревании пороха могли произойти затяжные выстрелы (воспламенение ракетного заряда спустя 1–3 минуты после срабатывания пиропатрона). Это могло бы привести к тому, что несколько ракет, со всей своей непредсказуемостью, могло бы пронестись над головами уже плывущих по Бугу групп. Впрочем, на войне «техника безопасности» не так актуальна — да и в этом случае надо было идти на некоторый, достаточно незначительный риск, чтобы максимально использовать эффект огня реактивных установок.

540

NARA T314 roll 1501 f41.

541

ВА-МА RH 26–45 14875 28. Кем, как и куда передано донесение, непонятно — КП 135-го полка находился в бункере КП 45-й дивизии, на кладбище Тересполя. Вот и донесение отправлено с «кладбища Тересполя» в «45-ю дивизию» в 3.40, пришло в 3.55. Метр преодолев за 15 минут? А вот командир 135-го полка, Йон, вспоминает, что батальон прошел по мосту, а незаминированность моста как минимум до 3.35 перепроверялась несколько раз, и до этого времени батальон пускать там никто бы не стал. Поэтому не исключено, что батальон Ельце пошел по мосту только в 3.35, с опозданием вышел на восточный берег в 3.40. Однако приходится доверять документам, пусть и несколько странным. Поэтому предположим, что одна рота прошла по мосту, остальные — переправились через Буг на лодках.

Цель 604 — где-то в районе погранстолба 1266. Все эти минуты — очень существенное обстоятельство при проведении операции по захвату Бреста.

542

Кершоу приводит в своей книге схему маршрута группы Кремера, не уточняя, на каких данных она основана. Однако думается, составил он ее неверно. Во-первых, Кремер стартовал в полосе 1-го батальона 130-го полка, а не 1-го батальона 135-го полка. Во-вторых — его главной задачей были именно мосты на Мухавце, а не на Буге. В-третьих — маршрут, предложенный Кершоу — самоубийственен: вдоль всей цитадели. В-четвертых, если приглядеться, на «карте Гшопфа» обозначен некий маршрут, абсолютно не совпадающий с Кершоу, но, похоже, это и есть истинный путь Кремера. Кершоу, вероятно не располагавшего картами, ввело в заблуждение количество мостов — 4, не найдя их у крепости на Мухавце, он включил мосты на Буге. Однако мосты Мухавца — подальше, на восток от города.

543

На КП дивизии доложено в 3.28 (КТВ).

544

Кершоу, основываясь на дневнике Германа Вилда, несколько по-иному излагает эти события — залп реактивных установок ударил по группе Кремера уже в реке, среди погибших и друг Германа Мюллер, еще за пять часов почувствовавшийсвою смерть.

545

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 209. Воспоминания Семенюка Р. К. Иногда говорится о том, что зенитчики 393 ОЗАД сбили чуть ли не «четыре двухмоторных самолета». Но, во-первых, список потерь люфтваффе за 22 июня, выложенный в Интернет, уже стал достоянием общественности — о «четырех двухмоторных» в Бресте там ничего нет. Во-вторых, и сам Семенюк в одном из ранних вариантов своих воспоминаний (в «Героях Брестской крепости») указывает лишь о *стрельбе* по самолетам, быстро прекратившейся из-за расходования снарядов (вероятно, тех, что были сложены непосредственно у зенитных орудий).

546

Капитан А. И. Джиджишвили— начальник полковой школы 333 сп.

547

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964 г., стр.76–77.

548

NARA T314 roll 501 f41.

549

Что именно «обезвредил» Цумпе — неясно. Провод, ведущий к каким-либо сигнальным огням на опоре? Непонятно и другое — почему именно Цумпе, а не кто-либо из саперов, вероятно, более подготовленный, «обезвредил мины»? Потому что именно Цумпе «нашел мины»?

550

«Сборник боевых документов Великой Отечественной войны», вып.№ 35. М., 1958 (боевое донесение № 001/оп).

551

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 393 (Цит. по ЦАМО РФ ф.208, оп.2454, д.26, л.76.)

552

Интересно, что они там обстреливали? Может, заградительный огонь, препятствующий подводу русских к Мухавцу? Но зачем тогда тяжелая артиллерия?

553

Бобренок С. «У стен Брестской крепости». Минск, 1960, стр. 17.

554

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 209. Воспоминания Забирко Ф. Е. «Клеенчатые плащи» — прорезиненные комбинезоны саперов. Почему они ехали стоя, подвергаясь риску обстрела или опасности вывалиться при остановке или повороте? Похоже, потому что при таком положении в лодку вмещается больший экипаж.

555

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 209. Воспоминания Морозова Н. М.

556

«Die Wehrmacht», № 14, 1941.

557

BA-MA MGS 2 5384 Walter Loos. Возможно, это художественный образ, созданный Лоосом. Если верить «карте Гшопфа», батальон Лооса (III/130) переправлялся где-то в районе погранстолба 1259 — вроде бы, кроме секретов пограничников, там не было никого? Разве что какое-либо подразделение работало по строительству позиций полевого заполнения. Кроме того, по этому сектору не работала ни тяжелая артиллерия Arko 27, ни реактивные установки.

558

Ход операции группы Кремера восстанавливается по пяти, мало совпадающим друг с другом источникам — воспоминаниям Лооса и защитников Бреста, КТВ 45-й дивизии, отчетам 81-го саперного батальона и 130-го полка.

559

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton, 2000, p.48.

560

Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD 2001, p. 35. Здесь же одно из противоречий, вызванных то ли путаницей в документах, а скорее всего — неправильным переводом сослагательного наклонения в немецком языке. Йентц приводит рапорт от 1 июля, согласно которому орудия 22 июня выпустили по 7 снарядов по крепости, а далее — били по фортам «Граф Берг» и «Митки». Но на той же странице — отчет о том, что даже по крепости не удалось отработать в полной мере («Тор» выпустил 3, а «Один» 4 снаряда) из-за заклинивания снаряда в стволе.

561

Имеется в виду, вероятно, низколетящая штурмовая авиация. Согласно большинству источников, авиаудары по территории СССР начали наноситься одновременно с началом артналета, в 3.15.

562

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 147. Воспоминания Соколова Н. И.

563

Вокруг этого подразделения также ходят легенды. Его странное расположение — рядом с границей и на острове, на котором не было автодрома, служат основой для слухов о том, что под «окружной школой» таилось одно из секретных советских спецподразделений. Помимо прочего эту версию подтверждает и упорная оборона «шоферов».

564

Он жил на Западном — рядом с казармой транспортной роты.

565

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 42. Воспоминания Мясникова М. И. Он курсант «окружной школы шоферов», закончил войну Героем Советского Союза, после войны — полковник.

566

По неофициальным сведениям, в 1993 (1994?) г. при чистке русла у Холмского моста были найдены обрывки двух немецких резиновых лодок и легкий пулемет. Однако штурмовые лодки, используемые Кремером, были деревянными. Действительно, еще во время войны немцами была вытащена деревянная штурмовая лодка, утонувшая, как утверждает свидетель, напротив разрыва кольцевой казармы (там, где сейчас стоит скульптура «Жажда» (напротив пкт 147а).

567

Описание атаки противоречит «карте Гшопфа». Однако КТВ 45-й дивизии вторжение на Южный описано так: «3.45. Подразделения I.R.130 с большим воодушевлением, сначала без существенного сопротивления, наступая по обе стороны танковой магистрали № 1, в 3.45 достигли дорожного моста непосредственно к востоку от Южного острова (Гипп — мост) и проникают на Южный остров». То есть можно сделать вывод, что сначала они наступали вдоль магистрали № 1 и лишь потом проникли на Южный остров почти одновременно с достижением моста «Гипп». Прорыв через Южные ворота описан у Кершоу.

568

Гребенкина А. «Героические защитницы Брестской крепости» («Коммунист Белоруссии», № 6, 1983 г.)

569

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 209. Воспоминания Фурсова В. И., стр. 79. Возможно, имеются в виду конюшни взвода конной разведки? В главном валу?

570

Далее Тамара Джиджишвили пишет: «Спустились они с чердака. Наверное, пробрались туда еще с вечера». Момент, ярко показывающий ошеломление неожиданностью и стремительностью немецкого вторжения. Впоследствии слухи о диверсантах, «пробравшихся с вечера», на просторах Белоруссии сменил ужас перед «выброшенными и повсюду парашютными и десантами».

571

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964 г., стр. 77. Несколько иную версию гибели Почерниковых приводит Е. И. Лисецкая: «Когда женщины увидели, что к дому пробираются женщины и закричали: „Немцы! Немцы!“ Почерников подозвал к себе жену и дважды выстрелил… Ночь мы сидели в этом доме, и здесь же лежали их трупы». Трагедия семьи Почерниковых еще в те июньские дни потрясла всех, кто его знал. Причем первые слухи, дошедшие до засевших в подвалах бойцов 333 сп, говорили о том, что Почерников, перед тем как застрелиться собственноручно застрелил жену и детей… Послевоенные же версии гибели Почерниковых — это двухдневная оборона двумя пистолетами и самоубийство лишь из-за израсходования патронов. Лишь после боев выведенная вместе с другими семьями из крепости Тамара Джиджишвили смогла вновь попасть к своему дому: «На лестнице в девятом корпусе мы увидели

обгорелые трупы Вани и Шуры Почерниковых. Я вырыла им в палисаднике могилу» (Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964 г., стр. 136).

572

«Память». Минск, 1997, т.1, стр. 498. По данным И. Ф. Черняева («Героическая оборона», Минск 1963, стр. 205) — И. Д. Панарин — командир полковой батареи 333 сп. И сражался он в Восточном форту.

573

«Память». Минск, 1997, т. 1, стр. 498.

574

«Память». Минск, 1997, т. 1, стр. 497.

575

Вероятно, правильное название должности Матевосяна звучит так: помощник заместителя командира по политической части 84 сп по комсомольской работе — ответственный секретарь бюро комсомольскойорганизации 84 сп. Звание — замполитрука.

576

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 474. Воспоминания Еремеева Г. Т.

577

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 486. Воспоминания Тимофеенко В. И. Число находящихся в подвале впоследствии сильно выросло за счет бойцов подразделений из соседних участков. Командиры, находившиеся в подвале (до прихода туда Кижеватова) — Наганов, Санин, Потапов, Тимофеенко, Петлицкий, Терещенко, Поляков, Зиновьев, старший лейтенант Семенов… Единого руководства в подвале 333 сп так и не удалось создать. Судя по всему, наиболее активные бойцы объединились вокруг наиболее близких им по довоенной службе командиров.

578

Митюков А. «Оптимистическаятрагедия Брестской крепости». «Директор» (за июль 2002 г.)

579

Место сбора полка по боевой тревоге — полковой обоз за Северными воротами.

580

«Герои Бреста». Минск, 1991, стр. 122.

581

Вероятно, именно ее видел писарь 333 сп И. А. Алексеев: «Какое-то подразделение в строевом порядке пробежало по дороге в сторону Трехарочных ворот» (ОФ МК БКГ КП 16405, д.8213. Воспоминания Алексеева И. А.).

582

Евдокия Ровнягина — старшая медсестра инфекционного отделения Брестского военного госпиталя.

583

Штат 4/400-416 от 5.04.1941.

584

Похоже, там были 9 и 12-я роты из батальона Ульриха (11-я — резерв полка, 10-я — придана первому батальону). Если на Центральный и Западный, с дальнейшим захватом запада Северного и последующим наступлением на территорию Центрального вокзала было нацелено 3 роты (батальон Праксы), то вряд ли на Южный было введено больше.

585

Время начала боя на Центральном основывается на тексте из найденного в 1971 г. (вместе с останками бойца) медальона Фролова Н. Н. «…Бой начался 22-го в 4 утра 41 года». Под «боем» Фролов подразумевает, скорее всего, начало стрельбы именно из стрелкового оружия, указывая местное время.

586

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.5.

587

Необходимо сказать о пулемете «Максим» обр. 1910, основном тяжелом оружии, находившемся в распоряжении защитников. Вес — 66 кг (без охлаждающей жидкости (воды). Вес коробки с лентой (250 патронов) — от 9,88 до 10,3 кг. Техническая скорострельность — 8–10 в/сек, боевая (учитывая смену лент, восстановление наводки, устранение неисправностей, смену воды) — 250–300 в/м. После примерно 500 выстрелов, при длительной стрельбе, необходимо сменить воду (залить холодную воду в кожух) — наливая в горячую холодную до тех пор, пока последняя не потечет через пароотводное отверстие. Емкость кожуха — 4,5 литра. При этом при стрельбе воду нельзя доводить до кипения — для чего периодически доливать или сменять. Не реже чем через 250 выстрелов — необходимо смазывать все трущиеся части пулемета. На походе и в бою «Максим» обслуживался 5–7 номерами (наводчик, помощник, наблюдатель, дальномерщик и 2–4 подносчика). Необходимо отметить, что «Максимы» большинства подразделений хранились на складах части — перед сдачей туда они должны были быть полностью разобраны, вычищены и смазаны. Однако у пограничников, находящихся в повышенной боевой

готовности, пулеметы, вероятно, стояли уже собранными и заправленными водой.

588

«Литературный Киргизстан», № 1, 1966 г.

589

По другим данным, Н. А. Егоров — начальник штаба 1-го батальона 44 сп. Именно так он сам рекомендуется в письме бывшему заместителю командира 44 сп по политчасти Н. Р. Артамонову в январе 1956 г. («Север», № 5, 1971).

590

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 215.

591

Исполатов Н. М. «Люди трудной судьбы». М.,1963, стр.18.

592

Рассказывая об этом эпизоде, большинство участников обороны крепости считают, что пулеметный огонь велся с главного вала.

593

ОФ МК БКГ КП 5949, д.1548, л.4.

594

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 209. Воспоминания Долотова И. И. Кобринскими ранее назывались и Трехарочные, и Восточные. Именно последние, ближайшие к Белому дворцу, имеет в виду Долотов. Однако смогли ли танки переправиться через Мухавец? См. Исаев А.В. «Антисуворов». М., 2004, стр. 213: «Перевозить десант Т-38 не мог: „Малое водоизмещение не позволяло перевозить на его броне через водные препятствия даже двоих пехотинцев. Перегрузка в 120–150 кг приводила к захлестыванию набегающей волны в люки танка при выполнении каких угодно маневров на воде. Итог всегда был неизменным. Танк тонул“ (М. Хобби, 1997, № 9, стр. 34)». Помимо этого можно добавить, что Мухавец там имеет достаточно крутые берега — слабосильный Т-38 просто мог не взобраться на них и застрять в прибрежной грязи. В то же время подтверждением выхода подразделений 75 орб через Восточные ворота может служить обнаружение в феврале 1971 г. в районе Восточных валов останков 17 красноармейцев. Помимо истлевшего обмундирования среди них был найден также командирский планшет и медальон мл. сержанта Б. М. Элькина — командира танка 75 орб 6 сд, комсорга роты. Неизвестно, где погиб его танк, но, судя по всему, комсорг танковой роты пытался выйти из крепости (впрочем, вероятно и то, что Элькин погиб, находясь в составе отряда Виноградова).

Из 16 имевшихся (по штату) Т-38 75 орб в район сосредоточения не вышел ни один.

595

Дальше Бытко совершил достаточно выдающийся по своему мужеству поступок — он решил вернуться в крепость за остальными курсантами и знаменем… Секретарь партбюро 44 сп В. З. Максимов: «Мы встретились с ним 22 июня около 6 часов утра, когда он возвращался в крепость. Бытко сказал, что он должен во что бы то ни стало пробраться в штаб и организовать вынос знамени полка».

596

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.4–5.

597

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 101 Воспоминания Никитина А. М.

598

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 352.

599

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 101. Воспоминания Никитина А. М.

600

Возможно, что именно те, кто «упали и остались лежать». Лежать, чтобы быть ближе к валу. Прикрытые огнем их товарищей, они вскочили и бросились на вал. А почему так же эффективно не смогли действовать впоследствии, при штурме этого объекта (пкт 145)? Вероятно, огонь из казармы 33-го инженерного полка не давал такой возможности.

601

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 101. Воспоминания Никитина А. М.

602

Это здание не обозначено на «штурмовой карте» (Lagerplan). Скорее всего, его захват был вынужденным, вызванным начавшейся со всех сторон стрельбой по немцам.

603

ЦМВС ДФ Б-4/271 письмо Филя А. М. Свидетельства о том, кто именно обратился с речью (Матевосян или Фомин) и какой — достаточно противоречивые. Текст, приведенный Филем, созданный в 1951 г., вероятно, ближе других отражает дух 1941 г. Кстати, в нем и манера речи Матевосяна передана хорошо.

604

Телеинтервью С. Матевосяна в фильме «Загадки Брестской крепости».

605

По некоторым данным, в плен было захвачено 11 человек.

606

На стр. 474 «Героической обороны» (Минск, 1963) Еремеев называет другие фамилии.

607

Эпизод, показывающий, что вплоть до огня Еремеева из здания пограничников по немцам никто не стрелял, раз они чувствовали себя так вольготно?

608

Коротков приказал занять оборону у окон первого этажа.

609

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.5.

610

Ни одна карта, показывающая размещение строений на Западном острове, друг с другом не совпадает. И все они — не совпадают со схемой боев (см. напр. «Героическая оборона»). Поэтому трудно точно указать расположение транспортной роты 17-го погранотряда.

611

«Боевой устав пехоты германской армии 1940 г. 4.9. Вождение и бой пехоты. Пехотный батальон, п. 197». М., 1945.

612

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006, стр. 85, 86.

613

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 393. (Цит. по ЦАМО РФ, ф.208, оп.2454, д.26, л.75. Слова «военных действий» дописаны карандашом, вместо зачеркнутых — «нарушений госграницы»).

614

Видимо, именно этот пожар, более известный как «пожар на складе телогреек», продолжался больше месяца, огонь то тлел в «вате телогреек», то разгорался вновь. Дым над Цитаделью был виден еще в начале августа.

615

ДФ ЦМВС Б-4/227.

616

Бессонов А. П. «В трудные годы». Краснодар, 1959. Литературная запись Г. Лурье, стр.13. Данный сектор кольцевой казармы был разобран после войны, но в аналогичном ему секторе 33-го инженерного полка толщина внутренних перегородок — 156 см сверхпрочного кирпича. Собственно, зачем было этим заниматься — надеясь прорубиться таким образом вдоль всей казармы? Объяснение только одно — шок. Страх, настолько сильный, что выбежать во двор было труднее, чем весь день рубить кирпич. Да и командования, сумевшего бы хоть как-то организовать работу, не было. Поэтому те, кто посмелее, выбежали, схватили, вероятно, рулевые валы сгоревших «полуторок» — и начали бить в стены.

617

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 292. Воспоминания Матевосяна С. М. Насчет формы военнопленного — возможно, преувеличение, хотя, с другой стороны, не исключено, что кто-то из офицеров 45-й дивизии забавлялся подобным образом. Однако председатель Союза ветеранов 45 I.D. Йозеф Вимер не помнит, чтобы когда-либо происходило подобное переодевание. В разных советских источниках этого офицера называют «подполковником (т. е. оберст-лейтенантом — *P.A.*), офицером разведки 45-й дивизии». Среди погибших офицеров дивизии известен только один оберст-лейтенант — командир дивизиона «панцирягеров» Цан, погибший при взрыве на станции 23 июня. Вероятно, бойцы 84 сп взяли в плен обер-лейтенанта, командира одной из атакующих рот.

618

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 292. Воспоминания Матевосяна С. М.

619

«Военные знания», 1997 г. № 7.

620

Там же. Остальные захваченные 84 сп пленные также были расстреляем — вероятно, на следующий день, перед переходом в казарму 33-го инж. полка. Об их количестве — разные данные (от 3 до 11). «Мы привели 3-х (взятых по очереди) немецких автоматчиков к комиссару Фомину. На допросе выяснилось, что против нас стоят дивизии 12-го армейского корпуса. Перепуганные фрицы только и могли пролепетать эти

слова и еще — „капут“. Военная обстановка не позволяла сохранять им жизнь». ДФ ЦМВС Б-4 271 Филь А. М.

621

75 орб смог вывести мотострелковую роту и 7 бронеавтомобилей («Героическая оборона», 4-е изд., Минск. 1971 г.). Один из бронеавтомобилей был поврежден артобстрелом и остался у Белого дворца.

622

Вскоре комсостав и особенно политсостав, надеясь выжить, будут снимать с себя гимнастерки со знаками отличия.

623

ДФ ЦМВС Б-4/227.

624

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 367. Воспоминания Махнача А. И. Эпизод основан на двух, разновременных свидетельствах Махнача. Конечно, странно, что Алексея Наганова он впоследствии назовет «Сашкой-пистолетом»,но именно «Сашей» Наганова часто называли в Минском ВУ им. Калинина, и, похоже, речь идет об одном и том же человеке. Это — последнее наиболее достоверное воспоминание о Наганове. Дальше — только предположения…Через несколько минут он вернется в подвал 333 сп. Там пробудет до вечера, вероятно, участвуя в боях — его полевая сумка будет пробита пулей, затем, вместе с другими заметив отход немцев, перейдет в полубашню у Тереспольских ворот. 23 июня в 5.00 начнется артналет, в котором примут участие и установки «Карл» — один из снарядов разворотит полубашню до самого основания…

Осенью 1949 г. при расчистке развалин останки Наганова найдут вместе с другими пятнадцатью бойцами и опознают по найденному среди костей и обрывков полусгнившей гимнастерки комсомольскому билету. В обойме ТТ будет найдено три патрона, четвертый — в канале ствола. Проржавев, ТТ «Сашки-пистолета» навечно останется на боевом взводе.

625

В памяти Тойчлера отложились ворота — но это были окна подвала 333 сп (забранные решетками) и спуски в него. Действия второй волны описываются по Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division» Linz, 1955. s.156–157 (рассказ Ганса Тойчлера). «Классическая» версия, приводимая большинством авторов (например, Кершоу, Карелем, Гшопфом), — Тойчлер пробился к церкви, артпарку 333 сп. Говоря о церкви, Тойчлер замечает, что она осталась справа, поэтому было резонно предположить, что пушки, упоминаемыеим, артпарк 333 сп, а обстреляли его слева — от погранкомендатуры.

Однако слишком многие моменты рассказа Тойчлера диктуют иную схему событий — например, Тойчлер упоминает, что «канал» он перебегал дважды, причем оба раза — через большие въездные ворота (предполагаю, что, оставив церковь справа, пробежал через Трехарочные и оказался на Северном острове у пкт 145). Именно в районе Трехарочных он схватился с танками Т-38 (или, скорее всего,

броневиками Матевосяна — и танк и броневики там действительно были). Пробежав на Северный, где 12-я рота вели бой с орудиями 98 ОПАД (оставив по левую руку пкт 145, палаточный городок — это палатки приписного состава 33 инженерного полка), он вышел в тыл орудиям 98 ОПАД, затем подбежал к позиции зенитных орудий 393 ОЗАД, где и был ранен. Вытащен подразделениями III/I.R.133 после 18.00 24 июня.

Гауптман, упоминаемый в его рассказе, — это, скорее всего, Пракса. В первом и третьем батальонах, действующих 22 июня на Северном, были и другие гауптманы (Кене и Орбес). Но Кене атаковал вне крепости, а Орбес вступил в бой позднее. Время гибели Праксы известно — 4.45, известно и то, что погиб он на Центральном острове, вероятно, отступив туда после того, как защитники Северного перестреляли почти всю атакующую группу 2–й волны.

626

Неясен смысл атаки — лучшее, что они смогли бы сделать, — узнав об уничтожении первой волны, попытаться доложить обстановку командиру полка, вероятно, считающему, что Центральный захвачен, и продолжающему атаку на Северном. Именно при захвате Центрального она, уже с 4.38 начавшая пробуксовывать, еще имела бы смысл, вернее, ее изначально стремительный характер. Второе, что мог сделать Пракса — вывести людей из Церкви и других зон окружения, это еще было возможно. Но Пракса недооценил русское сопротивление, вероятно посчитав, что окружены не немцы, а русские. И, похоже, намеревался помочь Ельце, не понимая, что помощь нужна ему самому. Атака второй волны вылилась в бессмысленную беготню взад-вперед.

627

В нем, у Мухавца, автор в 2005 г. нашел расщепленную рукоятку М-24, среди хлама поздних десятилетий — утварь медиков сорок первого. Там, наверное, сохранилось многое — после войны от любопытных каземат был заложен кирпичом, но они, не останавливаемые и погранзоной, пробили стену и, вынеся свои находки на поверхность, ко входу в каземат, так их и оставили.

628

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 342.

629

Там, в казематах главного вала, удалось закрепиться курсантам полковой школы 84 сп и 95-го медсанбата под руководством лейтенанта М. Е. Писарева (см. Бешанов В. В. «Брестская крепость». Минск, 2004, стр. 110).

630

В другом варианте рассказа Еремеева — заменили именно его самого, а не Алексеева. Полуослепший от попавшей в глаза извести, он еще вел огонь, вскоре Алексеев отвел его в подвал 333 сп, где ему промыли глаза. («Литературный Киргизстан», № 1, 1966 г., стр. 83).

631

В эти минуты группа Тойчлера пробегала мимо расположения 455 сп.

632

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division», Linz, 1955 s. 156.

633

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 279. Воспоминания Дурасова А. И. Кстати, Дурасов впоследствии разгружал боезапас броневика Матевосяна, при этом оказалось, что к орудию броневика там имелись только бронебойные снаряды.

634

Например, противотанковым ружьем PzB-39 (бронепробиваемость 7,92 бронебойным патроном на расстоянии 100 м — 35 мм. Броня БА-10 — 8–10 мм). PzB в полках 45-й дивизии имелось достаточно.

635

ОФ МК БКГ КП 4776, д. 816, л. 6.

636

Необходимо отметить — Тойчлер был командиром группы. Он мог ей приказать идти вперед. Но где она? Либо к этому моменту потери были такими, что группа полегла полностью, либо — толпа, столпившаяся у Трехарочных, была настолько деморализована огнем, идущим со всех сторон, что приказов уже никто не слушался, плохо понимая, что происходит, и бежали за теми, кто посмелее, стараясь держаться поближе друг к другу. Это были уже не «штурмовые группы», а сбившееся в кучу смертельно напуганные люди и несколько офицеров, и унтер-офицеров, еще способных принимать решения. И при этом они продолжали атаку?!

637

Об этом орудии (вероятно, из 98 ОПАД) упоминают и советские участники боев.

638

На внутреннем валу Восточного форта.

639

Вероятно, этому докладу соответствует обстановка, внесенная в КТВ Корпуса в 4.42: «45. I.D. всем I.R.135, и I.R.130 (основными силами полка) уже за Бугом. Начато строительство паромов. Неповрежденный мост через Мухавец в наших руках. Как и второй, находящийся за железнодорожным мостом большой мост. На Северном острове цитадели враг занял оборону и защищается. Подводится противотанковый дивизион. Пешеходный штурмовой мостик готов. Взято примерно 50 пленных в нательном белье

(пораженныхво время сна)».

640

На КП дивизии о его смерти станет известно в 7.45.

641

Может, имеется в виду Котельня Боярская?

642

Эпизод излагается по-разному, и неясно — то ли речь идет об одном, то ли о нескольких случаях. Однако большинство говорит о том, что одного пленного (реже — упоминается о двух) все-таки взяли именно на втором этаже. О втором пленном неизвестно — если он и был, то вероятно, даже не стали тащить в подвал… Законы войны отличаются от человеческих — для допроса был нужен только один… Однако есть и свидетельства, что допрашивали и двух, причем одного — именно раненого (лежащего). Наконец И. А. Алексеев утверждает, что не 22, а в ночь на 23 июня разведгруппа врага перебралась на 1-й этаж (расположение 3-го батальона), где при попытке их обезвредить погиб ст. сержант Аракелян С. П. Немцев перебили, а одного взяли в плен. Связав пленному руки и ноги, его положили в северной части подвала, под клубом полка, где он и был допрошен (ОФ МК БКГ КП 16405, Д. 8213). Алексеев (пришедший в подвал вечером 22 июня), похоже, излагает эпизод с чужих слов, по крайней мере, не упоминая о своем личном участии в бое с разведгруппой. Наконец, есть свидетельства Махнача, что вечером 22.06 группы 455 сп в поисках боеприпасов были обстреляны с чердака 333 сп, в ответ красноармейцы разогнали там немецкую группу — двоих врагов при этом взяв в плен («Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 368). В ранних воспоминаниях Махнача нет ни этого эпизода, ни каких-либо упоминаний о поиске боеприпасов за пределами 455 сп 22 июня.

643

Вероятно, не из числа тех, кто его пленил.

644

«Героическая оборона». Минск. 1963, стр. 462. Воспоминания Санина А. С.

645

Чувствуется, что эта радиограмма поразила командование и корпуса, и армии, и дивизии.

646

Отчет Энгельхардта был написан 1 июля. Поэтому, возможно, он неточно указал время — вряд ли Йон в 5 часов предвидел ситуацию к 8 часам.

647

Похоже, 10-я рота — в первом эшелоне полка, 11-я рота — в его резерве.

648

Для стрельбы из MG-34 по воздушным целям он устанавливался либо на универсальный станок обр. 1934 г., либо на легкую зенитную треногу обр. 1934 г.

649

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division», Linz, 1955 s, 150–151. Кстати, возможно, из-за большого количества летчиков, выпрыгивавшихс парашютами, родились и легенды о воздушных десантах (например. Н. Ф. Кюнг вспоминал, что «немцы выбросили парашютистов восточнее химгородка» — т. е. практически на границе, на территории, занятой ими через пару часов после начала войны).

650

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

651

Для корректировки огня артиллерии. Но вести артогонь по крепости, не имея представления о расположении собственных подразделений (а батальон Праксы практически растворился в Цитадели), вряд ли бы кто решился. Скорее всего, аэростаты действовали либо в интересах соседних дивизий, либо их наблюдатели пытались получить представление об обстановке на территории Центрального укрепления. Интересно, что воспоминания Лозерта и здесь совпадают со свидетельствами защитников — А. И. Дурасов видел аэростат за казармой 333 сп, находясь у Белого дворца, т. е. аэростат поднялся у ж/д моста, где и находился Лозерт.

652

«Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 279. Воспоминания Дурасова А. И.

653

Местного времени.

654

Это атаковала вторая волна батальона Праксы. Группу Долотова обстреляли «сзади» — т. е. из церкви. О том, что там находятся немцы, в 33-м инж. полку будет известно только в 9 часов.

655

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.6 Днем бойцы 33-го инж. полка еще не раз ходили за боеприпасами, взяв себе также несколько пистолетов и автоматов ППД (с патронами).

656

Фамилия не приводится, так как, по свидетельству Махнача, 24 июня С. был расстрелян красноармейцамиза невыполнениеприказа.

657

Есть много свидетельств, что в крепость прибыли и другие командиры частей. Видели даже командира 42 сд генерал-майора Лазаренко, «метавшегося в кожаной куртке по Северному острову на мотоцикле с коляской». Однако если они и были, то занимались, как правило, выводом личного состава и матчасти, поскольку оборона крепости не предусматривалась.

Отмечу, что и относительно роли Гаврилова в обороне ходят разные, впрочем, ничем не подтвержденные слухи. Поэтому за основу взята «каноническая» версия событий — то, что именно Гаврилов был организатором обороны на Восточном и Западном фортах, участке вала у Северных ворот.

658

А может, наоборот — «Гаврилычем» только и называли, особенно наиболее близкие? По крайней мере, Артамонов не смог вспомнить ни имени, ни отчества командира 44 сп. Впрочем, и для Гаврилова он также был «Артамонычем» — взаимопонимание между командиром и замполитом, очевидно, было налажено.

659

«Север» № 5, 1971 г. Письмо бывшего замполита 44 сп Артамонова Н.Р писателю С. С. Смирнову от 30.08.1956 г.

660

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 84–85. Воспоминания Ландышева Г. А. Высоты Песчаная достигла лишь половина его группы, вероятно одной из наиболее крупных, вышедшихиз крепости. Судьба остальных, как правило, неизвестна.

661

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 101. Воспоминания Семененко А. И. Полковой склад (1 боекомплект) находился в главном валу, напротив Восточного форта. Два других боекомплекта — в районе сосредоточения, на севере Бреста. Из воспоминаний старшего оружейного мастера 44 сп А. Н. Бессонова («Наше наследие», № 3, 1988) можно сделать вывод, что часть боеприпасов находилась в блиндажах в планируемой полосе обороны полка. Кроме того, Бессонов утверждает, что 13–14 мая от начбоепитания полка поступил приказ на замену вооружения личного состава стрелковым оружием нового образца. Однако, сдав старое (7,62-мм винтовки обр 1891/1930 гг. сист. Мосина и пулеметы «Максим»), получили лишь 5 пулеметов ДС-39 и 250 винтовок (видимо, СВТ-40). «Я нахожу, что это было ПРЕДАТЕЛЬСТВО, —

пишет Бессонов, — и если б в этот момент был человек, который приказал это сделать, я бы его расстрелял». Но соответствуют ли эти сведения действительности? Трудно сказать. Кстати говоря, и сражающийся на этом участке шофер санитарной машины 44 сп С. Т. Демин упоминает, что больше половины бойцов не имело оружия, но по его словам, оно сгорело в пирамидах, во время пожара. Да и Бессонов в «Героической обороне» уточняет, что несколько тысяч ящиков патронов были в крепости, остальное — в 6 км от нее. Но уточнил ли это сам Бессонов?

662

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 44, 72.

663

Скорее всего, 80 пленных — это бегущие через мост невооруженные и полуодетые бойцы дежурных подразделений (работавших на возведении УР) или выведенных накануне на полигон. Однако, возможно, это было и одно из подразделений 22 мсп 22 тд, атаковавшего, обеспечивая переход частей дивизии через Мухавец. Подстрелил же Кремера, скорее всего, один из стрелков 3-й роты 132-го батальона НКВД, охранявших мосты. Нужно отметить, что по нормативам, например, для охраны железнодорожных мостов внутренними войсками НКВД привлекались следующие силы: для моста длиной 75 м — 16 человек, до 150 м — 21, до 300 м — 28, до 600 м — 36. Так что как минимум на мостах «Ковель» и «Холм» была неплохая оборона.

664

Лейтенант Лер погиб в феврале 1943 г. во время большого оборонительного сражения к юго-востоку от Орла.

665

С 6.30 — у Бригидского моста.

666

Согласно советским источникам, бой шел и на подступах к вокзалу. Но кто там наступал? Железнодорожные саперы Линни? Рота Кене (1/I.R.135)? Поэтому из-за неясности этот эпизод опущен.

667

В советских документах указывается московское время.

668

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. № 35. М., 1958.

669

BA-MA RH 26–45 34 14875/25. Скорее всего, это путепровод над Каштановой аллеей. Таким образом, защитники Брестской крепости почти отрезаны от города и полностью лишены возможности вывести автотранспорт или матчасть (подразделениями 45-й дивизии перекрыты все дороги — Каштановая аллея и Новоягеллонская (Московская) улица). Однако с востока эти улицы не перекрыты и из самого Бреста еще можно уйти.

670

Что лишний раз говорит о том, что Кремеру пришлось бы трудновато. Да и собственно, непонятно — держат ли мост немцы в эти минуты или готовятся к атаке на него?

671

Судя по всему, на Северный остров были введены 3 роты батальона Парака (одна осталась в резерве). К этому моменту Ельце, вероятно, вел атаку тремя ротами (2, 4-я). Неясно насчет 3-й роты.

672

3-я рота (Цумпе), возможно, и не участвовала в бою за Северный, держа железнодорожный мост, 1-я рота (гауптмана Кене) обходила крепость с севера. Что касается того, кто возглавил батальон — на донесениях есть подписи, но прочитать их не удалось.

673

2 февраля 1942 г. командир 1-го батальона 135-го полка гауптман Кене будет удостоен Рыцарского креста.

674

Несмотря на то что Орбах упоминает о действиях зенитного орудия (2 ст, Патернолы?) именно на Северном, я все же считаю, что оно действовало на Центральном. Возможно, Орбах имел в виду советских зенитчиков, возможно, немцы захватили советскую ЗПУ… Доводы в пользу действий Патернолы на Центральном — далее.

675

Вероятно, из-за пробок. Несмотря на тщательно спланированный график движения, он, похоже, был сорван в первые же часы.

676

Непонятно, кто именно засел перед Южным мостом — подразделения, приданные полкам, или уткнувшиеся в ж/д мост и двинувшиеся от него к Южному? Южный мост еще не готов.

677

Утренним артналетом 2 батареи и большая часть автотранспорта были уничтожены.

678

В итоге 204 гап, постояв перед мостами, понес большие потери от авианалета и начал отход на Радваничи.

679

Беспорядочный отход техники 22 тд шел примерно два часа (с 5 до 7 утра). Часть успела выйти до захвата мостов. Те части дивизии, что не имели танков или автотранспорта, пошли пешком на Радваничи и далее — к Жабинке. Отход был хаотичным — многие вновь призванные бойцы не имели оружия, в колоннах шли и семьи комсостава. Часть артиллерии 22 тд была уничтожена артналетом или брошена в парках из-за отсутствия тяги. К 6 утра 23 июня в дивизии оставалось около 100 танков.

680

BA-MA RH 26–45 34 14875/25. Отчет Виндмана датирован 25 июня.

681

Атаковали же Виндмана, скорее всего, Т-26 1-го танкового батальона (к-на М. И. Кудрявцева)44 тп 22 тд. Как утверждал сам Кудрявцев (не отрицая своих потерь) ему удалось рассеять противника, отступив лишь из-за расхода снарядов. («Буг в огне». М., 1977, стр. 165). Интересно, что Кудрявцев упоминает и о стрельбе по штурмовым лодкам (Кремера?). Получается, что 1-й батальон 44 тп вышел к Мухавцу еще до 5 утра, завязав перестрелку с не имеющими средств ПТО группами Лера и Кремера. Далее, как и описывает Кудрявцев, батальон (поддерживаемый атакующим слева 22 мсп) атаковал «к границе» — на Вульку и Волынку. Передовые группы Набера и Гартнака отошли, Т-26 Кудрявцева наткнулись на «панцирягеров»… Кстати, похоже, именно из-за этой заминки группа Кляйна вышла к Мухавцу позже. Вообще же, если бы не подход «панцирягеров» и Виндмана, то группы, намеченные на Мухавецкие мосты, были бы уничтожены полностью.

682

В том числе во время боя у моста «Вулька» 2 танка были подбиты из ружей, еще 3 — артиллерией и противотанковыми орудиями (BA-MA RH 26–45 2N 14875/17 дневное донесение командира I.R.130). Возможно, речь идет о бое, описанном Виндманом, возможно — повторной попытке советских подразделений прорваться через мост.

683

«Сборник боевых документов Великой Отечественной войны». Вып.№ 35 М.,1958 (боевое донесение № 002/оп).

684

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 394. (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 132а, оп.2642, д.41, л.1–2 Машинопись, незаверенная копия.)

685

Имеется в виду 8,8-см орудие унтер-офицера Клаусена. Этому докладу соответствует следующая запись в КТВ XII А.К. «6.23 45. I.D. сообщает: на Северном острове продолжается бой. Дивизия надеется вскоре овладеть им, так как вражеское сопротивление ослабевает. В настоящее время между мостом и цитаделью идут вражеские танковые атаки. Передовые подразделения I.R.130 — одни у моста через Мухавец к югу от Бреста, другие уже к северу от Мухавца идут на восток. Наблюдается отход через Мухавец отдельных вражеских танков».

686

Уточню, что сказано непосредственно в отчете I.R.133 (BA-MA RH 26–45 28 14873/17): «По приказу XII А.К., в 6.30 полк выступил из исходного района в надлесничестве Хотылув, чтобы достигнуть сначала района непосредственно к северу от Кобылян. Во время совершения марша полку было приказано выдвигаться далее на восток».

687

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

688

«Память», т. 1, Минск, 1997, стр. 378.

689

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

690

«Память», т. 1, Минск, 1997, стр. 498. Из текста получается, что они впервые поднялись на чердак? Есть и другие вопросы. Неясно, почему Шабловский пробивался именно к Северным, а не к другим участкам сопротивления — или, по крайней мере, не вернулся туда после попытки прорыва. Это было более обоснованно, чем с пистолетами уходить на занятую немцами территорию. Тем не менее свидетельства Гаврилкина, на которых, похоже, и строил описание гибели Шабловского Смирнов, производят впечатление наиболее достоверных. Парк — западнее перекрестка на Северном. Кто обстрелял группу Шабловского от Северных ворот? Либо свои, либо там уже была рота немцев, либо эпизод относится все же ко второй половине дня.

691

ОФ МК БКГ КП 4764, д.783, л.1. Эпизод интересен тем, что свидетельствует о выходе немцев на внешний вал Восточного форта еще 22 июня. Если, конечно, Д. Прохоренко не ошиблась с датой — но

похоже, что нет: во-первых, ее воспоминания относительно свежие (даны 29.10.56 г.), во-вторых — кони в конюшне были только в первый день, далее их выпустили. Необходимо пояснить эпизод: Дарья вышла из горжевого каземата внешнего вала, не видя немцев, находящихся над ней, сверху. Они ее тоже не видели, пока она не вышла к выходу из Восточного форта, между валами, направляясь к ДНС южнее Восточного форта. Похоже, немцы заняли оборону на юго-западной оконечности внешней подковы. Подчинившись их призыву, она пошла к ним, немного скашивая в сторону стены горжевой казармы — один из немцев неосторожно высунулся и получил пулю от защитников из конюшен, упав на Дарью. Что это была за группа — неясно. Возможно, остатки третьего (10-й роты) или неосторожно вырвавшееся вперед подразделение Ельце. По крайней мере, к вечеру их там уже не было.

692

Об этом стало известно дивизии только спустя пару часов. Не зная о выходе к высоте 140 первого батальона I.R.130, в 8.30 Деттмер доложил начальнику штаба XII A.K., что высота 140 достигнута II/I.R.130 в 8.15.

693

Непонятно, где его разместили. По идее — перед Тереспольскими или Трехарочными. Но воспоминаний защитников об этом нет. Еремеев вспоминает о том, что немцы пытались бить по ним из пулемета, «стоявшего за воротами», но безуспешно — может, это и было 2-см зенитное орудие? С другой стороны — подвальные окна 333 сп, выходящие на площадь перед Бригидскими воротами и расположенные как раз напротив них, носят следы ожесточенного обстрела крупнокалиберным пулеметом. Если предположить, что Еремеев подразумевает Бригидские, тогда все сходится.

694

Подразумевается, что на Южный вводится одно из подразделений III/I.R.130 — 11-я рота, до этого времени прикрывающая мосты на Мухавце.

695

«Сибирские страницы Великой Отечественной». Новосибирск, 2005 г.

696

Свидетельство Черняева — последнее из известных мне свидетельств защитников о боях на пкт 145, у Трехарочного. Все дальнейшие события, связанные с пкт 145, чьи защитники сражались вплоть до гибели «дома офицеров» (26 июня), воспроизводятся по немецким источникам.

697

«Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны». Минск 2006 г., стр. 306. Облвоенкомат находился там же, где и горвоенкомат — в двухэтажном каменном здании, окруженном кирпичным забором. Поэтому иногда эти события называют «обороной горвоенкомата».

698

Минск. 1997 г., т. 1, стр. 328. 1-й дивизион 131 ап не упоминается — скорее всего, он был выведен на артполигон. Как, кстати, и орудия 2-го дивизиона, полковой школы и их личный состав. То же — и 17 гап — вполне возможно, что остальная часть была вне Северного городка. Таким образом, потери от артогня и первых часов атаки сухопутных сил Германии были большими — но не катастрофическими. Гораздо больше пришлось бросить потом из-за отсутствия тяги (поломки или нехватка горючего).

699

BA-MA MSG 2 5384 Walter Loos.

700

«Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны». Минск, 2006 г., стр. 95.

701

За два года Советской власти в Бресте накопилось немало тех, кто имел основания «затаить злобу». Например, 10 февраля 1940 г. было выселено свыше 1000 семей осадников, бывших работников польской лесной и сторожевой охраны. 9 апреля того же года — выселены проститутки, 13 апреля — семьи «репрессированных и пленных офицеров, полицейских, жандармов, помещиков, руководителей фашистских партий, провокаторов и шпионов». Да и в другие дни НКВД не дремал, «делая чище воздух в приграничном городе». Последний поезд с депортированными ушел из Бреста 21 июня 1941 г (По материалам «Памяць». Минск, 1997 г., т. 1)

702

Вероятно, Масух докладывает о броневиках Матевосяна, сражавшихся с Тойчлером примерно в 4.35.

703

Ясно, что 11-я рота где-то увязла в бою. Но где — у Мухавца или на Южном (за полчаса?) из текста непонятно.

704

Возможно, церковь на Новоягеллонской (Московской) улице.

705

Телефильм «Загадки Брестской крепости». Интервью с Хомахером. Похоже, летчик называет крепостью весь Брест и его окрестности.

706

«Die Wehrmacht». № 14, 1941.

707

Примечание Герхарда Эткена в КТВ — «по-видимому, эта бомбардировка упоминается в военной сводке во фронтовой газете „Der Stosstrupp“, говоря о том, что „пикирующие бомбардировщики атаковали цитадель“. Необходимо прояснить, что подготовка нападения велась лишь артиллерией, да и позже никакие пикирующие бомбардировщики не назначались».

708

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 393–396 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 10169, д.4, л.5–7).

709

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Как уже говорилось, согласно советским источникам, подробно описывающим события на вокзале (Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 282–283, «Память», стр.330), ожесточенный бой кипел и на его подступах. Однако участие 45-й дивизии в этих событиях неизвестно. Кто там сражался 22 июня, с немецкой стороны помимо роты Линни — тоже. Советские источники упоминают какие-то бронеавтомобили. Возможно, разведка 31-й дивизии? Но можно отметить, что «Память», например, датирует окончание сопротивления на подступах к вокзалу 12 часами дня, что противоречит приведенному документу.

710

Фактически атаки Парака у Трехарочного — это и есть единственный эпизод штурма кольцевой казармы именно там, где ее архитектура выстроена, максимально учитывая возможные атаки. Тереспольский мост немцы прошли без боя, Холмский — не атаковали, так как такая задача перед батальоном Ульриха и не ставилась, наоборот, занять оборону пришлось самому Ульриху. 24 июня немцы вновь прошли Тереспольский без боя (как и Холмский, сектора казармы вокруг которого были уже оставлены группой Фомина). И лишь за Трехарочный мост бои кипели вплоть до конца боев на Цитадели. Важная деталь — ранние варианты Долотова и Махнача не упоминают о бое за мост. Это говорит о том, что первоначально основной удар был отражен именно бойцами, залегшими у берега Мухавца и пкт 145.

711

«Герои Бреста». Минск, 1991, стр. 16–17.

712

Следует отметить, что есть свидетельства о том, что немцы заняли и кухню 455 сп («Герои Бреста». Минск, 1991, стр. 455). Однако их либо вскоре вышибли оттуда, либо эта информация неверна (в конце

концов, лейтенант Егоров, находившийся рядом, об этом не вспоминает). А скорее всего, кто-то мельком видел, как немцы вбежали туда за Егоровым, но не знал, что они сразу же выбежали.

713

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 374. Воспоминания Лаенкова Ф. И. Пулемет, вероятно, стоял перед окном в подвал, а расчет — наполовину в подвале, наполовину в выемке у подвального окна. Не самая лучшая позиция, но других не было.

714

Рукописное, трудно читаемое донесение. Может, имелось в виду, что рота и полвзвода, приданные I.R.130, выведены на высоты? Непонятно и другое — может, Цан использует слово «Zug» (взвод), имея в виду роту?

715

В дневном отчете I.R.135 сказано, что «1-я рота 45-го противотанкового дивизиона была на короткое время передана в подчинение полку для отражения объявленной возможной танковой атаки между южной окраиной форта „Граф Берг“ и Южного острова». Под Южным островом, вероятно, подразумевается Северный или Западный. Может, и имеется в виду 1-й взвод дивизиона Цана? В этом случае версия, приведенная в отчете I.R.135, кажется более реальной, так как нет упоминаний об орудиях Цана в Цитадели или на Западном острове. Были лишь многочисленные артиллерийские наблюдатели или полковая артиллерия.

716

Неясно, что за советская часть проводила атаку. К этому времени командир 28 ск приказал 6 сд «коротким контрударом выбить противника из Бреста». Но откуда у 6 сд (чей разведбат остался в крепости) танки? Привлекли отходящие на Жабинку машины 22 тд? Или просто отм. 140 атаковало по своей инициативе какое-либо подразделение, не ожидавшее встретить там немцев и случайно на них наткнувшееся?

717

Если смотреть из Цитадели. Южнее дороги, пересекавшей Западный с запада на восток, жилых помещений не было. Возможно, ребенок, о котором идет речь — из семьи Жданова, Черного или Мельникова?

718

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. К этому времени Мельников, вероятно, покинул расположение — оно стало бы ловушкой для пограничников, лишив их мобильности.

719

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. Гшопф упоминает, что через Западный остров было трудно подводить подкрепления. Именно Гшопф говорит и о том, что на Западном погиб Краус. Но обычно пунктуальный, Лозерт не упоминает ни о каких-либо препятствиях, ни о гибели Крауса в результате атаки. Поэтому возможно, что рота дошла до Тереспольского моста лишь после 9.30. Либо Краус погиб где-то в глубине острова, и ни пулеметчики, ни остатки 3-го батальона не смогли прийти ему на помощь, да и не знали об этом. Вообще же, судя по всему, Западный в это время практически полностью перешел под контроль советских пограничников.

720

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 52. Воспоминания Черного А. С.

721

Сам Черный датирует свой прорыв ночью на 25 или 26 июня. Однако ни о каких столкновениях в эти дни на Западном в имеющихся документах информации нет.

722

Обращает на себя внимание (за каких-то полчаса) изменение задачи атаки. Речь уже идет не о «наведении порядка», а о «спасении окруженных». Разница значительная — судя по всему, Йон понял, что штурм крепости — дело долгое, результат сегодня, 22 июня — фактически недостижим и сейчас главное — спасти людей. Видно, как дивизия постепенно выдыхается, туда-сюда дергая резервы, принимая и отменяя решения, ужасаясь потерям за эти первые часы.

723

Гшопф называет его командиром Artillerie-Vorauskommando, вероятно, имея в виду Artillerie-Verbindungskommando.

724

Несмотря на то что многие защитники упоминают о том, что немцы были выбиты из столовой начсостава и церкви, судя по всему, им удалось продержаться там до деблокирования. Причем единственный источник, говорящий о том, что в Цитадели существовали два очага немецкой обороны (уничтожившие помимо двух броневиков и ряд пулеметных точек) — это отчет I.R.130. («Sturmboot-Unternehmen» BA-MA RH 26–45 27 148875/16). Это говорит о том, что вплоть до 24 июня об окруженных в столовой начсостава никто не знал.

725

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

726

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 411 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 3038, д.

12, л. 3–4).

727

Кстати, при последующих артобстрелах, громивших Цитадель, но старавшихся не задеть церковь, столовая начсостава, как очаг обороны немцев, возможно, не принималась в расчет — и ей досталось не меньше и от своей артиллерии.

728

Вероятно, имеются в виду лишь те, кого доставили в госпитали. Те, что оставались на поле боя, как Тойчлер, в их число не вошли.

729

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 367. Воспоминания Махнача А. И.

730

Непонятно, как им удалось переправиться. Может, имеется в виду, что группы 3-го батальона, прошли по берегу и ворвались через Бригидские? Но в донесении сказано, что прошли именно через Zugbrücke. Есть несколько снимков — там видно, как немцы преодолевают мост, настелив доски на оставшиеся стропила. Но, возможно, снимки относятся к 1939 г. Тогда нужно признать, что из запада казармы 44 сп огонь почти не велся (вероятно, мост находился вне зоны обстрела из амбразур (прикрываемый полубашней сгоревшего штаба 44 сп), что и дало немцам возможность ворваться на Цитадель. Возможно, прошли под дымовой завесой. Но почему они и далее не использовали этот путь? Или еще проще — пройти к Бригидским вдоль берега (от Тереспольского моста)? Либо не было связи, либо бойцы автобата еще отстреливались.

731

Количество пулеметов точно неизвестно. Санин говорит о двух станковых: в подвальном помещении в направлении на «западный мост» и на этажах на наводимый понтонный мост. («Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 459. Воспоминания Санина А. С.). Насчет того, что один из пулеметов был на этажах, говорят и другие защитники. Хотя вряд ли он мог простреливать через кольцевую. Тот, что стоял направленный на «западный» (т. е. Тереспольский мост), размещался, скорее всего, также в спуске в подвал. Насчет количества пулеметов — Санин либо путает их расположение, либо были и другие, не указанные им, либо пулеметчики меняли свои позиции.

732

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1963 г., стр. 49.

733

ОФ МК БКГ КП 4776, д. 816.

734

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 430. Воспоминания Белоусова Н. С.

735

«Сборник боевых документов Великой Отечественной войны», вып. № 35. М.,1958 (боевое донесение № 05 4-й армии).

736

Вероятно, те, что были уложены в орудийных передках.

737

Что за башня — неясно. Вероятно, купол здания госпиталя, о чем упоминают некоторые защитники, сражавшиеся у Холмских ворот.

738

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.7. Окопов так и не вырыли, так как вся стена кольцевой казармы, выходящая к Мухавцу, обстреливалась с валов пкт 145 и с этой стороны нельзя было появиться, чтобы не попасть под убийственный огонь, да и не нашли, чем копать.

739

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 7. Воспоминания Долотова — наиболее полное и точное изложение атаки на церковь.

740

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 7.

741

Долотов подразумевает здание «Инженерного управления», где размещался округ корпуса IX.

742

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 7. Имеется в виду опознавательное полотнище для самолетов. Кстати, красноармейцы вполне могли бы использовать его для дезориентации немцев — развесив над каким-либо участком, оградить его от авиаударов.

743

Он, вероятно, умер в этот же день (по данным, приведенным в «Память», т. 2, Минск, 2001, стр. 605, командир хозвзвода 33-го инженерного Попка В. И. Прусаков значится погибшим 22 июня).

744

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. № 35. М., 1958 (боевое донесение № 005/оп).

745

Рукописное донесение, не совсем понятно, но похоже — классический случай, известный по иракской войне «синдром Умм-Каср» — пункты объявляются захваченными несколько раз в течение дня. Вообще при штурме Брестской крепости этот синдром был широко распространен. В 16 часов и донесении 135-го полка среди первоочередных целей на 23 июня будет значиться «достижение первой — железной дороги восточнее Северного острова». Как это объяснить — непонятно.

746

Вероятно, это была десятая рота, в чьих рядах находился и Вальтер Лооос и приданное орудие 14/I.R.130.

747

BA-MA MSG 2 5384 Walter Loos.

748

Вал пкт 143.

749

ОФ МК БКГ КП 16405, д. 8213.

750

Непонятно, что имеется в виду — может быть, факт поднятия флага вермахта над Южным?

751

BA MA RH 26–45 28 14875/17.

752

Подразумевается, что, держа казематы у Тереспольских, батальон имеет возможность обстреливать всю западную часть. Кроме того, захвачены и казематы у Бригидских — но этого мало, чтобы говорить о захвате всей западной части.

753

Атака штурмовых орудий — один из ключевых моментов штурма. Ее подробности и по сей день достоверно неизвестны. Фонда 201-го дивизиона штурмовых орудий в Федеральном военном архиве не обнаружено. В фонде XII.А.К., содержащего отчеты 192 и 201-го дивизионов штурмовых орудий отчетов за 22 июня не обнаружено. КТВ 45-й дивизии подробности атаки не сообщает, равно как и КТВ 34-й дивизии. Многочисленные косвенные свидетельства способны лишь запутать. Описание атаки дается по наиболее ранним вариантам воспоминаний защитников и мемуарам Йона.

754

Осколочно-трассирующие?

755

Имеется в виду 37 обс. Но, скорее всего, это рота связи 455 сп.

756

В северном секторе кольцевой (см., напр., Каландадзе А. П. «Дни в Врезкой крепости». Тбилиси, 1964, стр. 70) находились и кухня, склады и санчасть 333 сп.

757

Возможно, имеется в виду цементированная смотровая яма «гаража, где стояла легковая автомашина марки „М-1“» («Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 365. Воспоминания Махнача А. И.). Скорее всего, раскаленный осколок воспламенил ГСМ в гараже (мехмастерской). Кроме того, штурмовое орудие, вошедшее во двор Цитадели, раздавило лежавших там раненых. Их не смогли убрать из-за обстрела. Махнач, говоря об уничтожении «штугом» раненых, пишет, что он раздавил их прямо в здании, заехав внутрь. Но, скорее всего, это произошло во дворе.

758

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 369. Воспоминания Махнача А. И. В раннем варианте своих воспоминаний (ДФ ЦМВС Б-4/ 227) Махнач иначе описывает атаку «штугов»: «На третий день со стороны Мухавца появились два легких танка. Они обстреливали казармы, расположенные за Мухавцом, а затем направились через мост, в крепость. Не доходя до моста, один был подбит из крупнокалиберного пулемета. Второй ворвался в крепость, где подавил раненых бойцов, лежавших в здании, сделал два выстрела и ушел. Гранат не было, чтобы его уничтожить, т. е. подорвать. Когда он ушел, по-видимому, и захватил за собой подбитый танк, потому что его не было, когда мы вылезли из подвалов, над которым прошел танк, давя раненых». Из текста видно, что Махнач, находясь в подвале, видел лишь часть событий, как и большинство бойцов.

759

Двор полубашни.

760

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 380. Воспоминания Хваталина И. Ф.

761

Вероятно, на валу пкт 143.

762

Надо отметить, что, согласно документам, Орбах к этому времени был ранен. Он сражался, несмотря на ранение?

763

Невероятно, но все-таки похоже, там кто-то был — мемуары защитников кольцевой казармы, приведенные в «Героической обороне», не говорят об атаке пехоты, только о танках — поэтому ее остановил кто-то другой, перед кольцевой. Но главный довод — то, что в «штуг», стоявший перед мостом, полетели гранаты и «концентрированныезаряды» (видимо, Йон имеет в виду связки гранат). Докинуть их до «штуга» через Мухавец — задача не из легких… Это делал кто-то, находившийся ближе. Есть сведения, что вдоль берега залегли бойцы 75 орб.

764

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 324. Воспоминания Журавлева Ф. Ф. Собственно говоря, этот отрывок может вызвать много вопросов, тем более что Журавлев пишет о «двух-трех танках, вошедших во двор» и т. д. Тем не менее это показатель того, что стрельба по «штугам» постоянно велась. О точности свидетельства Журавлева (поражении экипажа сквозь открытые люки) говорит и упоминание о «проблеме люков» Йоном.

765

BA-MA ZA 1/1582 John Friedrich.

766

Это, вероятно, 12,7-мм ДШК обр. 1938. Три таких пулемета должны были находиться на вооружении роты ПВО стрелкового полка. Кстати, по словам Махнача, к нему было всего семь патронов (возможно, кто-то расстрелял почти все еще утром).

767

ОФ МК БКГ КП 5949, д.1548, л.9.

768

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 183. Воспоминания Сухолуцкого С. М.

769

О действиях зенитчиков против танков говорится и в книге «Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004 г., стр. 108, кстати, по словам ее автора, второе штурмовое орудие (танк) «был подбит неподалеку от Северных ворот выстрелом из зенитного орудия. При этом само орудие, установленное бесстрашными артиллеристами на прямую наводку, было уничтожено вражеским снарядом. Разрыв разметал расчет, раненых добили фашистские пулеметчики».

О том, что было подбито два «штуга» свидетельств немецкой стороны нет — можно предположить, что второе удалось быстро починить. Кстати, и С. С. Смирнов пишет только об одном орудии, подбитом зенитчиками со второго или третьего выстрела, несмотря на попытки сманеврировать и повреждение им одной из зениток. Потом взрывом был уничтожен запас зенитных снарядов, хранившийся в окопчике рядом с орудиями. И зенитки замолчали (Смирнов С. С. «Брестская крепость», М.,1965, стр. 170–171).

770

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 556. Воспоминания Клыпы П. С. Это один из самых туманных эпизодов. Ни Семененко, ни Хлебников в своих воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Героическая оборона», о нем не упоминают. Каландадзе А. П. («Дни в Брестской крепости». Тбилиси 1964 г., стр. 89), утверждает, что штурмовое орудие подбил П. Абхазава, затем «немцы, открыв перекрестный огонь, подобрались к танку и уволокли его на буксире». Есть и ряд других свидетельств о том, что стреляли и другие люди и подбили не один, а несколько танков. Неважно, кто стрелял и подбили ли — важно, что стреляли. Подтверждает это и Алексеев, отмечающий, что «штугу» удалось уйти: «Со стороны территории 333 сп обстреливали из пушки 76-мм по танку, вошедшему через Трехарочные ворота на Центральный остров… Танк ушел с территории Центрального острова». Йон пишет: «Одно из орудий в течение короткого времени оставалось на другой стороне моста, но ему не удалось достичь церкви крепости». Судя по всему, экипаж «штуга», увидев, что пехота не прорвалась, поспешил выехать из опасной зоны.

771

Если он находился у КП Йона, то, немного пройдя вперед, ему были бы хорошо видны события у Трехарочного.

772

Вероятно, имеются в виду действия частей после артподготовки, то есть на следующий день.

773

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 567. Воспоминания Петлицкого А. Л. Надо отметить, что Петлицкий иначе излагает эпизод — по его словам, атаку начали немцы, а он лишь контратаковал. Однако,

по нескольким косвенным данным, можно судить, что речь шла именно о его атаке.

774

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 567. Воспоминания Белоусова Н. С.

775

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

776

Вероятно, понтонный мост у Jaz.

777

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. На документе дважды проставлено время — 14.30 и 16.00. Как правило, последнее обозначает время его получения на КП дивизии. Однако в документе говорится о том, что в 15.00 9-я рота вышла к квадрату 40. Возможно, донесение было отправлено в 16.00? Необходимо отметить, что дневные донесения должны были подаваться на КП дивизии до 15.30.

778

Район неизвестен. Возможно, вал восточнее Северных ворот?

779

Так в документах дивизии называется Трехарочный мост. В советских источниках иногда Северным мостом называется мост через передовой ров у Северных ворот.

780

Об итогах атаки ничего не сообщается. Может, к 14.30 ее еще не начали?

781

Неясно: хотя это предложение в рукописном донесении читается достаточно хорошо, но… Полк ведь уже несколько раз сообщал о взятии железной дороги? «Синдром Умм-Каср»? Неизвестный очаг советской обороны? Может, полку не было известно о взятии железной дороги, а в КТВ дивизии об этом вписано из-за того, что КТВ составлялся задним числом? Или Йоном столь путано изложено то, что 23 июня полк должен выполнить задачу на 22 июня — взяв крепость, выйти к железной дороге?

782

По смыслу больше подходит — «необычная тактика».

783

Вероятно, вывод, сделанный на основании того, что на захваченной территории было найдено трупов меньше, чем ожидалось. Кроме того, Йон намекает на неудачу утренней артподготовки.

784

Помешать вообще вермахту или конкретно полку Йона? Жаль, что не конкретизирует, возможно, советские самолеты пытались произвести налет на переправы?

785

Стрелки из Восточного форта, 98 ОПАД, остатки группы Мамчика в ДНС.

786

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz, 1955, s. 156–157.

787

BA MA RH 26–45 28 14875/17. Принято в 16.45. Кодовое наименование «Королевский тигр» было к тому времени отменено. Употребление его Виндманном говорит о том, что либо прямая связь с КП дивизии I/98 заранее не планировалась, либо Ic по-прежнему пользовался этим позывным.

788

Одна из самых таинственных фраз в КТВ. Откуда орудия? Почему их два — ведь было же шесть, а о подбитых орудиях не сообщалось? Версия о том, что восстановлено одно из подбитых орудий, неверна — оно находилось в таком состоянии, что восстановить его за несколько часов было бы нереально.

789

Истребители 123 иап (м-ра Сурина) еще рано утром засекли переправу южнее Бреста. Для ее уничтожения в 7 часов утра с аэродрома 39 бап поднялась девятка СБ (под командованием к-на Щербакова). Подлет к цели прикрытием (33 иап) обеспечен не был — ибо с 33 иап не было связи. Однако, как якобы позднее стало известно от пленных немецких летчиков, немцы приняли СБ за свои самолеты и не атаковали их. СБ сбросили бомбы в 7.50 на район переправы у Михалкува (полоса 34-й дивизии)… Странно, что немецкие авиаторы обознались — в отличие от пехотинцев Гиппа, сразу же определивших принадлежность этой девятки бомбардировщиков.

790

Вероятно, имеются в виду танки.

791

BA MA RH 26–45 28 14875/17 дневное донесение командира I.R.130.

792

Возможно, под термином Zitadelleninsel Цан подразумевает «один из островов цитадели», скорее всего, Северный. Наиболее распространенное обозначение Центрального острова — Zitadellen-Kem, Keminsel, Kemwerk.

793

Gschöpf R. «Mein Wfeg mit der 45 Infanterie Division», Linz, 1955, s. 152.

794

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division», Linz, 1955, s. 152.

795

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 277–278; «Памяць». т. 1, стр. 388, «Буг в огне», стр.89–93.

796

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. № 35, М.,1958 (боевое донесение № 007/оп).

797

Получено в 18.15. BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

798

Донесение I/99 см. выше. Необходимо уточнить, что I/99 сообщал не о *взятии* о моста, находящегося под контролем III/I.R.135 в течение всего дня, а о том, что мост *находится* в немецких руках. Случайно ли фон Кришер изменил смысл донесения? Впрочем, там может быть все, что угодно, возможно, прорывающаясягруппа пограничников на какой-то момент вышла к мосту, прекратив по нему движение?

799

На вооружении Nbw.Abt.6 находились 10 cm NbW.35 — обычные минометы, но предназначенные для постановки дымовых завес или стрельбы осколочными минами. В составе дивизиона должно было быть три батареи по шесть минометов, то есть к обстрелу крепости планировалось привлечь 6 минометов (третью батарею).

800

«Сибирские огни», 1957 год, № 3, стр. 89. В свою очередь КТВ 45-й дивизии говорит о том, что были убиты лишь некоторые парламентеры («пойманные русские»). Учитывая, что, скорее всего, посылались и другие группы, вполне возможно, что группа, идущая к 333 сп, была уничтожена полностью. Черняеву известно, что огонь вел начхим 333 сп Семенов. Кстати, из ДНС двор Цитадели не виден — скорее всего, этот эпизод Черняев взял из рассказов в лагере военнопленных.

801

Тишина в крепости… Об этом говорят и немецкие участники событий, и кинохроника. Редкие выстрелы, всплеск стрельбы на отдельных участках, крик откуда-то издалека — и опять тишина, наполненная страхом и гарью.

802

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 501. Воспоминания Сачковской В. И.

803

Соколов А. В., находившийся в это время в подвале, вспоминает, что кто-то уже хотел открыть огонь (и судя по одинокому выстрелу — успел выстрелить), как Петя Клыпа закричал, что «это Валя Зенкина, дочь нашего старшины!». (ОФ МК БКГ КП 9310 д. 3232). Вале сильно повезло…

804

Там же.

805

На документе пометки: передано 17.00, принято — 18.30. Непонятен такой большой промежуток между отправкой и получением.

806

Здесь похоже на «3,7 орудия». (BA MA RH 26–45 28 14875/17). Донесения Цана — одни из самых трудночитаемых.

807

В контрударе принял участие танковый полк 205 мд (около 40 танков)

808

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 411. (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 226, оп. 2156,

д.56, л.2–3). (На оригинале подписи Коробкова и Шлыкова отсутствуют).

809

«Die Wehrmacht», № 14, 1941.

810

О попытке прорыва из церкви на Западный остров упоминает Йон. С. Бобренок («Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 536. Воспоминания Бобренка С. Т.), похоже, именно о ней и рассказывает. Однако прорыв был предпринят, вероятно, все же еще до того, как немцы отошли от Тереспольских — т. е. еще при свете дня, примерно до 19 часов, а не в темноте, как описывает Бобренок. Как уже отмечалось, свои воспоминания он, к сожалению, приводил в соответствие с «общей канвой» на период их создания, что сказалось на их точности. Похоже, именно это столкновение описывает в своей книге и Каландадзе (стр.97 или стр. 62–63). Бобренок упоминает, что помимо этой были и еще две ночных попытки немцев покинуть церковь. Почему пулеметчики 10-й роты не поддерживали своих? Ведя огонь при начавшейся рукопашной, они рисковали перестрелять обе стороны. Интересно, что, похоже, именно рукопашная схватка была единственным средством помешать прорыву.

811

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 114. Каландадзе называет пленного фельдфебелем, что вряд ли. Кроме того, неясно — что значит сохранить жизнь тяжелораненому? Не пристреливать его немедленно? Так он сам без медпомощи быстро умрет. Оказать медпомощь? Но это невозможно и для раненых красноармейцев. Отнести его к немецким позициям? Было бы странно, никак не соответствуя духу Восточного фронта… Поэтому, скорее всего, просто укоротили его страдания.

812

Наверно, это и был взвод лейтенанта Келлера. В его составе должно было быть 3 37-мм орудия ПТО.

813

Далее неразборчиво — «+gef.Zuege»(?) (+боевые взводы).

814

По данным, поступившим на КП дивизии за 22.6, люфтваффе было сбито 322 советских самолета, 1489 — уничтожено на земле. Потери германской авиации составили 35 самолетов (BA-MA RH 26–45 28 14875/17).

815

Вероятно, на западной части Южного острова. Избитость снарядами Холмских ворот — это как раз следы обстрела орудий ПТО.

816

Это подтверждает Лео Лозерт.

817

ОФ МК БКГ КП 16405, д.8213, л.8.

818

RH 26–45/154 Leo Lozert.

819

Несколько странная задача — учитывая, что окна подвала держались под обстрелом. Подтверждением немецкого присутствия была бы либо смерть Клыпы и Новикова, или их пленение — как только бы они добрались до кольцевой казармы, чтобы «проверить, есть ли там немцы». Учитывая, что сам Клыпа в «Героической обороне» несколько иначе излагает этот эпизод, можно предположить, что никакого задания и не было — ребята полезли по собственной инициативе. Их спасло, вероятно, только то, что в кольцевой уже никого не было, а пулеметчик находился слева, не сумев достать их из-за каменного забора между 333 сп и кольцевой казармой.

820

Конюшни батареи 76-мм орудий 333 сп.

821

Возможно, имеется в виду полубашня у Тереспольских?

822

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 502. Воспоминания Сачковской В. И. Важнейший факт — попытка установить контакт между двумя очагами обороны.

823

Про 44 сп неизвестно.

824

Это исключительно мое предположение. В это время (примерно в 19.30 на Южном произошла смена частей — I.R.130 сменил I.R.133).

825

Почему я датировал прорыв Потапова (и Бытко) 22 июня? Советские источники относят его к 24 июня, немецкие — аккуратно, как правило, отмечающие попытки прорыва — говорят не о прорывах на Западном (как в сторону крепости, так и из нее), а лишь о том, что противник занял «оставленные районы». Для этого есть следующие основания: 1) КТВ 45-й дивизии (см. далее) говорит о попытках прорыва вечером 22 июня «в разные стороны» — значит, как минимум двух. 2) Ни одна из крупных групп (помимо Бытко и Потапова) не ходила на прорыв, по описанию хоть немного отвечающей ситуации вечера 22 — ночи с 22 на 23-е, именно поэтому, похоже, что именно они первые, кто предпринял попытку прорваться из крепости. 3) О прорыве Потапова вечером 22 июня говорит Сачковская (там же, стр. 502–503) и другие (напр., Каландадзе (стр.97 своей книги, хотя и не указывая, что это пошел Потапов, но подчеркивает, что решение о прорыве тот принял еще 22 июня). Однако, забегая вперед — запись в КТВ о прорывах вечера 22 июня внесена явно задним числом, объясняя нежелание Шлипера атаковать 23 июня. Исходные донесения ее не подтверждают. Наконец — единственные данные о прорывах на Южном и Западном — это о ночных «повторных занятиях русскими оставленных участков». Но ни один из участников прорыва «Потапова» не говорит, что он был ночью или рано утром. Считаю, что в ночь на 23-е на Западный, выручать своих пограничников боеприпасами и обстреливать переправу, пошел Кижеватов.

826

Основной склад 333 сп был в Восточном форту. Этот же, судя по воспоминаниям Сачковской, был скорее складом вооружения и носимого боезапаса.

827

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 502. Воспоминания Сачковской В.И. Добыча бойцов не выглядит столь уж скудной — минометы в подвале были не нужны (их установили в другом месте). Диски? Возможно, имеющиеся на складе автоматы ППД имели секторные (прямоугольные) магазины. Гранаты действительно хранились отдельно от запалов — последние, возможно, были поднесены позднее.

828

Понятно, что бойцы периодически меняли позиции. Иначе Каландадзе (утверждающий, что занял оборону в казарме конвзвода, т. е. в конюшне полковых артиллеристов) погиб бы при взрыве снаряда «Карла» 23 июня. Судя по воспоминаниям и других бойцов, они то приходили в полубашню, то возвращались опять в подвал, что в конечном итоге и спасло им жизнь.

829

Каландадзе А. П. «У стен Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 103–104.

830

Бобренок С. «У стен Брестской крепости». Минск, 1960 г., стр.103–104.

831

Бессонов А. П. «В трудные годы», Краснодар, 1959 г.

832

Возможно, было всего одно 76-мм и ПТО орудие, но называются и самое разное их число, и фамилии командиров расчетов. Поэтому можно предположить, что орудий было несколько.

833

Составители сборника «Героическая оборона» уточняют, что это был заместитель командира батареи по политчасти А. Е. Щербаков.

834

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 13.

835

П. П. Кошкаров прибыл в Брест лишь 18 июня, после окончания училища, имея рекомендацию о назначении его на должность помощника начальника отдела политпропаганды по комсомольской работе. Но уже на месте его временно направили заместителем командира роты по политчасти в 455 сп.

836

Хотя в воспоминаниях того же Кошкарова есть свидетельство того, что из подвала столовой выстрелы звучали и ночью, да и немцы писали о *двух* очагах сопротивления, отбивших все атаки, но если в столовой после всех событий кто-либо и остался, он уже не оказывал существенного влияния на события. Хотя и Алексеев вспоминает, что утром 23 июня он был обстрелян из столовой начсостава…

837

С. Т. Бобренок свидетельствует, что в «верхнюю часть клуба», тем не менее, успели попасть двумя снарядами (Бобренок С. Т. «У стен Брестской крепости». Минск, 1961 г., стр. 33).

838

Ни о минометном обстреле, ни об огне из стрелкового оружия по переправе вечером 22 июня свидетельств противника нет (о минометном огне защитников крепости не упоминается ни разу за период боев за крепость, лишь об артиллерийском). Но то, что минометный огонь велся, говорят практически все защитники и, вероятно, это правда. Но вот только его результативность и неуязвимость расчетов минометов, вероятно, сильно преувеличены.

839

Скорее всего, основным оружием защитников была 7,62-мм винтовки обр. 1891/1930 сист. Мосина. Дальность полета пули — 3 км, наибольшая прицельная дальность — 2 км, оптимальная дистанция — 600 м, скорострельность в руках опытного стрелка — 10 в/м.

840

ОФ МК БКГ КП 16405, д.8213, л.14.

841

Ни количество бойцов, ни имена тех, кто действительно повел их на прорыв — точно неизвестны. Цифры прорывающихся — от 18 до 200, руководителем прорыва называют то Потапова, то Семенова. Поскольку это не имеет решающего значения, то примем «каноническую» версию — в прорыв, возглавленный лейтенантом Потаповым, пошло более ста человек. Непонятно, почему не пошли через Холмские, выбрав такой кружной путь. Хотя — информация к размышлению — немцы как раз и пишут об отражении фланговых атак на Южном. Т. е., может быть, пошли через Холмские? А может, под «отражением фланговой атаки» немцы имеют в виду последующим расстрел прорывающихся бойцов Потапова в Буге?

842

Пкт 249?

843

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 567–568. Воспоминания Петлицкого А.Л.

844

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 466. Воспоминания Гуревича М. П.

845

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 144.

846

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 145, «Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 466. Воспоминания Клыпы П. С. Стр.558–559. Поутру их взяли в плен. Куда именно вышли Клыпа и бойцы Потапова, неизвестно — вряд ли за пределы крепости, скорее всего, скрываясь в зарослях Южного острова (с юга Брест окружают обширные открытые болотистые пространства). Что касается Потапова — Смирнов пишет, что Петя встретил его в плену. В базе данных МК БКГ о Потапове сказано так «…Вероятно, погиб 24.06.41 г. при прорыве. Архивных данных и свидетельств ветеранов о судьбе этого человека в музее нет.

По данным ГУК МО СССР, пропал без вести в июне 1941 г… Проверенных данных о награждении А. Е. Потапова орденом От. войны I ст. в музее нет. На наш запрос в ГУК СССР в 1988-м ответа не было». Судьба Потапова остается тайной — но он слишком жизнерадостно и иронично улыбается со старой фотографии,чтобы вот так, резко и бесследно исчезнуть в Буге…

847

John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582. В сумерках (после 23.30?) оставили именно Северный. Центральныйгораздо раньше.

848

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 405 (Цит. по ЦАМО РФ Ф.48 а, оп. 1554, д. 90, л. 260–262).

849

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. № 35, М., 1958 (оперативная сводка № 1).

850

RH 26–45 34 14875/25. К сожалению, карт-схем, на которых основан план огня, не обнаружено.

851

Согласно С. С. Смирнову (см. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 275), грабежи на Советской улице устроили уголовники, выпущенные немцами из тюрьмы. Они громили спиртзавод, витрины магазинов, мешками тащили продукты, одежду, обувь. Как уже говорилось, колонны с семьями совпартработников, уходящих из Бреста, подвергались обстрелам с крыш и верхних этажей различными «недобитками». «Недобитки» также могли участвовать в грабежах. В Бресте проходило и сведение счетов с коммунистами и «восточниками» — прямо на улице был повешен, не успевший уйти из города, председатель горисполкома И. М. Соловей.

852

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

853

BA-MA RH 26–45 28 14875/17 отправлено в 20.45.

854

ОФ МК БКГ КП 16405, д. 8213.

855

Скрипник Степан Сергеевич (1909 г.р.) — политрук, зам. командира 3-й пулеметной роты 333 сп по политчасти.

856

«Сибирские страницы Великой Отечественной». Новосибирск, 2005 г. Черняев вспоминал, о том, что гарнизон форта имел лишь 170 винтовок и 2 пулемета Дегтярева («один пехотный, другой, вероятно, снятый с танка (без сошек)») автоматов — 2. («Герои Брестской крепости». Кемерово, 1961, стр.55). Если верить этой информации, то почти половина защитников Восточного форта (к концу обороны там было около 400 человек) была безоружной.

857

Бессонов А. П. «В трудные годы». Краснодар, 1959 г., стр. 19.

858

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 7.

859

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 10.

860

Между первым и вторым вариантами воспоминаний Долотова, в том числе и при описании атаки на столовую, есть немало отличий. За основу берется первый вариант, но немало фактов из позднейшего его неплохо дополняют.

861

Этот факт, похоже, свойственный для всех помещений Брестской крепости (судя по фотографиям), нужно учесть. Решетки на окнах первого этажа препятствовали и прорыву немцев в здания, и попыткам прорыва красноармейцев — они не могли одновременно выпрыгнуть из всех дверей и окон, приходилось либо выбегать как можно быстрее через двери, либо сосредотачиваться вне здания. И тот и другой пути вели к потерям.

862

Вероятно, для подавления возможного огня как из церкви, так и со стороны пкт 145 (или «восточных валов»).

863

Непонятно, как можно метнуть гранату в окно, защищенное решеткой? Поэтому, скорее всего, имеется в виду подвальное окно.

864

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 7.

865

BA-MA RH 26–45 28 14875/17 Время отправки и принятия на КП дивизии донесения I.R.135 не обозначено. Время принятия на КП дивизии донесения I.R.130 — 7.30 23.06 (в 00.10 23.06 на КП 451.D. поступила радиограмма Хаузфеделя о том, что по неким причинам итоговое донесение за 22 июня не готово, и будет выдано лишь к 7.00 23.06).

866

Донесение по согласованию с Гиппом составлялось его адъютантом Хаузфеделем.

867

Далее неразборчиво «части полка дошли почти до Северного острова»?

868

Неразборчиво. Вероятно, имеется в виду стрельба по танкам из легких пехотных гаубиц.

869

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

870

Вероятно, имеется в виду I.R.135.

871

Количество окруженных периодически меняется. Не всегда ясно, что обозначает та или иная их численность — количество первоначально окруженных или деблокированных в итоге? Окруженных только в церкви или и в столовой нач состава тоже? Кроме того — в их составе были и саперы первой роты PiBtl.81 артиллеристы, и русские пленные, то учитываемые, то нет. Поэтому численность и колеблется от 10 до 70 человек.

872

Имеется в виду, что на некоторое время Южный и Западный острова практически полностью перешли под контроль красноармейцев. Вероятно, это произошло между выводом подразделений 130 и 135-го пехотных полков и вводом туда подразделений I.R.133.

873

Дивизион покинул Брест маршем на Жабинку только 25.06.41.

874

Неясно — с одной стороны, они вроде бы держат северный вал, с другой — железнодорожные пути к северу от него. То есть, вероятно, главным валом овладели не полностью.

875

NARA T314 roll 501 f68.

876

Конечно, цифры КТВ корпуса вызывают много вопросов своим несовпадением с другими данными, но тем не менее общая картина налицо. Для сравнения — потери 31-й дивизии XII А.К. за 22 июня — 12 убитых и 72 раненых. Потерь в офицерах дивизия не имела (BA-MA RH 26–31 80).

877

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz. 1955, s. 154.

878

Бессонов датирует прорыв 3 часами ночи — но, судя по всему, это время второй попытки, предпринятой неутомимым Бытко уже на следующую ночь.

879

Когда бойцы пересекли Трехарочный мост и вступили на Северный остров, их (основную часть отряда) стало видно из окон столовой 33-го инженерного. Возможно, там и не удержались от соблазна и, наплевав, что патронов в обрез, ударили русским в спину.

880

Deichmann Paul. «German Air Force operations in support of the Army». 1962. USAF Historical studies. № 163.

881

RH 26–45/154 Leo Lozert.

882

Причем еще и в красноармейской форме…

883

Приписной куда-то исчез…

884

Насчет обстрела с севера Иван Долотов либо ошибается (немцев на пкт 145 не было, они могли вести огонь только с востока — с восточного вала (от клуба 98 ОПАД), либо бойцов 33-го инженерного могли обстреливать с севера защитники пкт 145 (по ошибке) или немцы — с главного вала за Восточным фортом. Именно близостью к 33-му инженерному полку восточного вала и объясняется его трагедия, связанная со страшной жаждой, мучившей его защитников все эти дни, — на остальных участках обороны немецкие позиции не подходили столь близко, подход к воде, хоть и небезопасный, но все же был. Сходить за водой на соседние участки не решались, вероятно, из-за незнания обстановки. На следующую ночь стало еще тяжелее — когда в казармы 33-го инженерного перешли и бойцы 84 сп, и воды потребовалось гораздо больше. После же захвата немцами вала пкт 145 и части казармы 33-го инженерного, подход к воде стал невозможен.

885

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 13.

886

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 68 Такие ракеты в ночь на 23 июня действительно взлетали — зелеными подразделения Герштмайера и Парака сообщали о попытках прорыва («враг атакует»), красными — управляли заградогнем артиллерии и минометов («перенос огня вперед»).

887

22-я танковая дивизия из Южного городка.

888

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 114.

889

Почему Лерман не добрался до артпарка 333 сп, где и орудий было больше, да и помощнее они там были? Во-первых, орудие ПТО дало бы тот же эффект, что и орудие броневика — напротив казармы его не поставишь, расчет будет уничтожен из церкви. Стрельба от Тереспольских — во первых, не исключено, что будет подавлена вражеской артиллерией, во-вторых, далековато. Но главное — бойцы, сражавшиеся на одном участке, не знали ситуацию на другом, действовали разобщенно и вследствие этого — неэффективно.

890

Примечательно, например, свидетельство одного из защитников Восточного форта В. Я. Сисина, только после войны узнавшего о том, что на Северном острове помимо Восточного форта оборонялись и бойцы 125 сп (ДНС) и 98 ОПАД. («Буг в огне», М.,1977, стр. 80).

891

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 173. Воспоминания Коломийца Я. И. Он несколько иначе излагает эпизод — в доме комсостава, куда они заползли, оказались немцы. В результате гранатного боя и рукопашной схватки немцы были уничтожены, но стало ясно, что дальше пройти не удастся. Однако, скорее всего, группу Коломийца засекли осветительными ракетами, пулеметами вынудили укрыться в доме начсостава и, нанеся потери минометным обстрелом, вынудили вернуться обратно в форт. Впрочем, немецкие донесения не подтверждают какой-либо ожесточенной стрельбы этой ночью — возможно, обошлось и без минометов. Наконец, похоже, что до 2.00 в домах начсостава еще находились немцы.

892

В КТВ — III/133. Здесь приводится и запись в КТВ, и приказ фон Кришера — они не во всем совпадают друг с другом (например, согласно приказа Кришера, для артогня 23 июня задействуются два мортирных дивизиона, а не три, как в КТВ (Галля + 31 и 34-й дивизий). Сравнение обоих источнике интересно и из-за того, что какие-то моменты могли быть не отражены в пПриказе, а оговариваться устно.

893

Непонятно, почему не указать, что I.R.133 на главном валу? Может там — все еще I.R.135? Возможны любые версии.

894

BA-MA RH 26–45 34 14875/25. Обратите внимание на район постановки заградительного огня I/99 — это как раз и есть аллея от Трехарочного моста к Северным воротам. Возможно, нацеливание артиллерии на этот район было и вызвано как раз попыткой прорыва Бытко (помимо Северных на Северном острове есть ведь и Восточные и Северо-Западные ворота — о них не говорится). Еще момент — планирование заградогня по аллее подтверждает, чти в строениях вдоль нее (домах начсостава, пкт 145) нет немецких войск. Иначе они бы попали под огонь собственной артиллерии.

895

Далее в КТВ не совсем понятная фраза — «Первая половина дня 23.6 служит по существу детальной подготовкой для артиллерийского огня, ведущего к истощению противника». Возможно, это личное впечатление Эткена, говорящее о том, что начавшийся с 5 утра обстрел не принес желаемых результатов, а фактически велась пристрелка целей. Конкретнее в приказе № 2 XII А.К. о задаче дивизии сказано так: «Задача 45-й дивизии — урегулирование положения в цитадели Бреста. Нападение в утренние часы после вновь проведенной артиллерийской подготовки разрешено только в том случае, если гарантировано, что никакие собственные уже проникшие в цитадель части не окажутся под обстрелом. В противном случае еще не взятые части цитадели нужно блокировать и голодом принудить противника, при повторном требовании, к капитуляции. Прорыв окруженных частей на восток нужно предотвращать плотным оцеплением. Размещение артиллерии и всего тяжелого оружия около невзятых частей цитадели так, чтобы противник находился под уничтожающим огнем» (BA-MA RH 26–45 22 14875/11).

896

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 8. Эпизод, нуждающийся в пояснении. Фомин, возглавивший оборону на участке 84 сп, находился как раз у Белого Дворца, здания, стоявшего рядом с 33-м инж. полком или в подвале Инженерного управления, тоже недалеко. Вероятно, еще днем 22 июня он установил связь с 33-м инженерным полком. Да и много бойцов 84 сп находилось уже не в Кольцевой казарме у Холмских, а в Белом дворце, Инженерном управлении, а может, и в 33-м инженерном. Поэтому, скорее всего, в 33-м инженерном знали о том, что к ним под покровом ночи перейдет большая часть остающихся у Холмских ворот — знали, но далеко не все… В итоге некоторые бойцы пришли в 33-й инженерный только днем, боясь быть подстреленными своими же.

897

Это, в общем-то, не совсем «шорох» — по-видимому, просочилась информация о контрударе 28 ск. Интересно, что ждали именно там, где планировалось советское наступление.

898

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлены в 3.00, приняты в 5.10. Также информация из итогового донесения за 22 июня, составлявшегося в это же время.

899

Конкретнее позиции не обозначены, но явно опираются на выс. 144.

900

Название улицы не читается.

901

Zitadelleninsel.

902

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Из этой фразы можно предположить, что рота Хурма (I.R.133), та, что перешла на Западный остров в 13.15, прочесав его, так и не перешла Тереспольский мост, оценив свои шансы по деблокированию церкви как маловероятные.

903

В смысле — отвод, начатый в 2 ночи, нужно закончить в 4.45.

904

Скорее всего, имеется в виду Цитадель (кольцевая казарма Центрального острова)

905

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято 4.30.

906

«Панцирягеров» подвели, опасаясь, что русские атакуют на Т-38, БА-10 и тягачах «Комсомолец»? Вероятно, не столько от танков, прорывающихся из Крепости, сколько — ожидающихся с востока (контрудару 28 ск) приготовились обороняться «Панцирягеры». Время — 2.45 практически совпадает со временем получения приказа на отражение танковых атак и зенитчиками Энгельхардта. Видимо, где-то в часа два ночи и получили немцы информацию об утреннем контрударе, намечаемом советскими войсками, со стороны Завершаны, Хмелево, Подлесье. «Панцирягеры» их именно оттуда и ждали…

907

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято 4.00.

908

Командир 14 мк генерал-майор С.И. Оборин.

909

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006, стр.459.

910

В промежуточном донесении в штаб корпуса сказано о ведении артогня с 6.00 (время зачеркнуто).

911

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 462. Воспоминания Санина А. С.

912

Там же, стр. 467. Воспоминания Гуревича М. П.

913

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 9, 110.

914

Бобренок С. «У стен Брестской крепости», Минск, 1960 г., стр. 65, 80.

915

ДФ ЦМВС Б-4/227.

916

BA-MA RH 26–45/ 154 Leo Lozert. Не спав две ночи, Лозерт сместил часть событий 23 июня на 24 июня. Тем не менее удары «Карлов» он наблюдал именно 23 июня — именно из-за них, уничтоживших очаг обороны у Тереспольских, он-то и смог пробраться в тот день к церкви.

917

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz, 1955, s. 156–157.

918

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1963 г., стр. 65.

919

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 302. Воспоминания Кувалина С. М.

920

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 302. Воспоминания Кувалина С. М. При разборке завалов Белого дворца в 1959 г. в его подвале были найдены останки 48 погибших. Чуть раньше, в октябре 1958 года, на одной из подвальных стен сохранилась надпись: «Умираем, не срамя…»

921

Дивизии по-прежнему неизвестна численность блокированных в церкви солдат III/I.R.135 и Pi.81 — по разным сообщениям, она колеблется от 10 до 50. Время от времени с ними имеет радиосвязь I.R.135.

922

Если речь идет именно об окруженных в церкви, то здесь опять, похоже, имеем дело с суровой «правдой жизни»: кто-то остается в церкви, обороняя ее, а прежде всего — многочисленных раненых. Кто-то — идет на прорыв, имея мало шансов и сам, и, оставляя их еще меньше остающимся. Возможно, конечно, что численность окруженных уже не влияла на их обороноспособность — закончились патроны, и смысла в том, чтобы церковь обороняло как можно больше людей, уже не было. Оставляя обойму — себе, остальные патроны — товарищам, и вперед, к кажущимся таким близким кольцевой казарме и мостам…

923

Это подтверждает, например, старшина санитарной службы Солозобов В. С., санинструктор 84 сп: «Пришел приказ комиссара Фомина о переходе обороняющихся на участок у Брестских ворот. Там концентрировались наши силы для прорыва из окружения». «Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 254–255. Воспоминания Солозобова В. С. Или Филь А. М.: «было решено… о сосредоточении всех подразделений в район моста через р. Буг (имеется в ввиду Мухавец. — *P.A.)* для прорыва и выхода из крепости». ДФ ЦМВС Б-4 270 Филь А. М.

924

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 244. Воспоминания Филя А. М. 33 инженерный полк был сформирован на базе 140-го отдельного инженерного батальона, что часто и отражается в воспоминаниях.

925

Там же, стр. 280. Воспоминания Дурасова А. И.

926

Там же, стр. 319. Воспоминания Нуриджаняна С. Б.

927

Вероятно, далее правильнее было бы называть участки обороны Цитадели или группы обороняющихся не по названиям частей, превратившихся в боевые группы (БГ) — по фамилиям их лидеров (Фомина: 33-й инженерный полк и 84 сп, Бытко — штаб и полковая школа 44 сп, Виноградова — 455 сп). 333 сп, из-за неясности того, кто им руководил, лучше оставить прежнее название. Объединившиеся БГ — это сводная боевая группа (СБГ) капитана Зубачева. Восточный форт — БГ Гаврилова, 98 ОПАД — практически воевал как отдельная часть до последнего момента.

928

Если это Матевосян, носивший гимнастерку полкового комиссара, то почему Долотов называет его «красноармейцем»?Возможно, Матевосян снял гимнастерку политсостава?

929

Учитывая, что Долотов называет его станковым, а Жигунов — «Дегтярева», можно предположить, что это был 7,62-мм станковый пулемет ДС-39 (ДС: Дегтярева станковый). Немаловажная деталь — он имел не водяное, а воздушное охлаждение. Но в то же время — был чувствителен к запылению.

930

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 289. Воспоминания Жигунова А. В. Также он пишет: «Когда наши бойцы штурмом брали вражеские точки, мы поддерживали их огнем своего пулемета». Это и было, вероятно, основной задачей Жигунова — находясь в правом углу казармы, было чрезвычайно трудно вести огонь по мосту, находящемуся в ее левом углу (под «Восточным мостом» Жигунов имеет в виду Трехарочный). А вот пкт 145 — вполне реально. Но вот восточные валы, где и находились немцы — опять же Почти невозможно. Пулеметы фактически могли вести только фронтальный обстрел. И то пулеметчики, в этом случае вынужденные высовываться в окно, легко стали бы жертвой снайперов.

931

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.89.

932

Не совсем понятно, почему Фомин не пошел в прорыв ночью на 23-е? И какой смысл был оставлять казармы, если столовая еще в руках врага? Объяснений может быть много — вероятно, он надеялся пойти на прорыв, объединившись с БГ Виноградова и Бытко, вероятно, отводя людей от Холмских, считал, что столовая будет взята вот-вот… Можно только догадываться.

933

Если это были осколочные снаряды, то эффект все же был — судя по убегающим немцам. Но, возможно, в подбитом БА-10, как и в броневике Матевосяна, были только бронебойные снаряды (см. свидетельство Дурасова выше).

934

Они вылезли либо через подвальные окна, либо выбежали через двери, выходящие в проезд Трехарочных.

935

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006, стр. 458.

936

«Канун и начало войны» (сборник материалов). Л., 1991, стр. 338. Комфронтом Павловым (на основании просьб Коробкова) отдано распоряжение командующему ВВС Запфронта: «С утра 24.6.41 г. оказывайте непрерывное содействие обороне 4-й армии, действуя не менее как 100 самолетами-бомбардировщиками, начав действия на фронте Пружаны, Запруды».

937

ЦАМО РФ Ф.318, оп. 4631, д.22 мфк.17351.

938

Там же. Интересно, что 22 тд, действовавшая, если верить советским источникам, под Жабинкой, понесла гораздо меньшие потери, чем 30 тд под Пружанами. Скорее всего, основной бой утром 23 июня разгорелся под Кобрином, части дивизии шли к Жабинке и были атакованы на марше. Именно поэтому утренний бой у Жабинки не отражен в КТВ корпуса Шрота. Но где же и куда наступали 40 танков 205 мд?

939

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 414–415 (Цит. по ЦАМО РФ Ф208, оп. 10169, д.7, л.14–17).

940

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 421. (Цит. по ЦАМО РФ, ф.226, оп. 2156, д.67, л. 3.)

941

ЦАМО РФ, ф. 318, оп. 4631, д. 22 мфк 17351.

942

Речь идет только о церкви. О столовой начсостава на КП дивизии по-прежнему неизвестно. Уж не разрушила ли здание столовой начсостава вовсе не пара пушек защитников крепости, а тяжелая артиллерия Arko 27?

943

Вероятно, имеются в виду тягачи Т-20 «Комсомолец» 98 ОПАД.

944

Разведбатальон 45-й дивизии не имел взвода бронеавтомобилей (см. Мюллер-Гиллебранд Б. «Сухопутная армия Германии, 1933–1945». М, 2002 г.)

945

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. Неясно, о каком Ic идет речь — полка? Дивизии? Судя по всему, с 12.00 агитацию, используя еще не утвержденный текст, начала вести малая агитмашина (на Северном). Именно ее призыв и слышал Лозерт издалека. А сдающиеся выходили со всех направлений, в том числе и через Тереспольские, хотя агитмашины там и не было. Из отрывка неясно, где находился и сам Лозерт, судя по предыдущему тексту — у Буга. Но пулеметчика в плен он принимал явно у Тереспольских. Возможно, события вечера 23 июня он наложил на утренние того же дня?

946

«Память», т. 1, Минск, 1997, стр. 498.

947

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton, 2000, p.60. Понятно, что и Йон и Крюгер несколько ошибаются, но свое тогдашнее впечатление передают достаточно четко.

948

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

949

Неясно, что имеется в виду — советская авиация уже действовала и довольно активно. Вероятно, подразумевается период времени от утреннего до дневного донесения.

950

BA-MA RH 20 — 4 681 (текст приводится в переводе с немецкого).

951

Далее, после слова «командиры» вычеркнуто «…и комиссары!».

952

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлено с КП Йона в 14.00, поступило на КП дивизии — в 15.45.

953

Одна из наиболее непонятных фраз. С одной стороны — неоднократно подчеркивался отвод полка на линию главного вала, ни о каких позициях вдоль дороги речи не шло, с другой — в имеющихся документах

ничего не сказано о повторном выходе на этот рубеж. Ошибка при переводе или прочтении (донесения I.R.135 написаны разборчиво) практически исключена. Может, Йон сам допустил ошибку или опечатку? Тем не менее приходится следовать документам, в итоге я и предположил, что повторный вывод I/I.R.135 на дорогу был проведен примерно в 12 часов дня.

954

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято в 15.20.

955

Неясно, где и как они держались. Вопреки представлению о Западном острове как о «джунглях над Бугом», аэрофотосъемка показывает лишь небольшую рощу у расположения транспортной роты 17-го погранотряда. В остальном — это поле, несколько строений плюс лесополоса вдоль берега. Судя по всему, именно вдоль нее, скрытый дополнительно и насыпью, пробирался на север Западного Кижеватов. Жданову же укрыться было практически негде. Поэтому возможно два объяснения существования его группы — либо она в основном скрывалась, ожидая помощи, либо — «прочесывания» проводились небрежно, и «чесальщики», встретив огонь, сразу же отходили, вызывая минометы. Подавив минометным огнем русских, их считали уничтоженными, в то время как пограничники сидели в подземных казематах, пережидая обстрел.

956

БГ — боевая группа.

957

ОФ МК БКГ КП 5949, д.1548, л.11.

958

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлено в 14.00, принято в 15.00.

959

Возможно, помимо утвержденного текста пропагандисты допускали и импровизацию: «генерал-майор Пузырев, нач. укреп. района г. Бреста, пьет водку среди немецких офицеров, а вы продолжаете бессмысленное сопротивление». ДФ ЦМВС Б-4 270. Филь А. М. На самом деле Пузырев плена избежал.

960

ЦМВС Б-4 271. Филь А. М.

961

Ни о каких попытках сдачи 22 июня немцы не пишут. Зато 24 июня пишут о другом — «русские

выбрасывают белые флаги, но тут же стреляют в парламентеров». Возможно, это и есть ситуация у Холмских, повторившаяся затем в других местах — одна часть защитников пытается сдаться, вторая — стреляет в них и в принимающихих капитуляцию.

962

ОФ МК БКГ КП 16405, д.8213.

963

Шарлот В. «Брестская крепость — продолжение легенды». Самара, 2001 г. стр. 66 (Из воспоминаний Г. Г. Еремеева).

964

Бобренок С. Т. «У стен Брестской крепости». Минск, 1961, стр. 87 «С переодетыми диверсантами приходилось сталкиваться не раз. Они подло, в спину убивали бойцов, охотились за нашими командирами, провокационно первыми сдавались в плен».

965

Бобренок С. Т. «Слово о товарищах», Минск, 1961, стр. 221–222.

966

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 369. Воспоминания Махнача А. И. В ранних его воспоминаниях этого эпизода нет. Вероятно, в 1952 г. он еще не решил точно — надо ли раскрывать обстоятельства своего ранения. Возможно, здесь также имела место перестрелка — Махнач начал стрелять по плацу, где выходили сдающиеся, в ответ ранили и его?

967

«Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 408. Воспоминания Кошкарова П. П.

968

«24 дня». Письмо защитника Брестской крепости А. Н. Бессонова К. М. Симонову («Наше наследие», № 3, 1988 г.)

969

Бессонов А. Н. «В трудные годы». Краснодар, 1959, стр. 38.

970

ДФ ЦМВС Б-4 262.

971

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 12. Долотов слышал перестрелку 98 ОПАД и Восточного форта с немцами, занявшими оборону на главном валу. Артогонь — это выстрелы орудий ПТО.

972

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 302–303. Воспоминания Кувалина С. М. Немцы (II/I.R.133) заняли Холмские только с утра 24 июня. Возможно, Кувалин пишет о 24 июня.

973

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

974

Описание атаки на столовую дается по воспоминаниям И. Долотова, а также приведенным в сборнике «Героическая оборона» воспоминаниям Ф..Ф. Журавлева, Н. М. Морозова, Ф. Е. Забирко.

975

В одном из вариантов воспоминаний Долотов пишет, что бойцы спрыгнули со второго этажа — вряд ли, высота потолков старинного здания очень большая.

976

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 348. Воспоминания Морозова Н. М. О точности свидетельства Морозова говорит хотя бы то, что цифры, в нем приведенные, стыкуются с воспоминаниями других участников. Насчет «белья» — неясно. То ли немцы были ранены, то ли Морозов хотел таким образом подстраховаться.

977

BA-MA RH 26–45 26 14875/15. Радиограмма № 1 за подписью Шлипера. Слово «Литовск» зачеркнуто. Отправлена 19.12, принята 21.00.

978

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлено в 20.00, принято в 20.45.

979

О действиях БА-10 23 июня ничего не известно. Может, Ветцель имеет ввиду очередной тягач?

980

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлено в 20.00, принято в 7.30. Рядом — печатный экземпляр донесения — отправлено в 20.00, принято в 21.15.

981

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

982

Скорее всего, речь идет о мл. политруке заместителе к-ра 3-й роты 333 сп по политчасти А. П. Каландадзе, сражавшемся у Тереспольских ворот. До призыва в РККА Каландадзе учительствовал в одной из школ Грузии, отсюда и знание немецкого. Вероятно, он не хотел идти впереди Лозерта, опасаясь, что тот выстрелит ему в спину.

983

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

984

BA-MA RH 26–45 26 14875/15. Машинописный экземпляр донесения помечен 24 июня, но, вероятно, это копия с рукописного черновика донесения, отправленного в штаб корпуса вечером 23 июня.

985

Под словом «перебежчики» имеются в виду не бойцы, переходящие на сторону немцев, а сдающиеся в плен неорганизованно, не имея на то разрешения командования.

986

А как же батальон Кене (I/I.R.135), согласно дневному донесению, держащий дорогу Трехарочный мост — Северные ворота? Возможно, немцы выходили на нее только днем, а вечером уходили?

987

Заторы на дорогах в полосе танковой группы стали проблемой, о которой было известно вплоть до командующего Группой армий фон Бока: «Проблемы на переправах у Бреста затрудняют доставку горючего», — отмечал он в тот день в своем дневнике. (Бок Федор фон: «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006, стр. 48).

988

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 417–418 (Цит по ЦАМО РФ, ф.208, оп.

10169, д.7, л.32–34).

989

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып., № 35. М., 1958 (директива Военного совета фронта от 23 июня).

990

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Передача начата в 21.20 закончена в 21.30.

991

Вероятно, замена моста у Jaz на более совершенный, большего тоннажа. Кроме того — рукописное донесение трудночитаемо, неясно — дот то ли оборонялся отрядом офицеров, то ли был ими захвачен. Как уже говорилось, сражавшихся на Западном острове немцы считали «офицерами школы ГПУ».

992

Группой Жданова?

993

Согласно данным Рудольфа Гшопфа, 23 июня погиб командир 3-й роты PiBtl 81 обер-лейтенант Янеке. В донесениях батальона упоминаний об этом нет. Вероятно, это связано с тем, что Янеке погиб, находясь вместе со своей ротой, идущей в составе передового отряда корпуса (фон Штольцмана).

994

Вероятно, это командир взвода Роберт Зигер. Что касается эпизода с пленными (может, за взятие этих 500 пленных он и получил Рыцарский крест?), то, по некоторым сведениям, ситуация в подвале 333 сп к этому времени обострилась настолько, что у входов в подвал сидели командиры с пистолетами наготове, препятствуя сдаче. Когда одного из них убило осколком при артобстреле, толпа желающих сдаться выскочила наружу, пробежала через мост и сдалась первому попавшемуся немецкому солдату.

995

Употреблен именно термин «пленные». Вероятно, настолько ужасным представлялось в дивизии положение окруженных в церкви.

996

Рота пехотных орудий.

997

Прорыв Потапова? Или ночная атака лишь предположение Лозерта, принявшего за нее активизацию пограничников?

998

Орудие, установленное вечером 22 июня с участием Алексеева.

999

Здание 333 сп.

1000

Белые ворота — Трехарочные. Скорее всего, Лозерт видит гараж (мехмастерскую) 333 сп, где в смотровой яме находились раненые, сгоревшие накануне. Красными лоскутами защитники пытались обозначать местонахождениераненых.

1001

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

1002

Согласно «Отчету о взятии Брест-Литовска» (см. приложение № 1), в Полосу I.R.133 (к батальону Эггелинга) была направлена только одна машина. Возможно, вторая — в полосу Герштмайера (восточные валы). Именно ее и заглушили огнем во время попытки прорыва в 23.45. А огонь в 22.00 — это перестрелка с 98 ОПАД и пкт 145.

1003

RH 26–45 34 14875/25. Зеленые ракеты — сигнал тревоги. Неясно, что там случилось — ночной налет советской авиации? Нападение партизан? Может, артиллеристы приняли за ракеты какие-либо огни самолетов?

1004

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 431 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 3038, д. 12, л. 6–7) Отправлено 24.06. в 18.50.

1005

Получается, что все пленные в полосе корпуса в тот день были взяты «сорок пятой»?

1006

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. Неясно, чему завидовали товарищи Лозерта — тому, что, обладая

«чудо-сапогами», ему приходилось постоянно вытаскивать транспорт из луж?

1007

ВА-МА RH 26–45 24 14875/13.

1008

Почему не говорится об отводе на Северном? В черновике донесения (ВА-МА RH 26–45 24 14875/13) об отводе сказано так: «После повторного отвода участвующих в операции взводов за границу безопасности на рассвете, в 5 часов повторный огневой удар всей артиллерии против Цитадели, затем повторное…» /весь абзац зачеркнут/.

1009

Это подтверждает, что ночью батальон Кене был отведен. Во сколько? Возможно, что в ночь на 24 июня Фомин поторопился с прорывом и, атакуя, попал под огонь Кене. Если бы рванулись к утру, огонь немцев был бы меньшим. Вероятно, Фомин под прикрытием темноты хотел уйти подальше от Бреста — поэтому в ночь на 24-е и пошел как можно раньше, сразу как более-менее стемнело.

1010

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 255. Воспоминания Солозобова В.С.

1011

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 12. Надо отметить, что поиски знамен, проводившиеся на основе воспоминаний, как правило, не дали результатов (кроме знамени 393 ОЗАД).

1012

Там же, л. 10.

1013

Там же, л. 13. Вероятно, Фомин ждал, когда восточный вал будет захвачен и можно будет в более безопасных условиях вывести остальных бойцов, раненых.

1014

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 15 (второй вариант воспоминаний Долотова, есть различия в описании прорыва — это и навело на мысль, что ночных попыток прорваться при Долотове было две).

1015

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 256. Воспоминания Солозобова В. С.

1016

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 281. Воспоминания Дурасова А. И.

1017

Вероятно, имеется в виду мост через передовой ров.

1018

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 155–156. Воспоминания Соколова Н. И.

1019

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1020

Некоторые защитники организатором прорыва на юг называют начальника химслужбы 333 сп Н. Г. Семенова.

1021

Имеется в виду — саперами самого полка, а не саперного батальона. Жаль, что про бои на Южном почти ничего не известно — 22 и 23 июня они кипели там с ожесточенностью, не уступавшей боям за Цитадель или Восточный форт. А ведь там — только взвод полковой школы 84 сп, 95-й медсанбат и несколько пограничников…

1022

Неясно — почему же тогда в отчете Деттмера в корпус сказано, что основная масса пленных вышла в полосу Йона, если почти все пленные (1200 Из 1900) пленены I.R.133? Может, имелось в виду, что к Йону выходили гораздо лучше после работы агитмашин, а к Кюлвайну — «внепланово»?

1023

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Отправлено в 3.30, получено в 4.30.

1024

Не одно из известных мне воспоминаний защитников крепости не содержит упоминания о танковой атаке. Но то, что она действительно была, сомнений нет — об этом говорят сразу несколько документов и воспоминания местных жителей.

1025

Это предположение автора — судя по воспоминаниям и снимкам, Восточные и Северные ворота были забиты сгоревшей техникой.

1026

Есть сведения, что его появление вызвало изрядный переполох — в итоге танк заблокировали бревнами и накинули брезент, вынудив экипаж сдаться.

1027

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято в 4.20. Саперы занимаются заменой моста, высвобождением понтонов, вероятно, готовясь к маршу.

1028

Вообще, забегая вперед, можно отметить, что все успехи «сорок пятой» под Брестом — спонтанны и неожиданны в первую очередь для нее самой.

1029

BA-MA RH 26–45 24 14875/13. Отметка о выпуске приказа в 4.00.

1030

Эта фраза противоречит тому утверждению, что попытки прорыва отбивались по всем направлениям. Лишнее подтверждение тому, что по ночам часто идет «бой с тенями», а не с реальным противником.

1031

Пкт 145 (судя по всему, некоторое время немцами считалось, что именно там расположен штаб русских). Кроме того, неизвестные бойцы пкт 145, по-видимому, сильно досаждали ночью и вчерашним днем.

1032

BA-MA RH 26–45 26 14875/15. Черновик с многочисленными вычеркиваниями и вписываниями.

1033

Здесь, похоже, подразумевается, что для взятия Цитадели нужен штурм, на проведение которого нет согласия штаба армии, а зачистка ни к чему не приведет. Поэтому единственное средство воздействия — артогонь и агитация.

1034

Предложение не является грамотно сформулированным, возможно, писавший спешил выразить мысль, есть зачеркнутые слова (примечание переводчика Екатерины Арцукевич).

1035

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 354. Воспоминания Виноградова А. А. Обращает на себя внимание то, что именно Фомин, не будучи формальным руководителем обороны, отдает приказания.

1036

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

1037

При воссоздании обстоятельств смерти Кижеватова (чья судьба, как и Потапова, да и почти всех руководителей обороны 333 сп остается неизвестной), за основу взяты данные С. Смирнова, связывающего исчезновение Кижеватова с попыткой подрыва понтонного моста (Смирнов С. С. «Брестская крепость» М. 1965 стр. 255) и строки из письма участника обороны крепости (подпись неразборчива), находившегося в подвале 333 сп, вдове мл. лейтенанта Зиновьева. Описывая смерть Зиновьева, тот пишет «…на вторые сутки умер. Мы его культурно обернули одеялами и простынями и оставили там же. Рядом с ним был положен и начальник погранзаставы Кижеватов» (ОФ МК БКГ КП 17769 д.9255).

1038

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. Поскольку Лозерта отвели для избегания поражения собственной артиллерией, то ясно, что огонь начался лишь после отвода — то есть не ночью, а утром. «Разрывы на дамбе» — вероятно, он увидел воронки, придя после обстрела и поразившись, насколько близко к его позиции у Тереспольского рвались снаряды. Большое количество неразорвавшихся снарядов, выпущенных 21-см мортирами, ставит под еще более серьезное сомнение результативность артподготовки утром 22 июня.

1039

Бессонов А. П. «В трудные годы». Краснодар, 1959 г., стр. 38.

1040

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert.

1041

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 430 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 226, оп. 2156, д. 67, л. 5).

1042

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны вып. № 35. М., 1958 (оперативная сводка № 4).

1043

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято в 9.55. Номер поезда не указан. Несмотря на то что поезда так и не вступили в бой, они просят оставить выделенные им подразделения, хотя неясно, какое отношение они будут иметь к «сорок пятой».

1044

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1045

BA-MA RH 26–45 34 14875/25. Внизу зачеркнутое примечание неизвестного лица: «Кто дал эти данные, на основании каких документов?»

1046

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 355. Воспоминания Виноградова А. А.

1047

Решение об образовании СБГ было принято между 19 ч. 23 июня (освобождением столовой) и 12.00 24 июня (атакой группы Хурма, залегшей у церкви и рассекшей огнем переход от 33-го инженерного к 455 сп и далее). В пользу такой датировки говорят материалы беседы С. Смирнова с А. Семененко (в 1955 г. в Николаеве). Смирнов спросил Семененко, знает ли тот о «Приказе № 1», где упомянута его фамилия: «Он не знал о нем, но в крепости ему говорили, что, по рекомендации Зубачева, его назначили начальником штаба сводной группы. Однако немцы в это время вновь заняли церковь и отрезали отряд Зубачева и Фомина от 333 и 44 сп. Семененко не мог провраться на восточный участок казарм, где находился штаб сводной группы…» (Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 253). Сам Семененко предлагает несколько иную версию (см. «Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 232. Воспоминания Семененко А. И). Приведенная в книге Смирнова кажется наиболее правдоподобной, так как написана по более свежим следам. Собственно говоря, упоминание о Семененко является ключевым — в противном случае все бы указывало на то, что СБГ создана во второй половине дня, после захвата немцами сектора 455 сп.

1048

ДФ ЦМВС Б-4/20 867. Вверху страницы с планом действия — штрихи, как правило, делаемые людьми, сидящими с блокнотом на совещании. Под штрихами, возможно, скрыто слово «в разведку».

1049

Не «убитых» или «мертвых», а именно «умерших». Судя по всему — умерших от ран. Смертность среди раненых, фактически не получающих никакой помощи, была ужасающей. Эта фраза говорит о том, что они лежали повсюду, их не успевали выносить из здания и закидывать землей в воронках у стены.

1050

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 216., Бессонов А. П. «В трудные годы». Краснодар, 1959, стр. 19. Странно, что именно Зубачев (44 сп), в общем-то, имеющий другую задачу (в отличие от Фомина из 84 сп) — как раз *выйти* из крепости в район сосредоточения, выступал противником прорыва. Скорее всего, у него были какие-то другие доводы, не указанные Смирновым или Бессоновым.

1051

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 13.

1052

«Signal», № 15, 1941. Упоминание о бомбардировщиках, никак не причастных в те дни к штурму Цитадели, настораживает — либо военкоры были слишком далеко и писали о событиях со слов не особо в них разбиравшихся (но тогда откуда у них фотографии?), либо — «бомбардировщики» были вставлены в текст, чтобы показать техническую мощь вермахта, ведение им войны в наиболее современном стиле. Наконец — бомбардировщики действительно были, но 29 июня. Но так как о падении крепости было сообщено еще 24 июня, то ясно, что о каких-либо боях от 29 июня писать было бы ошибочным. Именно поэтому часть событий от 29 июня и втиснута в репортаж «Сигнала», описывающего 24 июня.

1053

Хотя некоторые из защитников вспоминают о том, что переодевались в немецкую форму, чтобы выскользнуть из крепости, но, по-моему, рассказы о «русских в немецкой форме» сродни о «немцах в русской форме». В данном случае, скорее всего — попытка объяснить периодические случаи «дружественного огня» из-за часто меняющейся, особенно 22 июня, обстановки.

1054

Лозерт ошибается — Фрайтаг командовал первым батальоном I.R.133.

1055

BA-MA RH 26–45/154 Leo Lozert. Слева от церкви — 455 сп, справа — 33-й инженерный.

1056

«Signal», № 15, 1941.

1057

«Signal», № 15, 1941.

1058

Слишком мало информации, чтобы говорить о том, кто именно освободил блокированных в церкви. Если верить Лозерту, — то Лозерт, если отчету 133-го полка, принятому за основу и дивизией, — то доктор Вацек. Поэтому золотая середина — это лейтенант Хурм.

1059

«Signal», № 15, 1941.

1060

Gschupf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division», Linz, 1955, s. 157. Слово «Tschui», сказанное украинцем, по-видимому, искаженное Тойчлером одно из русских нецензурных выражений, означающее то же что и «Черт с ним!». «Отступающие в страхе русские» — вероятно, одна из групп бойцов, решившая перейти в Восточный форт.

1061

Мюллер-Вальдеки Гримм именно этот момент и посчитали за падение Цитадели.

1062

Осторожность Вацека, появившегося практически на завершающем этапе и то лишь для того, чтобы распорядиться об отступлении, скупой на эмоции Лео Лозерт никак не комментирует. Напротив — «Гауптман доктор Вацек вел себя очень энергично. На следующий день он погиб — при использовании его противотанкового орудия в передовой линии на северной стороне крепости, я полагаю, в бою у моста».

1063

Имеется в виду — последним из своего отделения.

1064

Точное число спасенных так и неизвестно. Вероятно, между 40 и 50 (КТВ говорит о том, что ставшее известным количество окруженных— *около* 50, отчет I.R.133, по итогам деблокирования — «более 40»).

1065

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 12.

1066

Kershaw R. «War without Garlands. Operation Barbarossa 1941/42» Shepperton 2000, p.65 (цитата по Gefechtsbericht № 1.4. Zuges Kampf um die Zitadelle von Brest-Litowsk 25 Jun 1941). Вероятно, Шейдербауэр и был командиром 4-го взвода.

1067

То есть, захватили вал пкт 143. Приближаться к самому мосту, перед которым было открытое пространство, смысла не было.

1068

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Суточное донесение I.R.135 (21.10). В 1947 г. Фридрих Йон так писал об этом эпизоде, противореча собственному итоговому донесению от 24 июня 1941 г.: «1-й батальон 135-го пехотного полка овладел зданиями и казематами к западу и к юго-западу от Восточного форта, но не мог приблизиться непосредственно к Восточному форту» (John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582).

1069

«Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004 г., стр. 114. «Внутренняя казарма форта» — внутренний вал, казарма транспортной роты 333 сп и 393 ОЗАД. «Внешняя сторона вала» — внешний вал (конюшни и склад боепитания 333 сп).

1070

Нужного объема взрывчатки у пехотинцев то ли не было, то ли еще что, но вплоть до того, как к осаде Восточного форта подключились саперы, они ограничивались забросокой осколочных и дымовых гранат в пространство между валами. Это лишь морально изматывало — но поразить защитников не могло. А ВВ требовалось немало — его впоследствии завозили грузовиками.

1071

Кстати, А. Суворов (там же) в связи с этим упоминает и действия при поддержке танков — таковых в тот день еще не было. Вероятно, источник или сам автор, упоминая танки, пытался как-то объяснить произошедший захват. Но танки прибыли только 26 июня.

1072

Неясно — были ли они там вообще после 7–9 часов утра 22 июня (см. воспоминания Д. Прохоренко от 22 июня, рассказывающие о немцах на вершине внешнего вала — они могли там находиться, только если на вершине внутреннего никого не было).

1073

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 185. Воспоминания Сухолуцкого С. М.

1074

Согласно другому варианту воспоминаний Гаврилова («Сражается крепость». М., 1975) командиры групп (помимо Домиенко и Скрипника): мл. лейтенант И. В. Прохоренко и «лейтенант-пограничник» Ануфриев.

1075

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 12.

1076

ЦМВС ДФ Б-4/271 письмо Филя А. М. Имеется в виду здание Белого Дворца.

1077

«Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004 г., стр 110. Согласно А. Суворову «еще во второй половине дня (23.06 — Р.А.)… пограничники, 132 б-н, 44 сп и т. д. отошли в подвалы 333 сп».

1078

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 434. Воспоминания Демина С. Т.

1079

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 234. Следующим вечером, когда пленных гнали к Бяла-Подляске, Бытко вместе с командиром 4-й роты 455 сп мл. лейтенантом И. В. Сгибневым бежали из колонны. Добравшись до Буга, они бросились в него, неподалеку друг от друга, пытаясь переплыть на восток, в СССР. Но, уже плывя, Сгибнев внезапно услышал выстрелы, там, где плыл Бытко… Больше о командире полковой школы 455 сп ничего не известно — Сгибнева же схватили у Кошарки (военный городок у Пружан, где к 22 июня еще жили семьи многих командиров 44 сп), избив, доставили обратно в лагерь, где он и пропал без вести (умер?) 27.12.1941 г.

1080

«24 дня». Письмо защитника Брестской крепости А. Н. Бессонова К. М. Симонову («Наше наследие», № 3, 1988 г.). В письме Бессонов ошибочно приписывает А. И. Семененко действия В. И. Бытко (даже в журнале опубликован портрет В. И. Бытко с подписью «В. И. Семененко»). Именно основываясь на письмах Бессонова, С. С. Смирнов первоначально считал Семененко организатором обороны на участке 44 сп, и лишь после личной встречи с ним в Николаеве в 1955 г. узнал о В. И. Бытко.

1081

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1082

4. L.Sch./Batl.818(4-я легкая стрелковая рота 818-го батальона охраны тыла).

1083

BA-MA RH 26–45 34 14875/25. Получено 29.06.

1084

John Friedrich «Forced crossing of the Bug river, advance through the Russian border defenses and capture of the fortress Brest-Litovsk». BA-MA ZA 1 1582.

1085

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Суточное донесение PiBtl 81 (20.00 24.06).

1086

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 287.

1087

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Расценив это как конец операции, рота Квизда вышла из района вокзала. На самом деле оборона подвала продолжалась еще несколько дней. Его защитников закидывали химическими гранатами, затапливали водой и нечистотами. Лишь после этого, в ночь на 29 июня, они покинули подвал и сам Брест — через его северо-восточную окраину.

1088

Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD, 2001, p. 35.

1089

Там же, p. 37.

1090

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 356. Воспоминания Виноградова А. А. Примечание составителей сборника «так как эта часть здания разрушена, поиски знамени и документов не дали результатов». Нужно уточнить — разрушены только сами казармы, подвалы и тем более трубы, идущие к

Мухавцу, сохранились. Выдирать их из земли, даже при острейшей нехватке кирпича в послевоенные годы, вряд ли кто стал бы. Проблема в том, что подвалы засыпаны строительным мусором. Второй момент — Виноградов и Смирнов должны были найти такой подвал, в котором не было бы людей. Прятать знамя на виду у раненых, которые через несколько часов, скорее всего, станут пленными, было бы опрометчиво.

1091

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 374. Воспоминания Лаенкова Ф. И.

1092

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 383. Воспоминания Хваталина И. Ф.

1093

Вероятно, вместе со штабом туда же, в это же время переехал и КП (Wojwodschaftsgebäude — здание Полесского воеводского управления, ныне — Брестского облисполкома).

1094

В КТВ 45-й дивизии сформулировано иначе — «под защитой отдельных танков». Но, во-первых, о наличии каких-либо танков не говорит никто из защитников, во-вторых — в донесении Йона (BA-MA RH 26–45 28 14875/17), описывающем этот прорыв, говорится именно о сильном огневом прикрытии. Возможно, огонь велся из какого-либо подбитого танка или бронеавтомобиля, стоявшего у Трехарочных? Но, скорее всего, Эткен запамятовал, тягачи, действующие у 98 ОПАД, ошибочно переместив к Трехарочным.

1095

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 383. Воспоминания Хваталина И. Ф.

1096

Имеется в виду обращенный на север склон вала пкт 145. Интересно, что ничего не говорится о захвате казематов пкт 145.

1097

Мнение Кершоу… Впрочем, и в советскую стрелковую дивизию входила отдельная химрота (отд. рота химзащиты), включавшая огнеметный взвод (30 ранцевых огнеметов). А вот применению одной «заокеанской державой» 1945 г. атомного оружия аналогов действительно нет.

1098

Судя по указанному весу, Беттхер был оператором огнемета Flammenwerfer 40 klein (малый). Имея меньший резервуар, он весил 22 кг, но обладал меньшей дальностью (20–25 м) и меньшим запасом

огнесмеси.

1099

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa“ 1941/42». Shepperton. 2000, p.66.

1100

Подразделения 12-й (пулеметной) роты (Лерцер) действуют на Западном острове, 11-й (самокатной) роты — приданы передовому отряду XII А.К. Подразделения А.А.45 к моменту атаки в 18.00 24.06 еще не прибыли.

1101

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 14.

1102

ДФ ЦМВС Б-4/262. В данном случае «крепостью» Махнач называет кольцевую казарму. Белый палац (дворец) находился в восточной части ее двора.

1103

«Север», № 5, 1971. Письмо Егорова Н. Р. Артамонову. Помимо датировки ранения, письмо Егорова интересно и тем, что врагов он называет «австрийцами». «Подъемный гараж» — тот самый, где 22 июня сгорели раненые, у Трехарочных. Позднее в числе раненых Егоров был взят в плен.

1104

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 384. Воспоминания Хваталина И. Ф.

1105

ДФ ЦМВС Б-4 262. В оригинале не совсем понятная фраза «в плен вместе с моими 50 (около) 54 человек бойцов и мл. командиров».

1106

Вывод сделан на основе фото, показывающего следы подрыва (?) в секторе кольцевой казармы, чуть западнее круглой уборной (пкт 179). Подрывы проводились, прежде всего 25 и 26 июня. Кто там оборонялся — неизвестно. В воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Героическая оборона», не говорится о каких-либо попытках подрыва на участке 44 или 455 сп.

1107

Применялись ли во время этого боя приданные батальону огнеметы? Упоминаний об этом ни в

документах, ни в воспоминаниях защитников нет.

1108

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 165. Воспоминания Соколова Н. И.

1109

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1110

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz, 1955, s. 157. Там же Гшопф, рассказывая о деблокировании церкви, упоминает о том, что «во второй половине того же дня I.R.135 и II/I.R.133 чистили Северный остров и освобождали и здесь более маленькие группы собственных людей». Насчет второго батальона Гшопф, похоже, спутал — тот действовал на Южном, а на Северном — третий, но, говоря о «более маленьких группах», Гшопф определенно имеет в виду именно Тойчлера и, возможно, других раненых, лежавших там с 22 июня.

1111

«Брестская крепость... Факты, свидетельства, открытия» Брест. 2005, стр. 29.

1112

За что расстреляли Акимочкина? В эти дни немцами было пленено немало и коммунистов, и политработников. Многие из них пережили плен — это свидетельство того, что наличие партбилета или звезд политсостава не всегда означало немедленный расстрел. То, что именно Акимочкин возглавлял оборону участка — тоже не причина для казни (из руководителей обороны немцы расстреляли лишь Фомина). Немецких пленных Акимочкин не убивал — да и того, что бойцами 98 ОПАД были взяты пленные, данных нет. Можно предположить, что именно ответ Акимочкина офицеру был настолько резким, что и послужил причиной расстрела. Наконец, есть свидетельства и о том, что Акимочкин не расстрелян, а погиб от взрыва гранаты (см. Смирнов С. С. «В поисках героев Брестской крепости». М., 1959, стр. 120).

1113

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 431 (Цит. по ЦАМО РФ, оп. 3038, д. 12, л. 9-10).

1114

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1115

Suchtrupp — группа прочесывания территории? Линейный дозор?

1116

Факт, говорящий об ожесточенности боя, большом расходе боеприпасов. Стандартный боекомплект 37-мм противотанковой пушки состоял из 36 бронебойных и 24 фугасных снарядов — судя по всему, бронебойными открыли огонь тогда, когда фугасные закончились.

1117

BA-MA RH 26–45 28 14875/17 утреннее донесение (25.06) командира 3/PzJgAbt 45 обер-лейтенанта Ветцеля. Важнейший документ, позволяющий безупречно установить время и дату прорыва Виноградова. Взвод Ветцеля пленил «группу численностью до 100 человек, днем прорывающуюся вдоль Мухавца на восток» — все это полностью совпадает с описаниями прорыва Виноградова, исключая ее датировку («официальная версия» — Виноградом начал прорыв в 12.00 26 июня, а был пленен в 19.00 27 июня, вырвавшись за пределы главного вала с отрядом в 70 человек). Сам он (в первом издании сборника «Героическая оборона») описывает встречу с «панцирягерами» Ветцеля так: «Фашистское командование отвело к шоссе оставшуюся часть пехоты, а вместо нее развернуло арторудия, которые открыли огонь прямой наводкой. Укрыться было негде».

1118

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 426 (Цит. по ЦАМО РФ Ф. 208, оп. 10169. д. 7, л. 35–37).

1119

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

1120

Интересная деталь — итоговых сообщений за 24, 25, 26 июня от I.R.133 (основной, сражающейся на цитадели части) среди документов нет.

1121

BA-MA RH 26–45 / 27 148875/16 «Gefechtsbericht über die Wegnahme von Brest-Litowsk». Как уже упоминалось, один из недостатков этого документа — отсутствие ссылок на источники. Поэтому неизвестно, откуда взята приведенная информация. Выделенное курсивом придает ей некую обтекаемость — под «отдельными частями домов» можно понимать что угодно, «в основном» — говорит скорее о том, что помимо вышеприведенных было еще немало очагов сопротивления.

Данные, приведенные в «Отчете о взятии Брест-Литовска», призваны оправдать заявление командования дивизии о падении крепости 24 июня. Именно поэтому сила советского сопротивления описывается так расплывчато, для создания впечатления о ее почти полном крахе.

1122

BA-MA RH 26–45 / 27 148875/16 «Gefechtsbericht über die Wegnahme von Brest-Litowsk». Скорее всего, такое количество пленных в тот день было взято на всей территории крепости. По поводу «взятия» западной части Северного тоже необходимо уточнить — она была зачищена еще 22 июня, и 24 июня немцы вошли туда вновь практически без боя, прочесав территорию.

1123

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

1124

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 13. Говоря о «прорыве группы сержанта Лермана», Долотов имеет в виду, скорее всего, одну из групп отряда Виноградова. О том, что в прорыв ушло сразу несколько групп (Радченко, ефрейтора-пограничника и самого Виноградова, одновременно и руководившего ими всеми), Долотов не знал. С самим же Лерманом он встретился уже вскоре: «В июле, находясь в куче раненых, лежащих у сарая в лагере Бяла-Подляска, я увидел Лермана, у него обе руки были перевязаны грязными бинтами, а на волосах запекшаяся кровь. Мы оба очень обрадовались, так как наших из крепости было мало. Их ударную группу фашисты разбили с внешней стороны (вероятно, внутренней. — *Р.А.*) восточного вала в промежутке между пекарней и Кобринскими воротами. Очевидно, вскоре Лерман был расстрелян фашистами, так как недели через три он исчез. Перед этим же он высказал свое подозрение, что его, наверное, возьмут, так как несколько человек из „западников“ узнали его и, не скрывая, громко обсуждали, как он разделывался с немцами».

1125

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 257. Воспоминания Солозобова В. С.

1126

Доложено на КП дивизии в 0.30.

1127

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 257. Воспоминания Солозобова В. С.

1128

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1129

«Героическая оборона». Минск. 1963, стр. 281. Воспоминания Дурасова А. И.

1130

Там же, стр. 273. Воспоминания Кочина Л. А.

1131

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 257. Воспоминания Солозобова В. С.

1132

Там же. Воспоминания Милькевича С. Е. Возможно, после этих событий Фомин и приказал женщин и тяжелораненых отправить из здания, сдав их в плен, о чем пишет Милькевич.

1133

ВА-МА RH 26–45 28 14875/17. Получено на КП дивизии в 5.00. Местонахождение «цели 50 м» не определено. На плане 1:4500 в восточной части Северного такого пункта не найдено.

1134

RH 26–45/154 Leo Lozert. «Красный дом командования» — это и есть сложенная из красного кирпича казарма 33-го инженерного, т. н. «Дом офицеров».

1135

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa" 1941/42», Shepperton, 2000, p.65.

1136

RH 26–45/ 154 Leo Lozert. То есть Лозерт с отделением пулеметчиков перешел в полосу наступления Хурма, справа от церкви.

1137

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa" 1941/42», Shepperton, 2000, p.65.

1138

RH 26–45/154 Leo Lozert.

1139

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 282. Воспоминания Дурасова А. И. «Столовой разведывательного батальона» (находившуюся в Белом дворце) Дурасов, возможно, называет столовую 33-го инженерного полка. Помещения 75 орб располагались на втором этаже второго подъезда. Вероятно, их немцам также удалось захватить, наряду со столовой 33-го инженерного, что и послужило основой для утверждения Дурасова.

1140

С севера атаковали подразделения А.А.45, с их стороны пкт 145, горжевую казарму которого видит Лозерт, представлял вал. Желающие сдаться, вероятно, махали из окон горжевой казармы, что, разумеется, не было видно с северной стороны. Лозерта обстреляли справа — т. е. из восточных, продолжающихоборону секторов 33-го инженерного.

1141

Дорога на Западном острове.

1142

Тереспольские ворота.

1143

RH 26–45/154 Leo Lozert. 5 июля, во второй половине дня, Лозерту был вручен Железный крест II степени.

1144

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 435. На оригинале приказа стоит подпись только начштаба армии Сандалова.

1145

Там же, стр. 433. (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2454, д. 27, л. 41–42). На работы по приведению в боевое состояние Слуцкого укрепленного района было отведено мало времени, вследствие чего они не дали положительных результатов. Оставив в ночь на 26.6.41 г. Слуцк и делая заграждения, 4-я армия начала отход к Бобруйску.

1146

ЦАМО РФ, ф. 318, оп. 4631, д. 22, мфк.17351.

1147

«Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны». Минск, 2006 г., стр. 89–91. Об этом же секретарь Брестского обкома КП(б)Б Т. Н. Новикова докладывала секретарю ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинову 19 июля: «Неприглядно выглядит руководство 4-й армии… Многие командиры, политработники, красноармейцыуходили из города почти без всякого оружия, полуодетые, командиры в пути заявляли, что в крепости сосредоточено большое количество орудий, но боеприпасы не были подвезены. Большинство командиров жило в городе, красноармейцы крепости оставались без всякого руководства…» (там же, стр. 101). Новикова упоминает, что насчет руководства 4-й армии обкомом было послано спецсообщение, и

советует присмотреться к командиру 17-го Брестского погранотряда Кузнецову, ничего не сообщившему обкому об угрозе войны. «Тов. Кузнецов находится в настоящее время в Гомеле», — уточняет Новикова.

1148

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Донесения о состоянии частей, см. приложение.

1149

Гальдер Ф. «Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальничка Генерального штаба сухопутных войск Германии»./Пер.с нем. — Смоленск, 2006, стр. 270.

1150

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 14.

1151

BA-MA RH 26–45 20 14875/9. Судя по тому, что в ней упоминаются подрывы, запись относится к вечеру 26 июня. Однако речь идет именно о прочесывании — т. е. обнаружении красноармейцев там, где считалось, что их уже нет. Вероятно, упомянутые в записи эпизоды могли происходить в подвале 333 сп, секторах кольцевой казармы 455 и 44 сп, обследуемых в тот день.

1152

О подрывах дымоходов говорят только защитники «Дома офицеров». Технология подрывов неясна. Дымоходы (если то, что я видел на сохранившемся участке кольцевой у Тереспольских, действительно дымоходы) — во-первых, узки, во-вторых, извилисты. Брошенная туда граната застрянет, не пролетев и метра. Зато в центре потолка второго этажа нечто напоминающее вентиляционные отверстия, правда, заделанные. Может, их как-то использовали при подрыве? Впрочем, вряд ли, все известные свидетельства говорят о том, что взрывы происходили внезапно, т. е. взрывчатку к месту подрыва доставляли незаметно. Учитывая, что взорваны внешние стены второго этажа, ее действительно спускали вдоль них и подрывали, как и пишется во всех донесениях. Подробности неизвестны.

1153

Первоначально это кажется малореальным — но подвал Брестского вокзала брали так же, и там забить подвальные окна удалось вполне успешно.

1154

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 467. Воспоминания Жигунова А. В.

1155

Защитники подрывы взрывчатки снаружи здания принимали за взрывы артиллерийских боеприпасов

или бомб, поэтому и не упоминали об этом способе подрыва.

1156

Может, имеются в виду те, что были захвачены утром группой Лозерта?

1157

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa" 1941/42», Shepperton, 2000, p.65.

1158

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 242. Воспоминания Филя А. М.

1159

Об обстоятельствах ранения Масуха в КТВ сказано так: «Во время им подготовленной и лично проводимой операции по подрыву „Дома офицеров" на Центральном острове», а в суточном итоговом донесении за 25 июня, подписанном командиром 1/Pi.Btl 81 обер-лейтенантом Ирле, принявшим командование батальоном: «Попытки врага вырваться из окружения по Северному мосту расстраивались, при этом командир был ранен». Ни о каких попытках прорыва по Трехарочному днем 25 июня неизвестно. Ирле, находившийся на Северном, похоже, записал информацию с чужих слов. Вероятно, имелось в виду, что Масух ранен у Трехарочного, отражая атаку противника, т. е. группы и попытавшейся выбить саперов с крыши.

1160

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято 14.50. Интересно, кто эти погибшие? Почему их так много в этом месте?

1161

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято 20.30. Под «дивизионом», скорее всего, подразумевается его транспорт.

1162

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Относительно небольшие потери говорят о том, что на вал пкт 145 разведотряд вышел почти без боя.

1163

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1164

И позднее в документах встречаются требования немедленно исключить 854-й дивизион из подчинения дивизии. Можно сделать вывод, что фон Кришер, поняв, что поторопился, придержал его у себя еще на несколько дней. Однако о каких-либо действиях дивизиона сведений нет.

1165

Из состава разведотряда Йону подчинены эскадрон велосипедистов (обер-лейтенант Квизда) и конный эскадрон.

1166

Без 11-й роты.

1167

Те, что раньше были переданы III/I.R.133.

1168

Пкт 145, о чьем захвате преждевременно сообщил фон Паннвиц.

1169

BA-MA ZA 1/1582 John Friedrich.

1170

Бок Федор фон. «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006, стр. 48.

1171

NARA T314 roll 501 f497-498.

1172

Пкт 145.

1173

«Дом офицеров».

1174

Вероятно, имеется в виду батальон Кене (I/I.R.135).

1175

Скорее всего, имеются в виду пкт 145 и Восточный форт.

1176

Это мог быть кто угодно и где угодно. Например, засыпанные в каких-либо подвалах раненые или бойцы, пытающиеся пробиться в соседний подвал.

1177

BA-MA RH 26–45 27 14875/16.

1178

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1179

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Принято в 20.15.

1180

Возле Северных ворот.

1181

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1182

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1183

BA-MA ZA 1/1582 John Friedrich.

1184

Ostwerk (подразумевается Восточный форт).

1185

Подразумевается разведотряд фон Паннвица.

1186

Имеется в виду огнемет Flammenwerfer 34. Дальность выстрела его струи огнесмеси — около 25–30 метров. Всего огнемет позволял произвести около 35 выстрелов (или 45 секунд непрерывной работы). Запрос Flammenwerfer 34 (с большей дальностью струи) говорит о том, что к оборонительным позициям очень трудно приблизиться.

1187

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1188

Там же. Неясно, к чему относится эта интересная фраза. Скорее всего — к захвату какого-либо сектора кольцевой казармы. Может, батальону Фрайтага удалось удержаться в «Доме офицеров»? Туманные намеки артиллеристов могут порождать только догадки.

1189

Такое впечатление, что штурмовая группа, действующая на крыше 33-го инженерного, пришла с Северного острова. Можно обратить внимание на то, что ни о каких подрывах через дымоходы не упоминается.

1190

Разборка понтонных мостов. Транспорта пока не хватает, поэтому погрузили частично.

1191

Мост на северо-западной окраине крепости.

1192

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1193

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 311. Воспоминания Тарасова Н. А.

1194

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 14.

1195

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 15.

1196

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Первоначально донесение адресовано штабу LIII A. K. По-видимому в эти минуты решается вопрос подчиненности дивизии. В суточном приказе по XII А.К. от 27 июня сказано, что 45 I.D. выведена из состава корпуса с 25.6.41.

1197

Flammenwerfer 34.

1198

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. «Помимо уже затребованных танков и огнеметов настоятельно ходатайствую о предоставлении дивизии для подавления очагов сопротивления в Брестской крепости роты огнеметных танков». Адресовано штабу LIII А.К. (в 22.10), хотя формально дивизия еще остается в составе XII А.К.

1199

Скорее всего, это были снаряды противотанковых пушек, взрывавшиеся на первом этаже.

1200

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 258. Воспоминания Солозобова В. С.

1201

BA-MA RH 26–45 28 14875/17 отправлено в 3.45.

1202

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1203

BA-MA RH 26–45 28 14875/17 дневное донесение (отправлено в 14.05. принято в 15.45).

1204

К моменту составления дневного донесения разведотряда были взяты и пкт 145, и «Дом офицеров». Велся подсчет убитых и плененных защитников — так что эта версия не лишена оснований. Ночью они не смогли бы подсчитать якобы убитых при прорыве (из-за темноты и огня красноармейцев). Наконец, одна из наиболее вероятных версий — именно в ночь на 25 июня прорывался Гаврилов. О том, что первый прорыв из Восточного форта был «вечером 25 июня», свидетельствует, в частности, Я. И. Коломиец.

(«Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 174).

1205

ВА-МА RH 26–45 28 14875/17 утреннее донесение (отправлено в 3.45)

1206

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 262. Воспоминания Милькевича С. Е.

1207

Там же, стр. 259. Воспоминания Солозобова В. С.

1208

Факт ранения (а значит, и количество раненых), скорее всего, фиксировался на момент поступления раненого на медицинский пункт. То есть солдаты, раненные 22 июня и найденные 23 и 24 июня, были включены в количество раненных за тот день, в котором были найдены и доставлены на медицинский пункт. Это же касается и количества погибших — именно поэтому легко заметить, как оно отличается от цифр, указанных Йоном: просто к моменту составления таблицы нашли далеко не все трупы.

1209

ВА-МА RH 26–45 28 14875/17. Дневное донесение 81-го саперного батальона за 26 июня. Отправлено 14.15, принято 14.30. Подписано адъютантом батальона лейтенантом Креннером. Фразу «При этом один погибший и один раненый» можно толковать и по-другому — потери понесли защитники, или прикрывающие действия саперов солдаты А.А.45 (так как эти потери сходны с потерями разведотряда, указанными в его донесении).

1210

ВА-МА RH 26–45 26 14875/15. Дневное донесение дивизии в штаб LIII А.К.

1211

Группа саперов-подрывников была задействована на Центральном и Северном острове до полудня. (ВА-МА RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение 81-го саперного батальона за 26 июня.) О том, что под Северным островом подразумевается именно пкт 145, говорит, помимо прочего, и то, что дальше говорится о том, что ударный отряд саперов направлен на Восточный форт, т. е. последний из оставшихся очагов сопротивления упоминается как отдельный объект.

1212

Как уже упоминалось, вполне вероятно, что подрыв был произведен и на участке 455 сп. Но про это, увы, ничего не известно.

1213

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 259. Воспоминания Солозобова В. С.

1214

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Дневное донесение 81-го саперного батальона за 26 июня. Таким образом, по данным саперов на 14.15, сопротивление в «Доме офицеров» еще продолжалось.

1215

Обстоятельства последних часов обороны «Дома офицеров» покрыты тайной. Милькевич, например, пишет, что Фомин был серьезно контужен, но продолжал руководить боем — т. е. попал в плен позднее.

1216

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение A.A.45 за 26 июня. Отправлено в 20.20. Не факт, что эти потери — на счету защитников пкт 145, но, скорее всего, это именно их пули подстерегли солдат разведотряда.

1217

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Радиограмма, № 104 от фон Паннвица. Передано в 13.45 (немедленно после взятия пкт 145). Принято в 15.50.

1218

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 304. Воспоминания Кувалина С. М.

1219

В 15 часов в штаб LIII армейского корпуса дивизией отправлено донесение, где говорится о 450 пленных — то есть общем количестве, взятом и в «Доме офицеров», и на пкт 145.

1220

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение I.R. 135 за 26 июня. Принято в 21.30.

1221

Точка перед пкт 145. Что это — сарай? Один из входов в пкт 145? Или — группа защитников, отстреливавшаяся на берегу, рядом с пкт 148? Неизвестно: этот очаг обороны больше нигде не упоминается.

1222

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 259. Воспоминания Солозобова В. С.

1223

Там же, стр. 304. Воспоминания Кувалина С. М. Всего за послевоенное время при проведении различных работ в окрестностях «Дома офицеров» найдены останки 132 человек. За исключением тех, кто был найден в подвале Белого дворца (там, скорее всего, засыпанные взрывом снаряда «Карла» раненые), это кости защитников «Дома офицеров», похороненные после его взятия командами военнопленных.

За два года строительства мемориального комплекса (1969–1971) на территории Брестской крепости (цитадели) найдены останки 523 человек. 18 сентября 1971 года провели торжественное перезахоронение останков как найденных в ходе строительных работ, так и перенесенных с гарнизонного кладбища. Из 833 человек опознано только 216, остальные легли неизвестными.

Находки продолжались — на сей день под плитами мемориала лежат останки 962 человек, из них известны только 270.

Общее число погибших красноармейцев вряд ли когда-то будет узнано — многие легли на дно Мухавца или унесены его течением, некоторые, не исключено, еще лежат, ненайденные, в огромных (5 м глубиной) воронках снарядов «Карлов». Наконец, по рассказам местных жителей, до того как вся территория крепости перешла под плотную опеку музейных работников, не ко всем найденным после войны останкам было проявлено должное внимание. Иногда их хоронили без какого-либо учета, иногда поступали проще…

1224

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 259. Воспоминания Кошкарова П. П.

1225

ДФ ЦМВС Б-4 270 Филь А. М. Неясно, какое место имел в виду Филь. Однако, учитывая, что пункты сбора военнопленных предусматривались на востоке Тересполя и юго-восточнее — у бункера (форт VI?), на развилке дорог в 1500 м от него, то именно у последнего и расстреляли Фомина.

1226

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 353, «Герои Бреста», стр. 186–189. Шестилетний Леня превратился в Алика (Александра). Свое настоящее имя и дату рождения он узнает еще не скоро… Только благодаря архиву Министерства обороны СССР получит фото отца. А от матери и сестры — только неясные образы сохранит в памяти.

1227

Интересно, почему они не стали использовать тягачи «Комсомолец» от 45-мм орудий 98 ОПАД?

1228

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Дневное донесение A.A.45 за 26 июня. Отправлено в 14.15.

1229

ОФ МК БКГ КП 4764, д. 783, л. 2. Она датирует дымовую завесу — «23–24 июня». Вероятно, применение средств дымообразованиябыло ежедневным.

1230

Ручная дымовая граната Nebelhandgranate 39. Дым (серовато-белого цвета) держался 1,5–2,5 минуты.

1231

Maschinen-Pistole (пистолет-пулемет). Интересный факт — похоже, дивизия получила дополнительные (сверх штата) пистолеты-пулеметыдля боя в крепости, что говорит о том, что они неплохо себя зарекомендовали. Лишнее подтверждение воспоминаний защитников о многочисленных «автоматчиках».

1232

BA-MA RH 26–45 26 14875/15. Дневное донесение дивизии в штаб LIII A.K. Отправлено в 15.50, принято 19.45. В «Отчете о взятии Брест-Литовска» говорится о том, что 26 июня французские и русские бронеавтомобили и танки еще не были готовы. Скорее всего, используемый 26 июня танк — восстановленный трофейный T-38.

1233

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 439 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 3038, д. 12, л. 11–12).

1234

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Фразу, принимая во внимание постоянно звучащие призывы о том, чтобы солдаты не пользовались водой из непроверенных источников, можно понимать и как предостережение — дескать, ни в коем случае не брать воду на территории крепости из-за опасности ее отравления. Однако, учитывая то, что сейчас об этом говорит Ic, скорее всего, вода на территории крепости была отравлена именно после этого предписания, для выманивания скрывающихся к рекам и их последующего уничтожения или пленения.

1235

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1236

Скорее всего, имеются в виду выкапывание убежищ, маскировка сооружений.

1237

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Упоминается 14-я рота (противотанковых орудий) одного из пехотных полков.

1238

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Следует отметить, что речь идет о нескольких гнездах. Возможно, артиллеристам не было известно о захвате «Дома офицеров» и пкт 145, возможно — прочесывание крепости действительно натыкалось не только на одиночек, но и группы, оказывавшие ожесточенное сопротивление.

1239

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1240

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

1241

Бок Федор фон. «Я стоял у ворот Москвы». М., 2006, стр. 48.

1242

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 196. Воспоминания Кузьмина В. П.

1243

Прохоренко называет его Скрипниковым.

1244

ОФ МК БКГ КП 4764, д. 783, л. 2.

1245

ОФ МК БКГ КП 4764, д. 783, л. 2.

1246

BA-MA RH 20-4 681.

1247

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Скорее всего, на Северный остров пленные были переведены для захоронения трупов.

1248

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л.16.

1249

Употреблен термин «politischer Leiter». По многим признакам речь идет о политруке С. С. Скрипнике, комиссаре Восточного форта. Причины его перехода неизвестны — специально ли он перешел к противнику, убедившись в бессмысленности обороны, или, поссорившись с Гавриловым, пытался, уйдя из Восточного форта, достичь частей Красной Армии. Наконец, возможно, что именно в ночь на 27 июня и был предпринят второй прорыв Восточного форта — через ходы, пробитые в потолке конюшни и толще вала. Вырвавшись, часть бойцов могла попасть в плен — среди них и Скрипник. Неизвестна и судьба Скрипника. Интересно, что в «Отчете о взятии Брест-Литовска» есть фраза о том, что комиссар Восточного форта так и не был найден. «Отчет», конечно, документ достаточно неточный, однако если бы Шлипер действительно знал о том, что в плен попал комиссар Восточного форта, он бы, несомненно, сообщил, об этом. Скорее всего, либо Скрипник не признался в том, что он и есть комиссар (хотя по уровню его осведомленности это было ясно), либо в штабе I.R.135 этому не придали значения и в штаб дивизии не сообщили. Фраза из «Отчета» о том, что перебежчик сообщил, что «душа сопротивления Восточного форта — майор и комиссар», вписана явно позднее, в первичных документах не встречается.

1250

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Дневное донесение (радиограмма) I.R.135 от 27 июня. Отправлена в 14.30.

1251

BA-MA RH 26–45 24 14875/13.

1252

ОФ МК БКГ КП 5949, д. 1548, л. 16.

1253

Согласно С. М. Сухолуцкому огонь из пулемета вели пограничник и пехотинец. Когда пулемет отказал,

они сняли один ствол и, перенеся его в другое помещение на том же втором этаже продолжили огонь («Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 184. Воспоминания Сухолуцкого С. М.).

1254

ОФ МК БКГ КП 15851, д. 7933. Когда, после войны, Гаврилов приехал в Волгоград, Косов вновь задал ему вопрос о судьбе комиссара Восточного форта, но молчание было ему ответом и в этот раз.

1255

Инспектор химических войск.

1256

Гальдер Ф. «Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии»./Пер.с нем. Смоленск, 2006, стр. 280.

1257

BA-MA RH 26–45 26 14875/15.

1258

Там же. Употреблен термин «Panzerwagen». Скорее всего, это действовал Somua, остальные (вероятно, Т-38) так и не завелись толком. В имеющихся советских воспоминаниях говорится только о том, что немцы использовали БА-10, о Т-38 (на имеющихся фото видно, что именно два Т-38 были подведены к Восточному форту) у меня информации нет.

1259

Тоже неясно — почему столько много не найдено? Вроде бы почти вся крепость в руках дивизии. Возможно, стрельба «неизвестных» настолько плотна, что сбором трупов все еще нельзя заняться.

1260

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Пока не обнаружено каких-либо документов, свидетельствующих о скептицизме Шлипера в отношении реактивных установок. Более того, выстраивание плана нападения говорит как раз о том, что именно на их действие делался упор.

1261

Имеется в виду — из-за того что ответный артиллерийский удар противником не был нанесен, артиллерия дивизии потерь не понесла и, избавившись от необходимости вести контрбатарейную борьбу, приняла участие в артналете в полном составе.

1262

BA-MA RH 26–45 27 14875/16.

1263

Гальдер Ф. «Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии»./Пер.с нем. Смоленск. 2006, стр. 285. Вместо 45-й дивизии Гальдер ошибочно вписал 31-ю дивизию, к этой истории непричастную и больших потерь не имеющую (см. данные по потерям XII А.К. за первые три дня войны. Согласно КТВ дивизии, ее потери за 22 июня — 12 убитых, 72 раненых; за 23 июня — (1) убит, 5 раненых, 6 больных; за 24 июня — 11 раненых, 2 больных, 25 июня — (1) убит, 14 больных; 26 июня — 25 (2) убито, 68 ранено, 6 пропало без вести, 8 больных и т. д.). Потери, как видим, незначительные.(Потери офицеров).

1264

Генералу Хойзингеру?

1265

«Памяць».Минск, 1997 г., стр. 396.

1266

BA-MA RH 26–45 27 14875/16. Вряд ли сдающиеся красноармейцы, уходя в плен, выбрасывали свою обувь. Скорее всего, она принадлежала погибшим или находилась на складах.

1267

Пкт 23 — Восточный форт.

1268

BA-MA RH 26–45 28 14875/17.

1269

Kw-Sprengzug.

1270

Вероятно, имеется в виду склад боеприпасов резерва ОКХ.

1271

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 441 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 226, оп. 2156, д. 67, л. 8–9).

1272

ОФ МК БКГ КП 4764 д. 783 л. 2. Дарья Прохоренко так и сказала — «потеряла сознание». Мать, она и спустя 15 лет не могла произнести другую, более страшную правду.

1273

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Вероятно, подразделения с внутреннего вала были выведены — иначе минометный огонь наверняка бы их зацепил. На основе упоминания о сильном минометном огне этой ночью прокоп внешнего вала из конюшен и датируется ночью с 27 на 28 июня — это совпадает с воспоминаниямиПрохоренко.

1274

Точно неизвестно, но, скорее всего, это был именно он, ведущий бои за Восточный форт.

1275

В июне 1941 г., полковник.

1276

Защитники горжевых казематов Восточного форта никак не препятствовали продвижению по магистралям. Однако нужна была какая-то веская причина для привлечения авиации и использования настолько мощныхбомб.

1277

Plocher Hermann «The German Air Force versus Russia 1941» (USAF Historical Studies № 153). NY 1965, p.87. Плошер и Беккер (см. Беккер Кайюс «Военные дневники люфтваффе». М., 2004, стр. 304) датируют бомбардировку Восточного форта утром 28 июня. Плошер при этом ссылается на Oberbefehlshaber der Luftwaffe, Abt. Ic, Geheim Kdos, Lagebericht Nr 660, 30.6.41. Этот документ не удалось найти в Федеральном военном архиве (Фрайбург). Он находился в составе Karlsruhe Document Collection и, возможно, в числе прочих ее документов был передан в Historical Research Center Maxwell AFB. Йон в своих воспоминаниях датирует авианалет 27 июня. Но именно 29 июня называется и в донесении I.R.135, сообщающем об авианалете, и в КТВ дивизии.

1278

Согласно «Отчету о взятии Брест-Литовска», авиачасть, принявшая участие в штурме, базировалась на аэродроме Малашевичи. По некоторым данным, это была 6 Staffel/KG 3 (имеющая самолеты Ju-88 A-5 или A-6).

1279

Т. е. Ju-87. Однако авиаудары наносили Ju-88. Вероятно, «штуки» планировались вначале, но потом стало понятно, что требуется большее количество тяжелых авиабомб, чем они могли бы сбросить.

1280

BA MA RH 26–45 34 14875/25.

1281

Там оборонялась 3-я рота 18 ОПАБ. В составе укрепузла — 6 готовых дотов, 2 — полуготовых.

1282

BA-MA RH 20-4 681.

1283

Временное соединение.

1284

Внутренняя кромка внешнего вала, под которым и были сосредоточены основные силы осажденных.

1285

Следы одного из попаданий все еще видно на западной стороне внешнего вала. Казематы не пострадали — об этом пишет и Йон, да и любой желающий может пройтись по ним, не заметив следов каких-либо завалов.

1286

Одна из них упала вовнутрь двора, у ворот (см. «Героическая оборона», Минск, 1963, стр. 186. Воспоминания Сухолуцкого С. М.).

1287

«Буг в огне». Минск, 1977, стр. 81.

1288

Plocher Hermann «The German Air Force versus Russia 1941» (USAF Historical Studies № 153). NY 1965, p.87. Похоже, Дойчман, говоря о первом налете, вспоминал о Ju-87. Однако, судя по тому, что каждый из пяти участвующих в нем самолетов сбросил по две SD-500, это были все же Ju-88.

1289

Примечание переводчика воспоминаний Йона на английский язык: «Автор поместил вопросительный знак рядом с этим параграфом. Выполнимость описанной операции, очевидно, под вопросом». По моему же мнению, поджог 8000 литров бензина, хотя бы и на каком-либо ограниченном участке горжевой казармы (уничтожив там защитников, можно было бы ворваться туда самим), являлся достаточно сильным ударом по обороняющимся. Это было вполне выполнимо — закатить бочки на вершину внутреннего вала. Интересно другое — одно дело, когда на внутренний вал пробираются солдаты, они действительно как-то еще могут проползти под огнем из его горжевой казармы. Однако сейчас речь идет о затягивании туда же и бочек с легковоспламеняющимисявеществами. Это можно сделать только в том случае, если огонь из горжевой казармы внутреннего вала не ведется. Предположение о том, что так и было, подтверждает и тот факт, что, судя по плану «бензиновой» операции, Гартнака интересует только внешний вал.

1290

ОФ МК БКГ КП 4764, д.783, л. 3.

1291

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 220. Воспоминания Гаврилова П. М.

1292

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение I.R.135 от 29 июня. Отправлено 19.30.

1293

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение PiBtl.81 от 29 июня. Отправлено 18.15. Можно предположить, что подрыв полкового склада боеприпасов 333 сп в Восточном форту был произведен именно саперами, а не ударами авиации. Однако так как взрыв заложенного над ним ВВ раздался именно в тот момент, когда над фортом висела авиация, то все подумали, что это взорвалась авиабомба. На расположение склада указали перебежчики. Следов подрыва нет — скорее всего, он был над отсеком, уничтоженнымбомбой.

1294

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение I.R.135 от 29 июня. Отправлено 19.30.

1295

«Буг в огне». Минск, 1977, стр. 81.

1296

BA-MA RH 26–45 28 14875/17. Итоговое донесение I.R.135 от 29 июня.

1297

Самые проницательные читатели, сравнив это сообщение и репортаж Хабеданка, наверняка догадались бы, что очень многое из событий Брест-Литовска не подходило под фанфары.

1298

В КТВ указано, что это количество на 20.00. Видимо, опечатка — имеется оригинал донесения от I.R.135, показывающий,что к 20.30 сдалось 160 человек.

1299

Есть и другая датировка — судя по более ранней версии истории Семенюка (см. Смирнов С. С. «В поисках героев Брестской крепости». М., 1959, стр.119), знамя было закопано за день до падения Восточного форта — т. е. 29 июня.

1300

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 422. 27 сентября 1956 года Родион Семенюк, единственный, кто остался жив из тех, кто закапывал Знамя, привел на это место нескольких офицеров и солдат расположенной в крепости воинской части. В их руках были лопаты и кирки — но, не выдержав, Семенюк начал копать сам. Офицеры, стоявшие у ямы и напряженно следившие за его работой, стали было с сомнением переглядываться, и Семенюк и сам, в отчаянии хотел прекратить копать — как вдруг лопата звякнула о металл… Знамя 393 ОЗАД было передано в Музей обороны Брестской крепости. Родион Семенюк удостоен ордена Красного Знамени.

1301

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 453 (Цит. по ЦАМО РФ, ф. 226, оп. 2133, д. 1, л. 5).

1302

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып., № 35, М.,1958.

1303

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006, стр. 524. Дата ареста Коробкова приводится по «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны». Минск, 2006, стр. 91. Еще 2 июля Коробковым подписывались донесения. Да и 8 июля именно «командующему4-й армией генерал-майору Коробкову» было адресовано донесение командира 28 ск В. С. Попова, один из наиболее часто используемых источников об обороне Бреста. Что же касается отряда Поветкина, то тот утром 1.07.1941 г. был передан в подчинение 21А. 2 июля 1941 г. остатки 4-й армии (к этому времени ведущие бой в р-не Бобруйска) были переданы 21-й армии и отведены в р-н Новозыбкова для приведения в порядок и доукомплектования.

4 июля 1941 г. в 9.00, в оперативной сводке штаба 4-й армии о ходе переформирования и

укомплектованияее соединений в р-нах Краснополье, Покоть, Добруш, Новозыбков сказано, что «к утру 5 июля 1941 г. соединения 28 ск имеют: а) 6 сд — 340 человек, б) 42 сд — 4000 человек, из коих 50 % не обмундированы. Материальная часть артиллерии в… дивизиях отсутствует. Личный состав и материальная часть на укомплектованиечастей 28 ск не поступают». Но подписи Коробкова там уже нет.

1304

Можно обратить внимание на то, что вечером 29 июня сообщено о 384 пленных, 30 июня — 386 пленных, а в «Отчете о взятии Брест-Литовска» их число выросло до 389. Это подтверждает тот факт, что и после сдачи основного гарнизона в Восточном форту оставались несколько красноармейцев.

1305

RH 26–45 26 14875/15.

1306

8-я рота в этом не участвует, находясь в своем расположении в боевой готовности.

1307

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1308

Важное уточнение — часть пленных захвачена *в городе.* **Численность защитников крепости была значительно меньше.**

1309

Объемы захваченного продовольствия приводятся округленно.

1310

Большая часть уже отвезена в Линово.

1311

Судя по боевому расписанию 45-й дивизии на 1 июля и другим документам, после ухода главных сил дивизии в городе остались обозы батальонов Ульриха и Набера, 6, 7 и 8-й роты батальона Гартнака, штаб I.R.130 и несколько мелких подразделений. 5-я рота I.R.130 вошла в отряд фон Паннвица.

1312

Согласно Гшопфу — утром.

1313

Семеновской церкви.

1314

Это количество приводится в KTB Ib дивизии. Оно означает, вероятно, количество вырытых на 1 июля могил. Неясно, где были похоронены погибшие 23 июня 17 человек передового отряда (из них два офицера).

Гшопф, однако, пишет о 482 (из них 32 офицерах), погребенных на этом, первом в СССР кладбище дивизии. «Отчет о взятии Брест-Литовска» сообщает о 453 погибших и *пропавших без вести* (из них 32 офицерах), что, в общем-то, стыкуется с данными Ib — т. е. более 50 человек к 1 июля все еще не найдено. Цифры Гшопфа наиболее близки к данным Грейффенберга на 27 июня — 487 убитых и пропавших без вести. Кстати, далее Гшопф пишет о более чем 1000 раненых, что почти вдвое превышает данные дивизии. Остается предположить, что количество раненых, указанное штабом «сорок пятой», значительно занижено. Данные Гшопфа подтверждаются схемой кладбища 45-й дивизии.

1315

BA-MA RH 26–45 34 14875/25.

1316

Gschöpf R. «Mein Weg mit der 45 Infanterie Division». Linz, 1955, s. 159.

1317

Один из пистолетов — ТТ (емкость магазина — 8 патронов). Второй, судя по описанию — Маузер-712. Он имел либо постоянный магазин (емкость 6 и 10 патронов), либо — постоянный и дополнительный магазин, прикрепляемый снизу к магазинной коробке (их суммарная емкость — 20 патронов). Для ведения прицельного огня использовалась деревянная кобура, чего, похоже, у Гаврилова не было. Мог вести как одиночный огонь, так и стрельбу очередями.

1318

Согласно Гаврилову, в этом каземате располагались конюшни артиллеристов 44 сп. Это противоречит Леонтьеву. С другой стороны, два подразделения могли занимать каземат и прилегающие к нему помещения совместно.

1319

Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 179–182. За основу при описании последнего боя Гаврилова принято как его изложение в «Героях Бреста» (стр. 136), так и собственноручно заверенные ранние воспоминания, хранящиеся в ДФ ЦМВС. Из последних можно сделать вывод, что Гаврилова контузило его же гранатой («при последнем броске был контужен»). Смирнов описывает бой иначе —

Гаврилов, бросив все пять гранат, был контужен немецкой. В своих воспоминаниях Гаврилов ничего не говорит о том, сколько вражеских солдат ему удалось убить или ранить тогда. Если бы действительно при его пленении были жертвы — среди пленных майора Гаврилова бы не было. Нужно отметить, что о потерях немцев в этой схватке не пишет и Смирнов — лишь предполагая, что они были. Еще пара моментов. Дата пленения: Смирнов определяет ее исходя из записи в личном деле Гаврилова (на основании чего она была туда внесена?) и показаний Н. И. Вороновича, бывшего врача лазарета в лагере военнопленных (Южный военный городок). Интересно, обнаружены ли какие-либо немецкие документы, подтверждающиефакт пленения Гаврилова 23 июля? И еще — в «отчете о взятии Брест-Литовска» сказано, что защитники Восточного форта сдались с разрешения командира. Но те, кто знал, что Гаврилов — это и есть командир Восточного форта, считали его погибшим (до встречи с ним Смирнова). Может, поэтому майора и не затронуло пристальное внимание госбезопасности.

В 1956 г. Гаврилов восстановлен в КПСС, в 1957-м (3.01) — получил звание Героя Советского Союза, в 1958 г. — избран депутатом Верховного Совета СССР. Умер 26.01.1979 г. в Краснодаре. Согласно завещанию, похоронен на гарнизонном кладбище Бреста (30.01.1979 г.).

1320

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa“ 1941/42», Shepperton, 2000, p.79.

1321

BA-MA ZA 1/1406.

1322

Не путать с комендантом Варшавы Вальтером фон Унру.

1323

BA-MA ZA 1/1406.

1324

BA-MA ZA 1/1406. Вероятно, именно об этой группе пленных рассказали С. С. Смирнову И. В. Иванов и другие военнопленные из лагеря Бяла-Подляски (Смирнов С. С. «Брестская крепость». М., 1965, стр. 301–303): «Туда в последние дни июля (30-го или 31-го числа) привезли четырех человек из Брестской крепости. Они попали в этот лагерь прямо из крепости… Последняя их попытка вместе с другими уйти к Бугу не удалась». Дальше, видимо, так — началась облава, отстреливались, пока были патроны, потом ушли в подвалы, где, загнанные, и сдались. Иванов пишет, что немцы в знак уважения сняли перед ними каски. «Вид [пленных] был ужасен. Они все были оборваны, с окровавленными грязными повязками, худые и обросшие щетиной. Все время кашляли и вытирали глаза — видимо, сказывалось действие газов. Ослабели они настолько, что еле стояли на ногах, поддерживая друг друга». Кашель и вытирание глаз свидетельствуют о том, что бойцы простыли в подземелье и дневной свет раздражал их глаза. Наконец, нужно уточнить, что группа, о которой говорит фон Унру, была пленена не ранее 30 июля (дата прибытия фон Унру в Брест), а скорее всего — с 5 по 10 августа. Движение автоколонн через крепость началось примерно 14 августа.

1325

Автор уверен, что речь идет о форте V, том самом, что отказался сдаться «сорок пятой» в июне.

1326

Кстати, потом Гитлеру во время его визита в крепость показывали пушки, которых не было на ее территории на 22 июня. То есть крепость превратилась в склад трофеев.

1327

BA-MA ZA 1/1406.

1328

Например, учитывая то, что «сорок пятую» командование фактически не впустило ни в Краков, ни в Реймс.

1329

В итоге в Бресте действовала лишь одна рота, имевшая опыт Эны, — первая.

1330

Фактически речь идет о 13/I.R.133, работавшей по Западному и востоку Северного. 13 роты I.R.130 и I.R.135 били (соответственно) в полосе форсирования I.R.130 (батальонов Набера и Гартнака) и I.R.135 (батальона Ельце). Вероятно, распределение огня минометов пулеметных и стрелковых рот было аналогичным. Таким образом, огонь двух третей полковой артиллерии был выведен за пределы крепости.

1331

Guderian Heinz «Erinnerungen eines Soldaten». Stuttgart, 1995, s. 139. Вообще при планировании артподготовки отсекли творчество — первоначально в полосе дивизии ее планировалось сделать втрое короче, для скорейшего перехода в наступление пехоты. Потом и здесь все же решили не рисковать…

1332

Главное назначение дивизионной артиллерии в артударе 22 июня, судя по всему — постановка заградительного огня, препятствующего как подходу резервов к позициям вдоль Буга, так и организованному отводу советских войск.

1333

Там, кстати, располагалась транспортная рота 17-го погранотряда.

1334

Возможно, по какой-то причине боезапас, выделенный на артподготовку 22 июня, не был полностью отстрелян?

1335

NARA T314 roll 50) f000623. Неясен перевод слова Satz. По смыслу более всего подходит — «залп». То есть дивизион, как и планировалось, произвел 4 залпа. Честно говоря, не знаю, как за 4 залпа (если учесть что в батарее шесть установок (каждая выпускает по 4 снаряда), а в дивизионе — три батареи) было выпущено столько снарядов. Но, похоже, именно эти объемы и планировались в записке командира NbW.Abt 8 (апрель 1941 г.).

1336

Равный по силе удар (последними, выделеннымина поддержку 45 I.D. снарядами) был запланирован лишь на северную часть Северного острова. Что за цель надеялись там поразить — неизвестно. От руки вписано — «Восточный форт». Но возможно, эта строчка сделана позднее, чтобы выглядеть более прозорливыми? В любом случае до этих ударов не дошло.

1337

Jentz Thomas L. «Bertha…s Big Brother Karl Gerät (60 cm) and (54 cm)». MD, 2001 p. 36.

1338

Там же. Неясно, о чем речь. Один из них — это наверняка полубашня у Тереспольских. Второй — 333 сп? (а может, Белый дворец?)

1339

Неясно — 2 снаряда, из выпущенных 22 июня, или из выпущенных 23–24 июня?

1340

Широкорад А. Б. «Бог войны Третьего рейха». М., 2003, стр. 90.

1341

Там же. Широкорад приводит в своей книге и другие данные, по отношению к штурму Брестской крепости оставшиеся теорией. Например, осколочно-фугасный снаряд типа 15 cm Gr.19 и 19 stg., входивший в боекомплект 15cm sFH 18, пробивал по нормали бетонную стену толщиной до 0,45 м, кирпичную — до 3,5 м, песчаный грунт до 5,5 м, рыхлый — до 11 м, а бетоно бойный (15 cm Gr.19 Be) — железобетонную, до 0,4–0,5 м. Более того, и снаряды легких полевых гаубиц (10cm leFH 18), согласно предварительным расчетам, могли причинить крепости не менее серьезные разрушения — осколочно-

фугасные снаряды пробивали бетонную стену до 30 см, кирпичную — до 2,1 м. Вероятно, исходя из этих данных, и разрабатывался план артогня?

1342

NARA T312 roll 147 f7686481.

1343

ДФ ЦМВС Б-4/227.

1344

ОФ МК БКГ КП 4776, д. 816, л. 6.

1345

Согласно отчету командира 28 ск Попова, к 22 июня батальон 455 сп находился в форту VIII (северо-западнее Бреста). «Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 593. Почему-то в тексте отчета вместо VIII значится V форт. А. И. Виноградов (там же, стр. 351) утверждает, что в форту VIII находился 1-й батальон.

1346

Кстати — двум из трех командиров батальонов дивизии, прошедших бои на Эне.

1347

NARA T312 roll 147 f7686481.

1348

11/I.R.133, 3 (mot.)/PiBtl.81.

1349

Pi.Btl.215 должен был отдать батальону Масуха 6 малых огнеметов с расчетами (24 человека). Ясно, что если они были получены, то без дела не сидели, скорее всего, атакуя 22 июня вместе с Ельце и Праксой.

1350

Правильнее было бы сказать — «о ходе кампании». На самом деле ни французский, ни польский походы если и были для кого прогулкой, то только не для рядовых солдат и офицеров.

1351

На 25 июня 1940 г. потери дивизии во Франции — 20 офицеров и 393 унтер-офицера и рядовых солдат. Потери при форсировании Эны вычислены по книге Гшопфа. Потери за период «стояния на Эне» в них не включены.

1352

Формально нужно было бы рассмотреть период по 30 июня (включительно). Однако в этом случае сравнение было бы некорректным — после 26 июня очагом сопротивления оставался лишь Восточный форт, и в его осаде участвовал лишь батальон, не предпринимавший активных действий. Здесь же нужно рассмотреть потери именно при дивизионных операциях.

1353

Kershaw R. «War without Garlands. Operation „Barbarossa" 1941/42», Shepperton, 2000, p.251. Ссылка на KTB OKW. 1940–41 (II) P.112021 и 1942 (I) P.298 и 306. Вероятно, рассматривая Брестскую операцию и высчитывая среднесуточные потери в период ее проведения, целесообразно использовать период по 30 июня (включительно). К сожалению, не указано — включают ли эти данные потери за 30 июня.

1354

Предполагая, что эти данные включают и 30 июня.

1355

Возможно, где-то имеются данные и о потерях за первый день войны на Востоке. Пока же можно предположить, что доля потерь 45-й дивизии в потерях *первого дня* даже больше, чем 30 % — ибо, судя, например, по соединениям XII А.К., 22 июня они были минимальными, но постепенно возрастали.

1356

В пехотном взводе должно было быть 5 пистолетов-пулеметов — у командира взвода и командиров 4 отделений. Боекомплект пистолета-пулемета — 224 патрона (7 магазинов по 32 патрона). Командир взвода мог иметь звание обер-лейтенанта, лейтенанта, обер-фельдфебеля или фельдфебеля, командир отделения — унтер-офицера или унтер-фельдфебеля.

Что же касается «беспрерывной стрельбы из автоматов»: пистолет-пулемет не имел переводчика огня — его спусковой механизм позволял вести только непрерывный огонь. Однако из-за невысокого темпа стрельбы (практическая скорострельность — 80–90 в/м) была возможность, особенно с приобретением некоторых навыков, стрельбы и одиночными выстрелами. Понятно, что в июне 1941 года их имели далеко не все. Прицельная дальность — 100 м и 200 м.

1357

«Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941 г. Умрем, но не уйдем».

1358

Кстати, в 2001 г. в одном из городов России автор наблюдал обратное — знамя, водруженное над городом при его освобождении от оккупации, на котором написано «За Родину! За Сталина!», повернуто надписью к стене. Однако на развернутом вдоль стены знамени особо внимательные легко могут прочитать просвечивающие белые буквы «запретной фамилии».

1359

ДФ ЦМВС Б-4/272. Дата документа — 20.06.1952 г.

1360

Каландадзе А. П. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр.42.

1361

«Герои Брестской крепости». Кемерово, 1961, стр. 63. Свидетельство Черняева И. Ф.

1362

Имеется в виду Северный остров.

1363

Бешанов В. В. «Брестская крепость», Минск, 2004 г., стр. 115.

1364

Мощанский И., Паршин В. «Трагедия Бреста». 2007 г., стр. 24.

1365

Среди защитников — представители около 30 национальностей СССР.

1366

«На земле Беларуси. Канун и начало войны». М., 2006 г., стр. 464.

1367

На одном из допросов Павлов заявил, что предательской деятельностью считает действия начальника штаба 4-й армии Сандалова и ее командующего Коробкова. Показания Павлова подтвердил и бывший начштаба Запфронта Климовских, также арестованный. Однако в последнем слове на судебном заседании Павлов заявил, что Коробков не выдержал удара войск врага, «так как ему нечем было бороться с ними... В

Западном Особом фронте измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением».

1368

«Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», т. 2, книга I. «Начало», стр. 386. Также — Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. «Палачи и жертвы». М.,1993, стр. 186–187. Согласно авторам — это показания Павлова на суде. На источник они не ссылаются. Скорее всего, это также показания на предварительномследствии.

1369

Как уже говорилось, Попов свидетельствует, что в начале июня Сандалов передал ему слова Павлова о том, что «6 сд на столь незначительное удаление (4–6 км) в лагерь не выводить». Не являются ли здесь ключевыми слова *«на столь незначительное удаление»?* **То есть, возможно, Павлов приказ о выводе отдал. Когда приказ дошел до Сандалова, тот предложил Попову подумать, куда вывести части. Попов предложил — в лагеря, куда ж еще? Сандалов передал предложение Попова Павлову, и тот, подумав, что вывод на 6 км роли не сыграет, при угрозе войны войска всегда можно успеть вывести и на большее расстояние — решил пока замять вопрос. Однако подчиненные поняли это по-своему — в итоге части 28 ск к началу войны были рассредоточены так, что для их сбора потребовалось бы не менее 1–1,5 дня… В итоге — виноватых нет. Однако автору кажется наиболее вероятным другое предположение — войска не выводили, опасаясь спровоцировать немецкое нападение, до того как развернутся подтягиваемые в полосу ЗапОВО войска. Почему Павлов не заявил об этом на судебном заседании — можно только гадать. Возможно, это бросало тень на верхушку НКО СССР, и подсудимым в обмен на некие блага было указано кое-что удержать при себе. Также странно и другое — подобные приказы должны как-то отражаться документально. Или их и не было — или еще руки не дошли у исследователей. Возможно, руки-то и тянулись, но после жестких по ним ударов «архивных стражей» убрались восвояси.**

1370

ДФ ЦМВС Б-4/275. Отчет подписан Савочкиным. Заверен подписью зам. главного хранителя фондов Довнар-Запольской и печатью Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны. Однако не исключено, что экспедиция была отправлена Центральным музеем Советской Армии. Где находилась надпись? Мне неизвестно. Указание на то, что она была засыпана обломками, предполагает, что надпись находилась у Тереспольских ворот и была присыпана обломками полубашни при взрыве снаряда «Карла» утром 23 июня. Но как тогда быть с ее датой? Еще одно объяснение — она могла быть присыпана обломками при разборке завалов Тереспольских ворот немцами. Но тогда почему у амбразуры на запад? Вдоль Буга идут амбразуры, смотрящие на юг, а те, что смотрят на запад — вдоль Мухавца.

Сделана, очевидно, одной из групп, скрывающихся в кольцевой казарме.

1371

Командовавший противотанковым дивизионом обер-лейтенант Ветцель покинул бренный мир 8 декабря 1941 года.

1372

Промежуточная по значению награда между Железным крестом I ст. и Рыцарским крестом.

1373

Точный же перевод наименований видов КТВ дивизионного штаба выглядит так — «Военный дневник первого (соотв. второго) офицера Генерального штаба».

1374

Боевой состав (Gefechtstärke) — численность личного состава, непосредственно участвующего в бою; общая численность (Verpflegungstärke) — «число рационов», общая численность части.

1375

Royal Air Force (королевские ВВС).

1376

Adjutantur.

1377

Если не сказано об ином, то под КТВ подразумевается КТВ оперативной группы (отдела Ia) группы управления штаба.

1378

Если уточнения поступали непосредственно из частей, отраженные в их донесениях за основу бралась исправленная информация. Если об исправлении говорится в каком-либо источнике дивизионного уровня — в тексте это оговаривается.

1379

Примерный объем за интересующий период — около 10 000 листов. Учитывая, что некоторые документы находятся там, где их меньше всего ожидаешь встретить, — есть надежда еще кое-что найти. Еще об объемах. В МК БКГ — около 5400 персональных дел, где могут содержаться те или иные воспоминания. Конечно, многие из них не относятся к теме, но тем не менее. За 4 дня работы в МК БКГ мне удалось просмотреть около 80 дел (по 20 дел в день)… Но даже если бы я без обеда просматривал по 200 дел в день, это заняло бы (с выходнымии проч.) почти месяц!

1380

«Gefechtsbericht über die Wegnahme von Brest-Litowsk». В советской историографии, он, как правило, именуется «Боевое донесение о взятии Брест-Литовска».

1381

Вальтер Лоос родился 31 марта 1917 г.; 31 марта 1943 г. обер-лейтенант Лоос получил Рыцарский крест, командуя III/I.R.130. Майор Лоос погиб 30.11.1944 у Lelle-Harkany (Венгрия).

1382

Особенно ярко это проявилось при взятии Умм-Каср. Отсюда и упоминаемый в данном исследовании феномен многократного взятия пункта, при полном отсутствии упоминаний о каком-либо отходе из него и называется «феноменом (или синдромом) Умм-Каср».

1383

Примечательно, что события в Брест-Литовске он называет «первым советским котлом», хотя первыми в «котел» Бреста угодили как раз немцы — III/I.R.135 гауптмана Праксы. Возможно, это было первое немецкое окружение на Восточном фронте, и следующее будет еще не скоро.

1384

Собственно говоря, вывод Кершоу основывается на утверждении того же Гудериана о том, что многодневное сопротивление Брестской крепости мешало движению по шоссе и магистралям через Буг и Мухавец (Guderian Heinz «Erinnerungen eines Soldaten» Stuttgart, 1995, s. 140). Однако никакие документы этот факт не подтверждают. Да и достаточно посетить любую точку Центрального укрепления Брестской крепости, чтобы понять, что единственный способ как-то поражать противника за пределами высокого главного вала — это вести огонь из минометов, гаубиц и т. п. Всего этого защитники были лишены.

1385

Письмо А. М. Филя подполковнику А. И. Белошеева от 29.07.1951 г. (ДФ ЦМВС Б-4 271).

1386

Особую группу источников представляют надписи, обнаруженные после войны на стенах казематов крепости. Нужно упомянуть и медальон красноармейца Н. Н. Фролова, его своеобразную предсмертную записку.

1387

«Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны 22 июня — август 1941 г.», Минск, 2006 г.

1388

«На земле Беларуси: канун и начало войны». М., 2006.

1389

При работе над данным исследованием использовалось второе издание «Героической обороны». В каких-либо принципиальных моментах оно сверялось с первым.

1390

Об этом вообще запрещалось писать — по крайней мере, ссылаясь на документы. Автор сам видел подобные инструкции в ЦАМО в 1993 г. Странно, как цензура выпустила упоминание об этих фактах в книгах тех лет — вероятно, «синдром оттепели». Шестидесятые...

1391

Захвачено 1500 грузовых автомобилей (в т. ч. неисправных), а в 6 и 42 сд (на 11 июня) имелось 843 автомобиля (всех видов). Даже если к этому числу прибавить и брошенную у Мухавца технику 22 тд и все, что не успели вывезти из Бреста — указанная в отчете дивизии цифра набирается с трудом.

1392

Прежде всего — отступавшие к мостам Мухавца бойцы 22 тд.

1393

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 31 со ссылкой на ЦАМО СССР (оп. 725110, д.24, л.14) утверждается, что из состава дивизии боеспособными признаны лишь «разведотряд, противотанковый дивизион, артиллерийский полк и тыловые службы».

1394

«Героическая оборона». Минск, 1963, стр. 29.

1395

«Буг в огне». Минск, 1965 г.

1396

Если используется поздний вариант и он отвергает ранний — это оговаривается.

1397

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси. 1964; Исполатов Н. М. «Люди трудной судьбы». М., 1963; Бессонов А. П. «В трудные годы» Краснодар, 1959; Бобренок С. «У стен Брестской крепости». Минск, 1960; Бобренок С. «Слово о товарищах». М., 1961; Гаврилов П. «Сражается крепость». Краснодар, 1975.

1398

«Герои Брестской крепости». Кемерово, 1961.

1399

Например, переписка Н. Р. Артамонова («Север», № 5, 1971 г.).

1400

Каландадзе А. «Дни в Брестской крепости». Тбилиси, 1964, стр. 77.

1401

Там же. Каландадзе подчеркивает, что он к домыслу не прибегал.

1402

Вообще приукрашивание — это скорее черта авторов, использовавших воспоминания. Сами ветераны вываливали «суровую правду» достаточно спокойно.

1403

В общем-то, правильнее было бы назвать его участком «Инженерной казармы» или как-то иначе, ибо помимо 33-го инженерного там располагался и 75 орб. Но название уже прижилось.

1404

Уточню — в первой Долотов участвовал. Со второй («попыткой Виноградова») он не ходил, но о ней пишет (называя ее прорывом то Лермана, то Щербакова). О третьей (как и первая — в темноте) не упоминает, хотя, похоже, участвовал. Или же к этому времени уже был ранен.

1405

Сандалов Л. М. «1941. На московском направлении». М., 2006.

1406

Смирнов С. С. «Брестская крепость», М., 1965.

1407

«Огонек». № 8, 1950 г.

1408

«Огонек». № 10, 1951 г.

1409

Решением Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР С. С. Смирнову за книгу «Брестская крепость» присуждена Ленинская премия за 1964 г.

1410

Первая книга С. С. Смирнова на эту тему так и называлась «В поисках героев Брестской крепости» (М., 1959).

1411

Из-за того, что против одного из ветеранов — С. М. Матевосяна было возбуждено уголовное дело, а Смирнов отказался убрать из книги его фамилию.

1412

«Герои Бреста». Минск, 1991 г.

1413

В 1994 г. церковь (в июне 1941 г. — клуб 84 сп), по просьбе православных верующих, была передана Брестско-Кобринскому епархиальному управлению. Началось ее восстановление (как Свято-Николаевской церкви).

1414

«Памяць. Брэст», т. 1, Минск, 1997 г.

1415

«Брестская крепость… факты, свидетельства, открытия» (2-е издание). Брест, 2005.

1416

«Брестская крепость на ветрах истории». Брест, 2004 г.